

Н.Б. КРЫЛАСОВА

АРХЕОЛОГИЯ

ПОВСЕДНЕВНОСТИ

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н.Б. КРЫЛАСОВА

**АРХЕОЛОГИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СРЕДНЕВЕКОВОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ**

ПЕРМЬ
2007

УДК 902 + 39
ББК Т4(2)+Т52(2)
К 85

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. кафедры музееведения СПб ГУКИ С.В. Белецкий;
канд.ист. наук, ст. научный сотрудник ИИМК РАН
О.А.Щеглова

К 85 Крыласова Н.Б. АРХЕОЛОГИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ: материальная культура
средневекового Предуралья: монография / Н.Б. Крыласова; Перм.
гос. пед. ун-т. -- Пермь, 2007. — 352 с. -- Библиогр.: с. 326-345.

ISBN 5-85218-317-2

Книга посвящена исследованию различных аспектов материальной бытовой культуры средневекового населения Пермского Предуралья. Рассматриваются посуда, костюм, жилище, предметы гигиены, пища, очаг и другие стороны культуры жизнеобеспечения человека в его повседневной жизни. При исследованиях, кроме традиционных археологических методов, использован метод статистического анализа.

Издание рассчитано на научных работников: археологов, этнографов, историков.

Ил. 128 + цв. вкл. 8. Табл. 2. Библиогр. 416 назв.

УДК 902 + 39
ББК Т4(2)+Т52(2)

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе
Пермского государственного педагогического университета А.М. Белавин

Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом
Пермского государственного педагогического университета

Издание подготовлено в рамках технического задания НТП Рособразования
РНП 2.2.3.1.7936 «Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья как
центр образовательно-исследовательской деятельности вуза»

ISBN 5-85218-317-2

© Крыласова Н.Б., 2007
© Белавин А.М., дизайн обложки, 2007

АРХЕОЛОГИЯ УДИВИТЕЛЬНО ТОЧНАЯ НАУКА, В ОТЛИЧИИ ОТ ИНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ОНА НЕ ПОЗВОЛЯЕТ РАССУЖДАТЬ О ТОМ, О ЧЕМ НЕТ НИКАКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ, ХОТЯ БЫ КОСВЕННЫХ, КОТОРЫЕ, ОДНАКО, НАХОДЯТ СВОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СРЕДИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ОСТАТКОВ ПРОШЛОГО, КОТОРЫМИ ОНА ОПЕРИРУЕТ. МОЖЕТ БЫТЬ В СИЛУ ТАКОГО УБЕЖДЕНИЯ БОЛЬШИНСТВО АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПОСВЯЩЕНЫ МИРУ ОЧЕВИДНОГО. В НИХ ПРИВЫЧНО РАЗБИРАЮТСЯ КАТЕГОРИИ ТЕХ ИЛИ ИНЫХ ПРЕДМЕТОВ, АНАЛИЗИРУЕТСЯ СТРАТИГРАФИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ РАСКОПАННЫХ ОБЪЕКТОВ, ПРИВОДЯТСЯ АНАЛОГИИ И ДАТИРОВКИ. ЭТО ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ РАБОТЫ АРХЕОЛОГА, ИМЕННО НА ТАКОМ ТРУДЕ БАЗИРУЕТСЯ НАУЧНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ.

ОДНАКО ЗА КОЛЛЕКЦИЯМИ ДРЕВНИХ ВЕЩЕЙ СКРЫВАЕТСЯ ГОРАЗДО БОЛЬШАЯ И, ЗАЧАСТУЮ, БОЛЕЕ ЯРКАЯ НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ. ЭТО МИР ОБРЯДОВ, НОРМ И ПРАВИЛ, ПРИВЫЧЕК, НАКОНЕЦ. ИССЛЕДОВАТЬ ЭТУ СОСТАВЛЯЮЩУЮ ЖИЗНИ ДАЛЕКИХ ОТ НАС ОБЩЕСТВ СЛОЖНО, ТАК КАК ЭТОТ МИР ПРИЗРАЧЕН И НЕЯВЕН, БОЛЕЕ ТОГО, ОЦЕНКИ ЕГО СУБЪЕКТИВНЫ, И ЗАВИСЯТ ОТ ХАРАКТЕРА, СКЛАДА УМА И НАСТРОЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, К КАКОЙ БЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЕ ОН НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ, И КАКИМИ БЫ САМЫМИ НОВЕЙШИМИ МЕТОДОЛОГИЯМИ НЕ ПОЛЬЗОВАЛСЯ.

ПЕРЕД ВАМИ, УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, КНИГА О ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ. В НЕЙ АВТОР, ОПИРАЯСЬ НА ТЩАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА, ПЫТАЕТСЯ РЕКОНСТРУИРОВАТЬ МИР НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ – ТО, ЧТО СОВРЕМЕННЫМ ЯЗЫКОМ ИМЕНУЕТСЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ. ЭТО МИР ПОВСЕДНЕВНЫХ ДЕЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИТЕЛЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: КАК ОН ОДЕВАЛСЯ, ЧТО И ЗАЧЕМ НАВЕШИВАЛ НА СВОЕ ПЛАТЬЕ, КАК ПОЛЬЗОВАЛСЯ ТЕМИ ИЛИ ИНЫМИ БЫТОВЫМИ ПРЕДМЕТАМИ, КАК И ЧЕМ ЗАЖИГАЛ ОГОНЬ, ЧЕМ ОСВЕЩАЛ СВОЕ ЖИЛИЩЕ, И КАК ПОСЛЕДНЕЕ БЫЛО УСТРОЕНО.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЭТО ВАЖНО, ДЛЯ ЧЕГО ПРЕДНАЗНАЧАЛСЯ ТОТ ИЛИ ИНОЙ СОСУД, КАК ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ КОСТЯНОЙ КОСТЫЛЕК, ВО ЧТО ИГРАЛИ ДЕТИ, ОСВАИВАЯ НОРМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. КРАСИВАЯ ФЛАКОНОВИДНАЯ ПОДВЕСКА НА ПОВЕРКУ ОКАЗЫВАЕТСЯ БАНАЛЬНЫМ ИГОЛЬНИКОМ, ШИЛО В РОГОВОМ ФУТЛЯРЕ – НАПРОТИВ, ПРЕСТИЖНЫМ УКРАШЕНИЕМ И, ПОЭТОМУ, ПОКРЫТО БОГАТОЙ РЕЗЬБОЙ.

В ИТОГЕ ПОЛУЧИЛАСЬ ИНТЕРЕСНАЯ И ВАЖНАЯ РАБОТА, ОНА ПОЗВОЛЯЕТ НАМ ПОНЯТЬ ОБРАЗ ЖИЗНИ ДАЛЕКИХ ОТ НАС ЛЮДЕЙ, ПОЗНАКОМИТСЯ С ИХ ПОВСЕДНЕВНЫМ БЫТОМ, ОЦЕНИТЬ КАЧЕСТВО И СТИЛЬ ИХ ЖИЗНИ. СОЗДАЕТСЯ ЦЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРОШЛОГО, НЕ ГЕРОИЧЕСКОГО И НАПОЛНЕННОГО БОРЬБОЙ КЛАССОВ ЗА СВЕТОЕ БУДУЩЕЕ, А ПОВСЕДНЕВНОЙ ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ, ГДЕ ЕСТЬ МЕСТО МАЛЕНЬКИМ РАДОСТЯМ И РЕШЕНИЮ ПРОЗАИЧЕСКИХ БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ. ТРУД НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ФАКТИЧЕСКИ ОБОСНОВЫВАЕТ НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО НАРОДОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА – АРХЕОЛОГИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.

ЖЕЛАЮ ВАМ, ЧИТАТЕЛЬ, ПОЛЕЗНОГО ЗНАКОМСТВА С ЭТОЙ КНИГОЙ.

А. БЕЛАВИН

ВВЕДЕНИЕ

Среди специалистов разных стран в последнее время все большее распространение получают такие современные направления исторической науки, такие, как «история ментальности», социальная история, «психологическая история», «история повседневности» и пр., объединенные общим термином «новая историческая наука», основание которой положила «Школа анналов» М.Блока и Ли Февра. Развитие подобных направлений, очевидно, вполне оправданно, поскольку они уводят от изучения исключительно государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов к повседневной жизни обыкновенных людей [Оболенская, 1990]. Основные положения «новых направлений» в исторической науке следующие: во-первых, связь элементов материальной культуры (в том числе, одежды, жилища, пищи, бытовых вещей и т.д.) с эстетическими и бытовыми идеалами, когда историк пытается объять материал категориями социально-психологического характера; во-вторых, изучение «материального бытия» и повседневности как специфической сферы общественной жизни, отражающей нечто целостное и живое, присущее только этому конкретному времени [Соболев, 1997, с.84-86].

Для археолога, как и для этнографа, материальное, выраженное в вещном предмете, составляет основную категорию этих наук. Но материальное всегда отражает и нравственное состояние общества, и его религиозные и эстетические взгляды, и его социально-экономический строй. В связи с этим изучение материального быта вообще, включая и социально-психологический аспект, представляется весьма важным и интересным [Бахтин, 1975]. В археологии, где материальная культура является объектом изучения, и концентрирует в себе все направления и результаты деятельности человека и общества, изучение «истории повседневности» остается, как правило, за кадром. А если учесть, что повседневность охватывает всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, представления, привычки, то они не могут не представлять интерес и для археологов. За решением глобальных проблем, с одной стороны, а с другой – вещественноведческими разработками, мы не очень часто выходим на уровень реконструкции социально-психологической действительности [Соболев, 1997, с.84-86].

Предметом данного исследования является именно **материальная культура повседневности, или культура быта**. Вообще, нужно отметить, что названия этого раздела культуры в разных направлениях исторической науки отличаются, что не меняет сущности предмета.

Культура в целом представляет собой огромный и всеобъемлющий комплекс внебиологически выработанных средств деятельности, разные компоненты которого тесно взаимосвязаны между собой.

С.А.Арутюнов предлагает членение всей совокупности культуры этноса на культуру первичного производства, культуру жизнеобеспечения, соционормативную культуру и гуманитарную культуру. Согласно этой классификации, предметом нашего исследования является культура жизнеобеспечения. Это понятие включает такие элементы, как жилища и поселения, утварь, пища, одеж-

да и пр., которые производятся в процессе экологической адаптации общества к природной среде [Аругюнов, 1989, с.204].

Согласно классификации этнографов, культура подразделяется на материальную и духовную. Материальная культура в теоретико-понятийном плане противопоставляется духовной культуре. В наиболее широком смысле материальная культура понимается как совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи. Но в этнографии характеристика материальной культуры обычно ограничивается описанием компонентов культуры жизнеобеспечения (напр.: [Народы Европейской части СССР, 1964, с.817-851; Материальная культура, 1989]). Во введении к своду этнографических понятий и терминов «Материальная культура» указывается, что в наиболее узком, но традиционно чаще всего употребляемом смысле, материальная культура понимается как «материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, т.е. на жизнеобеспечение» [Материальная культура, 1989, с.6]. В этом случае в материальную культуру включаются, прежде всего, жилище, пища и одежда, а также утварь, мебель и т.д., но не включаются оружие, орудия труда и средства транспорта, выделяемые в особые подсистемы культуры. Т.о., с точки зрения этнографов, предметом данного исследования является материальная культура.

Если материальная культура охватывает материально воплощенные предметы культуры, то духовная – систему знаний, представлений и общественных норм. Однако любая классификация условна и ведет к огрублению действительности. В частности, если рассматривать культуру жизнеобеспечения только как часть материальной культуры, то ее составляющим будут присущи только функции освоения природно-экологического пространства, защиты и физического поддержания человеческих коллективов, хотя в реальности они выполняют и социорегулирующие функции. Элементы культуры жизнеобеспечения помимо удовлетворения потребности людей в чисто физическом обеспечении жизни, призваны удовлетворять и иные, как бы надстраивающиеся над ними социальные потребности. Очень важное место среди них занимают престижно-символические, коммуникативные и эстетические потребности.

Жизнедеятельность в своей самой элементарной биологической форме служит неперенным условием для любой другой человеческой деятельности. В соответствии с этим в культуре, прежде всего, должен быть заложен механизм производства средств существования, и создания с помощью этих средств достаточно комфортных условий для нормальной человеческой жизнедеятельности. Поскольку культура жизнеобеспечения составляет ту часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей, то эта система функционирует, прежде всего, в сфере потребления. Однако она включает в себя и отдельные моменты производства и распределения. Именно поэтому, относясь в целом к области материальной культуры, культура жизнеобеспечения отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры, как то: соционормативные, престижные, эстетические, ритуально-культовые и т.д. В силу этих свойств культура жизнеобеспечения выступает в качестве того звена в огромном массиве культуры этноса, с которого удобнее всего начинать его исследование в целом [Аругю-

нов, 1989, с.201].

Все подразделения культуры связаны между собой. В частности, культура жизнеобеспечения соотносится со средствами первичного производства (культуры производства), нормативами социальной организации (включая нормы и традиции семейного уклада), художественно-эстетическими воззрениями (включая все виды народного творчества), этическими и идеологическими представлениями (включая религиозные верования) и т.д. К примеру, культура жизнеобеспечения частично включает в себя и производство (строительство дома, приготовление пищи, одежды и т.д.), и некоторые функции распределения (распределение жилой площади, порядок снабжения одеждой и т.д.). Рассматривая культуру жизнеобеспечения как систему удовлетворения потребностей общественного человека, мы должны постоянно иметь в виду, что эти потребности не являются чисто физиологическими, они в большой степени социально обусловлены, что накладывает свою специфику на изучение культуры жизнеобеспечения. С.А.Арутюнов приводит в качестве примера, что, например, изучая жилище, поселение, одежду и пищу, мы порой не столько концентрируем свое внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру [Арутюнов, 1989, с.201-203].

Вместе с тем, пограничные компоненты есть и между отдельными подсистемами культуры жизнеобеспечения. Например, очаг является деталью жилища и связан с его функционированием (отопление, освещение), но он же служит для приготовления пищи, выпечки хлеба и тем самым неразрывно связан со сферой пищи [Арутюнов, 1989, с.201].

В качестве *объекта исследования* выступают конкретные археологические объекты: остатки животной и растительной пищи, жилищ, очагов и хозяйственных ям, комплексы погребений, содержащие совокупности элементов костюма, и, наконец, набор разнообразных предметов, использовавшихся в быту средневекового населения Пермского Предуралья. Отметим, что в ходе исследования внимание уделялось не только морфологическому анализу предметов быта, но и особенностям их использования, их символическому значению, месту в общей системе бытового уклада. Таким образом исследование носит археолого-этнографический характер.

Территориальные рамки исследования охватывают Пермское Предуралье, где в период средневековья существовали ломоватовская, а затем родановская археологические культуры (рис.1). В археологической литературе традиционно используется термин «Верхнее Прикамье», что, с точки зрения физической географии, неверно, поскольку Верхнее Прикамье включает лишь территорию от истоков р.Камы до впадения в нее р.Вишеры, а территории рассматриваемых культуры простираются гораздо дальше к югу.

Пермское Предуралье во все эпохи представляло собой своеобразную культурно-экологическую область, имеющую достаточно благоприятную для обитания и хозяйствования культурно-природную среду, сочетающую как возможности для обеспечения относительно высокого уровня жизни, так и прочные культурные и экономические традиции населения.

В Пермском Предуралье преобладает равнинный и низменный рельеф. Восточная часть - горная, включающая западные склоны южной части Северного

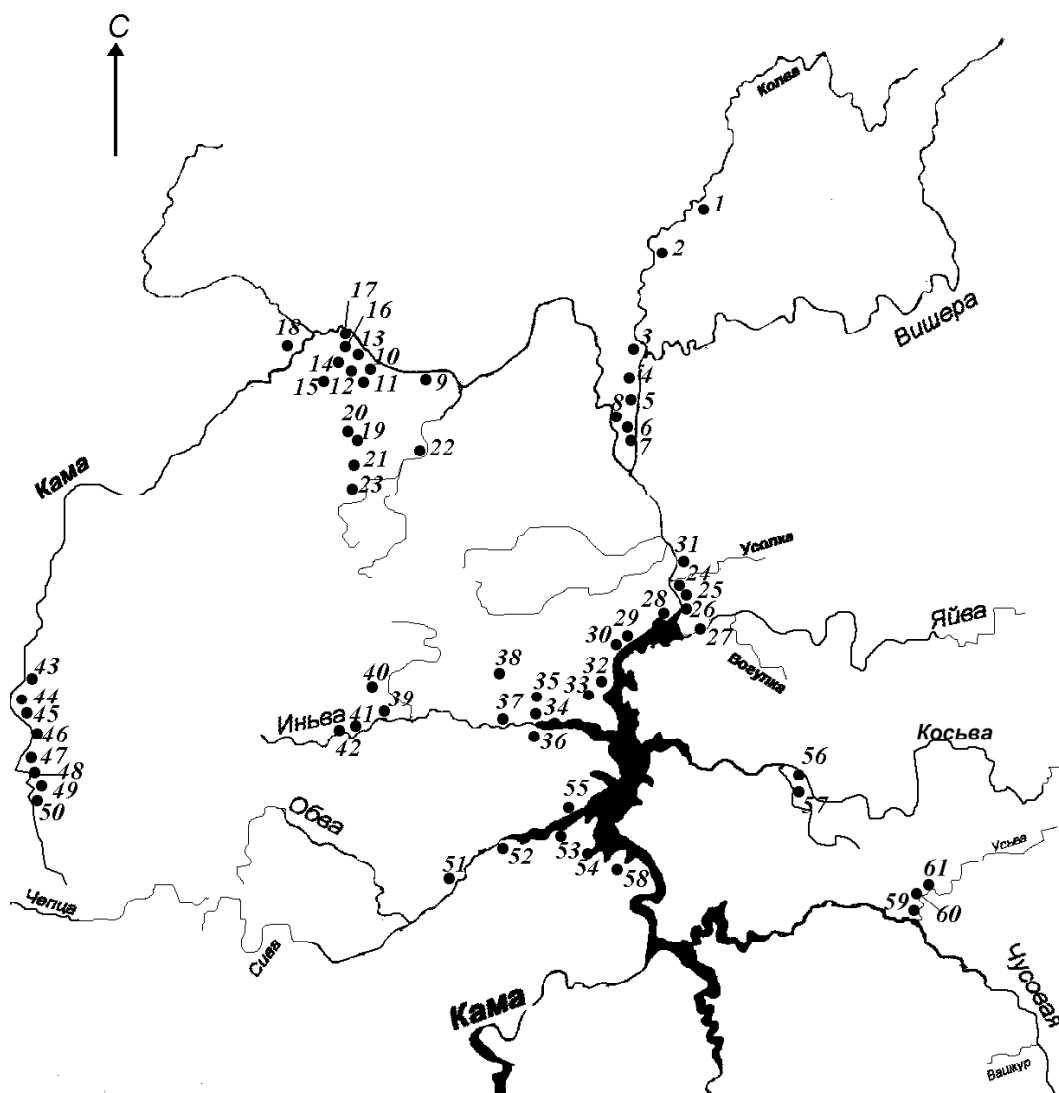

Рис.1 Схема мест расположения средневековых памятников Пермского Предуралья, материалы которых представлены в работе: 1 – святилище Подбобыка (Светик-Камень), 2 – городище Искор, 3 – г.Чердынь, 4 – д.М.-Аниково, 5 – с.Редикор, 6 – д.Макарова, 7 – д.Омелино, 8 – д.Мелехино, 9 – д.Пятигоры, 10 – д.Агафоново, 11 – д.Михалева, 12 – д.Елева, 13 – д.Харино Гайнского района, 14 – д.Данилова, 15 – д.Федорова, 16 – с.Гайны, 17 – д.Пыштайн, 18 – д.Плесо, 19 – д.Митино, 20 – д.Юкеево, 21 – д.Урья, 22 – д.Пуксиб, 23 – д.Мартынова, 24 – селище Запоселье I, 25 – селище Чашкинское II, 26 п.Семино г.Березники, 27 – д.Володин Камень, 28 – д.Огурдино, 29 – с.Таман, 30 – городище Острая Грива, 31 – с.Городище Соликамского района, 32 – Степаново плотбище (у д.Питер), 33 – с.Роданово, 34 – с.Майкор, 35 – д.Федоровщина, 36 – Загарский могильник, 37 – с.Купрос, 38 – д.Вакина, 39 – д.Важгорт, 40 – д.Канево, 41 – д.Плотниково, 42 – г.Кудымкар, 43 – д.Щукино, 44 – д.Русиново, 45 – д.Гордкушет, 46 – д.Рагозы, 47 – д.Харино Афанасьевского района, 48 – д.Авериные, 49 – городище Шудьякар, 50 – городище Ором, 51 – с.Рождественск, 52 – д.Егва, 53 – д.Деменки, 54 – д.Зобачево, 55 – с.Кыласово (городище Анюшкар), 56 – д.Баяново, 57 – Лаврятское городище, 58 – Опутятское городище, 59 – с.Антыбары, 60 – археологический комплекс Телячий Брод, 61 – Саломатовское городище.

и северной части Среднего Урала.

С геологической точки зрения территория сложена преимущественно осадочными породами. С Печорской впадиной и северным окончанием Уфимо-Соликамской впадины связаны выходы мощных соляных источников.

Пермское Предуралье богато полезными ископаемыми: поваренная соль, медные и железные руды, золото, поделочный камень и многое другое. Часть из них была известна людям с древности, и активно ими использовалась.

По климатическому районированию Б.П.Алисова, Предуралье относится к зоне умеренных широт [Алисов, 1936]. Для этого региона типичны умеренное, относительно непродолжительное лето и холодная зима, длящаяся около 5-6 месяцев.

На изучаемой территории представлена разветвленная гидросеть Камского бассейна, определяющаяся рельефом местности: наличием Уральских гор на востоке, Верхнекамской возвышенности на западе, Северных Увалов на севере и северо-западе, Уфимского плато на юго-востоке региона. Возвышенности являются водосборами и водоразделами. Единственная река региона – пересекающая водоразделы с востока на запад – Чусовая, она берет начало на Среднем Урале и пересекает Уральский хребет по так называемому «Свердловскому коридору». На западной территории Кама имеет меридиональное направление, и принимает притоки, текущие преимущественно в широтном направлении. Восточные реки, стекающие с лесистых увалов, в основном текут в широтном направлении по равнинной местности. Большая часть рек региона, особенно реки Камского правобережья, имеют спокойный равнинный характер, с развитыми поймами, изобилующими озерами, заболоченными участками, используемыми как сенокосные и выпасные угодья. Речная система в древности составляла основу для перемещения масс населения внутри региона.

Почвы региона представлены, в основном, подзолисто-таежными и дерново-подзолистыми почвами смешанных лесов с относительно невысоким плодородием, но в Кунгурской лесостепи имеются участки оподзоленных черноземов, богатых гумусом, с высоким естественным плодородием.

Север и северо-запад региона относятся к среднетаежной пихтово-еловой тайге, южнее расположена южно-таежные смешанные леса с преобладанием сосны и ели и проявлением кедровой сосны, еще далее к югу, в центральной и южной части современного Пермского края находится зона смешанных лесов, где большую часть леса составляют широколиственные породы (липа мелколистная, вяз гладкий и дуб черешчатый, реже ильм, клен платановидный, орешник), присутствуют сосна, ель, кедровая сосна. Юго-восток средней части Пермского Предуралья в междуречье Сылвы и Ирени занят островной Кунгурской лесостепью.

Фауна смешанная: лоси, кабаны, на севере и северо-востоке региона, вплоть до бассейна рек Яйва и Кондас в ягельниках – северные олени, на востоке – сибирская косуля; хищники представлены бурым медведем, волком, лисицей, различными куньими (лесная куница, крупный уральский соболь, горностай и пр.), по берегам рек – выдра; в лесных массивах – рысь и росомаха, белка, бурундук, заяц. Особенно много в древности было речного бобра – ряд рек Предуралья даже именуются «бобровыми». Множество птиц, в том числе перелетных. Реки в прошлом имели крупные промысловые запасы рыбы (42 вида),

в т.ч. в реках печорского бассейна - семга, а в реках камского бассейна - камский лосось и проходной каспийский осетр.

Значительное природное разнообразие, возникшее в результате взаимодействия региональных особенностей климата, геологического строения, рельефа и растительного покрова, делало Пермское Предуралье привлекательным для человека экологическим районом еще с глубокой древности.

Хронологические рамки исследования включают весь период средневековья с V по XV вв. На протяжении этого периода на территории Пермского Предуралья выделяется две археологические культуры: ломоватовская и родановская. Ломоватовская культура датируется V-IX вв., в рамках этой культуры Р.Д.Голдиной выделено четыре стадии: харинская (V-VI вв.), агафоновская (к. VI-VII вв.), деменковская (к. VII-VIII вв.) и урьинская (к. VIII-IX вв.) [Голдина, 1985, с.123-133, рис.16]. Родановская культура В.А.Обориным была датирована IX-XV вв., в ней выделены лаврятский (IX- середина XII вв.) и рождественский (вторая половина XII-XV вв.) этапы [Оборин, 1999, с.257, 275]. Новые материалы исследования средневековых памятников Пермского Предуралья, полученные во время раскопок Камской археолого-этнографической экспедиции ПГПУ в период с 1983 по 2006 гг., все более убедительно свидетельствуют о нецелесообразности проведения границы между двумя основными средневековыми культурами в IX в. Вероятно, эта граница должна быть перенесена на рубеж XI-XII вв., когда действительно происходят коренные перемены в хозяйстве, культуре и социальных отношениях населения Пермского Предуралья (происходит переход к пашенному земледелию, распространяется профессиональное ремесло, ориентированное на рынок, уменьшаются размеры жилищ, появляются новые формы посуды, горизонтальный ткацкий станок и множество иных новшеств) [Белавин, Крыласова, 1997, с.135]. С одной стороны, эти изменения могли быть результатом естественного эволюционного процесса, но, с другой стороны, множество фактов свидетельствуют о притоке в этот период переселенцев с запада.

Цель исследования: исследование специфики организации быта у средневекового населения Пермского Предуралья.

Задачи исследования: 1) обобщение материалов по основным компонентам культуры жизнеобеспечения (пища, жилище, костюм, предметы гигиены, детские игрушки как отражение бытовой действительности); 2) выделение и детальный анализ отдельных категорий бытовых предметов; 3) определение функционального назначения бытовых вещей (включая иррациональное использование), 4) датировка и выяснение особенностей эволюции элементов бытовой культуры; 5) выявление проявлений в разных сторонах быта этнического взаимодействия с родственными культурами Евразии; 6) выяснение специфики бытового уклада, свойственного жителям Пермского Предуралья.

Источниками исследования послужили археологические материалы. Среди них основными являются материалы археологических коллекций, хранящихся в фондах кабинета археологии Пермского государственного университета (ПГУ), Лаборатории археологических исследований Пермского государственного педагогического университета (МАН ПГПУ), музеев Пермского края (Пермский областной краеведческий музей (ПОКМ), Коми-пермяцкий окружной краеведческий музей им. Субботина-Пермяка (КПОКМ), Чердынский краеведческий музей (ЧКМ), Березниковский художественно-исторический му-

зей им. Коновалова (БХИМ), Соликамский краеведческий музей (СКМ), Ильинский краеведческий музей (ИКМ), Гайнский краеведческий музей, народный музей с.Майкор, школьный музей с.Рождественск), Свердловском краеведческом музее (СКМ), Эрмитаже. Следует отметить, что многие вещи, хранящиеся в музеях, происходят из бывших частных коллекций, собранных в XIX – начале XX, некоторые из них депаспортизованы, что создает определенные трудности при анализе материала. Тем не менее, для создания более полной картины всего разнообразия предметов быта, представленных в Пермском Предуралье, эти экземпляры также учитывались.

Часть материала была получена из публикаций в разного рода статьях, монографических исследованиях, каталогах. Привлечены материалы отчетов о раскопках средневековых памятников в Пермском Предуралье В.А.Оборина, В.Ф.Генинга, Р.Д.Голдиной, Ю.А.Полякова, В.П.Бочкаревой, А.М.Белавина, Г.Т.Ленц, А.В.Данича, Н.Б.Крыласовой и др. (РА ИА РАН), записи из Дневника Теплоуховых (РА ИИМК РАН), материалы о раскопках в Пермской области М.В.Талицкого (ФА ИИМК РАН).

Эти материалы дополнялись данными других наук – палеозоологии, археоботаники, антропологии, этнографии, фольклористики.

Необходимо отметить, что не смотря на обширный состав источников, существует проблема неравномерности изученности средневековых памятников, особенно позднего этапа родановской культуры. По этому периоду имеются результаты раскопок ряда городищ, а информации по сельским поселениям крайне мало, в итоге отсутствует возможность объективной оценки масштабности и сущности происходящих в это время перемен в быту.

Историография вопроса настолько ограничена, что ее анализу нет смысла посвящать отдельный раздел работы. Эта ситуация объясняется объективными факторами: в дореволюционный период источниковая база была еще слишком ограничена, чтобы делать определенные выводы о специфике бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья. В советский период основным направлением исследований было выделение социально-экономических формаций с определением базиса и надстройки, решение глобальных вопросов этногенеза, изучение хозяйства, древних производств, при этом изучение «материального бытия» и повседневности, вероятно, казалось чем-то несущественным, недостойным пристального внимания. Тем не менее, в работах обобщающего характера авторы не могли обойти вниманием организацию быта.

В 1951 г. вышла обобщающая статья М.В.Талицкого «Верхнее Прикамье в X-XIV вв.», основанная, главным образом, на материалах раскопок Роданова и Кыласова (Анющкар) городищ. По существу, в этой работе выделяется новая средневековая культура Пермского Предуралья – родановская, и дается ее общая характеристика. Автор достаточно подробно описывает выявленные им на Родановом городище жилища [Талицкий, 1951, с.37-42], при характеристике основных видов хозяйственной деятельности приводит данные о продуктах, употреблявшихся в пищу [Талицкий, 1951, с.42-50], анализируя ремесло, упоминает отдельные виды бытовых предметов, производимых ремесленниками, описывает категории бытовой посуды [Талицкий, 1951, с.52-56], дает некоторое представление о родановском костюме [Талицкий, 1951, с.56-59].

Результаты работ Камской археологической экспедиции ПГПУ 40-50-х гг.

XX в. были обобщены в книге О.Н.Бадера и В.А.Оборина «На заре истории Прикамья» [Бадер, Оборин, 1958]. В главах 43-58, подготовленных В.А.Обориным, дается характеристика средневековых культур с IV-V вв. по XV в. При написании этих разделов В.А.Оборин опирался на выводы, сделанные в кандидатской диссертации «Коми-пермяки в IX-XV вв.: (Родановская культура) [Оборин, 1957a]. При этом автор останавливается на основных составляющих элементах быта (жилище, пища, утварь, костюм), выделяет их особенности, свойственные каждому этапу, прослеживает тенденции развития. В качестве основных тенденций отмечаются уменьшение размеров жилища, вынос хозяйственной ямы из жилого помещения, усовершенствование отопительного устройства, распространение новых видов культурных растений, появление новых форм посуды и пр. Эти же выводы с некоторыми дополнениями представлены В.А.Обориным и в его последующих обобщающих работах по родановской культуре [Оборин, Балашенко, 1968; Оборин, 1970; Оборин, 1999]. К примеру, в статье «Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья», кроме рассмотрения указанных элементов быта, приводится типология родановской керамики, выделяются характерные типы украшений костюма.

Обобщающий труд по материалам ломоватовской археологической культуры принадлежит Р.Д.Голдиной [Голдина, 1985]. Здесь также дается характеристика жилищ, продуктов питания, типология керамики, украшений костюма.

Основные элементы бытовой материальной культуры достаточно подробно рассматриваются в монографии Р.Д.Голдиной и В.А.Кананина, обобщающей итоги исследования ломоватовских и родановских памятников верховьев р.Камы [Голдина, Кананин, 1989].

Таким образом, в подобного рода работах, дающих целостное представление об особенностях средневековых археологических культур Пермского Предуралья, представлены обобщающие данные только об основных компонентах культуры жизнеобеспечения, отдельные предметы быта или не упоминаются совсем, или приводятся без какой-либо характеристики.

Значительный вклад в изучение отдельных категорий бытовых предметов Пермского Предуралья внесла выдающаяся исследовательница Л.А.Голубева, которая довольно подробно ознакомилась с археологическими фондами кабинета археологии ПГУ, ПОКМ, других музеев Пермской области, прикамскими коллекциями из центральных музеев (ГИМ, Эрмитаж), архивными материалами, и на основании собранных сведений подготовила целый ряд статей, в которых характеризуются отдельные группы кресал, игольники, зооморфные гребни [Голубева, 1964; 1965; 1978; 1979; Голубева, Варенов, 1993], выделяются их особенности, высказывается точка о прикамском происхождении отдельных типов.

В последней четверти XX в. интерес к бытовой культуре несколько возрос. Примером этого может являться диссертационное исследование Е.М.Черных «Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э.» [Черных, 1992], в котором значительное внимание уделено и анализу средневекового жилища Пермского Предуралья, выявлению особенностей, отличающих его от одновременных жилищ соседних территорий. Анализу особенностей средневекового костюма изучаемой территории была посвящена диссертация

Н.Б.Крыласовой [Крыласова, 2001]. В 2006 г. эта работа дополнена монографическим исследованием, написанным в соавторстве с В.А.Ивановым, где полученные выводы проверены методом математической статистики, и проведено сравнение костюма лесных оседлых жителей Прикамья и кочевников-степняков. Обращение к такого рода работе было вызвано желанием проверить на практике распространенную точку зрения о том, что истоки многих прикамских украшений, да и в целом состав костюмного комплекса, были заимствованы с юга у кочевых племен. Оказалось, что в костюме жителей степи и леса не просто мало общего, но и состав его декоративных элементов создавался на основе совершенно разных представлений. Если у степняков костюм был набором социально значимых элементов, то у жителей Пермского Предуралья – комплексом амулетов [Иванов, Крыласова, 2006].

В 2004 г. была защищена диссертация, где дается анализ такой категории бытовых предметов, как копоушки [Салангина, 2004].

Таким образом, обзор историографии демонстрирует относительную изученность отдельных компонентов бытовой материальной культуры (жилище, костюм, ряд категорий бытовых предметов), но, тем не менее, целостного представления о бытовом укладе, об особенностях предметов быта, их функциональном назначении, пока не существует. Многие вопросы требуют отдельного специального исследования. Например, из-за отсутствия целостных исследований керамического комплекса, антропологических, палеозоологических, археоботанических материалов, мы не имеем возможности в полной мере адекватно оценить особенности питания средневекового населения изучаемой территории.

Методологической основой исследования является системный подход, который подразумевает исследование объектов, как систем. Среди используемых методов значительную роль играет типологизация, которая является незаменимым вспомогательным средством в археологических исследованиях. Причем для решения задач данной работы особенно важно увязывание формальной типологии с функциональной типологией. Для выявления историко-археологических связей используется сравнительно-исторический метод. Хронологическая атрибуция осуществляется с помощью относительной и абсолютной датировки. Методическая сторона работы в области реконструкции бытового уклада основывается на сравнительном анализе разного типа источников.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ПИТАНИЯ И УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ

Одно из ключевых мест в комплексе систем жизнеобеспечения принадлежит пище, которая составляет самую первую основную и повседневную витальную потребность человека. Пища снабжает человека веществами, необходимыми для его нормального физиологического функционирования, дает запас энергоресурсов [Материальная культура, 1989, с.134]. Поэтому, при решении задачи восстановления бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья, в первую очередь, необходимо проследить особенности питания, и на основе имеющихся археологических источников с привлечением этнографических параллелей попытаться реконструировать его систему.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические источники позволяют, в определенной степени, установить состав употреблявшихся в пищу продуктов. Сложнее обстоит дело с выяснением кулинарных традиций. Существующие немногочисленные определения костей животных и злаков дают информацию только о видовом составе. Более глубокого анализа пищевых отходов, позволяющего судить об особенностях приготовления пищи, пока не проводилось. Косвенные данные о виде приготавливаемых блюд могут быть получены при анализе форм посуды и столовых приборов.

1.1. СИСТЕМА ПИТАНИЯ

Человеку присуща зурифагия (всеядность). Необходимая калорийность пищи обеспечивается тремя основными компонентами: белками, жирами и углеводами (крахмалом и сахаром). Биологическая специфика человека требует постоянного потребления животного белка и витаминов [Материальная культура, 1989, с.134].

Система питания – это совокупность основных продуктов, употребляемых в пищу, типов блюд, приготавливаемых из них, характерных дополнительных компонентов (приправ, специй), способов обработки продуктов и приготовления блюд, пищевых ограничений и предпочтений, правил поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи и т.п. В целом эта система отражает этническую и культурную историческую специфичность различных народов [Арутюнов, 1989, с.206-207, 219].

Систему питания любого общества определяет хозяйственно-культурный тип. Нужно отметить, что питание, которое, естественно, зависит от природных ресурсов, в одних и тех же условиях у различных народов может быть весьма непохожим [Материальная культура, 1989, с.11]. Определяющим является хозяйственно-культурный тип, но немалое значение имеют и этнические стереотипы в отношении пищи.

Судя по имеющимся археологическим свидетельствам, в Пермском Предуралье в эпоху средневековья хозяйство было основано на земледелии в сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота, с подсобной ролью рыболовства, охоты и собирательства.

Согласно классификации, предложенной С.А.Арутюновым, существует два основных типа, лежащих в основе систем питания, критерием различия кото-

рых является способ получения растительного компонента основной массы питания: через собирательство или земледелие. Значение мясной пищи несомненно, она содержит почти в готовом виде все наиболее важные вещества, в которых нуждается организм человека. Но все же, как показывают исследования этнологов, в калорийном балансе не только всех народов, знакомых с земледелием, но и большинства скотоводов и охотников, преобладает доля углеводов растительного происхождения [Арутюнов, 1989, с.207].

При переходе к получению растительной пищи через земледелие существенно изменяются качественные показатели этой пищи. Намечается резкое преобладание продуктов одного-двух видов культурных растений, и среди разных компонентов растительной пищи резко возрастает доля крахмального компонента. Что касается мясной пищи, то исследования показали, что способ ее получения через охоту или скотоводство не влияет, как правило, ни на качественный состав получаемого мяса, ни даже на его удельный вес в общей системе питания [Арутюнов, 1989, с.210].

Система питания жителей Пермского Предуралья в эпоху средневековья по данной классификации, несомненно, относится к земледельческому типу.

Земледелие здесь, возможно, появилось еще в эпоху бронзы. Во всяком случае, на поселениях гаринского и борского времени встречаются каменные наконечники мотыг. Однако больше никаких достоверных свидетельств (зерна, зернотерки), не встречено. Тем не менее, по мнению О.Н.Бадера и В.А.Оборина, наличие мотыжного земледелия предполагать можно, поскольку зачатки его в этих широтах появляются еще в эпоху неолита, земледельческие орудия могли быть, главным образом, деревянными, как это доказывается находками в торфяниках Зауралья и этнографическими примерами [Бадер, Оборин, 1958, с.63].

Мотыжное земледелие сохранялось на территории Пермского Предуралья вплоть до рубежа X-XI вв. Несомненно, что со временем оно приобретало все большее значение в системе хозяйства. Во всяком случае, наличие в большинстве наиболее богатых по инвентарю мужских погребений X - начала XI вв. железных наконечников мотыг (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой), жертвенных комплексов с зернотерками и пестами-терочниками (Урьинский могильник [Гениг, Голдина, 1970, с.34]), свидетельствует об особом отношении к этому виду хозяйственной деятельности.

Данный вид земледелия, судя по всему, был малопродуктивным, и еще не мог в полной мере обеспечить все потребности в растительной пище. На поселениях ломоватовского времени не известно ям-зернохранилищ. Зерно, вероятно, хранили в керамических сосудах. Например, в нижнем слое VIII-IX вв. Лаврятского городища [Оборин, 1956, с.109-110] в постройке возле очага и в яме-кладовке найдены сосуды, в одном из которых хранились зерна ячменя.

Зерно перемалывали на каменных плитах-зернотерках с помощью пестов-терочников. При таком примитивном способе переработки, вероятно, невозможно было получать достаточное количество муки для выпечки хлеба или приготовления других мучных изделий. Такой способ, скорее, годился для получения круп, которые использовались при приготовлении похлебок и каш. Несомненно, важным подспорьем в получении растительной пищи оставалось собирательство.

Наиболее ранние орудия пашенного земледелия, известные в Пермском

Предуралье, относятся к X – началу XI в. (Ларятское городище, раскопки А.М.Белафина), однако широкое распространение оно получает не раньше второй половины XI – XII вв. В слоях конца XI-XIII вв. значительно увеличивается количество находок зерна. М.В.Талицкий упоминал, что еще Теплоуховым на Кудымкарском городище найдены зерна злаков - пшеницы и ячменя. Большое количество злаков дали раскопки М.В.Талицкого на Родановом городище. На дне ямогильниккладовок и нередко на полах жилищ возле очагов собрано множество обугленных зерен пшеницы, ячменя, ржи, овса [Талицкий, 1951, с.45]. В.А.Оборин отмечал, что увеличение производства зерна в это время привело к широкому распространению на поселениях ямогильниккладовок, в которых найдено обугленное зерно (Анюшкар, Лаврятское, Роданово, Рождественское городища). В пробах, собранных на городище Анюшкар В.А.Обориным, среди зерновых культур первое место занимал пленчатый ячмень, встречаются зерна полбы, ржи, проса и конопли (определение А.В.Кирьянова и А.Н.Пономаревой) [Оборин, 1999, с.278]. В пробе из зерновой ямы-кладовки (раскопки Г.Т.Ленц) 92% составляют зерна ржи, 5,1% - гороха посевного, и в незначительных количествах содержатся ячмень обыкновенный, ячмень бутылковидный, пшеница мягкая и овес посевной (определение В.В.Туганаева). Еще М.В.Талицкий отмечал, что жителям Роданова городища был известен горох или какое-то другое растение из семейства бобовых [Талицкий, 1951, с.45]. Горох вместе с зернами полбы-двузернянки был обнаружен и в одной из хозяйственных ям городища Шудьякар [Голдина, 1985, с.146]. Четыре пробы с Рождественского городища (раскопки А.М.Белафина) показали, что здесь преобладали ячмень обыкновенный (34,4%), овес посевной (23,6%), полба-двузернянка (22,1%) и мягкая пшеница (18,5%), ржи встречено относительно немного (1,4%) (определение В.В.Туганаева).

Жители Пермского Предуралья с X в. находились в тесном контакте с населением Волжской Болгарии, от которого заимствовали многие явления культуры, в том числе, вероятно, основы пашенного земледелия и некоторые кулинарные традиции. Как показывают исследования специалистов, на территории Волжской Болгарии обнаружено 15 видов культурных растений (пшеница мягкая, просо, полба, пшеница твердая, рожь, овес, горох, гречиха, лен и пр.). Преобладающей была мягкая пшеница. Она, видимо, занимала ведущее положение как наиболее ценная продовольственная культура. Самым ранним фактом возделывания пшеницы в Пермском Предуралье является обнаружение ее зерен в жертвеннике на Урынском могильнике VIII-X вв. [Бадер, Оборин, 1958, с.159]. Просо, которого раньше в Пермском Предуралье не было, несомненно, появилось здесь с булгарами, как, возможно, горох и конопля [Бадер, Оборин, 1958, с.171, 175]. Специалистами отмечается значительное количество проса на болгарских памятниках, причем его семена присутствуют как в чистом виде, так и среди других культур, по-видимому, в X-XIII вв. просо не только возделывалось, но и засоряло посевы. Просо в лесостепных областях издревле возделывается на вновь вспаханных целинных и залежных землях, где оно благодаря благоприятным условиям произрастания дает высокие урожаи [Фролова, 1979, с.140]. Вероятно, именно эта особенность способствовала распространению данной культуры в Прикамье, когда здесь появилось пашенное земледелие, и начали активно осваиваться новые пашни. Также в большом количестве в Волжской Болгарии встречаются зерна полбы, которая возделывалась на тер-

ритории бывшего Булгарского государства в течение многих столетий. Зерна овса в основном принадлежат полбяным овсам, которые сопутствуют посевам полбы, как засорители ее посевов. Смесь овса и полбы использовалась на корм скоту [Фролова, 1979, с.140].

Как отмечал В.А.Оборин, наиболее значительной роль пашенного земледелия была в Обвинско-Иньвенском поречье на относительно плодородных почвах. Именно здесь чаще встречаются крупные хозяйственные ямы для хранения зерна, каменные жернова, железные серпы и косы, наиболее разнообразен состав полевых культур, включая такие южные культуры, как просо и мягкая пшеница [Оборин, 1997, с.156]. Со временем производство зерна приобрело даже товарный характер. Вполне вероятно, что древние финно-угры Прикамья вывозили в Волжскую Булгарию отборное зерно, на что указывает сходство термина (тысь), обозначающего «отборное зерно» у финно-угров, и просто «зерно» у болгар. По мнению А.М.Белавина, в Булгарию из Пермского Предуралья могли вывозить ячмень, овес, как рацион для лошадей торговых караванов [Белавин, 2000, с.136].

Интересно, что в преданиях коми неоднократно упоминается о заимствовании хлеба и пашенного земледелия от болгар, но среди возделываемых культур называются исключительно рожь, овес и ячмень [Ожегова, 1971, с.28, 35; Долдина, 1999, с.10]. В одном из преданий о Кудым-Оше рассказывается, что приплыл он однажды в устье Волги, его там стали хлебом угощать: «Ешь, дескать, это нянь, нянь (хлеб)», а он боится, не еда это, дескать. Потом откусил немного и спрашивает: «Чье это мясо, какого зверя?», а ему «Не мясо это, а нянь, нянь!». И показали ему, как он растет и как получается из зерна. Тогда попросил воеводу семян взамен на шубу, ему разрешили взять, сколько надо. Взял он колосьев ржи, так как она была густая и высокая. Взял и овес – очень кустистый он был. Ячмень еще взял. А пшеница плохая была, не взял ее [Ожегова, 1971, с.34]. Упоминается, что выращивали еще горох, а пшеница позже появилась [Ожегова, 1971, с.35]. Любопытно, что во многих преданиях коми говорится о том, что «хлеб шилом жали»: «деды рассказывали, что хлеба раньше жали деревянным шилом, по одиночке стебли валили, как деревья нынче сваливают» [Ожегова, 1971, с.39, 48, 50]. Р.Д.Голдина и В.А.Оборин в обобщающих работах по ломоватовской и родановской культурам упоминают, что для уборки урожая широко использовались железные серпы [Голдина, 1985, с.146; Бадер, Оборин, 1958, с.191, рис.49/7], а на позднем этапе – косы-горбуши [Бадер, Оборин, 1958, с.205, рис.53/6], однако это утверждение не обосновано. Эти орудия на средневековых памятниках Пермского Предуралья представлены в единичных экземплярах, и относятся к позднему времени, возможно, они появились только с приходом русского населения.

В конце XI – начале XII вв. в связи с увеличением продуктивности земледелия появились примитивные жернова, еще похожие на зернотерки (Лаврятское городище [Бадер, Оборин, 1958, с.191, рис.49/13]). В слоях XII-XIII вв. количество жерновов значительно увеличивается (Анюшкар, Рождественское, Роданово городище). Вероятно, с этого времени в рационе питания местного населения кроме крупяных блюд появляется хлеб.

В рамках земледельческого типа системы питания С.А.Арутюнов выделяет два подтипа по характеру культурных растений, являющихся основным источником крахмала в пище: зерновые это растения или незерновые (корнепло-

ды, клубнеплоды). К сожалению, серьезного археоботанического анализа специалистами на памятниках Пермского Предуралья никогда не проводилось. Мы имеем лишь немногочисленные фрагментарные определения зерна из скоплений, визуальными выявленными археологами. Исследование такого зерна, по мнению Е.Ю.Лебедевой, не дает полного представления ни о системе земледелия, ни о полном составе культивируемых растений, поскольку мы имеем дело со специально отобранным для хранения зерном. Редчайшей удачей является обнаружение на археологических памятниках семян корнеплодов и огородных культур. На территории Волжской Булгарии при раскопках Билярского городища найдены семена огурцов и капусты [Йовков, 1978, с.223]. Можно предположить, что население Пермского Предуралья могло заимствовать у булгар и эти культуры. О.Н.Бадер и В.А.Оборин предполагали культивирование корнеплодов в Прикамье еще в ананьинское время [Бадер, Оборин, 1958, с.100], но никаких доказательств этого не существует, кроме данных этнографии о том, что, к примеру, коми-пермяки с давних времен сажают лук, репу и редьку [Долдина, 1999, с.13]. Поэтому мы можем уверенно утверждать лишь то, что основным источником крахмала в пище являлись зерновые растения.

Вслед за типами и подтипами С.А.Арутюнов выделяет классы систем питания. В рамках зернового подтипа (к которому относится система питания жителей средневекового Прикамья) выделяется два класса в зависимости от характера основного источника мясной пищи. Во всех хозяйственно-культурных типах, основанных на зерновом хозяйстве, либо широко употребляется в пищу мясо домашнего скота, либо основным источником животного белка становятся присваивающие отрасли хозяйства, а среди них в первую очередь рыболовство и значительно реже – охота [Арутюнов, 1989, с.211].

В Пермском Предуралье важное место в питании занимала мясная пища, одним из основных видов хозяйства было животноводство, ориентированное, преимущественно, на разведение лошадей и крупного рогатого скота. Кроме этого, как показывает анализ остеологических материалов, разводили свиней, овец, коз.

В период ломоватовской культуры преобладающее значение имело коневодство, лошадей использовали не только как ездовое животное и тягловую силу, но и на мясо. Но к концу I тыс. н.э. появилась тенденция к увеличению в стаде доли крупного рогатого скота, который к середине II тыс. н.э. занял первое место [Голдина, 1985, с.148]. Соотношение крупного рогатого скота с другими видами животных постепенно увеличивалось (с 36,6% до 46% на Анюшкар; с 34,6% до 38,1% - на Искорском городище), на Редикарском городище он составлял 45,7% [Оборин, 1999, с.279].

На раннем этапе родановской культуры лошадь занимала второе место в стаде (31,4% в нижнем слое Анюшкара, 21,4% на Искарском городище), на позднем этапе в связи с сокращением ее забоя на мясо, она отходит на третье место, уступая свинье (35% в Искарском городище) или мелкому рогатому скоту (28% на селище Телячий Брод) [Оборин, 1999, с.279]. Судя по материалам Роданова городища, забивались, в основном, старые лошади, при этом около 85% костей принадлежит жеребцам [Талицкий, 1951, с.46]. На позднем этапе родановской культуры количество лошадей вновь возрастает, хотя она по-прежнему занимала второе место в стаде. Например, исследования, проведенные О.Г.Богаткиной по материалам Рачевского городища XIII-XIV вв., показали,

что 40,5 % костей принадлежали лошадям, 51,8 % - крупному рогатому скоту. Значительная часть лошадей была забита в возрасте от 1 до 4,5 лет, но, с другой стороны, немалое количество костей принадлежало особям в возрасте от 7 до 15-18 лет. На основании этого исследовательница сделала вывод о разных направлениях развития коневодства – мясном и хозяйственном (в сочетании с мясным). Увеличение количества лошадей в данный период может объясняться развитием пашенного земледелия, при котором лошадь использовалась как основная тягловая сила. Костей мелкого рогатого скота представлено всего 7,7 %. Произведя пересчет особей домашних животных на их живую массу и убойный выход продукции, О.Г.Богаткина выявила, что 63 % мяса жители Рачевского городища получали в виде говядины, 36 % - в виде конины, и только 1 % в виде баранины [Богаткина, 2002, с.204-205].

Большим подспорьем в питании было мясо свиней. Кости свиней встречаются на большинстве поселений, но их количество значительно уступает количеству костей лошадей и коров. Мелкий рогатый скот выращивался, главным образом, не на мясо, а на шерсть. Кости мелкого рогатого скота среди пищевых отходов составляют незначительный процент [Талицкий, 1951, с.46].

Как отмечают этнографы, этногенетические и этноисторические процессы находят отражение в праздничной и обрядовой пище. Интересно, что в обрядовой пище манси существенное место принадлежит конине – продукту, который не может быть характерным для таежных охотников и рыболовов. Причем, лошадь у них - основное жертвенное животное. Это, по мнению Е.Г.Федоровой, лишний раз подтверждает известное положение, согласно которому при сложении предков обских угров немаловажную роль сыграло скотоводческое (коневодческое) население, которое, вероятно, занималось еще и разведением рогатого скота, что также отражается в области жертвоприношений манси [Федорова, 1996, с.111-112]. Так, у обской группы женщины в течение жизни должны принести в жертву 7 овец; чтобы обеспечить удачу в рыбном промысле, манси бросали в воду чучело коровы, на берегу забивали быка или корову так, чтобы кровь стекала в воду [Гемуев, Сагалаев, 1986, с.102]. Принесение в жертву определенного животного, как известно, является реликтом повседневного употребления его мяса. Существование экономической основы для подобного набора жертвенных животных у обских угров не фиксируется. Таким образом, он вполне мог возникнуть в процессе этногенеза, либо когда происходило слияние культур таежных охотников и рыболовов и пришедших с юга кочевников-скотоводов, либо на более ранних этапах этнической истории. Вероятнее всего предположить, что эти традиции берут свое начало с тех времен, когда предки обских угров жили с востока от Урала на территории Пермского Предуралья, где они занимались коневодством и скотоводством.

Использовалось в пищу и мясо диких животных и птиц. Но уже с ананьинского времени кости домашних животных количественно преобладают над костями диких [Голдина, 1985, с.148, табл.23]. Кроме пушнины, которую добывали в больших количествах для торговли, среди охотничьих трофеев были лось, северный олень, медведь, рябчики, глухари, утки, гуси и др. [Талицкий, 1951, с.46]. Мясо пушных животных в пищу обычно не использовалось, их свеживали непосредственно в лесу, на поселениях же встречаются нижние челюсти пушных зверей, употреблявшиеся в качестве амулетов. Исключение составляют бобр, заяц и, возможно, белка. Так, арабский путешественник Гарна-

ти (середина XII в.), упоминает, что Вису «едят бобров и беличье мясо» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102-103]. Как считает А.М.Белавин, страна Вису отождествляется с территорией Пермского Предуралья [Белавин, 2000, с.31-33].

Значительная роль в питании принадлежала рыбе. Еще М.В.Талицкий отмечал, что на Родановом городище кости рыб обнаружены в большом количестве, рыба чешуя местами лежала целыми пластами до 5 см толщиной на полах жилищ. Здесь встречены кости белуги, осетра, стерляди, сома, судака, щуки, окуня [Талицкий, 1951, с.48]. На Анюшкаре среди крупных промысловых рыб преобладали осетровые (белуга, стерлядь, русский осетр, севрюга), ловили также щуку, сома, белорыбицу, окуней, судака, леща, язя, плотву, головля, сазана, синца. На Чердынском городище найдены кости 24 видов, среди которых также преобладали осетровые и судак (27,2%) и щука. Ловили осетров длиной более 2 м, белуг до 3,1 м, щук до 1,8 м, сомов до 3,3 м. Встречаются линь, карась, чехонь, подуст, красноперка, проходной лосось, налим, ерш. Кроме речной, употребляли и немало озерной рыбы [Оборин, 1999, с.281]. Причем ценные породы рыб поставлялись даже на экспорт [Белавин, 2000, с.186]. Судя по тому, что в хозяйстве активно использовались кости рыб, позвонки нанизывались в ожерелья-амулеты, а кожа, вероятно, употреблялась для изготовления промысловой одежды, не оставался без внимания и рыбий жир. По этнографии угорских народов известно, что рыболовы пили и заготавливали впрок рыбий жир, который вытапливали из внутренностей рыбы. Его употребляли с разными продуктами – рыбой, ягодами, мучными изделиями [Мифы, предания..., 1990, с.10].

Таким образом, не смотря на присутствие значительной доли продуктов присваивающего хозяйства, в прикамской системе питания мы имеем первый класс, который можно назвать зерново-скотоводческим.

В рамках этого класса возможно подразделение на два подкласса: первый – с потреблением в пищу молока и молочных продуктов, и второй – без такового. Деление это, по мнению С.А.Арутюнова, имеет весьма существенное значение, так как с появлением использования молока, во-первых, развивается особая ценностная и ритуальная система, ориентированная на доение скота и изготовление молочных продуктов, а во вторых, определяется тенденция к максимальному ограничению убоя скота [Арутюнов, 1989, с.211]. Поскольку на сегодняшний день мы имеем довольно ограниченное количество определений костей животных из средневековых памятников Пермского Предуралья, а подробного всестороннего их анализа пока никем не проводилось, судить о существовании молочного направления в животноводстве довольно сложно. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, до X-XI вв. преобладающим было мясное направление. Например, материалы нижних слоев Роданова городища показали, что коров забивали преимущественно в молодом возрасте [Талицкий, 1951, с.46]. Позднее начало развиваться мясомолочное направление [Голдина, 1985, с.148], коровы стали использоваться и как дойное животное. Исследования, проведенные О.Г.Богаткиной по материалам Рачевского городища XIII-XIV вв., показали, что особи крупного рогатого скота имеют довольно широкую возрастную вариативность, что свидетельствует о полифункциональном использовании скота: мясном и молочном производстве. При этом наибольшее количество особей было забито в возрасте 1,5-2,5 лет. Учи-

тывая, что телки могут давать приплод уже в возрасте 16 месяцев, можно предполагать, что в данный период выращивались преимущественно породы двойной (комбинированной) продуктивности в условиях молочно-мясного направления разведения скота [Богаткина, 2002, с.204-205]. На наш взгляд, переход к широкому употреблению молока состоялся во второй половине XI-XII вв. Это новшество могло быть привнесено многочисленными переселенцами, присутствие которых фиксируется по материалам крупных городищ Пермского Предуралья. Но, что касается вопроса об использовании и переработке молока, то он не совсем ясен. По мнению М.В.Талицкого, в том, что переработка молока была известна, не приходится сомневаться, поскольку при раскопках Роданова городища было найдено несколько сосудов с многочисленными игольными проколами на днищах или с одним отверстием диаметром около сантиметра в середине днища. Эти сосуды, на его взгляд, использовались для отцеживания сыворотки и, может быть, приготовления сыра [Талицкий, 1951, с.46]. Подобные сосуды встречены также на Лаврятском городище и Анюшкаре [Оборин, 1999, с.280]. Косвенным свидетельством расширения употребления молока с XI-XII вв. является значительная доля среди сосудов болгарского производства кувшинов и кринок, которые, как известно, использовались для отстаивания сливок, топления молока, а также кружек, которые, судя по этнографическим данным, использовались, в основном, для употребления сырого молока. В этот же период подобные сосуды (горшки с высокой зауженной горловиной, кружки) появляются и среди лепной посуды местного производства. Таким образом, прикамская система питания относится к первому подклассу, однако мясной аспект скотоводческой продукции сохраняется в ней в полной мере.

В рамках интересующего нас зерново-мясомолочного подкласса выделяются виды, которые включают как доминирование тех или иных форм обработки зерновых продуктов, так и способы приготовления и хранения мяса и наличие различных форм обработки молочных продуктов [Арутюнов, 1989, с.212].

Прежде всего, выделяются зерновые продукты, и основанные на них блюда, поскольку именно они являются основой традиционного комплекса питания, не только давая существенную часть общего колоража, но и входя в качестве основного или существенного дополнительного компонента в большую часть всевозможных блюд [Арутюнов, 1989, с.213].

По технологии изготовления блюда из зерновых продуктов укладываются в определенный эволюционный ряд, отражающий историю становления и развития зернового хозяйства. Древнейшим в этом ряду представляется непосредственное употребление в пищу зерна в сыром или обжаренном виде, а затем муки (в тех же видах). Они готовятся всухую или на масле, разбавляются водой, молоком и пр. Например, у коми-пермяков распространенной повседневной пищей была мучная болтушка-повалиха и толокно, разведенное в овсяном квасе [Долдина, 1999, с.15, 238].

Более сложным способом приготовления является различная варка приготовленного зерна, муки или кусочков теста. В обрядовой пище как финнов, так и обских угров центральное место отводится каше, что свидетельствует о древних корнях этого блюда. У народов коми из зерна нового урожая в честь окончания жатвы повсеместно было принято готовить ритуальную еду, кашу из ячменной крупы или толокна на масле [Конаков, 2002, жатва]. Любопытно, что у

обских угров хозяйство базировалось на так называемых «присваивающих» видах деятельности: охоте, рыболовстве, которые сопровождались собирательством, земледелие не было развито. Но в обрядовой пище важнейшую роль играют блюда из злаков. К примеру, явно с неместными этническими компонентами связана такая праздничная пища, как каша-саломат, которая, по мнению специалистов, ведет происхождение от тюрко- или монголоязычных народов [Шитова, Гаделгареева, 1979, с.95]. То, что хлебная пища не является поздним заимствованием, подтверждает и присутствие темы хлеба в мансийском фольклоре, причем имеется в виду наиболее ранний его пласт, связываемый с процессами этногенеза и ранними этапами этнической истории [Федорова, 1996, с.112]. Это может служить достоверным доказательством того, что в эпоху средневековья предки обских угров жили по восточную сторону Уральского хребта (в Пермском Предуралье), где активно занимались земледелием.

У коми-пермяков кроме каш из самодельных круп, в качестве повседневных и ритуальных блюд варили супы-мешанки и кисели [Долдина, 1999, с.15]. Причем кисель у них выступал в качестве второго блюда, его варили так густо, что резали ножом на части, и ели как самостоятельное блюдо, так и в смеси с другими продуктами, например, кусками в молоке. Кисель был овсяный, гороховый, молочный на сусле из ржаного солода, с добавлением самых разных ягод (брусничный, клюквенный, смородиновый, малиновый, рябиновый, вересковый и пр.) [Долдина, 1999, с.186]. Распространены были также похлебки с кусочками подсушенного, печеного или сырого пресного или квашенного теста и с лапшой.

Не известно, когда возникло характерное для коми-пермяков и народов Сибири блюдо – пельняни (в переводе – хлебное ухо), которые отваривали в кипящей воде. Считается, что родиной их являются пермские земли, хотя название хлеба – нянь, встречается не только у коми-пермяков. В основе пельменей находятся хлебные сочни из пресного теста, что и нашло отражение в их названии, начинки могут быть самыми разными – рубленное мясо, репа, редька, квашеная капуста, грибы. А.Г.Долдина предполагает, что поскольку это блюдо с одинаковым названием хорошо известно и коми-зырянам, и коми-пермякам, и удмуртам, и в Сибири, вполне можно предположить его древние корни. Правда, ее сомнение вызывает умение в старину готовить молотое, рубленное мясо [Долдина, 1999, с.25-28]. Но это, вероятно, не является большой проблемой, так как известно, что в Сибири, например, мясо для пельменей нажевывали.

Третьим способом обработки зерновых продуктов выступает печеное тесто в самых различных типологических вариантах. Варьируют как виды самого теста (пресное, как наиболее архаичное, сдобное и кислое), так и техника выпечки (на углях, на камнях, на специальной утвари и приспособлениях). Наиболее архаичные формы часто продолжают фигурировать как специфическая ритуальная пища [Арутюнов, 1989, с.213]. Сложно предполагать, существовали ли какие-либо виды выпечного хлеба у жителей Пермского Предуралья до X-XI вв. Но с развитием пашенного земледелия хлеб, несомненно, получает распространение. Свидетельством тому является находка в слое XII в. городища Анюшкар обугленного куска пористого хлеба, явно из теста на закваске (раскопки Г.Т.Ленц).

О позднем введении в рацион хлеба свидетельствуют фольклорные и эт-

нографические источники как коми-пермяков [Ожегова, 1971], так и обских угров. К примеру, известно, что если традиции приготовления некоторых блюд из муки и круп имеют у хантов и манси глубокие корни, то хлеб стал широко потребляться сравнительно недавно. Причем манси добавляли в муку оленью кровь, толченые ягоды, черемуху и рыбий жир [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Хлеб пекли в хлебной печи на сковородах, а на костре (в тайге) – лепешки [Мифология манси, 2001, с.12]. По мнению специалистов, включение в рацион предков манси хлебной пищи произошло под влиянием народов нетаежного круга, о чем свидетельствуют лингвистические материалы. В мансийском языке в названиях хлебных блюд присутствует компонент «нянь» (хлеб). Слова «нянь», «нон», «нан» служат для определения различных видов хлеба у ряда народов от Поволжья до Индостана, включая всю территорию Западной Сибири [Федорова, 1996, с.112]. Коми-пермяки хлеб – нянь – вероятно, начинали с малых форм (лепешек, колобков), причем имеются свидетельства того, что даже в недавние времена зерна обычно хватало только на полгода, в остальное время пекли лепешки на основе всяких примесей: льняной шелухи, льняного жмыха, полевого хвоща, сныти, лебеды, пихтовой и рябиновой коры, малины, липы, цветков клевера, к которым добавляли отруби, мякину, рубленную солому [Долдина, 1999, с.14]. Несомненно, что при мотыжном способе земледелия количество зерна было еще более ограниченным, а такое разнообразие перечисленных примесей к хлебным лепешкам о глубоких традициях из изготовления.

С появлением кислого теста в переработку зерновых продуктов вносится качественно новое начало: к термическим и механическим способам обработки добавляется ферментационный. Сущность ферментационного способа состоит в том, что биологическая активность микроорганизмов создает в среде крахмала новую физическую пористую структуру и модифицирует химический состав массы, сообщая ей лучшую усвояемость [Арутюнов, 1989, с.214].

Другой путь ферментации – это проращивание зерна для получения солода. Ответвлением этой инновации является возникновение ряда хлебных солодовых и дрожжевых блюд и напитков [Арутюнов, 1989, с.214]. По сообщению арабского путешественника середины XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, представители народа Вису «пьют... ячменный напиток, кислый, как уксус» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102-103]. Совершенно оригинальные напитки подобного рода распространены у коми-пермяков – это овсяный белый квас и солодовое ржаное пиво. Известен и старинный рецепт кваса из пшенной репы [Долдина, 1999, с.240]. Вместо дрожжей они ставятся на особой закваске, которая именуется майцв (мел), в основе которого прежде, вероятно, была простокваша, о чем свидетельствует название закваски, соединяющее слова мед и молоко [Долдина, 1999, с.21]. При приготовлении закваски использовались шишечки хмеля, тролистника, трава семигодника, бражника, пижмы, корень валерьяны [Долдина, 1999, с.24]. Причем квас у пермяков – не только напиток, но и основа для приготовления множества разновидностей холодных и горячих похлебок: всевозможных окрошек, кислых щей с крупой и пр. Такое многообразие блюда на основе кваса свидетельствует о его древности и широкой популярности.

По этнографическим материалам обских угров известно, что напитками служили также вода, отвар чаги и другие растительные отвары [Мифы, преда-

ния..., 1990, с.10]. У коми-пермяков тоже известно достаточно ягодных и травяных напитков и для холодной зимы и для жаркого лета [Долдина, 1999, с.232].

На втором месте вслед за продуктами земледелия в балансе и рационе питания стоят продукты скотоводства.

Молочные продукты подвергались тем же трем способам обработки, что и зерновые – термическому, механическому и ферментационному. Но на первом месте стоит ферментация: спонтанная молочнокислая, культурная молочнокислая и сычужная (простокваша, сметана, сыр, творожные массы). Далее идет механическая сепарация жирового компонента (сливки и масло), а затем уже с помощью термической обработки изготавливают различные творожистые массы [Арутюнов, 1989, с.214]. Большое разнообразие молочных продуктов известно у коми-пермяков. Это цельное молоко разных видов (парное, замороженное, кислое), простокваша, творог, сметана, а также разнообразные супы и кисели на молоке. Из горячих супов распространены молочная лапша, крупяные супы на молоке, щи на сыворотке с пахтой, грибовница, холодные супы зачастую готовятся на кислом молоке с редькой, хлебными крошками. Известны яичницы разных видов на молоке, молоко с творогом, нарезанный кубиками густой молочный кисель в холодном молоке [Долдина, 1999, с.179]. Такое разнообразие молочных блюд может свидетельствовать о давних традициях использования в пищу молочных продуктов.

Среди способов приготовления мясной пищи также выделяется несколько основных видов.

По этнографическим данным известно, что существовало сыроедение. К примеру, у обских угров рыбу и мясо часто ели сырыми, пили свежую оленью кровь [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Коми-пермяки тоже иногда ели сырое мясо [Долдина, 1999, с.21].

В мясных блюдах обычно преобладали те, которые рассчитаны на непосредственное употребление, сравнительно мало способов приготовления мяса длительного хранения. В обработке мясных продуктов выделяются такие основные способы, как жарение на углях, жарение на жировом субстрате, варка [Арутюнов, 1989, с.215].

В Пермском Предуралье, вероятно, использовались преимущественно жарение на углях и варка. Конструкция очагов и особенности посуды не позволяют предполагать каких-либо иных способов приготовления мяса. Анализ костей животных, обнаруженных на поселениях, показывает, что кости нижних конечностей и ребра чаще всего встречаются в целом виде, вероятно ноги и грудинка зажаривались целиком, так как имеющиеся сосуды не настолько велики, чтобы вмещать такие объемные куски мяса. Остальные кости, как правило, разрублены на части, и вполне могли использоваться как компоненты при приготовлении похлебок и иных вареных блюд. В фольклоре коми-пермяков и обских угров обычно упоминаются именно такие способы приготовления мяса. Например, в коми преданиях о Кудым-Оше упоминается, что он тушу целиком на костер бросает и печет [Ожегова, 1971, с.13], для праздничных пиршеств в котлах «варили пахучее оленьё мясо» [Ожегова, 1971, с.19], мясо жарили и парили [Ожегова, 1971, с.22]. Дикую птицу зажаривали целиком [Ожегова, 1971, с.21]. У коми-пермяков сохранились старинные способы приготовления печеной в горячей яме дичи или тушеного зайца без соли в опрокинутом горшке, закрытом соломой. В прежних жилищах с земляным полом такие способы при-

готовления блюд были обычными [Долдина, 1999, с.20]. С XII в., возможно, появляется и такой способ приготовления блюд, как жарение на жировом субстрате, о чем свидетельствует появление специальных низких и широких керамических сосудов – сковород (Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц). Хотя, вероятнее всего, такие сосуды использовались как противни для выпечки хлеба или пирогов. Как отмечает А.Г.Долдина, у коми-пермяков нет даже специального слова, обозначающего сковороду, и глагола «жарить», а способ жарения если и применяется, то в результате получается скорее полувареная, пареная, тушеная пища, а не жареная [Долдина, 1999, с.21]. Преобладающей была вареная пища. Коми-пермские мясо варят крупным куском, а птицу, зайцев, поросят – целиком [Долдина, 1999, с.155]. Характерно, что в качестве ритуальной пищи у многих народов наиболее часто выступает исключительно вареная мясная пища [Арутюнов, 1989, с.215].

Среди наиболее распространенных способов консервации известны посол, квашение, сушка, покрытие специальной смесью из пряностей. По этнографии обских угров известно, что мясо и рыбу вялили и коптили. Рыбу и уток засаливали на зиму [Мифы, предания..., 1990, с.10]. В северных районах Прикамья (окрестностях Чердыни, Соликамска), имеется значительное количество природной соли, которая издревле добывалась местным населением для удовлетворения собственных нужд в этом виде специй. Материалы из раскопок памятников XI-XIII вв. (поселения Рассолы, Городищенского городища), свидетельствуют о промысловом характере добычи соли, которая шла на экспорт в Волжскую Булгарию [Белавин и др., 1989, с.10-11; Белавин, 2000, с.186]. Тем не менее, соль была доступна не всем. У коми-пермяков одним из древнейших видов консервации было квашение – соленое заменяли кислым, квасили рыбу, птицу, капусту, ягоды [Долдина, 1999, с.28-29].

Важнейшими источником витаминов и других биологически необходимых компонентов питания являлись дикорастущие растения. Жителями Пермского Предуралья в пищу могли употребляться дикорастущие ягоды, грибы, кедровые орехи. Прямых свидетельств этого нет, но у соседей известно употребление подобных растений. Например, на Билярском городище обнаружены семена плодово-ягодных растений, в том числе семена калины, косточки вишни, семена яблока, малины [Фролова, 1979, с.140]. В Приобье на Сайгатинском IV могильнике второй половины XIII-XIV вв. в медных котлах обнаружены остатки растительной пищи, среди которых кроме овса посевного, ячменя и множества колосковых чешуй культурных злаков определены: косточки черемухи, семена кедра, черники, голубики, брусники, фрагмент побега хвоща лесного [Корона, Косинцев, Терехова, 2002, с.171]. Побеги хвоща – пистики - и по сей день широко используются в кулинарной традиции коми-пермяков, придавая ей особую специфику. Они употребляются в свежем виде, засаливаются и сушатся на зиму. В прежние времена пистики заготавливали мешками, сушили, толкли на муку, которую добавляли в квашню, фаршировали этой пастой пельмени, а иной раз высушенные целиком пистики замачивали на ночь, рубили, делали пирожки, варили кашу, яичницу [Долдина, 1999, с.59]. Кроме пистиков в пищу употребляются молодые побеги пиканов (сныть), которые едят горячими и в холодном виде, измельченными и целиком, заготавливают на зиму заготавливая, засаливая, высушивая [Долдина, 1999, с.209-210]. М.В.Талицкий отмечает интересный факт, что на Родановом городище и Гордкушетском мо-

гильнике в верховьях Камы найдена скорлупа лесных орехов – лещины, хотя в этих широтах лесные орехи не растут. По его мнению, лесные орехи могли привозиться из Волжской Булгарии, где, по свидетельству Ибн-Фадлана, росли целые леса орешника, а по указанию Мукаддеси, эти орехи вывозились даже в Среднюю Азию, где и в настоящее время еще называются «дзучи болгар» [Талицкий, 1951, с.50]. Вопрос об употреблении в пищу грибов является спорным. Известно, что среди жителей пермского Предуралья были и угры и финны. У обских угров грибы считались «нечистыми», их не ели [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Дикорастущие травы, корни, плоды, орехи, грибы могли употребляться в пищу непосредственно в сыром виде или после предварительного обжаривания. Многие из них были объектами варки на субстрате для приготовления различных блюд из дикорастущих и в сочетании с различными продуктами производящего хозяйства. Разнообразны были и способы их консервации: сушка, соление, квашение. По данным этнографии народов, которые могут быть генетически связаны со средневековым населением Пермского Предуралья, можно реконструировать некоторые способы приготовления дикорастущих растений. Обские угры ягоды ели сырыми, варили из них варенье. Бруснику и клюкву замораживали или замачивали [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Аналогично заготавливали ягоды и коми-пермяки, но у них известно также хранение брусники и морошки в собственном соку, сушка ягод [Долдина, 1999, с.65-74].

Вероятно, в Прикамье существовало и бортничество [Талицкий, 1951, с.49-50]. Мед, как известно, является весьма ценным и полезным пищевым продуктом. О том, что представители народа Вису ели мед, упоминает арабский путешественник Гарнати [Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати, 1971, с.102-103]. Причем мед являлся и предметом экспорта [Белавин, 2000, с.186].

Что касается огородных культур, то С.А.Арутюнов отмечает, что там, где огородные культуры были культивированы на месте, а прежде были объектом собирательства, эти культуры занимают важное место в системе питания. Там же, где огородные культуры являются заимствованными, они использовались аналогично использованию травянистых растений [Арутюнов, 1989, с.216]. Прикамье не являлось местом культивирования огородных культур, и здесь они, действительно, употреблялись наподобие дикорастущих растений. Так, известно, что у коми-пермяков репа, которая считалась «вторым хлебом», а также брюква, турнепс, употреблялись как в сыром виде, так и в виде паренок и печенок [Долдина, 1999, с.13].

Из анализа продуктов и возможных блюд, составлявших систему питания средневекового общества Пермского Предуралья, может возникнуть идиллическое представление о богатстве рациона и высоком качестве питания. Однако мы прекрасно представляем, что в реальности такого быть не могло. Даже по этнографическим данным хорошо известно, что существовали значительные сезонные колебания в питании, обусловленные особенностями ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. Относительно сытые осень и зима, когда употреблялись основные запасы как растительной, так и животной пищи, сменялись голодной весной, когда запасы кончались, но до нового урожая и приплода было еще далеко, и довольно скудным летом, которое обеспечивало, главным образом, только дикорастущей растительной пищей. Необходимо учитывать и такие факторы, как зависимость скотоводства и земледелия от клима-

тических условий, несовершенство способов хранения продовольствия, и многое другое.

Более объективную картину могли бы дать естественно научные исследования. К примеру, в настоящее время активно практикуется метод исследования нагаров на стенках посуды – остатков пригоревшей в древности пищи. Они предоставляют прямые, а не косвенные данные о характере питания [Матвеева и др., 2005, с.121]. Интерес представляют исследования уровня минерализации и химического состава костных тканей людей, что позволяет установить, какого рода продукты являлись преобладающими в рационе питания. Это дает весьма интересные результаты, так как помимо общих показателей дает возможность определить дифференциацию питания в различных слоях общества [Матвеева и др., 2005, с.133-141]. Весьма показательным является антропологический анализ патологий. К примеру, такие болезни, как рахит, анемия, прекращение роста в детском возрасте, обычно вызваны плохим питанием, регулярным недоеданием, чрезмерными физическими нагрузками и стрессами. Интересные данные получены Д.И.Ражевым при изучении зубных патологий саргатского населения. Он выяснил, что у женщин зубы более истерты из-за употребления жестких продуктов (растительная пища), а у мужчин на эмали больше микротравм от мясной пищи [Ражев, 2002].

Но пока по объективным причинам наше учреждение не имеет возможности привлекать к своим исследованиям специалистов, и мы можем только надеяться на дальнейшее углубление исследований в области питания и образа жизни людей, населявших в древности Пермское Предуралье.

1.2. УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ

Утварь – это совокупность предметов домашнего обихода, включающая кухонную и столовую посуду, приспособления для хранения и переноски вещей и продуктов питания и т.д. Состав и особенности утвари зависят от природно-климатических условий, от образа жизни населения, специфики его хозяйственных занятий, наличия того или иного сырья [Материальная культура, 1989, с.200]. Изучение особенностей утвари позволяет выяснить некоторые вопросы, связанные с характером блюд, со способом употребления пищи, определить характер ритуальной пищи и посуды, т.е., вопросы исторического характера. К примеру, этнографов также пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поедания, традиционные поведенческие аспекты питания. Для них важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают, как они при этом располагаются, какой утварью и посудой пользуются, как именно используют эту утварь и посуду [Арутюнов, 1989, с.218]. Разумеется, археологические данные не позволяют в полной мере рассмотреть все подобные аспекты, связанные с питанием в древнем обществе, однако совокупность источников дает возможность проанализировать отдельные особенности кулинарной традиции и форм употребления пищи.

Существуют различные способы классификации утвари: 1) по функционально-бытовому назначению: утварь для варки, для выпечки хлеба, для мо-

лочного хозяйства, для транспортировки пищи и напитков, для собирания грибов, ягод и т.д.; последовательное применение функционального принципа затрудняется вследствие многофункциональности большинства предметов утвари: один и тот же предмет часто использовался и для приготовления пищи, и для хранения и транспортировки, и в качестве измерительной единицы; 2) по материалу и технике изготовления [Материальная культура, 1989, с.200-201].

В рамках изучаемой темы основной задачей является классификация утвари по функциональному назначению, при этом материал, техника изготовления и орнаментальное оформление посуды отодвигаются на второй план. Хотя, как правило, материал, техника изготовления, форма и функциональное назначение предмета взаимообусловлены. Так, например, у народов Европы глиняная посуда использовалась в основном при варке и подаче пищи на стол, а утварь из дерева – главным образом, для хранения и переноски продуктов [Материальная культура, 1989, с.201].

Основным материалом для изготовления посуды в Пермском Предуралье являлась глина (с археологической точки зрения). Специального археологического исследования средневекового керамического комплекса керамики с указанной территории пока не проводилось. Общая характеристика керамической посуды приводится в обобщающих работах М.В.Талицкого [Талицкий, 1951, с.57-59], В.А.Оборина [Оборин, Балащенко, 1968, с.30-31; Оборин, 1970, с.10-14], Р.Д.Голдиной [Голдина, 1985, с.94-98] при выделении этнических и хронологических особенностей ломоватовской и родановской археологических культур. Более подробно проведен анализ керамической посуды средневековых памятников верховьев Камы [Голдина, Кананин, 1989, с.44-60]. Анализом инноваций в лепной керамической посуде занимался О.А.Нечаев [Нечаев, 1992].

При характеристике утвари мы сознательно отказались от дробности описания (выделения подтипов, вариантов, подробного анализа орнамента, состава глиняного теста и т.п.), поскольку задачи данной темы ограничиваются определением функционального назначения посуды. Специализированное археологическое изучение керамики – это задача отдельного объемного исследования. Подробнее проанализированы столовые приборы, которые пока совсем не удостоивались внимания исследователей.

Одним из факторов, определявших форму посуды, было ее соответствие функциональному назначению и условиям быта. Керамические сосуды с туловом, близким к шару, были удобны для нагревания в печах и варки пищи; вытянутые высокие кувшины с зауженным горлом – для хранения молока, отстаивания сливок; небольшие сосуды с вытянутым горлом – для разливания жидкостей; большие сосуды с узким горлом – для ношения на плече воды (в них вода не плескалась).

Формы посуды и домашней утвари формировались под влиянием особенностей кухонного очага и условий быта. Открытый очаг требовал посуды с округлым дном или конической формы. Появление печи потребовало создания посуды особой формы, приспособленной к печи с плоским дном и к стационарному столу [Материальная культура, 1989, с.201-202].

Домашняя утварь средневекового населения Пермского Предуралья эволюционировала очень медленно, что, вероятно, обусловлено консервативными этническими стереотипами в отношении формы и орнамента посуды.

Ситуация стала меняться с конца X – начала XI вв., когда на Верхнюю Каму начала проникать болгарская керамика, изготовленная на гончарном круге, и различная металлическая посуда. Как считал М.В.Талицкий, последняя со временем начала вытеснять крупные сосуды местного изготовления, он отметил в качестве особенностей местной керамики XI-XIV вв. небольшие размеры горшков [Талицкий, 1951, с.55]. Однако, как показали последующие исследования, местные сосуды крупных размеров, даже превышающие по объему ломоватовские, продолжали сохраняться и в позднее время. Еще одной особенностью позднего этапа, выделенной М.В.Талицким, является выработка новых форм, подражающих привозной посуде, наряду с сохранением старых традиций. Появляются сосуды местного производства с ручками, иногда сосудам стараются придать плоское или уплощенное дно. И наиболее характерной особенностью XI-XIV вв. М.В.Талицкий считал само наличие болгарских сосудов таких же форм, какие известны и из раскопок болгарских городищ [Талицкий, 1951, с.56], эта посуда заняла важное место в быту. Лепная посуда новых нетрадиционных форм на Иньвенском, Кудымкарском, Кыласовском (Анюшкар) городищах составляет 5-10 % от всей лепной керамики, на Обвинском, Рождественском городищах – около 10 %, на Городищенском городище – 10-15 %. В несколько меньших количествах такая посуда представлена в керамических комплексах памятников верховий Камы – на Агафоновском II, Авериском I могильниках, городище Шудьякар. Особенно широко посуда новых форм распространена в Чусовской группе поздних памятников родановской культуры – на Саломатовском городище свыше 35 % лепной керамики, на селище Телячий Брод – около 30 %, на могильнике Телячий Брод – более десятка экземпляров, на Антыбарском могильнике – свыше двух десятков [Нечаев, 1992, с.58]. Посуда болгарского производства выявлена на 44 поселениях и 2 могильниках Пермского Предуралья [Белавин, 2000, с.45]. Следует отметить, что как посуда местного производства нетрадиционных форм, так и посуда болгарского производства, наиболее широко представлены на городищах или крупных ремесленных поселениях открытого типа (таких, как Чашкинское II селище, селище Телячий Брод). Вероятно, население этих центров, находившееся в постоянном контакте с представителями разных этносов – торговцами, ремесленниками, воинами, сопровождавшими торговые караваны, раньше начинало подвергаться внешнему культурному влиянию, и отходить от устоявшихся дедовских традиций. Культура сельских поселений была более консервативной.

1.2.1. ПОСУДА ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ

Отдел А - посуда для варки. Как показал анализ пищевых отходов и изучение этнографических материалов финно-угорских народов, главным способом приготовления пищи являлась варка. Сосуды для варки преобладали и среди посуды, представленной на средневековых памятниках Пермского Предуралья.

Группа АI – горшки и чаши. Разного рода горшки - наиболее распространенный вид сосудов для варки у большинства этносов. Толстое тулово горшка способствовало оптимальному обогреву с боков; благодаря сферической форме достигалось максимальное соотношение полезного объема посуды и ее поверхности, а это не только экономило материал, уменьшало вес, но и позволяло долго сохранять пищу горячей; малая площадь горловины уменьшала пло-

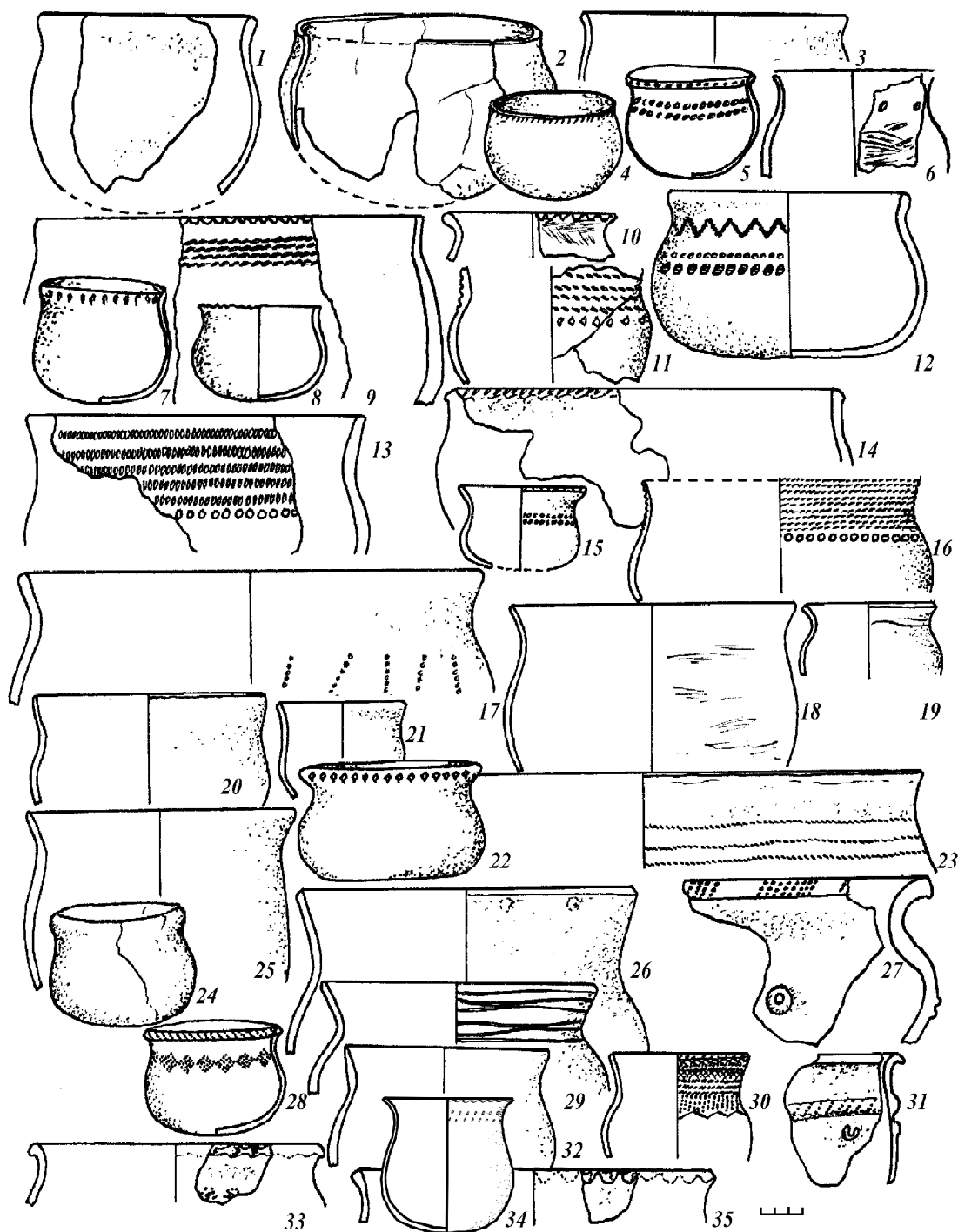

Рис.2 Лепные горшки, тип AI.1.1: 1 – Опутятское городище; 2 – к.4, 4 – к.11 Бродовского могильника; 3, 17-21, 23, 25, 26, 29-30, 32 – Рождественское городище; 5 – п.19 Каневского могильника; 6, 10, 33, 35 – Чашкинское II селище; 7 – п.4 Вазгортского могильника; 8 – п.35 Мелехинского могильника; 9 – Горткушетское I селище; 11, 15-16 – Запосельское I селище; 12 – Шудьякар; 13 – Ором; 14 – Русиновское II селище; 22 – п.5, 11, 18 Каневского, п.1 Урынского могильника; 24, 27, 31 – Городищенское городище; 28 – п.1 Каневского могильника, 34 – селище Володин Камень.

щадь испарения, и позволяла не только варить пищу, но и тушить ее, парить долгое время, запекать.

Подгруппа А1.1 – лепные горшки и чаши.

Поскольку полных сосудов по материалам поселений реконструируются единицы, мы имеем в распоряжении преимущественно только верхние части, не позволяющие установить высоту тулова, поэтому разделить горшки и чаши, обычно абсолютно одинаковые сверху, далеко не всегда представляется возможным.

Лепные горшки и чаши на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья были самой распространенной формой сосудов. Посуда ломоватовского времени (VI-IX вв.) сохраняла традиционную прикамскую форму [Голдина, 1985, с.95]. Преобладали невысокие приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном, удобным для установки в открытом очаге или в углублении на земляном полу.

Эти формы сосудов продолжали широко использоваться и в родановской культуре (IX-XV вв.). Длительное господство круглодонной посуды, по мнению М.В.Талицкого, отражает долго сохраняющуюся примитивность быта, т.е. отсутствие столов, деревянных полов и полок, примитивность устройства очага, так как круглое дно сосуда приспособлено, прежде всего, к открытому костру, разводимому прямо на глиняном или каменном очаге [Талицкий, 1951, с.55].

На территории Пермского Предуралья на протяжении всей эпохи средневековья выделяется три основных типа таких сосудов, среди них два относятся к категории кухонной посуды:

Тип А1.1.1 (рис.2) – довольно высокие сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее раздутой части тулова. Они характеризуются чаще всего прямой или несколько отогнутой наружу шейкой, которая плавно переходит в тулово. Эти сосуды, как правило, крупные, толстостенные. Для них характерен плоский, слабо отогнутый наружу венчик, украшенный по краю защипами, насечками, пальцевыми вдавлениями. Поверхность сосудов грубо обработана щепой или пучком травы, отчего на стенках сохраняются характерные следы. Эта особенность использовалась как элемент оформления: полосы на тулове и шейке располагались в противоположном направлении, что создавало оригинальную декоративную фактуру. Дополнительная орнаментация на сосудах типа 1 встречается редко и состоит из простых элементов – крупного гребенчатого зигзага, розеток, пальцевых вдавлений, ямок [Оборин, 1970, с.10; Голдина, 1985, с.95-96].

По мнению Р.Д.Голдиной, такие сосуды по функциональному назначению носили универсальный характер, и использовались в хозяйстве в качестве кухонной, столовой посуды, и как емкости для хранения запасов продуктов [Голдина, 1985, с.95].

Тип А1.1.2 (рис.3) – чаши-горшки средней высоты со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, обычно суженным устьем, без четко выраженной или с короткой шейкой, с сильно отогнутым округлым или плоским венчиком. Наиболее примечательная особенность данного типа – резкое расширение в средней части тулова, которое образует иногда острое ребро. Такая особенность отмечена Р.Д.Голдиной для ломоватовских чаш-горшков (например, на Опутятском городище они составляют 18% от общего количества посуды), а В.А.Оборин указывает, что острое ребро на стенке вновь воз-

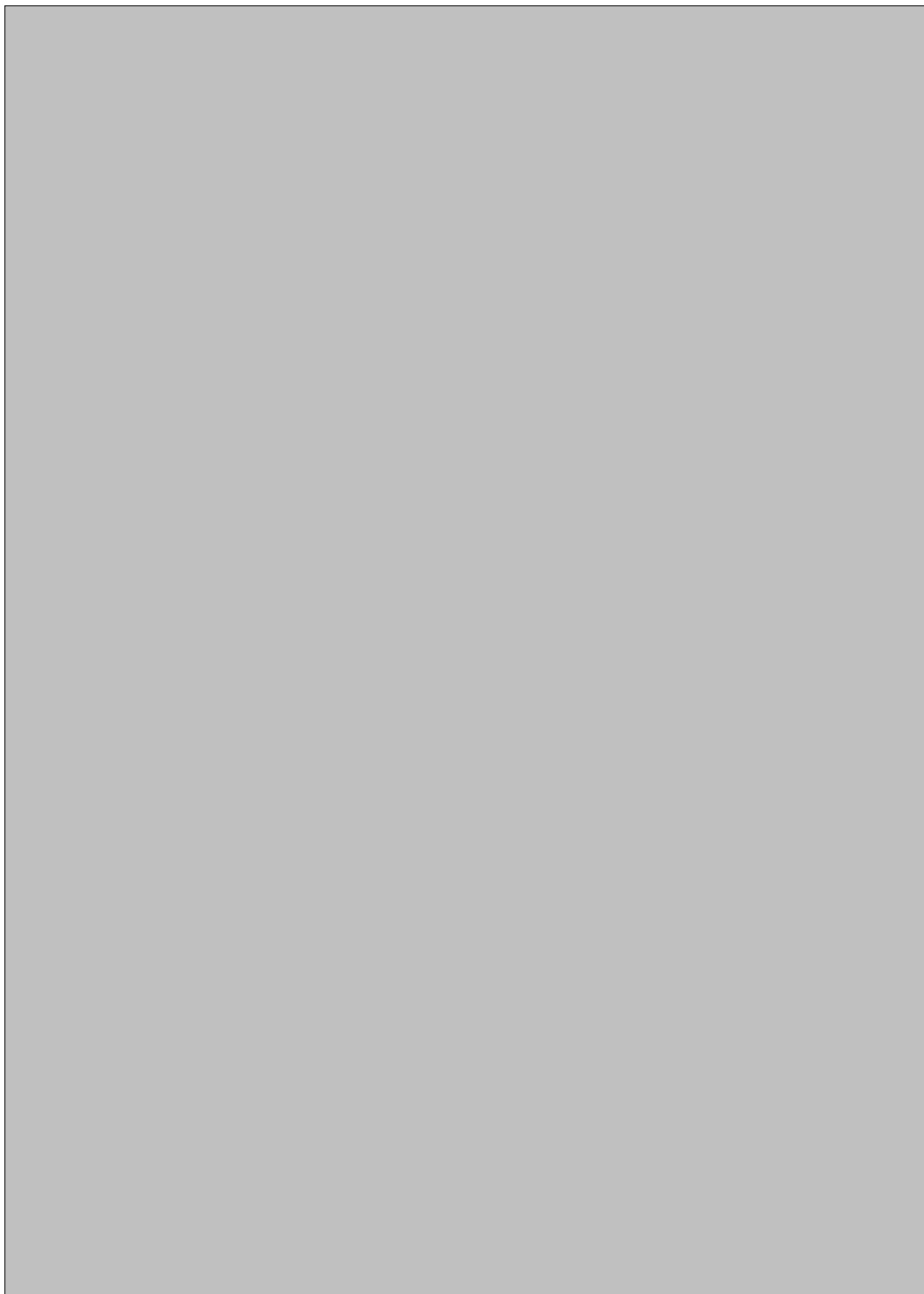

Рис.3 Лепные горшки, тип АІ.1.2: 1-2, 4, 19 – Опутятское городище, 3 – Аверинский II могильник; 5, 8, 9, 13, 16-18, 21-32 – Рождественское городище; 6,7 – Шудьякар; 10 – Чашкинское II селище; 11 – п.107 Агафоновского I могильника; 12 – Рождественский могильник; 14 – п.65, 15 – п.248 Агафоновского могильника; 20 – п.1 Важгортского могильника; 33 – селище Володин Камень; 34 – Редикарское городище; 35 – Городищенское городище.

никает на позднем этапе родановской культуры [Оборин, 1970, с.11; Голдина, 1985, с.95], причем нередко на этом ребре дополнительно помещали налипной валик, покрытый густым орнаментом (такие сосуды наиболее широко представлены на Городищенском городище, известны на городищах Анюшкар, Редикарском и др.). В целом сосуды типа АІ.1.2 имеют меньшую толщину стенок, чем у первого типа, поверхность их тщательно заглажена, они обычно орнаментированы по венчику, шейке и реже по стенкам.

Среди данного типа сосудов преобладают средние и мелкие, на многих имеются следы нагара. На основании этого можно предполагать, что они служили для приготовления и принятия пищи [Оборин, 1970, с.11; Голдина, 1985, с.95; Голдина, Кананин, 1989, с.47].

Таким образом, основные формы прикамских горшков-чаш на протяжении всей эпохи средневековья являлись наиболее распространенным видом кухонной посуды. Однако они не могли существовать так долго абсолютно без изменений. Анализ керамики с городища Шудьякар, проведенный с применением метода математической статистики, показал, что ранние сосуды имели в основном приземистую форму, а поздние – более вытянутые, стройные пропорции [Голдина, Кананин, 1989, с.57]. Эти изменения могут быть связаны с эволюцией конструкции очага. В.А.Оборин отмечает также, что со временем проявляется тенденция ко все большему уплощению днищ сосудов [Оборин, 1970, с.10-11], что, очевидно, отражает появление в интерьере плоских поверхностей (столов, печей).

Сравнение посуды с поселений и могильников показало, что в то время, как бытовые сосуды эволюционировали, в погребальной керамике сохранялись традиционные приземистые сосуды с округлым дном [Голдина, Кананин, 1989, с.58]. Это демонстрирует косность этнических стереотипов – невзирая на изменения в интерьере (появление плоских поверхностей), население продолжало считать единственно «правильной» традиционную форму сосудов с округлым дном. Наиболее ярким свидетельством тому служит появление в X-XI вв. своеобразных валиков-подставок, предназначенных для установки круглодонной посуды на плоские поверхности.

Подставки-«валики» для круглодонной посуды (рис.4):

Такие подставки встречены на Рождественском (раскопки Ю.А.Полякова, А.М.Белавина, Н.Б.Крыласовой, МАЭ ПГПУ), Родановом (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж, № 1050/269; 1050/1), Кудымкарском (КТ, ПОКМ, № 11376/51-196; Раскопки В.А.Оборина, № 320/12), Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ) городищах. Данная категория керамического материала представляет собой кольцевидные глиняные валики с широкой подошвой, которая примазывалась к плоской поверхности. Кверху стенки валиков либо равномерно утончаются и переходят в округлый толстый венчик, либо в невысокую цилиндрическую шейку, также завершающуюся толстым округлым венчиком. Диаметр по венчику составляет 10-18 см. У одного из предметов с Рождественского городища верхняя часть имеет относительно высокую цилиндрическую шейку и округлый, слегка отогнутый наружу венчик, украшенный резным орнаментом. Предмет с Кудымкарского городища украшен розетковидным гребенчатым штампом вдоль подошвы с наружной стороны и вдоль венчика изнутри [Крыласова, 2005, с.77].

Среди указанных предметов выделяется две основные группы. Валики *пер-*

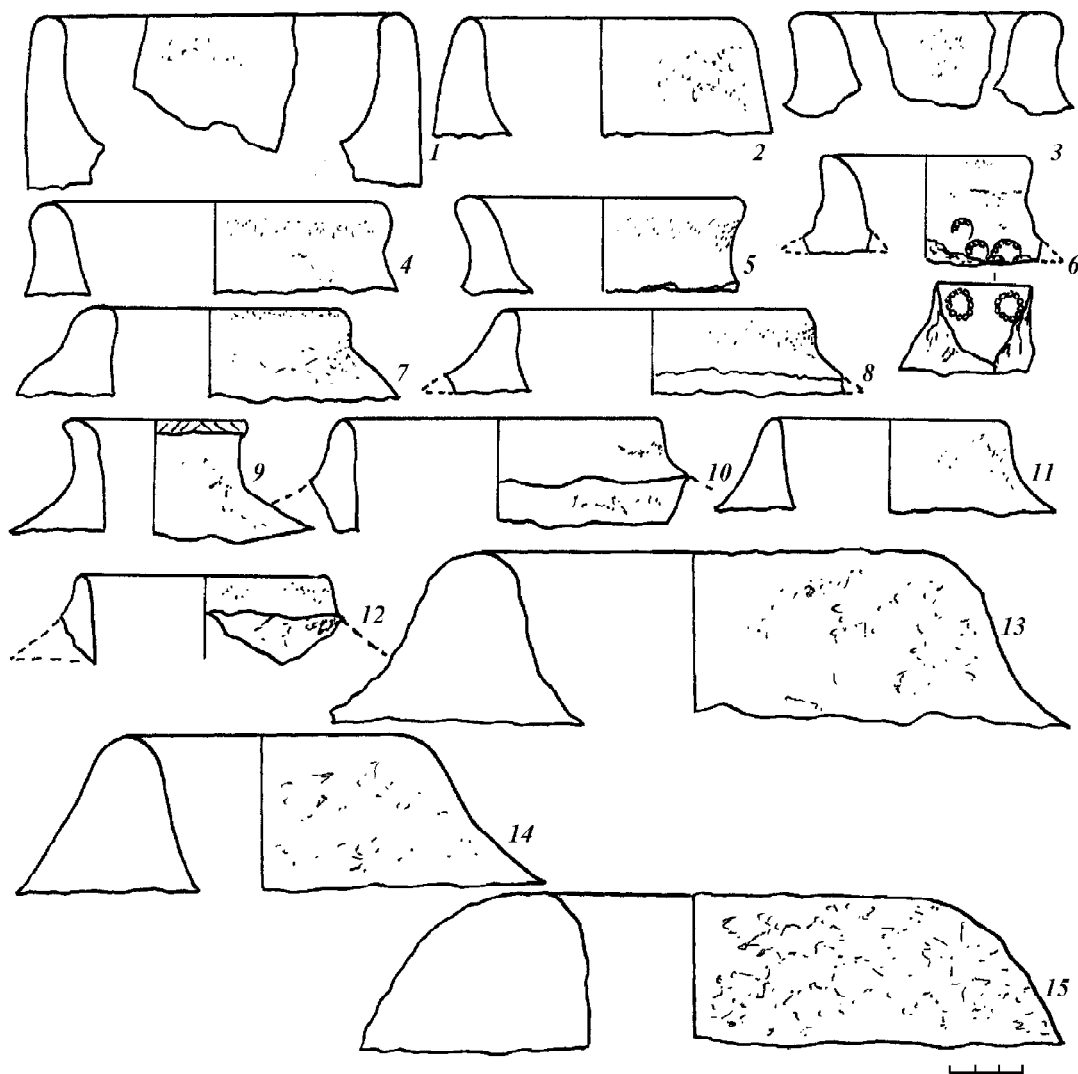

Рис.4 Керамические подставки-валики: 1, 3 – *Роданово городище*; 2, 4, 7-12, 14 – *Рождественское городище*; 5, 15 – *Анюшкар*; 6, 13 – *Кудымкарское городище*.

вой группы обычно имеют достаточно плотные стенки серого или темно-коричневого цвета без следов нагара или иных свидетельств пребывания в огне. Оформлены они более изящно. Эти валики, вероятно, устанавливались на столе. Валики *второй группы* сильно прокаленные в огне, с пористой структурой стенок, неравномерного цвета, более массивные, несомненно, служили для установки круглодонной посуды на плоской поверхности печи.

Не смотря на то, что первые находки подобных предметов относятся еще к XIX в., они никогда еще не рассматривались как отдельная категория бытовых предметов. Только массовые серии валиков, собранные на Рождественском и Анюшкар городищах, позволили обратить на них внимание. Нигде за пределами Пермского Предуралья валики-подставки пока не известны. Их появление в Пермском Предуралье относится к концу X-XI вв., в этот же период началось массовое использование плоскодонной посуды булгарского ремесленного производства.

Кроме традиционных прикамских горшков-чаш, в материалах родановской культуры, особенно происходящих с городищ, на которых проживало пес-

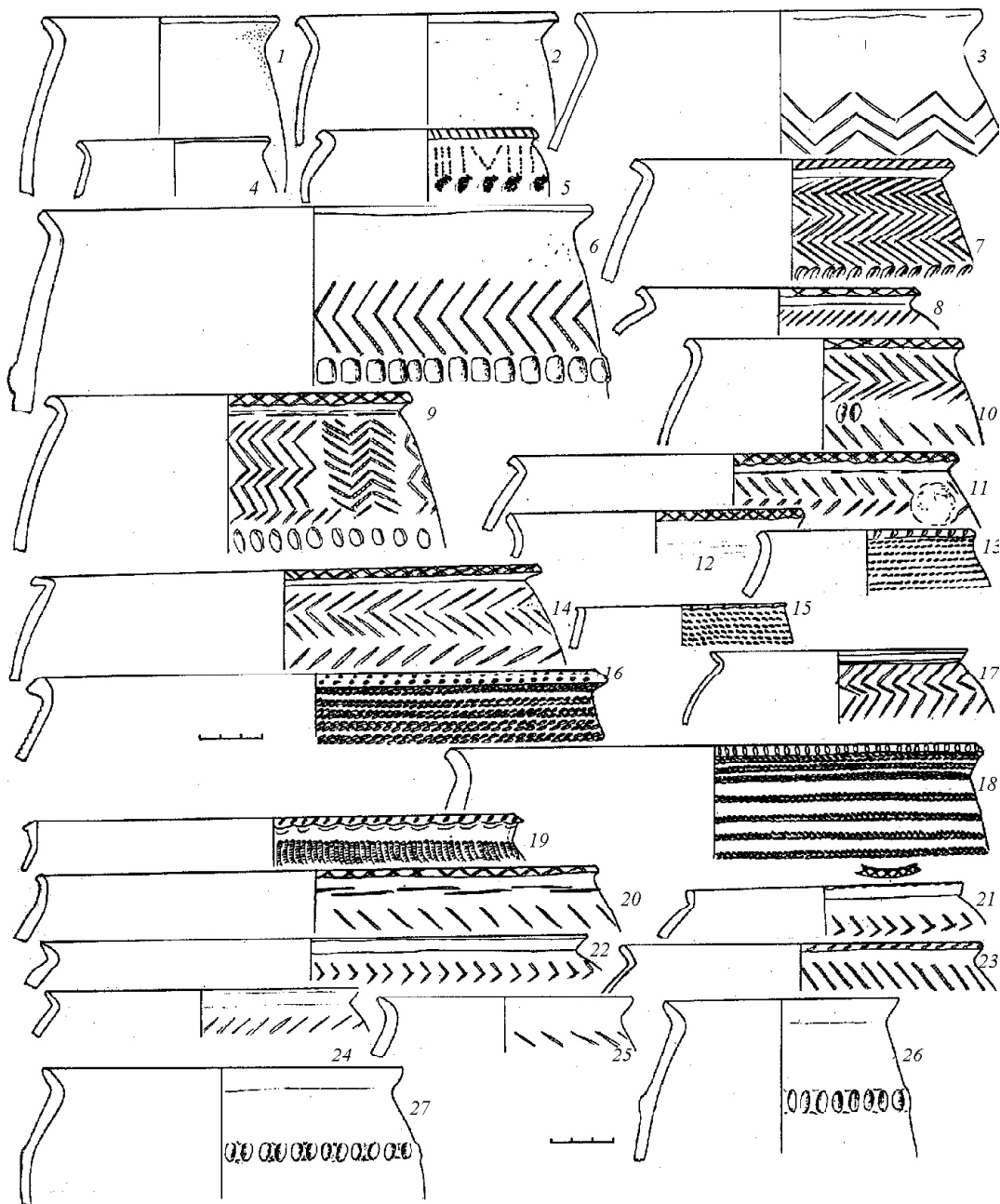

Рис. 5 Лепные горшки, тип АІ.1.3: 1-27 Рождественское городище.

трое в этническом отношении население, встречаются и иные типы лепных горшков.

Тип АІ.1.3 (рис.5) – горшки баночной формы с округло-уплощенным дном, с короткой резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком (85 экз., рис.8; 9; 10/1-9; 11/1-7). Сосуды данного типа отличается слабо раздутое, почти цилиндрическое тулово, наиболее расширенное либо в верхней части сосуда, либо в нижней. Изготовлены вручную, верхняя часть в большинстве случаев подправлена на гончарном круге. Диаметр по венчику составляет от 8 до 26 см, но преобладают сосуды средних размеров с диаметром по венчику 11-16 см. Новосибирские исследователи предложили интересную функциональную типологию керамической посуды, согласно ко-

торой сосуда подобной формы могут быть отнесены к *жбанам*, которые использовались как посуда для хранения молока, масла, ягод и других продуктов [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.187, рис.83/1-4]. Но, судя по тому, что на ряде сосудов с Рождественского городища имеются следы нагара, они вполне могли использоваться в качестве горшков для варки пищи.

Сосуды *типа АІ.1.3* на Рождественском городище, например, составляют 30 % лепной керамики.

Судя по характерной орнаментации – вертикальные и горизонтальные елочки в верхней части сосудов, резные или нанесенные мелким гребенчатым штампом; защипы по средней части тулова; и сочетание этих двух элементов; венчик украшен кривой резной решеткой – данный тип сосудов возник на основе неволинских традиций. Подобные сосуды на территории Пермского Предуралья наиболее хорошо известны в материалах Саламатовских I и II городищ и селища Телячий Брод на р.Усьве в Посучовье [Оборин, Балашенко 1968, с.42, табл.3/6; коллекция из раскопок А.М.Белавина], население которых, по мнению исследователей, являлось потомками неволинцев, переселившихся в IX-X вв. из бассейна р.Сылвы.

Тип АІ.1.4 (рис.6) – круглодонные сосуды с раздутым туловом и цилиндрической относительно высокой шейкой (группа VII по Т.А.Хлебниковой). Диаметр по венчику 8 - 22 см. Большинство сосудов имеет характерную орнаментацию в верхней части сосуда и по скошенному вовнутрь, наружу или прямому венчику: веревочные отпечатки по горловине и гребенчатые по плечу. Скошенный или прямой край венчика орнаментирован гребенчатыми отпечатками или нарезками. Как отмечает Т.А.Хлебникова, для сосудов данной группы характерна своеобразная «веревочная» орнаментация, которая обычно составлена спаренными рядами, направленными в противоположные стороны – в виде «косички» или в одну сторону [Хлебникова, 1984, с.106].

На Рождественском городище сосуды *типа АІ.1.4* составляют 4,5% от всей лепной керамики. Два таких сосуда встречено в погребениях Рождественского могильника.

По мнению Т.А.Хлебниковой, происхождение VII группы керамики, которая появилась в Нижнем Прикамье с начала X в. и продолжала свою эволюцию до XII-XIII вв., следует понимать, как развитие неволинской цилиндрической посуды при воздействии ее с верхнекамской. Начавшееся в памятниках Сысвенского бассейна (Кунгурском II, Ермаковском, Лобач городищах), это развитие продолжалось в Волго-Камье, на территории будущей Волжской Болгарии. На памятниках Нижнего Прикамья такая керамика становится ярче и выразительнее, она обильнее количественно, и получает довольно широкое распространение в последующее время у волжских болгар [Хлебникова, 1984, с.109-111]. Что касается этнической принадлежности VII группы посуды, то в решении этого вопроса, по мнению Т.А.Хлебниковой, нужно исходить из определения неволинских памятников их исследователями как угорских [Хлебникова, 1984, с.112]. На территории Пермского Предуралья такая керамика могла распространиться как непосредственно с населением бассейна р.Сылвы, так и с выходцами из Волжской Болгарии.

Тип АІ.1.5 (рис.6) – круглодонные сосуды горшковидной и близкой к чашевидной формы с подцилиндровидной горловиной. Край венчика закруглен, иногда с утончением, и часто слегка отогнут наружу. Диаметр по венчику от 9

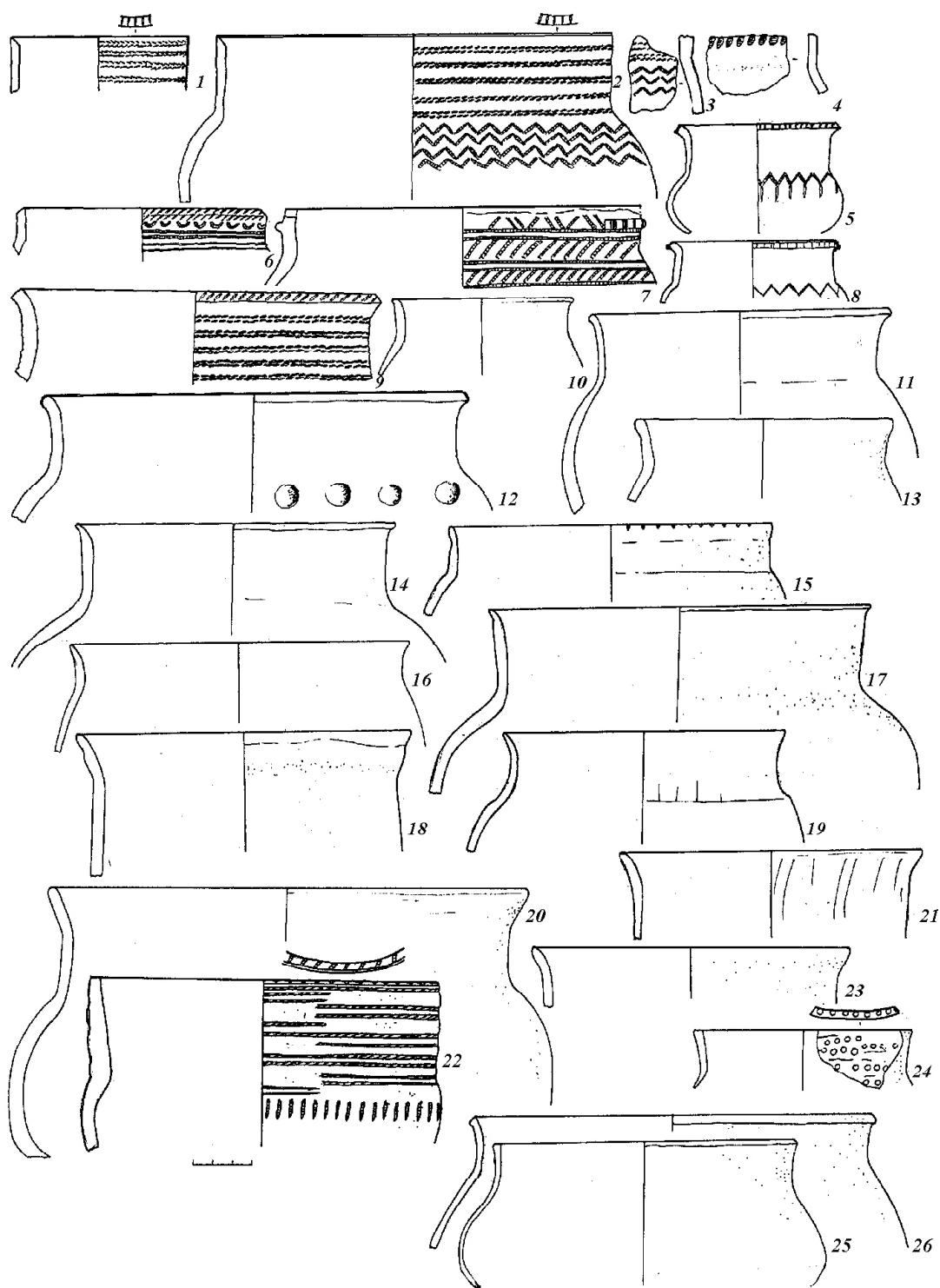

Рис.6 Лепные горшки, типы АІ.1.4-5: 1-26 – Рождественское городище.

до 40 см. Изготовлены от руки с подправкой на круге. Большинство сосудов этого типа не имеют орнаментации.

Т.А.Хлебникова сосуды данного типа из Волжской Булгарии относит к группе VIII. Эту группу керамики, которая появляется в Нижнем Прикамье с начала X в. и существует до XII-XIII вв., обычно рассматривают в связи с кушаньской посудой, как изменение ее в Волжской Булгарии в результате воз-

действия других групп посуды [Хлебникова, 1984, с.112]. Кушнаренковские традиции прослеживаются в характерных чертах формы, в оформлении края венчика, в технике исполнения [Хлебникова, 1984, с.114]. Большинство исследователей связывает кушнаренковскую культуру с угорским миром Зауралья. Но в отношении VIII группы посуды болгар следует учитывать, что ее оформление на позднекушнаренковской основе происходит в среде того многоэтнического населения, которое присуще Приуралью и Прикамью X-XI вв. [Хлебникова, 1984, с.114-116]. В итоге эта керамика обычно рассматривается как созданная угорязычным населением Волжской Болгарии, попавшим на ее территорию еще в раннеболгарское время [Город Болгар, 1988, с.25]. Е.П.Казаков придерживается идеи о происхождении посуды VII-VIII типов на основе петрогромской керамики. По его мнению, угорское население Среднего Урала, представленное постпетрогромской культурой, оказало заметное влияние как на формирование Волжской Болгарии, так и на соседние культуры. Постпетрогромская культура, входя в состав родственных общностей угров с гребенчато-шнуровой круглодонной посудой, имеет в то же время свою специфику, и занимает в Урало-Поволжье связующее место между поломско-ломоватовскими (VI-X вв.) и чияликскими (XIII-XIV вв.) комплексами [Казаков, 2004, с.120-121].

Сосуды последних двух типов по форме напоминают *кринки*, и, вероятно, могли использоваться и в качестве такого рода сосудов для приготовления и хранения молочных продуктов.

Среди материалов XI-XII вв. известны лепные керамические крышки в виде толстого диска или блюда, как правило, покрытые густым орнаментом. Крышки для горшков употреблялись с целью лучшего распаривания круп. Как известно по этнографическим материалам, часто использовались и простые деревянные крышки [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.180]. Поэтому можно предположить, что крышки использовались местным населением и до XI в., а керамические появились под влиянием болгарской посуды. Вероятно, частое наличие маленьких округлых отверстий в верхней части горшков можно объяснить именно использованием крышек, которые плотно привязывались к сосуду для предохранения хранившейся в нем пищи от грызунов и насекомых.

Подгруппа А1.2 – горшки, изготовленные на гончарном круге.

Кроме лепных горшков, как изготовленных в местных традициях, так и привнесенных пришлым родственным населением, на поселениях Пермского Предуралья, преимущественно на городищах, широкое распространение получила и разнообразная посуда болгарского ремесленного производства, изготовленная на гончарном круге и обожженная в горнах. Среди болгарской посуды также значительный процент составляют горшки. Подробный анализ болгарской керамики проводился по материалам Рождественского городища [Богданова, Белавин, 2006]. Здесь выделяется три основных типа гончарных горшков.

Тип А1.2.1 (рис.7) – сосуды с диаметром горла равным или несколько превышающим половину наибольшего диаметра тулова. На Рождественском городище такие горшки составляют 37% от общего количества реконструируемых гончарных сосудов [Богданова, Белавин, 2006, с.44-46]. Выделяется четыре подтипа таких горшков: крупные (с диаметром горла 16-27 см), средних

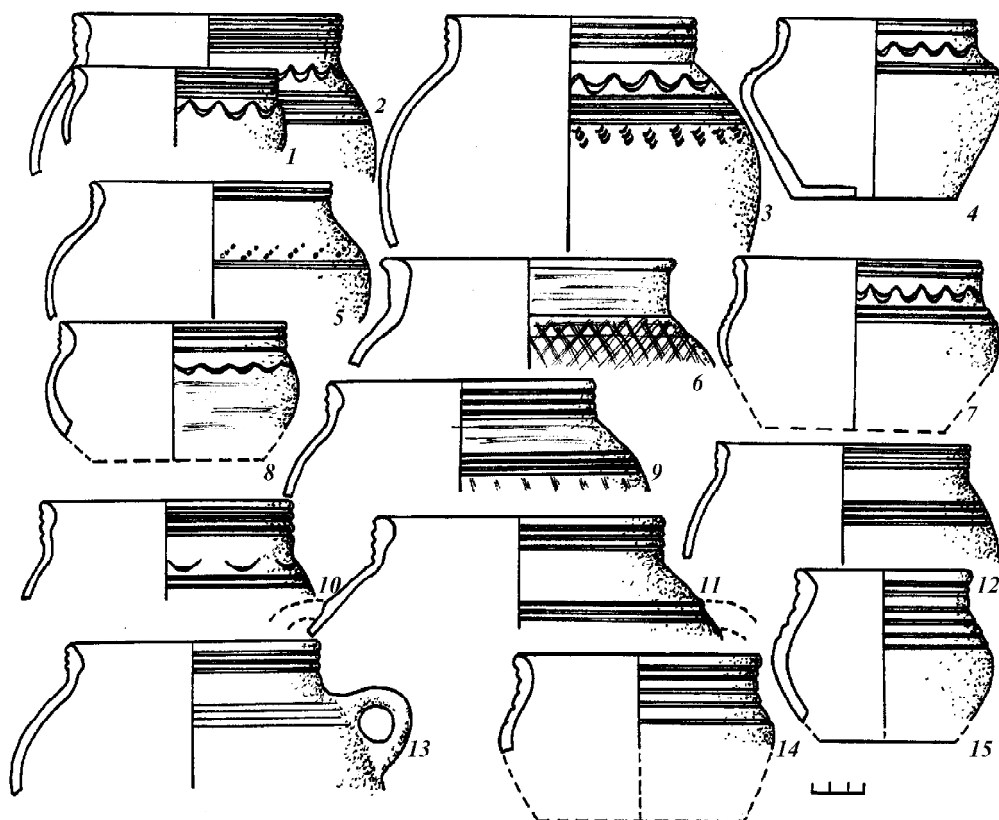

Рис. 7 Горшки гончарные, типы АІ.2.1-2: 1-15 –
Рождественское городище.

размеров (с диаметром горла 10-15 см) и миниатюрные (с диаметром горла 7-9 см) горшки с цилиндрическим горлом и выпуклым туловом; горшки с блоко-видной (отогнутой) формой горла (диаметр горла 11-26 см), с горлом-раструбом и с горлом в виде усеченного конуса.

Тип АІ.2.2 (рис.7) – широкогорлые глубокие горшки с туловом, наибольшее расширение которого приходится почти у самого горла, ко дну тулово сильно сужается. Горло цилиндрическое, диаметром 12-15 см.

Горшки булгарского производства, как и местные лепные горшки, преимущественно использовались в качестве кухонной посуды для приготовления пищи. Даже миниатюрные горшочки можно отнести как к столовой, так и к кухонной посуде, поскольку на большинстве из них имеются следы воздействия огня [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

Группа АІІ – котлы. На территории Пермского Предуралья начиная с XII в. одновременно начали распространяться *металлические и глиняные котлы*. Обычно исследователями отмечается, что формы глиняных котлов и горшков развивались на собственной основе. Однако до начала относительно широкого использования в быту металлических котлов, глиняных изделий этого типа не наблюдается ни в Пермском Предуралье, ни в Волжской Булгарии. У булгар распространение керамических котлов идет параллельно с массовым производством медных котлов [Руденко, 2000, с.47]. Поэтому логично предположить, что причиной появления нового типа глиняной посуды – котлов, являлось подражание престижным и удобным в использовании металлическим котлам [Руденко, 2000, с.47].

Подгруппа АП.1 – металлические котлы.

Металлическая посуда в Волго-Камском регионе в эпоху средневековья была явлением исключительным. Тысячелетние традиции изготовления медно-бронзовых изделий у здешних жителей не распространялись на посуду. Она была глиняной, деревянной, изготавливалась из бересты, луба, кожи, но не из металла. Однако если проводить сравнение с предыдущими эпохами, когда редкая привозная металлическая посуда использовалась как сырье для изготовления украшений или выступала в качестве сокровища, показателя богатства и знатности, в эпоху средневековья, начиная с VIII н.э. отмечается резкое увеличение доли металлической посуды и несомненное использование ее в быту. Хотя, как отмечает К.А.Руденко, производство этой посуды не могло сравниться по своим объемам с изготовлением, например, ножей или наконечников стрел, тем не менее, масштабы производства ее были немаленькими. По крайней мере, находки фрагментов металлической посуды – явление, обычное для средневековых поселений региона [Руденко, 2000, с.4].

В бытовых целях использовался, в основном, такой вид металлической посуды, как котлы, характерной особенностью которых является наличие специальных ручек – ушек для подвешивания или иной фиксации над огнем, а также, в ряде случаев, специальной дужки, вставлявшейся в ушки [Руденко, 2000, с.28].

В Пермском Предуралье медные котлы получили широкое распространение (рис.8). Наиболее частой находкой являются куски медных пластин разного размера и толщины - фрагменты стенок котлов. На ряде фрагментов прослеживается использование для изготовления сосудов таких технологических приемов, как проковка пластин, сварка «в зубец», фальц, клепка. Все сохранившиеся фрагменты венчиков загнуты и отогнуты наружу. Сосуды снабжались медными ушками, сделанными из квадратного, реже круглого в сечении дрота, согнутого в верхней части дугой. На Рождественском городище встречено также ушко, изготовленное из витого дрота. Равновеликие концы ушек разведены под углом и раскованы для одной или двух заклепок. В ушках закреплялись железные дужки в виде серповидной полосы прямоугольного сечения с загнутыми вверх концами. По всем характерным особенностям медные сосуды, распространенные в Пермском Предуралье, могут быть отнесены к котлам типа М-4 (по К.А.Руденко [Руденко, 2000, с.29-32]) – котлы в основном цилиндрической формы, емкостью от 2 до 12 л, по форме напоминающие современные кастрюли. Широкий отогнутый венчик котлов типа М-4, по мнению К.А.Руденко, говорит об использовании деревянных крышек, которые удобно было класть на такую поверхность [Руденко, 2000, с.68]. Датируются котлы данного типа XII – первой половиной XIII века, во второй половине XIII в. их массовое производство прекратилось, хотя отдельные экземпляры подобных сосудов пережиточно бытовали и в XIV в. [Руденко, 2000, с.32]. Котлы типа М-4 с начала XII в. вытеснили все другие формы котлов, и получили чрезвычайно широкое распространение на территории Волжской Булгарии, в Пермском Предуралье, Удмуртии, Посурье, Западной Сибири. Известны такие котлы и на Севере европейской части России и на Руси [Руденко, 2000, с.29-32,42].

По мнению К.А.Руденко, широкое распространение медных котлов в финно-угорской среде отнюдь не связано с активизацией ремесленного болгарского импорта в конце X в. (хотя и этот фактор, несомненно, сыграл существен-

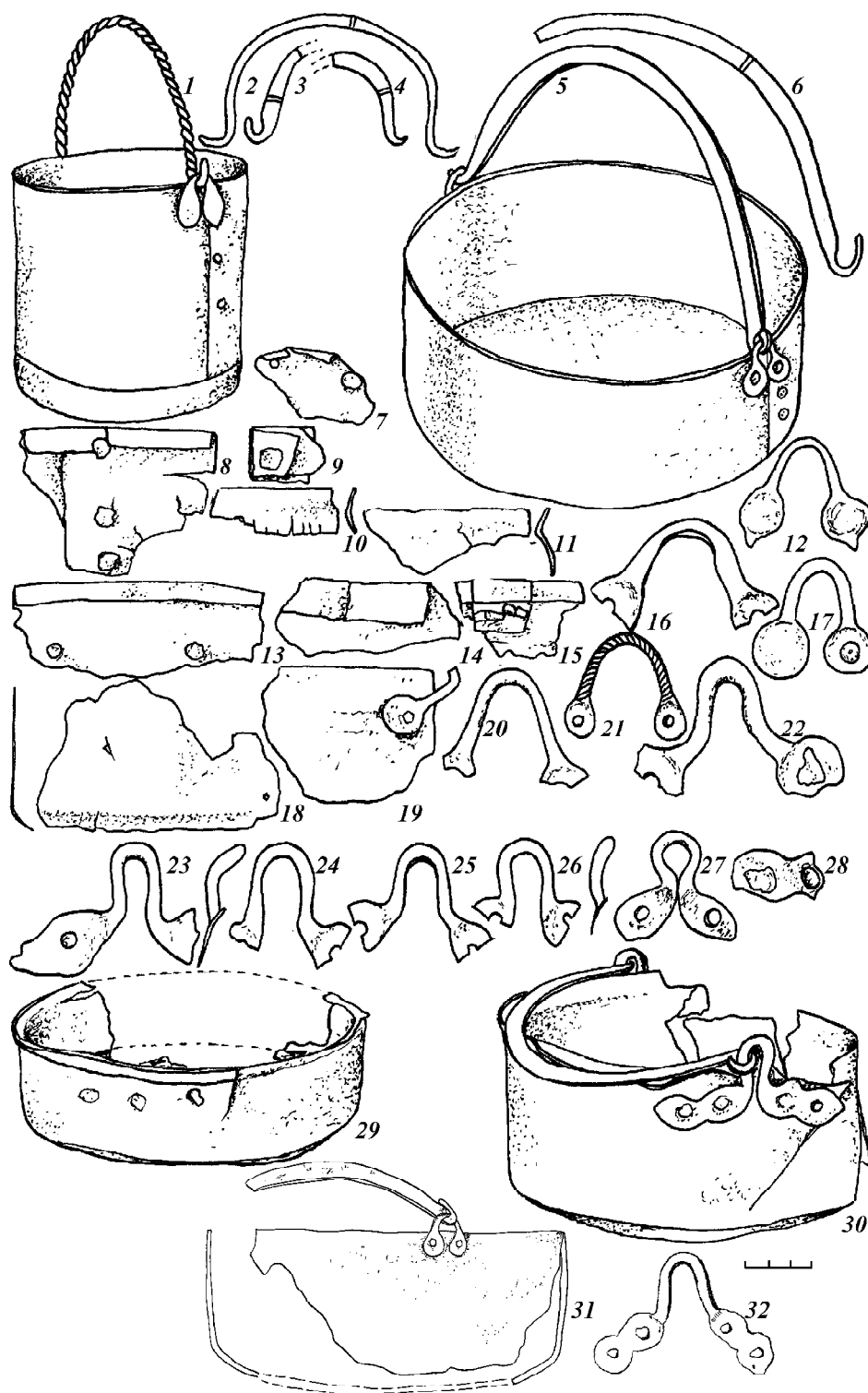

Рис.8 Котлы медные: 1 – п.90 Аверинского могильника; 2-4, 7-11, 13-16, 18-19, 23-26, 28 – Рождественское городище; 5 – п.119 Аверинского могильника, 6, 17, 20-22 – Шудьякар; 12 – с. Усть-Воч; 27 – с. Михалево; 29 – д.Харина; 30 – п.5 могильника Телячий Брод, 31 – п.107 Агафоновского I могильника, 32 – Роданово городище.

ную роль). Корни этого явления уходят, очевидно, в идеологические представления, о чем свидетельствуют, например, магические и ритуальные функции металлического котла, а также обилие котлов в погребениях и жертвенных ме-

стах [Руденко, 2000, с.56]. На Руси, к примеру, медные котлы по сравнению с финно-угорскими землями имели гораздо меньшее распространение [Руденко, 2000, с.60].

Кроме медных котлов, в материалах Рождественского и Анюшкар городищ имеются фрагменты чугуновой и железной посуды (рис.9), вероятно, котлов. Чугунные котлы встречаются преимущественно на болгарских и чияликских памятниках золотоордынского времени, в большей степени они распространились с первой четверти XIV в. [Руденко, 2000, с.37,84]. Причем чугуновые изделия на территории Булгарского царства представлены исключительно котлами. Достаточно большой процент таких изделий свидетельствует об их широком распространении в быту. Хотя, судя по письменным источникам, стоимость чугуна, как сырья, была довольно высока [Руденко, 2000, с.26].

Подгруппа АП.2 (рис.10) – керамические котлы.

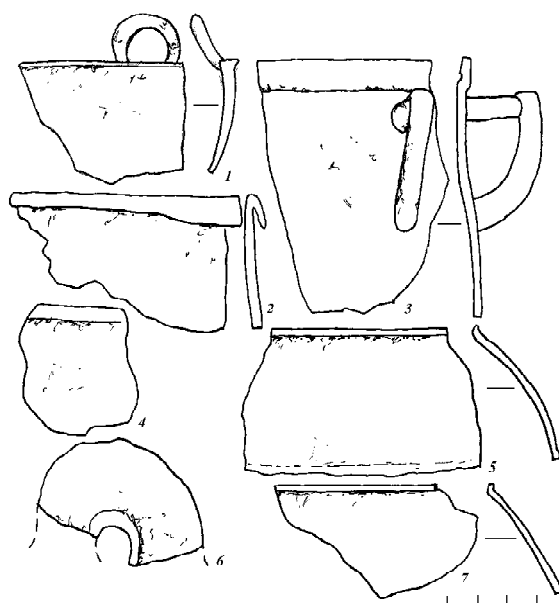

Рис.9 Котлы чугуновые: 1 – Анюшкар, 2-7 – Рождественское городище.

Среди исследователей утвердилась точка зрения, что глиняные котлы появляются в Волжской Булгарии у оседающих групп кочевого населения, и бытуют короткое время – при переходе к оседлому быту [Кокорина, 2004, с.34]. Встречаются они, в основном, в крупных городских центрах с их округой (Билляр, Болгар, Казань, Иски Казань и пр.), что связано не только с бытом и ремеслом, но и с использованием их в ритуально-сакральной сфере [Кокорина, 2004, с.44]. Подавляющее количество типов керамических котлов принадлежит тюркоязычным группам населения [Кокорина, 2004, с.44].

Вместе с тем, котлы известны и в XVIII этнокультурной группе керамики, которая датируется золотоордынским временем. Происхождение этой керамики у болгар связывают с финно-угорскими городищами Пермского Предуралья, например Кудымкарским и Анюшкар, и чепецкими городищами, такими как Иднакар и Шудьякар. Наличие ее в слоях XIII – начала XV вв. на болгарских памятниках свидетельствует о тесных связях населения Пермского Предуралья с Золотой Ордой [Город Болгар, 1988, с.38].

Глиняные котлы XVIII группы, распространенные на поздних памятниках

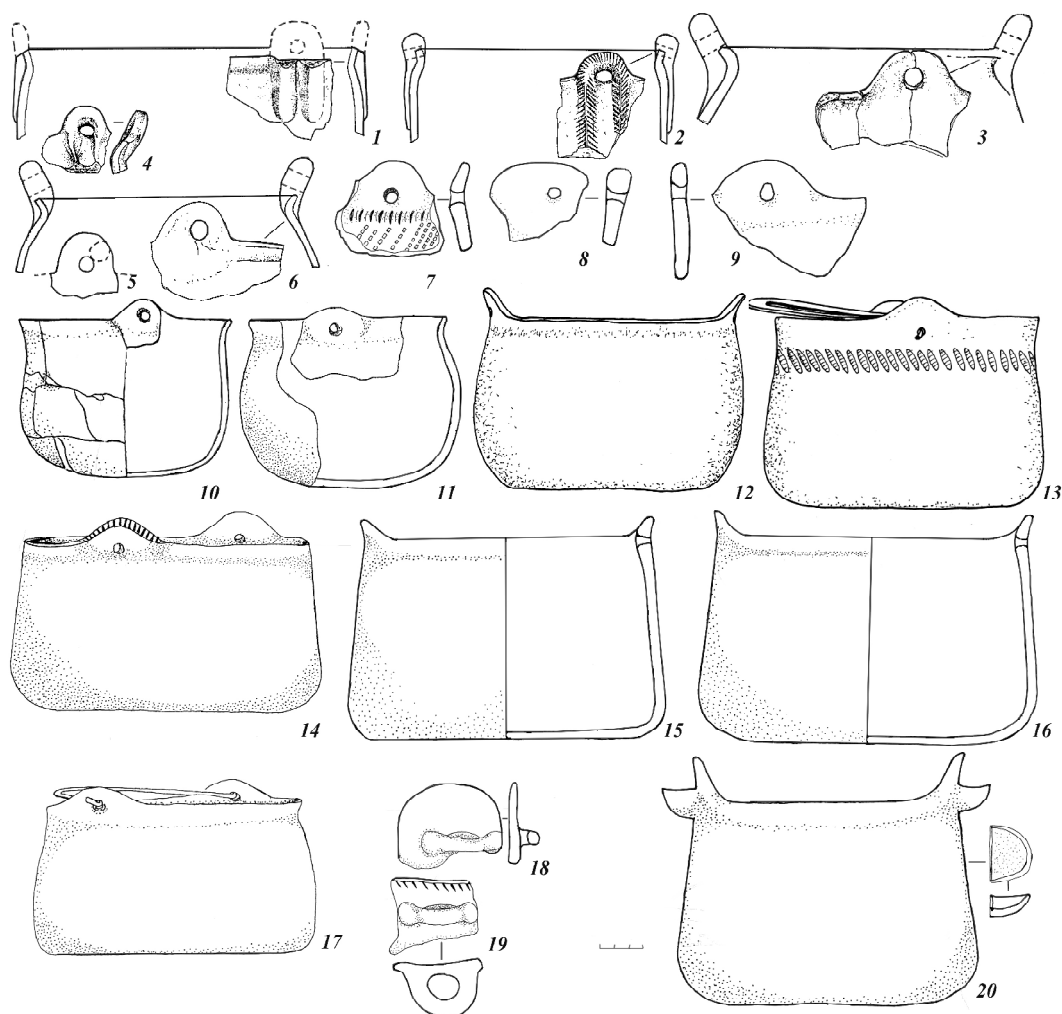

Рис.10 Котлы керамические: 1-6 – Рождественское городище; 7, 18-19 – Саломатовское городище; 8-9, 15 – селище Телячий Брод; 10 – п.304, 11 – п.314 Агафоновского II могильника; 12-14 – могильник Телячий Брод; 16 – п.130 Антыбарского могильника; 17 - п.37 могильника Телячий Брод; 20 - п.113 Антыбарского могильника.

Пермского Предуралья, несомненно, подражают медным. Это объемные «кошелевидные» сосуды с наибольшим расширением в придонной части тулова, со слабо отогнутым или прямым венчиком, плавно переходящим в тулово, иногда со слабо выраженной шейкой, с уплощенным дном. Это достаточно крупные сосуды с диаметром по венчику 20-30 см, котлы с поселений имели объем около 7 л, из погребений – 4-5 л [Нечаев, 1992, с.14]. Характерная особенность котлов – наличие своеобразного «переместителя» – двух ушков, поднимающихся выше уровня края сосуда. В ушках крепились железные дужки, аналогичные дужкам медных котлов.

На поселениях и могильниках Пермского Предуралья встречено довольно много реконструируемых форм котлов и их фрагментов – ушек, железных дужек. Полные формы реконструированы по материалам Антыбарского могильника (2 экз.), могильника Телячий Брод (5 экз.), Саломатовского городища (2 экз.), Рождественского городища (1 экз.), Агафоновского II могильника (2 экз.). Фрагменты котлов известны на Родановом, Кудымкарском, Саломатовском, Рождественском, Городищенском городищах, Телячий Брод, Антыбарском,

Агафоновском II могильниках [Нечаев, 1992, с.13].

По форме «переместителя» – ушка-петли, выделяется два основных типа керамических котлов:

Тип АП.2.1 – котлы с вертикальными петлевидными уплощенными ушками, которые прикреплены к венчику, и являются составным элементом верхней части сосуда [Нечаев, 1992, с.14]. Ушки котлов, представленные на Рождественском городище в виде петель, завершающихся двумя параллельными валиками, рельефно выступающими на стенках сосудов (рис.10/1,2,4), вероятно, наиболее ранние, и могут датироваться XII в., для памятников XIII-XIV вв. свойственны простые полукруглые петли, вертикально поднимающиеся над венчиком, иногда с небольшим отгибом наружу. Некоторые сосуды орнаментированы. Иногда под отверстием на ушке имеется уступ-чашечка (рис.10/20), который, по мнению О.А.Нечаева, предназначался для защиты от воздействия огня кожного ремня, заменявшего железную дужку [Нечаев, 1992, с.16].

Тип АП.2.2 – котлы с горизонтальной, наружной петлей-ушком (рис.10/18,19). Таких котлов крайне мало, встречены они только на Саломатовском городище [Нечаев, 1992, с.15].

Отдел В - посуда для выпечки (жарки?). Сосуды, которые можно отнести к данной категории, представлены единично.

Группа VI (рис.16/22-24) – **сковороды (?)**. На городище Шудьякар встречен один сосуд с нагаром на дне, который, вероятно, являлся сковородой с плоским дном (тип II-3 по Р.Д.Голдиной, В.А.Кананину). Ее диаметр – 19 см, глубина – 2,9 см [Голдина, Кананин, 1989, с.47]. На Рождественском городище обнаружен фрагмент плоского диска диаметром 25 см, край которого отогнут вверх, образуя низкий бортик, и украшен защипами. Фрагмент керамической сковороды с низкими, наклоненными вовнутрь стенками, происходит с городища Анюшкар. В целом сосуды подобной формы для Пермского Предуралья являются редкостью.

Подобные толстостенные лепные сковородки для выпечки хлеба известны в раннеславянских памятниках [Розенфельдт, 1997, с.23]. Новосибирские исследователи, рассматривая более поздний комплекс русской керамической посуды, отмечают, что такие сковороды могли применяться для жарения овощей, мяса, рыбы, выпечки блинов, хлеба, пирогов [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.181, рис.82]. На наш взгляд, появление на городищах Пермского Предуралья этого нового типа кухонной керамической посуды совпадает со временем перехода к пашенному земледелию, и с появлением в рационе нового блюда – хлеба. Поэтому, вероятно, керамические сковороды предназначались именно для выпечки хлеба.

Отдел С - посуда для приготовления молочных продуктов. М.В.Талицкий и В.А.Оборин отмечают наличие в керамическом комплексе находок с городищ Роданова, Лаврятского и Анюшкар днищ сосудов с отверстиями для процеживания молочной сыворотки [Оборин, 1999, с.280]. К сожалению, рисунков этих фрагментов не сохранилось, как не удалось обнаружить подобных предметов в керамических коллекциях музеев Пермского края и Эрмитажа. Поэтому сложно сказать, какому типу сосудов принадлежали данные днища. Подобные по назначению «сырницы» – лепные сосуды усеченно-конической формы с отверстиями в нижней части стенок – известны на раннеславянских памятниках [Розенфельдт, 1997, с.23].

Наиболее хорошо известны сосуды для молока среди посуды болгарского ремесленного производства. Для хранения молока и отстаивания сливок и сметаны использовались сосуды с довольно высокими вертикально поставленными горловинами – кувшины и кринки.

Группа СІ – кувшины (рис.11) – сосуды удлиненных пропорций, имеющие выпуклое тулово и относительно узкую горловину подцилиндрической формы. Диаметр горла меньше половины диаметра тулова. Характерная черта

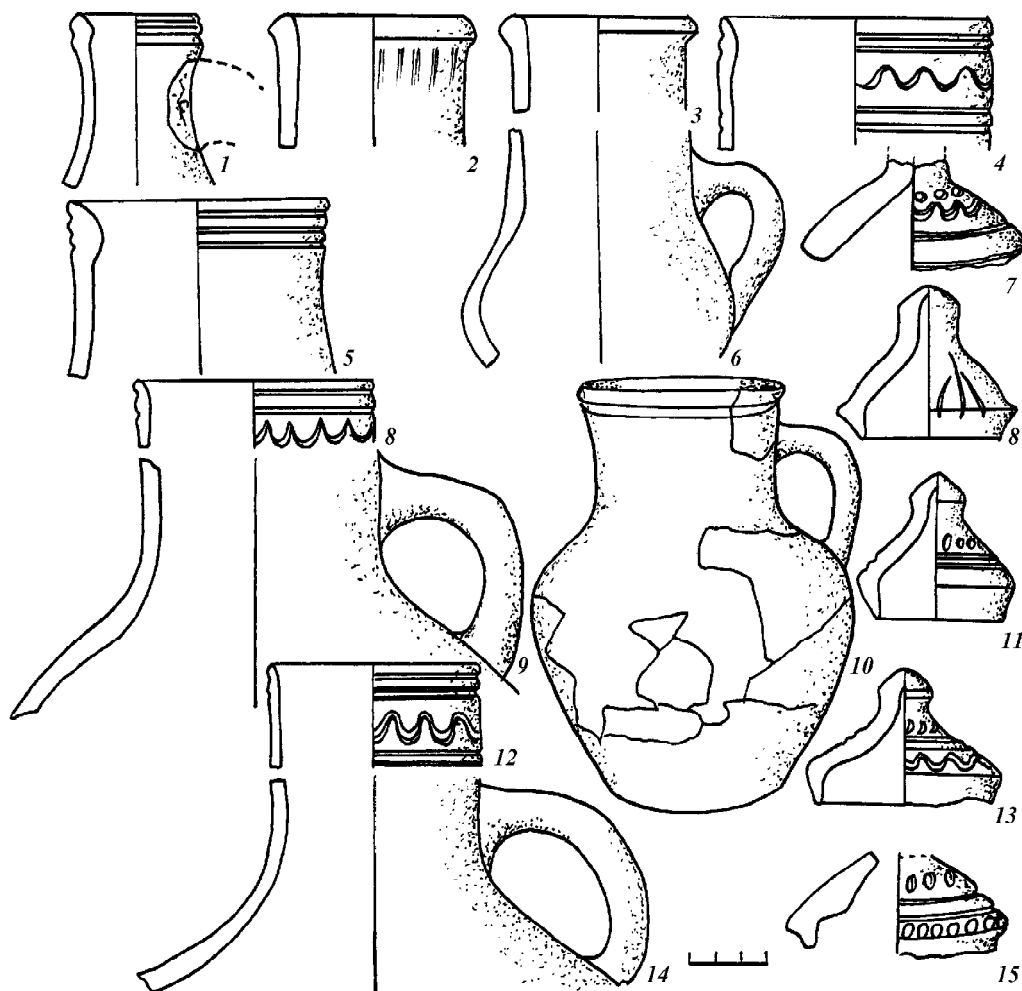

Рис.11 Кувшины гончарные, крышки кувшинов: 1-9, 11-15 – Рождественское городище, 10 – Роданово городище.

– наличие одной С-образной или Г-образной в профиле ручки, некоторые сосуды имеют слив. На Рождественском городище это второй по численности тип посуды болгарского производства, кувшины составляют 20,6 % от общего количества реконструируемых гончарных сосудов [Богданова, Белавин, 2006, с.46-47]. Среди сосудов данного типа выделяется два подтипа – узкогорлые кувшины с диаметром горла до 10 см (преобладает диаметр 6-8 см) и крупные широкогорлые сосуды с блоковидным горлом диаметром 10-18 см. Кувшины могут относиться и к категории тарной посуды для переноски и хранения воды и иных жидкостей [Богданова, Белавин 2006, с.52].

Группа СІІ – кринки (рис.12) – сосуды с диаметром горла равным или превышающим половину диаметра тулова. Это стройные закрытые сосуды с более широким, чем у кувшинов, горлом и иногда с одной петлевидной руч-

кой, прикрепленной в верхней части сосуда. На Рождественском городище кринки составляют 9,5% от общего количества гончарных сосудов. В отличие от кувшинов, которые орнаментировались редко и довольно просто, кринки имеют разнообразную и пышную орнаментацию [Богданова, Белавин, 2006, с.47-49]. Среди данного типа сосудов выделяется четыре подтипа по форме горловины: кринки с цилиндрическим горлом, с блоковидным горлом, с горлом в форме усеченного конуса, с раструбообразным горлом. В некоторых случаях сосуды имели одну петлевидную ручку, но, в основном, данный тип сосудов

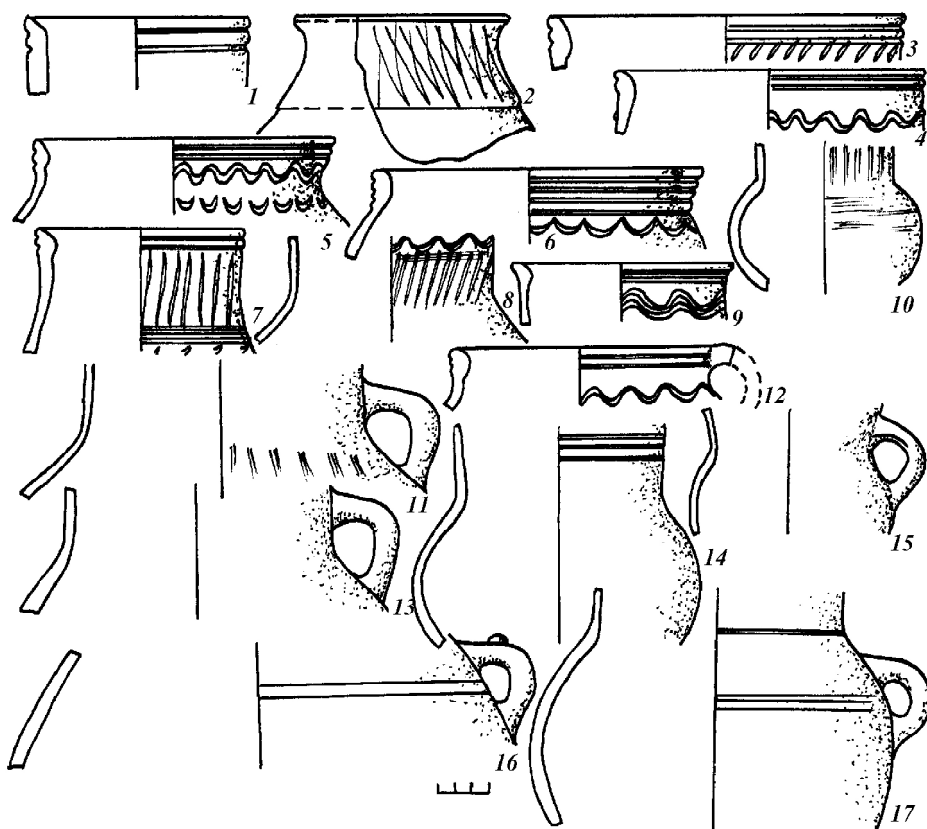

Рис.12 Кринки: 1-2 – Чашкинское II селище, 3-17 – Рождественское городище

ручек не имел. Богатая орнаментация кринки свидетельствует о том, что чаще этот тип сосудов использовался в качестве столовой посуды [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

1.2.2. УТВАРЬ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКИ

У народов Европы для хранения и переноски продуктов использовалась, главным образом, утварь из дерева [Материальная культура, 1989, с.201]. Особенности почвы в Пермском Предуралье не способствуют хорошей сохранности органических материалов, и, в частности, древесины. Однако анализ инструментов деревообработки показывает, что здесь вполне могло существовать специализированное ремесло, ориентированное на производство деревянной утвари. Например, в комплексе деревообрабатывающих инструментов из материалов Рождественского городища имеются втульчатые тесла, рассчитанные на работу одной рукой, с легким лезвием и небольшой коленчатой рукояткой. Подобные тесла, судя по аналогиям с Биляра, могли использоваться для вы-

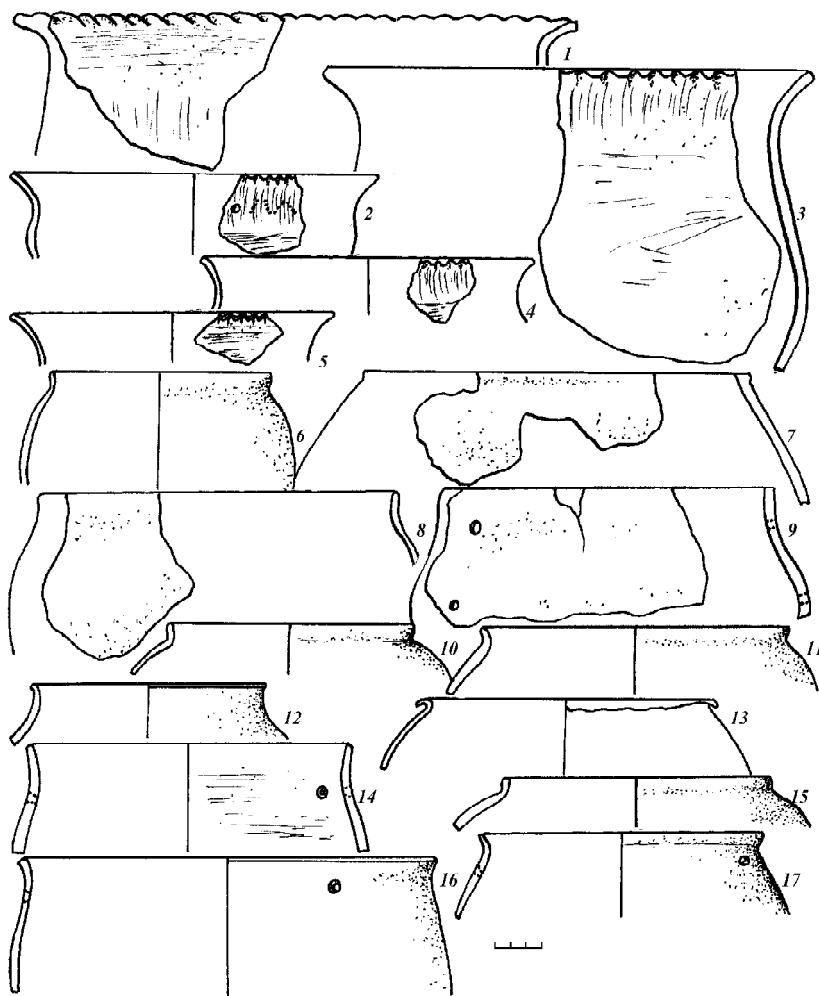

Рис.13 Тарная посуда лепная: 1,3 – Русиновское I селище; 2, 4, 5 – Запосельское I селище; 6, 10-17 – Рождественское городище; 7-8 – Опутятское городище; 9 – Русиновское II селище.

далбливания бортей [Культура Биляра, 1985, с.50-54, табл.XVII]. Здесь же встречены маленькие наструги с лезвием, похожим на прямолинейный скобель с отходящими вверх ручками. Это лезвие вставлялось ручками в деревянную колодку и закреплялось клиньями, фиксируя, таким образом, необходимую толщину стружки. Этим инструментом строгать было гораздо легче, а главное, всегда можно было брать стружку определенной толщины, регулируя железку. Поверхность изделия получалась более гладкой, чем при обработке скобелем. Такие инструменты использовались в бондарном производстве. Довольно широко представлены долота и стамески, предназначенные для вырезания пазов и выемов, разнообразные резцы, в то числе и специализированные резцы-ложкари. Таким образом, в существовании деревянной утвари сомневаться не приходится.

Уже было отмечено, что посуда, как правило, носила универсальный характер, и одни и те же формы сосудов могли использоваться и в качестве кухонной, и в качестве столовой, и как тарная посуда.

Отдел А – керамические сосуды.

Группа АI – лепные горшки «прикамского типа» (рис.13). Этот тип сосудов являлся наиболее распространенным типом кухонной посуды, но одно-

временно мог использоваться и для хранения продуктов. Горшки *типа 1* (по В.А.Оборину, Р.Д.Голдиной), как правило, большие (диаметр по венчику 30-50 см), стенки толстые (8-12 мм), в большинстве случаев не орнаментированные, поверхность обработана грубо. Они слабо обожжены, на них нет следов нагара, иногда имеются отверстия в стенках, вероятно, предназначенные для вентиляции или для привязывания деревянных крышек для сохранности продуктов от грызунов.

Такие сосуды, по мнению В.А.Оборина, использовались, в основном, для хранения продуктов. Встречаются такие сосуды чаще всего в ямах-кладовках [Оборин, 1970, с.10]. Например, ямы кладовки с толстостенными сосудами для хранения пищи обнаружены в нижнем слое IX-XI вв. Саламатовского I городища [Оборин, Балащенко, 1968, с.32].

Группа АII – гончарные горшки болгарского производства. Наиболее крупные сосуды этого типа служили в качестве тары для перевозки и хранения сыпучих и жидких продуктов [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

Группа АIII – корчаги и хумы болгарского производства (рис.14) – толстостенные сосуды с коротким низким горлом, диаметр которого меньше или равен половине диаметра тулова. Для этих сосудов характерно наличие двух небольших, но массивных ручек, прикрепленных к верхней части тулова. Корчаги и хумы имеют высокие пропорции, для них характерно расположение наибольшего диаметра тулова в верхней части и преимущественно небольшой диаметр горла – 10-20 см (хумы). Но имеются и широкогорлые сосуды с массивным венчиком, диаметр по горлу у которых составляет 20-30 см и более (толстостенные корчаги). На Рождественском городище подобные сосуды составляют 20,9% от реконструируемых сосудов болгарского производства [Богданова, Белавин, 2006, с.43]. Эти крупные сосуды, превосходящие по своим размерам все иные виды посуды, использовались в качестве тары для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

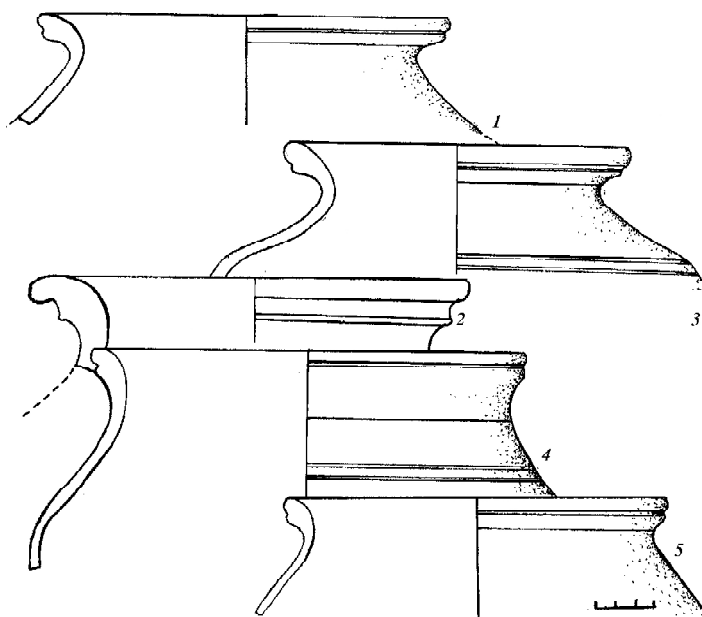

Рис.14 Корчаги и хумы: 1-5 – Рождественское городище.

Нужно отметить, что переход к пашенному земледелию в Пермском Предуралье по времени совпадает с распространением здесь посуды болгарского ремесленного производства. Поэтому для хранения резко увеличившихся запасов зерна наряду с использованием зерновых ям могли приспособить и объемные болгарские корчаги и хумы. Возможно, в корчагах хранили уже переработанные продукты (муку, крупу). Как известно по этнографическим материалам, в корчагах также солили рыбу и капусту, варили пиво [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.183].

Группа AIV – кувшинообразные сосуды болгарского производства. Эти сосуды могли использоваться для транспортировки жидкостей.

По мнению А.М.Белавина, большое количество тарной посуды болгарского производства (корчаг и кувшинов) на памятниках Пермского Предуралья может объясняться не только использованием этих сосудов в быту местным населением, но и поставками каких-либо жидких и сыпучих продуктов [Белавин, 2000, с.53].

Отдел В – кожаные сосуды. Для транспортировки жидкостей могли использоваться кожаные бурдюки. Они изготавливались из цельных овечьих шкур или сшитых кожаных емкостей [Плетнева, 1989, с.145]. На Рождественском городище встречено несколько предметов из кости, которые интерпретируются как детали бурдюков (рис.15). Это костяные трубки подтреугольного сечения шириной 1,5 см, с диаметром внутреннего отверстия 1-1,4 см. Одна трубка прямая, другая – с расширением на конце. С одной стороны на трубках отмечаются нарезки. Подобные костяные горлышки бурдюков известны в салтовомаяцкой культуре, например, аналогичные предметы представлены в катакомбах 57,101 Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с.144, рис.81]. Грубо вырезанный из кости предмет с цилиндрической ножкой и округлым набалдашником интерпретируется как пробка бурдюка.

Вполне вероятно, что существовала и иная утварь для хранения, сшитая из кожи или ткани. Из этнографии известно, что, например, у обских угров в мешках и сумках разных размеров, сшитых из шкур и тканей, хранили одежду и мелкие предметы [Мифы, предания..., 1990, с.10].

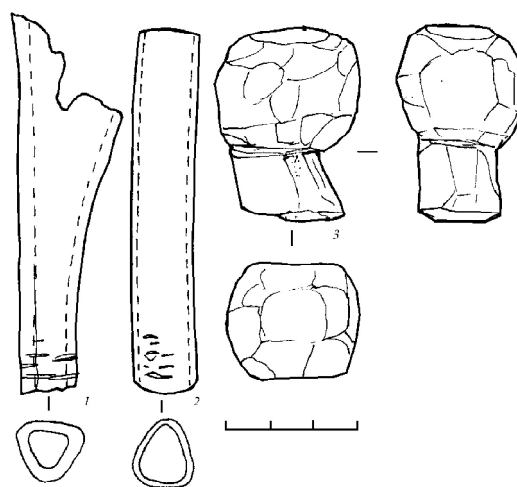

Рис.15 Детали бурдюков: 1-3 – Рождественское городище.

1.2.3. СТОЛОВАЯ ПОСУДА

По этнографическим данным хорошо известно, что посуда носила универсальный характер, и один и тот же сосуд мог использоваться для совершенно разных целей. К примеру, еще моя бабушка, Калабина Антонина Егоровна, родившаяся в уральской деревне Шогрыш, рассказывала, что во время семейной трапезы в центр стола ставили похлебку прямо в том горшке, в котором она варилась. Мясо из нее отец вынимал в миску и делил между домочадцами. После этого все начинали хлебать варево из общего горшка. При этом, тот, кто проливал суп из ложки или украдкой макал в горшок хлебом, пребольно полу-

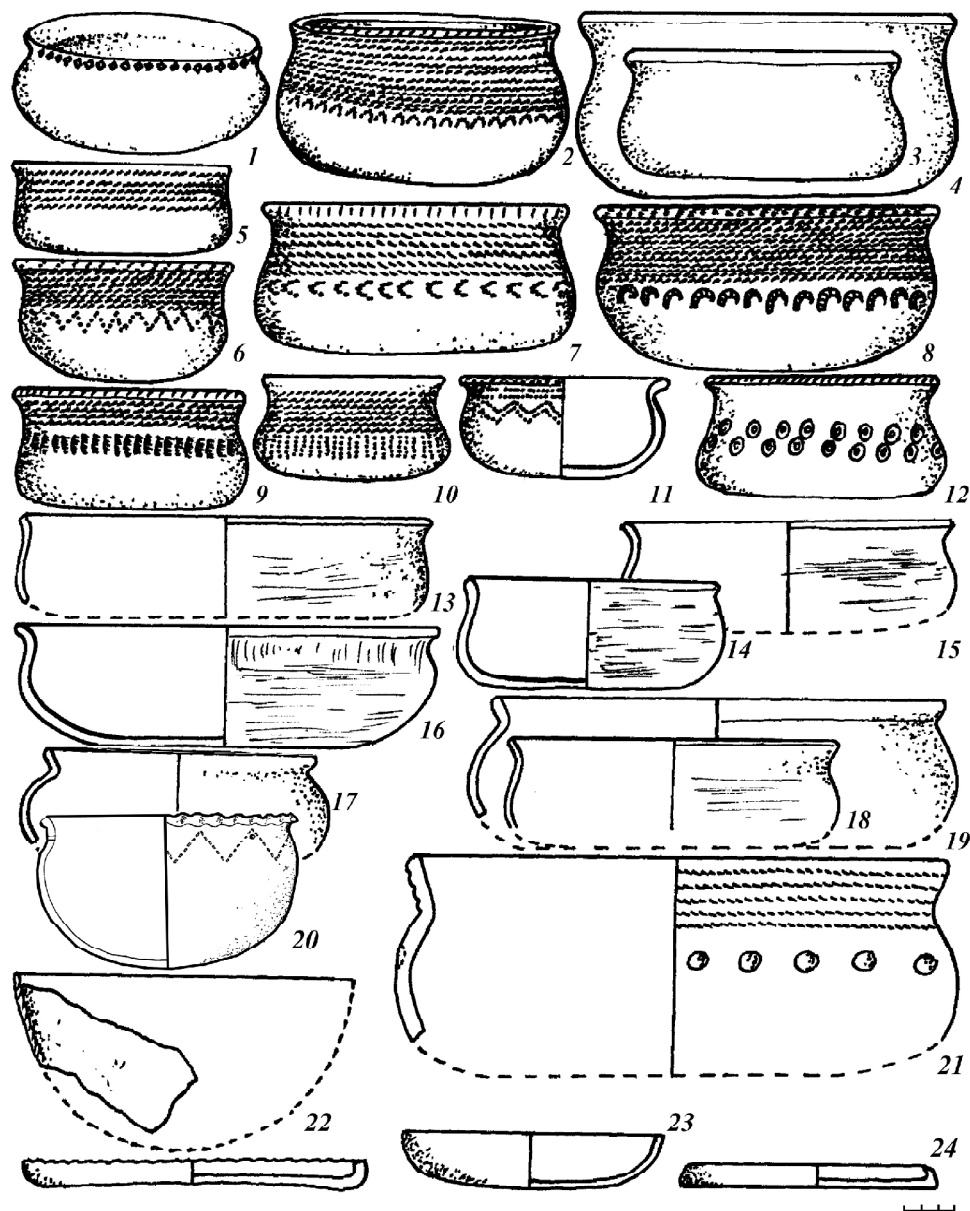

Рис.16 Лепные чаши и сковороды: 1 – п.133 Деменковского могильника; 2 – п.17 Каневского, п.1,4 Урынского могильника; 3-10, 12 – Аверинский II могильник; 11, 14, 16 – Городищенское городище; Чашкинское II селище; 15, 17-19, 21-22 – Рождественское городище; 20 – селище Володин Камень; 23 – Шудьякар; 24 – Анюшкар.

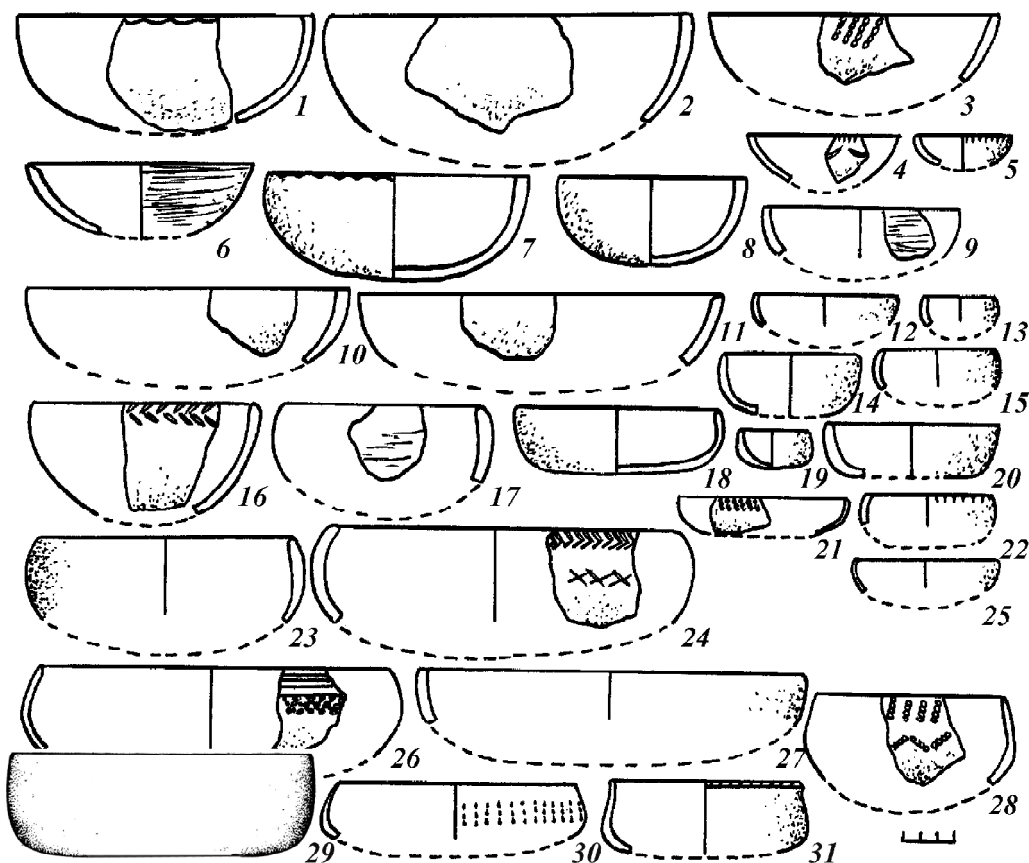

Рис.17 Лепные миски и плошки: 1-3 – Опутятское городище, 4-6, 22 – селище Запоселье I, 7, 10-11, 18, 28 – Шудьякар, 9 – Чашкинское II селище, 12-15, 19-20, 23-24, 26 – Анюшкар, 16 – п. 55 Деменковского могильника, 17 – городище Ором, 21 – Русиновское II селище, 25, 27, 29-31 – Рождественское городище.

чал от отца ложкой в лоб, в независимости от возраста и положения в семье.

Таким образом, те типы горшков и чаш (типы 1-2), которые отнесены к категории кухонной посуды, в какой-то мере могут относиться и к категории столовой.

Однако, в материальной культуре населения Пермского Предуралья как в ломоватовское, так и в родановское время существовали формы посуды, которая использовалась исключительно как столовая.

Отдел А – индивидуальная посуда для приема пищи.

Группа АI - низкие открытые чаши и миски. Следует отметить, что среди исследователей керамики сложились разные представления о том, какие сосуды относятся к чашам, а какие к мискам. Например, в прикамской археологии еще с А.А.Спицина мисками принято называть открытые сосуды без шейки, а традиционная «прикамская чаша» – это приземистый сосуд с раздутым туловом, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Такое обозначение сосудов для индивидуального приема пищи является наиболее распространенным, и основывается на этнографических параллелях [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.188-189, рис.88]. Исследователи болгарской керамики дают обратное наименование этих сосудов. Чтобы не вносить путаницы, мы сохранили те названия, которые традиционно используются спе-

циалистами.

Подгруппа А1.1 – лепные чаши «прикамского типа» (рис. 16/1-21). Это один из наиболее распространенных типов прикамской посуды. По форме венчиков их сложно отличить от горшков, но если фрагмент сосуда достаточно велик, чтобы определить его высоту, чаши выделяются достаточно часто, их характерной особенностью является приземистость тулова. Чаши наравне с горшками широко представлены в погребениях, где можно наблюдать целые формы. Присутствие этого вида сосудов в погребениях свидетельствует о его значимости как в быту, так и в ритуальной практике. Свидетельством того, что чаши были столовой посудой, является их пышная орнаментация, которая присутствует на большинстве предметов.

Подгруппа А1.2 – лепные миски местного производства (рис. 17) без выраженной шейки с некоторыми вариациями в положении верхнего края – прямого чуть загнутого вовнутрь или несколько отогнутого. Они были распространены как в ломоватовское, так и в родановское время (тип 3 по классификации В.А.Оборина, Р.Д.Голдиной). Дно этих сосудов округлое, уплощенное или плоское. Стенки, как правило, тонкие. Встречаются сосуды небольшого диаметра (8-10 см). Довольно часто сосуды данного типа орнаментированы. Среди бытовой посуды на поселениях они немногочисленны (13-15%) [Оборин, 1970, с.11; Голдина, 1985, с.95-96].

Они не имеют следов нагара и использовались, по мнению В.А.Оборина, для принятия пищи [Оборин, 1970, с.11]. Однако этнографические материалы показывают, что миски служили не только для приема пищи, но, главным образом, для смеси блюд типа салатов, замеса теста. Русское слово «миска», возможно, происходит от глагола «мешать», «размешивать», и первоначально оно писалось как «мешка», то есть емкость, где размешивали [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.189].

Подгруппа А1.3 – миски, изготовленные на гончарном круге (рис. 18). Это

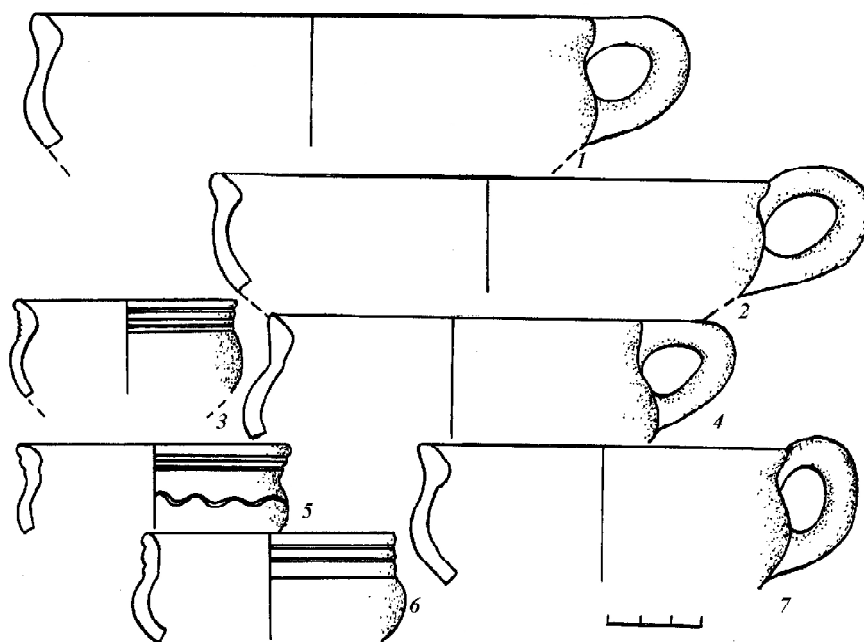

Рис. 18 Миски гончарные: 1-7 Рождественское городище.

низкие широкие сосуды с диаметром горла чуть меньше наибольшего диаметра тулова. Многие сосуды имеют небольшие ручки в верхней части. Диаметр горла 12-18 см, но есть и маленькие мисочки с диаметром горла 9 см по форме напоминающие плошки. На Рождественском городище миски составляют 1,8 % от болгарской посуды [Богданова, Белавин, 2006, с.50]. Миски не орнаментировались, но имели тщательное лощение как снаружи, так и изнутри. Использовались они, преимущественно, как столовая посуда [Богданова, Белавин, 2006, с.53].

Подгруппа А1.4 – чаши и блюда, изготовленные на гончарном круге (рис.19). Это открытые сосуды без горловины, с цилиндрическим верхом, с расширяющимся верхом, с боченкообразным верхом. Более глубокие сосуды определяются как чаши, более мелкие – как блюда. Есть маленькие чашечки диаметром по венчику 7-8 см, есть глубокие чаши достигающие в диаметре 24

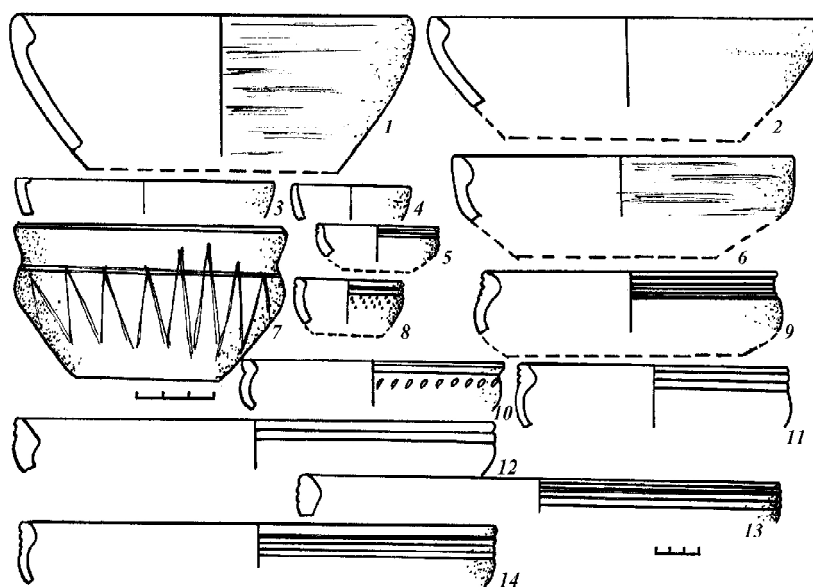

Рис.19 Чаши гончарные: 1-14 – Рождественское городище.

см. Блюда также представлены разных размеров: большие диаметром до 44 см, но наиболее массовые средние диаметром 19-30 см. Чаши и блюда в болгарском керамическом комплексе Рождественского городища составляют 8,4% [Богданова, Белавин, 2006, с.50-51]. В отличие от неорнаментированных мисок, чаши и блюда обычно имеют украшения по бортику, что свидетельствует об их парадном предназначении [Богданова, Белавин 2006, с.53].

Отдел В – сосуды для питья.

Группа В1 – деревянные сосуды – ковши, кружки (рис.20).

Деревянная посуда, судя по всему, возникла значительно раньше керамической. В уральских торфяниках собрано довольно много разнообразных деревянных ковшей, ложек, относящихся еще к эпохе каменного века. Деревянная утварь имела широкое распространение и в этнографическое время. К примеру, у обских угров утварь в прошлом в основном была деревянной и берестяной. Каждая семья имела множество берестяных емкостей разной формы и назначения: плоскодонные сосуды, кузова, коробки и т.д. Из дерева мужчины вырезали блюда, ступы, кадушки, черпаки, ложки [Мифы, предания..., 1990,

с.10]. Однако, по причине плохой сохранности органики в средневековых памятниках Пермского Предуралья мы не имеем представления о всем многообразии деревянной утвари, которая, без сомнения, широко использовалась в быту местным населением.

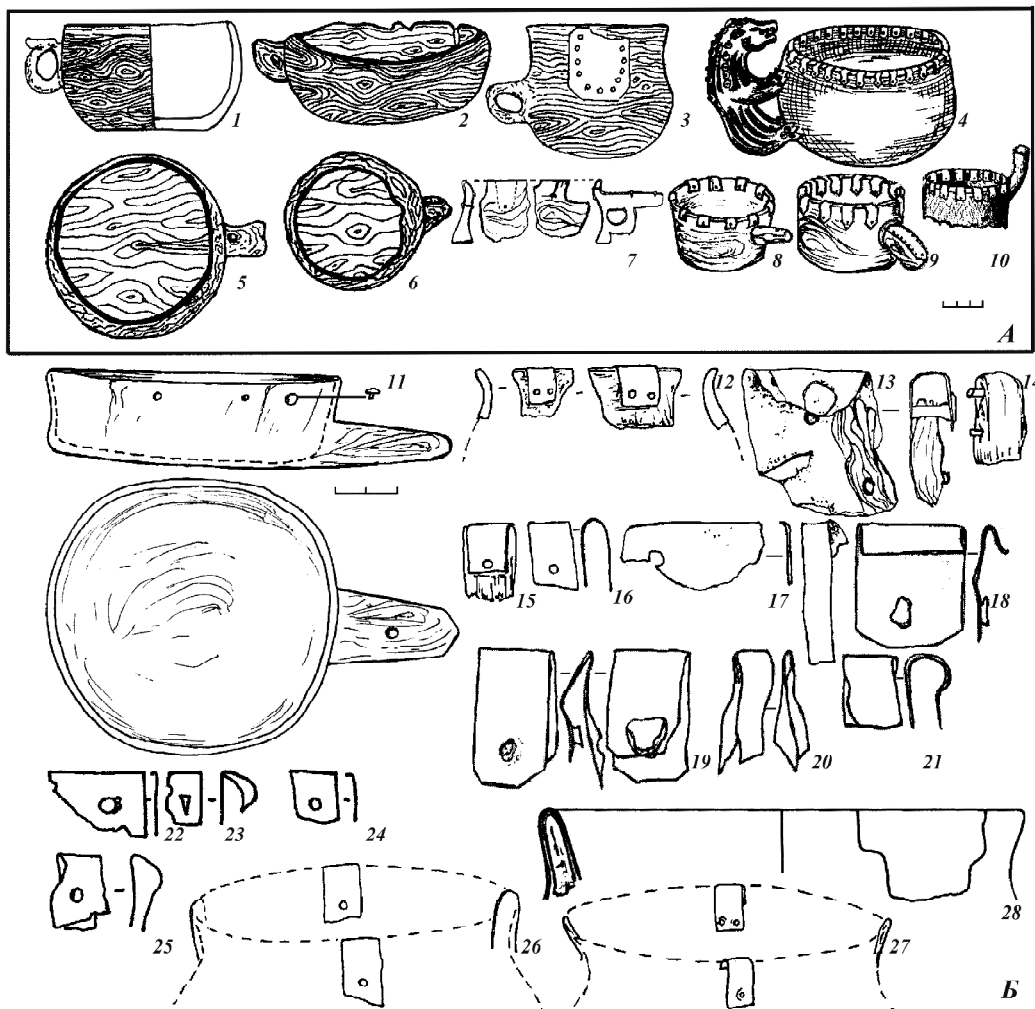

Рис.20 Деревянные сосуды, ковши, кружки. А – аналогии, Б – фрагменты сосудов Пермского Предуралья: 1 – Нижне-Лубянский могильник; 2, 5-6 – могильник Саглы-Бажы II; 3 – Уландырский курган № 235; 4 – Веслянский могильник; 7 – Танкеевский могильник; 8 – п.152, 9 – п.296 Варнинского могильника; 10 – п.50, 70 могильника Мыдлань-Шай; 11 – п.17 Вазгортского могильника; 12 – п. 114 Рождественского могильника; 13, 17-21 – Рождественское городище; 14-15 – п.37 Рождественского могильника; 16 – Рождественский могильник; 22-23 – п.135 Огурдинского могильника; 24-25, 28 – Огурдинский могильник; 26 – п.49, 27 – п.75 Рождественского могильника. Обоймы: 11-12, 15-16, 23-28 – серебро; 17-21 – бронза.

Деревянная посуда, среди которой имеются ковши и кружки с плоской площадкой на ручке-петле, довольно широко представлена в материалах салтовомаяцкой археологической культуры [Степи Евразии..., 1981, с.70, рис.45/41]. Края сосудов для прочности оковывались медными пластинами, которые часто находят в погребениях, где не сохраняется дерево. Без сомнения, именно от

салтовцев деревянная посуда для питья с металлическими оковками по краю венчика распространилась и у финно-угров Предуралья (в полоумско-чепецкой, ломоватово-родановской, вычегодско-вымской культурах).

На ряде могильников Пермского Предуралья (Рождественском, Огурдинском, Мелехинском, Степаново Плотбище и др.), реже на городищах, встречено довольно много серебряных и медных обкладок, которыми оформлялся венчик деревянных сосудов. В отдельных случаях сохранились и остатки древесины.

По сохранившимся фрагментам венчиков можно предположить, что деревянные сосуды были, главным образом, небольших размеров, по форме напоминали лепные горшки, толщина стенок составляла 0,4-1 см. Судя по материалам Рождественского могильника, венчик деревянного сосуда обычно оформлялся четырьмя металлическими обоймочками.

Серебряные обоймы представляют собой тонкую прямоугольную пластину шириной 0,7-1,5 см, согнутую пополам, и снабженную круглыми или треугольными отверстиями для одного или двух гвоздей. Пластины крепились к деревянному сосуду с помощью небольших медных гвоздиков круглого сечения с округлой или овальной шляпкой.

Медные обоймы в ряде случаев аналогичны серебряным, но на Рождественском городище встречаются и обоймы в виде более широких пластин (до 4 см), которые, вероятно, использовались на сосудах больших размеров.

Судя по тому, что в материалах погребений встречаются исключительно серебряные, а на городищах медные обоймы, можно предположить, что небольшие сосудики с серебряными обкладками венчика выполняли функцию парадных или ритуальных, а обычная бытовая деревянная посуда разных размеров оформлялась медными обкладками.

Аналогичные металлические обкладки известны в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов, 1981, рис.40/24-25,27-28], в могильниках Удмуртского Предуралья, например, в могильнике Мыдланть-Шай [Генинг, 1962, с.62]. Следует отметить, что как на соседних территориях, так и в могильниках Пермского Предуралья фрагменты деревянных сосудишков с металлическими обкладками представлены преимущественно в мужских погребениях, обычно отличающихся относительным богатством инвентаря, что может свидетельствовать об определенной значимости этого вида сосудов.

Группа ВП – керамические сосуды – плошки, кружки.

Подгруппа ВП.1 – плошки (рис. 17/4-5, 9, 14-15, 19-22, 25, 28) - миниатюрные сосудики типа 3 (по классификации В.А.Оборина, Р.Д.Голдиной) с диаметром по венчику до 10 см. Наиболее часто они напоминают сосуды типа пиалы. Из-за малых размеров сложно представить их использование для принятия пищи. Вероятнее всего, они предназначались для питья (но, возможно, часть из них использовалась как светильники-жирники). Такие сосуды в равной степени известны на памятниках как ломоватовского, так и родановского времени.

Подгруппа ВП.2 – кружки.

Тип ВП.2.1 - лепные кружки (рис.21) – сосуды средних размеров, хорошо профилированные, со слабо отогнутым наружу венчиком, невысокой шейкой, плавно переходящей в тулово. Характерная особенность кружек – наличие «переместителя» - петлеобразной ручки, которая крепится под венчиком и в при-

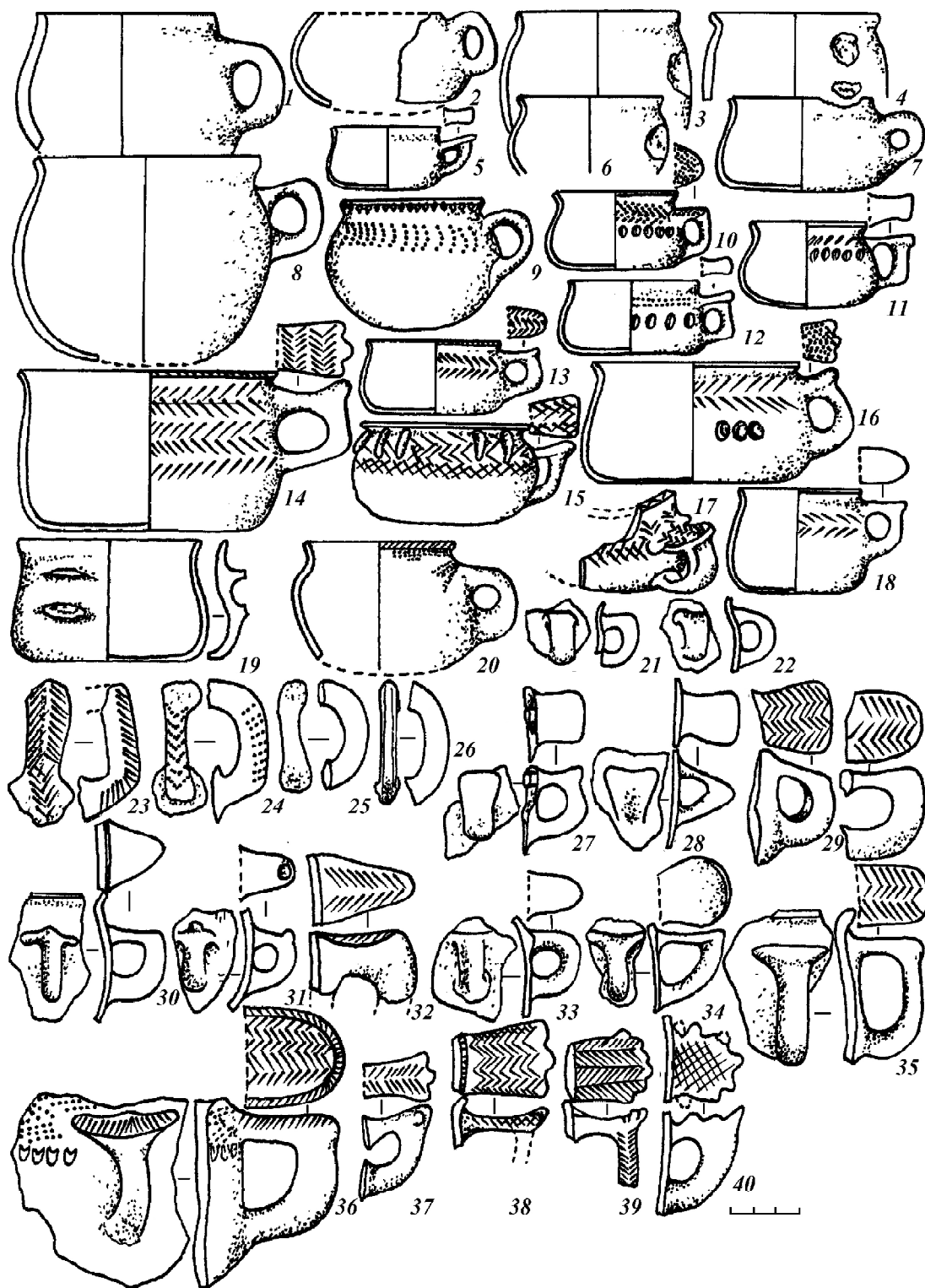

Рис.21 Лепные кружки: 1 – Шудьякар; 2-6, 8, 11-12, 18, 21-22, 27-34, 37 – Рождественское городище; 7, 19 – Аверинский I мглгильник; 9 – п.129 Деменковского могильника; 10 – селище Телячий Брод; 13 – Антыбарский могильник; 14, 16-17, 23-26, 36, 38-40 – Саломатовское городище; 15 – могильник Телячий Брод; 20, 28 – Анюшкар.

донной части тулова. Ручки встречаются как обычные «С»-видные и скобо-видные, так и с упором-площадкой различных конфигураций: подпрямоугольной, овальной формы, в виде листка дуба, «медвежьей лапы» и пр. Кружки обыч-

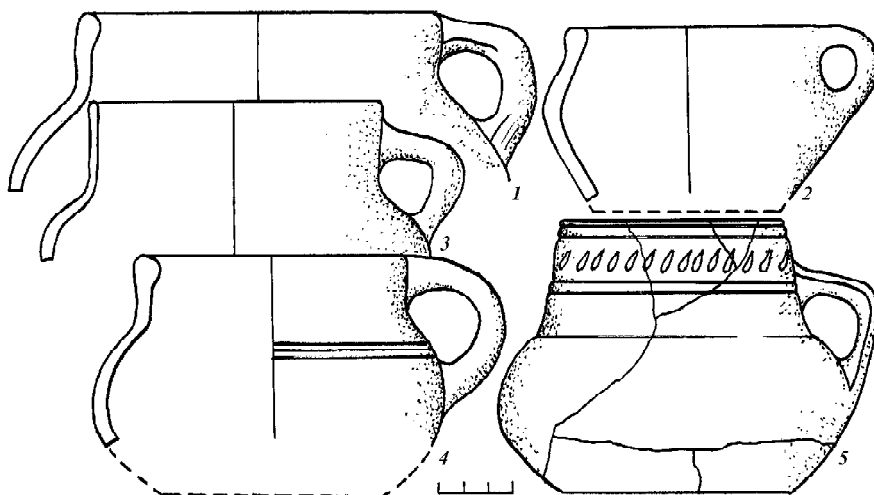

Рис.22 Гончарные кружки: 1-5 – Рождественское городище.

но богато орнаментированы. На них нет следов нагара, что может свидетельствовать о применении кружек как соловой посуды. Причем, частое присутствие кружек в погребениях XII-XIV вв., обычно принадлежащих мужчинам, свидетельствует о том, что кружки несли какую-то особую смысловую нагрузку. Вполне можно предположить, что кружки использовались для употребления ритуальных напитков. В русской этнографии подобные сосуды известны как сливочки – то есть кружки для сырого молока или сливок [Нижегородский археологический микрорайон, 2001, с.189].

Лепные кружки и их фрагменты встречены на городищах Шудьякар, Рождественском, Анюшкар, Кудымкарском, Саломаовском, селище Телячий Брод, могильниках Телячий Брод, Антыбарском, Плотниковском, Аверинском I. Самая ранняя кружка встречена в погребении № 129 Деменковского могильника, которое датируется IX в. Но наиболее широкое распространение керамические лепные кружки получили с XI-XII вв.

Тип ВП.2.2 – гончарные кружки болгарского производства (рис.22). Это относительно небольшие сосуды с диаметром горла не более 10 см и с обязательной петлеобразной ручкой в верхней части. У кружек суженное горло, плавно переходящее в слабо выпуклое тулово. На Рождественском городище кружки составляют 1,6% болгарской посуды [Богданова, Белавин, 2006, с.49-50].

Керамические кружки и «братины» распространились в Пермском Предуралье относительно поздно. Сложно предполагать, что послужило толчком к появлению этих новых форм лепной посуды. Вполне вероятно, что местные мастера брали за основу формы болгарской кружальной посуды. Кроме того, исследователями отмечается, что прототипами таких форм глиняных сосудов, как кувшины, кружки, чаши, были металлические сосуды. Это, например, четко прослеживается на материалах Ферганы [Брыкина, 1974, с.49; Литвинский, 1973, с.109], формам металлической посуды восточного происхождения подражали византийские гончары [Даркевич, 1975].

Подгруппа ВП.3 – открытые чаши с двумя ручками (рис.23). Высокие широкогорлые сосуды с отогнутым наружу венчиком, слабо раздутым в придонной части туловом, округлым или уплощенным дном, снабжены двумя петлеобразными ручками с площадкой-упором. Сосуды богато орнаментированы.

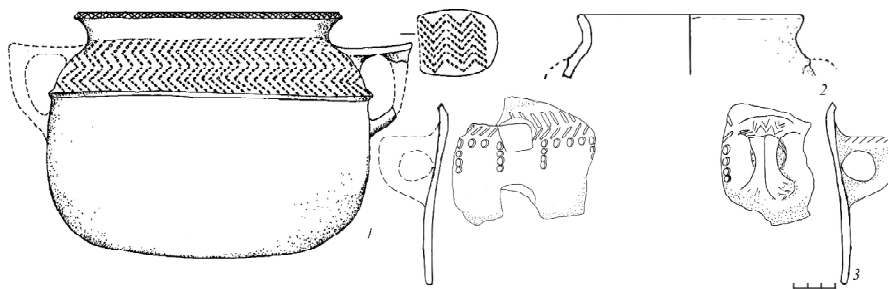

Рис.23 Чаши с двумя ручками – «братины»: 1, 2 –

Встречены на Рождественском, Саломатовском городищах, селище Телячий Брод, Антыбарском и Плотниковском могильниках.

По мнению О.А.Нечаева, такие сосуды могли использоваться как парадные, например, в роли братины или задравной чаши [Нечаев, 1992, с.45].

Отдел С – сосуды для подачи на стол напитков. Среди болгарской посуды выделяются кувшины и кринки изящных пропорций с тщательной отделкой поверхности лощением и с пышной орнаментацией. Среди кувшинов к столовой посуде могут быть отнесены кувшины средних размеров и группа маленьких кувшинчиков. Среди кринок к столовой посуде может быть отнесено большинство. Маленькие криночки с ручками могли использоваться в качестве кружек, а большие – для выставления на стол жидких продуктов. Эти сосуды достаточно широко употреблялись в быту населения городищ, о чем свидетельствуют многочисленные находки их обломков [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

1.2.4. СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ

Ножи. Длительное время единственным приспособлением, использовавшимся людьми во время еды, был нож. В средневековых могильниках Пермского Предуралья универсальные ножи почти обязательно сопровождают в равной мере как мужские, так и женские погребения. Ножи носили на поясе, преимущественно слева. Их, вероятно, использовали в самых разнообразных хозяйственно-бытовых целях, в том числе, и при приеме пищи. Особое значение ножа как весьма значимого предмета подчеркивается обычаем женщин в конце IX – начале XI вв. носить их в нарядных деревянных ножнах, обложенных серебряными или медными пластинами, нередко с украшением зернью.

Ложки. После появления вареной пищи в обиход вошли ложки. На Урале они известны с эпохи неолита.

Форму ложкам придавали различную, с одной стороны – в зависимости от назначения, с другой – обусловленную традицией. Для их изготовления применяли разные материалы: дерево, кость, металл, глину, снабжали их резьбой и росписью. На Руси, например, простой люд пользовался деревянными ложками, металлические принадлежали исключительно знати, на русском Севере в ходу были костяные ложки.

На средневековых памятниках Пермского Предуралья собрано довольно много ложек. Все они выполнены из двух видов материала – металла (бронзы) и кости. Нет сомнения в том, что в обыденной повседневной жизни для употребления пищи пользовались ложками, вырезанными из дерева. Свидетельством тому являются находки специализированных резцов-ложкарей, которые

с к. IX-X вв. встречаются как на поселенческих памятниках, так и на могильниках в составе мужского погребального инвентаря. Однако особенности почвы и погребального обряда не способствуют хорошей сохранности органики, и среди скудного комплекса обнаруженных на прикамских памятниках фрагментов деревянной утвари ни одной ложки нет.

Бронзовые, а возможно, и костяные ложки имели, главным образом, культовое назначение. Металлические ложки использовались в качестве подвесок-амулетов в женском костюме. Их обычно помещали в составе поясных привесок [Крыласова, 2001, рис.46,49], реже – нагрудных украшений [Крыласова, 2001, рис.62]. Костяные ложки, которые в большинстве случаев, как и бронзовые, снабжены отверстиями для привешивания, по мнению большинства исследователей, также носили культовый характер [Генинг, 1962, с.90; Белавин, 1986, с.137]. Идею использования различных бытовых предметов (копоушек, туалетных коробочек и пр.) жители Пермского Предуралья могли заимствовать у представителей салтово-маяцкой культуры, от которых были восприняты и многие формы основных категорий украшений, которые в переработанном виде стали типичными украшениями средневекового костюма Пермского Предуралья. В салтовских древностях в составе костюмного убранства известны и металлические туалетные ложечки [Плетнева, 1989, с.106]. По своим размерам ложки-подвески вполне пригодны для употребления при приеме пищи. Бытовые деревянные и костяные ложки, сохранившиеся в могильниках Удмуртского Предуралья, на Выми и в Приобье внутри металлических котлов, аналогичны как по форме, так и по размерам прикамским ложкам-амулетам. Можно предполагать, что последние могли использоваться и в практических целях, по крайней мере, в исключительных случаях, например, во время ритуальных трапез. Нужно отметить, что и обыденные бытовые ложки нередко бывают снабжены отверстием на рукояти. Это отмечается и среди ложек, встреченных на территории Руси. Как отмечает Р.Л.Розенфельдт, их носили на поясе на шнуре [Розенфельдт, 1997а, с.41].

Традиция использования в качестве амулетов металлических ложек существовала в Пермском Предуралье в период с конца VIII до конца X века. К этому же периоду относятся подвески-ложки, встреченные на соседних территориях – в поломских и неволинских могильниках, курганах Южного Урала, раннебулгарских могильниках, в Зауралье, которые представлены единичными экземплярами, и типологически схожи с прикамскими. Это дает возможность предполагать, что проникновение данных предметов за пределы территории Верхнего Прикамья связано с межкультурными контактами, которые, в данном случае, скорее всего выражались в межэтнических браках, поскольку подвески-ложечки использовались исключительно в женском костюме.

Подвески-амулеты в виде миниатюрных ложечек известны и на Руси, где они являлись символом благосостояния и довольства. Наиболее распространенными были круглые ложечки с гладкой или фигурной в виде плетенки рукояткой, которые бытовали в X – начале XII вв. [Успенская, 1967, с.94-95]. Вполне возможно, что традиция использования в составе костюмного комплекса ложек-амулетов была воспринята жителями Руси у прикамского населения, которое являлось своеобразным «законодателем моды» на разнообразные магические предметы, такие как зооморфные роговые гребни, кресала с бронзовой рукоятью, копоушки и пр.

Как отмечает Ю.М.Лесман, металлические ложки имели своим прототипом деревянные ложки, применявшиеся в обыденной жизни, причем деревянные и металлические изделия существовали синхронно [Лесман, 1990, с.85]. Аналогичная картина, судя по всему, наблюдалась и в Пермском Предуралье.

Прикамские должки делятся на два отдела – с укороченной и длинной рукоятью. Для выделения групп в качестве основного критерия выступает форма черпака. Дальнейшая классификация строится на особенностях оформления.

Отдел А – ложки с укороченной рукоятью.

Группа А1 – ложки с овальным или овально-подпрямоугольным слабоуглубленным черпаком, вытянутым по одной линии с рукоятью. У большинства черпаков по осевой линии наблюдается слабо выраженное ребро. Длина рукояти меньше или примерно равна длине черпака. Особенностью рукояти является характерный коленчатый изгиб при переходе к черпаку. Все ложки данной группы, известные на территории Пермского Предуралья, отлиты из бронзы, имеют отверстия для привешивания. Исследователи традиционно рассматривают их в качестве подвесок среди прочих украшений костюма.

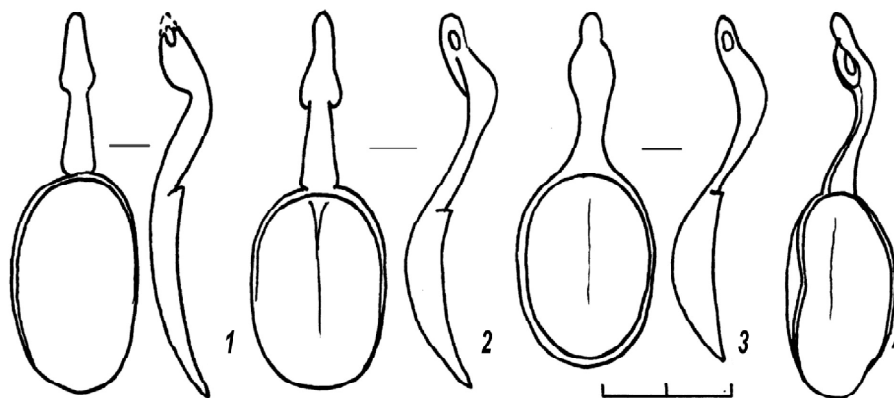

Рис.24 Ложки, тип А1.1: 1 – Деменковский могильник; 2 – д.Батуева, 3 – п.79 Щукинского могильника, 4 – Пермская губерния, Висимский, Загарский могильники. 1-4 – бронза.

Тип А1.1 (рис.24) – относительно миниатюрные ложки длиной 5,5-6 см, с рукоятью округлого сечения, завершающейся сильно стилизованным изображением головы животного или птицы. Судя по тому, что на некоторых экземплярах вполне отчетливо выделены уши, и учитывая очертания головы, можно предположить, что это изображение головы лося или коня (6 экз.; из Деменковского (ПОКМ, инв. № 10301 Дем2/140), п.79 Щукинского [Голдина, 1985, т.XXI/23], Висимского, Загарского могильников [Голдина, 1985, т.XXI/24], д.Батуевой [ДТ, с.489], Пермской губернии [Спицин А.А. Древности бассейнов р.Оки и Камы (в.2, неизд.) т.86/6]). Деменковский и Загарский могильники датируются VII-IX вв., Щукинский - VI-IX вв., Висимский могильник – VII-VIII вв. [Голдина, 1985].

Ложки схожей формы с изображением звериной или птичьей головы на конце рукояти известны еще в древностях Усть-Полуя I в. до н.э. [Усть-Полуй, 2003, № 114, 118, 120, 125]. Подобные костяные ложки со скульптурным изображением лося, змеи и гуся на конце рукояти представлены в погребениях № 7, 18, 58 Варнинского могильника, датирующихся IX-X вв.

[Семенов, 1980, с.63,67, табл. XXVIII/4,5,7], подобные ложки с изображением головы животного (коня?) известны на городище Иднакар IX-XIII вв. в Удмуртии [Иванова, 1998, с.171, рис. 76/6].

Таким образом, ложки данного типа, вероятнее всего, могут быть датированы VIII-IX вв.

Тип АІ.2 – ложки длиной 5,5 – 11 см с уплощенной рукоятью прямоугольной или подтрапециевидной формы (24 экз.).

Подтип АІ.2.1 (рис.25/1-3) – рукояти гадкие, отверстие для подвешивания треугольное (3 экз.; из д.Трениной на р.Косьве [Aspelin, 1880, 577], д.Вакиной [ДТ, с.8], с.Гайна [ДТ, с.641]).

Аналогичные подвески-ложки, только с насечками по бокам рукояти (такое оформление часто встречается в Пермском Предуралье на ложках других подтипов) встречены на территории Удмуртии в п.79 могильника Мыдлань-Шай VIII-IX вв. [Генинг, 1962, табл.V/34]; в п.98, 136, 249 Варнинского могильника, датированных второй половиной VIII – первой половиной IX в. [Семенов, 1980, с.62, табл.VIII/11]; в п.119 Бродовского (конец VI – начало IX вв.) и п.2 Горбунятского (VIII в.) могильников неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XL/21].

Подтип АІ.2.2 (рис.26/8) – вдоль боковых сторон рукояти – насечки, в области изгиба рукояти – два боковых выступа, украшенных полушарными выпуклостями, расположенными в форме треугольника. Отверстие для привешивания треугольное (1 экз.; п. № 21 Редикорского могильника VIII – начала X вв. (ЧКМ)).

Подтип АІ.2.3 (рис.26/4-6) – рукоять имеет удлиненное щелевидное отверстие, планки по бокам которого оформлены косыми насечками. На месте перегиба рукояти – рельефное изображение личины неопределенного существа (3 экз.; Подчеремский клад ([Городцов, 1937, с.132], Эрмитаж), п. № 29 Плесинского могильника VII-X вв. (КПОКМ), д.Вижайка в верховьях Иньвы [Aspelin, 1880, 575]).

Ложка аналогичной формы с подобной личиной встречена в Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте на Европейском Северо-Востоке, по мнению А.Л.Багина, она, по аналогии с предметом из Подчеремского клада, датируется VII-VIII вв. [Багин, 1998, с.81, рис.3/4].

Подтип АІ.2.4 (рис.25/4-17) – на месте перегиба рукояти – рельефное изображение головы медведя.

Вариант а (рис.25/4) – миниатюрная ложечка длиной 5,5 см. Кроме стилизованной головы медведя других элементов оформления не наблюдается. Снабжена небольшим круглым отверстием для привешивания (1 экз.; п. № 49 Плесинского могильника VII-X вв. (КПОКМ)).

Вариант б (рис.25/5) – верхняя часть рукояти оформлена по бокам выпуклыми валиками, образующими в центре подтреугольную площадку, в верхней части которой – небольшое округлое отверстие для привешивания. Вдоль валиков – ряды небольших полушарных выпуклостей. Ниже довольно реалистично выполненной головы медведя рукоять по бокам оформлена насечками (1 экз.; п. № 85 ранней части могильника Телячий Брод, датирующейся VIII-IX вв., раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант в (рис.25/6) – рукоять по бокам оформлена гладкими слабо выпуклыми валиками. Отверстие для привешивания треугольное (1 экз.; с.Гайны [Голдина, 1985, т.XXI/27]).

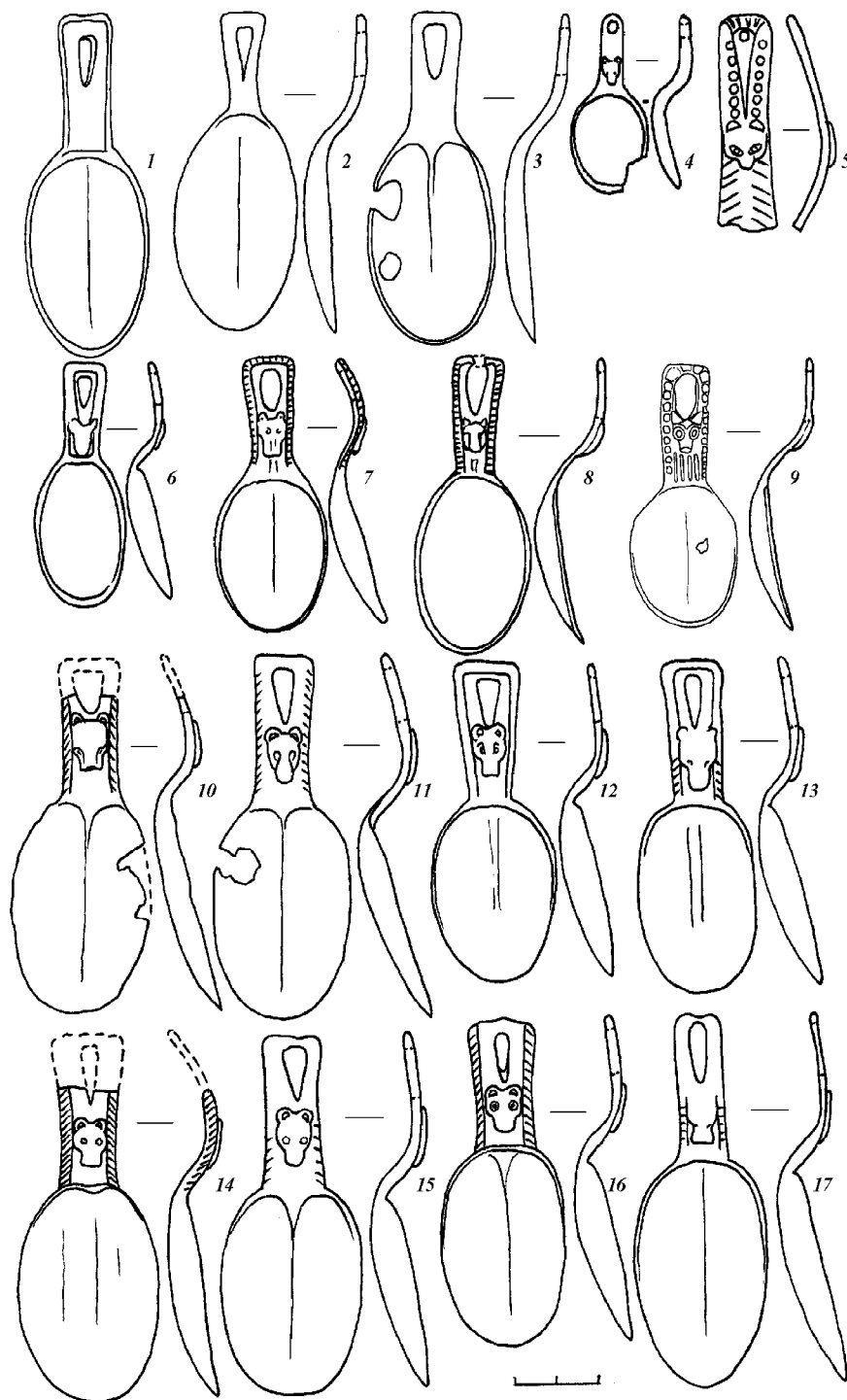

Рис.25 Ложки, 1-3 – подтип А.1.2.1; 4-17 – подтип А.1.2.4. 1 – д.Тренина, 2 - д.Вакина, 3 – с.Гайны, 4 – п.49 Плесинского; 5 – п.85 Телячий Брод могильников; 6 – с.Гайны; 7 – п.83, 363, 388 Аверинского, п.37, 66 Щукинского могильников, Буждог; 8, 15-17 – Пермская губерния; 9 – могильник у с.Гайны; 10 – д.Чажегова; 11 – д.Пуксиб; 12 – п.39 Плесинского; 13 – п.18 Урьянского могильников; 14 – д.Харина. 1-14 – бронза.

Вариант г (рис.25/7-17) – по контуру рукояти валик, украшенный косыми насечками, отверстие для привешивания треугольное или овально-подтреугольное (16 экз.; п. № 83, 363, 388 Аверинского II (VI-IX вв.), п. № 37, 66

Щукинского (IV-IX вв.) могильников, городище Буждог VIII-XIV вв. [Голдина, 1985, т.XXI/27; Голдина, Кананин, 1989, т.53/36]; Пермская губерния [Спицин, А.А. Древности бассейнов р. Оки и Камы (в.2 неизд.), т.84/20, 87/16] (КТ, ПОКМ, инв. № 1674; КТ, ПОКМ – 2 экз. без номера), могильник у с.Гайны (покупка Борисова 1900 г., Эрмитаж, инв.№ 574), д.Чажегова (КТ, ПОКМ, инв. № 11315/19), д.Пуксиб на р.Косе (КТ, ПОКМ, инв. № 11372/3), п.39 Плесинского (VII-X вв.) (КПОКМ, инв. № 642/1497), п. № 18 Урьинского могильников (КПОКМ), д.Харина (КТ, ПОКМ, инв.№ 11314/95), п. № 10 Урьинского могильника (VIII-IX вв.) (КПОКМ, инв. № 4/196)).

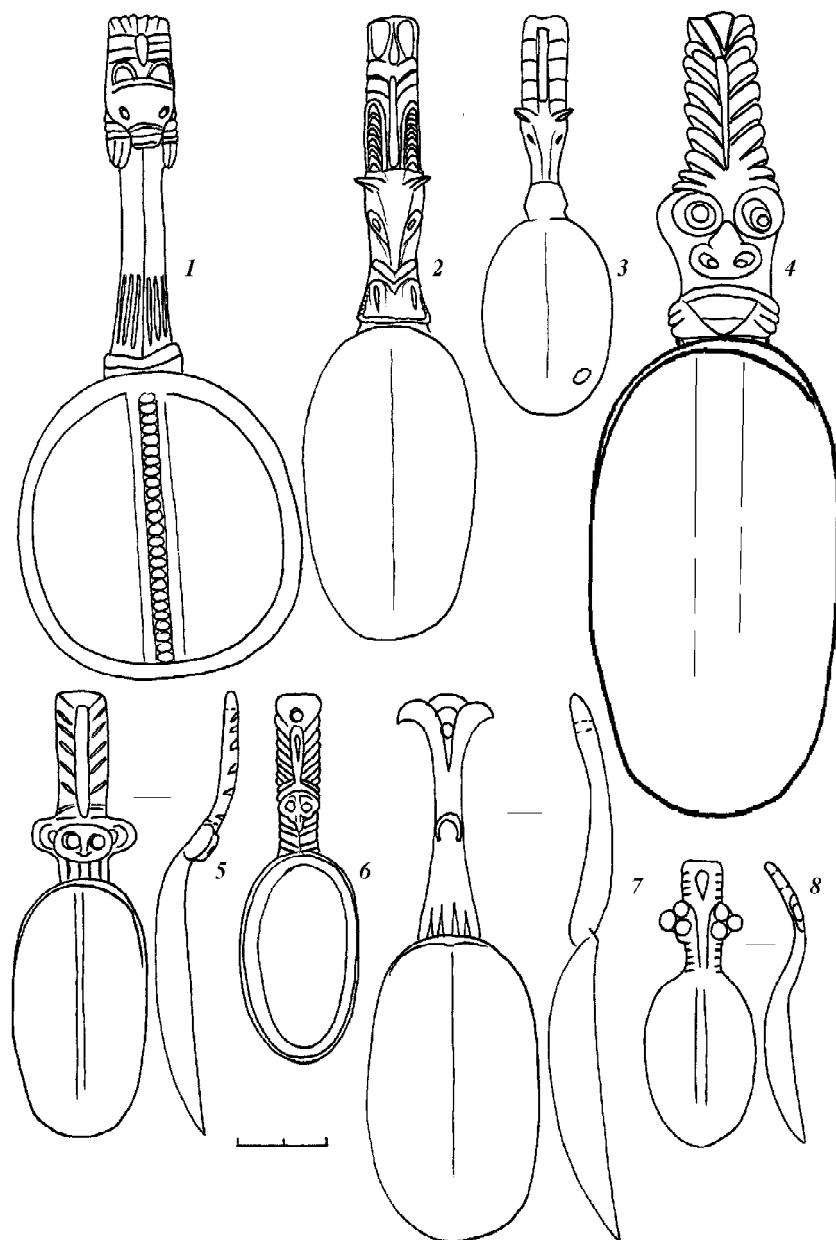

Рис.26 Ложки. 1 – подтип А1.3.1, 2-3 – подтип А1.2.5, 4-6 – подтип А1.2.3, 7 – подтип А.1.3.2, 8 - подтип А1.2.2. 1-4 – Подчеремский клад, 5 - п.29 Плесинского могильника, 6 – д.Вижайка, 7 - п.10 Урьинского могильника, 8 - п.21 Редикарского могильника. 1-8 – бронза.

Подобная ложка из серебра с изображением в основании рукояти медведя, лежащего на передних лапах, найдена в п. № 19 Старо-Халиловского кургана 6 конца VIII-IX вв. на Южном Урале [Мажитов, 1981, с.103, рис.56/3]. Аналогичная бронзовая ложка с головой медведя на рукояти найдена на Сайгатинском VI могильнике X-XI вв. в Западной Сибири [Угорское наследие, 1994, с.139. № 114].

Подтип А1.2.5 (рис.26/2-3) – на месте перегиба рукояти – рельефное изображение головы коня (лося?) с миндалевидными глазами, заостренными торчащими ушами. По контуру рукояти валик, украшенный косыми насечками (2 экз., Подчеремский клад [Городцов, 1937, с.132, рис.33-34], Эрмитаж).

Тип А1.3 – относительно большие ложки длиной 13,5-16,5 см с рукоятью полукруглого сечения, расширяющейся кверху и книзу. У перехода к черпаку рукоять оформлена вытянутыми кверху треугольными углублениями.

Подтип А1.3.1 (рис.26/1) - завершение рукояти оформлено изображением фигуры «медведя, лежащего на брюхе; его широколобая морда направлена к лоточку ложки; кончик носа выражен двумя поперечными выпуклыми линиями; глаза представлены выпуклыми зрачками (точками, поставленными в косых, продолговатых впадинах; уши полуовальной формы, отделены от головы рельефными линиями; передние ноги с тремя когтистыми пальцами, вытянутыми вперед; задние ноги, также трехпалые, вытянуты назад; лапы последних соединены перемычкой, завершающей сквозное отверстие, необходимое для подвешивания ложки». Черпак овально-округлой формы имеет на дне «три выпуклые линии, из которых средняя украшена поперечными насечками» [Городцов, 1937, с.134, рис.32] (1 экз., Подчеремский клад, Эрмитаж).

Подтип А1.3.2 (рис.26/7) - завершение рукояти оформлено в виде трилистника, в центре которого – небольшое круглое отверстие для привешивания (1 экз., п.10 Урьинского могильника VIII-IX вв., КПОКМ).

Ложки *группы А1* с вытянутым по осевой линии большим овальным или овально-подпрямоугольным черпаком бытовали и на соседних территориях, где сохранились не только бронзовые, но также костяные и деревянные изделия. Наиболее ранние костяные ложки такой формы известны еще в раннем железном веке на Старшем Ахмыловском могильнике [Наговицин, Иванова, 1995, рис.11/2-3], городище-жертвенном месте Усть-Полуй I в. до н.э. [Археология Западной Сибири..., 2002]. Подобные костяные ложки встречены в погр. № 5,40,46,58,83 могильника Мыдлань-Шай второй половины VIII – первой половины IX в. [Генинг, 1962, табл.IX/4,6] и п.39 Тольенского могильника конца VIII – начала X в. [Семенов, 1988, рис.6/4-5], относящихся к полоумской культуре, на городище Иднакар IX-XIII вв. в Удмуртии [Иванова, 1994.. Фото на вклейке, ложки из раскопок 1992 г.], в погр. 171, 657 Танкеевского могильника IX-X вв. [Казаков, 1992, с.134, рис.49/7,8] в Татарстане.

Учитывая датировку памятников, на которых представлены ложки типов А1.2-3, а также приведенные аналогии, можно считать, что период их бытования ограничивался второй половиной VIII – первой половиной IX вв., что совпадает и с датировкой ложек *типа А1.1*. Вероятно, именно непродолжительностью бытования данных ложек объясняется стандартность их формы и орнаментации.

Группа АII – черпаки округлые, округло-подтреугольные, в виде овала, вытянутого перпендикулярно рукояти, как правило, относительно

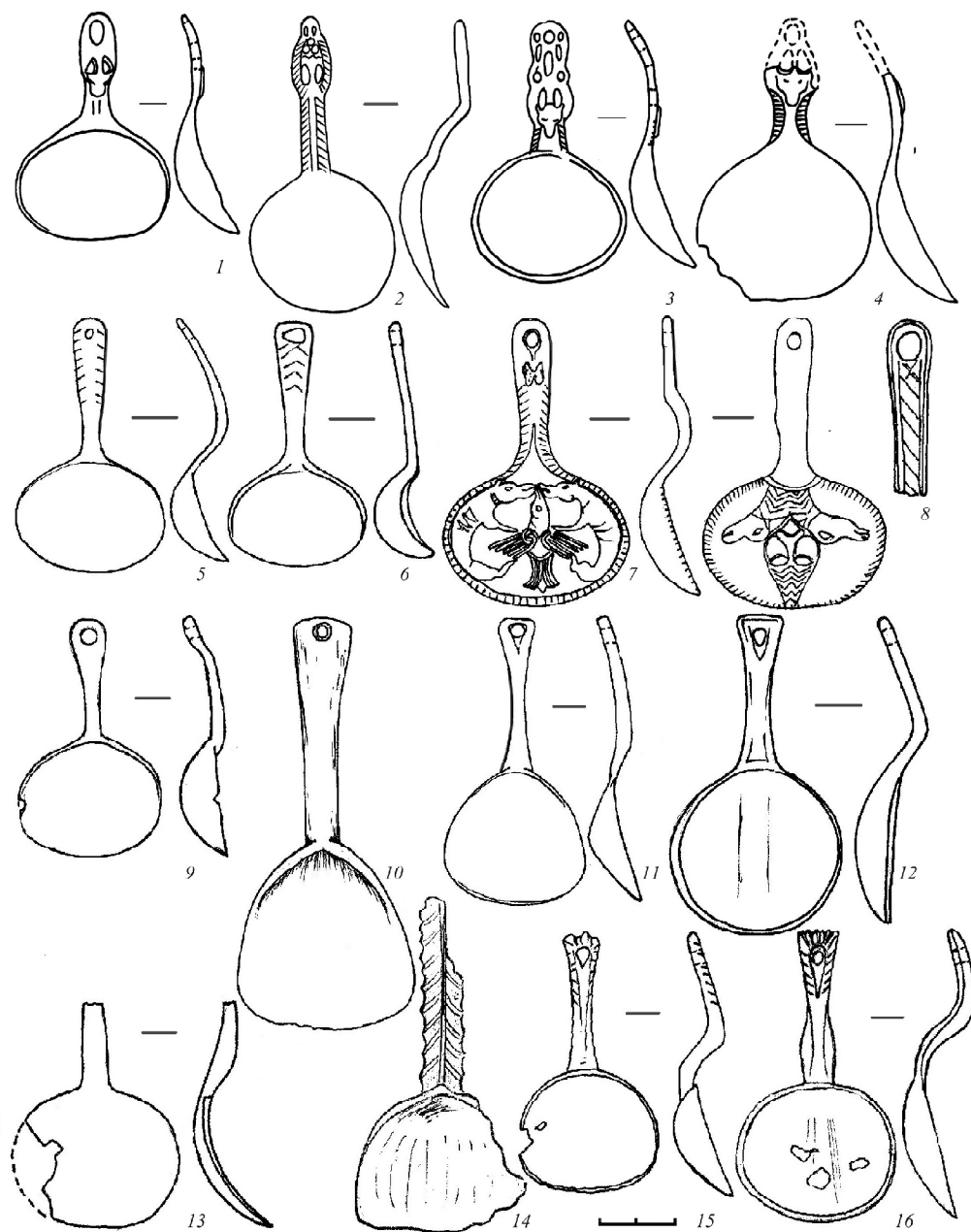

Рис.27 Ложки. 1-4 – тип АП.1.1; 5-6 – подтип АП.1.2.1; 7 – подтип АП.1.2.2; 8 – подтип АП.1.2.3; 9 – подтип АП.1.3.1; 10-16 – подтип АП.1.3.2. 1 – п. VIII Русиновского могильника; 2 – Мало-Аниковский могильник; 3 – Рагозы, Буждог; 4 – д.Вакина; 5 – д.Загарье, п.299 Агафоновского; 6 – п.26 Рождественского; 7 – Степаново Плотбище; 8 – Огурдинский могильники; 9 – д.Назарова; 10 – Рождественское городище; 11 – Пермская губерния; 12 – Губинское городище; 13-14 – Анюшкар; 15 – п.100 Агафоновского могильника, 16 – д.Данилова. 1-9, 11-13, 15-16 – бронза; 10,14 – кость.

глубокие. Длина рукояти примерно равна или незначительно превышает длину черпака. Отдельные рукояти имеют коленчатый перегиб, как у ложек предыдущей группы, но в большинстве случаев рукоять более прямая. В группе представлены преимущественно бронзовые и две костяные ложки (поскольку брон-

зовые ложки составляют подавляющее большинство, в дальнейшей характеристике группы материал будем отмечать только у изделий из кости – *прим.авт.*), которые, как и ложки группы А1, являлись подвесками.

Подгруппа АП.1 – ложки без привесок

Тип АП.1.1 (рис.27/1-4) – ложки длиной 8,5-10 см с округлым или слегка вытянутым в стороны черпаком, с относительно короткой уплощенной фигурной рукоятью со слабым коленчатым изгибом при переходе к черпаку. На месте изгиба наблюдается сильно стилизованное слабо выпуклое изображение головы медведя, что сближает ложки данного типа с подтипом А1.2.4. На плоскости верхней части рукояти – овальные прорезы, образующие ажурный орнамент, и округлое отверстие для привешивания.

Подтип АП.1.1.1 (рис.27/1) – без дополнительной орнаментации (1 экз., п. VIII Русиновского могильника VIII-IX вв. [Голдина, 1985, т. XXI/26]).

Подтип АП.1.1.2 (рис.27/2-3) – в нижней части рукояти по бокам небольшие валики с насечками (3 экз., на Рагозское селище IX-XIII вв., могильник Буждог X-XII вв. [Голдина, Кананин, 1989, рис.53/43], Вакинское селище X-XII вв. (КТ, ПОКМ, инв. № 11365); Мало-Аниковский могильник (Свердловский краеведческий музей).

Аналогичная ложка найдена в п.8 Ликинского могильника X-XIII вв. в лесном Зауралье [Викторова, 1968, табл. III/8].

Тип АП.1.2 – ложки длиной 7,5 – 9 см. Черпак округло-овальной формы, слегка вытянутый по линии, перпендикулярной рукояти. Рукоять уплощенная, немного расширяющаяся кверху, вверху – округлое отверстие для привешивания.

Подтип АП.1.2.1 (рис.27/5-6) – рукоять украшена косыми насечками, образующими орнамент в виде «елочки» (3 экз., Загарский могильник X в. (КТ, ПОКМ), п. № 26 Рождественского могильника к. X в. (раскопки Н.Б.Крыласовой), п. № 299 Агафоновского могильника IX-XI вв. [Голдина, 1985, т. XXI/25]).

Аналогичная ложка встречена в п. № 5 Большетиганского могильника конца VIII – X вв. [Казаков, 1992, с.74-77, рис.22/5].

Подтип АП.1.2.2 (рис.27/7) – по контуру тыльной стороны черпака и вдоль боковых сторон рукояти – невысокий валик с косыми насечками, обрамляющий композицию, изображающую летящую вверх хищную птицу, по бокам которой – два зверя (медведи?) с выгнутыми спинами. На внутренней стороне черпака, также обрамленной рядом косых насечек, композиция из двух противопоставленных звериных голов (лоси, верблюды?) с личиной в остроконечной шапке между ними (изображение повернуто вниз головой) (1 экз., могильник Степаново Плотбище IX-XI вв., раскопки А.В.Данича, ПОКМ, инв. № 19656/313).

Подтип АП.1.2.3 (рис.27/8) – рукоять обрамлена гладким валиком, внутренняя часть плоскости заполнена косыми насечками (1 экз., Огурдинский могильник XI в., раскопки Н.Б.Крыласовой).

Тип АП.1.3 – ложки длиной 7-9,5 см с округлым или округло-подтреугольным черпаком, с рукоятью округлого сечения у основания, уплощенной и слегка расширенной кверху.

Подтип АП.1.3.1 (рис.27/9) – окончание рукояти закругленное, орнаментация отсутствует (1 экз., Назаровское городище VII-IX вв. (КТ, ПОКМ, инв. № 1139/5).

Подобная ложка найдена на неволинском Верх-Саинском могильнике VI-VIII вв. [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XL/22].

Подтип АП.1.3.2 (рис.27/10-16) – окончание рукояти прямое

Вариант а (рис.27/10) – костяная ложка с округло-подтреугольным черпаком, прямой рукоятью, без орнаментации (1 экз., нижний слой Рождественского городища X-XIII вв., раскопки А.М.Белавина).

Подобные ложки встречены на поселении Тиутей-Сале в Нижнем Приобье, относящемся к оронтурскому типу памятников, датирующихся VI-IX вв. [Финно-угры и балты..., 1987, с.205, табл.LXXXV/10] и на Белоозере [Захаров, 2004, с.223, рис.244/1-2].

Вариант б (рис.27/11) – ложка с округло-подтреугольным черпаком, в расширенной верхней части относительно прямой рукояти – треугольное углубление, внутри которого – круглое отверстие для привешивания. Без орнаментации (1 экз., Пермская губерния, ПОКМ, инв.№ 19759/2).

Подобная бронзовая ложка подвеска встречена в п. № 3 Хусаиновского кургана 6 на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис.22/6]. По мнению Н.А.Мажитова, она датируется IX – началом X в. [Мажитов, 1993, рис.4/9].

Вариант в (рис.27/12) – ложка с округлым черпаком, рукоять обрамлена слабо выпуклым гладким валиком (1 экз., Губинское городище IX-XIII вв., ЧКМ).

Вариант г (рис.27/14-16) – ложки с овальным или округло-подтреугольным черпаком, рукоять обрамлена валиком с косыми насечками (1 экз. – кость, 2 экз. – бронза; п. № 100 Агафоновского могильника IX-XI вв. [Голдина, 1985, т.XXI/28], Даниловский могильник VIII-XIII вв. (КТ, ПОКМ, инв. № 11366/3), нижний слой городища Анюшкар X-XIII вв., раскопки В.А.Оборина).

Аналогичные ложки известны на территории Сургутского Приобья на Сайгатинском могильнике, где они датируются последней четвертью VII – третьей четвертью VIII вв. [Карачаров, 1993, с.112-113, рис.1/37]. Подобная по форме черпака ложка с изображением головы медведя на конце рукояти, найденная на могильнике Хето-се на юге полуострова Ямал, датируется IX-XII вв. [Сокровища Приобья, 2003, с.82, № 45].

Суммируя данные по хронологии памятников, на которых представлены ложки подгруппы АП.1, можно сделать вывод о том, что период их распространения приходится на вторую половину IX – X вв.

Подгруппа АП.2 (рис.28) – *ложки с шумящими привесками* имеют малые размеры (длина 4-5,5 см). Черпак ложек данной подгруппы округлый или в виде овала, вытянутого перпендикулярно рукояти; их рукояти завершаются петлей для подвешивания и двумя петлями для привесок-лапок, которые обычно крепятся с помощью одного звена простой цепочки.

Тип АП.2.1 – рукоять в виде тонкого овального в сечении стержня (рис.28/1-12).

Подтип АП.2.1.1 (рис.28/1-3, 5-6) – рукоять гладкая (5 экз., д.Останина на р.Косье [Aspelin, 1880, 578], Пермская губерния, КЗ, ПОКМ, инв. № 19497/59; Рождественское городище, КТ, ПОКМ; п.65, 66 Баяновского могильника, раскопки А.В.Данича 2006 года).

Подтип АП.2.1.2 (рис.28/4) – вдоль рукояти – продольная полоса (1 экз., д.Вакина [ДТ, с.111]).

Подтип АП.2.1.3 (рис.28/7-10) – рукоять украшена поперечными насечка-

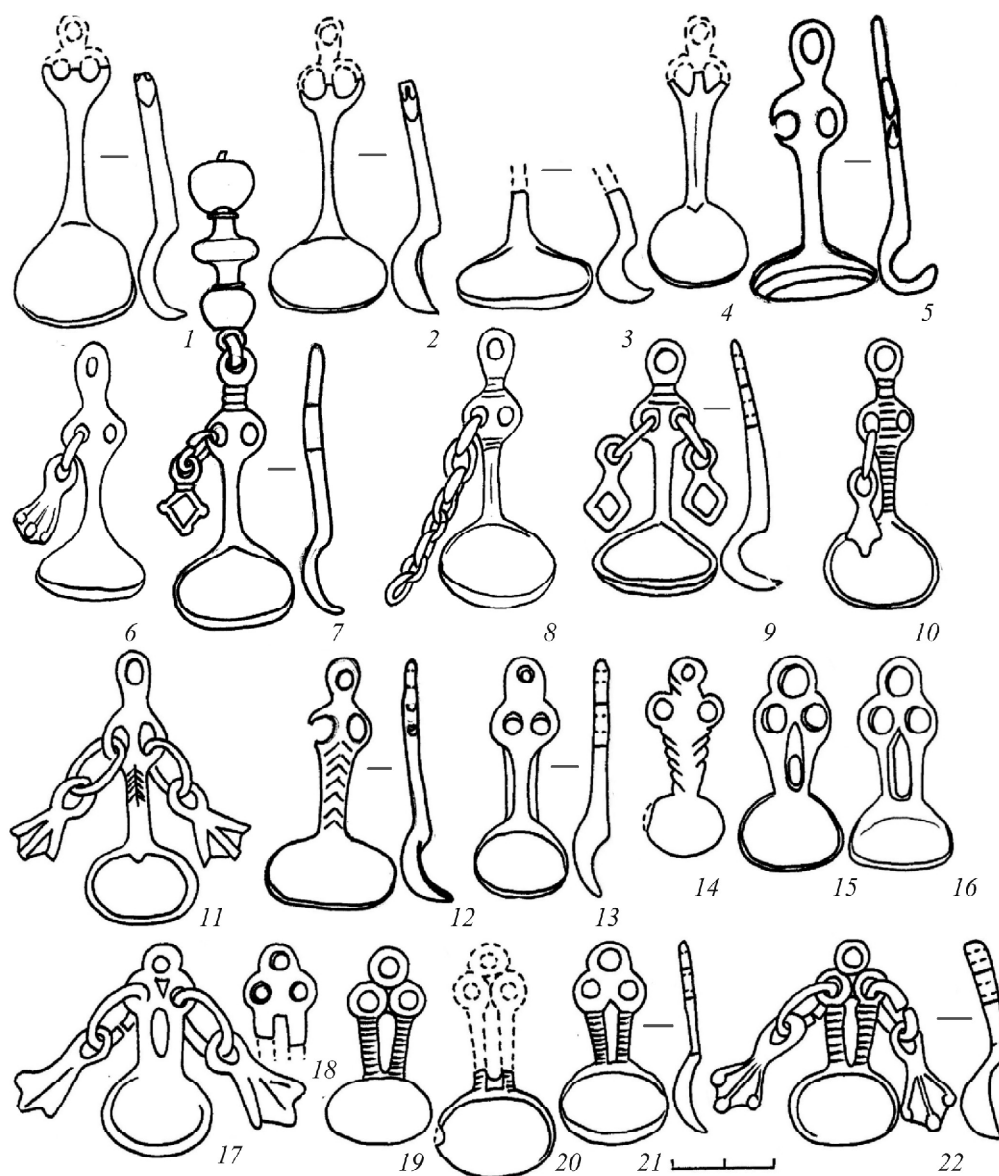

Рис.28 Ложки-амулеты с шумящими привесками. 1-7 – тип А.2.2.1; 8-9 – тип А.2.2.2; 10-17 – тип А.2.2.3. 1 – д.Останина на р.Косьве, 2 - Пермская губерния (ПОКМ, инв. № 19497/59); 3, 13, 18, 20-21 – Рождественское городище (КТ, ПОКМ); 4 – д.Вакина (ДТ, с.111); 5 – п.66 Баяновского могильника; 6 – п.65, 7 – п.69, 8 – п.65 Баяновского могильника; 9 – д.Михалева; 10 - Редикарский клад, 11 – Чашкинское II селище; 12 – д.Зелва Чердынского уезда; 13 – Кудымкарское городище; 14 – Анюшкар; 15 – Мало-Аниковский могильник, 16 – Чердынский у. Пермской губернии, 17 – Кудымкарское городище; 18 – Рождественское городище; 19 - д.Галинка ок.Обвы; 20-21 – Рождественское городище; 22 - Кудымкарское селище. 1-22 – бронза.

ми (4 экз., п.65, 69 Баяновского могильника, раскопки А.В.Данича 2006 г.; Редикарский клад, Эрмитаж, инв. № 535/54; д.Михалева, КТ, ПОКМ, инв. № 11352/40).

Подтип АП.2.1.4 (рис.28/11-12) – под петлями для привесок вдоль рукояти – орнамент в виде елочки (2 экз., д.Зелва б.Чердынского уезда, Свердловс-

кий краеведческий музей, инв.№ с/м 12334; Чашкинское II селище, раскопки Ю.А.Полякова).

Тип АП.2.2 – уплощенная относительно широкая рукоять (рис.28/13-14).

Подтип АП.2.2.1 (рис.28/13) – рукоять гладкая (1 экз., Кудымкарское городище, раскопки В.А.Оборина).

Подтип АП.2.2.2 (рис.28/14) – по краям рукояти – насечки (1 экз., Анюшкар, [ДТ, с.76]).

Тип АП.2.3 – широкая уплощенная рукоять имеет в центре продольную прорезь (рис.28/15-22).

Подтип АП.2.3.1 (рис.28/15-18) – рукоять гладкая (5 экз., Мало-Аниковский могильник, Эрмитаж, инв. № 541/15; б. Чердынский уезд Пермской губернии (из частного собрания Береженцева) [Прошлое Урала...1993, с.143, фото 2/232]; Кудымкарское, раскопки В.А.Оборина; Рождественское городища (КТ, ПОКМ – 2 экз., [ДТ, с.424]).

Подтип АП.2.3.2 (рис.28/19-22) – рукоять орнаментирована поперечными насечками (4 экз.; д.Галинка ок.Обвы [ДТ, с.176], Рождественское городище (2 экз., [ДТ, с.424]; КТ, ПОКМ); Кудымкарское селище [ДТ, с.389]).

Аналогичная миниатюрная ложечка с шумящими привесками найдена в Болгаре (Болгарский музей-заповедник).

Шумящие амулеты-ложечки обнаружены на Рождественском археологическом комплексе и городище Анюшкар X-XIII вв., Вакинском селище X-XII вв., Кудымкарском городище VII-XV вв., Чашкинском II селище VIII-XII вв. Как уже отмечалось, в конце IX-X вв. у ложек *подгруппы АП.1* форма черпака приближается к кругу. Черпак в виде овала, перпендикулярного рукояти, характерный для миниатюрных ложечек, вероятно, продолжает эволюционный ряд развития формы ложек.

У всех экземпляров ложек-амулетов с сохранившимися привесками в качестве таковых использовались привески в виде лапок водоплавающих птиц, особенностью которых является расположение петли для привешивания в одной плоскости с привеской. Аналогичные привески-лапки получили широкое распространение на памятниках Верхнего Прикамья во второй половине X – первой половине XI в. Они известны, например, на таких памятниках, как Степаново плотбище, Огурдинский могильники, городище Анюшкар, Саламатовское городище, селище и могильник Телячий Брод, где встречены, в том числе, и в комплексах с монетами. До указанного периода преобладающими являлись привески-лапки, петля которых располагалась перпендикулярно плоскости привески [Крыласова, 2005а].

Таким образом, шумящие амулеты-ложечки относятся к периоду конца X – первой половины XI в.

В целом ложки *групп АI и АII*, которые имеют определенное сходство в соотношении длины рукояти и черпака, и в своеобразном коленчатом изгибе рукояти, просуществовали в Прикамье со второй половины VIII до середины XI вв.

Группа АIII – уплощенные костяные ложки (лопаточки-скребки?) с подтреугольным слабоизогнутым черпаком, плавно переходящим в короткую подпрямоугольную рукоять (7 экз., рис.29).

Подгруппа АIII.1 (рис.29/1-3) – **черпак округло-подтреугольный, рукоять прямая, овального сечения**, на целом экземпляре в верхней части рукояти име-

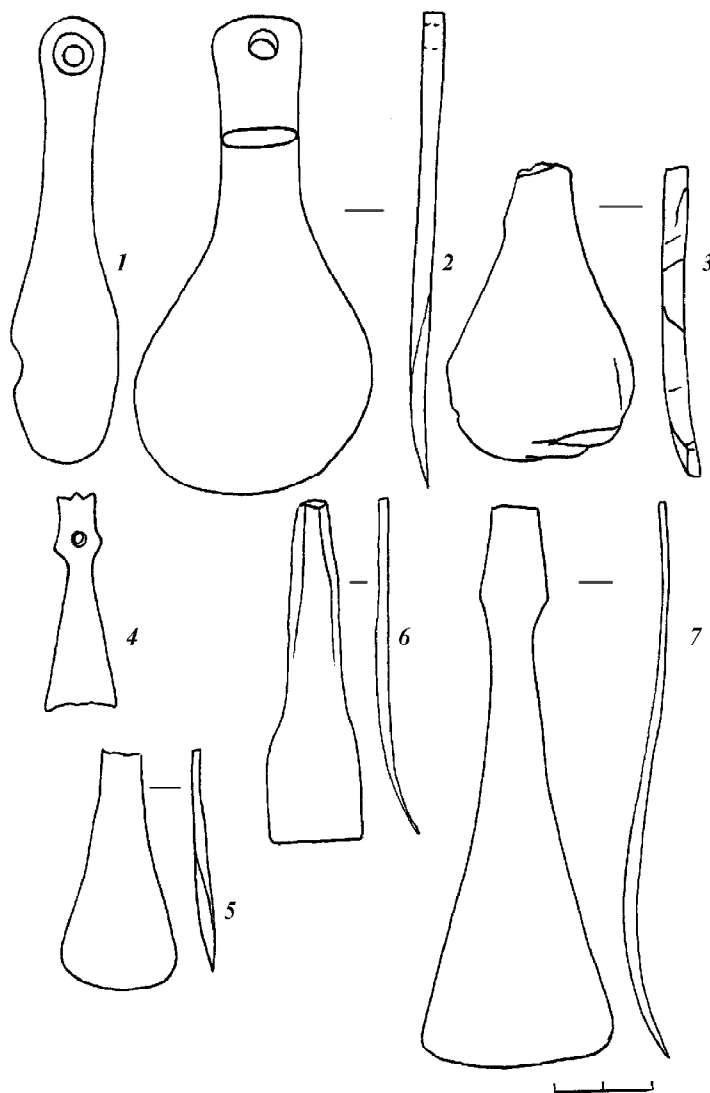

Рис.29 Ложки. 1-3 – подгруппа АIII.1; 4-7 – подгруппа АIII.2. 1 – Роданово городище, 2-3, 5-7 – Анюшкар, 4 – Шудьякар. 1-7 – кость.

ется отверстие для привешивания (3 экз., Роданово городище, Эрмитаж, инв. № 393; Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв.№ 39/230, В.А.Оборина, инв.№ 19499/289).

Аналогичные ложки-скребки известны еще в период раннего железного века на городище-жертвенном месте Усть-Полуй I в. до н.э. [Археология Западной Сибири..., 2002]. Подобные изделия использовались, вероятнее всего, как скребки для обработки мягких материалов [Малоземова, Морозов, 1997, с.199, рис.5/4].

Подгруппа АIII.2 – черпак в виде вытянутого кверху треугольника.

Тип АIII.2.1 – окончание рукояти выполнено в виде небольшой плоской трапеции.

Подтип АIII.2.1.1 (рис.29/7) – без отверстия для подвешивания (1 экз., городище Анюшкар X-XIII вв., раскопки Оборина, ПОКМ).

Подтип АIII.2.1.2 (рис.29/4) – с отверстием для подвешивания, на трапецевидном завершении рукояти верхний край волнистый (1 экз., городище Шудьякар VI-XIV вв. [Голдина 1985, т.XLI/31]).

Тип АIII.2.2 (рис.29/5-6) – рукоять прямая, без отверстия (2 экз., Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, инв. № 19499/290, 432/3126).

Аналогичные ложки известны на городище Низямы IV зеленогорской культуры Приобья, датируемой третьей четвертью I тыс. н.э. [Морозов, 1993, с.108, рис.1/16], в погр. № 159 и № 501 Танкеевского могильника IX-X вв. [Казаков, 1992, с.134, рис.49/9-10], наибольшее количество подобных ложек вытянутой подтреугольной формы с плоской рукоятью встречено на городище Иднакар IX-XIII вв. [Иванова, 1995, рис.20/1, 21/1], известны они и на Кушманском городище IX-XII вв. в Удмуртии [Иванова, 1976, табл.II/7-8].

Подобные по форме деревянные лопаточки-мант дополняли культовую атрибутику мансийских святилищ вплоть до недавнего времени. Они, как правило, находились вблизи котла для приготовления пищи и посуды. По мнению манси, именно лопаточками-мант, а не обычными ложками пользовались на своих трапезах духи. Такие же лопаточки использовали и души умерших. В погребальном сооружении всегда оставляли «окошко», куда опускались и деревянные лопаточки, заменяющие ложки [Мифология манси, 2001, с.86].

Таким образом, учитывая неизменность формы ложек (лопаточек) группы 5 на протяжении длительного времени, точная датировка группы невозможна. Но представленные на конкретных памятниках экземпляры, несомненно, бытовали в период функционирования этих памятников.

Отдел Б – ложки с длинными рукоятями.

Группа БI – ложки с овальными относительно неглубокими черпаками, вытянутыми по линии, перпендикулярной рукояти. Характерной особенностью группы является то, что длина рукояти, как правило, значительно превышает длину черпака. Все ложки данной группы костяные.

Тип БI.1 – уплощенное окончание рукояти выполнено в виде вытянутого относительно широкого прямоугольника.

Подтип БI.1.1 (6 экз., рис.30/1-6) – в нижней части рукояти у перехода к черпаку – скульптурное изображение головы животного, в облике которого можно усматривать коня, лося, зайца, волка и т.п., но, судя по наиболее качественно выполненным образцам, это, вероятнее всего, было изображение головы дракона, о чем свидетельствуют острые зубы (ложки из Кудымкарского и Роданова городищ) и небольшие округлые рожки на ложке из Кудымкарского городища. Верхняя приостренная часть рукояти снабжена небольшим округлым отверстием для привешивания. Вся плоскость рукоятей покрыта плотным орнаментом, индивидуальным у каждого экземпляра.

Вариант а (рис.30/1) – в основании рукояти искусно вырезанное изображение головы дракона с вытянутой мордой, небольшими округлыми ушами, маленькими округлыми рожками, выпуклыми надбровными дугами, большими овальными глазами, большими раздутыми ноздрями. Пасть обозначена прорисованной линией, насечками показаны зубы. Плоскость рукояти целиком покрыта тщательно вырезанным рельефным орнаментом в виде плетенки (1 экз., Кудымкарское городище VII-XV вв., раскопки В.П.Бочкаревой, ПОКМ).

Вариант б (рис.30/2) – в основании рукояти также тщательно проработанное изображение головы животного с вытянутой мордой, торчащими округлыми ушами, выпуклыми надбровными дугами, большими овальными глазами, выпуклыми ноздрями, в центральной части морды – две резные наклонные полосы. Плоскость рукояти сплошь покрыта резными наклонными полосками

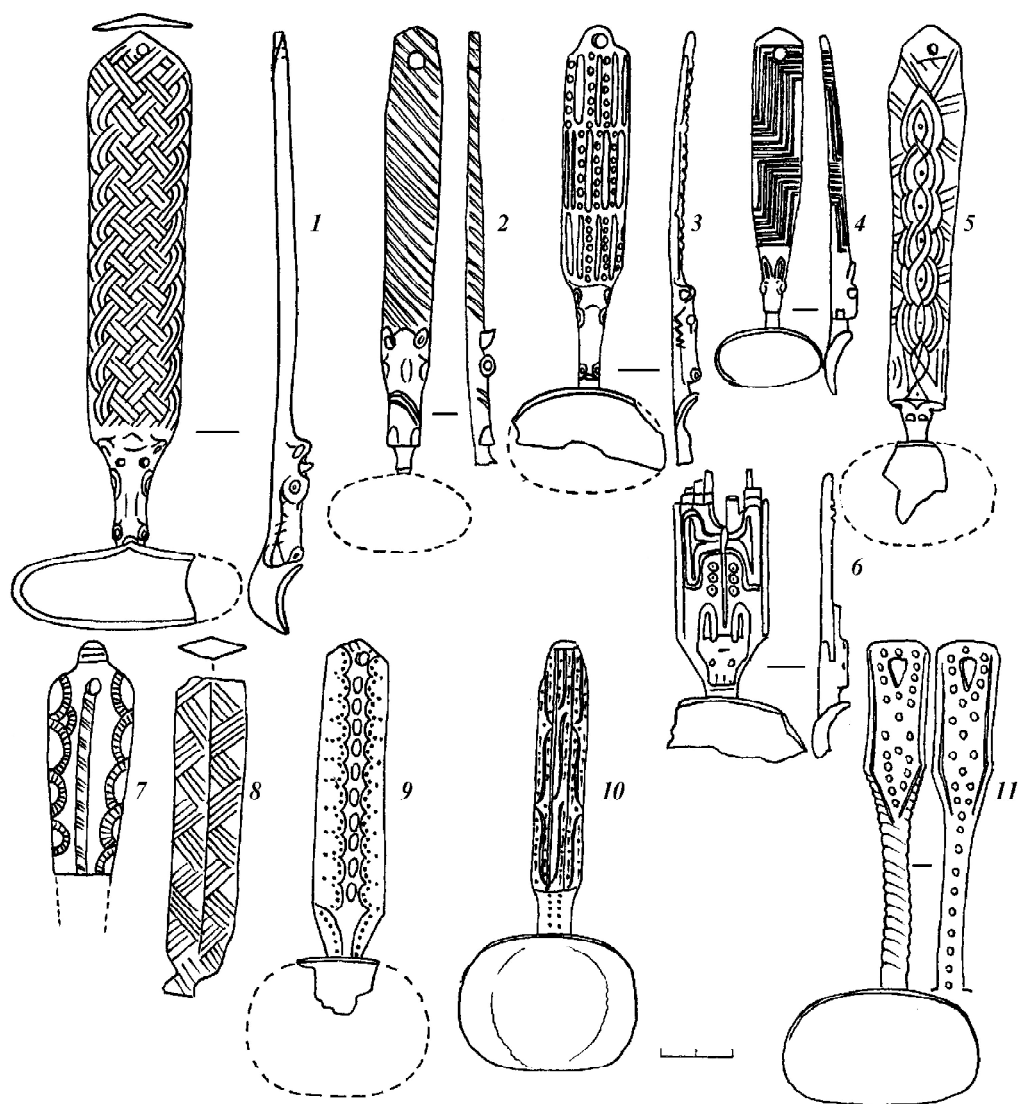

Рис.30 Ложки. 1-6 – подтип Б1.1.1; 7-11 – подтип Б1.1.2. 1,7 – Кудымкарское; 2 – Городищенское; 3-4, 10-11 – Роданово; 5,8,9 – Анюшкар городища; 6 – Вакинское селище. 1-11 – кость.

(1 экз., Городищенское городище X-XV вв., раскопки А.М.Белавина, СКМ, инв. № 4992, [Белавин, 1986, с.137, рис.5/8]).

Вариант в (рис.30/3) - в основании рукояти тщательно проработанное изображение головы животного с вытянутой мордой, торчащими округлыми ушами, выпуклыми надбровными дугами, большими овальными глазами, выпуклыми ноздрями, по бокам вырезана пасть с острыми зубами. Плоскость рукояти покрыта сплошным трехъярусным орнаментом, в котором чередуются парно выпуклые вертикальные линии – гладкие и с точечным орнаментом (1 экз., Роданово городище [Талицкий, 1951, рис.32/1]).

Вариант г (рис.30/4) - в основании рукояти изображение головы животного с тупой короткой мордой, длинными округлыми, вытянутыми вверх ушами, выпуклыми круглыми глазами, по бокам резной линией обозначена пасть в виде прямоугольника. Плоскость рукояти покрыта плотным орнаментом из резных ломаных линий, сгруппированных по 7 (1 экз., Роданово городище X-XIII вв. [Талицкий, 1951, рис.32/4]).

Вариант д (рис.30/6) - в основании рукояти стилизованное изображение головы животного с тупой короткой мордой, длинными округлыми, вытянутыми вверх ушами, небольшими круглыми глазами. Плоскость рукояти покрыта плотным рельефным геометрическим орнаментом из резных линий и точек (1 экз., Вакинское селище X-XII вв., ПОКМ, инв. № 1728; [ДТ, с.656]).

Вариант е (рис.30/5) - в основании рукояти сильно стилизованное изображение головы животного. Уши обозначены плавной линией среза верхней части рукояти, небольшими резными полукругами изображены глаза. Плоскость рукояти сплошь покрыта прочерченным, небрежно выполненным орнаментом в виде плетенки (1 экз., Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, ПОКМ).

Рукоять аналогичной костяной ложки с изображением головы животного в основании, и с пышным геометрическим орнаментом на основной плоскости, встречена в Биляре в слое XI-XIII вв. [Руденко, 2004, рис.110/18]. Вероятно, распространение в Пермском Предуралье ложек с изображением головы дракона в основании рукояти и с орнаментацией в виде плетенки или ее имитации, произошло не без влияния с территории Северной Руси, где подобные мотивы были широко распространены на костяных и деревянных изделиях. Например, у большинства костяных ложек из Новгорода рукояти украшены прекрасной резьбой, обычно разного вида плетенкой [Розенфельдт, 1997, с.41]. Ложки с плоской рукоятью сплошь покрытой резной плетенкой известны и среди деревянных изделий X-XI вв. из раскопок в Новгороде [Колчин, 1971, табл.3/19,21, табл.7/3-4]. Костяная ложка с подобной орнаментальной композицией встречена в слое конца XII в. в Белоозере – ее рукоять с лицевой стороны украшена плетенкой, а основание рукояти поддерживает голова зверя [Голубева, 1973, с.172, рис.63/4]. Фрагмент подобной ложки обнаружен на Пожегском городище конца XII-XIV вв. на Выми, содержащем высокий процент древнерусских изделий [Савельева, Кленов, 1992, рис.8/29]. Вероятнее всего, ложка с рельефным резным орнаментом с Кудымкарского городища (рис.7/1) является изделием русских ремесленников. Подобная техника орнаментации костяных изделий не типична для Прикамья. Остальные ложки, украшенные прочерченным орнаментом могут быть местным подражанием привозным предметам.

Подтип Б1.1.2 – плоская рукоять снизу переходит в стержень овального или округлого сечения (7 экз., рис.30/7-11, рис.31/1-3).

Вариант а (рис.30/7-10) – стержень в основании рукояти короткий, конусовидный, в двух случаях на нем продолжается орнамент, нанесенный на рукоять, на ложке из Роданова городища стержень покрыт вертикальными рядами точек. Плоскость рукояти покрыта разными вариантами прочерченного или резного орнамента, условно имитирующего плетенку (4 экз., Кудымкарское, Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, ПОКМ), Роданово городища [Талицкий, 1951, рис.32/3]).

Вариант б (рис.30/11) – стержень в основании рукояти длинный, покрыт лицевой стороны резными наклонными линиями, с оборотной – вертикальным рядом точек. Плоскость рукояти с обеих сторон орнаментирована точками (1 экз., Роданово городище [Талицкий, 1951, рис.32/2]).

Вариант в (рис.31/1-3) – стержень в основании рукояти средней длины. Ложки не орнаментированные. На плоскости рукояти одной из них – тамга (3 экз., р.Иньва (Кудымкарское городище?), ПОКМ; Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц,

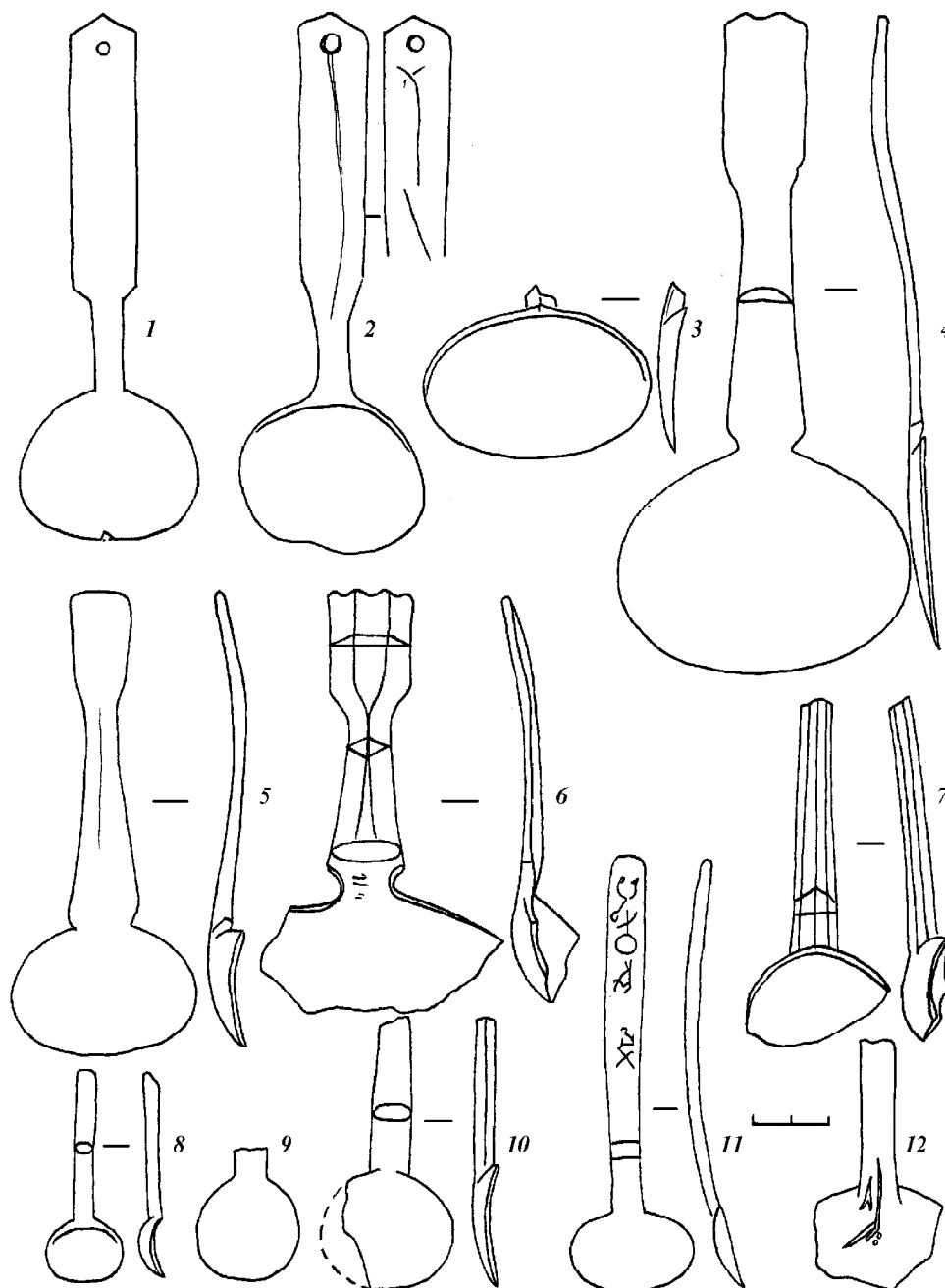

Рис.31 Ложки. 1-3 – подтип Б1.1.2; 4-5 – подтип Б1.1.3; 6 – подтип Б1.2.1; 7, 9-10 – подтип Б1.2.2; 8 – подтип Б1.2.3: 1 – р.Иньва (Кудымкарское городище?), 2-8, 10-11 – городище Анюшкар, 9, 12 – Роданово городище. 1-12 - кость.

инв. № 21/427).

Ложка этого подтипа известна в материалах городища Ярте VI XI-XII вв. на Ямале [Алексашенко, 2002, с.10].

Подтип Б1.1.3 (рис.31/4-6) – основание ложки овального сечения выполнено в виде вытянутой кверху трапеции, которая переходит в прямоугольное окончание рукояти. Отверстия для привешивания отсутствуют (3 экз., Анюшкар, раскопки М.В.Талицкого, Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв. № 39/604; № 21/1116; Эрмитаж, инв. № 1641/13).

Деревянные ложки, по форме черпака и по общим пропорциям аналогич-

ные описанным ложкам группы БI, обнаружены на Сайгатинском III могильнике, датирующемся XIII-XIV вв. [Угорское наследие, 1994. С.130. № 36,37], бронзовые - у п. Шурышкар, у п. Мужики и в культовом комплексе у п. Вершина Войкара [Бауло, Истомин, Федорова, с.133-134, рис.17] в Западной Сибири. Черпак подобной деревянной ложки найден в погр. № 126 Кузьминского могильника в Удмуртии, которое датируется рубежом XI-XII вв., [Иванова, 1998, рис.45/12, табл.15].

В целом ложки данной группы можно датировать к. XI – XIII вв.

Тип БI.2 (рис.31/7-12) – миниатюрные, явно нефункциональные ложки с уплощенным или слабоуглубленным маленьким овальным черпаком и относительно длинной стержневидной рукоятью без отверстия для привешивания.

Подтип БI.2.1 – рукоять подпрямоугольного сечения в верхней части покрыта прочерченными изображениями тамги (1 экз., Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв. № 21/145).

Подтип БI.2.2 – рукоять овального сечения.

Вариант а – не орнаментированные (3 экз., Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв. № 21/293; Роданово городище, раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж, инв. № 634).

Вариант б – в месте перехода рукояти к черпаку вырезана тамга (1 экз., Роданово городище [Талицкий, 1951, рис.28]).

Подтип БI.2.3 – рукоять семигранная (1 экз., Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв. № 39/499).

Суммируя датировку памятников, где были обнаружены ложки БII, и приведенные аналогии, можно сделать вывод о том, что период их функционирования, вероятно, приходится на XI-XIII вв.

Группа БII – ложки со слабо углубленным черпаком овально-яйцевидной формы. Бронзовые и костяные (7 экз., рис.32).

Подгруппа БII.1 – *костяные ложки с относительно длинной тонкой стержневидной рукоятью.*

Тип БII.1.1 (рис.32/1) – рукоять в виде овального в сечении стержня украшена сверху и внизу группами из 3-х выпуклых валиков, на заостренном окончании рукояти – маленькое округлое отверстие для привешивания (1 экз., Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, инв. № 19499/13).

Тип БII.1.2 (рис.32/2-3) – рукоять в виде овального в сечении стержня кверху расширяется и уплощается, окончание рукояти оформлено в виде стилизованного трилистника, и снабжено тонким круглым отверстием (1 экз., Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв. № 39/45).

Подгруппа БII.2 (рис.32/4-5) – *бронзовые ложки с рукоятью каплевидной формы*, обрамленной двойным выпуклым валиком – гладким и с псевдозернью (2 экз., с.Гайны [ДТ, с.641], д.Вакино [ДТ, с.656]).

Подгруппа БII.3 (рис.32/6-7) – *бронзовые ложки с относительно глубоким небольшим черпаком*, орнаментированным с тыльной стороны растительным или геометрическим орнаментом (2 экз., Анюшкар, Рождественское городище (КТ, ПОКМ, инв. № 11375/20-1).

Деревянные ложки с аналогичной формой черпака встречены в п. № 19 Лоемского могильника XII-XIV вв. [Савельева, 1995, с.126, рис.19/5], в п. № 28 Веслянского II могильника на Выми, датирующегося XII – началом XIII вв. [Савельева, Истомина, 1980, рис.3/14], в п. № 59 Кузьминского могильника в

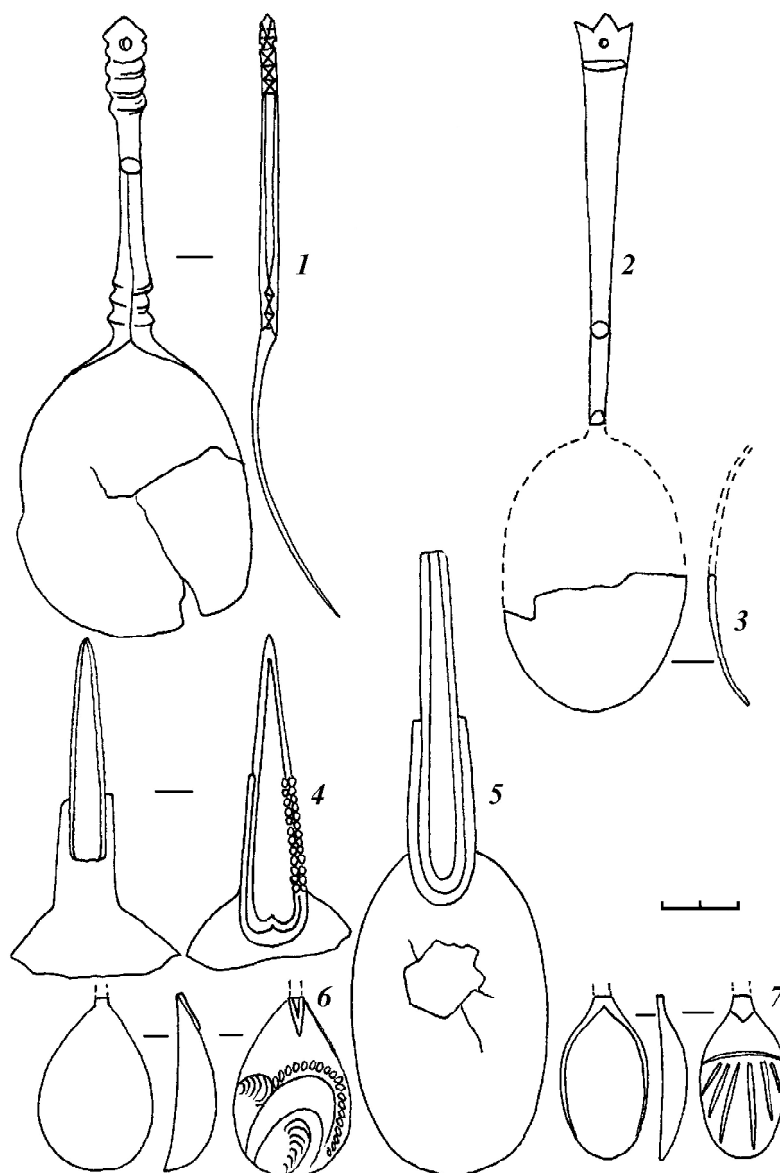

Рис.32 Ложки. 1-3 – подгруппа БП.1; 4-5 – подгруппа БП.2; 6-7 – подгруппа БП.3: 1-3,6 – *Анюшкар*; 4 – *с.Гайны*; 5 – *д.Вакино*; 7 – *Рождественское городище*. 1-3 - кость, 4-7 - юронза.

Удмуртии, датирующемся XII в. [Иванова, 1998, рис.45/9, табл. 15]. На Руси ложки с овальным черпаком и длинной круглой в сечении рукоятью, расположенной в одной плоскости с черпаком, известны с первой трети XI в., они без особых изменений продолжали бытовать в XII в. и в последующем, вплоть до XV в. [Розенфельдт, 1997а, с.42].

Период распространения подобных ложек в Пермском Предуралье, вероятно, приходится на XII-XIII вв. Возможно, такая форма существовала и позднее в деревянных изделиях, костяные ложки после XIII в. не встречаются, как, впрочем, и на Руси, где костяные ложки бытовали с IX до середины XIII в. [Розенфельдт, 1997а, с.41].

Хронологическая таблица развития формы прикамских ложек (рис.33), показывает, что ложки с укороченной рукоятью просуществовали до середины

XI в., после чего пропорции ложек существенно поменялись. По какой причине произошла замена короткой рукояти, которой ложки снабжались с глубокой древности, на длинную, достоверно неизвестно, однако, судя по дате этого перехода, можно предположить, что это было вызвано влиянием городской культуры (булгарской, древнерусской). Вероятно, удлинение рукояти столовых приборов было вызвано распространением нового, неизвестного ранее предмета интерьера – стола. Если раньше домочадцы устраивались на корточках в непосредственной близости от общего горшка с пищей, то теперь им приходилось тянуться к горшку через стол.

Ложки с укороченной рукоятью, вероятно, являлись изначальной формой повсеместно. В частности, на территории Руси в X-XI в. также известны подобные ложки, которые Б.А.Колчин отнес к категории дорожных ложек, очевидно, считая, что они наиболее удобны для применения в условиях походной жизни. Однако, как видим, данная форма является ничем иным, как пережитком классической традиционной формы, существовавшей с каменного века.

Развитие формы черпака происходило следующим образом: в достаточно ограниченный период второй половины VIII – первой половины IX вв. бытовали ложки с большим черпаком овально-подпрямоугольной формы, вытянутым по осевой линии. Такая форма ложек известна на Урале еще в эпохи неолита (Шигирский, Горбуновский торфяники), была распространена в эпоху раннего железного века (ананьинская, усть-полуйская культуры), аналогичные деревянные ложки известны на средневековых поломских могильниках. Во второй половине IX в. черпак принимает округлые очертания, эта форма продолжает сохраняться до середины XI в., хотя с конца X в. округлый черпак начинает постепенно вытягиваться в стороны и приобретать очертания овала, перпендикулярного осевой линии ложки. Эта форма черпака возобладала к концу XI в., группа ложек с длинной плоской прямоугольной рукоятью и относительно небольшим овальным черпаком, перпендикулярным рукояти, хотя и датируется по хронологии памятников XI-XIII вв., вероятно, имела более узкую дату (XI-XII вв.?). В XII-XIII вв. распространились ложки с длинной тонкой рукоятью и овальным яйцевидным черпаком.

Подавляющее большинство ложек, встреченных на территории Пермского Предуралья, имеют уплощенную или слабоуглубленную черпательную часть. Причем, эта особенность, вероятно, свойственна именно прикамским (или уральским) ложкам. К примеру, Л.А.Голубева, описывая костяные ложки Белоозера, отмечала, что их уплощенная форма близка к прикамским ложкам [Голубева, 1973, с.173], т.е. для Руси такая форма в целом не свойственна.

По наблюдению этнографов, уплощенные ложки были предназначены для принятия или приготовления определенных видов пищи, вероятнее всего, каких-то кашеобразных блюд [Дьяконова, 1988, с.55]. Интересно, что в п.13 Кищилькосьского могильника на Выми был обнаружен медный котел, в котором находилось 2 деревянные ложки с овальными черпаками, как у ложек первой группы, и остатки окислившейся каши [Савельева 1968, с.263-264, табл.IV/28]. Медный котел с остатками каши встречен и в погр.50 могильника Мыдлань-Шай в Удмуртии [Генинг, 1962, с.28]. Только отдельные экземпляры ложек, относящихся к третьей группе, имеют относительно глубокий черпак, пригодный для употребления жидкой пищи (супы) или для иных целей, как, например, у народов Южной Сибири, для снятия пенки с молока [Дьяконова, 1988,

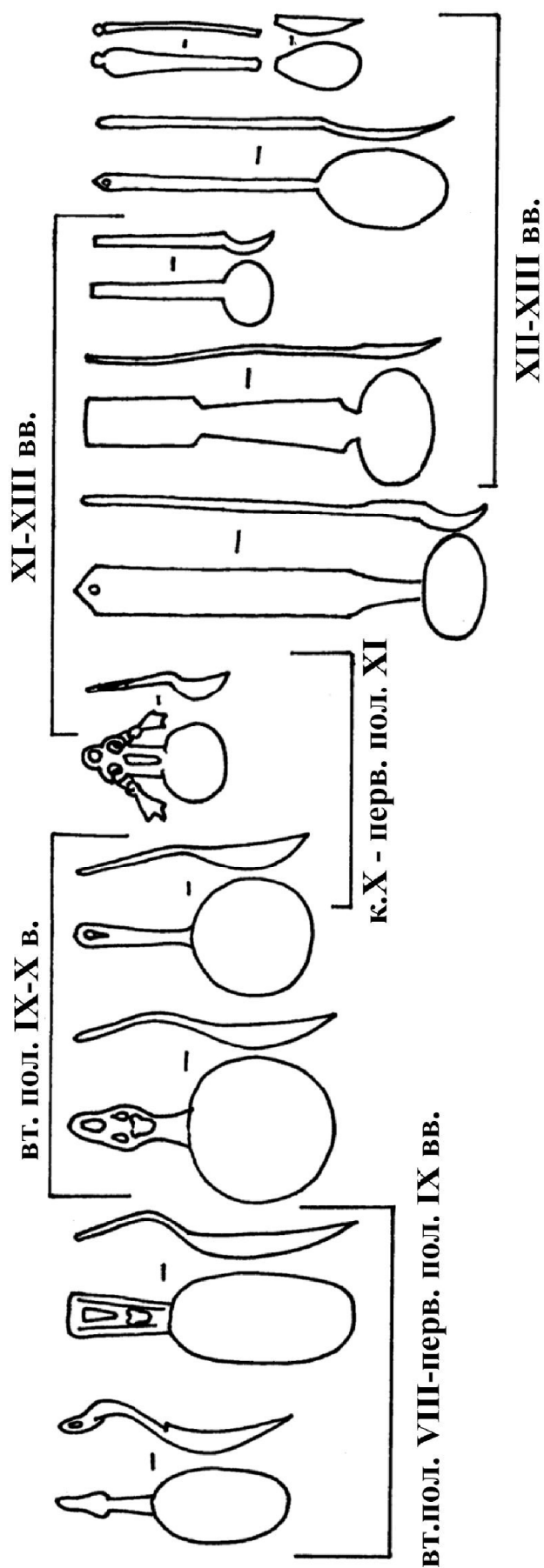

Рис.33 Хронологическая таблица эволюции ложек Пермского Предуралья.

с.51]. Таким образом, анализ ложек (независимо от того, что рассматриваются ложки-амулеты, поскольку мы пришли к выводу, что они повторяют по форме обычные бытовые ложки) не только позволяет проследить эволюцию во времени их формы, но и дает возможность установить кулинарные традиции древнего населения.

Подводя итоги данной части исследования, можно с уверенностью утверждать, что для территории Пермского Предуралья характерны довольно специфические формы ложек с особым своеобразным декоративным оформлением. Безусловно, основная форма ложек, распространенных в период VIII–IX вв., является общеуральской. Изготовление ложек из дерева, кости и рога с большими вытянутыми по осевой линии овальными черпаками и относительно короткими зооморфными рукоятями имеют в целом у финно-угорских народов древние корни (находки эпохи камня и раннего металла на торфяниковых стоянках Урала, Прибалтики и Финляндии [Мошинская, 1953; Carpelan, 2004. Fig.3]).

Появление подобных ложек в Прикамье и бассейне р. Чепцы В.А.Семенов связывает с приходом во второй половине VIII – первой половине IX вв. группы угро-самодийского населения, которая принесла с собой эти костяные изделия, а также и косторезное искусство, получившее впоследствии значительное развитие [Семенов, 1980, с.67]. С этой точкой зрения не согласен А.Г.Иванов, который приводит факты распространения подобных изделий в Прикамье еще в ананьинское время. По его мнению, костяные ложки, которые известны в материалах ананьинских городищ, были распространены и в последующих культурах. Как правило, именно на ложки и лопаточки-гладилки со ссылкой на их зауральско-западносибирское происхождение указывают в тезисе о притоке угро-самодийского этноса на Чепцу в VIII–IX вв. Однако, как отмечает А.Г.Иванов [Иванов, 1998], западносибирские материалы, на которые обычно ссылаются, имеют в целом отличный характер – если наверхия чепецких ложек часто имеют стилизованное изображение головы животного, то большинство западносибирских – реалистичные изображения животных местной таежной фауны [Мошинская, 1953. табл. XII, XIII; 1975, табл. 2-8; 11]. С этими доводами, с одной стороны, нельзя не согласиться, но с другой стороны, учитывая что ложки той же формы с аналогичным украшением рукояти существовали на Урале еще в эпоху неолита, вряд ли следует манипулировать этим предметом, иллюстрируя процессы этнических контактов и передвижений – деревянные ложки этого облика были, вероятно, распространены повсеместно на Урале. А вот дальнейшее развитие формы представляет значительно больший интерес и в плане рассмотрения возможного влияния извне, и в плане изменения (или расширения) ассортимента употреблявшихся блюд.

Вилки. Кроме ложек в Пермском Предуралье известны были и вилки, что, по своему, является уникальным явлением для периода средневековья.

Вилки впервые появились еще в Ассирии и Древнем Египте, но использовались лишь в качестве поварского инструмента. Как столовый прибор они применялись в Древней Греции и Риме, а в период средневековья сохранялись в быту византийской знати. Лишь в XI–XII вв. вилки попали из Византии в Европу, где долгое время применялись весьма ограниченно. В России широкое употребление вилок началось только со времен Петра I [Ковалев, 1993, с.17].

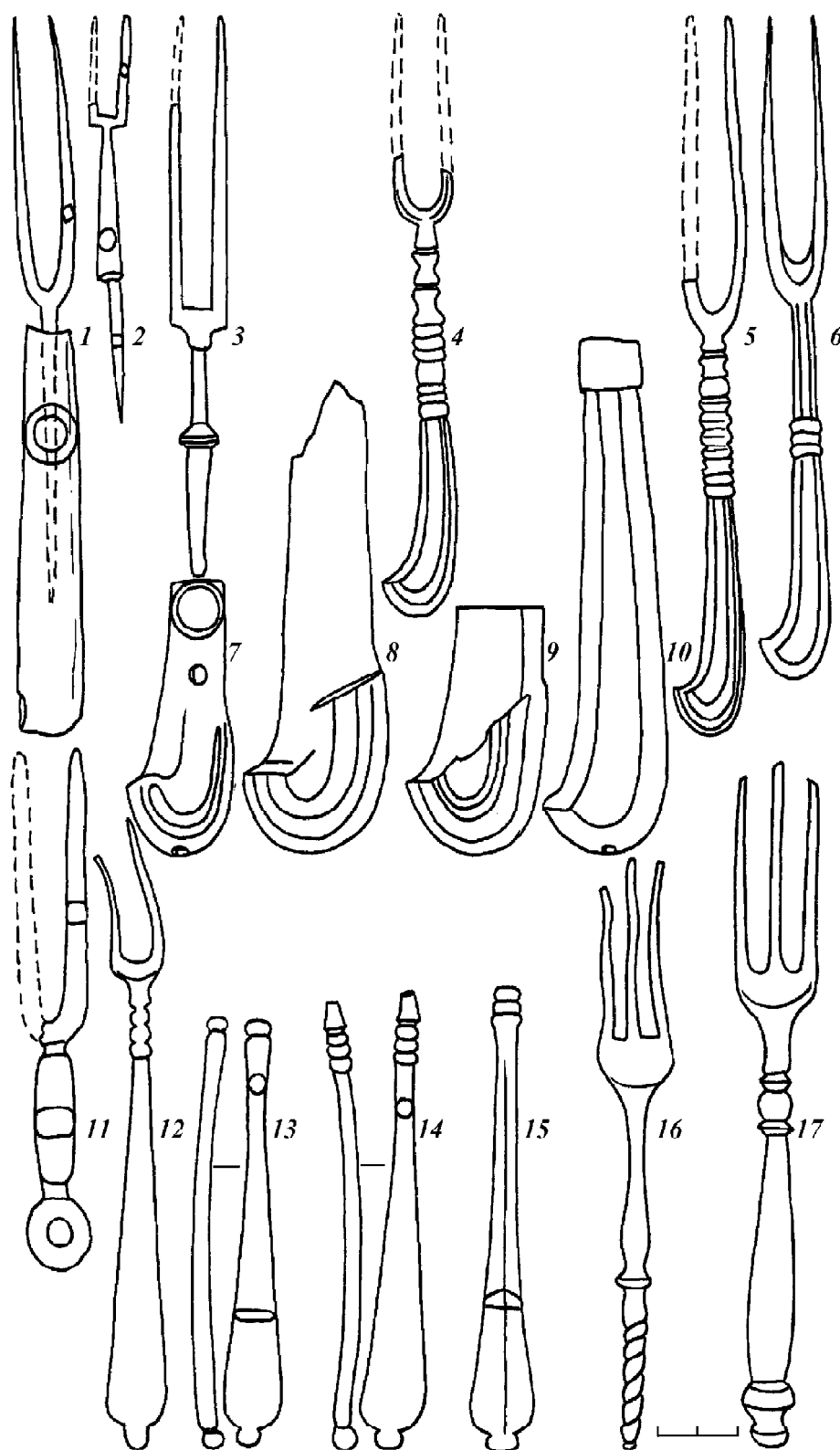

Рис.34 Вилки: 1 – Городищенское городище; 2, 5, 13-14 – Кудымкарское селище; 3 – Пермская губерния; 4 – д.Загарье; 6,16 – д.Броды; 7-8 – Кудымкарское городище; 9 – Полютово городище; 10 – Пермская губерния; 11 – д.Вакино; 12 – д.Броды; 15 – д.М.Аникова; 17 – д.Мартынова. 1- железо, кость, 2-3 – железо, 4-17 – бронза.

В Пермском Предуралье одна вилка найдена в процессе раскопок в культурном слое. Остальные вилки, довольно широко представленные в музейных коллекциях Пермского края, были собраны еще в XIX в.

Отдел А – двузубые.

Группа АI – черешковые вилки.

Подгруппа АI.1 (рис.34/1-3) – железные.

Тип АI.1.1 – без упора на черешке, основание зубьев округлое. Вилка снабжена массивной цилиндрической рукоятью из необработанной кости. (1 экз., Городищенское городище X-XIII вв., раскопки А.М.Белавина, СКМ, инв. № 3631/17, [Белавин, 1986, с.135, рис.3/8]).

Тип АI.1.2 – с упором на черешке, основание зубьев прямоугольное (2 экз., Кудымкарское селище, КТ, ПОКМ, инв. № 10302/350; Пермская губерния, КТ, ПОКМ, инв. № 19187/103).

Подгруппа АI.2 (рис.34/4-15) – бронзовые.

Тип АI.2.1 (рис.34/4-10) – на черешке ряд рельефных «поясков». Массивный конец рукояти граненый, каплевидной формы, окончание отогнуто вбок (8 экз.; фрагменты рукоятей – Кудымкарское городище, ПОКМ, инв. № 11377/60; 11377/58; Полютово городище ДТ, с.276; д.Броды, ДТ, с.662).

Подтип АI.2.1.1 – основание зубьев округлое (д.Загарье, ПОКМ, КТ, инв. № 11339/188-89; Кудымкарское селище, ПОКМ, КТ, инв. № 11376/40-1; д.Броды, ПОКМ, КТ, инв. № 19187/103).

Подтип АI.2.1.2 – основание зубьев прямоугольное (Пермская губерния, ПОКМ, КТ, инв. № 19187/364).

Группа АII – цельнолитые.

Тип АII.1 (рис.34/11) – рукоять короткая, овального сечения, с кольцом на конце (1 экз., д.Вакино, ПОКМ, КТ, инв. № 235/15).

Тип АII.2 (рис.34/12-15) – рукоять каплевидной формы, овального сечения, на конце рукояти – «пуговка», у основания – рельефные «пояски» (4 экз., д.Броды, ДТ, с.662; Кудымкарское селище, ПОКМ, КТ, инв. № 11376/40-2, 11376/40-3; д.М.-Аникова, Свердловский музей).

Отдел В – трезубые (рис.34/16-17). Вилки данного отдела цельнолитые, рукоять в виде округлого в сечении стержня, украшенного рельефными «поясками» (2 экз., д.Броды, ДТ, с.662; д.Мартынова на р.Иньве, ПОКМ, КТ, инв. № 11340/2).

Если в отношении железных вилок на основании находки на Городищенском городище сомнения в их принадлежности к позднесредневековому периоду не возникает, то аналогичные бронзовые вилки в процессе раскопок не были встречены ни разу. А.А.Спицин на основании того, что данные предметы представлены преимущественно на известных памятниках (Вакинское селище, Кудымкарское городище и селище, Мало-Аниковский, Загарский могильники и пр.) предположительно отнес их к XIII-XIV вв. [Спицин, 1902, с.46]. Однако их принадлежность к периоду средневековья вызывала сомнение как у него, так и у А.Ф.Теплоухова, который в 1893 г. сделал в своем дневнике следующую запись: «Мне попались несколько вилок, совершенно похожих, например, с моей коллекцией с Кудымкарского городища (такие есть и из д.Роговка на Иньве, в Майкоре), но я сомневаюсь, чтобы они были чудские» [ДТ, с.662]. Таким образом, точная датировка этих предметов остается под вопросом. Любопытно, что на поздних памятниках XVI-XIX вв., которые изучаются Н.Е.Со-

коловой, П.А.Корчагиным, Г.А.Головчанским, подобные типы вилок также не известны.

О том, что с середины XIII в. вилки являлись обычным столовым прибором у татар Золотой Орды, имеется письменное свидетельство Вильгельма де Рубрука от 1253 г., который, описывая обычай употребления пищи, отмечал: «они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюде вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилок, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка сообразно с количеством вкушающих». К жителям Предуралья вилки могли попасть непосредственно от ордынцев, поскольку, судя по археологическим источникам, связи с Ордой были достаточно активными. Еще одним свидетельством того, что в позднесредневековый период население Приуралья было знакомо с таким столовым прибором, как вилки, является также находка железной черешковой трехзубой вилки на Лоемском могильнике XIII–XIV вв. [Савельева, 1995, с.127, рис.20/7].

П.А.Корчагин, большой поклонник пельменей, и убежденный сторонник идеи их уральского происхождения, отметил, что такое раннее распространение вилок в среде рядового населения вполне может являться подтверждением того, что в то время пельмени уже существовали, так как есть их ложкой или руками крайне неудобно.

1.2.5. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УТВАРИ

Множество археологических данных может быть привлечено как свидетельство особого отношения людей к утвари. Посуда разных типов не только присутствует в большом количестве в заполнении разного рода объектов на поселениях, но и широко использовалась в составе погребального инвентаря, на святилищах. Причем, погребальная посуда отражает наиболее значимые (знаковые) формы сосудов, характерные для того или иного периода. Например, до XI в. в погребениях представлены традиционные формы прикамских горшков и чаш, с характерной шнуро-гребенчатой орнаментацией. В могильниках XII–XIV вв. в наиболее богатых мужских погребениях присутствуют медные котлы, а в погребениях несколько более низкого статуса — керамические котлы или кружки. Ложки, сохранившиеся до наших дней (металлические или костяные), как уже указывалось, представляли собой, главным образом, амулеты, которые женщины носили на поясе.

Семиотический статус утвари обусловлен тем, что она в отличие от других элементов традиционного жилища относительно подвижна внутри него, и может функционировать вне его. Существуют многочисленные запреты и поверья, регламентирующие передачу утвари во временное хранение, которые обусловлены представлениями о том, что в ней отражаются достаток дома и счастье его обитателей. Для символических функций утвари характерна определенная двойственность: с одной стороны, она используется в качестве оберега от нечистой силы, с другой — может выступать как ееместилище или атрибут. Но в большинстве культур семантика утвари окрашена положительно. Ритуальные действия и представления, связанные с утварью, имеют много общего у разных народов. Так, например, металлические предметы служили для обороны от нечистой силы, битые посуды знаменовали собой переломные момен-

ты в жизни человека и в ходе календарного года, квашня представлялась местом зарождения новой жизни, просеивание через решето ассоциировалось с дождем. В языке, фольклоре и поверьях элементы посуды отождествляются с частями человеческого тела или животного, более того, утварь персонифицируется и наделяется способностью к самостоятельным действиям. Конструктивным деталям утвари часто придавали антропоморфную, зооморфную или орнитоморфную форму [Материальная культура, 1989, с.201-202].

У народов Урала и Предуралья одним из наиболее знаковых предметов утвари являлся *котел*. Использование и назначение котлов очень разнообразно. Их основное предназначение - для приготовления пищи, например, для варки пива и мяса [Воронина, 1971, с.119; Калевала, 1956, с.299, руны 46-302]. В быту и ритуальных мероприятиях котел еще недавно использовался у удмуртов [Перевозчиков, 1928], у обских угров. Интересно применение котлов, вернее, действий с ними, как меры времени. Например, у монгол и агинских бурят короткие отрезки времени обозначались в первом случае, как «время кипения одного котла чая» (8-10 мин.), а во втором – просто как котел (тогоо), время, необходимое для того, чтобы сварить пищу [Руденко, 2000, с.72]. Широко применялись котлы в производственном процессе при обработке железа, в ювелирном деле, алхимии, стеклоделии, мыловарении и т.п. [Руденко, 2000, с.69-70].

Котлам нередко придавали сверхъестественные свойства, использовали их в разнообразных ритуалах. В Скандинавии это был волшебный сосуд и погребальная урна, у кельтов он символизировал плодородие и бессмертие [Петрухин, 1974, с.35-37]. В ряде случаев, например, на Кавказе, котел и цепь для его подвешивания, принимали на себя функции священного домашнего огня (очага) [Орбели, 1938, с.313-314]. У многих народов Восточной Европы и Сибири перевернутый устьем вниз или разбитый котел символизировал переход в потусторонний мир [Савельева, Истомина, 1986, с.87; Джумабекова, 1996, с.27-29]. Возможно, именно в связи с этими представлениями котлы нередко присутствуют в составе погребального инвентаря в качестве погребальных урн (при обряде кремации), священных сосудов, или в составе «дорожного набора», которым снабжали умершего, снаряжая его в потусторонний мир. Например, Григорий Новицкий о погребальных традициях остяков пишет: «На погребения своих умерших имеют от зловерия древних своих старейшин законоустановленный обычай... Именья от частей, а паче нужная в житии: одежду, лук, стрелы, топор, котел и прочая с умершим в гроб полагают. Се же прияха обыкновения частию от Чуцкого прежде здесь обитавшего здесь народа, частию сами своим зловерием менять, яко по смерти вся житеския употребляют пищи, сего ради вся нужная в житии с собою полагают» [цит. по: Бояршинова, 1948, с.151].

Поскольку металлические котлы обычно изготавливались из довольно дорогостоящего материала (медь, бронза, чугун, не говоря уже о благородных металлах), то ценность металлической посуды зачастую определялась по весу [Мукминова, 1976, с.104]. Известны факты использования котлов в качестве торгового эквивалента. Например, в Гортине до появления денег исчисление штрафов и денежный счет производились на котлы и треножки [Казаманова, 1969, с.28]. Поэтому не случайно котлы часто являлись признаком богатства и знатности, отражая социальный статус человека. Например, признаком

богатства были котлы у кочевников южнорусских степей в средневековье [Швецов, 1980; Плетнева, 1990, с.129-130], и у племен Прикамья на раннем этапе их использования [Генинг, 1962, с.104]. Продолжали цениться даже сломанные котлы, их не выбрасывали, а использовали для других целей, например, для прикрытия огня [Мукминова, 1976, с.110]. В Прикамье и Поветлужье металлические котлы, в большинстве случаев, сопровождают наиболее богатые мужские захоронения [Иванова, Руденко, 1994, с.108]. Т.е., в эпоху средневековья котел являлся престижным и социально значимым предметом.

У обских угров в этнографическое время котлы по-прежнему особенно ценились, им придавалось важное сакральное значение [Мифология манси, 2001, с.12]. Так, по одной из хантыйских версий о возникновении созвездия Большая Медведица, три человека охотились за лосем и три звездочки – это охотники бегут за лосем, а ковш – это котел, брошенный одним из них, чтобы легче было бежать [Мифы, предания..., 1990, с.41,69]. Манси считали, что лесного духа Менква можно убить стрелой с медным наконечником или медной пулей. Последние изготавливались из металла, который брали из горловины котла. Менквы также боялись котла для варки клея и берестяных масок [Мифология манси, 2001, с.88]. У восточных хантов существовал обряд приношения семи котлов живущей в седьмом слое земли за семью дверями Великой Земли старухе [Мифологическое время, 2003, с.21]. Мир-сусне-хуму при рождении ребенка приносили бескровную жертву в виде сосуда с едой со словами: «О, князь, окруживший всю страну семи князей, страну семи княгинь, да восстанет твой златой смысл морской воды, обской воды! О, если бы ты показался над отверстием дымящегося горшка, дымящегося котла!» [Мифология манси, 2001, с.89].

Материалы поздних памятников Пермского Предуралья свидетельствуют, что котел (металлический или керамический) постепенно заменяет или становится в один ряд с традиционным прикамским горшком, как основным сосудом для приготовления пищи для патриархальной семьи, и, соответственно, символом домашнего очага и семейных устоев. Не случайно котел начинает вытеснять горшок в погребальной обрядности.

* * *

Общий анализ имеющихся в распоряжении средневековых жителей Пермского Предуралья продуктов питания, утвари, столовых приборов, свидетельствует о том, что преобладающим способом приготовления пищи была варка. Именно для варки наилучшим образом приспособлена кухонная посуда – горшки, а в более позднее время и котлы. Судя по тому, что черпак ложек было неглубоким, не удобным для употребления жидкой пищи, можно предположить, что преобладающими были блюда густой консистенции: насыщенные мясные и рыбные похлебки, каши, мучные болтушки. Как отмечает М.В.Козловская, высокая доля термически обработанных продуктов снижает питательную ценность пищи, но увеличивает ее энергетические свойства [Козловская, 2002, с.33]. Это, видимо, вынужденная мера, которая диктовалась холодным климатом. Восполнять недостаток минералов в этом случае требовалось искусственными добавками соли. Недостатка соли в Пермском Предуралье быть не могло. Соль имелась в большом количестве в районе современного Соли-

камска и Березников, в Чердынском районе, причем ее добыча не составляла особого труда, так как ее выносили на поверхность многочисленные источники. Кроме того, можно предполагать употребление в пищу свежей крови как эффективное средство восполнения минерального баланса [Матвеева и др., 2005, с.133].

Горшки и чаши являлись и основным видом столовой посуды, нередко, вероятно, все семейство ело из того же горшка, в котором готовилась пища. Известные в керамических комплексах низкие чаши и миски, без сомнения, могли использоваться как индивидуальная посуда для приема пищи, но их незначительное процентное содержание в общем составе керамики свидетельствует не в пользу этого. Вероятнее всего, это была вспомогательная кухонная посуда для приготовления блюд из сырых овощей, замеса теста и т.п. нужд. В качестве сосудов для питья могли использоваться как маленькие горшочки, так и плошки, напоминающие по форме пиалы, деревянные ковши и кружки, а с XII в. – керамические кружки. Нужно отметить, что в период X-XI вв. значительно расширяется ассортимент видов посуды, как за счет использования продукции болгарских ремесленников, так и за счет возникновения новых форм местной лепной посуды. Этот факт обусловлен укрепившимися связями с Волжской Булгарией, от которой могли быть заимствованы не только новые виды культурных растений, и, возможно, обычай употребления в пищу молока, но и новые способы приготовления блюд из них. А для приготовления и употребления этих блюд потребовалась и более разнообразная посуда.

ГЛАВА 2. ЖИЛИЩЕ

Жилище – это убежище человека для защиты от непогоды, различным образом устроенное в соответствии с климатическими условиями, направленное на удовлетворение общих человеческих потребностей в жилье (преимущественно для приготовления и приема пищи, отдыха и сна) [Материальная культура, 1989, с.36], это важнейший элемент материальной культуры, представляющий собой искусственно созданное, специфически организованное пространство, изолированное от природной среды, это сложная система, состоящая из отдельных, взаимосвязанных элементов [Черных, 1990, с.101; 1994, с.50]. С археологической точки зрения жилище выступает как сложный культурно-бытовой комплекс, связанный с различными сторонами деятельности человека [Томсинский, 1985, с.50].

Жилище – ключевое достижение человеческой культуры, символ обжитого пространства [Матвеева и др., 2005, с.100]. Для всех народов мира оно имело и имеет священный характер. Это святыня и твердыня, противостоящая враждебному хаосу внешнего мира. Внутри жилища человек чувствует себя в безопасности в окружении своих близких у родного очага. Нет ни одного народа в мире, который не почитал бы за благо свое жилище [Материальная культура, 1989, с.11].

Конструктивная схема жилища, представленная в виде сложной системы, включает отдельные, самостоятельные подсистемы. К ним относятся: объемно-планировочные элементы, на которые можно расчленить весь объем постройки, например, части здания между основными, расчленяющими его стенами; конструктивные элементы (фундаменты, стены, перекрытия и т.д.); строительные элементы (детали, из которых состоят конструктивные элементы). Отдельную подсистему составляет интерьер дома, определяющий внутренний статус постройки: характер и расположение отопительных устройств, хозяйственных ям, встроенной мебели, производственных и ритуальных площадок [Черных, 1994, с.50-51]. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические источники дают представление, главным образом, об элементах только двух подсистем: конструктивных и деталях интерьера.

2.1. КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Конструкция жилища в значительной мере зависит от климатических условий и наличия строительного материала, и, тем не менее, неодинаковые этнические традиции нередко обуславливают различие в характере жилищ разных этносов, живущих на одной территории [Материальная культура, 1989, с.11]. А нередко и у одного этноса отмечается большое разнообразие типов жилищ. К примеру, у обских угров известно удивительно много типов жилищ. Одни из них были временными, разборными, другие – постоянными. Постоянными жилищами служили землянки или полуземлянки и наземные постройки из бревен и досок. Особенно интересны полуземлянки с опорными столбами и шатровой крышей, которые в древности имели вход через крышу. Срубные постройки различались по конструкции крыш: плоской, односкатной, двускатной [Мифы,

предания... 1990, с.9].

Точно такую же картину мы наблюдаем и на средневековых поселениях Пермского Предуралья. Здесь при преобладании наземных построек постоянного характера, встречаются и полуземлянки, и легкие сезонные постройки, многочисленные столбовые ямки и иные объекты, окружающие жилища, свидетельствуют о существовании навесов, сараев, амбарчиков и прочих хозяйственных сооружений. Кроме того, Е.М.Черных обращает внимание и на видовое разнообразие прикамского жилища, проявляющееся во внутренней планировке дома – одном из главных признаков исторической типологии жилища [Черных, 1998, с.84].

Жилища Прикамья, в основном, рассматривались исследователями в контексте работ, направленных на обобщение материалов по отдельным археологическим культурам региона. Ранние средневековые жилища описаны Р.Д.Голдиной в труде, обобщающем материалы ломоватовской культуры [Голдина, 1985, с.86-94]. Жилища родановской культуры рассматривались М.В.Талицким [Талицкий, 1951, с.36-42], В.А.Обориным [Оборин, 1970, с.9-10; 1999, с.264-266], В.А.Кананиным [Кананин, 1985, с.37-39].

Специальный целостный анализ этой категории материальной культуры местных народов впервые был предпринят Е.М.Черных [Черных, 1992]. Ее исследование отличает подход к жилищу, как к сложному объекту, расчленение его на самостоятельные конструктивные элементы-признаки, и нормированное описание каждого, что позволило смоделировать типы жилищ с учетом совокупности признаков, и рассмотреть внутреннюю организацию группируемых множеств, характер связей между отдельными элементами объекта-системы. Результатом исследования явилось построение региональной модели жилища [Черных 1992а, с.19-20].

Обзор материалов по древнепермскому жилищу с территории Прикамья привел Е.М.Черных к выводу, что его генезис и эволюция протекали в русле тенденции «вырастания» из земли и поднятия на поверхность. В Прикамье этот процесс начался в переломный период конца эпохи бронзы - начала эпохи раннего железа, когда в лесном Волго-Камье оформляется ананьинская культурная общность, и был уже необратимым. Новое жилище Прикамья предстает в виде построек преимущественно прямоугольного плана со слабоуглубленным основанием. С поднятием жилища на поверхность связан и поиск оптимального решения конструкции стены. На северных тасжских памятниках долгое время продолжает существовать своего рода примитивный сруб, бревна в котором удерживались с помощью вертикальных столбов-контрфорсов, а в ряде памятников южной области уже можно говорить о первых попытках жесткого крепления стены - рубке «в угол». Одновременно усложняется конструктивное устройство входной части, где фиксируется появление небольшого тамбура, образованного выпуском бревен длинных боковых стен сруба; в условиях сурового климата этот элемент оказался наиболее соответствующим внутренним потребностям и закрепившимся в строительной практике прикамского населения на длительный период. Особенно характерным, по данным Е.М.Черных, он становится для жилищ Пермского Предуралья.

По результатам проведенного статистического анализа Е.М.Черных пришла к выводу, что типичными для Прикамья были жилища, в которых наиболее связана комбинация признаков «глинобитный очаг», «очаг в центре» и «пло-

щадь 41-60 кв.м». Исследовательница отмечает, что некоторые из этих признаков, довольно редкие в раннее время, постепенно становятся более частыми. Все большее распространение получает очаг из глины и камней. Все более встречаемыми становятся жилища с наземным основанием, хотя жилище со слабоуглубленным основанием, как наиболее апробированное в местных природных условиях, сохраняется еще длительное время. Как альтернативные продолжают существовать признаки наличия или отсутствия хозяйственных ям внутри жилого помещения. В позднейших постройках предпочтение отдается вынесению ямы за пределы дома. На позднем этапе наиболее представительной становится комбинация признаков из очага-каменки на глинобитном основании, неоформленного входа, и площади 21-40 кв.м. Е.М.Черных считает, что упрощение конструкции входа было вызвано общей тенденцией к усложнению конструктивного решения самого жилища в начале II тыс. н.э. - появлению настоящего срубного дома, к тому же, зачастую имевшего уже дополнительное помещение - пристрой над хозяйственной ямой-кладовкой с противоположной входу торцевой части.

В целом же, как считает Е.М.Черных, при наличии определенных локальных и хронологических отличий, обусловленных спецификой местных климатических условий, хозяйственной деятельности и особенностей внутреннего развития, линия развития древнего прикамского жилища была неотъемлемой частью общего эволюционного процесса в финно-угорском домостроительстве. Истоки этого жилища она усматривает в жилищах раннего железного века и даже раньше, когда на смену полуземляночным жилищам эпохи бронзы приходят слабоуглубленные и наземные дома ананьинского времени. Это развитие проходило параллельно с совершенствованием легких временных сооружений - сезонных шалашей (жилищ столбовой конструкции, *авт.*). То есть, оба типа построек развивались одновременно, взаимодополняя друг друга. По мнению Е.М.Черных, эта параллельность, а также длительное сохранение традиционных форм хозяйствования в среде финно-угорских племен Приуралья, предопределили повсеместное сохранение в традиционной культуре построек столбовой конструкции, существовавших наряду с основным типом жилища [Черных, 1992].

Подавляющее большинство жилищных комплексов Пермского Предуралья эпохи средневековья по типологии, предложенной Е.М.Черных, может быть отнесена к **категории 2** – *жилища с прямоугольным основанием*. Это наземные жилища, построенные без фундамента, иногда незначительно углубленные в грунт (до 0,3 м) [Голдина, 1985, с.89; Оборин, 1999, с.264; Черных, 1992], что, возможно, связано с вытаптыванием земляного пола в процессе длительной эксплуатации жилища. В большинстве случаев отличительным признаком жилищ является сочетание очагов и хозяйственных ям (за исключением позднего периода, когда яма выносится за пределы жилища). О характере наземной части жилищ, стен и крыш, можно только догадываться на основании плана жилищ [Талицкий, 1951, с.37].

Размеры жилищ на протяжении довольно длительного времени оставались почти неизменными. Как отмечала Р.Д.Голдина, если для большинства жилищ ананьинской культуры характерна площадь в 130-260 кв.м, то, начиная с гляденовской культуры, площадь жилищ уменьшается до 60-100 кв.м, и такие жилища сохраняются на протяжении ломоватовской и раннего этапа родановской

культуры [Голдина, 1985, с.88]. Но на позднем этапе родановской культуры с XII-XIII вв. площадь жилищ сокращается до 16-25 кв.м. Эта тенденция к уменьшению жилищ отмечена М.В.Талицким и В.А.Обориным, и объясняется разделением большой патриархальной семьи на малые семьи [Талицкий, 1951, с.41; Оборин, 1999, с.264]. Однако, как отмечает Р.Д.Голдина, в ломоватовское время наряду с крупными встречаются и жилища малого размера площадью в 20-25 кв.м (напр., на Черновском I городище). Сравнительно раннее распространение жилищ малых размеров, их сосуществование с большими она считает одной из особенностей домостроительной техники Прикамья [Голдина, 1985, с.89]. В.А.Оборин, напротив, указывает, что в верхнем слое городища Анюшкар наряду с типичными для позднеродановского времени малыми домами встречаются и большие жилища, свойственные для более раннего времени [Оборин, 1999, с.264].

Как ломоватовские, так и родановские жилища четко делятся на две группы: жилища срубной и столбовой конструкции [Черных, 1990, с.102; 1998, с.84].

2.1.1 ЖИЛИЩА СРУБНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Группа I – жилища срубной конструкции. Они представлены, в основном, на городищах – *ломоватовская культура*: Шудьякар, Лаврятское, *родановская культура*: Шудьякар, Анюшкар, Роданово, Рождественское, Кудымкарское, Искор, Лаврятское, Корнинское. Реже они встречаются на селищах, представляющих собой постоянные поселения с мощным культурным слоем – *ломоватовская культура*: Зародятское селище, *родановская культура*: Баяновское, Пеняхинское, Вакинское, Русиновское II, Покчинское селища.

Общие характерные черты жилищ этой группы таковы: все они прямоугольные, наземные, имеют в основании деревянный сруб, земляной, глиняный или деревянный пол, открытые, чаще всего глинобитные очаги, следы столбов для опоры кровли [Голдина, 1985, с.89-90; Черных, 1990, с.102-103; Оборин, 1999, с.264].

Среди построек данной группы можно выделить два типа:

Тип I.1 – наземные прямоугольные сооружения с двускатным перекрытием. По мнению исследователей, каркас кровли жилища опирался на столбы, расположенных двумя параллельными рядами в центре постройки [Талицкий, 1951, с.37; Голдина, 1985, с.87; Оборин, 1970, с.9; Кананин, 1985, с.37-39; Черных, 1998, с.84]. Стропила крыши, по предположению М.В.Талицкого, лежали с одной стороны на вертикальных столбах, с другой – на верхнем венце сруба, или, может быть, упирались концами в дно канавок. Концы столбов, поддерживающих кровлю, вероятно, были соединены по переднему и заднему фасадам поперечными балками, которые были конструктивно необходимы для того, чтобы опорные столбы под тяжестью крыши не завалились внутрь; это также значительно облегчало зашивку фасадов и устройство двери [Талицкий, 1951, с.37]. Труднее всего, как считал М.В.Талицкий, решить вопрос о материале, применявшемся для застилки крыши. Хотя местным жителям и было известно изготовление колотых досок, получить доски длиной 6 м по длине ската было, на его взгляд, невозможно. Кроме того, учитывая несовершенство конструкции, материал должен был быть не слишком тяжелым; ни земля, ни дерн для этих целей не пригодны. Поэтому М.В.Талицкий пришел к выводу, что для покрытия скорее всего использовалось корье [Талицкий, 1951, с.39]. То, что

кровля покрывалась корой или берестой, предполагал и В.А.Кананин, проводя реконструкцию жилищ Шудьякара [Кананин, 1985, с.39]. Благодаря исследованиям В.А.Оборина на Лаврятском и Анюшкар городищах, были получены достоверные доказательства того, что крыша покрывалась крупными листами бересты, сшитыми в несколько слоев, и налегающими рядами друг на друга [Оборин, 1970, с.9]. Фрагменты такого обугленного берестяного перекрытия обнаружены и на Рождественском городище (раскопки А.М.Белавина 1991 г.). Береста для покрытия крыш домов, навесов и временных каркасных жилищ широко применялась у обских угров. Снятую с деревьев бересту, предназначенную для этих целей, укладывали пластами, в несколько слоев под гнет, затем варили и сшивали в 4-5 рядов до трех слоев [Матюков, Лозямова, 2004, с.8-9]. Вместе с тем, получены и достоверные свидетельства того, что кровля вполне могла покрываться тесом. Например, в жилище с Чашкинского II селища, частично изученном А.М.Белавиным, вдоль одной из стен сохранились остатки обугленных досок, лежащих перпендикулярно стене, вероятно, часть обрушившейся кровли [Белавин, 1987, рис.1/3]. Однако покрытие только корой или тесом без земляной засыпки при отсутствии потолка в средневековых жилищах не может дать необходимой теплоизоляции. Для саргатских жилищ, у которых каркас кровли так же, как и у средневековых жилищ Пермского Предуралья, опирался на вертикальные опоры, расположенные двумя рядами по центру жилища, были проведены инженерные расчеты на предмет устойчивости и прочности кровли. Расчеты проводились для вертикальных столбов диаметром 0,2 м (такая же толщина, в среднем, фиксируется и у вертикальных опор в прикамских жилищах). В качестве утеплителя кровли предполагались: накат из жердей (ок.0,06 м диаметром), перекрытие берестой (в целях паро- и теплоизоляции, толщиной 0,002 м), изолирующий слой травы и грунтовая засыпка (в целом толщина кровли около 30 см). Кроме того, учитывались временные нагрузки – снеговой покров или вес человека. В результате проведенных вычислений получен вывод, что вертикальная стойка выполняла работу с большим запасом (могла выдержать вес в 16 раз больше имеющегося). Кроме того, вертикальные стойки выполняли еще и роль скрепления конструкции, снимая часть нагрузки от кровли со стен, и, тем самым, предупреждая их опрокидывание и обеспечивая лучшую устойчивость постройки [Матвеева и др., 2005, с.109-113].

В поздних родановских жилищах, по мнению Е.М.Черных, чаще всего употреблялась самцовая конструкция [Черных, 1998, с.87].

Как считал В.А.Оборин, в двускатной крыше один скат выступал над другим, и через образованную щель выходил наружу дым из очага, расположенного в центре жилого помещения. Когда позднее очаг стали размещать у задней стенки или в углу, для выхода дыма в стенке могло делаться отверстие, и при таком расположении очага, возможно, щель между скатами крыши была закрыта сверху бревном [Оборин, 1970, с.9].

Вариант а – сравнительно большие жилища площадью 40-100 кв.м (для ломоватовского периода характерна площадь 60-100 кв.м, для раннеродановского – 40-70 кв.м). Их важной особенностью является то, что обычно боковые, а иногда и поперечные стенки ограничиваются канавками. В наличии канавок по периметру жилищ можно видеть близкое сходство, которое наблюдается в строительных приемах гляденовского, ломоватовского и раннеродановского

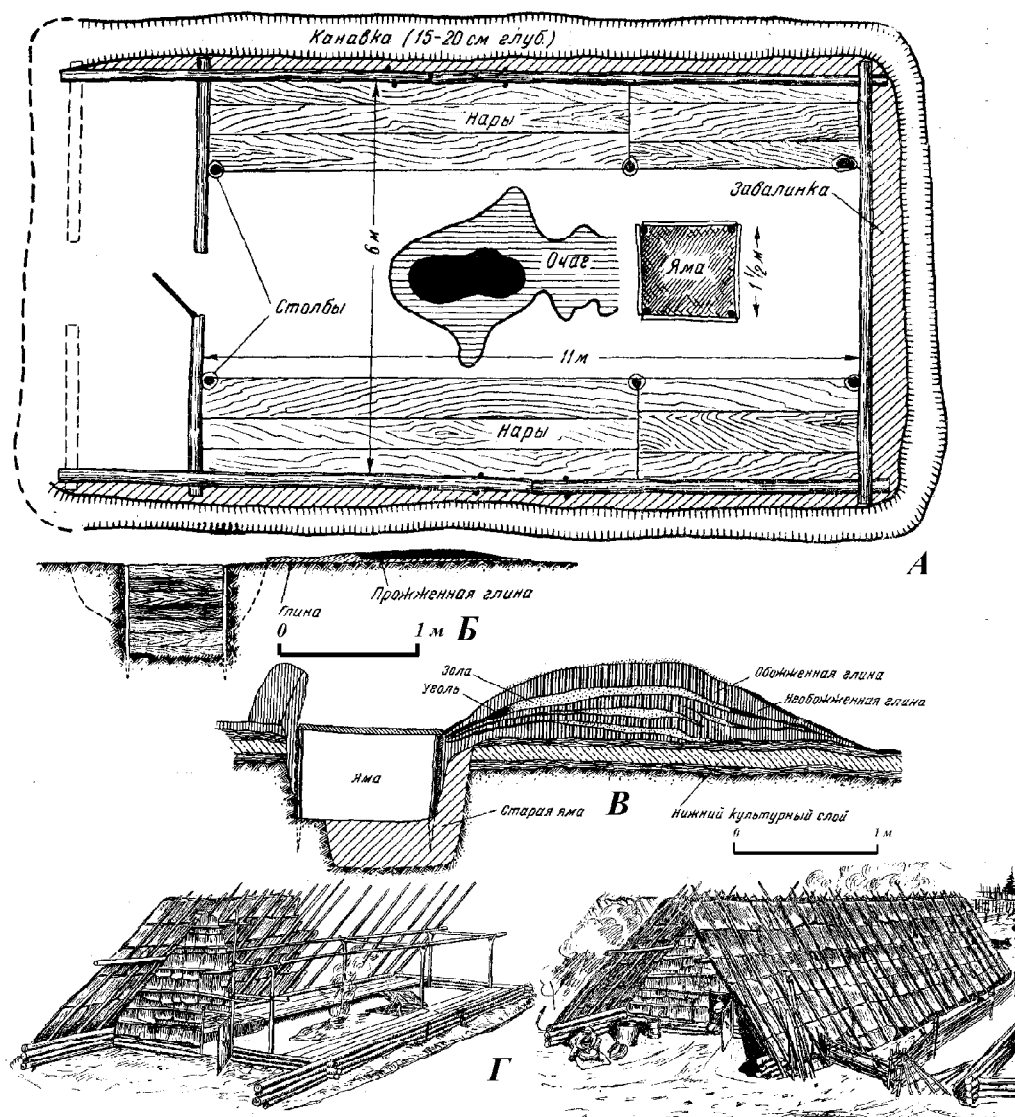

Рис.35 Жилища Роданова городища (по М.В.Талицкому). А – план одного из жилищ нижнего слоя; Б – разрез центральной части жилища, нижний слой; В – разрез центральной части жилища, верхний слой; Г – реконструкция одного из жилищ нижнего слоя.

населения. В.А.Оборин предполагал, что в канавки укладывались нижние венцы сруба [Оборин, 1999, с.264], М.В.Талицкий считал, что в них упирались стропила крыши [Талицкий, 1951, с.37], по мнению Е.М.Черных, назначение канав – дренаж почвы, а кроме того, из них брали землю для оформления завалинки и утепления основания сооружения [Черных, 1990, с.103]. Завалинка имела важное значение в наземных жилищах, так как земляной пол очень холоден, а завалинка позволяет сбергать тепло и защищает от сквозняков [Голдина, 1985, с.89; Черных, 1998, с.84-85]. Функцию теплозащиты жилого помещения выполнял и открытый тамбур перед входом, образованный выпусками боковых бревен. Такие тамбуры существовали уже у жилищ ананьинского (Заюрчимское I селище) и гляденовского (Федотовское городище) времени, в средневековье они фиксируются на Родановом и Анюшкар городищах [Голдина, 1985, с.90; Черных, 1998, с.85; Оборин, 1999, с.264]. По мнению Е.М.Черных,

наличие тамбура является своеобразной чертой ломоватовско-родановских жилищ, отличающих их, например, от жилищ поломско-чепецкой культуры [Черных, 1990, с.104].

Еще М.В.Талицкий тщательным образом проанализировал археологические остатки таких жилищ с Роданова городища (рис.35), и пришел к выводу, что они являлись сравнительно легкими постройками. Высокие стены являлись излишними, так как скаты крыши при отсутствии потолка давали достаточную высоту внутреннего помещения. С легким типом постройки связано, по мнению М.В.Талицкого, и наличие внутренних опор перекрытия: тяжелый сруб делал бы излишним добавочные внутренние столбы для поддержания кровли, вся тяжесть перекрытия могла быть перенесена на стены. В итоге исследователь пришел к выводу, что стены сооружались из сравнительно тонкого леса, венца в 3-4, причем бревна закреплялись кольями как в углах, так и в средних частях, так как на длинную стену, по его наблюдениям, употреблялся составной лес [Талицкий, 1951, с.37]. Как считает Е.М.Черных, данные жилища – это еще не настоящий срубный дом, а скорее утепленный шалаш [Черных, 1998, с.84]. Вдоль стенок в ломоватовских и раннеродановских жилищах иногда фиксируются столбовые ямки, группирующиеся попарно – остатки столбов, укрепляющих стены [Голдина, 1985, с.87; Кананин, 1985, с.37-39], т.е. срубная техника возведения стен была еще настолько примитивной, что требовались дополнительные подпорки.

К данному варианту относятся сооружения ломоватовского времени, остатки которых обнаружены на Зародятском селище, Шудьякар и Лаврятском городищах, и раннеродановские жилища городищ Анюшкар, Шудьякар, Роданова, Саламатовского I [Оборин, Балашенко, 1968, с.40], Петуховского [Поляков. Отчет за 1961 г., с.58-69], Среднекамского Калиновского и поселения Искра на р.Вятке. Единичные постройки данного типа представлены и в верхних слоях городища Анюшкар XII-XIII вв.

Зародятское селище VI-VIII вв. относится к постоянным поселениям с мощным культурным слоем. На раскопанной площади изучены остатки не менее, чем 6 наземных жилищ прямоугольной формы шириной 6-7 м, длиной 14-19 м [Генинг, 1959, рис.10; Голдина, 1985, с.83-84; Черных, 1990, с.103]. Жилищные комплексы выделяются по устойчивому сочетанию очагов открытого типа и 2-3 ям. Конструктивной особенностью зародятских жилищ было сооружение канавок, по которым и фиксировались границы построек (рис.36). Иногда с ними связаны столбовые ямки, в ряде случаев обнаруживающие некоторую систему в расположении. Так, в жилище № 2 столбовые ямы диаметром 15-18 см находились вдоль южной стенки на расстоянии 3,5 м друг от друга. Под прямым углом к ним располагались еще две ямы такого же диаметра, но расстояние между ними было меньше - 2 м [Генинг. Отчет за 1952 г., с.14]. Как считает Е.М.Черных, эти столбы остались от несущих опор перекрытия. Стены были бревенчатыми срубного типа, дома имели тамбур. Продольные стенки жилищ с наружной стороны ограждались канавками шириной в среднем 0,4-0,8 м при глубине 0,3-0,8 м, в заполнении их встречены зола и пепел [Бадер, Оборин, 1958, с.157; Черных, 1992].

Некоторые жилища имели с боковой стороны пристрой, также оконтуренные канавками. В них зафиксированы хозяйственные ямы, иногда встречаются очаги. По мнению Р.Д.Голдиной, эти сооружения служили кладовками или ма-

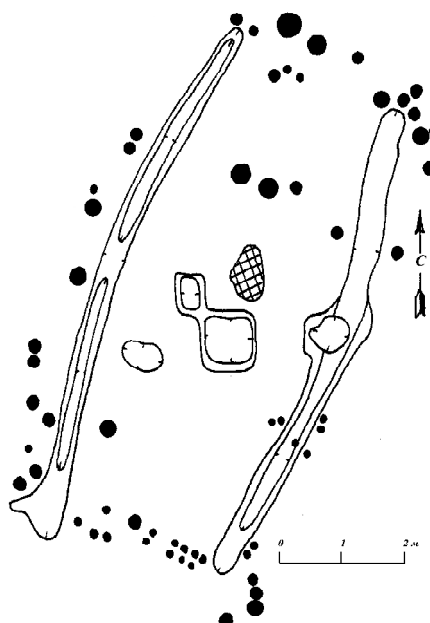

Рис.36 План жилища. Зародятское селище.

стерскими, Е.М.Черных считает, что часть этих пристроев могли использоваться для жилья [Голдина, 1985, с.90]. Рядом с жилищем № 1 обнаружены хозяйственно-бытовые и производственные комплексы: площадка для изготовления глиняной посуды, летняя кухня и кузница [Голдина, 1985, с.84]. Судя по размерам (80-100 кв.м), зародятские жилища принадлежали большим патриархаль-

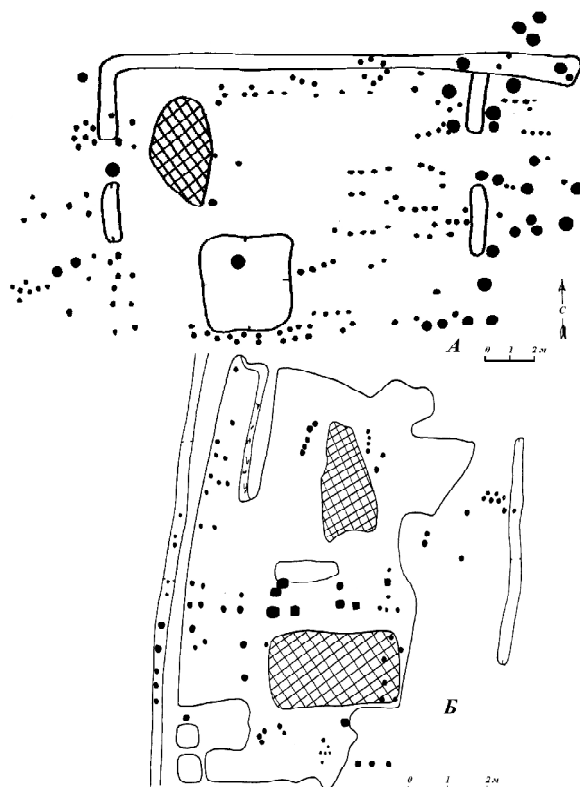

Рис.37 Планы жилищ нижнего слоя городища Анюшкар. А – раскопки 1951 г., Б – 1953 г.

ным семьям, которые вели самостоятельное хозяйство. При каждом доме имелись обособленные дворы с хозяйственными постройками, среди которых выделяются зернохранилища, где встречено обугленное зерно, большие сараи (до 120 кв.м), в которых, очевидно, содержали скот в зимнее время [Бадер, Оборин, 1958, с.157; Голдина, 1985, с.165].

Остатки жилища, близкого зародятским, выявлены в нижнем слое VIII-IX вв. *Лаврятского городища* [Оборин, 1956, с.109-110]. Основание этой постройки было выделено по периметру канавками шириной 30-35 см. На дне канавок обнаружены следы кольев диаметром 5 см, вбитых попарно. Внутри этого контура сохранились яма-кладовка и глинобитный очаг [Черных, 2002, с.117].

Близкое сходство с постройками Зародятского селища и нижнего слоя *Лаврятского городища* обнаруживают остатки жилищ нижнего слоя *городища Анюшкар* (рис.37), датирующегося В.А.Обориным IX-XI вв. [Оборин, 1957, с.170-173].

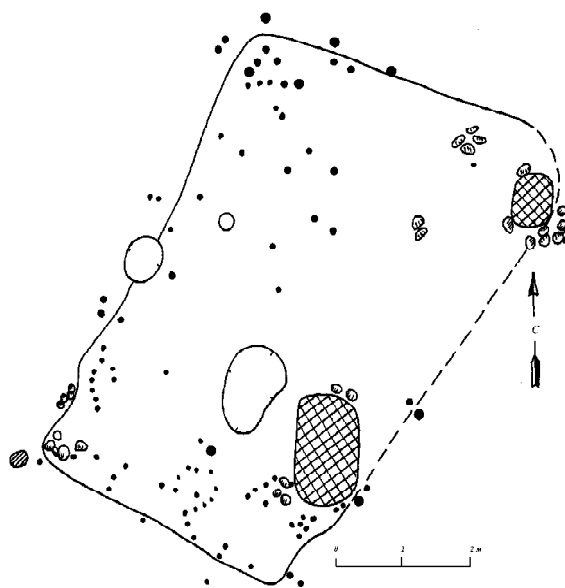

Рис.38 План жилища *городища Шудьякар* (по Р.Д. Голдиной и В.А. Кананину).

Разновидностью таких жилищ являлись и остатки построек, изученных в слоях X-XII вв. *городища Шудьякар* (рис.38). Здесь к типу I.1 относятся слабоуглубленные (до 0,25-0,3 м) прямоугольные жилища размерами 8-8,5 x 4,7-4,8 м. Конструкция стен, по мнению В.А.Кананина, была бревенчатой, а наличие столбиков диаметром 0,04-0,06 м, расположенных вдоль стен с внутренней и внешней сторон, объясняется необходимостью укрепления горизонтально уложенных прямо на землю в 3-4 венца бревен. При этом в углах и в середине возле стен фиксировались наиболее крупные ямки – остатки основных несущих конструкций. На основании этих деталей р.Д.Голдина и В.А.Кананин позднее определили данные жилища, как выполненные в срубно-столбовой технике [Голдина, Кананин, 1989, с.18]. Кровля была двускатной с каркасом из жердей, которые опирались нижними концами на верхний край стен и землю, а верхними, на продольные следи, закрепленные на столбах опорах, ямки от которых сохранились на внутренней площадке жилищ. В центре или по углам жилищ располагались очаги открытого типа, а рядом с ними – небольшие хо-

зайиственные ямы. Вдоль стен располагались нары-лежанки [Кананин, 1985, с.39]

Выводы, сделанные Е.М.Черных, позволили по новому рассмотреть материалы, полученные в ходе многолетних работ на Рождественском городище. Хотя в процессе раскопок явные следы наземных жилищ зафиксированы не были, пользуясь методикой Е.М.Черных, удалось выявить несколько жилищных комплексов, ряд которых может быть отнесен к варианту а.

Жилище прямоугольной формы площадью около 60 м², выявленное на раскопе I Рождественского городища [Белавин. Отчет за 1985 г.], ориентировано по линии З-В (рис.39). Вход, вероятно, располагался в восточной части, разрушенной сооруженным в к. XI-XII вв. гончарным горном. Северная граница жилища определяется по канавке длиной 8 м, шириной 0,7 м, южная граница – по ряду из трех небольших ям, из которых, возможно, бралась земля для завадки. Заполнение в канавке и ямах аналогичное – серо-коричневый суглинок с редкими находками костей и мелких фрагментов керамики. У западной око-

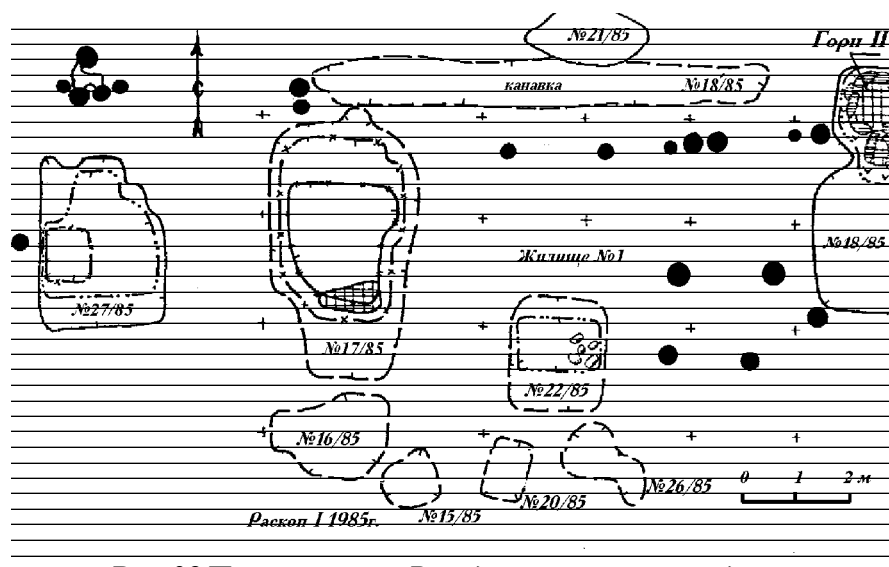

Рис.39 План жилища Рождественского городища, раскоп I 1985 г.

нечности канавки обнаружены две ямки от столбов, которые, возможно, укрепляли угол жилища, как это отмечалось на городище Шудьякар. Вдоль осевой линии жилищной площадки в ее восточной части прослеживается два ряда столбовых ямок диаметром 0,15-0,2 м, вероятно, от опорных столбов кровли. Расстояние между рядами 1,5 м. Вдоль северной стенки жилища на расстоянии 0,6 – 0,7 м от канавки зафиксирован ряд столбовых ямок небольшого диаметра, которые, скорее всего, оставлены опорами пристенной лавки или нары. Очаг в жилище, вероятно, располагался в разрушенной восточной части, а у западной стенки находилась большая прямоугольная кладовая яма. В средней части заполнения ямы прослеживалась прослойка с большим содержанием угля, золы и отдельные куски тонких обгоревших плах – возможно, от крышки ямы или, как считает А.М.Белавин, остатки рухнувшей крыши (жилище, судя по всему, сгорело) [Белавин. Отчет за 1985 г., с.7]. Как отмечает А.М.Белавин, яму-кладовку засыпали в XII-XIII вв., и на ее месте был сооружен небольшой открытый очаг, с которым связана расположенная южнее приочажная яма с присутствием в заполнении золы, угольков, комков обожженной и сырой глины, фрагментов лепной керамики [Белавин. Отчет за 1985 г., с.6]. С поздним

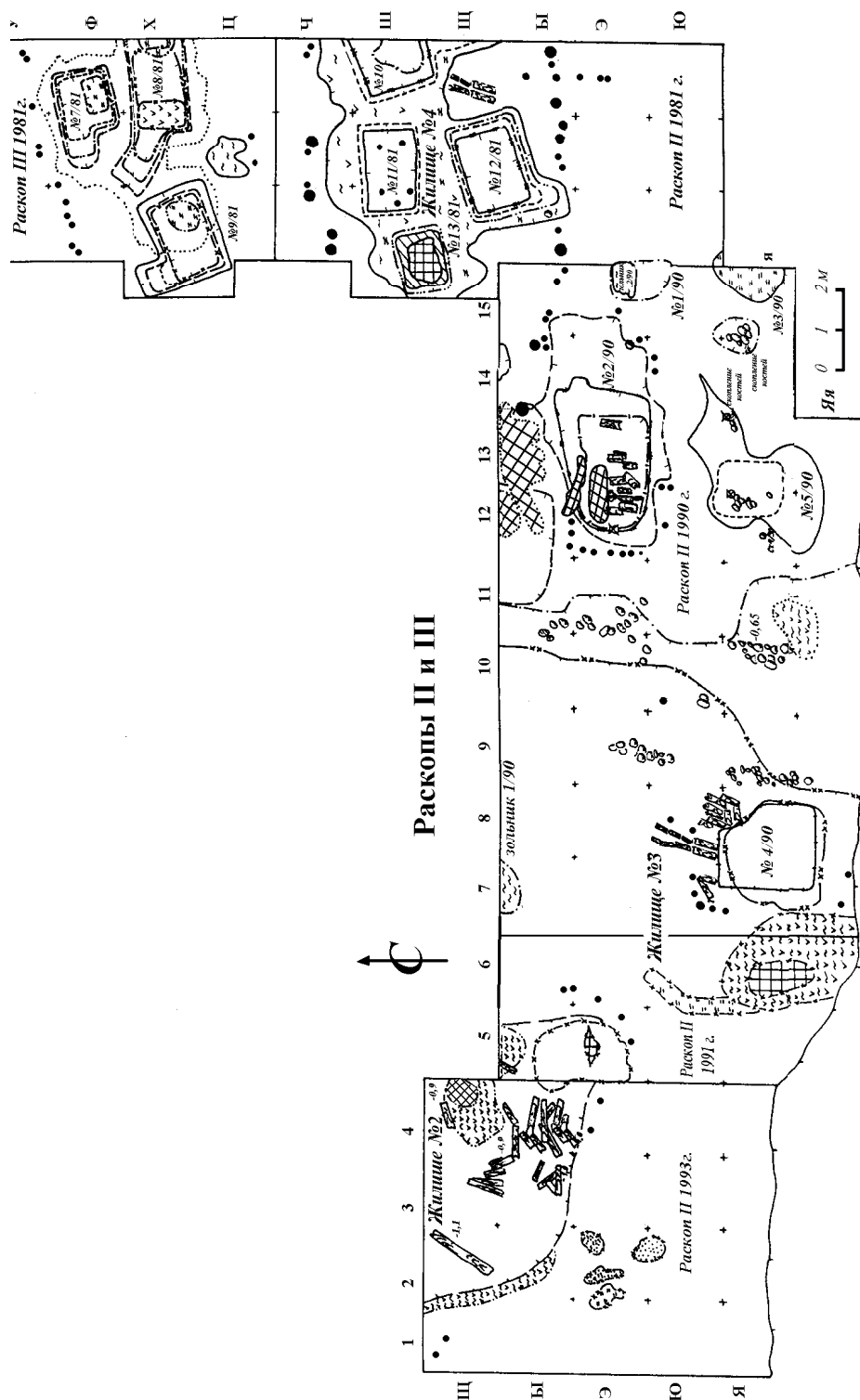

Рис.40 Планы жилищ Рождественского городища, раскоп II.

гончарным производством, очевидно, связана расположенная в пределах жилищной площадки прямоугольная яма, на дне которой обнаружены крупные обгорелые камни и пятна сырой белой глины [Белавин. Отчет за 1985 г., с.9].

Фрагменты жилища с канавкой были обнаружены и на раскопе II Рождественского городища (рис.40). Это сооружение, в отличие от предыдущего, было ориентировано по линии С-Ю. Южная часть данного жилища изучена рас-

копами А.М.Белавина 1991, 1993 гг. Здесь на глубине 0,95-1,05 м были зафиксированы остатки пола в виде темной супеси со значительной примесью угля, частично обгорелого дерева, древесного тлена и крупных кусков полуобгорелых плах толщиной до 4 см, длиной до 0,6-2,0 м, шириной 0,15-0,24 м. Все, взятые для пробы образцы плах, как показало определение кафедры ботаники ПГПИ, представлены елью. Плахи располагались достаточно бессистемно, но на одном участке они сохранили вид частично состыкованного пола [Белавин. Отчет за 1993 г., с.10]. Общая ширина площадки 7 м, таким образом, площадь жилища могла составлять около 60 м². Вдоль западной границы данной площадки прослеживалась неглубокая канавка шириной до 0,4 м, в заполнении которой содержалось большое количество золы и угольков. У восточной стенки жилища находилось два больших очага, возможно, одновременных. Первый очаг овально-подпрямоугольной формы размерами 1,30 x 1,90 м зафиксирован на глубине 0,6 м – он поднимался над полом на высоту до 0,4 м. Подушка очага состояла из слоев прокаленной и сырой глины, светлого суглинка с примесью песка и мощной углистой прослойки толщиной до 0,2 м [Белавин. Отчет за 1993 г., с.9]. Другой очаг располагался в ЮВ углу постройки, он имел форму овала размерами 0,8 x 1,8 м, и представлял собой глинобитную подушку со слоями прокаленной глины розового и оранжевого цвета мощностью до 0,4 м [Белавин. Отчет за 1991 г., с.10].

На раскопе II сохранилась северная часть еще одного подобного жилища (рис.40), но без канавки (южная часть разрушена береговым обрывом). Восточная граница жилища находилась на раскопе 1990 г., она прослеживается по прямому ряду из довольно крупных камней. На раскопе 1991 г. обнаружена углистая полоса шириной до 0,4 м, параллельная выкладке из камней, вероятно, сгоревший нижний венец западной стенки и СЗ угол сооружения. Расстояние между углистой полосой и кладкой из камней – 6 м. В сохранившейся части жилища выявлены большой очаг и яма-кладовка. Очаг вплотную примыкал к западной стенке, он, вероятно, имел деревянный каркас, о чем свидетельствует углистая прослойка под глинобитной подушкой мощностью до 0,5 м. Вокруг очага распространялось зольное пятно (3,4 x 1,8 м). У восточной стенки находилась прямоугольная яма-кладовка (2 x 2,8 м глубиной 1,55 м). К северу от нее прослеживались остатки обугленных плах, вероятно, остатки пола жилища. Как отмечает А.М.Белавин, яма связана с нижним (серым) культурным слоем, который датируется IX-X вв. В средней части ее заполнения на гл. 0,7 м этот слой перекрывался прослойкой песка с высоким содержанием белосерой золы и мелких угольков, над которым находился верхний (черный) культурный слой, в котором найден ключ от болгарского замка, скопления болгарской гончарной керамики и пр. вещи XI-XIII вв. Таким образом, данное жилище, вероятно, было построено на раннем этапе существования городища, и по своим размерам и типу вполне соответствует жилищам характерным для этого времени.

Жилище подобного варианта исследовано на *Чашкинском II селище* (рис.41) [Белавин, 1987, с.123, рис.1-3]. Вдоль продольной оси помещения в два ряда были установлены столбы диаметром 0,1-0,2 м, длина пролета между которыми составляла 1,7-1,8 м, расстояние между столбами в ряду – 2,4-3,2 м. Эти столбы служили опорами для двускатной кровли, покрытой тесом. В канавке сохранился древесный тлен, оставшийся в неровностях дна [Белавин. Отчет за

1984 г., с.36-38], обломки обуглившихся плах шириной 12-17 см были найдены в северо-восточном углу сооружения. Внутри помещения находились два небольших очага на глинобитном основании. Под северной стеной располагалась большая яма-погреб. Автор раскопок ошибочно определил это жилище как легкое сооружение столбовой конструкции, которое носило сезонный характер (летний), что подтверждается назначением самого поселка, использовавшегося в летнее время для производственных целей – добычи руды, плавки и переработки металла [Белавин, 1987, с.123]. Однако отсутствие столбовых ям вдоль стен сооружения не позволяет относить его к группе столбовых жилищ. По всем своим признакам (прямоугольная форма, наличие канавок, сочетание в интерьере очагов и ямы-кладовки) это жилище относится к первому типу, и вполне может являться постоянным. К тому же новые исследования на Чашкинском II селище и расположенном неподалеку селище Запоселье I по-

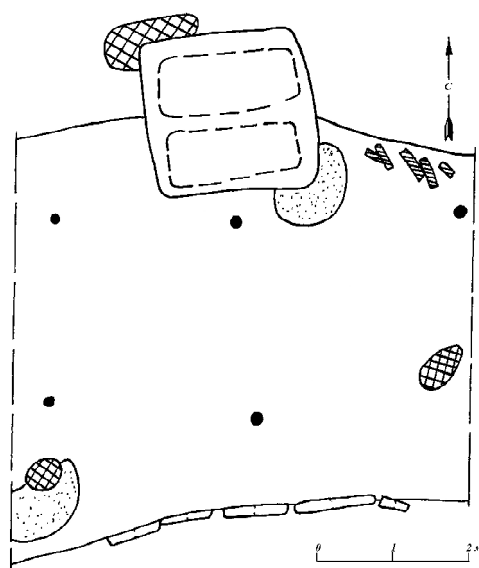

Рис.41 План жилища. Чашкинское II селище (по А.М. Белавину).

зволили пересмотреть точку зрения о сезонном характере производственного поселка на берегу Чашкинского озера.

Не смотря на то, что жилища данного варианта характерны, в основном, для ломоватовской и раннеродановской культуры, иногда они встречаются и в поздних слоях. Так, при раскопках В.А.Оборина на городище Анюшкар в его верхних слоях наряду с жилищами малых размеров, типичными для позднего периода, были обнаружены и традиционные крупные дома с канавками [Оборин, 1999, с.264]. На дне канавок шириной до 40 см, расположенных с небольшим отступом от глиняных площадок полов, заметны столбовые ямки в один или два ряда, диаметром 10-15 см, иногда до 35 см [Оборин. Отчет за 1954 г., с.34-37]. Аналогичное расположение столбовых ямок наблюдалось и в канавках раннеродановских жилищ. По мнению Е.М.Черных, есть основания считать эти ямки деталью скорее не перекрытия, а обшивки земляной завалинки, предохранявшей ее от размывания [Черных, 1998, с.86].

Вариант б – жилища, характерными особенностями которых является небольшая площадь до 16-30 кв.м и отсутствие канавок. Эти жилища получили

распространение на позднем этапе родановской культуры в XII-XV вв. Этот вариант представлен постройками на *Родановом и Кыласовом (Анюшкар) городищах*. Есть сведения о подобных же остатках на *Покчинском, Пеняхинском, Вакинском селищах* [Оборин, 1957, с.290-292]. Жилища сохраняли выступ тамбура, находящегося под одной крышей с жилым помещением, но, как отмечал В.А.Оборин, тамбур был огражден столбами с плетнем [Оборин, 1999, с.264].

Наземные жилища данного периода выявляются по остаткам глинобитных полов толщиной от 5 до 20 см, в зависимости от количества подмазок. Е.М.-Черных отмечает, что по краям глинобитных площадок иногда сохраняются остатки бревен, столбовые ямки [Черных, 1998, с.86].

Е.М.Черных пришла к выводу, что стены построек позднего этапа родановской культуры имели в основании более высокий и прочный сруб (не менее 7-8 венцов, как это зафиксировано этнографами [Соколова, 1963, с.200; Черных, 1998, с.87]. По мнению М.В.Талицкого, косвенным свидетельством появления настоящего сруба является все возрастающее количество в верхних слоях городищ кованых гвоздей [Талицкий, 1951, с.42], а на Рождественском городище обнаружены и кованые скобы для скрепления бревен (раскопки А.М.Белавина).

В таких жилищах очаг, как правило, смещен от центра к стене или в угол, яма-кладовка выносится наружу. Судя по известным остаткам позднеродановских жилищ, устройство их получает дальнейшее развитие в направлении усложнения внутренней организации жилого пространства. В жилищах Анюш-кара заметно стремление если не выделить в них две *камеры*, то во всяком случае освободить часть помещения, а именно перед входом, для иных целей (жилище № 2 из раскопа 1951 года [Бадер, Оборин, 1958. рис.52]; жилище № 5 из раскопа 1955 года [Оборин. Отчет за 1955 г., с.25-27, рис.21-23]). А в жилище № 3 (раскоп 1954 г.) отчетливо прослеживаются два ряда столбовых ям, пересекающих глинобитную площадку почти посередине. Ямы остались от столбов, которые, по мнению Е.М.Черных, могли составить основу внутренней стенки, перегораживающей внутреннее помещение на две половины [Черных, 1998, с.86]. В передней половине, ближе к выходу, находился глинобитный очаг, выполнявший обогревательную функцию, так как рядом с ним не обнаружено ни кухонных остатков, ни бытовых вещей, а в задней (дальней от входа) половине размещался основной очаг размерами 3 x 0,6-1,2 м, также глинобитный, с углублением в центре, заполненным углем, золой, костями животных и глиняными черепками [Оборин В.А. Отчет за 1954 г., с.34-37].

М.В.Талицкий сравнивает жилища с двускатной кровлей, реконструированные им по материалам Роданова городища, с одним из типов жилищ манси, с которым его ознакомил В.Н.Чернецов (по мнению В.Н.Чернецова, это один из древних типов жилищ). Конструктивно оно полностью совпадает с ломоватовским и родановским жилищем вышеописанного типа. Крыша опирается на внутренние столбы опоры. Очень низкий сруб имеет 4-5 венцов. Внутреннее помещение распланировано аналогично прикамскому дому: вдоль стен устроены дощатые нары шириной около 1,5 м. В середине между нарами помещен открытый глинобитный очаг четырехугольной формы, обшитый досками. Для выхода дыма в крыше имеется щель, идущая вдоль всего гребня крыши, так что вся постройка представляет как бы два крутых навеса, составленных открытыми сторонами друг с другом. Внутренние столбы используются для раз-

вески хозяйственного и домашнего инвентаря. В такой постройке жила семья из нескольких брачных пар, несмотря на то, что общая площадь жилища не превышала 20 м², количество жителей в ней могло достигать до 10-15 человек [Талицкий, 1951, с.37-38]. Единственным отличием описанного мансийского жилища является отсутствие в помещении ямы-кладовки, однако, судя по размерам мансийского жилища, оно наиболее сопоставимо с позднеродановскими постройками, из которых для экономии жилого пространства ямы выносились за дом.

Тип 1.2 – срубные жилища с односкатной кровлей.

Жилище данного типа исследовано И.С.Поносовой на родановском *Корнинском городище* IX-XIII вв. в Чердынском районе. Постройка имела прямоугольную форму, площадь 16 м². Для ее устройства было использовано естественное углубление, по краям которого сохранились углистые полосы – сгоревшие деревянные конструкции. В углах северной стенки углубления находились две столбовые ямы диаметром 20 и 25 см, на столбы накладывалось, очевидно, бревно, служившее опорой для односкатной крыши из жердей, нижние концы которых упирались в землю [Оборин, Балашенко, 1968, с.29]. Кострище и яма-кладовка размещались за пределами постройки перед входом в жилище. Прямоугольная яма-кладовка (1,5 x 1,6 м) была укреплена деревянными плахами, прижатыми изнутри небольшими столбиками, дно ее было выложено плитами песчаника, закрывалась яма крышкой из древесных плах. Возле расположенного рядом с ямой открытого кострища обнаружены две ямки от шестов диаметром 10 см [Оборин, Балашенко, 1968, с.29-30].

Подобное небольшое жилище с односкатной кровлей было раскопано В.А.Обориным на *городище Анюшкар*, только очаг в нем располагался внутри дома [Оборин, 1970, с.9-10].

Подобного типа жилища с односкатной кровлей известны у манси; их постоянные зимние жилища были срубными, наземными, однокамерными, невысокими, и до второй половины XIX в. для них была характерна конструкция жилища с плоской кровлей [Мифология манси 2001, с.10]. Однако исследователи обычно сравнивают постройку с Корнинского городища с «кер-чомом» коми-зырян [Оборин, Балашенко 1968, с.30; Оборин 1970, с.10] - временным жилищем охотников, устанавливаемом на местах артельного промысла, которое представляло собой трехстенный сруб из тонких бревен, горбуш или колотых плах, передняя стена оставалась открытой. Односкатная крыша опиралась со стороны входа на перекладину, уложенную на два кола с развилками в верхней части. На перекладину укладывались жерди, другой конец которых лежал на задней бревенчатой стенке. На жерди настилали берестяные полотнища. Против входа в крытую часть «чома» вбивали три кола, на них и на перекладину от входа в «чом» укладывали три жерди, центральная из которых служила поперечиной над костром, а на две других вешали для просушки одежду [Конаков, 1983, с.47-48, рис.9]. Аналогичные по устройству трехстенные «шалаши» из плах с односкатной крышей были известны удмуртам [Белицер, 1958, с.217], вепсам, обским уграм [Соколова, 1963, с.214]. А.Д.Конаков считает сооружение таких построек отличительной чертой в промысловой культуре северной таежной зоны Восточной Европы [Конаков, 1983, с.51]. В древности же, как считает Е.М.Черных, подобный тип построек мог использоваться в качестве сезонного жилища [Черных, 1998, с.89-90].

Эти соображения, безусловно, весьма интересны. Характер хозяйственной деятельности, действительно, требовал сооружения легких временных построек. В период сельскохозяйственных работ, несомненно, большую часть времени люди проводили вне укрепленных поселений; на лесных пашнях и пастбищах, на сенокосах и в охотничье-промысловых угодьях должны были существовать летние сезонные постройки. Однако непонятно, с какой целью такие сезонные постройки были нужны на городищах. Почему бы не взглянуть на эти постройки, как на жилище бобыля, или какое-то сооружение подсобного характера.

2.1.2 ЖИЛИЩА СТОЛБОВОЙ КОНСТРУКЦИИ

Группа II – жилища столбовой конструкции. К этой группе отнесены жилища, у которых по периметру сохранились столбовые ямы, расположенные на расстоянии около 1-2 м друг от друга. Е.М.Черных определяет их как «шалашевидные постройки с легкой конструкцией стен, - своего рода примитивный сруб, бревна в котором удерживались с помощью вертикальных столбов-контрфорсов» [Черных, 1992]. Однако группа исследователей, с помощью математических методов рассчитавшая теплоемкость жилищ саргатской культуры аналогичной конструкции, пришла к выводу, что стены жилищ, сооруженные в технике заплота, имели прочную укладку бревен и минимальное количество щелей. Для сплачивания горизонтальных венцов мог выбираться паз в нижней поверхности каждого бревна, либо их подтесывали до ровной поверхности. Пазы или места стыков между бревнами могли прокладывать мхом, стены обмазывать глиной. Все это позволяло сплачивать стены и сокращать потери от выдува [Матвеева и др., 2005, с.109]. Таким образом, столбовая конструкция не уступала срубной в обеспечении необходимой теплоемкости жилищ, поэтому мнение об исключительно сезонном («легком») характере столбовых жилищ является ошибочным.

Такие жилища преобладают *на селищах* – Коновалытское, Русиновское II, Запосельское I, Чашкинское II. Реже они встречаются *на городищах* – Опутятское, Рождественское, Анюшкар.

Вариант а – долговременные жилища.

Наиболее ранние долговременные столбовые жилища изучены на *Опутятском городище*. В обобщающей публикации по раскопкам Опутятского городища харинского времени в Прикамье В.Ф.Генинг дает исчерпывающую характеристику его строительным комплексам [Генинг, 1980, с.132-133]. Центральная часть его площадки была свободна от застройки, северная сторона была занята кузницами и мастерскими по изготовлению бытовых вещей из железа, а вдоль южного склона обнаружены остатки жилых и хозяйственных сооружений, группирующихся в комплексы. Каждый комплекс включал 1-3 ямы и очаг [Генинг, 1980, с.99-107]. О существовании жилищ свидетельствуют прокалы от очагов (до 1,5 м в диаметре) и крупные ямы прямоугольной формы длиной 1,4–1,8 м, шириной 1–1,4 м и глубиной 1-1,2 м.

В.Ф.Генинг ничего не пишет о внешнем виде жилищ Опутятского городища, очевидно, не находя для этого достаточных оснований. Е.М.Черных отмечает наличие по контуру жилищ столбовых ям крупных размеров – диаметром 0,15-0,25 м, глубиной 0,2-0,35 м, сочетание которых позволяет предположить наличие столбовых конструкций [Черных, 1990, с.102]. Р.Д.Голдина также ука-

зывала на столбовую конструкцию опутятских жилищ, связывая этот строительный прием с пришлой группой харинского населения и, следовательно, видя в этом привнесенную традицию. В своих ранних статьях Е.М. Черных поддерживала эту точку зрения [Черных, 1987, с.100], считая возможным объединить жилые комплексы Опутятского городища с остатками жилищ, изученных на Коновалытском и Русиновском II селищах того же времени. Однако последующее знакомство с материалами памятников харинского и предшествующего ему периодов убедило ее в том, что эти жилища не новация, а непосредственное отражение тесной зависимости между формами поселений и типами жилых и хозяйственных сооружений с одной стороны, и формами хозяйственной деятельности населения – с другой [Черных, 1992].

В своем роде уникальным является жилище, изученное в 2004-2005 гг. на селище *Запоселье I* (раскопки Н.Б. Крыласовой). Запосельское жилище (рис.42), несомненно, является долговременным, о чем свидетельствует и сложность его конструкции, и мощность культурного слоя в заполнении, и насыщенность разнообразными находками. Важная особенность данного жилища - отсутствие очага в его привычном для Пермского Предуралья виде. Уникальность данному жилищу придает возможность проследить многочисленные детали интерьера, благодаря тому, что жители поселения предпочитали использовать столбовую технику при сооружении любых строительных конструкций.

Внешние контуры жилища ограничивал периметр из округлых столбовых ям диаметром 16-35 см глубиной 60-70 см, расположенных на расстоянии 0,60 - 1,5 м друг от друга. Ограниченное этим периметром сооружение имело форму прямоугольника, ориентированного по линии С-Ю, длиной 15 м, шириной 4,5 м, площадь его составляла 67,5 кв.м.

Вдоль западной границы этого сооружения на расстоянии в среднем 1,5 м к западу прослеживался параллельный ряд столбов. С севера примерно до уровня центральной части строения наблюдались следы пяти больших подквадратных в сечении столбов, укрепленных вбитыми вокруг кольями. Столбы углублены в землю примерно на 70 см от поверхности. Этот ряд столбов завершался у ямы IX, от которой к ЮЮВ и ВЮВ отходили две прямые темные полосы – следы от лежащих бревен, вдоль которых отмечаются ряды столбовых ямок от кольев, вероятно, укреплявших бревенчатые стены. К югу от ямы IX на одной линии с южной стеной дома выявлено две большие округлые столбовые ямы, от которых на север и на восток отходили следы от лежащих бревен. Этот угол с внешней стороны также был укреплен кольями. Таким образом, можно предположить, что в данной части жилища был устроен пристрой с бревенчатыми стенами и отдельным входом, который прослеживается в центре западной стены этой конструкции. От этого входа на запад вел коридор, ограниченный двумя рядами столбовых ямок. Стена дома в районе пристроя была не капитальной, а в виде легкой перегородки, здесь между большими столбами наблюдается промежуток в 3,5 м, занятый рядом маленьких столбовых ямок.

На наш взгляд, наличие ряда крупных опорных столбов вдоль западной стены жилища свидетельствует о возможном существовании односкатной кровли со скатом к востоку. Это предположение подтверждается и тем, что вдоль восточной стены столбовые ямки имеют, в основном, небольшой диаметр, то есть здесь стена, вероятно, была невысокой, и несла незначительную нагрузку. Вдоль восточной границы жилища по всей его протяженности наблюдались

Рис.42 План жилища. Селище
Запоселье I.

темные следы от лежавших досок, вероятно, остатков обрушившейся кровли.

Пространство внутри дома довольно четко делилось на три камеры. С юга на расстоянии 2,5 м от внешней стены прослеживался ряд столбовых ямок, отделяющих тамбур во входной части жилища. С севера на расстоянии около 3,5 м от внешней стены наблюдался ряд ямок, отделявших жилую часть от задней части дома, которая, судя по всему, имела отдельный вход, и, возмож-

но, служила мастерской, так как в 3 м к СЗ от этой части дома располагалась яма Х, несомненно, связанная с бронзолитейным производством.

Внутри жилой камеры четко прослеживались детали интерьера: нары и две столбовые конструкции, являвшиеся основанием поднятых над полом на помосте очагов или печей типа чувала.

Вход в жилище располагался с южной стороны, где между столбами имелось пространство шириной в 1 м. От входа на юг в сторону ручья прослеживалась полоса шириной до 1-1,5 м, покрытая многочисленными столбовыми ямами малого диаметра. Вероятно, по причине заболоченности в тот период берега ручья, для прохода к воде были устроены мостки.

Жилище прослеживалось на уровне предматерика и материка в виде обширного темного пятна, объединяющего как собственно жилище, так и привходовую часть с мостками. По счастливому стечению обстоятельств, западная и южная границы раскопа 2004 г., и оставленные в 2005 г. бровки располагались ровно вдоль осевой линии и поперек центральной части жилища, что позволило пронаблюдать особенности его заполнения. Кроме того, в 2005 г. было сделано несколько дополнительных поперечных разрезов, зафиксировавших важные интересные детали. Жилищная яма имела корытообразное дно, пологие стенки. Зафиксирована она была на глубине 40 см, максимальная глубина в центральной части составляла чуть более 1 м. На наш взгляд, углубление в центральной части жилища связано с тем, что материковый слой здесь составляет очень рассыпчатый песок, поэтому пол мог быть «вытоптан» еще в процессе строительства. Впоследствии, когда пол жилища был покрыт разнообразным бытовым мусором, его разрушение прекратилось. На поперечных разрезах с западной стороны жилищной ямы в ее придонной части наблюдались округлые следы лежавших на полу тонких бревен, образующих настил, служивший как для теплоизоляции, так и для предотвращения дальнейшего разрушения земляного пола.

Остатки, несомненно, долговременного жилища столбовой конструкции (рис.40, жилище № 4) были частично исследованы Ю.А.Поляковым на *раскопе II Рождественского городища* [Поляков. Отчет за 1981 г.]. Жилищная площадка, включавшая 3 прямоугольные хозяйственные ямы и очаг, была ограничена с севера и юга двумя параллельными рядами столбов диаметром 0,15-0,25 м. Расстояние между рядами 6,5 м, между столбами в ряду – 1-2 м. Западная и восточная части жилища располагались за пределами раскопа. Судя по тому, что южный ряд столбов продолжался на запад на раскопе А.М.Белавина 1990 г., очаг, вероятно, находился в центре жилища. Очаг был заключен в прямоугольную раму размерами 1,7 x 1,45 м, представлял собой глинобитную подушку толщиной 10 см. Вдоль осевой линии жилища на глубине 0,25-0,3 м выявлена площадка с большим содержанием золы, угольков, кусочков обожженной глины – пол жилища. Вдоль южной стенки эта прослойка фиксируется только по краям ямы № 12, здесь, вероятно, находились нары. Характер находок в ямах и на полу (железные замки болгарского типа, ушки медных котлов, бронзовые украшения, бусы, ножи, наконечники стрел), позволяют относить жилище к домонгольскому периоду (X-XIII вв.), и связывать его с верхним слоем городища [Поляков. Отчет за 1981 г.]. За пределами южной стенки постройки, почти вплотную к ней, в пределах раскопа 1990 г. находилась одновременная яма-кладовка размерами в верхней части 6 x 3 м, глубиной до 1,94 м.

Она была ориентирована аналогично жилищу – с запада на восток, с восточной стороны имелся вход со ступенькой. На полу ямы было расчищено 10 толстых (до 4 см) плах. В дне ямы выявлено несколько десятков ямок от столбиков-кольев, на которых крепились перегородки, делившие яму на камеры. По краям ямы выявлены следы от крупных опорных столбов, вероятно, для навеса. После того, как яма перестала использоваться по прямому назначению, на ее месте был сооружен очаг.

Жилище столбовой конструкции с односкатной кровлей изучено В.А.Обориным на *городище Анюшкар* (рис.43), внутри него находился очаг [Оборин, 1970, с.9-10], такое жилище на Анюшкаре не единично [Оборин, 1999, с.264].

Вариант б – сезонные постройки. Анализ сезонных поселений ломоватовской культуры дал следующие материалы.

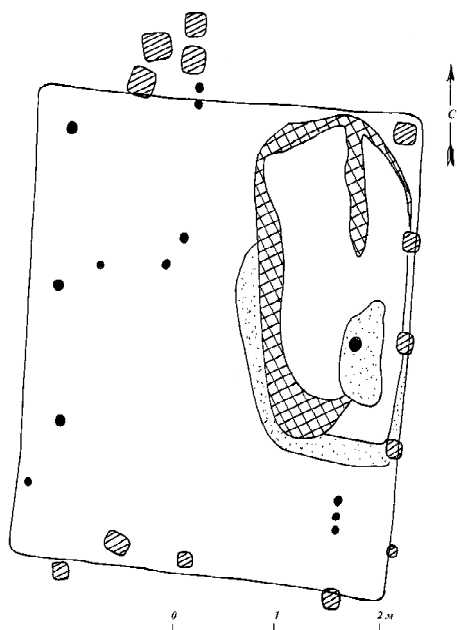

Рис.43 План жилища
городища Анюшкар,
раскоп 1954 г.

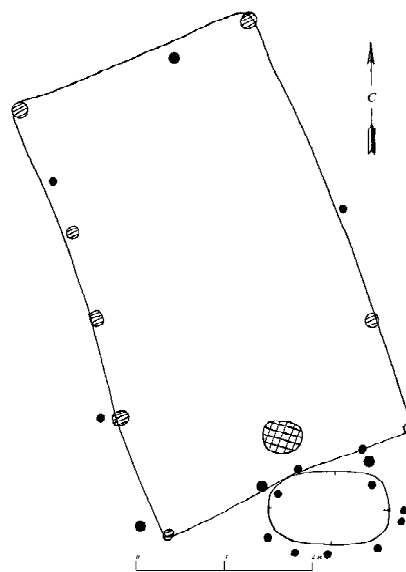

Рис.44 План жилища.
Русиновское II селище (по
Р.Д. Голдиной).

Жилища столбовой конструкции, изученные на Русиновском II селище (рис.44), имели прямоугольную форму (3 x 5 м), были углублены в землю на 0,2-0,25 м. По периметру построек прослеживались столбовые ямы, расположенные на расстоянии 1-1,5 м друг от друга. В этих столбах, как считает Р.Д.Голдина, были сделаны пазы для горизонтально уложенных бревен [Голдина, 1985, с.87]. Тот факт, что вдоль одной из длинных стен располагались более мощные столбы диаметром до 0,22 м, послужило основанием для предположения о том, что они поддерживали бревно, служившее опорой для односкатной кровли. У входа в жилище располагался открытый очаг и хозяйственная яма, окруженная столбовыми ямками от каких-то конструкций (перекрытия?) [Кананин, 1985, с.39; Голдина, 1985, с.87]. По мнению Е.М.Черных, это было жилище типа «турун-керки» коми, как и в «турун-керке», строившейся и использовавшейся только для сна на период сенокоса, в жилище Русиновского II селища не обнаружено никаких следов интерьера. Вероятно, люди спали прямо на полу, подстелив сена или тряпья, а пищу готовили на костре, который разводился в сенях или перед входом [Черных, 1992]. Аналогичные летние жилища известны и у об-

ских угров [Соколова, 1963, с. 214].

На Коновалютском селище изучены 2-3 жилых комплекса, расположенных компактной группой. Это были остатки наземных построек каркасно-столбовой конструкции с открытым кострищем, обмазанным глиной, и ямой для кратковременного хранения продуктов. По мнению Р.Д.Голдиной, одно из этих жилищ было, скорее всего, шатрового типа, с основой из бревен, образующих пирамидообразную фигуру (рис.45). Обнаруженные столбовые ямы, расположенные в форме шестиугольника, являются остатками опорных столбов перекрытия, которое, вероятно, соединялось в верхней части с помощью рамы. Затем каркас покрывался жердями, хворостом, ветками, берестой, и присыпался землей [Голдина, 1985, с.86-87]. Подобные сооружения имели большое распространение и всевозможные конструктивные варианты у обских угров, где они считаются древнейшей формой жилых сооружений. К примеру, коновалютским постройкам близки по конструкции летние кухни хантов, представлявшие

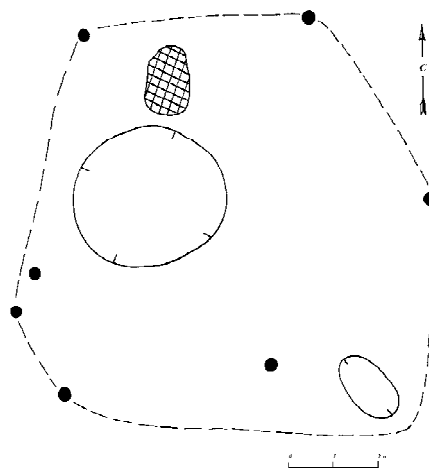

Рис.45 План жилища.
Коновалютское селище (по Р.Д.
Голдиной).

собой пирамидальные постройки с шестью опорными столбами и округло-четырёхугольным основанием, и служившие прежде сезонным жильем [Соколова, 1963, с.216].

Р.Д.Голдина первоначально считала наземные столбовые жилища характерными исключительно для раннего этапа ломоватовской культуры, и отмечала, что такие жилища – необычное для Прикамья явление [Голдина, 1985, с.90]. Как считает Е.М.Черных, столбовые жилища упрощенной конструкции соответствуют, в основном, временным сезонным жилищам. И, по мнению Е.М.Черных, высказанному в кандидатской диссертации, нет необходимости связывать столбовые жилища с какими-либо инокультурными влияниями [Черных, 1992]. Столбовая техника возведения стен жилого дома, не менее древняя, чем срубная, вообще характерна для жилищ Восточной Европы, в этнографическое время она была распространена преимущественно в лесной и лесостепной зонах Украины. У западных славян, русских и белорусов, а также у народов Поволжья и Прикамья, столбовую технику с горизонтальной закладкой бревен применяли при строительстве бревенчатых скотных дворов и гумен, и при сооружении различных пристроек к срубам, например, сеней [Чижикова, 1987, с.225-226]. Столбовая техника была широко распространена у

ками народов, поскольку строить так было проще и скорее, и, в силу этих причин, по мнению В.Н.Белицер, она могла предшествовать бревенчатой, срубной [Белицер, 1958, с.200].

Новые материалы позволяют иначе расценивать жилища столбовой конструкции. Судя по всему, столбовая конструкция стен не в меньшей степени, чем срубная, обеспечивала теплостойкость жилища, поэтому она широко использовалась не только при сооружении «легких шалашевидных» построек, но и теплых постоянных долговременных жилищ. Вероятно, мы имеем дело с сосуществованием двух строительных техник на одной территории и у родственного населения. Такое явление не является уникальным. Например у хантов по сей день в равной степени присутствуют обе домостроительные традиции. Свидетельством тому является, к примеру, то, что в этнографическом музее под открытым небом Торум-Маа в Ханты-Мансийске рядом стоят два дома, один из которых срубный, другой сооружен в столбовой технике. В совместной монографии Р.Д.Голдиной и В.А.Кананина также высказывается мнение, что оба типа жилищ (срубные и столбовые, авт.), сосуществовали во времени, при этом столбовая техника, конструктивно более простая, возможно, использовалась чаще [Голдина, Кананин, 1989, с.24].

Возможно, столбовая техника была наиболее широко распространена на открытых селищах, а на городищах преобладала срубная. Однако слабая изученность средневековых селищ Пермского Предуралья не позволяет однозначно утверждать это.

2.3. ДЕТАЛИ ИНТЕРЬЕРА ЖИЛИЩ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

2.3.1 РАСПОЛОЖЕНИЕ ОЧАГА И ВНУТРИЖИЛИЩНЫХ ЯМ

Основными элементами интерьера прикамского жилища, наиболее часто фиксируемыми на археологических памятниках, являлись *очаг* и *внутрижилищные ямы*. В процессе развития кроме преобразований в конструктивной схеме жилища, различным трансформациям подвергалось и внутреннее устройство жилого помещения. Доминирующим в этом процессе являлось усовершенствование очажного устройства и изменение его месторасположения.

Внутренняя организация древнего жилища Прикамья в течение всего железного века определялась своеобразной осью «вход-очаг». В многоочажных жилищах раннего железного века очаги, как правило, располагались на одной центральной оси. Появившаяся в интерьере пьяноборско-гляденовского времени хозяйственная яма в большинстве случаев вписывается в заданную парадигму. Наличие этой заданности имело, по всей видимости, семантический смысл, уходящий корнями в глубокую древность [Арутюнов, Васильев, Джарылгасинова 1991, с.29], с другой стороны, играло определенную стабилизирующую роль в длительной эволюции жилища [Черных 2002, с.125].

В жилищах I тыс.н.э. все более отчетливо проявляется тенденция к устройству одного главного очага в центре. Е.М.Черных считает, что этот процесс связан с социально-экономическими изменениями в обществе - укреплением позиций семьи, сначала большой патриархальной, а затем - малой моногамной. Центральный очаг и яма-хранилище рядом с ним, в какой-то степени, символизировали единство и самостоятельность семьи внутри общины [Черных,

1992]. С другой стороны, центральное расположение очага в планировке интерьера является свидетельством рационального использования пространства: очаг в центре позволял более равномерно прогревать окружающую среду [Матвеева и др., 2005, с.115]. Расположение очага в центре способствовало также более быстрому выходу дым через отверстие в крыше. В некоторых случаях в помещениях встречаются дополнительные очаги. Так, в жилище, раскопанном В.А.Обориным на Черновском I городище V-VI вв., очаг и хозяйственная яма занимали в помещении центральное положение. Но в жилище имелся и второй очаг, расположенный восточнее основного, на линии стены, рядом со столбами. Частично выступала за линию стены и глинобитная вымостка пола. Как считает Е.М.Черных, если предположить здесь наличие пристроя-тамбура, этот очажок оказывался на выходе из жилой камеры в холодные сени, и мог, в таком случае, использоваться в ненастные дни для дополнительного нагрева холодного воздуха, поступающего в дом через открытый тамбур [Черных, 1998, с.86]. Второй очажок небольшого размера, кроме основного центрального, имелся и у южной стены жилища, изученного А.М.Белавиным на Чашкинском II селище. Возможно это было место, куда ссыпались угли из основного очага для подогрева нар.

Отклонения от планировки с центральным расположением очага и хозяйственной ямы редки. Например, в жилище нижнего слоя городища Анюшкар очаг и кладовка находились у задней стенки постройки. Как считает Е.М.Черных, объяснение этому факту кроется в ином общественном статусе владельца дома. Во-первых, дом находился за пределами раннего поселка, за рвом и валом. Во-вторых, рядом с ним обнаружены остатки мастерской по плавке меди. Дом мог принадлежать мастеру-литейщику, а смещение очага и ямы к задней стенке помещения объяснялись необходимостью выделения этой части помещения под мастерскую [Черных, 1998, с.85].

Рост производительных сил существенно менял требования к жилищу. Развитие скотоводства потребовало выделения части жилой камеры для содержания зимой молодняка домашних животных. С развитием ремесла появилась необходимость выделения места для мастерской. Не последнюю роль могли сыграть изменения в структуре семьи. Усложнение внутренней планировки жилища вело к постепенному смещению очага в угол или к одной из стен, причем сам очаг неизбежно должен был поменять конструкцию [Томсинский, 1985, с.58]. Место очага в жилищах Пермского Предуралья становится все более неустойчивым, он то сдвигается к стене в угол (Шудьякар, Искра, Калиновское), то появляются дополнительные очаги, вытянутые в ряд вдоль продольной оси помещения (Шудьякар, Искра). Варьирует видовое разнообразие очагов (на уровне пола, в углублении, на глинобитных основаниях, с каменной кладкой или без нее). Этот процесс становится необратимым, и на позднем этапе центральное положение очага встречается редко, зато его конструкция принимает более законченный и однообразный вид [Черных, 1998, с.87]. На позднем этапе родановской культуры хотя еще встречаются жилища с центральным положением глинобитного очага (Роданово городище), но в большей части жилищ его местонахождение варьирует. Так, в жилище № 2 Роданова городища (из раскопок 1936 года) очаг находился в углу, рядом с ним в рассыпанную обнаружено множество обожженных камней из разрушенной кладки.

Наряду с очагом важное место в жилищно-бытовом комплексе занимали

внутрижилищные ямы, количество которых колеблется от одной до четырех. Часть ям, по мнению Р.Д.Голдиной, может быть определена как околоочажные, часть – как кладовые. Наличие таких ям в пределах жилищ представляет особенность жилых сооружений Верхнего Прикамья от гляденовского до родановского времени [Голдина, 1985, с.90].

Околоочажные ямы различной формы и размеров заполнены мусором и пищевыми отходами [Кананин, 1985, с.41; Оборин, 1999, с.265], угольками, золой и комочками обожженной глины из вычищаемых очагов [Белавин. Отчет за 1985 г., с.6].

Кладовые ямы уже с харинского времени имели правильную прямоугольную либо округлую форму, внутрь ставились деревянные рама, укрепленная по углам столбиками. На дне ям часто наблюдаются небольшие прокалы. В поздних родановских ямы-кладовки жилищах изредка еще устраивались внутри дома (напр., жилище №5 Анюшкара), но чаще выносились за его пределы, и находилась во дворе, как это отмечал еще М.В.Талицкий [Талицкий М.В., 1951, с.41-42; Оборин 1970, с.9]. Вероятно, преобразования внутри жилой камеры, вызванные уменьшением ее размеров, влекли за собой необходимость в большем свободном пространстве, и именно поэтому яма-кладовка постепенно смещается на задний план, к стене, а затем и вовсе выносится за пределы дома. По наблюдениям В.А.Оборина, ямы-кладовки обычно располагались сзади дома [Оборин, 1999, с.264]. Желание иметь хранилище рядом с домом побуждает строителей сооружать над ним некоторое подобие навеса или легкой пристройки к дому. Впоследствии такой пристрой вполне мог послужить прообразом клетки, где хранился домашний скarb и продовольственные припасы. Более поздние ямы-кладовки, по-прежнему были, в основном, правильной прямоугольной формы со стенками, укрепленными досками, закрепленными по углам кольями [Кананин, 1985, с.41]. Дно кладовых ям выстилали корой, берестой, выкладывали камнями, чтобы предотвратить от сырости [Кананин, 1985, с.41]. Иногда обнаруживаются прогнившие остатки деревянных крышек. На дне некоторых кладовых ям встречаются прокалы и угли – следы окуливания (для уничтожения вредителей и просушки ямы) [Кананин, 1985, с.41; Оборин, 1999, с.265]. М.В.Талицкий также отмечал, что иногда в ямах-кладовках встречаются небольшие очажки. В одной из таких ям, раскопанных им на городище Анюшкара, очажок был устроен в небольшой выемке в стене ямы, а напротив очага лежала груда костей, в том числе, и поделок, на основании чего М.В.Талицкий пришел к выводу, что иногда, особенно в суровые зимние морозы, кладовые могли использоваться и как жилое помещение [Талицкий, 1951, с.39]. Наличие в ямах раздавленных сосудов, зерна, костей животных свидетельствует об использовании их для хранения продуктов. Некоторые кладовки имели ступеньки-уступы для удобства спуска в яму; такие ступеньки зафиксированы в ямах на Анюшкаре [Оборин, 1999, с.265], на Рождественском городище [Белавин. Отчет за 1985 г., с.7]. В.А.Кананин выделяет среди таких ям, встреченных на Русиновском I и II селищах и городище Шудьякар, погреба – более глубокие (до 2 м) с впущенным в них деревянным срубом, над которыми сооружались навесы, опирающиеся на массивные столбы диаметром до 0,25 м [Кананин, 1985, с.44].

2.3.2 НАРЫ

Кроме очага в жилище необходимы и некоторые другие жизненные удобства. Среди них наибольшее значение имеет *постель*. Как показывают исследования этнографов, очаг и ложе – это повсеместно главные элементы жилища. Древнейшая постель человека состояла из настилаемых на землю толстым слоем свежих веток преимущественно хвойных деревьев. В качестве одеял у большинства народов употребляли шкуры.

В нашем понимании постелью является возвышающееся над полом место, где спит человек. Предшественницами такой постели были насыпи из глины и земли, опоясывающие внутренность дома. Такие земляные нары известны во многих местах планеты [Происхождение вещей, 1995, с.97].

Наличие *нар* фиксируется и в ряде средневековых жилищ Пермского Предуралья.

В жилище, раскопанном В.А.Обориным на Черновском I городище V-VI вв., свободное пространство между стенами и вымосткой пола имело вид П-образной фигуры, и составляло 1,5-2 м. По мнению Е.М.Черных, оно могло быть занято нарами, крепившимися на столбах; полосы древесного тлена, наблюдавшиеся по краям глиняной вымостки, могли принадлежать бревенчатой стенке, подпиравшей деревянный настил лежанок [Черных, 1992].

Внутри жилой камеры жилища VIII в., изученного на поселении Запоселье I, благодаря использованию людьми столбовых конструкций в любого вида сооружениях, четко прослеживались детали интерьера. Вдоль западной, северной и восточной стен жилого помещения параллельно им на расстоянии 40-70 см наблюдались ряды столбовых ямок небольшого диаметра, вероятно, от опор нар. В СВ углу жилой камеры под нарами находилась яма-кладовка.

В ранних родановских жилищах Роданова и Кылосова городищ в центре жилого помещения располагались очаг на глинобитном основании и яма-кладовка, а вдоль стен тянулись дощатые нары [Черных, 1998, с.85]. В ломоватовских и родановских жилищах нары размещались вдоль боковой стены и крепились на столбах, следы которых четко читаются на глиняном полу, параллельно длинным сторонам площадок. Описывая жилища верхних слоев Роданова городища, М.В.Талицкий отмечал, что нары одной стороной, вероятно, прилегли к стене, а другой были прикреплены к опорным столбам крыши; к подобному выводу пришел и В.А.Кананин при анализе жилищ городища Шудьякар [Кананин, 1985, с.39]. В одном из жилищ Роданова городища сплошной глинобитный пол имел в углу прямоугольный уступ, наличие которого М.В.Талицкий объясняет тем, что часть нар была зашита с боков досками для устройства ящика-кладовки [Талицкий, 1951, с.38].

Температура на нарах была выше, чем на полу, за счет более высокого положения; кроме того подстилки, обладающие теплоизоляционными свойствами, плохо пропускали холод [Матвеева и др., 2005, с.115]. Земляные возвышения, огороженные досками, или же просто сбитые из досок и бревен топчаны были широко распространены в жилищах самодийцев, угров, кетов, тюркских народов [Традиционное жилище..., 1997, с.332]. Нары застилались циновками, шкурами животных, войлоком. Из этнографии известно и использование пологов из шкур или ткани. Полог изолировал семью, а также защищал от холода и комаров. В старинном доме хантов и манси открытые нары разделялись поперечными досками на несколько отделений – спальные места для семей. Новая семейная пара получала отделение с занавесом [Мифы, предания..., 1990,

с.513]. Полог, изолирующий семью в жилище, обладал весьма важным смыслом. По угорским обычаям, выдавая дочь замуж, родители должны были выполнить любую ее просьбу. Но в приданое девушка не могла брать того, что составляло «голову» родительского дома: черпак, гребень, полог [Мифологическое время, 2003, с.55]. Наличие полога или семейных отсеков практически невозможно проследить археологическими методами, но вполне можно допустить их существование.

2.3.3 ПОЛ

Пространство между нарами (*пол жилища*) довольно редко оставалось никак не благоустроенным. Обычный земляной пол слишком холодный и сырой, а в условиях достаточно сурового климата Пермского Предуралья это создавало некомфортную обстановку.

Нужно отметить, что нередко пол жилищ слабоуглублен (до 0,3-0,5 м) и имеет корытообразную форму. Вполне вероятно, что это явление совершенно не связано с намеренным желанием углубить жилище. Как показали исследования на селище Запоселье I, материковый грунт там составлял очень рыхлый рассыпчатый песок, и углубление пола между нарами на 0,5 м вполне могло произойти еще на стадии строительства жилища. Когда убрали строительный мусор со слоем рыхлого песка, пол был покрыт тонкими бревнами, а впоследствии затянута слоем бытовых отходов, который хорошо уплотнялся и уже не разрушался в такой степени, как материковый слой. Но не следует думать, что обитатели жилищ были грязнулями. Вполне вероятно, что они убирали с пола часть мусора, а в случаях, когда пол был глинобитным, фиксируется его подмазка. В процессе такой уборки пол мог еще в большей степени углубляться.

Нередко в процессе раскопок удается зафиксировать на полу следы деревянного настила из досок или тонких бревен (селище Запоселье I, Рождественское городище). Настил давал более теплый пол, чем просто грунтовый, как из-за низкой теплопроводности дерева, так и из-за воздушной прослойки между землей и бревенчатым полом [Матвеева и др., 2005, с.115]. Широко был распространен обычай покрывать пол глиной, которую обжигали, разводя маленькие костерки. Такой пол, несомненно, был более сухим, чем просто грунтовый, и меньше подвергался разрушениям. В жилищах верхнего слоя Анюш-кара поверх утолщенного (до 20 см) неоднократно подмазываемого глиной пола дополнительно лежали остатки обугленных досок, покрывавших пол [Оборин, 1999, с.265], в целом, В.А.Оборин отмечал, что в поздних родановских жилищах наблюдается тенденция к замене глинобитного пола дощатым [Бадер, Оборин, 1958, с.203]. Пол, скорее всего, мог покрываться шкурами животных или циновками, которые создавали дополнительную теплоизоляцию. Таким образом утепляли пол жилища буряты, якуты, угры [Матвеева и др., 2005, с.115].

2.3.4 МЕБЕЛЬ

Столы и стулья в первобытном доме были далеко не обязательны. Сидели на циновках и шкурах, на камнях или пнях или просто на полу [Происхождение вещей 1995, с.98]. У хантов и манси неременной принадлежностью каждого дома был столик на низких или высоких ножках [Мифы, предания... 1990, с.9]. Наличие столов в жилищах по археологическим материалам проследить невозможно, однако косвенные данные, в частности, появление глиняных под-

ставок-валиков, предназначенных для установки круглодонных сосудов традиционной для Прикамья формы на плоскую поверхность, позволяет предполагать появление в конце X-XI вв. такого элемента интерьера, как стол. Характерно, что подставки-валики встречены только на наиболее крупных городищах Пермского Предуралья (Рождественском, Анюшкар, Родановом, Кудымкарском), которые выделяются как важные центры торговли и ремесла. Вероятно, за счет постоянных контактов с представителями более цивилизованных культур, население этих городищ приобретало новые представления о культурных ценностях, в результате чего возникла потребность переломить традиционные стереотипы в области обустройства жилища и внести в него новые элементы комфорта. Еще одним косвенным свидетельством появления стола может служить удлинение рукоятей ложек примерно в середине XI в., что было вызвано необходимостью тянуться к общему горшку или миске через стол.

Для хранения домашней утвари и одежды у обских угров устраивали полки и подставки, вбивали в стены деревянные штыри. Каждый предмет находился на отведенном ему месте, мужские и женские вещи хранились отдельно [Мифы, предания..., 1990, с.9]. Вероятно, в средневековых жилищах Пермского Предуралья имелись аналогичные приспособления, но проследить их археологически не реально.

2.4. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

2.4.1. ФРАГМЕНТЫ ШКАТУЛОК И СУНДУКОВ

Шкатулки представлены костяными накладками, медными обкладками, ручками, замками. Поскольку выявление этих мелких и зачастую фрагментированных элементов требует полного детального анализа всех коллекций, рассмотрим эти материалы на примере Рождественского археологического комплекса, по материалам которого подобный анализ уже проделан.

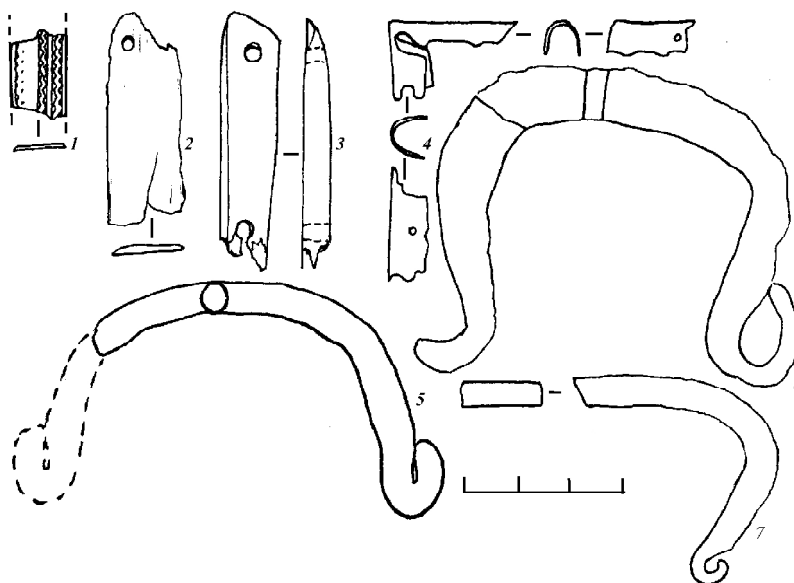

Рис.46 Фрагменты шкатулок и сундуков. 1-7 – Рождественский археологический комплекс. 1-3 – кость, 4 – медь, 5-7 – железо.

Группа I – костяные накладки сундучков (рис.46/1-3).

Все накладки из кости, которые, по мнению Г.Т.Ленц, могли служить для украшения шкатулок, представлены во фрагментах.

Тип I.1 – в виде плоской прямоугольной (?) пластины.

Подтип I.1.1 – с резным орнаментом из прямых и волнистых линий.

Подтип I.1.2 – не орнаментированная, с одной стороны – небольшое круглое отверстие для штифта.

Тип I.2 – фрагмент подтрапециевидной плоско-выпуклой пластины с круглыми отверстиями на концах.

Группа II – обкладки верха шкатулки (рис.46/4). Обкладки из тонкой медной пластины с отверстиями для штифтов, найденные в п. № 126 Рождественского могильника, были расположены в форме прямого угла, и, вероятно, служили для окантовки верха деревянной шкатулки.

Группа III – железные ручки (рис.46/5-7). Все они имеют «С»-видную форму и концы, загнутые петлей.

Тип III.1 – из круглого в сечении дрота.

Тип III.2 – плоская.

Тип III.3 – из широкого, прямоугольного в сечении дрота, утончающегося на конце.

Подобные ручки известны на болгарских селищах X-XIII вв. [Казаков 1991, с.91, рис.33/6-12].

2.4.2. ЗАМКИ И КЛЮЧИ

Как считают специалисты, замки появились одновременно с частной собственностью. В древнерусском городе и деревне они широко представлены уже в слоях IX-X вв., а позднее – *это неотъемлемый атрибут быта горожан* [Колчин, 1959, с.78-93].

Средневековые замки, широко известные на территории Восточной Европы, представляли собой сложные механизмы: их основной элемент – система расходящихся пружин, которая фиксировала разные положения рабочего элемента замка (дужки либо засова). Подобная конструкция замков была известна в Древнем Китае, Японии, Древнем Риме, в Восточной и Малой Азии. Варьировались и изменялись лишь внешние формы корпуса замка и дужки. Древнерусские ремесленники-замочники, вероятнее всего, заимствовали кое-какие приемы античной техники. Нужно отметить, что в целом изготовление замков предполагало высокий профессионализм и технологическую изощренность [Хорошев, 1997, с.14].

Пружинные замки технологически подразделяются на два класса: навесные и нутряные. Конструкция и тех и других с течением времени изменялась.

На территории Пермского Предуралья были распространены преимущественно замки первого класса. Такие замки, по мнению Е.П.Казакова, могли предназначаться для запираания жилых домов, хозяйственных сооружений, сундуков, ларцов и пр. [Казаков, 1991, с.70]. Но, вероятнее всего, жилища в старину, как, впрочем, и сейчас во многих деревнях, не запирались, а замки предназначались исключительно для сохранности особых ценностей, хранящихся в сундуках. Возможно большая их часть, встреченная на городищах, предназначалась для сундуков с товарами, привозившимися купцами.

Конструкцию съемных замков определяли ключ, корпус и дужка – именно

эти детали в совокупности характеризуют тип замка. Со временем основные детали совершенствовались: усложнялось запирающее пружинное устройство, а, соответственно, и ключ, повышался уровень надежности корпуса [Хорошев, 1997, с.14].

Отдел А – вертикальные цилиндрические замки. Это основная разновидность замков, распространенных в Пермском Предуралье, так же, как в Волжской Булгарии и на Руси. Цилиндрический замок имеет сложное устройство, включающее два основных элемента – корпус и дужку с пружинным механизмом. В свою очередь, корпус состоит из двух жестко соединенных между собой цилиндров (отсюда и название – цилиндрический). Большой цилиндр с торцевых сторон закрыт круглыми крышками с отверстиями для ключа и запирающей пружины-дужки. Гладкий конец дужки свободно входил в малый цилиндр, а другой с пружинами – в верхнее донце большого цилиндра [Хорошев, 1997, с.14].

Группа АI – замки с продольной ключевой щелью и прямым лопатообразным ключом.

Тип АI.А (рис.47) – с продольной ключевой щелью. Конструктивной особенностью замков данного типа являются две детали: припай малого цилиндра непосредственно к стенке основного цилиндра и наличие на противоположной стороне стенки корпуса прорези во всю высоту цилиндра, оканчивающейся внизу поперечным выемом в форме перевернутой буквы «Т». Замку соответствовал лопатообразный ключ, который, в зависимости от формы корпуса замка имел прямоугольную или круглую лопасть с отверстиями, число и размещение которых соответствовало количеству и расположению пружинных штифтов на дужке [Хорошев, 1997, с.14].

В Пермском Предуралье фрагменты подобных замков найдены в д.Харина (КТ, ПОКМ, № 19187), д.Данилова [Белавин, 2000, рис.58/4], городище Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.77/17], Рождественском городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ). Ключи от замков типа А представлены на Родановом городище (раскопки М.В.Талицкого, ФА ИИМК РАН), Рождественском городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Онском городище б.Соликамского уезда (КТ, ПОКМ, № 11329/3), Чердыни (ЧКМ, № 79/30), д.Данилова, Городищенском городище [Белавин, 2000, рис.58/12-14], Кудымкарском городище (КПОКМ), д.Михалево (КТ, ПОКМ, № 11352/49), д.Вакина (КТ, ПОКМ, № 246/6), городище Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, № 374/4045, 41/319).

Это наиболее древний тип цилиндрических съемных замков, известный на Руси уже в IX-X вв., эксплуатировавшийся на протяжении XI-XII вв., а к середине XIII в. постепенно вышедший из употребления.

Группа АII – вертикальные цилиндрические замки с коленчатым ключом. Их объединяет единая конструкция коленчатого ключа, а также определенная хронологическая близость. Замки данной группы почти одновременно вышли из употребления в первой половине – середине XV в. [Хорошев, 1997, с.15].

Тип АII.Б (рис.48) – с поперечной ключевой прорезью, расположенной в нижней части корпуса цилиндра. У замков этого типа дужка стала более крупной и массивной. Это новшество вызвало необходимость отодвинуть малый цилиндр замка от большого; его стали припаивать к корпусу большого цилинд-

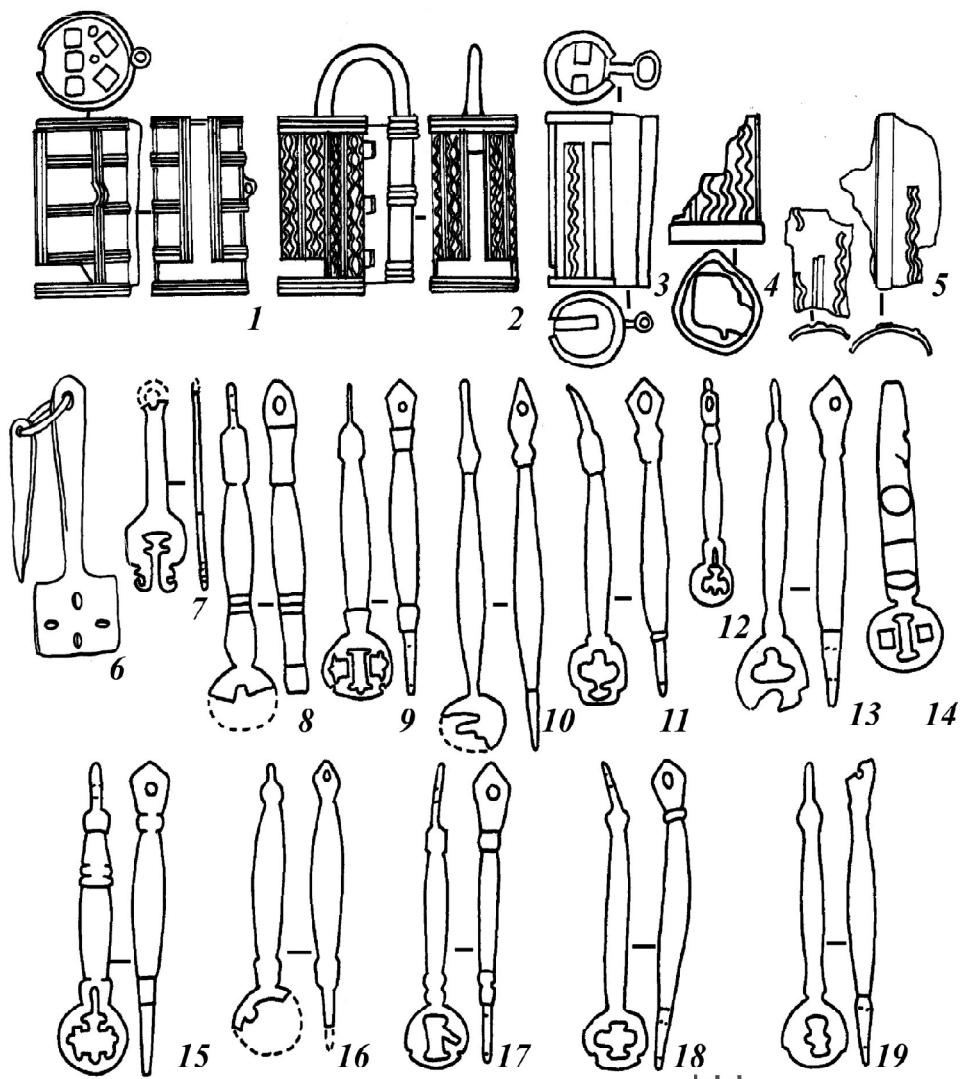
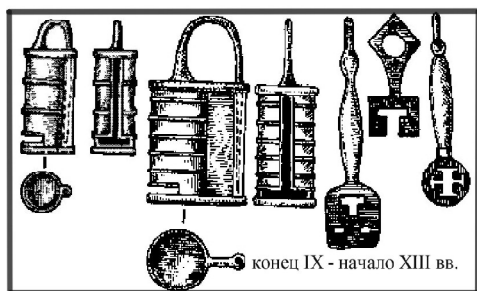

Рис.47 Замки и ключи, тип АІ.А: 1 – д.Харина; 2 – д.Данилова; 3 – Шудьякар; 4, 15 – д.Михалева; 5, 7, 10, 17 – Рождественское городище; 6 – Роданово городище; 8 – Онское городище; 9 – Чердынъ; 11 – д.Данилова; 12 – Городищенское городище; 13 – Кудымкарское городище; 14, 18-19 – Анюшкар; 16 – д.Вакино.

ра посредством промежуточной пластины. Лопатообразная форма ключа была заменена коленчатой [Хорошев, 1997, с.14].

В Пермском Предуралье такой замок имеется в коллекции Теплоуховых (ПОКМ, № 19187/128), ключи происходят из д.Вакиной, городища Анюшкар [Белавин, 2000, рис.58/9, 11], Кудымкарского городища (2 экз., КПОКМ; ПОКМ, № 1100/277),

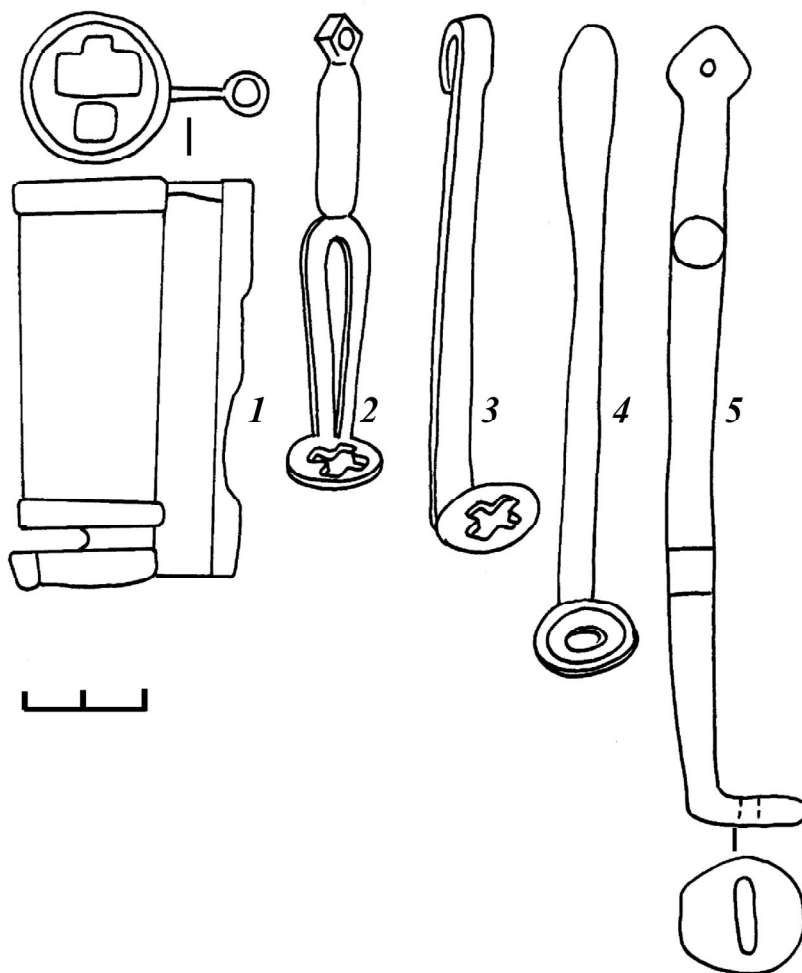
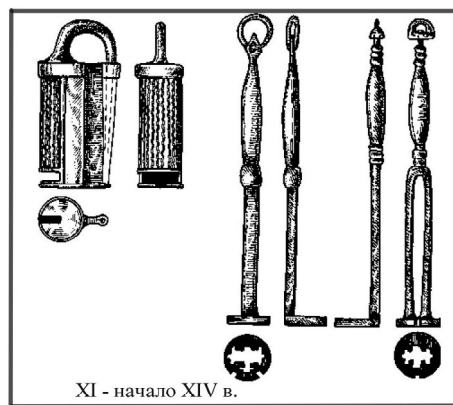

Рис.48 Замки и ключи, тип АП.Б: 1, 4-5 – Кудымкарское городище; 2 – д. Вакино, 3 – Анюшкар.

Новая конструкция замка появилась в самом начале XII в., быстро вошла в обиход, и к середине XIII в. полностью вытеснила замок *типа 1.А*. Замки *типа 1.Б* бытовали до середины XIV в.

Тип АП.В – с одной ключевой щелью в донце большого цилиндра.

Вариант а (рис.49)– фигурная площадка ключа имеет более простую форму.

Фрагменты подобных замков в большом количестве представлены на Рождественском городище (раскопки Ю.А.Полакова, А.М.Белавина), встречены в д.Харина (КТ, ПОКМ, № 11314/39, 11314/101), д.Вакина (КТ, ПОКМ, № 325/3, 109/15), д.Елева (КТ, ПОКМ, № 11344), Кудымкарском городище (ПОКМ,

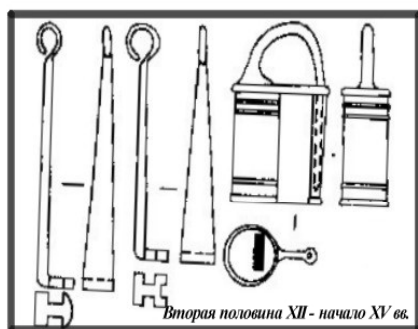
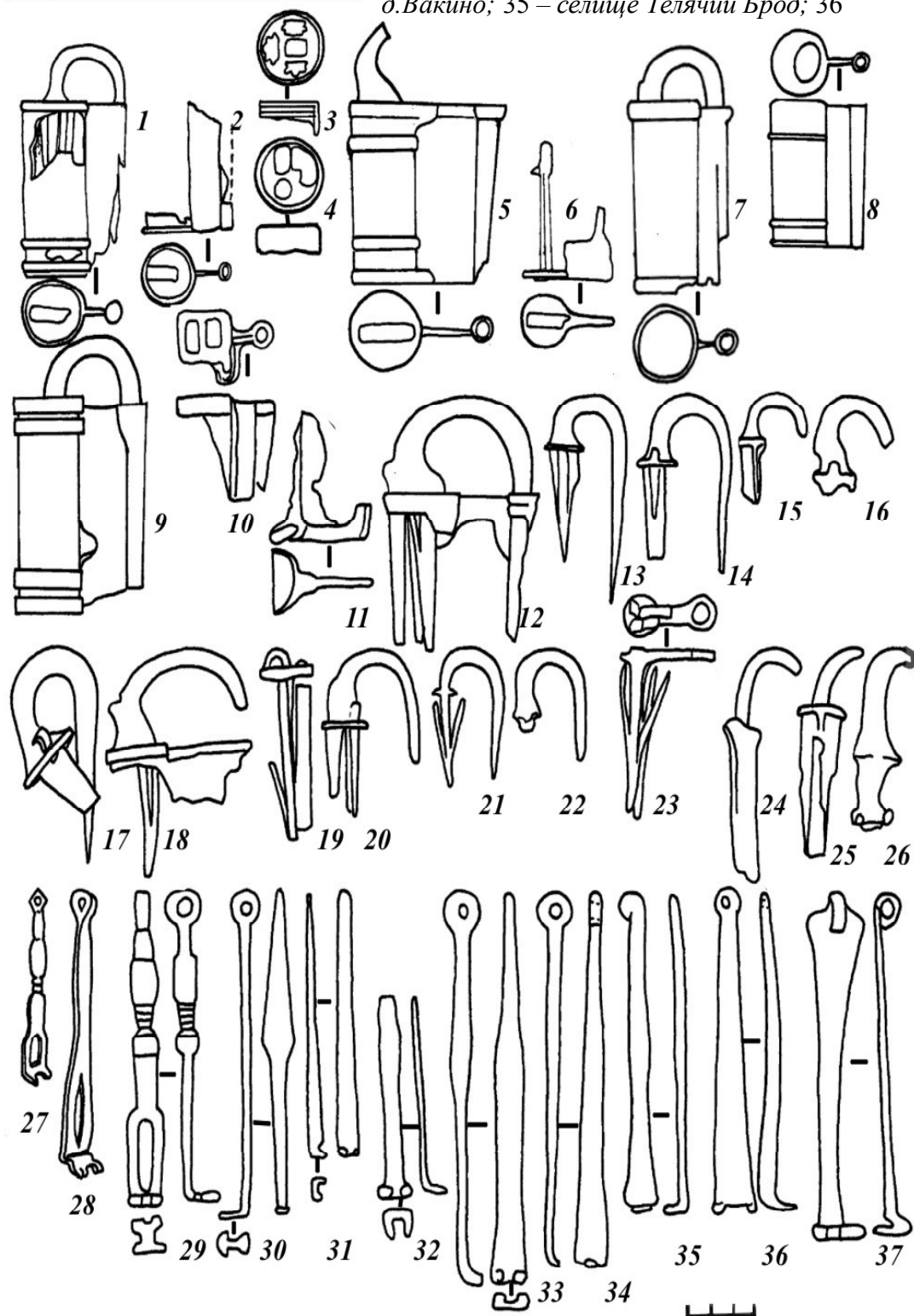

Рис. 49 Замки и ключи, тип АП.Ва: 1-4, 10, 13-17, 19-23, 25, 27, 29, 31-32 - Рождественское городище; 5-6 - д.Харино; 7, 12, 18, 28, 33 - Кудымкарское городище; 8-9, 30, 37 - Анюшкар; 11 - д.Елева; 24, 26, 34 - д.Вакино; 35 - селище Телячий Брод; 36

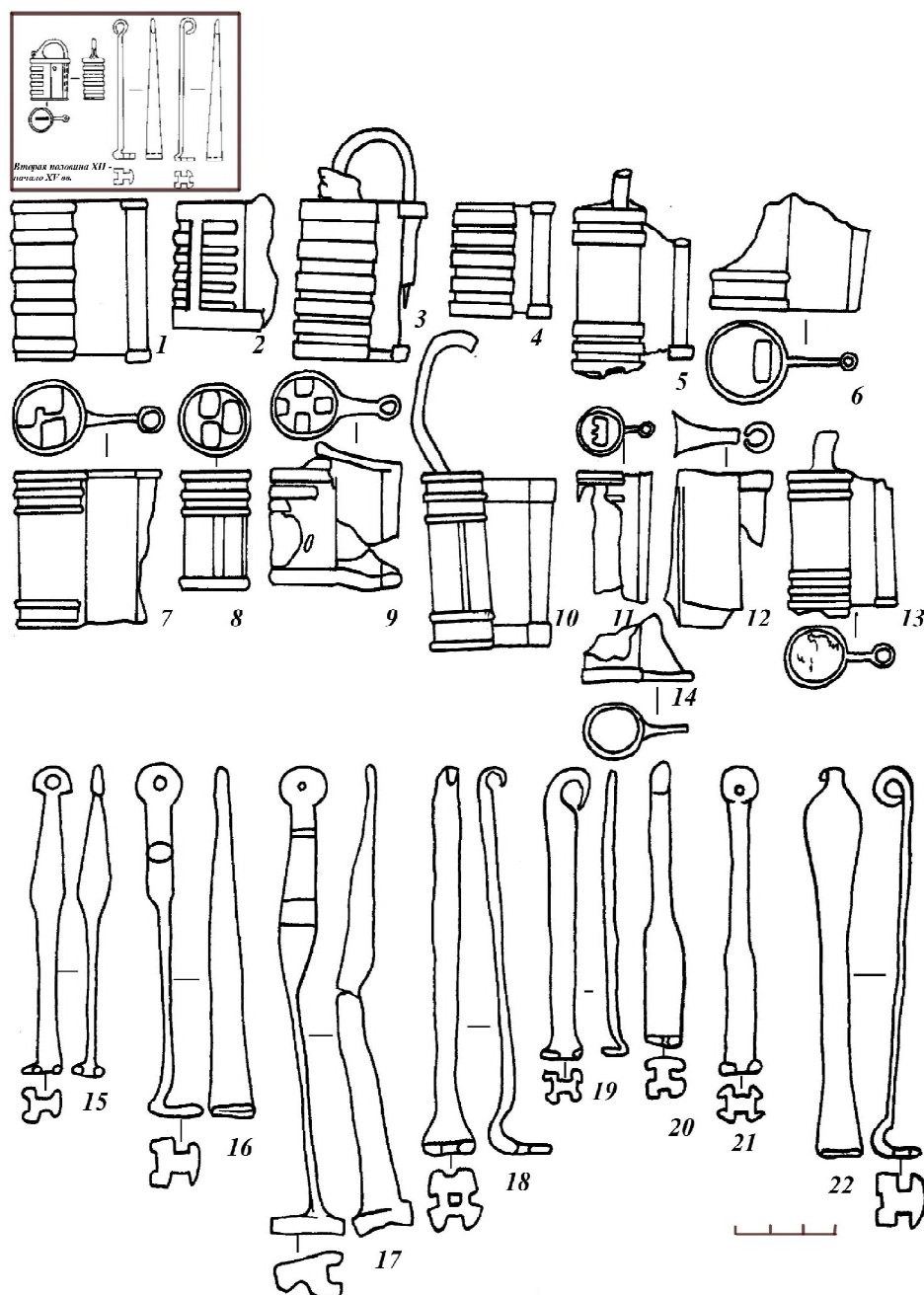

Рис.50 Замки и ключи, тип АП.Вб: 1, 9, 11-12 – селище Телячий Брод; 2-3, 6, 7-8 – Кудымкарское городище; 4 – Городищенское городище; 5 – Анюшкар; 10, 13, 15-19 – Рождественское городище; 14 – могильник Телячий Брод; 20-21 – Шудьякар; 22 – д.Вакино.

№ 11377/115), городище Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, № 41/108), несколько экземпляров из коллекции Теплоуховых (ПОКМ, № 19187/231, 1714). Ключи известны с Рождественского городища (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Кудымкарского городища (КПОКМ), городища Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ), Чашкинского II селища, селища Телячий Брод (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), д.Вакиной (КТ, ПОКМ, № 235/15), коллекции Зеликмана (ПОКМ, № 19497/298).

Вариант б – в связи с увеличением количества пружинных стержней на

дужке замка конфигурация ключа усложняется (рис.50).

В Пермском Предуралье такие замки происходят с селища и могильника Телячий Брод (4 экз., раскопки Н.Б.Крыласовой, МАЭ ПГПУ), Кудымкарского, Городищенского, Анюшкар городищ [Белавин, 2000, рис.58/6-8], Рождественского городища (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Кудымкарского селища (КТ, ПОКМ, № 11377/115), д.Вакиной (КТ, ПОКМ, № 11365/21), коллекции Теплоуховых (ПОКМ, № 19187/132, 19187/139). Большинство ключей от замков данного варианта происходит с Рождественского городища (5 экз., раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), встречены они также на городище Шу-

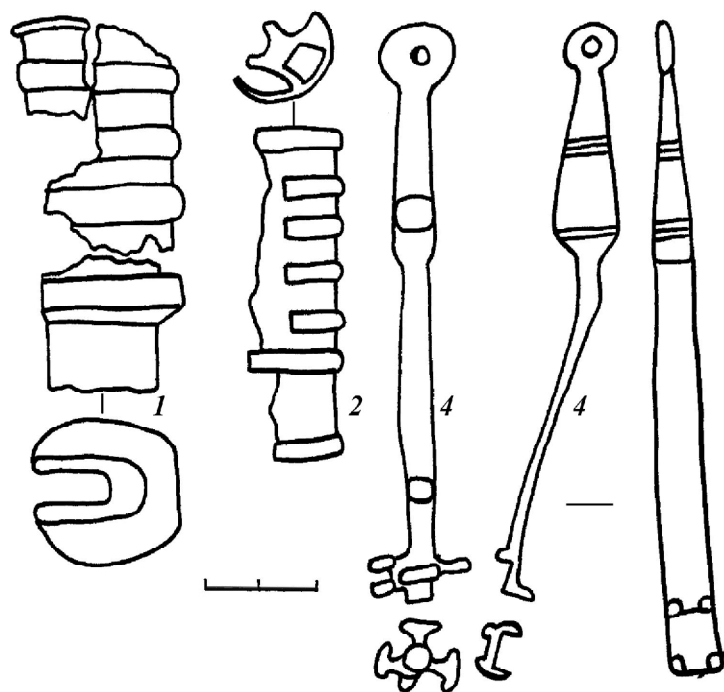
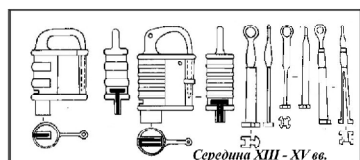

Рис.51 Замки и ключи, тип АП.Г: 1, 3 – селище Телячий Брод; 2,4 – Кудымкарское городище.

дьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.77/15, 16], на Вакинском селище (КТ, ПОКМ, № 1030/103).

Подобные замки бытовали со второй половины XII до начала XV вв. [Хорошев, 1997, с.15].

Тип АП.Г (рис.51) – в своей основе имеет ключевую схему замка типа Б, но при этом имеет более надежную и сложную конструкцию – донце цилиндра усилено, ключевое отверстие закрыто вертикальными предохранительными щитками. Ключ с обычной лопастью имел плоский стержень, толщина которого точно соответствовала толщине щели между щитками, поэтому к такому замку сложнее было подобрать ключ, что повышало надежность конструкции.

В Пермском Предуралье такой замок и ключ встречены на селище Телячий Брод (раскопки Н.Б.Крыласовой, МАЭ ПГПУ), Кудымкарском городище (КПОКМ), фрагмент подобного замка имеется в коллекции Теплоуховых

(ПОКМ, № 19187/142).

Замки данного типа появились в середине XIII в. и были распространены до XV в. включительно [Хорошев, 1997, с.15].

Отдел В – горизонтальные пружинные замки (рис.52).

Группа VI – горизонтальные цилиндрические замки с торцевым ключом. У всех экземпляров подобных замков, встреченных на территории Пермского Предуралья второй (малый) цилиндр отсутствует.

Тип VI.1 – вместо малого цилиндра на корпусе большого имеется муфта, в которую углубляется дужка замка. Отверстие для ключа округлое. Замки такого типа имеются в коллекции Теплоуховых (ПОКМ, № 19187/318, 19187/246,

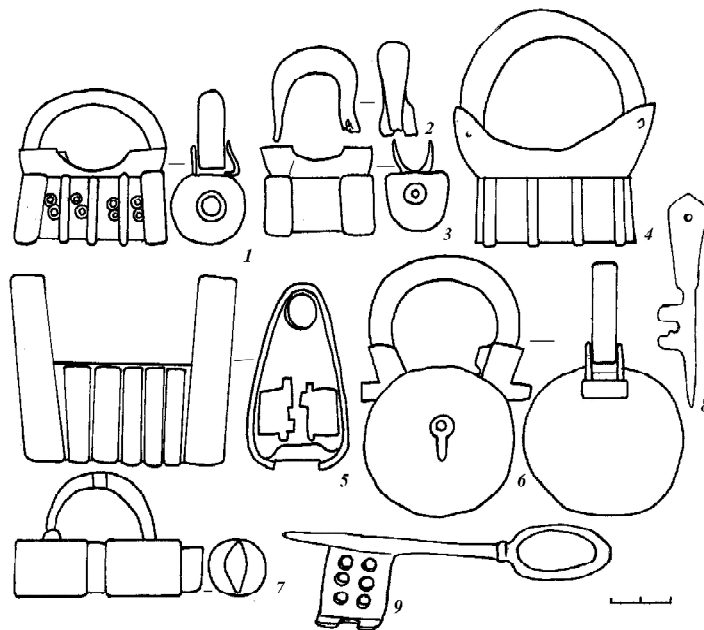

Рис.52 Замки и ключи, отдел В – 1-8; ключ от нутряного замка - 9: 1, 5 – Пермская губерния, КТ; 2 – Рождественское городище; 3 – р.Иньва; 4 – Нижний Чусовской городок; 6 – Орел-городок; 7 – с. Белоево; 8 – селище Телячий Брод; 9 – д.Харина.

19308/24 – р.Иньва), дужка такого замка встречена на Рождественском городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), один замок происходит из с.Белоево (КПОКМ, № 4772).

На территории Руси в Новгороде, Смоленске, Берестье известны вертикальные цилиндрические замки с подобным ключевым отверстием. Таким замкам соответствовал трехлопастной ключ, лопасти которого располагались винтообразно (в Пермском Предуралье такие ключи пока не встречены). Подобный ключ ввинчивался в круглое отверстие в корпусе замка, а затем передвигался вперед и сжимал пружину [Хорошев, 1997, с.15].

Подобная форма замков на Руси бытовала очень ограниченное время с середины XIII по XIV в. и не получила массового распространения [Хорошев, 1997, с.15].

Группа VII – замок с шарообразным туловом. Имеет замочную скважину как у нутряных замков. На Руси существовали замки с подобной скважиной на боковой стенке корпуса (тип Ж) [Хорошев, 1997, с.15].

Данному замку может соответствовать своеобразный ключ с бородками (рис.52/8), похожий на ключи от нутряных замков (селище Телячий Брод, раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ). Но по аналогии с древнерусскими материалами, можно соотнести этот ключ с пружинными замками типа Ж. Открывались такие замки, как и прежние типы, путем сжатия пружин. Вставленный в отверстие ключ поворачивался в сторону дужки; бородчатые выступы ключа своими боковыми гранями сжимали пружины, и замок открывался. Замки подобной конструкции существовали с конца XIV, в XV вв. и позже [Хорошев, 1997, с.15].

Отдел С – зооморфные пружинные замки (рис.53). Такие замки, в основном бронзовые, реже железные, с корпусом в виде фигурки животного (коня, собачки), широко представлены на территории Волжской Болгарии как в домонгольский, так и в золотоордынский период. Учитывая тесные связи Пермского Предуралья с Волжской Болгарией, не приходится сомневаться, что все они были продукцией болгарских мастеров. По мнению Е.П.Казакова, такие

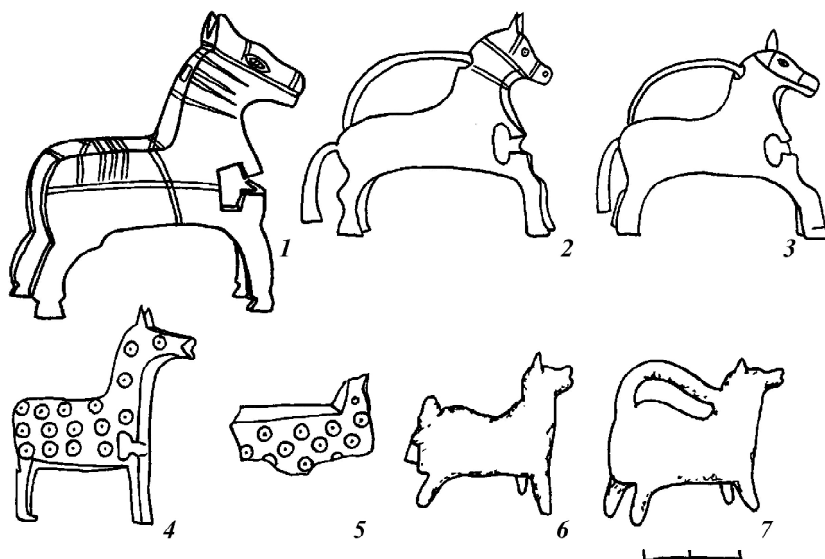

Рис.53 Зооморфные замки: 1 – д.Данилова; 2, 7 – Троицкое городище; 3 – Чердынь; 4 – Пермский край; 5 – Рождественское городище; 6 – д.Вакино. 1-5 – бронза, 6-7 – железо.

замочки служили для запираания сундучков и шкатулок [Казаков, 1991, с.91].

Три таких замочка происходят из Чердыни (Троицкое городище, ЧКМ, № 998, б/н, [Белавин, 2000, рис.58/17-18]), по одному из д.Даниловой [Спицин, 1902, табл.ХІХ/13], Рождественского городища (КТ, ПОКМ), д.Вакиной [Белавин, 2000, рис.58/19], один опубликован О.Н.Бадером [Бадер, 1950, рис.29/12].

Отдел D – нутряные замки.

Данный отдел представлен единственным ключом, найденным в д.Харина (рис.52/9) [Спицин, 1902, табл.ХІХ/14], который по аналогии с древнерусскими материалами можно соотнести с комбинированными нутряными замками с деревянным засовом и металлическим механизмом. Конструктивная схема таких замков, как и у съемных самозапирающихся пружинных замков, была ос-

нована на принципе расходящихся замков. К массивному деревянному запорному запорному засову крепилась стальная пружина. Закрывался такой засов без использования ключа, в это время пружина на засове была сжата. Но когда засов доходил до крайнего положения, пружина расправлялась и замок запирался. Открыть его можно было только сжав пружины и отведя засов обратно рукой. Подобные замки имели систему предохранительных пластин, штифтов и отверстий, соответственно которым на лопасти ключа создавался затейливый рисунок из отверстий и выступов.

Ключ из д.Харина относится к комбинированным нутряным замкам последней трети XI – середины XIV вв. [Хорошев, 1997, табл. 7/12].

* * *

Как отмечает С.В.Томсинский, содержание понятия «жилище» менялось по мере усложнения хозяйственной структуры общества. Тип жилища как устойчивое сочетание конструктивных элементов, возникает в процессе взаимодействия общества, находящегося на определенной стадии развития, причем на формирование типа жилищ оказывают воздействие самые разнообразные факторы, но, в первую очередь, естественно-природные и социально-политические [Томсинский, 1985, с.51]. Это высказывание вполне применимо и к жилищам Пермского Предуралья.

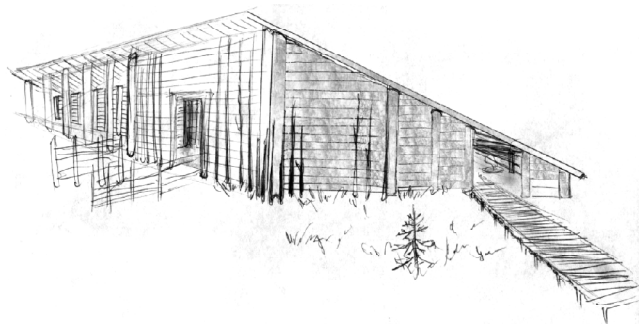
Следует отметить, что процесс становления жилищ на этой территории был весьма длительным. Основа их конструктивного своеобразия была заложена еще в период раннего железа. Именно в тот период распространяются прямоугольные бревенчатые наземные строения, ставшие к эпохе средневековья основным видом жилищ. Тогда же возник основной вид обустройства интерьера с центральным расположением очага и хозяйственной ямы.

Не смотря на то, что на разных памятниках Пермского Предуралья встречаются жилища самых разных типов и вариантов, наиболее характерными можно считать наземные или слабоуглубленные прямоугольные бревенчатые дома срубной или столбовой конструкции стен, преимущественно с двускатной, реже с односкатной кровлей. Со временем наблюдается тенденция к уменьшению общей площади жилищ, выделению внутри них разнофункциональных зон (комнат), смещению очага в угол или к стене, выносу ямогильникладовок за пределы жилища. В связи с этим М.В.Талицкий, основываясь на результатах раскопок Родановского городища, предполагал, что на позднем этапе его существования происходят изменения в структуре семьи – выделяются малые семьи, что было обусловлено все более развивающимся ремесленным производством на сбыт [Талицкий, 1951, с.59]. Разобшению больших семейств в еще большей мере способствовал рост частной собственности и накопление значительного состояния (что фиксируется, в частности, по находимым в Пермском Предуральекладам, по особому богатству погребального инвентаря могильников, сопровождающих крупные городища и по ряду иных факторов). Как отмечал М.В.Талицкий, яркой иллюстрацией роста частной собственности служит распространение с IX-X вв. навесных замков для сундуков, по этому поводу он приводит цитату из В.Н.Берха: «Там, где замки были в большом употреблении, должны также находиться вещи, стоявшие быть замкнутыми» [Талицкий, 1951, с.62, Берх, 1921, с.97].

Следует отметить, что такие изменения фиксируются прежде всего именно на городищах, где население имело активные контакты с ремесленниками, торговцами и прочим людом, приезжавшим туда нередко из очень отдаленных районов. И вполне вероятно, что разнообразные новшества, отмечающиеся в обустройстве жилища объясняются не только естественной эволюцией социальных отношений, но и мощным инокультурным воздействием.

Тем не менее, Е.М.Черных отмечает, что социальные процессы, происходившие в родановском обществе, были более сложными и многозначными, чем это кажется на первый взгляд. Факт использования на позднем этапе жилищ разной площади может объясняться не только сменой большой семьи малой моногамной, но и длительным сохранением в нем пережитков материнской родовой организации. Т.о., поселки в Пермском Предуралье носили смешанный характер (с совместным проживанием на одном поселении семей с патрилинейным и матрилинейным счетом родства) [Черных, 1998, с.92].

ПОСУДА

1 КОТЕЛОК МЕДНЫЙ, ТЕЛЯЧИЙ БРОД МОГИЛЬНИК, ПГТУ

2 КУВШИН ГОНЧАРНЫЙ, РОДАНОВО ГОРОДИЩЕ, ГЭ

3 ГОРШОК ГОНЧАРНЫЙ, РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ, ПГТУ

4 ГОРШОК ЛЕПНОЙ, РОДАНОВО ГОРОДИЩЕ, ГЭ

5 КРУЖКА, ТЕЛЯЧИЙ БРОД МОГИЛЬНИК, ПГТУ

1

2

ПОСУДА

1 КОТЕЛ ЛЕПНОЙ, ТЕЛЯЧИЙ БРОД, ПГТУ

2 ФРАГМЕНТЫ ГОНЧАРНЫХ КУВШИНОВ И КРИНОК, КРЫШКИ ОТ КУВШИНОВ, РОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ПГТУ

3 ГОРШОЧКИ ЛЕПНЫЕ, РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОГИЛЬНИК, ПГТУ

4 ГОРШОК ЛЕПНОЙ, ЗАПОСЕЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК, ПГТУ

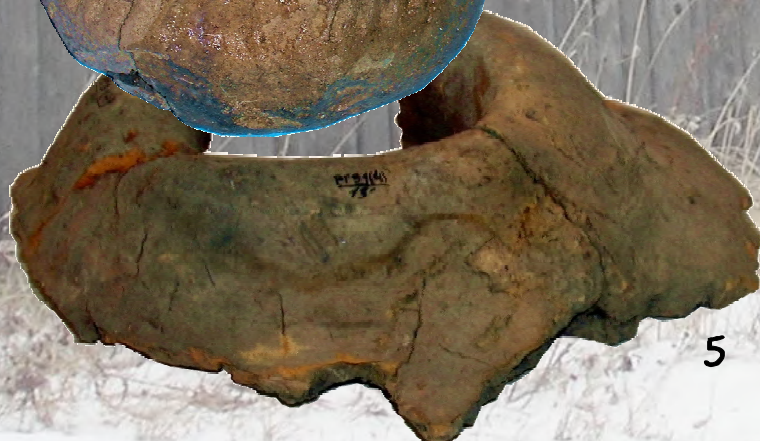
5 ВАЛИК СТОЛОВЫЙ, РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ, ПГТУ

3

4

5

1

2

3

4

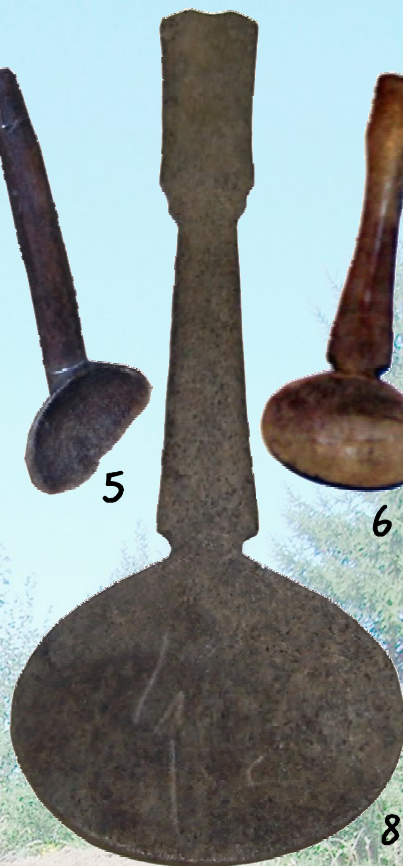
5

6

7

8

9

10

11

ЛОЖКИ

- 1 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ, ППТУ
- 2 ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ, ПОКМ
- 3 ПОДЧЕРЕМСКИЙ КЛАД, ГЭ
- 4,5,6, 7,8 АНЮШКАР, ППТУ
- 6 РОДАНОВО ГОРОДИЩЕ, ГЭ
- 9 БАЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК, ППТУ
- 10 КУДЫМКАР, КПОКМ
- 11 МАЛАЯ АНИКОВО, ГЭ

10

11

1

2

3

4

5

10

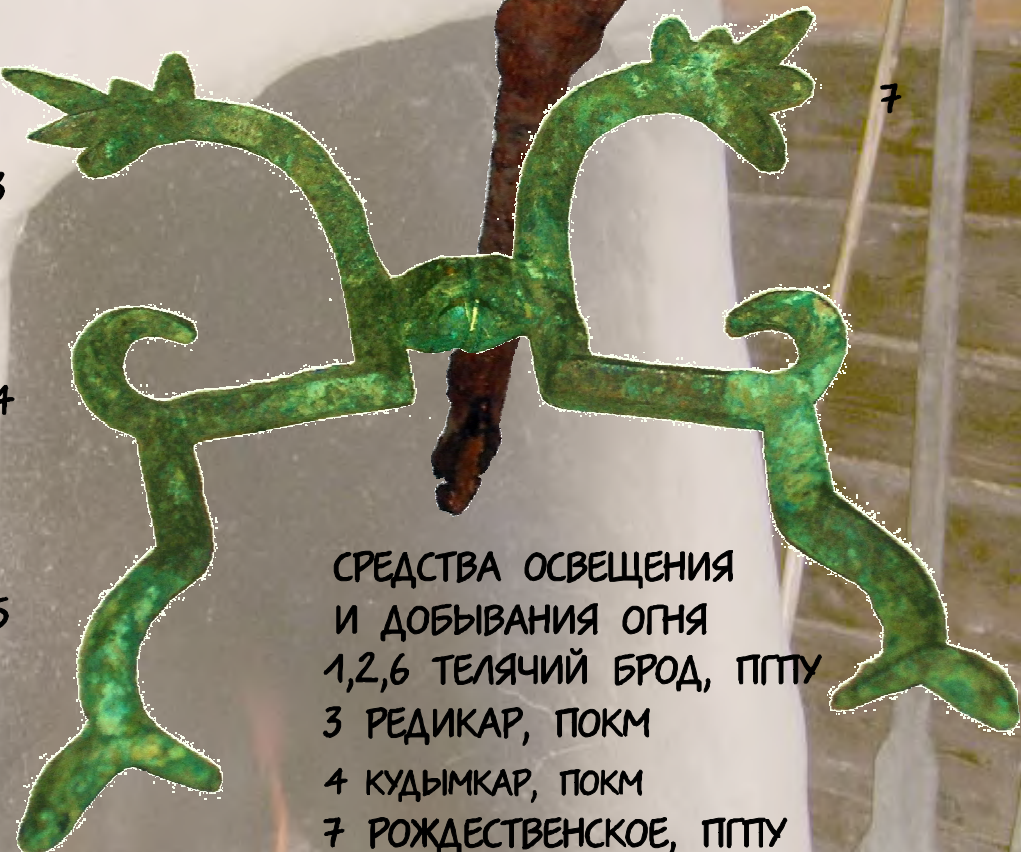
8

9

6

7

СРЕДСТВА ОСВЕЩЕНИЯ
И ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ
1,2,6 ТЕЛЯЧИЙ БРОД, ПГПУ
3 РЕДИКАР, ПОКМ
4 КУДЫМКАР, ПОКМ
7 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ПГПУ
8 АНЮШКАР, ПГПУ
9 РОДАНОВО, ГЭ
10 БАЯНОВО, ПГПУ

ГЛАВА 3. ОГОНЬ В БЫТУ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Огонь - один из элементарных признаков культуры. С глубокой древности он был основным источником энергии. Обладанию огнем люди придавали большое значение. В их представлении лишь с приобретением огня на земле началась настоящая человеческая жизнь, и в этом с ними солидарны современные антропологи и археологи.

Огонь тесно связан с различными подсистемами культуры жизнеобеспечения. Без огня в период средневековья было невозможно приготовление пищи, в жилище огонь являлся основным источником света и тепла, предметы для добывания огня одновременно являлись могущественными амулетами, которые занимали важное место в костюме мужчин и женщин средневекового Пермского Предуралья. Поэтому рассмотрение основных вопросов, связанных с добыванием и использованием огня, вынесено в отдельный раздел.

3.1. КУЛЬТОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОГНЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Для более полного понимания археологических артефактов, связанных с добыванием и использованием в бытовых целях огня, представляется необходимым проанализировать зафиксированные этнографами традиционные представления об огне, в которых, без сомнения, содержатся рудименты представлений, присущих древнему населению.

В пользу получения огня первоначально извне, а не путем искусственного добывания, свидетельствуют народные предания, говорящие о принесении (птицей, зверем, культурным героем) [Анучин, 1923, с.6]. По большинству мифов, огонь, прежде чем попасть к людям, хранился в каком-либо отдаленном месте или у некоего божества. Подвиг похищения огня или его создание обычно приписывается т.н. «культурному герою» – прародителю племени, который мог выступать как в человеческом, так и в животном облике. Так, например, в одной из фратрий северных манси – пор – предком считался медведь, который воспринимался и как культурный герой: именно от него, по преданиям, люди получили огонь [Мифология манси, 2001, с.115].

Народные предания о появлении огня сводятся к двум основным категориям: в одних рассказывается, что огонь был добыт из-под земли, по другим он упал с неба. Посредником в этом принесении огня часто выступает птица [Анучин, 1923, с.6]. Из-под земли огонь мог быть получен только вулканический (это возможно только в вулканических областях), поэтому народные мифы чаще говорят о получении огня с неба [Анучин, 1923, с.7-8]. Вполне вероятно, что ряд изображений на фигурных рукоятках биметаллических кресал, получивших широкое распространение в Пермском Предуралье в X – первой половине XI вв., отражает представления о культурном герое, которому приписывается добывание огня, либо о божественной небесной природе огня.

В представлениях обских угров огонь, различающийся по своей изначальной природе, мог быть «божественным», «громовым», «деревянным», возникшим в результате трения, «каменным» (при высечении огня из кремня), «до-

машним» [Мифология манси, 2001, с.98]. К примеру, очаг в традиционной мансийской культуре выступает не только источником тепла, света и приготовления пищи, но и местом обитания обожествленного «домашнего огня». Он согревает, освещает, треском предупреждает об опасности, ест дрова, спит в остывающих углях и бодрствует в разгорающемся пламени. С помощью огня угадывали будущее, на нем клялись, огнем или дымом отпугивали нечистую силу. У огня, как и у человека, предполагалась душа, обитающая в голубой кромке пламени. Если в доме умершего гас «домашний огонь», то родственники оплакивали его, как ушедшего от них навсегда близкого человека [Мифология манси, 2001, с.37]. Домашний огонь - символ благополучия семьи и рода. Для коми-пермяков очаг в жилище – это всемогущая сила стихий добра и зла. Восточные ханты избегали переносить огонь из одного дома в другой, боясь, что от этого будут болеть дети и исчезнет удача в промыслах [Материалы по фольклору хантов, 1978, с.185]. У гиляков только сородич имел право разводить огонь на очаге сородича, а также выносить огонь из юрты, не докурив своей трубки [Штернберг, 1904, с.72-73]. В эпических песнях ненцев представитель побежденных, обращался к победителю, моля о пощаде: «Не убивай наши последние вздохи, оставь нас живыми... В нашей земле огонь погаснет» [Куприянова, 1965, с.143]. Т.е. гибель рода и смерть родового огня выступают как равнозначные явления. Коми-пермяки при переселении из старого дома в новый как добрый знак будущего благополучия переносили очажный огонь или уголь с золой в новое жилище [Коми-пермяцкий..., 2000, с.181].

Огонь домашнего очага играл значительную роль и в погребальном обряде. У манси в случае смерти кого-либо из членов семьи в очаге сразу разводили огонь, сохраняемый, насколько это возможно. «Домашний огонь» сопровождал умершего в его последний путь, при этом из очага поджигали трухлявый кусок березового ствола, от которого затем на кладбище разводили костер. Т.о., дух очага находился рядом с человеком от момента его рождения до перехода в мир мертвых [Мифология манси, 2001, с.37].

Стихия огня везде связывалась с идеей чистоты и непорочности. Запрещалось бросать в него грязь и отбросы [Происхождение вещей, 1995, с.95]. У населения Сибири считалось большим грехом плевать в огонь, бросать туда мусор и другие «нечистые» предметы. Известна легенда о ленивой остячке, которая бросила мусор в чувал, за что была сожжена вместе с жилищем. У многих сибирских народов присутствуют схожие поверья о том, что те, кто оскорблял огонь (плевал в него, клал в чувал принесенные с улицы обугленные поленья, разрывал уголь острыми предметами), покрывались в наказание язвами и коростами [Косарев, 2003, с.163]. У народов коми также в огонь запрещалось плевать, а тем более мочиться - иначе на губах или гениталиях ослушников появлялась короста. Огонь нельзя было затаптывать ногами, а полагалось заливать водой. Вероятно, подобные представления о домашнем очаге существовали и у жителей Пермского Предуралья эпохи средневековья. Об этом свидетельствует относительная чистота очагов: они постоянно выметались, подмазывались свежей глиной. Пищевые и кухонные отходы и другой мусор бросали в специальные приочажные ямы, а нередко и просто на пол, который обычно покрывался слоем органики вперемешку с битыми черепками, сломанными и брошенными вещами, костями животных, зернами злаков.

Нельзя было мешать в очаге ножом или другим острым предметом, чтобы

не ранить духа огня [Происхождение вещей, 1995, с.95]. Коми считали, что если раненный дух огня ослепнет, он не сможет отгонять злых духов от жилища [Конаков, 2002].

Дух огня первым получал жертвенные дары [Происхождение вещей, 1995, с.95]. Перед каждым приемом пищи, а тем более во время ритуальных трапез, его кормили. Например, охотники коми перед приемом пищи обязательно бросали в огонь крошки хлеба [Конаков, 2002]. У коми-пермяков при устройстве домашнего очага обязательно совершался обряд жертвоприношения духу огня [Коми-пермяцкий..., 2000, с.181].

Богиней огня обских угров была Най-сянь – «Огня женщина» (манс.), Мать-Огонь Най ими (хант.), сестра верховного бога Торума. Эта своенравная богиня, носящая красные одежды, являлась главным семейным божеством [Мифологическое время, 2003, с.87]. Жертвы ей приносили часто, даже в тех случаях, когда жертвоприношения осуществлялись в честь других богов и духов, люди никогда не забывали о Най-сянь. При посещении культового места обязательно ставили у костра пищу и еду. Заботливая хозяйка, бросая в очаг кусочки пищи или оставшиеся при пошиве одежды разноцветные лоскутки, приговаривала: «Хозяйка Огня, это тебе и семерым детям твоим еда и одежда!» [Мифологическое время, 2003, с.87]. Най-сянь поклонялись и мужчины, и женщины [Мифология манси, 2001, с.98]. Но все же, представления об огне, как о женщине, были настолько реальными, что у вогул мужчины стеснялись раздеваться в присутствии огня [Чернецов, 1935, с.140].

В археологии мы находим свидетельства несомненного присутствия культа огня в производственной магии, в бытовых предметах, в погребальной обрядности. И зачастую анализ проявлений этого культа приводит исследователей к прямым параллелям с этнографическими материалами.

3.2.ОРУДИЯ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

Ознакомившись так или иначе с приятными и полезными свойствами огня, - его блеском, светом, способностью согревать и изменять к лучшему растительную и животную пищу, - древнейшие люди должны были позаботиться о том, чтобы сохранить этот важный для них элемент посредством его поддержания, и, таким образом, превратить «дикий» огонь в «домашний» [Анучин, 1923, с.9-11]. Уже для среднего, а тем более для позднего палеолита, существует множество доказательств использования людьми огня. И вполне вероятно, что уже в это время люди умели его самостоятельно разжигать. Известно множество способов добывания огня. Древнейшими из них являются трение дерева о дерево, сверление, скобление и пр. [Анучин, 1923, с.9-11]. Причем, эти архаичные способы получения огня нередко сохранялись для различных ритуальных целей и в то время, когда широко использовались иные, более прогрессивные способы. К ним прибегали в исключительных случаях. В Европе в случае эпидемий и падежа скота тушили весь огонь в домах и разжигали новый «дикий огонь» архаичным способом сверления [Анучин, 1923, с.27]. В России «живой», «деревянный», «лесной» огонь, добытый трением, зажигался в случае эпидемий, падежа скота, в некоторые праздники. Архаичный способ добычи огня трением вплоть до XX в. применялся при разведении ритуальных костров в Сибири [Анучин, 1923, с.27-28; Косарев, 2003, с.164]. В преданиях хан-

тов сохранилась память о том, что в старину их предки добывали огонь вращением палочки в углублении дощечки [Мифы, предания..., 1990. № 36, с.146]. Священное деревянное огниво продолжало использоваться у ряда сибирских народов во время праздников и ритуалов даже в этнографическое время. Иногда если огонь получали кресанием, в него, для придания обрядового значения, прибавляли искру, добытую трением [Косарев, 1984, с.225]. И у коми огонь, полученный с помощью трения, имел особую силу. Еще в начале XX в. крестьяне одной из сысольских деревень, чтобы избавиться от чрезмерно расплодившихся волков, добыли трением огонь, и публично сожгли на нем одного пойманного волка [Конаков, 2002]. Коми-пермяки до недавнего времени считали огонь сильнодействующим лечебным средством при повальных болезнях. Высшую степень положительного воздействия на эпидемию и мор оказывал первобытным способом добытый огонь – дзуртби (скрип-огонь), с помощью которого знахари изгоняли заразу из жилищ и скотных дворов. Дымом такого огня кадили и свежие могилы в тех случаях, когда лов (душа) или орт (двойник умершего) не помогает сородичам, а всячески вредит [Коми-пермяцкий... 2000, с.181].

Но самым распространенным способом добычи огня стало высечение искры при ударах камня о камень. Больше всего для этой цели годились кремни, кварц, горный хрусталь. Наилучших результатов достигали ударом камня по рудным материалам – пириту, халькопириту, марказиту, сфалериту. В этом случае искра получалась гораздо длиннее – от 4 до 10 см. Наиболее широко в природе распространен пирит (серный или железный колчедан - дисульфид железа FeS_2). Он имеет латунно-желтый цвет и яркий металлический блеск. Если по куску пирита ударить кремнем, от минерала отскакивают разогретые ударом частички, из которых выделяется сера, воспламеняющаяся на воздухе. Отсюда и название минерала (огнедающий камень, лат.). Искры могут поджечь легковоспламеняющиеся вещества, например трут - сухую губчатую массу растущего на деревьях гриба трутовика. Люди очень рано познали эти свойства, уже со времен палеолита-неолита в погребениях Западной Европы среди сопровождающего инвентаря встречаются кремни и куски колчедана, служившие для получения огня [Анучин, 1923, с.35]. Вероятно, использование двух камней для высечения искры являлось самым распространенным способом получения огня вплоть до появления стали, из которой изготавливались кресала. А греки и римляне, хорошо знакомые с железом, и в дальнейшем продолжали пользоваться пиритом [Анучин, 1923, с.36]. В преданиях обских угров также упоминаются только камни для высечения огня [напр.: Мифы, предания..., 1990, с.63], хотя этнографические и археологические материалы показывают широкое распространение стальных кресал.

Изобретение способа высекаания огня (или дарование орудия для этой цели) нередко приписывали божествам или культурным героям. У хантов в одном из мифов о сотворении мира повествуется о том, что огонь создал Торум – сын Нум-Торума (в других мифологических сказаниях он известен как Золотой богатырь, За миром наблюдающий человек – Мир-Сусне-Хум и др.): «Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался – и из него вышла женщина-огонь. Взял Торум опять камешки и стал друг о друга ударять, и показался огонь. Тогда Торум

сделал из березовой коры трут, изрубил дерево, наколол дров и развел огонь» [Мифы, предания..., 1990, с.63].

Разжигание огня требовало использования легковоспламеняющегося материала, например, зажигательного трута, получаемого из растущего на деревьях плодов гриба-трутовика копытообразного (*Fomes fomentarius*), представляющих собой сухую губчатую массу.

В более позднее время для разжигания огня стали использовать кремь вместе со стальным кресалом, а вместо трута – фитиль, пропитанный для лучшего возгорания раствором селитры – нитрата калия KNO_3 .

Когда и где появились первые стальные кресала, трудно сказать. По мнению Л.А.Голубевой, массовое распространение стальных кресал на территории древнебалтийских и финно-угорских племен начинается с V-VII вв. [Голубева, 1964, с.258]. В могильниках Саяно-Алтайского нагорья смена деревянных приборов для добывания огня железными кресалами фиксируется в VIII-IX вв. [Овчинникова, 2000, с.26]. Принцип получения огня с помощью кремня и железа получил широкое распространение. У многих северных народов в эпоху средневековья кресало и кремень были единственным приспособлением для добывания огня [Савельева, 1987, с.60].

3.2.1 КРЕСАЛА

Полный комплекс элементов огнива включал в себя железное или биметаллическое кресало, кремень и (иногда) трубочку для трута.

Кресало – приспособление для добывания огня, представляющее собой стальную пластинку, служившую для удара о кремень при высекании искры. Кресало (кресило) – славянское название, происходящее от глагола кресати [Нидерле, 1956, с.265]. В качестве синонима в археологической литературе встречаются термины огниво и биво. В данной работе термином «кресало» обозначается стальная пластина, под огнивом подразумевается весь комплекс предметов, необходимых для добывания огня – кресало, кремень, трут.

Кресала – одна из немногих разновидностей бытовых вещей, для изготовления которых использовалась качественная сталь. Ее применение объясняется практической необходимостью, так как эти предметы по техническим качествам должны иметь максимально твердую рабочую часть [Завьялов, 1988, с.148]. При изготовлении кресал основными схемами были цементация и наварка стальной полосы на рабочую часть. Термообработка для этих поковок была практически обязательной операцией [Завьялов, 2005, с.149]. Как предполагает В.И.Завьялов, кузнецами было замечено свойство науглероженного железа искриться при ударе. Любопытно, что удмурты считают, что именно сталь, а не кремень, дает искру, это прослеживается во фрагменте удмуртского заговора: «...Как из булату, из синего укладу камнем огонь выбивают...» [Завьялов, 2006, с.26].

Т.о., кресала принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, выполненных в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства [Гопак, 1986, с.425,427].

К сожалению, кресала обычно рассматриваются в археологических публикациях попутно и достаточно поверхностно среди прочего инвентаря. Специальных работ, посвященных огнивам, в отечественной литературе сравнитель-

но немного. Прежде всего, следует назвать статьи Л.А.Голубевой [Голубева 1964, с.130-132; 1965, с.257-269; Голубева, Варенов, 1993, с.94-107]. В них рассмотрены две разновидности кресал – железные пластинчатые и биметаллические. Семантике кресал с бронзовыми рукоятями Прикамья посвящена работа Г.Ф.Корзухиной [Корзухина, 1977, с.156-161]. Происхождение и распространение кресал с бронзовыми рукоятями интересовало некоторых зарубежных исследователей [Лехтосало-Хиландер, 1979. С.81-90; Cleve, 1929; Kivikoski, 1939; Ksks, 1969, s.155].

Среди специальных работ, посвященных кресалам, особое место занимают исследования, посвященные разработке типологии и хронологии этой категории инвентаря. Типологию пластинчатых пшеворских кресал разработал А. Коковский [Kokovski, 1985, s.109-127]. В статье Н.А.Лобанова дана типология и хронология псковских кресал [Лобанов, 1989, с.83-84]. Классификация и датировка дальневосточных кресал представлена в работах Л.П.Ходзевича и Э.В.Шавкунова [Ходзевич, Шавкунов, 1990, с.109-121]. Типологии и хронологии железных кресал посвящена большая статья А.В.Евгалеvского и Т.М.Потемкиной (Евгалеvский, Потемкина, 2000, с.181-208]. Первую разработку типологии и хронологии древнерусских кресал на материалах Новгорода сделал Б.А.-Колчин (Колчин, 1959, с.98-102; Колчин, 1982, с.161, рис.4). И в настоящее время большинство исследователей опирается именно на классификацию и датировку кресал, предложенную Б.А.Колчиным, причем, после появления его работы кресала стали широко применяться для датировки памятников, при этом многие прямо переносят новгородскую хронологию на публикуемые памятники. Хотя, как отмечает ряд исследователей, далеко не всегда время бытования тех или иных типов кресал в Новгороде совпадает с их бытованием на других территориях [Лобанов, 1989, с.83-84; Евгалеvский, Потемкина, 2000, с.182]. Многие авторы пользуются работой Г.А.Федорова-Давыдова, который разработал типологию и хронологию кресал поздних кочевников Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с.84, рис.12]. Отдельные исследователи опираются на датировку кресал, предложенную для позднекочевнических погребений С.А.Плетневой [Плетнева, 1958, с.159, 169]. Хотя, как отмечается в статье А.В.Евгалеvского и Т.М.Потемкиной, Г.А.Федоров-Давыдов основывал свою хронологию на новгородских аналогиях, а что касается С.А.Плетневой, то она не дала обоснования хронологии кресал [Евгалеvский, Потемкина, 2000, с.181].

На территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья и новое время были широко распространены разнообразные формы кресал. В.И.Завьялов, исследовавший серию этих предметов из материалов родановской культуры, отметил, что лишь незначительная часть из них изготовлена по четкой рациональной технологии, их можно признать импортными изделиями. Основная же масса кресал, изготовленная из неравномерно науглероженной стали – продукция местных кузнецов. Исследователь отмечает, что на территории Прикамья очень быстро распространились древнерусские формы кресал, хотя для этой категории железных предметов форма не имеет столь важного значения как для орудий труда. Он считает, что в данном случае имеет место влияние моды в кузнечном ремесле, когда кузнецы родановской культуры перенимали не только новые, более прогрессивные типы орудий труда, но и новые формы предметов быта [Завьялов, 1988, с.148-150].

В музейных коллекциях Пермского Предуралья представлено большое раз-

нообразие кресал. Вероятно, этим предметам придавалось особое значение. Кресала присутствуют в составе погребального инвентаря большинства мужских и значительной части женских средневековых захоронений. К примеру, на Рождественском могильнике большинство кресал происходит из погребений, которые по составу инвентаря можно отнести к мужским (кресала из п. № 36, 37, 38, 110, 120), два – из женских (п. № 100, 127), у части погребений половую принадлежность по составу инвентаря определить невозможно [Крыласова, 2003, с.90-91]. У поздних кочевников Восточной Европы наблюдается подобная картина - лишь в трех случаях (из 293) кресла встречены в погребениях с женским инвентарем; около 10 погребений имели смешанный инвентарь [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.201].

В «богатых» мужских комплексах, несомненно, принадлежавших представителям знати, наличие кресала обязательно, причем в период распространения биметаллических кресал в таких погребениях нередко представлены одновременно стальные и с декоративной бронзовой рукоятью. Анализ, проведенный по материалам Рождественского могильника, показал, что элементам огнива в погребениях в подавляющем большинстве случаев сопутствовали предметы поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней) и поясных привесок (бронзовые бусы и пронизки), достаточно широко представлены также стеклянные и каменные бусы и различного рода подвески, что в целом для мужских погребений могильников Пермского Предуралья нехарактерно, и затрудняет определение половой принадлежности погребальных комплексов. Из железных предметов в большинстве из погребений с огнивами встречены ножи и наконечники стрел, достаточно часто присутствуют орудия труда. Как некую закономерность следует отметить, что в 6 погребениях с кресалами (30%) обнаружены топоры, которые всего встречены в 9 погребениях языческой части Рождественского могильника (8,6%). Большинство погребений с кресалами сопровождалось сосудами. Сравнительно немного погребений с височными кольцами и браслетами. Височные кольца встречены в 5 погребениях с кресалами (25%), в то время, как в целом по могильнику они обнаружены в 21 погребении (20,1%); браслеты - в 2-х погребениях (10%), а в целом по могильнику в 16 погребениях (15,3%) [Крыласова, 2003, с.91, табл.1].

Всего согласно анализу, проведенному по материалам средневековых могильников Пермского Предуралья, кресала содержатся в 4 % погребений VII-IX вв., в 21,5 % погребений X-XI вв., в 9,8 % погребений XII-XIV вв. Для сравнения, у поздних кочевников Восточной Европы X-XIV вв. кресала обнаружены в 13 % погребений [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.183]; а в древнерусских языческих подкурганных захоронениях Южной Руси IX-XIII вв. - всего в 2% погребений [Моця, 1993, с.28].

У разных народов, кочевых и оседлых, зафиксированных этнографически, кресало носилось на поясе в специальном мешочке или футляре, либо просто заворачивалось в ткань. В могильниках Пермского Предуралья в погребениях X – первой половины XI вв. элементы огнива нередко сопровождалось поясными сумочками. На ряде кресал обнаружены отпечатки ткани.

Класс А – стальные кресала.

Отдел АI – однолезвийные

Группа АI.1 – кресала снабжены рукоятью в виде двух отогнутых от рабочей части симметричных «крючков» - т.н. калачевидные. Подобные

кресала бытовали чрезвычайно широко. В зависимости от времени и места распространения они имели свои особенности. Общая форма их может напоминать треугольник, овал, прямоугольник, рукояти могут находиться на значительном расстоянии друг от друга или смыкаться, и иметь большую или меньшую степень изогнутости. Иногда концы так изогнуты, что примыкают к основанию, образуя подобие буквы «В».

Большинство исследователей основным признаком для классификации калачевидных кресал считает наличие или отсутствие выступа (язычка) на ударной части лезвия, хотя отмечается, что среди калачевидных кресал можно также выделить группы с прямыми концами рукоятей и группы с загнутыми наружу, утолщенными или оформленными завитками концами [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.183]. Считается, что калачевидные кресала с язычком были широко распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы и в Азии вплоть до Забайкалья и Приамурья на протяжении длительного времени. В древнерусских памятниках они представлены в основном в слоях X – третьей четверти XII в., хотя в небольшом количестве использова-

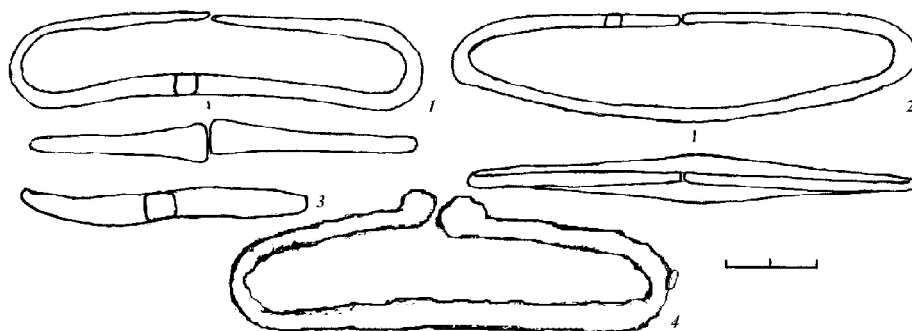

Рис. 54 Стальные кресала, тип AI.1.1. 1 – п. № 20, 2 – п. № 12 Плесинского, 3 – Плесинский, 4 – п. 41 Агафоновского могильников.

лись вплоть до середины XIV в. У поздних кочевников Восточной Европы они встречаются в погребениях с X по XIV в. [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.183, с.200, рис.6]. Калачевидные кресала без язычка распространены почти так же широко, как и кресала с язычком. Первые из них известны еще в VIII-IX вв., пик их бытования приходится на XIII-XIV вв., а на некоторых памятниках они встречаются и в XVI в. У поздних кочевников Восточной Европы они функционировали с XII по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.185, с.200, рис.6). Многие авторы в своих работах опираются на хронологию новгородских древностей, согласно которой калачевидные кресала с язычком бытовали в период с X по конец XII вв., а без язычка – с конца XI до середины XIII вв. [Колчин, 1982, рис.4]. Однако более глубокое изучение археологических источников Урала убеждает в том, что эволюционно-хронологическая схема кресал Новгорода отнюдь не является универсальной для всей территории Евразии. Как отмечают А.П.Зыков и С.Ф.Кокшаров, некритичное применение этой схемы приводит к неоправданному занижению датировок конкретных памятников [Зыков, Кокшаров, 2001, с.105]. Это в полной мере относится к кресалам Пермского Предуралья, у которых наличие язычка вовсе не является хронологическим признаком.

Для прикамских кресал наиболее целесообразно выделение типов по фор-

ме концов рукоятей, поскольку это является датирующим признаком. А язычок на калачевидных кресалах встречается на протяжении всего периода их бытования.

Тип АІ.1.1 (рис.54, 4 экз.) - кресала представляют собой свернутый в форме овала дрот округлого сечения. Длина 9,5-11 см, ширина 2-2,5 см.

Подтип АІ.1.1.1 (рис.54/4) – на концах дрота небольшие округлые «шишечки». Кресало из п. № 41 Агафоновского могильника, датируется VII в. [Голдина 1975, рис.16/71, табл. XXXIII/36].

Подтип АІ.1.1.2 (рис.54/1-3) – дрот раскован с одной стороны, в результате чего образована площадка шириной до 1 см, перпендикулярная плоскости кресала

Вариант а – кресало расковано со стороны, противоположной стыку концов. Кресало из п. № 5 Плесинского могильника (КПОКМ, инв. №642/131).

Вариант б – кресало расковано на концах. Кресало из п. № 37 Плесинского могильника (КПОКМ, инв. № 642/380). К этому же варианту, вероятно, относится фрагмент кресала из п. № 28 Плесинского могильника (КПОКМ, инв. № 642/1111).

Указанные погребения Плесинского могильника по сопровождающему инвентарю могут быть отнесены к VIII-IX вв. Таким образом, кресала данного типа, вероятнее всего, являются наиболее ранними в Пермском Предуралье, и датируются VII-VIII вв.

Кресала подобной конструкции из железной пластинки, согнутой в виде овала, известны в материалах Безводнинского могильника V – начала VII вв. в Среднем Поволжье (тип II по Ю.А.Краснову [Краснов, 1980, с.78, рис.49/14-17]). Аналогичные кресала известны и на территории Удмуртского Предуралья. В.И.Завьялов отмечает, что они напоминают калачевидные кресала, широко известные по древнерусским материалам, но, в отличие от своего западного прототипа, откованы из прута, а не из пластины [Завьялов, 2006, с.27].

Тип АІ.1.2 (рис.55, 50 экз.) - овально-подтреугольные. Большинство кресал данного типа имеют сравнительно небольшие размеры – от 4,5 до 7,5 см в длину, лишь незначительная часть достигает до 9 см. Характерной особенностью предметов данного типа является то, что концы рукоятей у них имеют легкий S-образный изгиб, украшены завитками или утолщениями. В одном случае (рис.2/31) утолщения парные. У большинства кресал концы рукояти смыкаются или почти соприкасаются. Согласно общепринятой типологии предметы данного типа можно разделить на два подтипа – с язычком и без язычка на внутренней части лезвия.

Подтип АІ.1.2.1 (рис.55/1-11) - без язычка. Характерно, что у кресал данного подтипа на концах рукояти не встречаются завитки. Представлены в п. № 37, 38, 43, 90, междумогильном пространстве Рождественского (раскопки Н.Б.Крыласовой), Плесинском (КПОКМ, инв. № 642/1050), Терикановском (КПОКМ), Степаново Плотбище (раскопки А.В.Данича), п. № 48 Огурдинского (раскопки Н.Б.Крыласовой), п. № 2 Кочергинского [Талицкий, 1940, табл.11/18], п. № 26 Агафоновского могильников (раскопки Р.Д.Голдиной), на Анюшкаре (раскопки В.А.Оборина 1954 г.).

Подтип АІ.1.2.2 (рис.55/12-45) - с язычком. Язычок у кресал имеет подтреугольную, иногда – плавную, дуговидную форму, он, как правило, небольшой, а у некоторых экземпляров едва прослеживается. Кресала происходят с

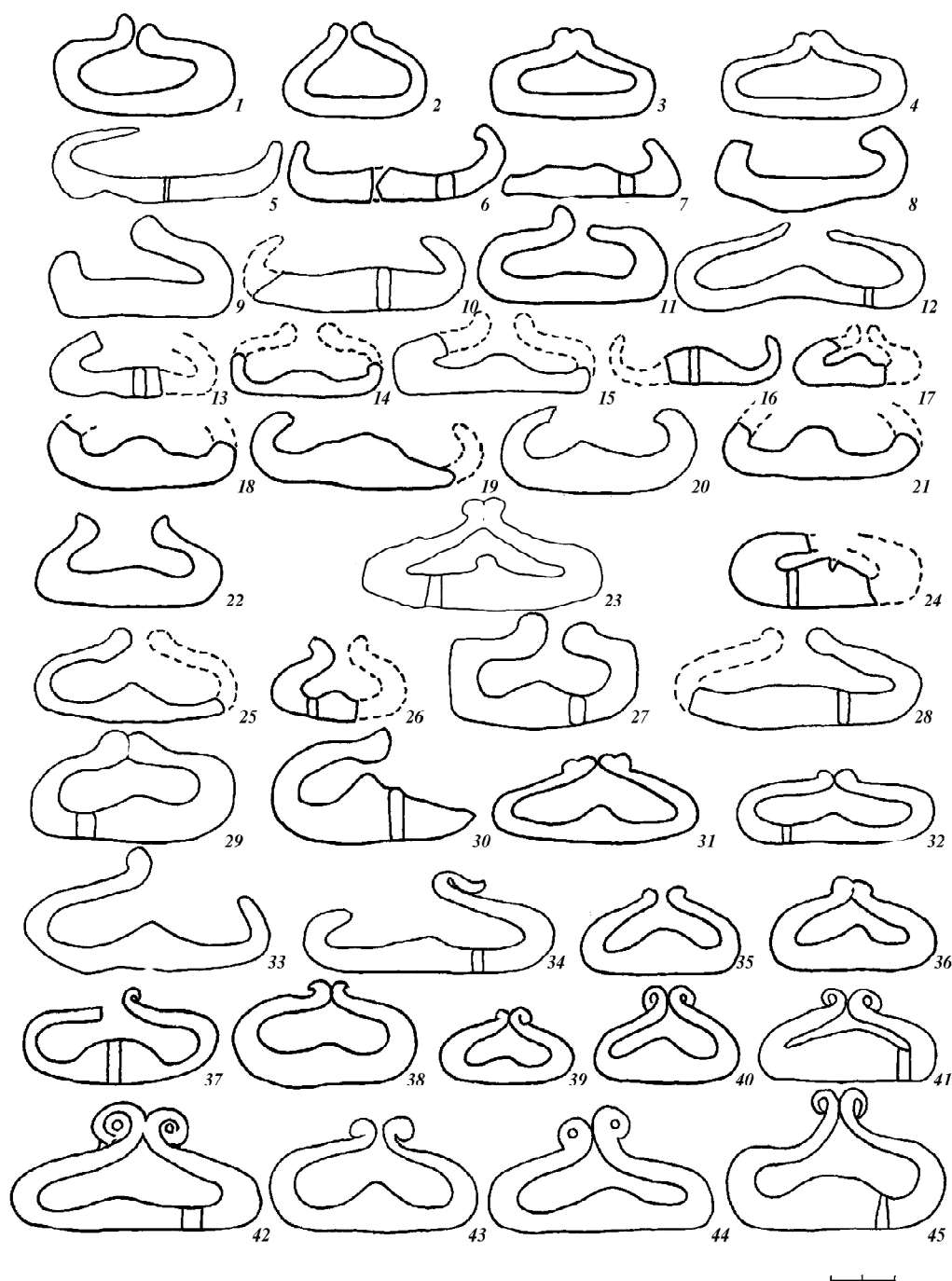

Рис.55 Стальные кресала, тип АІ.1.2. 1-9 - подтип АІ.1.2.1, 10-45 - подтип АІ.1.2.2. 1 – п. № 43, 90, 2 – п. № 38, 3, 35 – м/м Рождественского, 4 – Терикановский, 5 – п. № 2 Кочергинского, 6, 8, 19, 30 – Степаново Плотбище, 7 – п. № 48 Огурдинского, 9 – п. № 26 Агафоновского могильников, 10, 23, 25, 28-29, 33, 36, 38, 45 – Анюшкар, 11 – п. № 37 Рождественского могильника, 12 – д.Харино, 13 – п. № 107 Огурдинского, 14 – п. № 22, 110, 15 – п. № 127 Рождественского могильника, 16, 31, 40 – Рождественское городище, 17 – п. № 103 Рождественского, 18 – п. № 24 Агафоновского, 20 – Антыбарский, 21 – п. № 36, 69, 22 – п. № 68, 69 Рождественского могильника, 24 – п. № 59, 26 – м/м, 27 – п. № 76 Огурдинского могильника, 32 – д.Коча, 34 – д.Харино, 37 – Шудьякар, 39 – п. № 221, м/м (2 экз.) Рождественского могильника, 41 – с.Майкор, 42 – Кудымкарское селище, 43 – Гуринский могильник, 44 – Кудымкарское городище.

городищ Анюшкар (8 экз., раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц), Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.77/20], Рождественского (3 экз., раскопки А.М.Белавина), из п.№ 22, 36, 37, 68, 69 (2 экз.), 103, 110, 221, 127, м/м (3 экз.) Рождественского, п. № 59, 76, 107, м/м Огурдинского (раскопки Н.Б.Крыласовой), п. № 24 Агафоновского (раскопки р.Д.Голдиной), Степаново Плотбище (2 экз., раскопки А.В.Данича), Антыбарского (раскопки Г.Т.Ленц), Гуринского (ЧКМ) могильников, д.Харино (2 экз., КТ, ПОКМ инв. № 11314/30-1,2), д.Коча (КТ, ПОКМ, инв. № 11305/2), с.Майкор (КПОКМ инв. № 1580), Кудымкарского селения (КТ, ПОКМ, инв. № 11976/93) и городища (КПОКМ).

Значительное количество кресал *типа АІ.1.2* происходит с раскопа І Рождественского могильника, комплекс вещей из которого в целом датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Корреляционные таблицы, составленные на погребения с кресалами, подтверждают эту датировку [Крыласова, 2003, с.91-92]. Несколько кресал имеют абсолютную датировку: кресало из п.№ 37 найдено в комплексе с вислой печатью Владимира Святославовича (978-1015), из п. № 90 - с дирхемом Мансур ибн Нуха (961-976 гг.), из п. № 103 - с динарием Этельреда II (Англия, 978-1013 гг.), из п. № 120 - с тремя фрагментами плохо сохранившихся дирхемов X в. Кресало данного типа с Рождественского городища найдено в нижнем слое на гл. 0,75 м. Также датируются и погребения других могильников, где представлены подобные кресала. Что касается поселений, то они, как правило имеют довольно широкую датировку, но материалы указанного периода известны на всех перечисленных памятниках.

Аналогичную датировку кресала этого типа имеют и на соседних с Пермским Предуральем территориях – в Волжской Булгарии [Культура Биляра, 1985, табл.XLIII/1-8], Удмуртском Предуралье, Марийском Поволжье [Никитина, 2002, с.130, рис.28-3,6; 57/9-10], на Вычегде.

Любопытно, что кресала подобного типа возобновили свое существование в позднее время. Так, Н.И.Шутова отмечает, что этот архаичный тип кресал встречен в могильниках Орехово и Нязь-Ворцы на территории Удмуртии, в погребениях, датированных серебряными монетами второй половины XV – первой половины XVI в. [Шутова, 1992, с.38]. Возможно, эта форма была скопирована по найденным в земле вещам, не исключено и вторичное использование древних артефактов.

Тип АІ.1.3 (рис.56, 23 экз.) - треугольные. Кресала данного типа имеют в длину от 6,5 до 9 см. Концы рукоятей кресал данного типа почти прямые, узкие, сходятся под тупым углом.

Подтип АІ.1.3.1 (рис.56/1-6) – рабочая часть узкая, почти одинаковой ширины с рукоятью. Концы рукоятей, как правило, приостренные, с небольшим отгибом.

Вариант а (рис.56/1-2) – без язычка. С городищ Полютова (КТ, ПОКМ, инв. № 11398) и Анюшкар (раскопки В.А.Оборина).

Вариант б (рис.56/3-6) – с язычком. В большинстве случаев язычок прослеживается в центре внутренней части лезвия в виде небольшого округлого выступа, у тех экземпляров за счет больших треугольных язычков рабочая часть значительно расширена. Происходят с раскопа V Рождественского могильника (2 экз., раскопки Н.Б.Крыласовой), из Пермской губернии (КТ, ПОКМ, инв. № 19187/261), могильника Телячий Брод (раскопки А.М.Белавина), п. № 65, 130

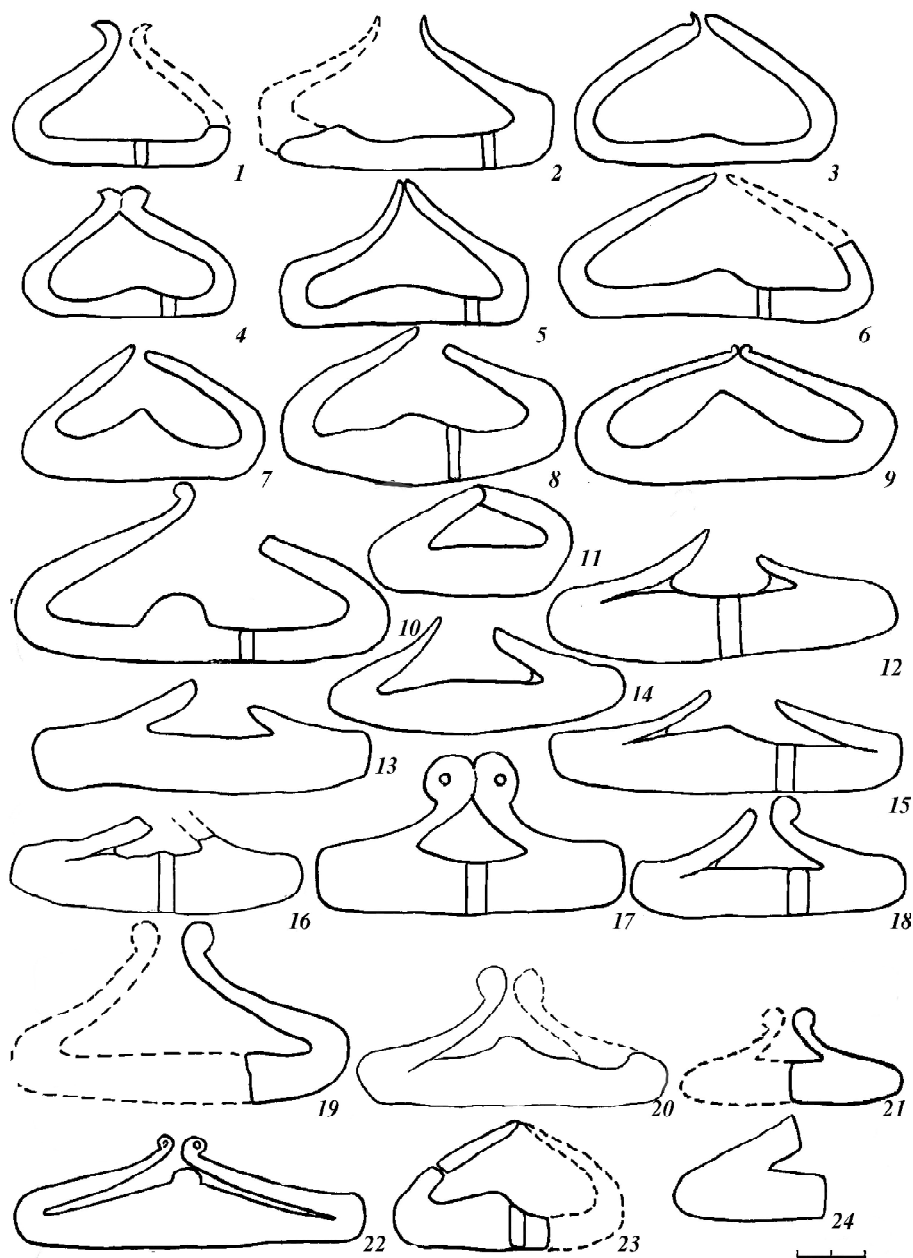

Рис.56 Стальные кресала, тип AI.1.3. 1-10 - подтип AI.1.3.1, 11-23 - подтип AI.1.3.2. 1 – Полютово городище, 2, 10, 17, 24 – Анюшкар, 3, 13 – Рождественский могильник, 4 – Пермская губерния, 5 – могильник Телячий Брод, 6 – п. № 65 Антыбарского, 7 – Рождественский, 8 – п. № 25 Аверинского, 9 – п. № 130 Антыбарского могильника, 11 – п. № 120 Рождественского могильника, 12 – д.Мартынова, 14 – Рождественское городище, 15, 18 - д.Харино, 16 – Троицкое городище, 19 – п. № 48 Антыбарского могильника, 20 – Роданово городище, 21 - Искор, 22 – Роданово городище, 23 – п. 129 Огурдинского могильника.

Антыбарского (раскопки Г.Т.Ленц), п. № 25 Аверинского могильника [Голдина, Кананнин 1989, рис.65/12], городища Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц).

Подтип AI.1.3.1 (рис.56/7-24) – характерной особенностью изделий данного подтипа является относительно широкая до 1,5 см рабочая часть. В боль-

шинстве случаев концы рукоятей прямые, тонкие, приостренные, реже они завершаются небольшими кружками, в одном случае – завитками.

Вариант а (рис.56/11-19, 24) – без язычка. Происходят из раскопа V и п. № 120 Рождественского могильника, городищ Рождественского (раскопки А.М.Белавина), Троицкого (раскопки П.А.Корчагина, инв.№ 2/20), Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв. № 21/1145), Искор (раскопки В.А.Оборина), д.Мартынова на р.Иньва (КТ, ПОКМ, инв. № 11340/15), д.Харино (КТ, ПОКМ, инв. № 11314/20-4), п. № 48 Антыбарского могильника (раскопки Г.Т.Ленц).

Вариант б (рис.56/7-10, 20-23) – с язычком. Происходят из д.Харино (КТ, ПОКМ, инв. № 11314/30-1), городищ Роданова (2 экз., раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж, инв. № 1050/622, 657), Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц), п. № 129 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой).

Можно утверждать, что треугольные кресала с прямыми концами рукоятей характерны для более позднего времени. Три кресала *типа АІ.1.3* обнаружены в поздней части Рождественского могильника, где на пашне собрана значительная коллекция предметов, датирующихся XII-XIII вв., и заложен раскоп V, давший аналогичный материал. Кресала с Рождественского городища обнаружены в верхних слоях на глубине 0,2-0,5 м. Учитывая, что материалы Огурдинского могильника не выходят за рамки XI в., можно предположить, что такая разновидность калачевидных кресал возникла во второй половине XI в. и просуществовала вплоть до XIII в., поскольку остальные могильники, где встречены такие кресала, относятся к позднему времени: Антыбарский - XII-XIII вв., Телячий Брод и Аверинский I – XII-XIV.

Аналогичные кресала известны в п. № 35 Кичилькосьского могильника X - XII вв. [Савельева, 1973, с.78, табл.14/1], п. № 9 и междумогильном пространстве Пезмогского могильника XI - XII вв. [Королев, 1980, рис.2/15-16].

Таким образом, наиболее вероятная дата бытования треугольных кресал – конец XI – начало XIII вв.

Тип АІ.1.4 (рис.57/1-6, 6 экз.) - кресала подовальной формы с широкой рабочей частью, как правило, дугообразно изогнутой вниз, с широким округлым или округло-подтреугольным язычком. Концы рукояти имеют значительный S-образный изгиб и в большинстве случаев плотно прижаты к язычку на основании. В трех случаях концы закручены в крупные кольцевидные завитки. Происходят из Антыбарского могильника (раскопки Г.Т.Ленц), п. № 37 могильника Телячий Брод (2 экз., раскопки А.М.Белавина), городищ Анюшкар (раскопки В.А.Оборина) и Эсперова (раскопки Г.А.Бординских, СКМ).

Судя по датировке погребений, кресала данного типа относятся к XII-XIII вв.

Аналогичное кресало встречено в Болгаре. Ф.Ш.Хузин отнес его к датирующим вещам домонгольского времени, залегающим в слое середины XI – начала XIII вв. [Хузин, 2001, рис.49/20], что согласуется с датировкой прикамских кресал данного типа. Подобное кресало встречено также в кочевническом погребении кург.2 Александровского могильника в Самарском Поволжье, который относится к золотоордынскому периоду [История Самарского Поволжья..., 2000, с.340, табл.19/6].

Тип АІ.1.5 (рис.57/7-13, 7 экз.) – основание кресал правильной подпрямоугольной формы, изящные концы рукоятей дугообразно вогнуты, завершают-

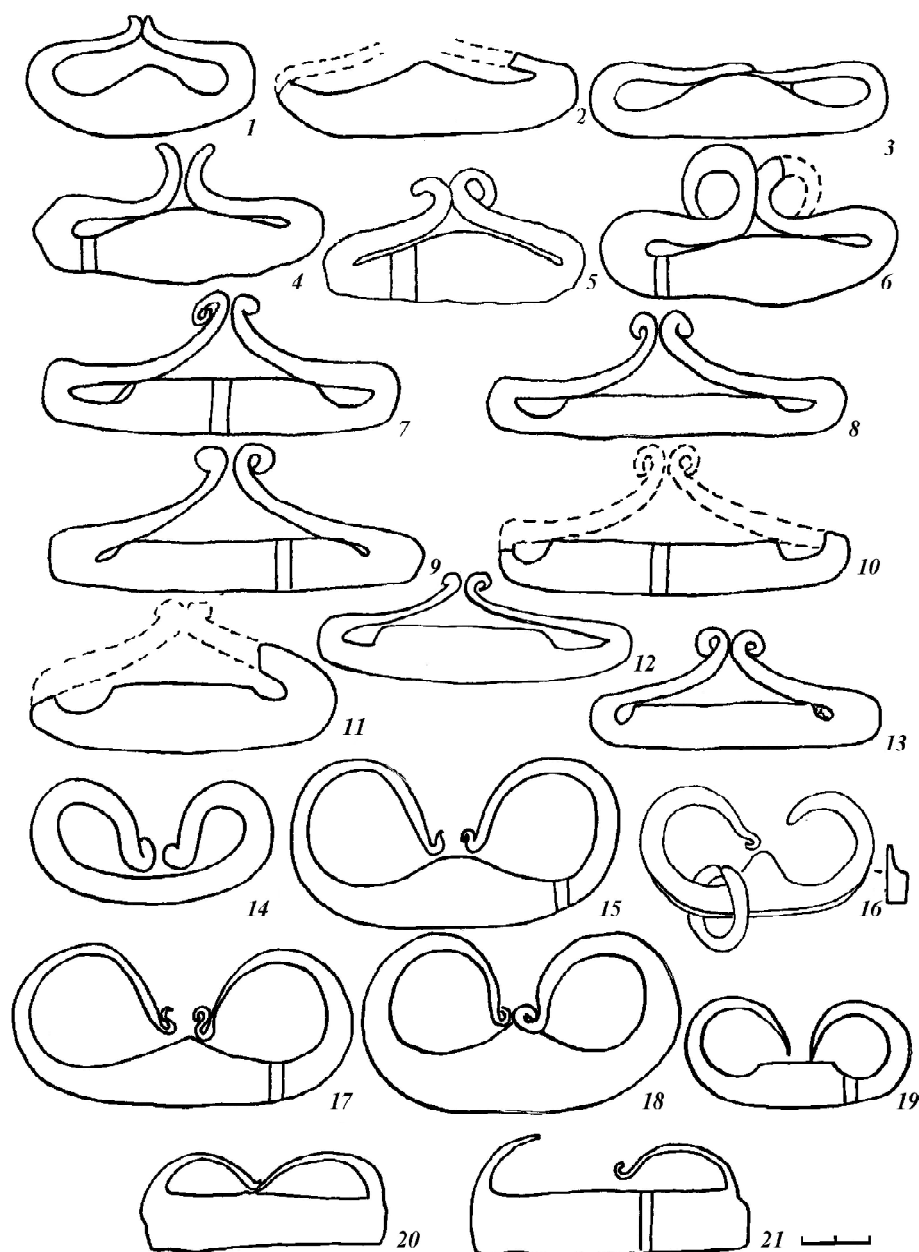

Рис.57 Стальные кресала, 1-6 - тип АІ.1.4, 7-13 - тип АІ.1.5, 14-19 - тип АІ.1.6, 20-21 - тип АІ.1.7. 1 – Антыбарский могильник, 2, 5 – Анюшкар, 3 – Эсперово городище, 4, 6 – п. № 37 могильника Телячий Брод, 7 – д.Данилова, 8, 10, 15, 21 – Кудымкарское городище, 9, 16, 19 – Пермская губерния, 11 – Искор, 12 – Красная горка городища, 13 – Харинское IV селище, 14 – с.Б.Коча, 17 – Вакинское селище, 18 – Нижний Чусовской городок, 20 – Кудымкарский могильник.

ся маленькими завитками. Характерной особенностью типа является наличие своеобразных прямоугольных язычков. Происходят из д.Даниловой Гайнской волости (КТ, ПОКМ, инв. № 11366/58), Кудымкарского городища (2 экз., КПОКМ, инв. № 1100/684; СКМ, инв. № 257/4), Пермской губернии (КТ, ПОКМ, инв. №19187/298), городищ Искор и Красная горка, Харинского IV селища (раскопки В.А.Оборина).

Данные кресала соответствуют позднему варианту типа 1 новгородских

кресал [Колчин, 1959, с.99, рис.84/4-6], датирующихся концом XI – серединой XIII в. [Колчин, 1982, рис.4]. Такие кресала известны в п.№ 27 Веслянского II могильника XII – начала XIII вв. [Савельева, Истомина, 1980, рис.3/1], в погребениях XII в. на Ыджидьельском могильнике [Савельева, Зеленский, 1986, рис.2/18, с.115], в Западной Сибири в городке Эмдер XI-XVI вв. [Зыков, Кокшаров, 2001, с.102-103, рис.36/15,19].

Тип А1.1.6 (рис.57/14-19, 7 экз.) – кресала В-образно изогнуты в форме классического калача – основание округлое, концы рукоятей дугообразно выгнуты, их оконечности с маленькими завитками прижаты к основанию.

Подтип А1.1.6.1 (рис.57/14) – без язычка. Из с.Б.Коча (КПОКМ, инв. № 55).

Подтип А1.1.6.2 (рис.57/15-19) – с язычком

Вариант а (рис.57/15-18) – язычок округлый или подтреугольный. Происходят из Кудымкарского городища [ДТ, с.597], б. Пентежской волости Чердынского уезда Пермской губернии (КТ, ПОКМ, инв. № 11405/38) [Рисунки древностей... 1987, табл. XI/13], Вакинского селища (ПОКМ), Нижних Чусовских городков (2 экз.) [Каталог... 1994, табл.6/11, с.20].

Вариант б (рис.57/19) – язычок прямоугольный. Из Пермской губернии (КТ, ПОКМ, инв. № 19187/296).

Кресала данного типа относятся к наиболее поздним. Большинство их, за исключением кресал из Нижних Чусовских городков, происходят из сборов. Слой Нижних Чусовских городков датируется XVI-XVIII вв. [Каталог..., 1994, с.3].

Наиболее раннее кресало такого типа встречено на Лоемском могильнике XIII-XIV вв. [Савельева, 1995, с.127, рис.18/1]. Но наиболее широко они представлены в более поздних памятниках. К примеру, такие кресала являются самыми многочисленными в удмуртских могильниках XVI – начала XVIII вв., бытовали вплоть до середины XIX в. [Шутова, 1992, с.39, рис.48/4,512,14], в марийских могильниках XVII в. [Никитина, 2002, с.130, рис.30/5].

Тип А1.1.7 (рис.57/20-21) – рабочая часть в виде широкого прямоугольника, концы рукояти тонкие, выгнуты дугообразно, окончания прижаты к основанию кресала. Происходят из Кудымкарского могильника (раскопки В.А.Оборина) и Кудымкарского городища (КПОКМ, инв. № 1011/12).

В Кудымкарском могильнике кресало найдено с монетой царя Ивана IV [Оборин, 1977, с.166, рис.1/6].

Аналогичные кресала известны в удмуртских могильниках в погребениях XVI-XVII вв. [Шутова, 1992, с.38, рис.48/6,9,10], в марийских могильниках XVII в. [Никитина, 2002, с.130, рис.30/4], в Усть-Вымском городке XVI-XVII вв. [Чеснокова, Игушев, Багин, 1998, с.168, рис.3/в]. В Западной Сибири они встречены на городище Шеркалы I и городе Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001, с.103, рис.45/14,17]. По одному кресалу данного типа происходит из слоя XV в. Новгорода [Колчин, 1959, с.103, рис.87/4], из Минска [Чурсин, 1987, с.69, рис.29/8], из поселенческого комплекса XV-XVI вв. в Латвии [Магуревич, 1989, с.84, рис.49].

Таким образом, кресала данного типа могут датироваться XV-XVII вв.

Остальные однолезвийные кресала Л.А.Голубева отнесла к «пластинчатым» [Голубева, 1964, с.257-260].

Группа А1.2 (рис.58) – однолезвийные с одной рукоятью

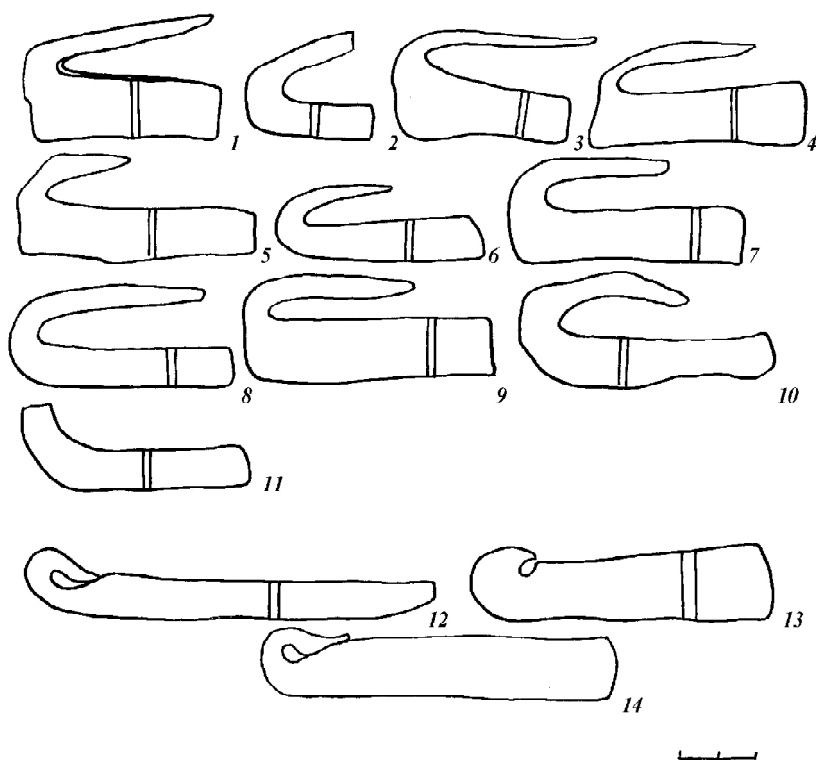

Рис.58 Стальные кресала, группа AI.2. 1-11 - тип AI.2.1, 12-14 - тип AI.2.2. 1 – п. № 27 Каневского могильника, 2 – п. № 61, 157 Аверинского II могильника, 3 – п. № 27, 4 – п. № 16, 5 – п. № 19, 6 – п. № 26, 7 – п. № 24, 8 – п. № 28, 9 – п. № 61 Плесинского могильника, 10 – Баяновский могильник, 11 – п. № 5, 7 Каневского могильника, 12 – селище Телячий Брод, 13 – Рождественское, 14 – Роданово городища.

Тип AI.2.1 (рис.58/1-11, 14 экз.) - кресала представляют собой прямоугольную пластину длиной 5-7 см шириной 1-2 см с рукоятью, раскованной в виде длинного шиловидного стержня, отогнутой крючком, почти равным длине самой пластины. Как отмечает Л.А.Голубева, эти кресала «с длинным крючком удобно просто засовывать за пояс» [Голубева, 1964, с.260]. Такие кресала в Пермском Предуралье представлены в п. № 61, 157, 357 Аверинского II могильника VI-IX вв. [Голдина, Кананин, 1989, рис.57/27,28], п. № 16, 19, 24, 26, 27, 28, 29, 37, 54, 61 Плесинского могильника VII-X вв. (КПОКМ, инв. № 642/59, 378, 425, 480, 927, 1109), Баяновском могильнике VIII-X вв. (раскопки В.А.Оборина, инв. № 288/915), п. № 5, 7, 27 Каневского могильника VII-IX вв. (КПОКМ, инв. № КМ-1/1112) [Генинг, Голдина, 1970, табл.28/7,10].

Аналогичные кресала известны в могильниках Удмуртского Предуралья – 5 экз. в Поломском VI-IX вв. [Голубева, 1964, с.260], 2 экз. на Мыдлань-Шай [Генинг, 1962, рис.VIII/14], 10 экз. на Варнинском [Семенов, 1980, табл.XXVII/12,14,15], 2 экз. на Омутницком [Семенов, 1985, рис.10/8]. 4 кресала в виде железной пластинки с расширением на одном конце и крючком на другом обнаружены в Марийском Поволжье на памятниках типа Младшего Ахмыловского могильника VI-VII вв. [Никитина, 2002, с.130]. Ф.А.Сунгатов, опираясь на данные исследования Варнинского и Тольенского могильников, пришел к

выводу, что пластинчатые кресала, в том числе, рассматриваемого типа, следует датировать не ранее X-XI вв. [Сунгатов, 1993, с.97, рис.2/42a].

Интересно, что аналогичные кресала встречены на территории Болгарии и Румынии в погребениях с трупосожжением в могильниках языческого и смешанного языческо-христианского обряда VIII – конца IX вв. Р.Рашев считает, что на основании данного типа кресал можно искать угорскую «нить» на территории ранней Дунайской Болгарии [Рашев, 2001, с.231]. При этом он опирается на мнение В.Вешевлиева, который прослеживает пласт угорской лексики в источниках VI-VII и надписях болгарских ханов первой половины IX в. [Вешевлиев, 1981, с.22], а также М.И.Артамонова, считавшего болгар отюреченными уграми [Артамонов, 1962, с.83].

Т.о., вероятная дата кресал данного типа конец VII-IX вв., возможно, они сохранялись и в начале X в., поскольку большинство погребений Плесинского могильника может быть отнесено именно к X в.

Тип AI.2.2 (рис.58/12-14, 3 экз.) - кресала представляют собой пластину длиной 8 - 10 см, с одной стороны загнутую петлей-ушком. В Пермском Предуралье встречены на селище Телячий Брод (раскопки Н.Б.Крыласовой), Рождественском (раскопки А.М.Белавина) и Родановом (разведка А.В.Данича) городищах.

Л.А.Голубева выделяет данный тип пластинчатых огнив в ареале финно-угорских и балтских древностей в период с VIII по XI-XII вв. [Голубева, 1965, рис.1/5]. На соседних территориях подобные кресала известны в Качкашурском могильнике IX-XIII вв. [Иванов, 1991, с.149-150, рис.10/1-2]. Довольно широко такие кресала представлены на памятниках юго-восточного Приладожья и Прионежья. Они обычно рассматриваются как характерные предметы курганной культуры X – начала XI вв. [Кочкуркина, 1973, с.45; 1989, с.268]. Однако на ряде памятников они сохранялись в быту дольше. Ю.М.Лесман определил верхнюю дату их распространения первой третью XII в. [Лесман, 1981, с.100].

Группа AI.3 (рис.59/12-13, 2 экз.) – **однолезвийные трапециевидные** - представляют собой пластинчатое кресало трапециевидной формы, верх которого оформлен в виде выступа с петлей. Происходят с Рождественского городища (раскопки А.М.Белавина).

Трапециевидные кресала относятся к разновидности кресал, изредка встречающихся в IX-X вв. только «в бесспорных восточнославянских памятниках» [Голубева, 1965, с.258-259]. Такие находки происходят с городища Хотомель (Брянская обл.), Новотроицкого городища (Сумская обл.), Гнездовского могильника (Смоленская обл.) и Стороладожского городища [Рябинин, 1994, с.47-48, рис.24/12].

Группа AI.4 – однолезвийные пластинчатые

Тип AI.4.1 (рис.59/1-7, 7 экз.) – в виде прямоугольных пластин. Большинство таких пластин происходит из п. № 25, 28, 30, 43, 98, 122 Плесинского могильника (КПОКМ, инв. № 642/161, 235, 269, 481, 895, 916), одна – из п.№ 13 Важгортского могильника (раскопки И.В.Бочарова).

Аналогий не обнаружено. Однако, как отмечают А.П.Зыков и С.Ф.Кокшаров, в средневековых памятниках Западной Сибири широко встречаются железные бруски непонятного назначения. Металлографические анализы серии таких предметов с городищ Барсов городок I/31-32, Шеркалы I и Погребенное

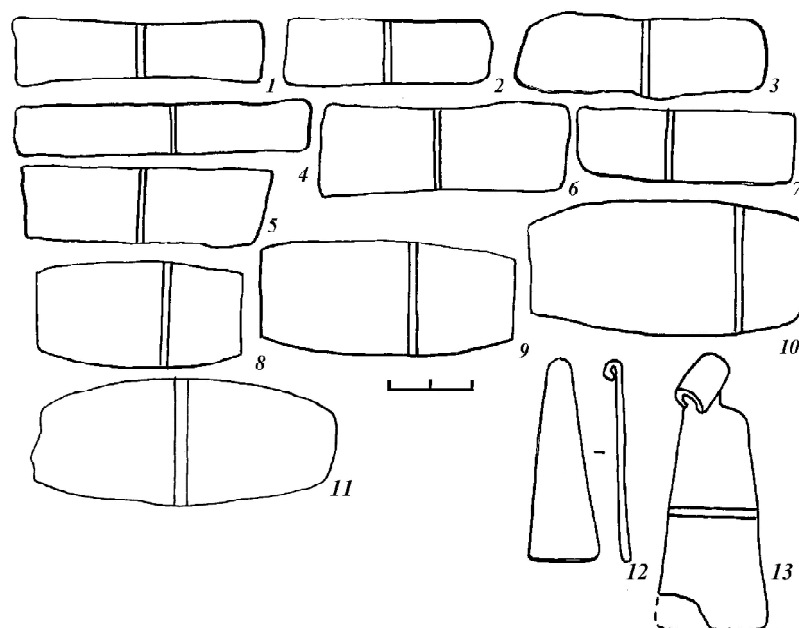

Рис.59 Стальные кресала. 1-7 - тип АІ.4.1, 8-11 - тип АІ.4.2, 12-13 - группа АІ.3. 1-7 – Плесинский могильник, 8 – Кудымкарское городище, 9 – Искор, 10 – Кудымкарский могильник, 11 – Троицкое городище, 12-13 – Рождественское городище.

І показали, что они изготовлены из высокоуглеродистой стали, часто обработка завершалась в холодной воде [Зыков, Пархимович, 1988, с.157-158, рис.2], и, по мнению исследователей, эти бруски, возможно, заменяли кремни в кресальном наборе, так как на территории Западно-Сибирской низменности нет выходов кремнистых пород. Такие бруски были найдены и при раскопках города Эмдера конца XI-XVI вв. На Плесинском могильнике в п. № 28 такая пластина встречена в комплексе с кресалом и трубицей для трута, и, возможно, также могла заменять кресальный кремень, что может быть объяснено только тем, что могильник оставлен каким-то пришлым, хотя и родственным населением, которое продолжало использовать стальные пластины вместо кремня в силу соблюдения устоявшихся традиций, поскольку дефицита кремня в Пермском Предуралье не наблюдается. Однако в большинстве случаев на Плесинском и на Важгортском могильниках такие пластины не сопровождалась кресалами, на Важгортском могильнике эта пластина найдена вместе с четырьмя кресальными кремнями и, несомненно, выступала в качестве кресала.

Поскольку на Плесинском могильнике стальные пластины составляют единый комплекс с кресалами типа АІ.2.1, датирующимися VII-IX вв., они имеют аналогичную датировку, которая согласуется и с материалами п. № 13 Важгортского могильника.

Тип АІ.4.2 (рис.59/8-11, 4 экз.) – в виде овальной пластины, срезанной по бокам. Встречены на Искоре (раскопки В.А.Оборина), Троицком (раскопки П.А.-Корчагина, инв. № 3/60), Кудымкарском (раскопки В.П.Бочкаревой) городищах, Кудымкарском могильнике - с монетой Ивана IV [Оборин, 1977, с.166, рис.1/5].

Такие кресала известны в Удмуртии на Ореховском могильнике с монетами Ивана III и Василия III [Шутова, 1992, с.39, рис.48/1], и в могильниках XVII

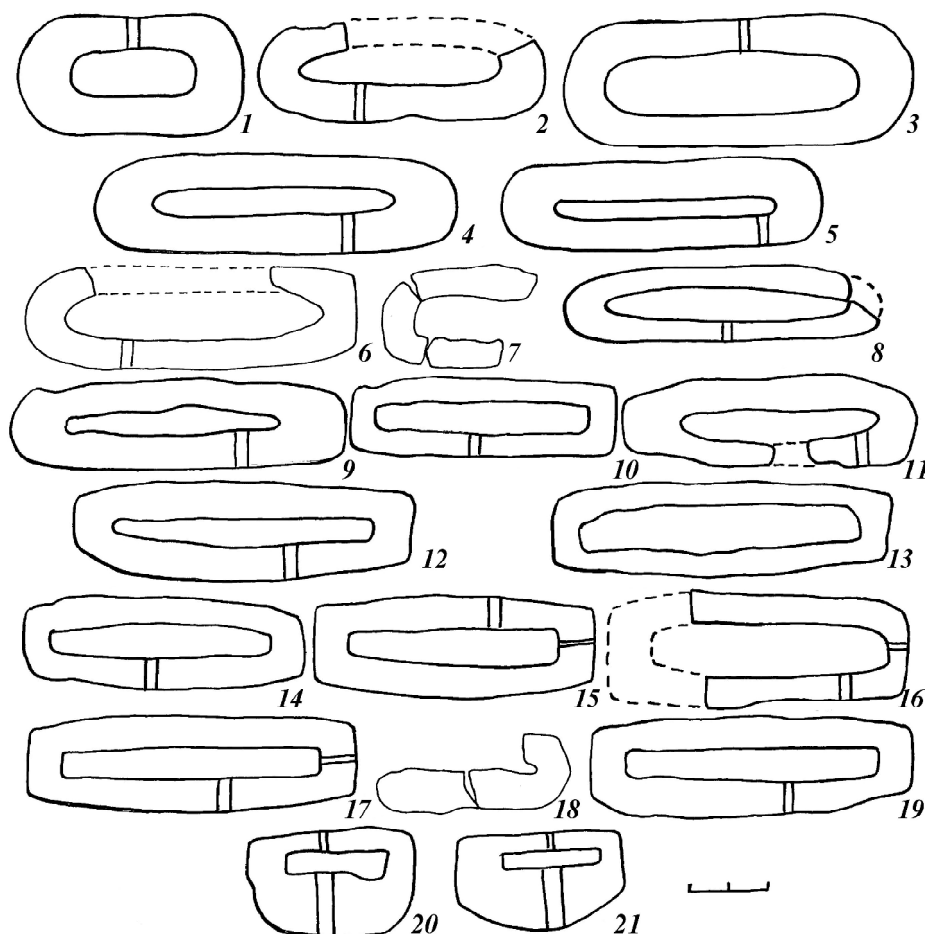

Рис.60 Стальные кресала, группа А.П.1. 1 - тип А.П.1.1, 2-19 - тип А.П.1.2, 20-21 - группа А.П.3. 1 – Рождественское городище, 2, 9, 11-12 – могильник Телячий Брод, 3 – п. № 98 Рождественского могильника, 4 – п. № 89, 5, 19 – п. № 39 могильника Телячий Брод, 6-7, 18 - могильник Степаново Плотбище, 8 – Троицкое городище, 10, 21 – Анюшкар, 13 – Терикановский могильник, 14 – п. № 22 Аверинского II могильника, 15 – п. № 140, 16 – м/м, 17 – п. № 127 Антыбарского могильника, 20 – п. № 235, 329, 335, 386, 392, 399 Аверинского II могильника.

в. [Шапран, 1984, с.94, 106, табл.6/3; Шутова, 1992, с.39]; на территории Западной Сибири в Лозьвинском городке к. XVI в. [Пархимович, 1982, рис.12/1,3], городке Эмдер XI-XVII вв., среди остатков погибшей промысловой экспедиции XVII в. на Таймыре [Исторический памятник..., 1951, с.189, табл.X/12; XI/8], могильника Окунево 4, датирующегося концом XVI - серединой XVII вв. [Могильников, 1997, с.54, рис.4/14], п.№ 320 второй половины XV-XVI вв. и п. № 30 XIX в. могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, с.97, 277, рис.21/4], могильника Погребенное 9 XVIII-XIX вв. [Очерки истории Коды, 1995, с.137].

Таким образом, данный тип кресал может датироваться XV – началом XIX вв.

Отдел А.П – двулезвийные

Группа А.П.1 – прямоугольные. Кресала имеют прямоугольную или овально-подпрямоугольную форму. В центре – подпрямоугольный вырез.

Тип А.П.1.1 (рис.60/1, 1 экз.) - овально-подпрямоугольное короткое. К это-

му типу относится кресало длиной 6 шириной 3 см, найденное на Рождественском городище (раскопки А.М.Белавина).

Кресала этого типа соответствуют по классификации Евгалевского А.В. - Потемкиной Т.М. типу 4, варианту 2. Подобные кресала распространены в разных районах Руси, на Каме и Волге [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.189]. У поздних кочевников Восточной Европы такие кресала бытовали со второй половины XIII по XIV в. [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.200, рис.6].

Тип А.П.1.2 (рис.60/2-19, 17 экз.) - овально-подпрямоугольные длинные. К этому типу относятся кресала длиной до 8-10 см. Встречены в п. № 98 Рождественского могильника, в п. № 39 (2 экз.), 89, межмогильном пространстве (4 экз.) могильника Телячий Брод, на могильнике Степаново Плотбище (3 экз.), Троицком городище, Анюшкар, Терикановском могильнике, п. № 22 Аверинского II могильника, п. № 127, 140 и межмогильном пространстве Антыбарского могильника.

Кресала этого типа соответствуют по классификации Б.А.Колчина типу 5, Э.А.Савельевой типу 4, Г.А.Федорова-Давыдова типу А-I, Евгалевского А.В. - Потемкиной Т.М. типу 4, варианту 1. Они имеют многочисленные аналогии в Белоруссии, среди древнерусских памятников Северной и Южной Руси, у балтов, карелов, в вымской культуре.

Датируются кресала *группы А.П.1* с XII по XIV вв., а период их наибольшего распространения – XIII-XIV вв. [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.188-189, с.200, рис.6]. Наиболее ранние прямоугольные кресала обнаружены в катакомбе 145 VIII – начала X в. Дмитриевского археологического комплекса салтовомаяцкой культуры [Плетнева, 1989, с.93, рис.45], и в Каргаполье в комплексе с вещами конца X – начала XII вв. [Макаров, 1982, с.85, рис.3/13], на памятнике связанном, по мнению Н.А.Макарова, с финскими племенами, у которых прямоугольные кресала появились в период, предшествующий эпохе викингов.

Группа А.П.2 - овальные. Лезвия кресал дугообразно изогнуты, прорезь в центре овальная. Длина достигает 8-11 см.

Тип А.П.2.1 (рис.61/1-2, 2 экз.) – кресала имеют листовидную форму, боковые концы заостренные. Кресала с Рождественского (раскопки А.М.Белавина) и Анюшкар (раскопки В.А.Оборина) городищ. Возможно, это незавершенные заготовки кресал, у которых не обрублены заостренные боковые концы, как у кресал следующего типа.

Тип А.П.2.2 (рис.61/3-13) – боковые концы кресал усечены. По характеру внутренних прорезей выделяются подтипы

Подтип А.П.2.2.1 – (рис.61/3-5, 7, 4 экз.) – простая прорезь. Происходят с городища Анюшкар (раскопки В.А.Оборина) и могильника Телячий Брод (раскопки А.М.Белавина).

Подтип А.П.2.2.2 – (рис.61/6,8-12, 5 экз.) – по краям центральной прорези - круглые отверстия.

Вариант а – (рис.61/6) – круглое отверстие с одной стороны. Кресало с могильника телячий Брод (раскопки А.М.Белавина).

Вариант б – (рис.61/8-12) – с двумя круглыми отверстиями по бокам основной прорези. Происходят с городищ Городищенского, Рождественского (раскопки А.М.Белавина), Анюшкар, Искор (раскопки В.А.Оборина), могильника Телячий Брод (раскопки А.М.Белавина).

Подтип А.П.2.2.3 – (рис.61/13-14, 2 экз.) – кроме боковых круглых отвер-

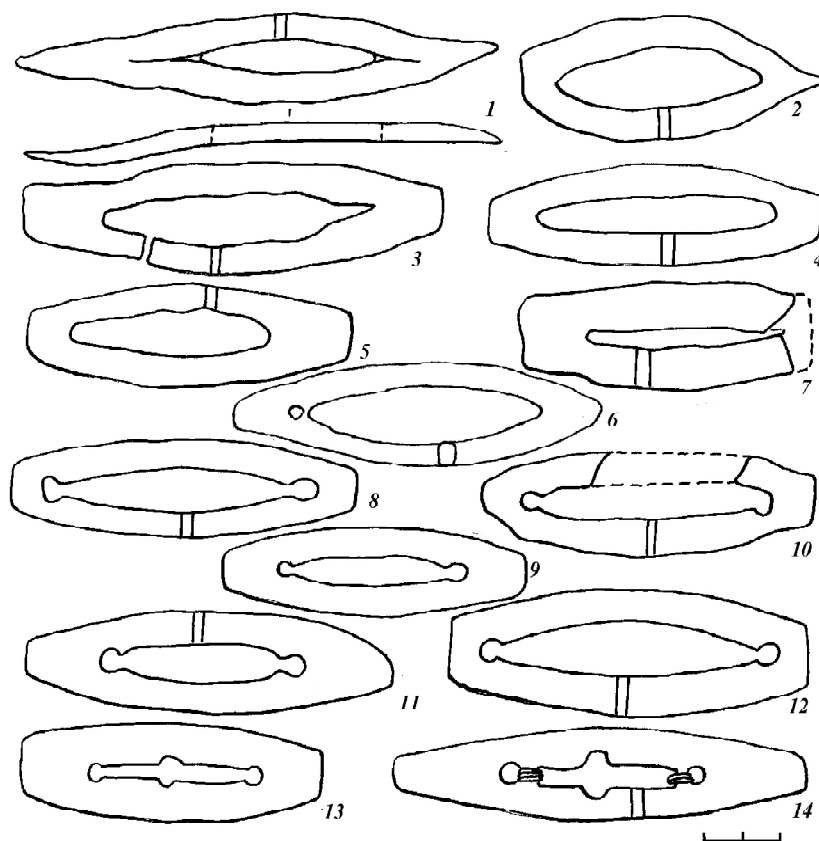

Рис.61 Стальные кресала, группа А.ІІ.2. 1-2 - тип А.ІІ.2.1, 3-13 - тип А.ІІ.2.2. 1, 11 – Рождественское городище, 2-3, 10, 13 – Анюшкар, 4-7, 12 – могильник Телячий Брод, 8 – Городищенское городище, 9 – Искор, 14 – Пермская губерния.

стей центральная прорезь посередине пересекается овальным отверстием. Кресала из Анюшкар (раскопки В.А.Оборина), Пермской губернии (КТ, ПОКМ, инв. № 19187/26).

По типологии Б.А.Колчина кресала данной группы относятся к типу 2 (овально-заостренные), по классификации Г.А.Федорова-Давыдова к типу А-ІІІ, по Э.А.Савельевой к типу 2, вариантам 1-А и 1-Б, по Евгалевскому А.В. - Потемкиной Т.М. к типу 3, варианту 2. Они были распространены практически по всей Северной и Восточной Европе [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.187].

В Кичилькоском могильнике Перми Вычегодской подобные кресала датируются X-XI вв. [Савельева, 1971, табл.22/9]. Широкое распространение они получили в XII-XIII, а наиболее позднее относятся к XVI в. У поздних кочевников Восточной Европы они встречаются со второй половины XIII по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.188, с.200, рис.6].

Группа А.ІІ.3 (рис.60/20-21, 7 экз.) - в виде полуовала с узкой прямоугольной прорезью. Размеры 5 x 4 см. С прямой стороны лезвие узкое и более тонкое, с противоположной стороны - дугообразное, толстое (до 0,5 см). Такие кресала известны, преимущественно, по раскопкам на Аверинском II могильнике XII-XIII вв. [Голдина, Кананин, 1989, рис.57/25], одно подобное кресало встречено на городище Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц). Аналогий не обнаружено.

Класс В – биметаллические кресала.

Распространенные в IX – первой половине XI вв. стальные кресала с бронзовой рукоятью представляют собой яркий феномен финно-угорской культуры. Рабочая часть этих кресал постепенно переходит по вертикали в бронзовые фигуры животных и птиц. Причем, скульптурные фигурки не были просто декоративным дополнением изделия. Скорее наоборот, кресало с его функциональностью подчинялось пластическому образу анималистического характера. Такого рода древние предметы, сделанные в виде животного или его части, характеризуются исследователями, как изделия повышенной функциональности. Кроме выполнения утилитарного и эстетического назначения, они считались, согласно представлениям первобытного анимизма, живыми помощниками и покровителями их владельцев, т.е. вместе с утилитарной и эстетической выполняли оберегательно-магическую функцию [Косменко, 1984, с. 21-23]. В ходе работы II Северного конгресса (2006 г.) А.П.Зыков отметил, что проведенные им исследования биметаллических кресал показали, что в процессе их

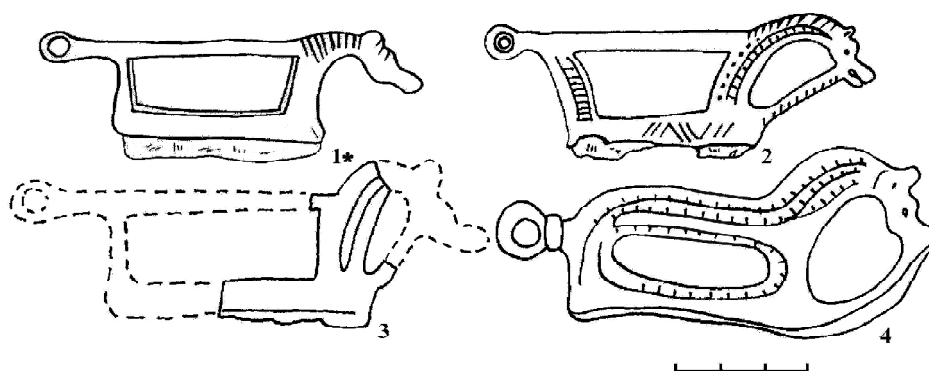

Рис. 62 Биметаллические кресала, подгруппа VI.1.1, тип 1. 1 - Кочевская волость Пермской губернии, 2 - п. № 134 Поломского I, 3 - п. № 56 Варнинского, 4 - п. № 778 Танкеевского могильников. «Звездочкой» * обозначены находки из Пермского Предуралья

изготовления готовая стальная пластина помещалась в форму для отливки бронзовой рукояти, и отливка совершалась «поверх» стали. В ходе этой операции значительная часть углерода из стали выгорала, в результате кресало становилось непригодным для практического использования. Т.о., получается, что в данном случае предполагавшаяся практическая функциональность отодвигается на последний план, а основной становится функция предмета как амулета. Это объясняет тот, казавшийся странным факт, что во многих погребениях с биметаллическими кресалами одновременно имелись и обычные стальные кресала (как правило, типичные для того времени калачевидные).

По данным Л.А.Голубевой, на территории СССР в 60-е гг. XX в. насчитывалось более 80 кресал с бронзовой рукоятью [Голубева, 1964, с.118], в статье Л.А.Голубевой и А.Б.Варенова 1993 г. упоминается уже 193 кресала (из них 35 найдены на Западе – в Швеции, Финляндии, Норвегии, Германии) [Голубева, Варенов, 1993, с.94]. На сегодняшний день по публикациям и музейным коллекциям удалось собрать сведения о 227 кресалах с территории России (из них 95 экз. (42 %) найдено в Пермском Предуралье), и 41 экз. из Западной Европы.

При разработке классификации биметаллических кресал за основу взята классификация, предложенная Л.А.Голубевой, которая построена на особенностях оформления рукояти. Чтобы определить, какие типы являются харак-

терными для Пермского Предуралья, и выяснить вопрос о месте производства биметаллических кресал, классификация составлена для всех известных на настоящий момент экземпляров этих предметов.

Отдел VI – кресала с зооморфными бронзовыми рукоятями. Рукояти кресал представляют собой литую ажурную, реже сплошную, пластину. Большинство рукоятей отлиты в формах по восковой модели, изображения, выполненные в низком рельефе, одинаково повторяются с обеих сторон пластины. Рукояти, отлитые в жестких формах, обычно не орнаментированные, в значительной степени стилизованные. Стальная пластина чаще всего припаивается к основанию рукояти, реже в основании имеется узкий паз для вставки рабочей части кресала.

Группа VI.1 – с изображением одного животного. Характерная особенность кресал данной группы - отсутствие, за редким исключением, петли для подвешивания.

Подгруппа VI.1.1 – животное в полный рост в профиль, смотрящее вперед.

Тип VI.1.1.1 (рис.62, 5 экз.). Рукоять в виде трапециевидной рамки схематически передает статичную фигуру коня. На территории Пермского Предуралья кресало данного типа встречено в одном экземпляре.

Подтип VI.1.1.1.1 – туловище коня представлено в виде круглого в сечении гладкого стержня, на одном конце которого – реалистичная конская голова с торчащими ушами и гривой, обозначенной насечками, противоположный конец переходит в округлую петлю. Условно переданные «ноги» коня стоят на прямоугольной раме.

Вариант а (рис.62/1) – голова животного не соединена с основанием. Кресало из Кочевской волости Пермской губернии (ПОКМ № 11405/35) [Голубева, 1964, с.120, рис.2/2].

Вариант б (рис.62/2-3) – голова животного соединена с основанием тонким стержнем округлого сечения: п.№ 134 Поломского I [Голубева 1964, с.120, рис.2/1; Иванов 1998, рис.58/2]; п.№ 56 Варнинского могильников [Семенов 1980, табл. XXVII/18]; п.262 Крюково-Кужновского могильника мордвы [Голубева, Варенов, 1993, с.95].

Подтип VI.1.1.1.2 (рис.62/4) - с более реалистичной фигурой коня, на уплощенном туловище пластичных очертаний – орнаментальные полосы. Голова животного соединена с основанием стержнем. Из п.№ 778 Танкеевского могильника [Казаков, 1992, с.142-143, рис.53/6].

Тип VI.1.1.2 (рис.63/1-13, 14 экз.) - по мнению Л.А.Голубевой, на рукоятях данного типа изображен крылатый конь с полусогнутыми передними ногами [Голубева, 1964, с.120] или грифон [Голубева, Варенов, 1993, с.96]. Однако более представительная коллекция предметов, имеющаяся на сегодняшний день, позволяет иначе интерпретировать образ, воспроизведенный на кресалах данного типа. Это явно фантастический образ, комбинирующий в себе черты, присущие разным представителям фауны. В целом он может быть определен как дракон – фантастическое существо, представляющееся в виде сочетания элементов разных животных [Мифы..., 1980, с.394]. В зависимости от того, какие животные входят в комбинированный образ, различается множество разновидностей драконоподобных существ.

Общие характерные особенности типа: животное изображено лежащим или

припавшим на лапы перед прыжком; морда короткая, с широким носом, смотрит вперед или опущена к основанию рукояти; лапы широкие, когтистые, хвост длинный, опущенный плавной дугой на основание рукояти.

Подтип ВІ.1.1.2.1 (рис.63/1-6, 7 экз.) - рукояти кресал изображают крылатое существо. Небольшие крылья с перьями, обозначенными насечками, сложены на спине. В задней части туловища - схематичное изображение двух завитков.

Вариант а (рис.63/1) – фигура существа тщательно проработана, богато орнаментирована. Голова с тупым носом, оскаленной пастью, раздутыми ноздрями, небольшим круглым глазом, покоится на передних лапах. Задние лапы не обозначены. На голове – длинный хохолок, закрученный завитком. Шея длинная, грациозная, плавно изогнутая, орнаментированная имитацией зерни. Крыло загнуто вперед завитком. Длинный, сужающийся на конце хвост, орнаментированный продолговатыми выпуклинами, закинут на спину. Туловище орнаментировано вытянутыми по диагонали выпуклыми полосками. Кресало из п.№ 12 Веселовского могильника на Ветлуге [Халиков, Безухова, 1960, с.44-48, рис.39/6; Архипов, 1973, рис.70/10]. В подписях к иллюстрациям части первой тома «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» из серии «Археология СССР», ошибочно указано, что данное кресало происходит из п.№ 55 Дубовского могильника [Финно-угры..., 1987, с.244, табл.LIV/9].

Вариант б (рис.63/2-6) – фигуры более стилизованы. Голова животного с коротким широким носом, с небольшими торчащими округлыми ушами, с глазами в виде концентрических кружков, смотрит вперед. Приоткрытая пасть соединена стержнем с основанием кресала. Шея короткая, толстая. Крылья прямые. Хвост раздвоенный, один его конец закинут на спину, другой опущен к основанию кресала. Передние лапы вытянуты вперед, задние поджаты. На кресале из п.№ 4 Юмского могильника отчетливо обозначены когти на передних лапах.

На территории Пермского Предуралья встречено два кресала данного варианта, первое - из коллекции Зеликмана, собранной в Пермской губернии [Голубева, 1964, с.120, рис.2/4] (в настоящее время хранится в ПОКМ), второе - обломок кресала, найденный местными жителями на могильнике Степаново Плотбище. Два кресала происходят из Омутницкого могильника в Удмуртии [Семенов, 1985, рис.10/2; Иванов, 1998, рис.58/6; Иванова, Куликов, 2000, рис.159], одно – из п.№ 4 Юмского могильника в Марийском Поволжье [Архипов, 1973, рис.70/11], одно – из Приобья [Голубева, Варенов, 1993, с.97].

Образ крылатого существа, представленный на кресалах данного подтипа, несомненно, заимствован из иранского искусства, в частности, он мог быть перенесен с сасанидской серебряной посуды, в больших количествах поступавшей на Урал в обмен на пушнину. В большей степени эти изображения находят аналогии в полиморфном образе крылатого коня-змея гиппокампа с головой и передними ногами лошади, с крыльями и закрученным змеиным хвостом. Изображения подобного существа известны на серебряном подносе VII-VIII вв. из Пермской губернии [Даркевич, 1976, с.11, рис.1/1], на поясной бляшке из Больше-Тиганского могильника [Финно-угры..., 1987, табл.СІІІ/12]. Длинный змеиный хвост этой разновидности дракона извивается, образуя две петли, конец его закинут на спину. На кресалах с крылатым существом два круга

или спирали на задней части туловища, несомненно, изображают завитки змеиного хвоста. В целом положение фигуры с вытянутыми вперед ногами, головой на изогнутой шее, во многом аналогичны образу гиппокампа. Однако это существо обладало только двумя передними ногами с копытами. Две ноги наблюдаются на кресале из п.№ 12 Веселовского могильника, у остальных существ имеются как передние, так и задние конечности, в одном случае на передних явно обозначены когти, и, кроме того, морды животных отнюдь не напо-

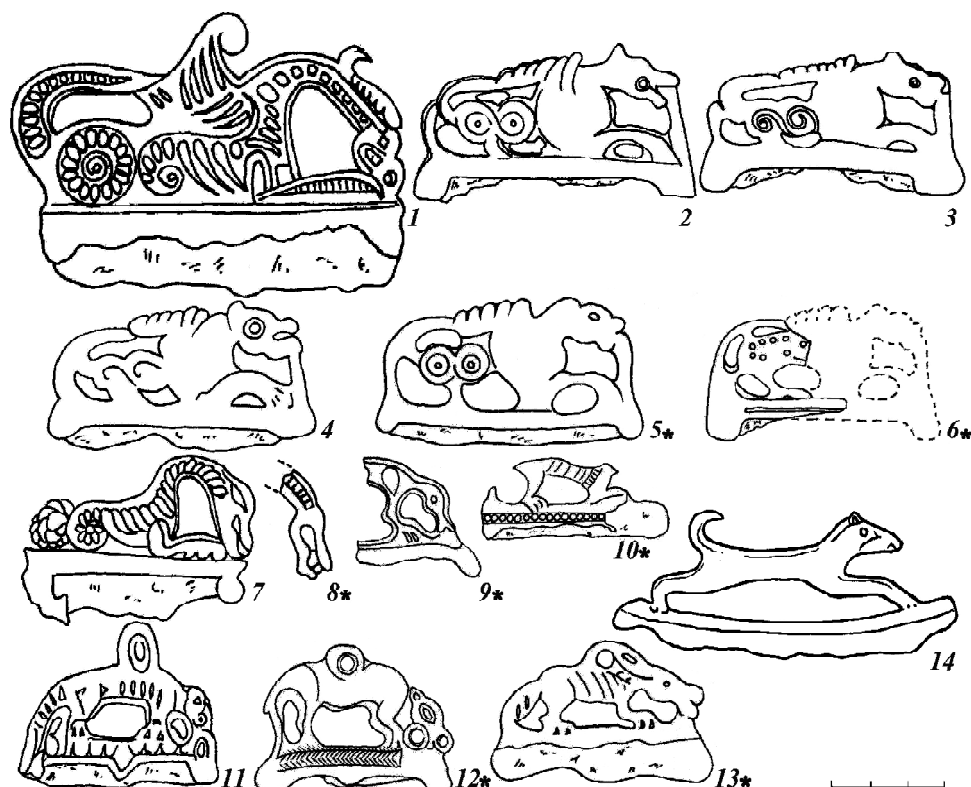

Рис. 63 Биметаллические кресала, подгруппа VI.1.1. 1-13 - тип VI.1.1.2, 14 – тип VI.1.1.3. 1 - п.№ 12 Веселовского, 2-3 - Омутницкий, 4 - п.№ 4 Юмского могильников, 5 - коллекция Зеликмана, 6 - могильник Степаново Плотбище, 7 - п.№ 51 Дубовского, 8 - п.№ 25 Рождественского могильников, 9-10 - с.Рождественск (коллекция Теплоуховых), 11 - святилище Болванский Нос I, 12 – Пермская губерния; 13 - Рождественский могильник; 14 - Тиверск.

минают лошадиные. А.Х.Халиков усматривал в крылатом звере веселовского огнива грифона, но, как отмечает Л.А.Голубева, никаких признаков как львиного, так и орлиноголового грифонов здесь нет [Голубева, 1964, с.121]. Головы зверей кресал второго варианта с короткой тупой мордой, небольшими ушками, посаженные на короткую толстую шею, короткие крылья, вытянутые вперед когтистые передние лапы находят много общего в изображениях Сенмуров – крылатых псов на иранской серебряной посуде [Даркевич, 1976, с.63, рис.4]. Причем зачастую Сенмурвы изображаются без задних лап и хвоста, а на задней части туловища зверя с блюда из Британского музея изображено два крупных завитка [Даркевич, 1976, рис.4/3], которые могли послужить прототипом для схожей детали в оформлении образов на кресалах.

Подтип VI.1.1.2.2 (рис.63/7-13, 7 экз.) (по Голубевой группа I тип 5) - рукояти кресал изображают припавшее на передние лапы бескрылое фантастическое животное, в котором комбинируются отдельные части разных животных.

Вариант а (рис.63/7-9) – на кресале изображен лежащий зверь с безухой головой, опущенной на вытянутые вперед когтистые передние лапы, с длинной грациозно изогнутой тонкой шеей. На единственном целом кресале данного варианта из п.№ 51 Дубовского могильника [Финно-угры... 1987, табл.LIV/6] туловище завершается изогнутым в две петли змеиным хвостом. Шея, туловище и хвост покрыты диагональными выпуклыми валиками. По внешнему виду зверь во многом напоминает существо с кресала из п.№ 12 Веселовского могильника, только у него отсутствуют крылья и хохолок. К этому же варианту могут быть отнесены два фрагмента кресал с Рождественского могильника в Пермском Предуралье: с сохранившейся головой и частью шеи из п. № 25 (раскопки Н.Б.Крыласовой), и с сохранившейся передней частью туловища (КТ, ПОКМ) [Спицин, 1902, табл. XXXIX/7]. Последний фрагмент выделен Голубевой в отдельный тип (I группа тип 6), как огниво с неясным изображением зверя, голова которого напоминает голову клюющей птицы (Н.Клеве это огниво выделил в особый тип «е») [Голубева, 1964, с.123]. Эти фрагменты с предыдущим кресалом объединяет относительно длинная изящная шея зверей и отсутствие ушей.

Вариант б (рис.63/10-13) – туловища животных, судя по пропорциям и оформлению лап с выделенными тремя когтями, принадлежат волку или хищнику из семейства кошачьих. На туловище косыми насечками обозначена шкура. У шеи в двух случаях изображен пояс с насечками, в одном случае – схематическое изображение стрелки или летящей птицы, напоминающее один из видов тамги, распространенной на территории Прикамья. Животное имеет длинный пушистый хвост. Морда на целых изделиях, судя по аналогиям в зооморфных изображениях, схожа с медведем. В двух случаях животные имеют маленькие округлые, как у медведя, ушки, в одном случае форма ушей схожа с изображением ушей лося на предметах пермского звериного стиля. Два кресала данного варианта происходят из Рождественского археологического комплекса в Пермском крае (КТ, ПОКМ) [Крыласова, 2003, с.87, рис.3/11], одно из собрания кн.Абамелек-Лазарева из Пермской губернии [Прошлое Урала... 1993, № 235, раздел III, фото 1], одно - со святилища Болванский Нос I на острове Войгач [Хлобыстин, 1992, рис.1/13].

Таким образом, мы видим в данных образах объединение черт разных животных - медведя, волка или кошачьего хищника, лося или зайца. Л.А.Голубева, рассматривая фрагмент такой рукояти из Рождественских материалов, собранных в коллекции Теплоуховых, относил это животное к зайцу, ссылаясь на аналогии с пластинкой, изображающей зайца, из могильника у с. Новоникольского (Голая сопка) на Иртыше, и с изображением фигуры зайца на пряжке из Тобольского музея [Голубева, 1964, с.122-123]. Однако наличие длинного пушистого хвоста и слишком короткие лапы не присущи этому животному.

Тип VI.1.1.3 (рис.63/14, 1 экз.) – на рукояти кресала изображена бегущая собака с характерным хвостом, закрученным в колечко. Кресало найдено при раскопках Тиверского городка в Карелии [Голубева, Варенов, 1993, с.97, рис.3/6].

Подгруппа VI.1.2 – животное, обернувшееся назад, и кусающее свой хвост. Представляется довольно любопытным, что на рукоятях кресал данной подгруппы изображены животные, не свойственные Пермскому Предуралью, заимствованные с изображений на привозных предметах. Своеобразной является и поза животных, хорошо известная в скифском декоративном искусстве, но не имеющая аналогий в период средневековья. Как отмечает Ю.Д.Полудович, в скифских изображениях такого рода голова и хвост животного уравнивались друг друга с точки зрения композиции, а в тех случаях, когда голова и хвост соприкасались, (как на бронзовых рукоятях средневековых кресал), возможно, выражалась та же идея соединения начала и конца, которая довольно четко представлена в мотиве свернувшегося хищника [Полудович, 2002, с.201].

Тип VI.1.2.1 (рис.64/1-8, 8 экз.) - рукоять огнива изображает фигуру рогатого животного (горного козла ?), обернувшегося назад.

Подтип VI.1.2.1.1 (рис.64/1-5,7) – животные изображены в статичной позе, с запрокинутой на спину головой с округлым носом, миндалевидными глазами, от затылка к передним ногам плавной дугой спускается массивный длинный рог, в большинстве случаев витой. Туловище покрыто горизонтальными выпуклыми валиками – гладкими и с насечками, плавными дугами обозначены мышцы ног. На шее изображено ожерелье в виде полосы с имитацией зерни. Животное двуххвостое (?), один хвост S-образной формы закинут на спину, его конец находится в пасти животного, второй хвост опущен вниз. Таким образом, сзади образуются две округлые петли.

Вариант а (рис.64/1-5) – приоткрытая пасть обозначена овальным или округлым отверстием. На ногах на одном из кресал из Мало-Аниковского могильника наблюдается по три пальца. Кресала данного варианта происходят из Пермского Предуралья: Мало-Аниковского (2 экз.) [Смирнов 1952, табл. LI/2; Спицин 1915, рис.24], Харинского могильника [Спицин 1902, табл. XVIII/2], Кудымкарского селища [ДТ, с.555]; и из ПРиобья: Сайгатинский могильник (Ханты-Мансийский музей).

Вариант б (рис.64/7) – пасть животного закрыта, обозначены ноздри, небольшие острые ушки. На ногах явно наблюдается три пальца. Основание кресала орнаментировано косыми насечками. Кресало с городища Дондыкар [Смирнов, 1928, табл.19; Иванов, 1998, рис.58/3; Иванова, Куликов, 2000, рис.161], из слоя, датированного шестью дирхемами X в. [Смирнов, 1928].

Подтип VI.1.2.1.2 (рис.64/6) - отличительной особенностью изображенной фигуры, в отличие от предыдущего подтипа, является украшение туловища орнаментом в виде елочки, меньшие размеры рога, отсутствие двух хвостов, отсутствие «ожерелья». Приоткрытый рот передан округлым отверстием, обозначены ноздри, небольшие острые ушки, на ногах наблюдается по три пальца. Кресало из Сайгатинского VI могильника, датируется X-XI вв. [Угорское наследие, 1994, № 105, с.138].

Подтип VI.1.2.1.3 (рис.64/8) – фигура животного более динамичная, оно изображено шагающим, отчетливо видны все четыре ноги с парными копытцами. Хвост двойной, но меньших размеров, чем в подтипе VI.1.2.1.1. Витой рог расположен не сбоку в профильном изображении, как на всех остальных кресалах данного типа, а за спиной, и виден у передних ног, на голове имеются две тонкие петли, возможно, также изображения рогов. Обозначены ноздри, неболь-

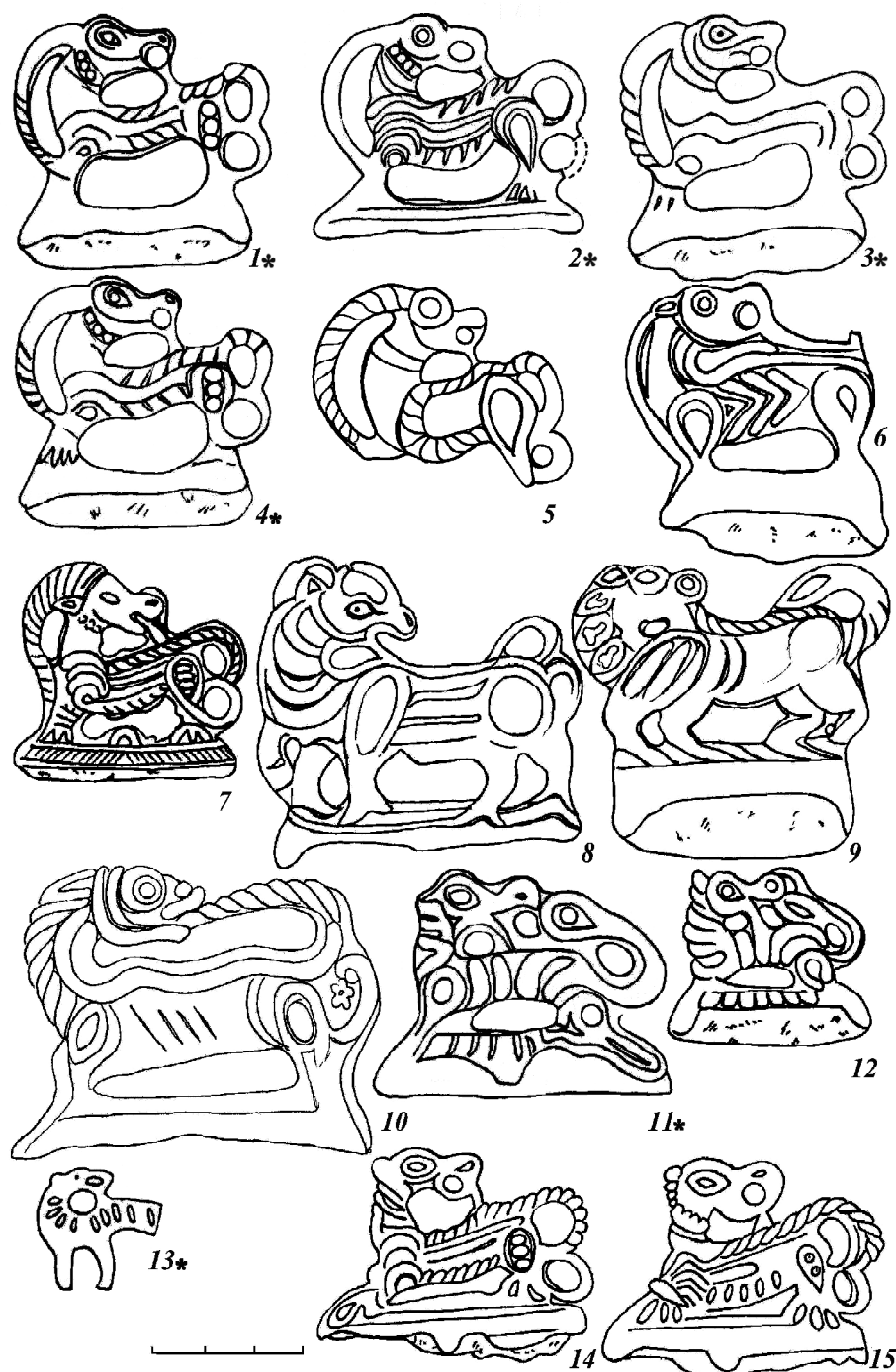

Рис.64 Биметаллические кресала, подгруппа VI.1.2. 1-8 – тип VI.1.2.1, 9-15 – тип VI.1.2.2. 1 – д.Харина, 2,4,11 – Мало-Аниковский могильник, 3 – Кудымкарское селище, 5 – Сайгатинский могильник; 6 - Сайгатинский VI могильник, 7 – городище Дондыкар, 8 - п.97, 9 – п.111 Сайгатинского VI могильника, 10 – п.69 могильника Барсова гора, 12 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 13 – Рождественский могильник, 14 – п.55 Дубовского, 15 – п.5 Кочергинского могильников.

шие острые ушки. Туловище покрыто горизонтальными гладкими выпуклыми валиками, шея – дугообразными валиками, на шее, как и в подтипе VI.1.2.1.1 – ожерелье. Обозначены мышцы ног. Кресало из п.№ 97 Сайгатинского VI мо-

гильника, которое датируется концом IX-X вв. [Карачаров, 2004, с.412, рис.42].

Тип VI.1.2.2 (рис.64/9-15, 7 экз.) – рукоять изображает кошачьего хищника, обернувшегося назад, и кусающего собственный хвост.

Подтип VI.1.2.2.1 (рис.64/10) – туловище зверя гладкое, дугообразными валиками обрисованы очертания мышц ног, контуры головы также очерчены валиками, расположенными под большими миндалевидными глазами. По бокам головы небольшие округло-подтреугольные уши. На шее диагональными валиками обозначена грива. Хвост, также покрытый диагональными валиками, поднят вверх над спиной, конец его находится в пасти зверя. Кресало из п.№ 69 могильника Барсов Городок, которое датируется концом IX в. [Арне, 1935, рис.136].

Подтип VI.1.2.2.2 (рис.64/11-13) – туловище животного покрыто вертикальными дугообразными выпуклыми валиками, на шее подобными валиками обозначена грива. На голове с приоткрытой пастью, большими миндалевидными глазами, раздутыми ноздрями, небольшие торчащие ушки. Гладкий хвост, завернутый петлей и закинутый на спину, завершается массивной каплевидной кисточкой, которая упирается в нос животного. В Пермском Предуралье кресала данного подтипа встречены в Мало-Аниковском [Спицин, 1915, рис.23], и Рождественском (КТ, ПОКМ) могильниках. Еще одно такое кресало происходит из Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [Мурыгин, 1992, рис.11/8].

Подтип VI.1.2.2.3 (рис.64/14-15) – туловище животного покрыто горизонтальными выпуклыми валиками, гладкими и с насечками. Мышцы передних ног обозначены дугообразными валиками, на мышцах задних ног – овальное вдавление с рядом полушарных выпуклостей. На голове с большими миндалевидными глазами, раздутыми ноздрями, приоткрытой пастью, обозначенной овальным отверстием, небольшие торчащие ушки, на затылке изображение гривы. На шее – ожерелье. На лапах наблюдается изображение трех пальцев. Хвост двойной, как у большинства кресал предыдущего типа. Один, покрытый диагональными валиками, закинут на спину, конец его находится в пасти животного. Другой хвост, гладкий, загнут петлей к задней лапе. Кресала из п.№ 55 Дубовского [Архипов, 1984, рис.23/3], п.№ 5 Кочергинского могильников Марийского Поволжья [Финно-угры..., 1987, табл.LIV/2].

Подтип VI.1.2.2.4 (рис.64/9) – животное изображено шагающим, отчего видны все четыре лапы. Туловище гладкое, мышцы выделены дугообразными валиками. Глаза и ноздри круглые, уши небольшие, приостренные. На шее каплевидными фигурами обозначена грива. Хвост с кисточкой на конце закинут на спину. Кресало из п.№ 111 Сайгатинского VI могильника, датирующегося концом IX-X вв. (раскопки К.Г.Карачарова).

Л.А.Голубева предполагала, что на кресалах данного типа помещен распространенный в зверином стиле раннего средневековья образ барса [Голубева, 1964, с.122; Голубева, Варенов, 1993, с.97]. Однако явно видимые детали на новых кресалах этой серии – хвост с кисточкой, грива, не оставляют сомнения в том, что это еще более характерный образ льва, который мог проникнуть на Урал с иранской серебряной посуды.

Поза животных, обернувшихся назад и кусающих собственный хвост, известна в скифском декоративно-прикладном искусстве. Но со скифского времени до к.IX – н.Х в, когда появляются такие кресала, прошло слишком много времени, пока остается загадкой откуда проник на Урал этот сюжет, судя по

представленным животным явно привнесенный. Любопытно, почему многие животные имеют два хвоста, почему козлы, если представить их без великолепного витого рога, так похожи на львов. Но все это вопросы для отдельного специального исследования.

Кресала группы VI.1 распространены на довольно ограниченной территории (рис.65) – в Пермском и Удмуртской Предуралье, в Приобье, Марийском Поволжье. Отдельные экземпляры встречены в Волжской Болгарии и на свя-

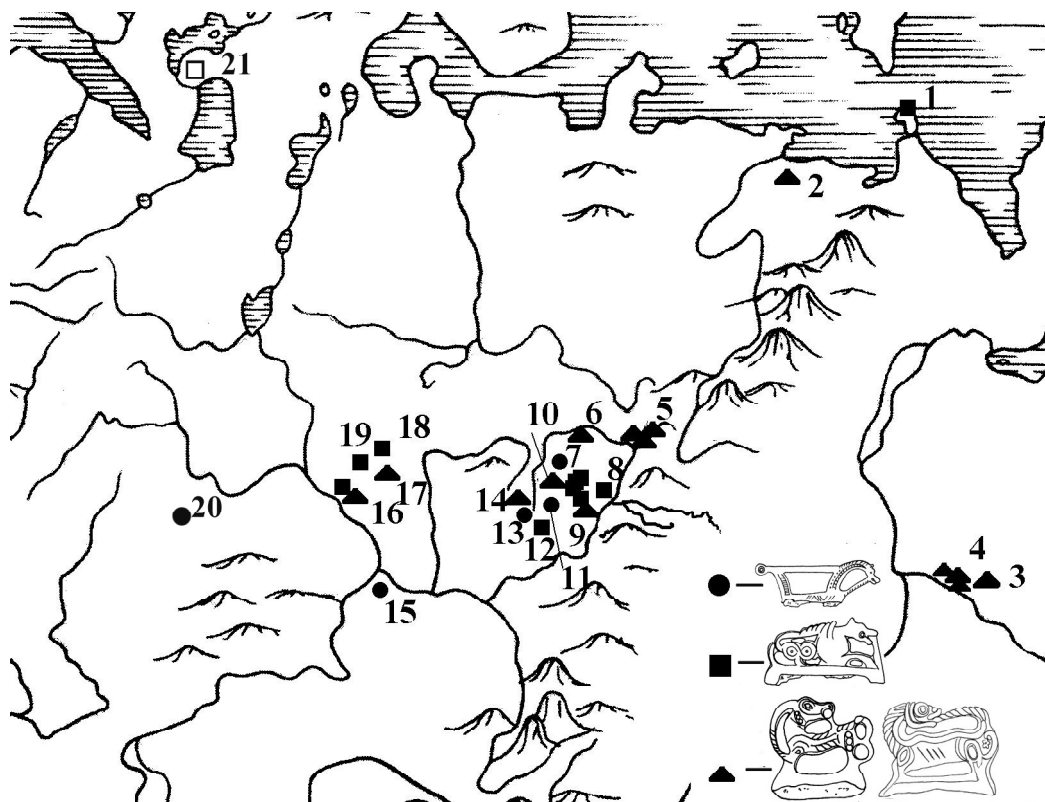

Рис.65 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал группы

VI.1: А – тип 1, Б – тип 2, В – типы 3-4. 1 – о.Войгач, 2 – Хэйбидя-Пэдары, 3 – Барсова гора, 4 – Сайгатинский VI могильник, 5 – Мало-Аниковский могильник, 6 – д.Харино, 7 – Кочево, 8 – могильник Степаново Плотбище, 9 – Рождественский могильник, 10 – Кудымкарское селище, 11 – Варнинский, 12 – Омутницкий, 13 – Поломский могильники, 14 – Дондыкар, 15 – Танкеевский, 16 – Дубовский, 17 – Кочергинский, 18 – Юмский, 19 – Веселовский могильники, 20 – Крюково-Кужновский могильник, 21 – Тиверск.

тилицах арктического побережья.

Группа VI.2 – с изображением пары животных по принципу зеркального отражения (по Клеве тип б).

Подгруппа VI.2.1 – животные повернуты головами друг к другу, соприкасаются пастями (сходящиеся фигуры).

Тип VI.2.1.1 (рис.66, 13 экз., типы 1-2 по Голубевой). Рукоять изображает двух животных в полный рост в каноническом изображении - на задних лапах, опирающихся на расположенное в центре треугольное основание (в трех экземплярах наблюдается отступление от данного композиционного решения). Между мордами животных - овальная петля для подвешивания кресала.

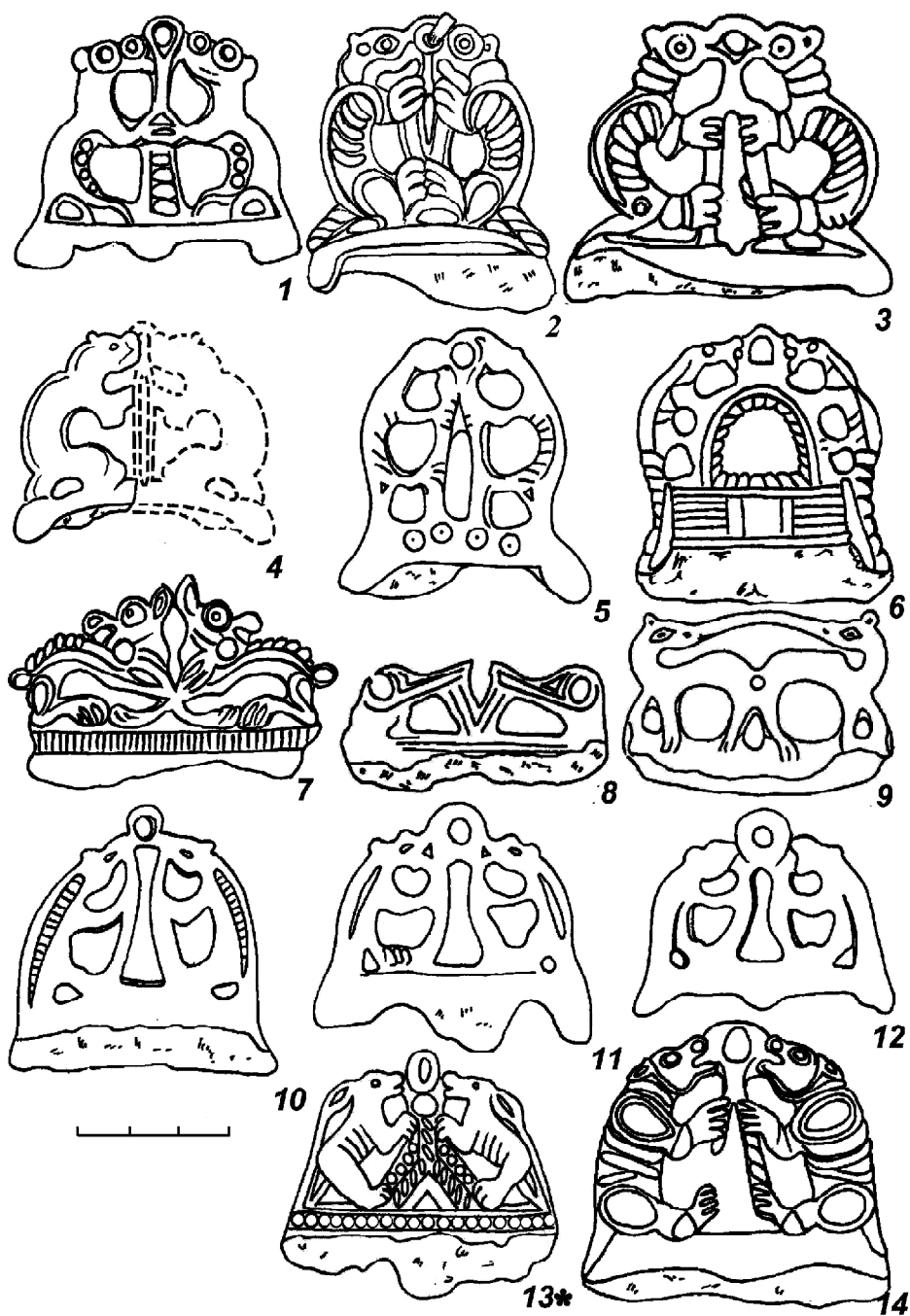

Рис.66 Биметаллические кресала, подгруппа VI.2.1, тип VI.2.1.1. 1 - Сайгатинское I святилище, 2 - п.№ 29 могильника Барсов городок, 3 -Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 4 - Болванский нос, 5 – поселение Пижда II, 6 – Сайгатинский III могильник, 7 - п.Шурышкалы, 8 - Суна VI, 9 - Кумашанская пещера, 10 - с.Валданица, 11 - курган № 2 у д.Чёлмужи, 12 - п.№ 1 кургана I у селения Подъяндебское, 13 - п.№ 102 Рождественского могильника, 14 – Сайгатинский I могильник.

Подтип VI.2.1.1.1 (рис.66/1-6) – фигурки по характерному изгибу спины, довольно изящному телу, длинному хвосту, относительно небольшой голове с округлыми торчащими ушками более всего напоминают пушных зверьков семейства куньих. В статье Л.А.Голубевой 1964 г. зверьки ошибочно были опре-

делены как медведи, но впоследствии эта ошибка была исправлена [Голубева, Варенов, 1993, с.99], отмечено, что это зверьки породы куньих, возможно, соболи.

Вариант а (рис.66/2-5) - глаза зверьков большие, в виде концентрических кружков. Контур спины очерчен выпуклым гладким валиком, туловище покрыто дугообразными валиками. Лапы «охватывают» стержни треугольного рамчатого основания в центре, на лапах по три пальца. У одного кресала основание рукояти украшено рядом из четырех циркульных кружков. Происходят из п.№ 29 могильника Барсов городок конца IX-X вв. [Апе, 1935, табл.112/81], святилища Болванский нос на о-ве Войгач [Голубева, Варенов, 1993, с.98-99, рис.3/7], Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места и поселения Пижма II (Ямозеро) на Печоре [Мурыгин, 1992, рис.18/9, 42/10].

Вариант б (рис.66/6) – туловище зверьков покрыто насечками, хвосты - валиками, животные опираются на прорезную арку. Сайгатинский III могильник [Карачаров, 1993, рис.3/6].

Вариант в (рис.66/1) - туловища зверьков гадкие, только вдоль живота проходит полоса с имитацией зерни. Не только глаза, но и ноздри обозначены крупными концентрическими кружками. Основание, на которое опираются лапами зверьки, имеет вид сплошного треугольного возвышения, покрытого горизонтальными валиками в нижней части. Происходит из Сайгатинского I святилища X-XI вв. [Угорское наследие, 1994, с.137, рис.102].

К этому же подтипу, на наш взгляд, могут быть отнесены единичные кресала, которые также изображают пару зверьков семейства куньих, однако они имеют особенности в расположении фигур:

Вариант г (рис.66/9) – на рукояти довольно реалистичное изображение двух расходящихся в разные стороны зверьков семейства куньих в полный рост, оглянувшихся друг на друга, морды их соединены между собой длинным дугообразным стержнем. У зверьков большие миндалевидные глаза, обозначены ноздри, маленькие округлые ушки. Кресало из Кумашанской пещеры Горно-лесного Урала [Культовые памятники..., 2004, рис.46/11].

Вариант д (рис.66/7) – на рукояти реалистичное изображение двух сходящихся зверьков семейства куньих, отвернувшихся друг от друга. Кресало обнаружено у п.Шурышкалы на севере Западной Сибири [Бауло, Истомин, Федорова, 2005, рис.14].

Вариант е (рис.66/8) – на фрагменте рукояти кресала, происходящего из верхнего слоя поселения Суна VI в Карелии, можно предполагать фигуры сидящих друг напротив друга животных с хвостами, загнутыми округлой петлей на спину. Вдоль спин и лап (?) животных – параллельные желобки [Косменко, 1978, с.153, рис.8/8]. По мнению Л.А.Голубевой и А.Б.Варенова, данное кресало вполне можно соотнести с кресалами, изображающими куньих [Голубева, Варенов, 1993, с.99].

Подтип В1.2.1.1.2 (рис.66/10-12) – (тип 2 по Голубевой) – плоские рукояти, изображающие медведей (?) в рост. В отличие от предыдущего подтипа, фигуры животных более схематизированные. Они имеют довольно массивное туловище, вдоль спины наблюдается желобок, который в одном случае заполнен прямыми насечками. По свидетельству Л.А.Голубевой, все они, в отличие от вышеописанных изделий, отлиты в односторонних жестких формах. Кресала данного подтипа характерны исключительно для приладожской веси, они

встречены в п. № 1 кургана I у селения Подъяндебское на р. Свирь [Голубева, 1964, с. 123, рис. 2/7; Кочкуркина, 1989, с. 222], у с. Валданица на р. Ояти [Голубева, 1964, с. 123; Финно-угры..., 1987, табл. XVIII/20] и в кургане № 2 у д. Чёлмужи на побережье Онежского озера [Голубева, 1964, с. 123; Кочкуркина, 1989, с. 252].

Подтип VI.2.1.1.3 (рис. 66/14) – на рукояти изображены массивные зверьки с короткими тупыми мордами, небольшими прижатыми заостренными ушами, относительно длинными заостренными хвостами. На морде выделены ноздри, глаза обозначены концентрическими кружками. Бедра животных подчер-

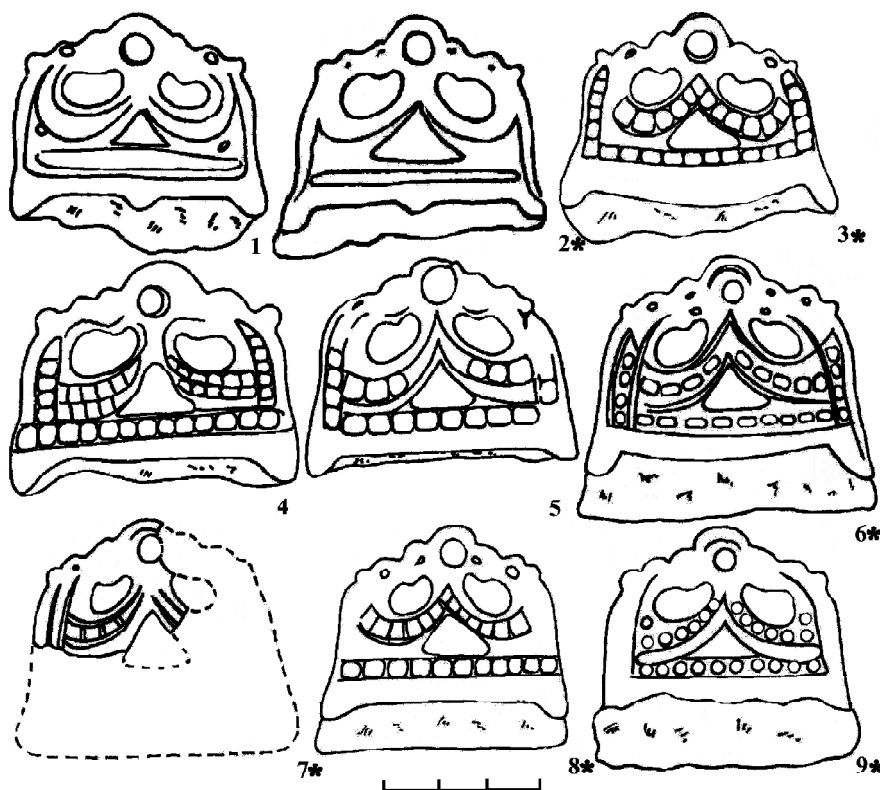

Рис. 67 Биметаллические кресала, подгруппа VI.2.1, тип VI.2.1.2. 1 – городище Поганый Нос, 2 – Мало-Аниковский, 3 – Мелехинский, 4 – Челмужи, 5 – Вотчинский, 7 – Огурдинский могильники, 6, 8 – Пермская губерния, 9 – п. 119 Рождественского могильника.

кнуты овалами, туловище орнаментировано поперечными валиками. Животные по внешнему виду имеют сходство с бобрами. Кресало из Сайгатинского I могильника [Угорское наследие, 1994, с. 137, № 99].

Подтип VI.2.1.1.4 (рис. 66/13) – на рукояти – фантастические животные, аналогичны животным с рукоятей кресала *варианта VI.1.1.2.2.б* из Рождественского могильника – они имеют довольно массивное туловище, как у медведя, короткие тупые морды, длинные заостренные уши, длинный пушистый хвост. В центре основания рукояти треугольное отверстие, обрамленное тремя орнаментальными полосами – гладкой, псевдовитой и с «перлами»; животные опираются лапами на этот треугольник. Вдоль нижнего края основания – горизонтальная орнаментальная полоса из «перлов». Можно предположить, что изображенное животное, комбинирующее черты медведя, пушного зверя, зайца,

является образом какого-либо фантастического существа, не имевшего строго канонизированного изображения, например, мамонта. Кресало происходит из п.№ 102 Рождественского могильника, которое по сопровождающему инвентарю может быть датировано первой половиной XI в. [Крыласова, 2003, рис.3/7].

Тип VI.2.1.2 – (рис.67, 12 экз., тип 3 по Голубевой) – рукояти изображают две фигуры медведей до половины туловища с поднятыми соединенными лапами. Характерные особенности типа – головы животных массивные, морда удлинённая, уши маленькие, округлые, глаза обозначены маленьким кружком, вдоль спины, лап, основания рукояти – выпуклые валики. Между мордами животных – большая округлая петля для привешивания кресала, контуры морды подчеркивают отверстия бобовидной формы, под лапами – треугольные отверстия.

Вариант а (рис.67/1-2) – без дополнительной орнаментации. На территории Пермского Предуралья такое кресало происходит из д.Малая Аникова [Голубева, 1962, рис.6/5] (раскопки А.А.Спицина в 1897 г., ГИМ инв. № 35711). Аналогичный предмет найден на городище Поганый Нос в Печорском Приуралье [Мурыгин, 1992, рис.41/6].

Вариант б (рис.67/3-8) – самый распространенный, валики вдоль основания, лап, реже – вдоль спины, орнаментированы выпуклыми квадратами, прямоугольниками или врезанными линиями. Пять таких кресал происходят из Пермского Предуралья: Мелехинского (Раскопки Ю.А.Полякова 1962 г. [Поляков, 1963, рис.54/2]), Огурдинского (раскопки Н.Б.Крыласовой) могильников, у трех экземпляров место находки утрачено (КЗ (2 экз.) - инв.№ 3641,3643, КТ, инв.№ 11314, ПОКМ). Аналогичные кресала происходят из кург. № 2 у д.Чёлмухи [Голубева, 1964, с.124; Кочкуркина, 1989, с.252, рис.85/11], кург. СХVII у д.Вахрушева в Приладожье [Голубева, Варенов, 1993, с.99], Вотчинского могильника на р.Сыsole в Республике Коми [Истомина, 1999, рис.9/1]; городища Ус-Толт в Нижнем Приобье [Голубева, Варенов, 1993, с.99].

Вариант в (рис.67/9) - лапы животных и орнаментальная полоса вдоль основания огнива оформлены округлыми выпуклинами. Из п.№ 119 Рождественского могильника первой половины XI в. [Крыласова 2003, рис.3/6].

Интересно, что кресала *типов VI.2.1.1-2* распространены в основном в северных землях (рис.68) – в Приобье, Пермском Предуралье, на Печоре, в землях веси. Единственное такое кресало известно на территории республики Коми на р.Сыsole.

Тип VI.2.1.3 (рис.69, 57 экз., тип 4 по Голубевой) - рукояти этого типа, орнаментированные с обеих сторон, отливались по восковой модели. По стилю оформления они имеют много общего с рукоятями предыдущего типа, поэтому Л.А.Голубева по аналогии интерпретировала животных на них, как медведей. Но на наш взгляд, не смотря на значительную стилизацию, ряд особенностей, прослеживающихся в некоторых экземплярах, позволяет расценивать этих животных как коней (по крайней мере, часть из них). А.П.Косменко вообще усмотрела в них фантастических существ, не то рептилий, не то сказочных драконовидных животных в виде двух свернутых в кольцо изображений с повернутыми друг к другу головами [Косменко, 1984, с.27], что, учитывая находку из Сайгатинского I святилища, также представляется правдоподобным.

Л.И.Липина, сопоставив атрибуты поклонения коню и медведю, выявила

много общих черт, и отметила, что некоторая «одинаковость» обрядов в этом почитании подтверждается идентичной трактовкой этих образов в элементах прикамского костюма [Липина, 2006, с.21]. Возможно, что такая близость культов обусловила смешение образов медведя и коня на рукоятях кресал.

Общие характеристики типа – длинные изящные шеи животных, с головами, наклоненными друг к другу, обрамляют большие округлые отверстия; в большинстве случаев рты животных раскрыты и соприкасаются верхними и нижними челюстями, образуя округлое, подтреугольное или ромбовидное от-

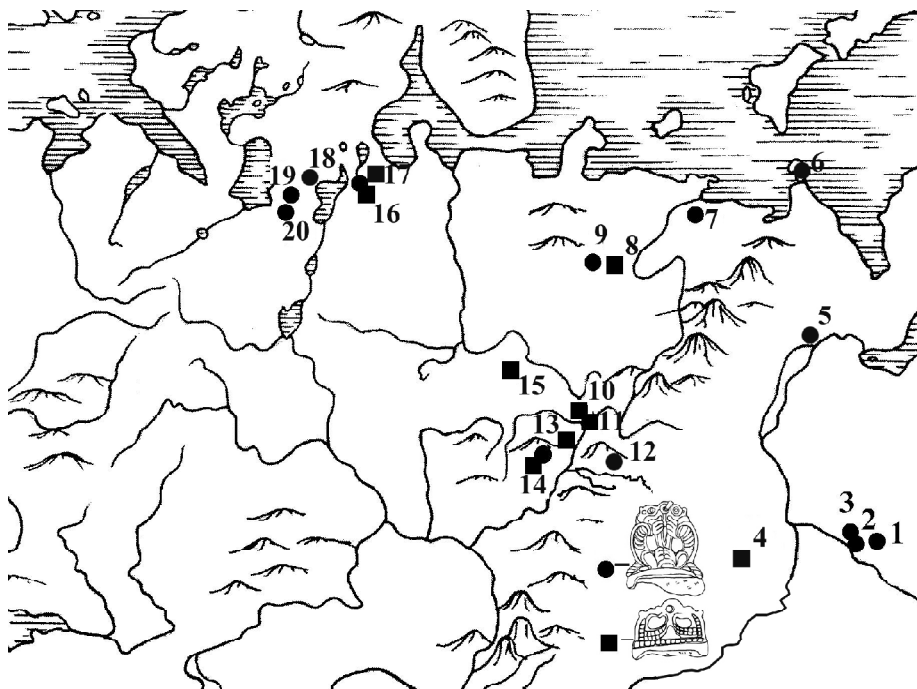

Рис. 68 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал подгруппы VI.2.1, типы VI.2.1.1-2. 1 – могильник Барсов городок, 2 – Сайгатинское I святилище, 3 – Сайгатинский I могильник, 4 – городище Ус-Толт, 5 – п.Шурышкалы, 6 – Болванский нос, 7 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 8 – городище Поганый Нос, 9 – поселение Пижма II, 10 – Мало-Аниковский, 11 – Мелехинский, 12 – Кумашанская пещера, 13 – Огурдинский, 14 – Рождественский, 15 – Вотчинский могильники, 16 – Челмужи, 17 – д.Вахрушева, 18 – Суна VI, 19 – с.Валданица, 20 – Подъяндебское.

верстие для привешивания. В центре основания рукояти в большинстве случаев имеется треугольное, ромбическое или круглое отверстие. По стилю оформления головки животных близки биконьковым подвесками прикамского типа с той лишь разницей, что развернуты они не в разные стороны, а навстречу друг другу.

Подтип VI.2.1.3.1 – (первый вариант 4 типа по Голубевой) – характерными особенностями подтипа является реалистичное (в ряде случаев) изображение головы животного с обозначением ушей и глаз. На большинстве кресал насечками обозначена грива. Большие круглые отверстия, образованные изгибом шей животных, обрамлены кольцевым бордюром.

Вариант а (рис.69/1) – головы животных с приоткрытыми пастьми действительно несколько напоминают медвежьи, однако наличие гривы придает

им сходство с конями. Глаза в виде концентрических кружков, четко выделены раздутые ноздри, тщательно проработаны уши. Лапы животных условно показаны в виде орнаментальной полосы, обрамленной бордюром (в одном случае гладким, в другом – покрытым прямыми насечками), заполненной концентрическими кружками. Кресала происходят Пермского Предуралья: с.Нижнее Мошево [Голубева, 1964, рис.2/9] (Эрмитаж инв.№ 571/208) и Редикарского клада в Пермском крае (Эрмитаж).

Вариант б (рис.69/2) – изображение более стилизовано, глаза показаны в виде овалов с точкой в центре, между раскрытыми пастями животных – ромбовидное отверстие, внизу в центре – небольшое треугольное отверстие. Кольца вокруг больших отверстий покрыты прямыми насечками. Основание рукояти украшено точечным орнаментом. Кресало из Загарского могильника в Пермском крае (ПОКМ, инв. № 11339/99).

Вариант в (рис.69/3-6,8)– кольца вокруг больших отверстий гладкие, основание рукояти украшено горизонтальными валиками. В одном случае под центральными кольцами и над ними наблюдается дополнительная орнаментация в виде имитации зерни. Из Пермского Предуралья происходят кресала из могильника Степаново Плотбище, п.№ 48 Баяновского могильника (раскопки А.В.Данича) и бракованная отливка из Деменковского могильника (ПОКМ). Аналогичное кресало известно в Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте [Чернов, 1955, табл V/2].

Вариант г (рис.69/7)– рукоять слегка расширяется книзу, образуя подтрапециевидную фигуру. Между морями животных и в нижней части рукояти в центре – небольшие округлые отверстия. Насечки на шеях животных, имитирующие гриву, наблюдаются только в нижней части. Кресало происходит из п. XII могильника Черемисское кладбище в Марийском Поволжье [Архипов, 1973, рис.70/1].

Вариант д (рис.69/9) – без орнаментации. Кресала из п.№ 89, 262 Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XXVII/19].

Подтип В1.2.1.3.2 - (первый вариант 4 типа по Голубевой) - характерными особенностями подтипа также является реалистичное изображение головы животного с обозначением ушей и глаз. На всех кресалах насечками обозначена грива. Вдоль основания рукояти – широкая горизонтальная полоса, покрытая поперечными насечками.

Вариант а (рис.69/10-11) – массивные головы животных с раздутыми ноздями, круглыми глазами, небольшими округлыми ушами имеют явные медвежьи черты. В основании голов – «воротничок» в виде фестонов. Вдоль спины и «лап» животных – узкие орнаментальные полосы с насечками, между ними – гладкий выпуклый валик. Кресала происходят из д.Федоровщина (у Теплоухова – д.Федотова) [ДТ, 539; Спицин, 1902, табл. XXXIX/25] и неопределенного места в Пермском крае (ПОКМ, б/н).

Вариант б (рис.69/12) – от предыдущего варианта кресала отличается отсутствием «воротничков», детальной проработки морд. В месте соединения «лап» животных – горизонтальные валики, возможно, изображающие когти. Кресала происходят из п.№ 165, 173 Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XXVII/20].

Вариант в (рис.69/13-21) – пасти животных приоткрыты, обозначены глаза и ноздри. Шеи животных и центральная перемычка покрыты насечками.

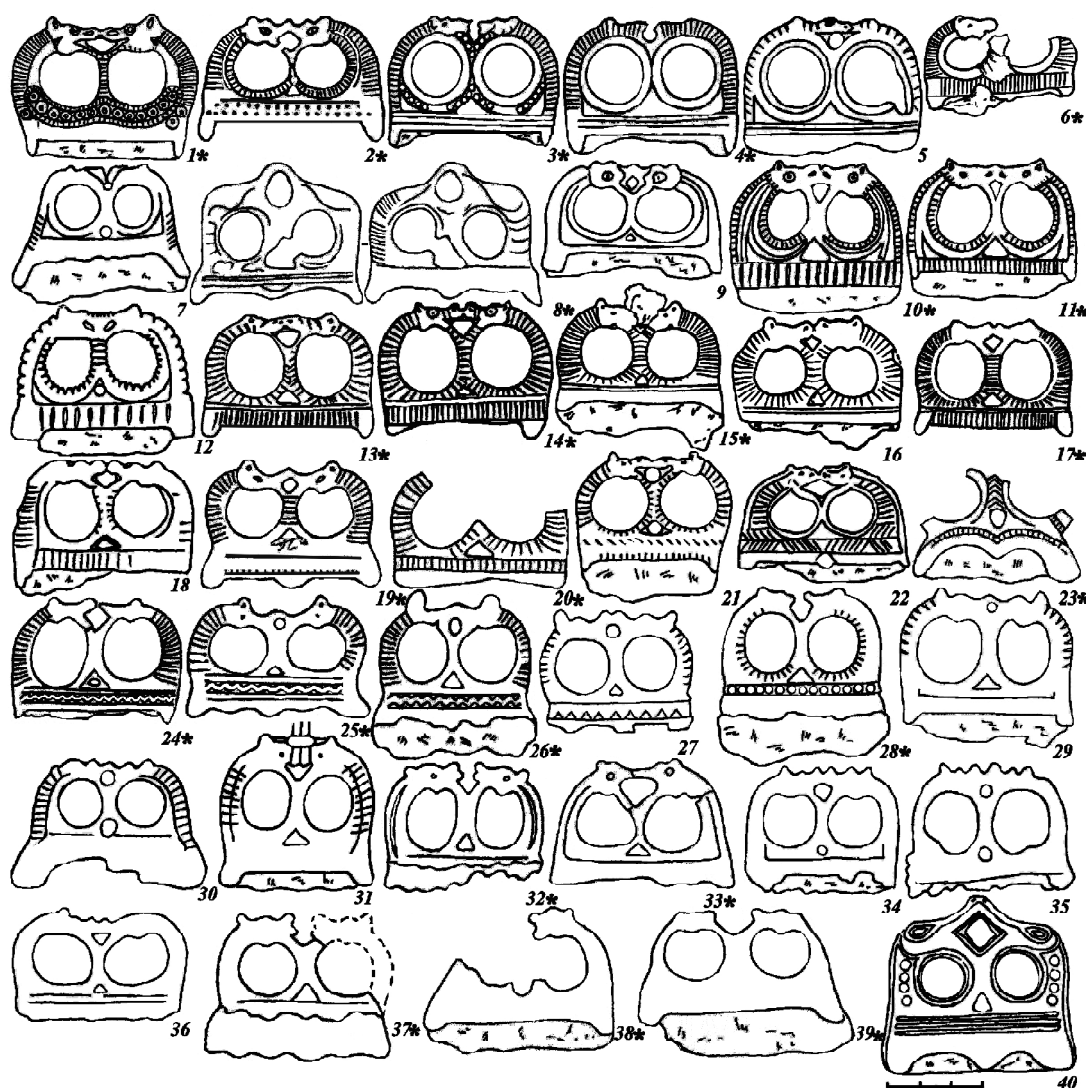

Рис.69 Биметаллические кресала, подгруппа VI.2.1, тип VI.2.1.3. 1 - с.Нижнее Мошево, 2, 13, 17 - Загарский, 3-4, 19, 25-26 - Степаново Плотбище могильники, 5 - Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 6 - п. № 48 Баяновского могильника; 7 - п. XII могильника Черемисское кладбище, 8 - Деменковский, 9 - п.№ 89, 262 Варнинского могильника, 10 - д. Федоровщина, 11, 23, 33 - Пермская губерния, 12 - п.№ 165, 173 Варнинского могильника, 14 - б.Чердынский уезд Пермской губернии, 15 - Баяновский могильник, 16 - Сайгатинский IV могильник, 18 - Омутницкий могильник, 20 - Анюшкар, 21 - Нерицкий, 22 - Поломский I могильники, 24 - Майкор, 27 - п.№ 96 Танкеевского, 28 - п.№ 100 Рождественского, 29 - п.№ 4 Веселовского, 30 - п.№ 18 Поломского I, 31 - п.№ 6 Юмского, 32 - п.№ 100 Огурдинского, 34 - п.№ 5 Кочергинского, 35 - п.№ 146 Танкеевского, 36 - п.№ 21 Танкеевского, 37 - Рождественский, 38 - п.№ 12 Агафоновского, 39 - п.№ 35 Агафоновского могильников, 40 - Сайгатинское I святилище.

Кресала происходят из б.Чердынского уезда Пермской губернии (2 экз.) [Голубева, 1962, рис.6:9], из Загарского [Спицин, 1902: табл.XVIII:3], Мало-Аниковского [Смирнов, 1952, табл.LI/3]; Степаново Плотбище, Баяновского могильников (раскопки А.В.Данича), городища Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц), п.203 Агафоновского могильника [Голубева, Варенов, с.100]. Аналогичные

предметы известны на Омутницком могильнике в Удмуртии [Иванов, 1998, рис.58/7], Нерицком могильнике в Печорском Приуралье (2 экз.) [Археология Республики Коми, 1997, с.535, рис.5/43], Сайгатинском III могильнике [Карачаров, 1993, рис.3/5].

Вариант з (рис.69/22) – основание рукояти украшено орнаментом из групп наклонных насечек, образующих зигзаг. Кресало происходит из Поломского I могильника [Иванов, 1998, рис.58/1]. Л.А.Голубева упоминает еще одно кресало данного типа из этого могильника, которое из-за отсутствия изображения сложно соотнести с каким-либо из вариантов [Голубева, 1964, с.124].

Вариант д (рис.69/23) – (четвертый вариант 4 типа по Голубевой) фрагмент рукояти, отличающийся оформлением основания, имеющего глубокий вырез в виде двух полукружий, орнаментированного насечками. Кресало из Пермского края (ПОКМ, инв. № 467).

Подтип В.1.2.1.3.3 – головы животных более стилизованные, на шее насечками обозначена грива

Вариант а (рис.69/24-28) – в основании рукояти – горизонтальная орнаментальная полоса в виде волны, зигзага, ряда полушарных выпуклостей. Кресала происходят из Майкорского городища (народный музей с.Майкор), могильника Степаново Плотбище (2 экз., раскопки А.В.Данича), п.№ 100 Рождественского могильника в Пермском крае [Крыласова, 2003, рис.3/5]. Аналогичное кресало встречено в п. № 96 Танкеевского могильника в Татарстане [Казаков, 1992, рис.53/2].

Вариант б (рис.69/29) – в основании рукояти – горизонтальная полоса. Кресала из п.№ 4, 5 Веселовского могильника в Марийском Поволжье [Архипов, 1973, рис.70/3; Голубева, Варенов, 1993, с.100].

Подтип В.1.2.1.3.4 – головы животных стилизованные, вдоль шей – желобки

Вариант а (рис.69/30-31) – на шеях – насечки, обозначающие гриву. Кресала из п.№ 18 Поломского I [Голубева, 1964, рис.2/10], п.№ 4, 6 Юмского могильников [Архипов, 1973, рис.70/2; Голубева, Варенов, 1993, с.100].

Вариант б (рис.69/32-33) – без орнаментации. Кресала из п.№ 100 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой), из неопределенного места в Пермском крае (ПОКМ, инв.№ 19497/66).

Подтип В.1.2.1.3.5 (рис.69/34-39) – не орнаментированные. Такие кресала происходят из Рождественского могильника – 5 экз. [Крыласова 2003, рис.3/3], п.№ 12, 35 Агафоновского могильника [Голдина, 1972], п.№ 5 Кочергинского могильника [Архипов, 1973, рис.70/4], жертвенного комплекса № 10 могильника Нижняя Стрелка (2 экз.) в Марийском Поволжье [Голубева, Варенов, 1993, с.100], п.№ 21, 146 Танкеевского могильника в Татарстане [Казаков, 1992, рис.53/1,3]. Е.П.Казаков отмечает, что на Танкеевском могильнике встречено несколько подобных кресал (5 экз.), причем в п.№ 408 – незавершенная отливка, на основании чего он предполагает наличие собственного местного их производства [Казаков, 1992, 142].

Подтип В.1.2.1.3.6 (рис.69/40) – по мнению авторов каталога «Угорское наследие», на рукояти кресал изображены головки двух водоплавающих птиц с раскрытыми, сопоставленными клювами. На шеях орнамент из «перлов», большие круглые отверстия обрамлены гладким бордюром. Однако эти изображения можно также интерпретировать как змей или рыб. Кресало из Сайгатинско-

го I святилища [Угорское наследие, 1994, с.137, рис.100].

Наиболее широко кресала *типа* VI.2.1.3 распространены на территории Пермского и Удмуртского Предуралья, несколько экземпляров встречено в Марийском Поволжье, несколько – на Танкеевском могильнике в Татарстане, единичные предметы известны на Печоре, в Приобье (рис.70).

Рис. 70 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал подгруппы VI.2.1, тип VI.2.1.3. 1 – Сайгатинское I святилище, 2 – Сайгатинский IV могильник, 3 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 4 – Нерицкий могильник, 5 – с.Редикар, 6 – д.Н.Мошево, 7 – Степаново Плотбище, 8 – Баяновский могильник, 9 – Анюшкар, 10 – Деменковский, 11 – Огурдинский могильники, 12 – Майкор, 13 – д.Федоровщина, 14 – Агафоновский могильник, 15 – Загарский, 16 – Рождественский, 17 – Варнинский, 18 – Омутницкий, 19 – Поломский, 20 – Танкеевский, 21 – Кочергинский, 22 – Юмский, 23 – Веселовский, 24 – Черемисское кладбище, 25 – Нижняя стрелка могильники.

Тип VI.2.1.4 (рис.71, 47 экз. на территории России и 6 экз. в Швеции и Финляндии) – стилизованное изображение двух полуфигур животных, соединенных раскрытыми пастьми. Кресала преимущественно неорнаментированные, плоские, отлиты в жестких формах.

Подтип VI.2.1.4.1 (рис.71/1-3) – головы животных массивные, схожи с медвежьими, раскрытые пасти показаны двумя круглыми отверстиями. Два кресала происходят из Загарского могильника [Голубева, 1964, рис.2/12] (ПОКМ, инв.№ 11339/556), по одному из п.№ 5 Кочергинского [Талицкий, 1940, табл.5/65], Омелинского, Агафоновского II могильников [Голубева, Варенов, 1993, с.100]. Л.А.Голубева упоминает также два подобных кресала из Каневского могильника, однако ни в подробной публикации материалов этого памятника [Генинг, Голдина, 1970], ни в Кудымкарском музее, где хранится коллекция, этих кресал нет. За пределами Пермского Предуралья такие кресала встречены в п.ХII могильника Черемисское кладбище и п.№ 20 Веселовского могильника в Марийском Поволжье, п. № 130 Елизавет-Михайловского

могильника мордвы, п. № 300, 901, 947 Танкеевского могильника в Татарстане [Голубева, Варенов, 1993, с.100].

Подтип ВІ.2.1.4.2 – шеи животных выгнуты дугой, под шеями – большие круглые отверстия, животные на этих кресалах опознаются только по торчащим треугольным ушкам, очертания головы не подчеркиваются.

Вариант а (рис.71/4-6; тип 6 по Голубевой) – между мордами животных – овальное отверстие, на основании рукояти – треугольный выступ. По мнению Л.А.Голубевой, такие кресала завершают эволюционный ряд огнив II группы, и датируются началом XI в. [Голубева, 1964, с.127]. Однако, на наш взгляд – данные кресала являются локальным вариантом, характерным для ремесленной школы, существовавшей на Рождественском городище, для которой свойственно отсутствие выделения подбородочного и лобного выступов на голове животных. Кресала с Рождественского городища – (2 экз., КТ, ПОКМ) и д.Мысы в Пермском крае [Спицин, 1902, табл.XXXV/8]. Еще одно подобное кресало найдено на святилище Сиирт-Сале (Утиный мыс) на о-ве Войгач [Голубева, Варенов, 1993, с.101], где представлено значительное количество предметов прикамского облика, что может свидетельствовать о регулярном посещении святилищ на о-ве Войгач жителями Пермского Предуралья.

Вариант б (рис.71/7) – в отличие от остальных рукоятей кресал, изготовленных из золотистой бронзы, данный экземпляр выполнен из белого сплава, тщательно заполирован. Между мордами животных – подтреугольное отверстие, над ним – округлая петля, у основания – ромбовидное отверстие. Вдоль шей – тонкие желобки. Основание рукояти орнаментировано косыми насечками. Кресало из Рождественского могильника [Крыласова, 2003, рис.3/4]. Изготовление украшений из белой бронзы стало популярным в Прикамье со второй половины XI в., поэтому можно считать, что данное кресало является одним из наиболее поздних вариантов биметаллических кресал.

Подтип ВІ.2.1.4.3 – (второй вариант типа 5 по Голубевой) – раскрытые пасти зверей образуют прорезь в виде ромба.

Вариант а (рис.71/8-10) – как и в предыдущем подтипе, у животных не обозначена форма головы. Кресала из с. Рождественск – 3 экз., одна отливка бракованная (КТ, ПОКМ) [Голубева, 1964, рис.4/2,4; 5].

Вариант б (рис.71/11-27) – на головах животных подчеркнуты подбородочный и лобный выступы, небольшие торчащие уши. С территории Пермского края такие кресала происходят из Мало-Аниковского могильника – (2 экз., Чердынский музей, инв.№ 954/738; Эрмитаж, инв.№ 571/117 [Голубева, 1964, с.126]), Баяновского могильника (раскопки А.В.Данича), Перми [Aspelin, 1878], п. № 15 могильника Пыштайн (раскопки в.А.Оборина, музей с.Гайны), с.Гайнское Чердынского уезда [ДТ, с. 608]. Аналогичные происходят с территории Удмуртии из Салдырского (Чемшай) (ГИМ, инв.№ 42360/2 [Голубева, 1964, с.126, рис.2/13]) и Качкашурского могильников [Иванов, 1998, рис.58/5]; из Марийского Поволжья – п. № 20 Юмского [Финно-угры..., 1987, табл.LIV/11], п.№ 77 Дубовского могильника [Архипов, 1984, рис.23/4]; с территории юго-восточного Приладожья – 8 экз. из курганов веси у деревень Яровщина, Карлуха, Мергино, Валданица, в кург.116 на р.Паше, из кургана у с. Никольское на р.Суде, притоке р.Шексны, и с поселений веси: Крутика и Белоозера [Голубева, 1973, рис.12/3; Голубева, Варенов, 1993, с.101]; из п.№ 607 Вахрушевского могильника [Финно-угры..., 1987, табл.XVIII/15], района г.Тихвина [Голубева,

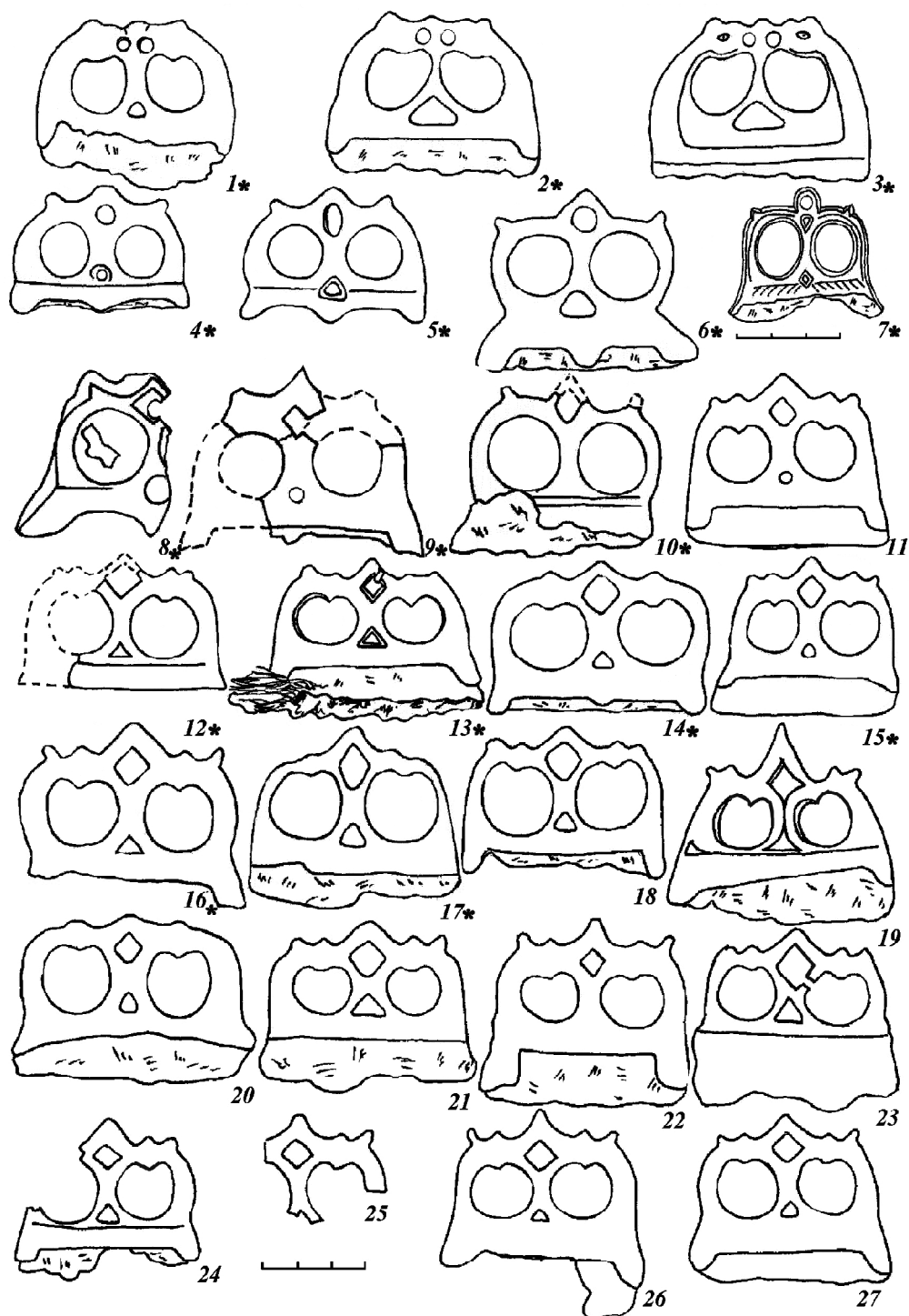

Рис. 71 Биметаллические кресала. Подгруппа VI.2.1, тип VI.2.1.4. 1-2 – Загарский, 3 – п.№ 5 Кочергинского могильника, 4-5, 8-10 – с.Рождественск, 6 – д.Мысы, 7 – Рождественский могильник, 11 – Кокемаки, 12 – Мало-Аниковский могильник, 13 – Баяновский, 14 – Редикарский клад, 15 – Пермь, 16 – могильник Пыштайн, 17 – с.Гайнское Чердынского уезда Пермской губернии, 18 – Салдырьский могильник (Чемшай), 19 – Качкашурский могильник, 20 – п.№ 20 Юмского, 21 – п.№ 77 Дубовского, 22 – п.№ 607 Вахрушевского, 23 – п.№ 1 кургана 8 могильника Кип, 24 – Старая Ладога, 25 – Белоозеро, 26 – с.Валданица, 27 – Салтвик.

1964, с.126]; из Старой Ладogi [Старая Ладога, 2003, № 14], Новгорода (2 экз.) [Голубева, Варенов, 1993, с.101]; из Ярославского Поволжья – п.№ 268 Тимеревского, Подболотьевского могильников, Сарского городища [Голубева, Варенов, 1993, с.101]; из Татарстана – п. № 96 Танкеевского могильника [Голубева, 1964, с.126]; из Западной Сибири - п.№ 1 кургана 8 могильника Кип [Финно-угры..., 1987, табл.LXXXI/4], Кучуминского городища (2 экз.) [Голубева, Варенов, 1993, с.100]. В Северной Европе подобные кресала известны в Швеции в п.№ 664 Бирки (1 экз.), в Финляндии и на Аландских островах (5 экз.) в погребениях Кумо, Салтвика, Кокемаки [Голубева, Варенов, 1993, с.101; Cleve, 1929, fig. 3:7-8; Kivikoski, 1973, fig.1010; Aspelin 1880, fig.1379) (рис.72).

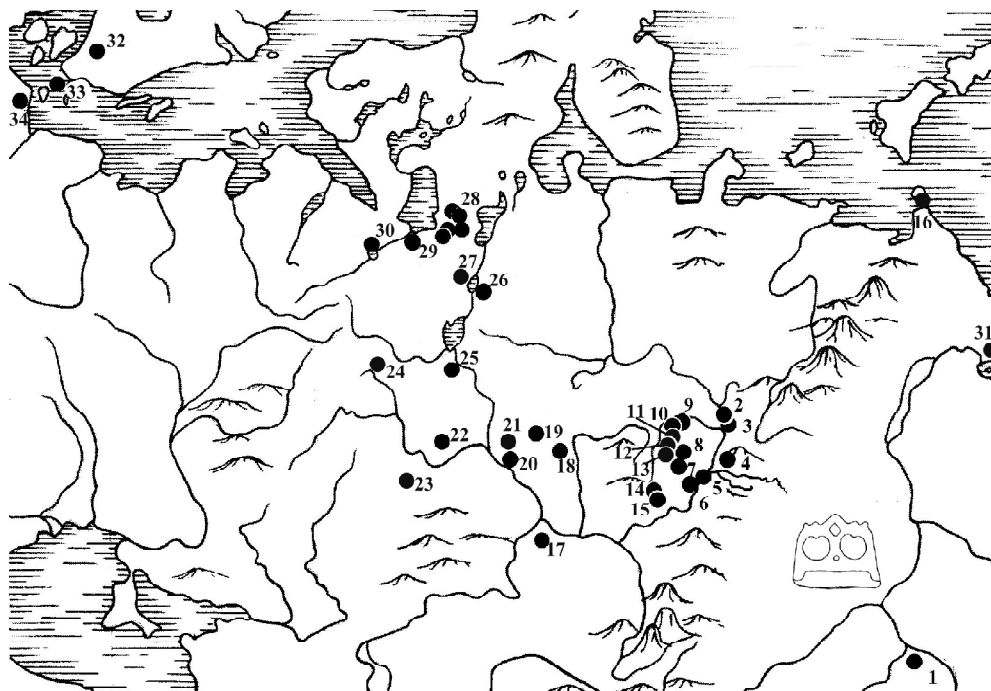

Рис. 72 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал подгруппы VI.2.1, тип VI.2.1.4. 1 – Кип, 2 – Редикор, 3 – Мало-Аниковский, 4 – Баяновский, 5 – Пермь, 6 – д.Мысы, 7 – Загарский, 8 – Рождественский, 9 – Пыштайн могильники, 10 – с.Гайнское, 11 – Омелинский, 12 – Агафоновский, 13 – Каневский, 14 – Качкашурский, 15 – Салдырьский, 16 – Сиурт-Сале, 17 – Танкеевский, 18 – Кочергинский, 19 – Юмский, 20 – Дубовский, 21 – Веселовский, 22 – Подболотьевский, 23 – Елизавет-Михайловский, 24 – Сарское городище, 25 – Тимеревский, 26 – Белоозеро, 27 – Крутик, 28 – курганы Юго-Восточного Приладожья, 29 – Старая Ладога, 30 – Новгород, 31 – Кучуминское городище, 32 – Кокемаки-Кумо, 33 – Аландские острова, 34 – Бирка.

Подгруппа VI.2.2 – животные повернуты головами в противоположные стороны (расходящиеся).

Тип VI.2.2.1 (рис.73/1-2,4-6, 5 экз.) - рукояти кресал повторяют форму основы шумящих биконьковых подвесок прикамского типа.

Подтип VI.2.2.1.1 (рис.73/4) – фрагмент рукояти неорнаментированного кресала, имитирующего форму биконьковой подвески. Судя по стандартному оформлению основания, рукоять была изготовлена специально для кресала. Кресало из могильника Степаново Плотбище (раскопки А.В.Данича).

Подтип VI.2.2.1.2 (рис.73/1-2,5-6) – для рукоятей, вероятно, использованы готовые коньковые подвески.

Вариант а – не орнаментированная. Кресало из п.22 могильника Кэпрэрия у с.Ханска в Молдавии [Степи Евразии..., 1981, табл.53/31].

Вариант б – в основании рукояти декоративная полоса с типично салтовским орнаментом. Из с.Якимово в Болгарии [Станилов, 1984, с.105; Рашев, 2001].

Вариант в – с прорезью в виде замочной скважины в центре, которые, по мнению В.А.Оборина, бытовали в X-XI вв. [Оборин, 1970, с.17], вдоль шей – выпуклые валики, гривы обозначены насечками, вдоль нижней части центральной прорези – ряд выпуклых прямоугольников. Кресала из п. № 38 Дубовского могильника [Архипов, 1984, рис.23/7] и п.2 могильника Нижняя Стрелка в Марийском Поволжье [Никитина, 2002, рис.28/5].

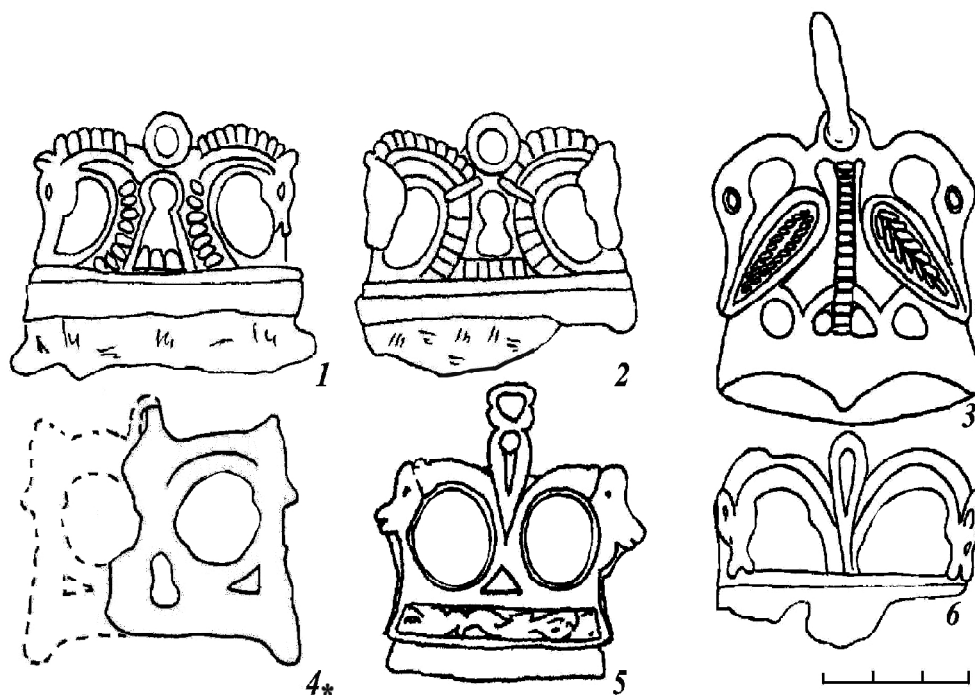

Рис. 73 Биметаллические кресала. Подгруппа VI.2.2, типы VI.2.2.1-2: 1 – п.38 Дубовского, 2 – Нижняя Стрелка, 3 – п. № 111 Сайгатинского VI могильника, 4 – Степаново Плотбище могильники, 5 – с.Якимово, 6 – могильник у с.Ханска.

Тип VI.2.2.2 (рис.73/3, 1 экз.) – на рукояти кресала реалистичное изображение двух лебедей, стоящих по бокам от псевдовитого стержня (дерево жизни?), длинные шеи их изящно изогнуты, головы повернуты в противоположные стороны, клювы примыкают к спине. Крылья птиц оконтурены гладкими валиками. У одной птицы внутри крыла орнаментация в виде овала из имитации витой скани, у другой – в виде косички. Глаза в виде концентрических кружков. В основании пластины два полукруглых выреза. Кресало из п.№ 111 Сайгатинского VI могильника в Западной Сибири (раскопки К.Г.Карачарова). Вероятно, подобное кресало с изображением «двух птиц по сторонам столбика», упомянуто в статье А.Л.Голубевой и А.Б.Варенова [Голубева, Варенов, 1993, с.101], оно найдено Л.П.Хлобыстиным в 1985 г. при раскопках святилища Болванский нос I на о-ве Войгач.

Группа VI.3 – трехфигурные композиции

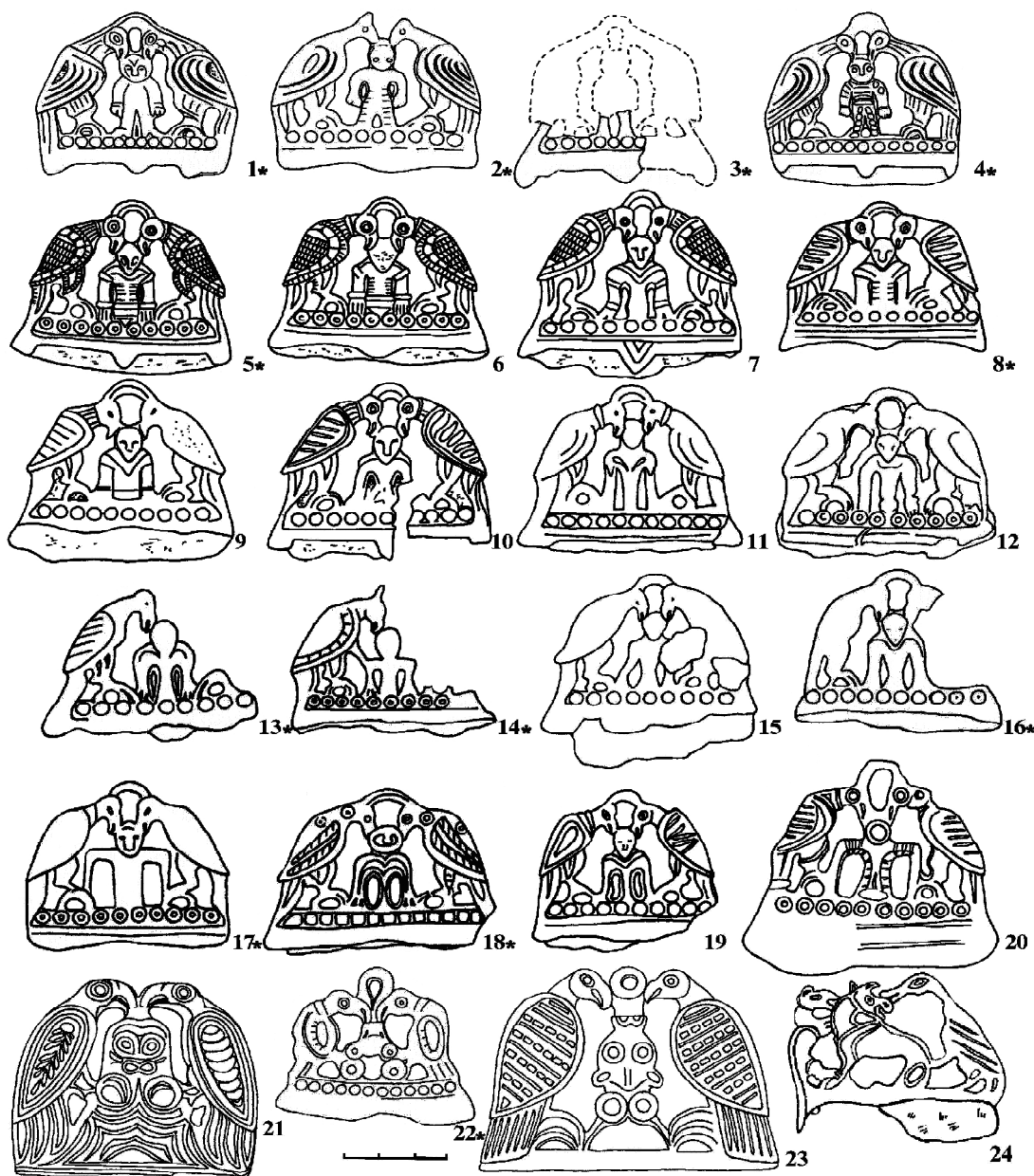

Рис. 74 Биметаллические кресала. Группа VI.3: 1 – Пермь, 2, 5, 16 – Мало-Аниковский, 3 – Огурдинский, 4 – д.Савина, 6, 12, 21 – Сайгатинский VI, 7 – Нижняя Стрелка, 8 – Плеховский, 9 – Усть-Балык могильники, 10 – Киев, 11 – Юмский, 13 – Рождественский могильники, 14 – Пожвинская дача гг. Всеволожских, 15 – Выжумский, 17 – Гайнский район коми-пермяцкого округа, 18 – Редикарский, 19 – Черемисское кладбище, 20 – Окунево VI могильники, 22 – Чердынский уезд, 23 – Сайгатинский I могильник, 24 – п.№ 4 кургана 3 Малая Бича.

Подгруппа VI.3.1 (рис.74, 24 экз.) – **симметричная композиция - антропоморфная фигура между двумя птицами** (группа III по Голубевой) - рукояти кресал имеют арочную форму, образованную фигурами двух хищных птиц, склонившихся к центральной антропоморфной, антропо-орнитоморфной или зооморфной фигуре; между головами птиц – петля для привешивания, в основании рукояти, как правило, – горизонтальный ряд выпуклых concentрических кружков или перлов, в некоторых случаях подчеркнутых снизу 1-2 гори-

зонтальными валиками. На наш взгляд, центральные фигуры не имеют признаков пола, но Л.А.Голубева считала, что на огнивах изображено «мужское существо» [Голубева, 1964, с.129], а Г.Ф.Корзухина, опираясь на прорисовку кресала из Мало-Аниковского могильника, утверждала, что изображен «борода-тый мужчина» [Корзухина, 1977, с.158].

Тип VI.3.1.1 (рис.74/1-4) - антропоморфная фигура в центре изображена в полный рост, с опущенными вдоль туловища руками, ногами, расставленными на ширине плеч. На круглом лице довольно отчетливо прослеживаются овальные глаза, нос и брови. У птиц относительно небольшие головы, вдоль шеи - полоски, поверхность крыльев заполнена несколькими дугообразными валиками, повторяющими форму крыла, «штаны» в области бедра и хвосты покрыты вертикальными полосками.

Подтип VI.3.1.1.1 (рис.74/1) – туловище центральной фигуры гладкое, только на запястьях парными линиями обозначены браслеты.

Подтип VI.3.1.1.2 (рис.74/2-4) – на туловище, ногах и руках горизонтальными и косыми насечками обозначена одежда.

Кресала из района Перми (Л.А.Голубева ссылается на Н.Appelgren-Kivalo 1915, fig.51 [Голубева, 1964, с.128, рис.6/1]; Г.Ф.Корзухина уточняет, что это кресало опубликовано в работе N.Kleve 1929, fig.3 [Корзухина, 1977, с.161]); из Мало-Аниковского могильника [Голубева, 1964, рис.6/2]; из Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой); из д.Савиной Губдорской волости Чердынского уезда [ДТ, с.644, рис.А].

Тип VI.3.1.2 (рис.74/5-21) – центральная фигура изображена в полкорпуса, опущенные руки касаются основания рукояти.

Подтип VI.3.1.2.1 (рис.74/5-10) – в центре антропоморфные фигуры с опущенными, как правило, прижатыми к туловищу руками. На лице с высоким лбом и подтреугольным подбородком отчетливой линией обозначены нос и брови. На наиболее качественных отливках на руках четко просматривается по 4-5 пальцев. В большинстве случаев на фигурах обозначены особенности одежды: на плечах – валики, туловище покрыто горизонтальными полосками, возможно, имитирующими доспех, на ряде фигур просматривается треугольный вырез ворота, на запястьях - браслеты, на отдельных изображениях - пояс в виде двух горизонтальных полос или валиков. Головы птиц с массивными клювами, глаза обозначены концентрическими кружками. На шее «воротничок» в виде выпуклого валика, ниже которого шея покрыта продольными полосками. На «штанах» и хвосте вписаны треугольники, повторяющие форму этих частей фигуры, в отдельных случаях данные треугольники обрамлены валиками с насечками.

Вариант а - контуры крыльев птиц с внутренней стороны обведены одинарным или двойным валиком, при этом внешний валик гладкий или покрыт прямыми насечками, внутренний заполнен квадратами. Поверхность крыла заполнена горизонтальными валиками с насечками.

Вариант б - контуры крыльев птиц с внутренней стороны обведены одинарным или двойным валиком, поверхность крыла заполнена гладкими горизонтальными валиками.

В Пермском Предуралье кресала данного подтипа встречены в Мало-Аниковском [Голубева, 1964, рис.6/3] и Плеховском [Оборин, 1951, рис.62/2] могильниках. Аналогии из Сайгатинского VI (раскопки К.Г.Карачарова); из п. № 22

могильника Нижняя Стрелка [Никитина, 2002, фото 2], из п. № 82 могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, рис.21/6]; из дружинного кургана с сожжением в Киеве [Каргер, 1958, с.193, рис.39/1-2].

Подтип VI.3.1.2.2 (рис.74/11-20) – в центре антропо-орнитоморфные фигуры с отставленными от туловища крылообразными руками, на которых в отдельных случаях обозначено по 3 пальца. Не случайно, В.А.Оборин, описывая одно из подобных кресал, посчитал, что на нем изображено три орла, «одна из птиц дана в анфас в центре» [Оборин, 1951, с.201]. Плечи покатые, иногда подчеркнутые волнистой линией, проходящей вдоль плеч и подбородка, или в виде четкого прямоугольника. Голова, как правило, с подтреугольным подбородком, лицо в большинстве случаев не проработано. Особенности оформления лица отличается фигура с кресала из Редикарского могильника – здесь лицо в виде горизонтально вытянутого овала обрамлено выпуклым валиком, относительно глубоким рельефом выделены нос и линия бровей. Некоторыми деталями отличается и фигура с кресала из одиночного погребения Окунево VI на р.Таре – здесь лицо обозначено в виде круга, насечками обозначена одежда. Для птиц с рукоятей данного типа можно считать характерным схематичность, отсутствие изображения мелких деталей, глаза, как правило, отмечены точками, реже – концентрическими кружками. Но на некоторых фигурах птиц просматриваются «воротнички», что характерно для предыдущего типа. Крылья птиц в двух случаях покрыты дугообразными линиями, как на рукоятях типа 1, в одном случае крыло с внутренней стороны обрамлено двумя валиками, один из которых покрыт выпуклыми квадратами, а в двух случаях поверхность крыла заполнена горизонтальными полосками – эти особенности характерны для оформления изображений птиц на кресалах предыдущего типа. По характеру изображения птиц отличается от всех остальных кресало из Редикарского могильника – на шее и плечах – концентрические кружки, на крыльях – скобообразные выпуклые валики с косыми насечками.

В Пермском Предуралье такие кресала встречены на Мало-Аниковском (ЧКМ, инв.№ 954/737), в п. № 120 Рождественского [Крыласова, 2003, рис.3/8], на Редикарском [Спицин, 1902, табл.ХХII/3], Омелинском [Голубева, Варенов, 1993, с.103] могильниках, на территории Пожвинской дачи гг.Всеволожских [Ешевский, 1859, с.139, табл.б/3], в Гайнском районе коми-пермяцкого округа (ЧКМ). Аналогии из Выжумского [Никитина, 2002, рис.28/4]; Сайгатинского VI (раскопки К.Г.Карачарова); из п.№ 14 Юмского [Финно-угры и балты..., 1987, табл.LIV/12]; п. VI могильника Черемисское кладбище [Голубева, 1962, рис.6/6]; одиночного погребения Окунево VI на р.Таре [Могильников, 1991, с.64-65, рис.1/14]; Солдырьского (Чемшай) могильника [Голубева, 1964, с.128] (ГИМ, инв.№ 42360/1).

Подтип VI.3.1.2.3 (рис.74/21) – в центре орнито-антопоморфная сильно стилизованная фигура, которая у авторов каталога «Угорское наследие» вызвала ассоциации с совой [Угорское наследие, 1994, с.90/104; с.138]. Это навершие несколько отличается от остальных, оно выполнено отливкой в двусторонней форме с сердечником, и, по мнению авторов каталога, возможно, является навершием деревянного гребня. Но, с другой стороны, у авторов не вызывает сомнения, что его композиция восходит к сюжету описываемых кресал [Угорское наследие, 1994, с.138], поэтому вполне правомерно его рассмотрение в данной классификации. Голова фигуры плавно переходит в плечи; на лбу

изображены морщины, глаза большие миндалевидные с круглыми зрачками, нос с раздутыми ноздрями. Туловище передано очень схематично и орнаментировано таким образом, что создается облик крыльев, хотя явно они не подчеркиваются. Вместе с тем, изображения птиц, расположенных по бокам от центральной фигуры, проработаны очень тщательно. Они имеют относительно небольшие головы с крупными клювами, глаза показаны концентрическими кружками, крылья по контуру обведены тройным гладким валиком, а центральная часть крыла у одной птицы заполнена орнаментом в виде косички, у другой – горизонтальными валиками. На «штанах» треугольники, на хвостах – вертикальные полосы, обозначающие перья. Навершие происходит из Сайгатинского VI могильника [Угорское наследие, 1994, 138, №104].

Рис. 75 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал группы VI.3. 1 – Окунево VI, 2 – могильник Усть-Балык, 3 – Сайгатинский I, VI могильник, 4 – Малая Бича, 5 – Болванский нос, 6 – Мало-Аниковский могильник, 7 – Редикарский могильник, 8 – д.Савина, 9 – с.Гайны, 10 – Омелинский, 11 – Плеховский могильник, 12 – Огурдинский могильник, 13 – с.Пожва, 14 – Пермь, 15 – Рождественский могильник, 16 – Солдырьский могильник (Чемшай), 17 – Юмский могильник, 18 – могильник Черемисское кладбище, 19 – Выжумский могильник, 20 – могильник Нижняя Стрелка, 21 – Киев.

Тип VI.3.1.3 (рис.74/22-23) – по Голубевой «отличается грубостью выполнения, фигура человека превращена в схему» [Голубева 1964, с.128]. В действительности на данных предметах в центре помещено не изображение человека, а фигура-перевертыш, которая в нормальном положении представляется как схематичное изображение дерева (древа жизни?) в виде треугольника из концентрических кружков, а в перевернутом – в виде головы медведя. У птиц глаза переданы концентрическими кружками, на хвостах – вертикальные полосы, крылья в одном случае представляют собой овальный валик с насечками, во втором – крылья, оконтуренные гладким валиком, покрыты чередующимися горизонтальными валиками и рядами квадратных выпуклин.

Кресала из Чердынского уезда Пермской губернии [Голубева 1964, с.128, рис.6/4] (МАЭ, коллекция Малахова, инв. № 1300/108); Сайгатинского I могильника [Угорское наследие, 1994, с.137, № 101], святилища Болванский нос

I на о-ве Войгач [Голубева, Варенов, 1993, с.103].

Кресала *подгруппы VI.3.1* при всем своем, казалось бы, широком распространении от Западной Сибири до Киева, в целом сосредоточены в трех основных областях – Приобье, Прикамье и Марийском Поволжье (рис.75), находка на о-ве Войгач также не случайна, так как святилища этого острова посещались жителями и Пермского Предуралья и Приобья.

Подгруппа VI.3.2 – асимметричная композиция из трех фигур

Тип VI.3.2.1 (рис.74/24) – на рукояти кресала три реалистичные фигуры – в центре лосиха (?), которую терзают расположенные по бокам зверь семейства куньих и водоплавающая птица (гусь?). Кресало из п.№ 4 кургана 3 Малая Бича [Финно-угры..., 1987, табл.LXXXI/3].

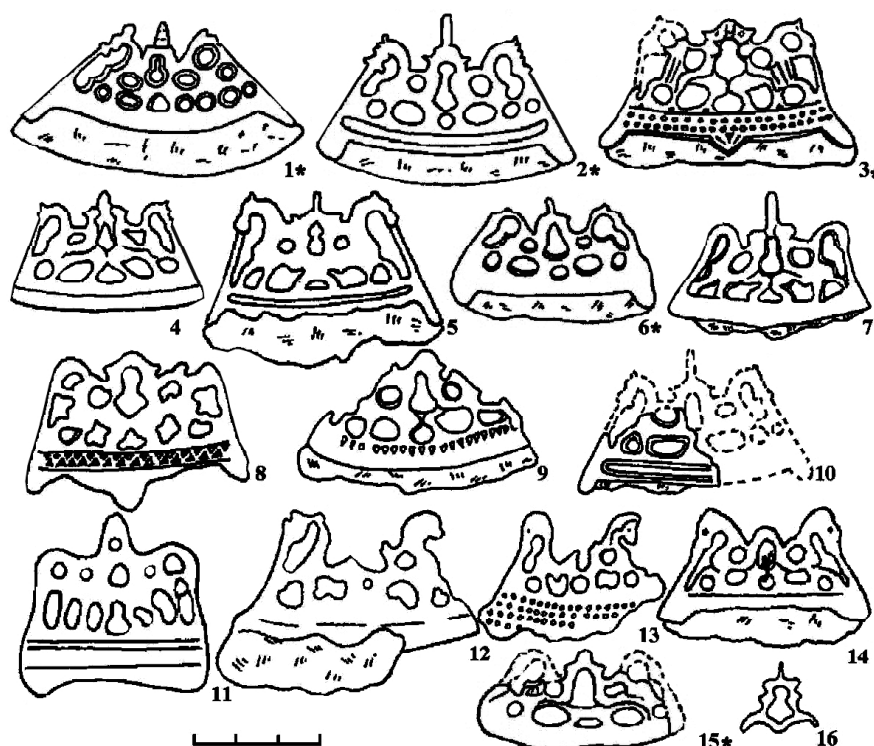

Рис. 76 Биметаллические кресала, группа VI.4. 1 – д.Савина, 2 – Чердынский уезд, 3 – Кудымкар, 4 – Рюриково городище, 5 – п.№ 3 Веселовского могильника, 6 – Пермь, 7 – Качкашурский могильник, 8 – п.144 Танкеевского могильника, 9 – Ярополч Залесский, 10 – Омутницкий могильник, 11 – п.№ 408 Танкеевского, 12 – п.№ 52, 13 – п.№ 38 Дубовского, 14 – п.№ 16 Веселовского могильника, 15 – с.Рождественк, 16 – Белоозеро.

Группа VI.4 – композиция из четырех фигур – два всадника (рис.76).

Рукоять содержит схематичные изображения всадников, скачущих в противоположные стороны. Кресала достаточно стандартны, поэтому, на наш взгляд, нет смысла делить их на типы (хотя западные исследователи традиционно выделяют три типа таких кресал, отличающиеся пропорциями и степенью стилизации фигур). Среди кресал со всадниками, происходящих с территории России, выделяются более четкие, тщательно проработанные экземпляры, на которых легко читаются изображения, и явные подражания.

Кресала со всадниками имеют подтрапецевидную форму, основание их со стальной пластиной выгнуто дугой, что не наблюдается более ни в одном

другом типе биметаллических кресал. Для подвешивания служит петля, повернутая перпендикулярно к пластине рукояти, что также не характерно для биметаллических кресал. Фигуры коней и всадников сильно стилизованы. На более качественных (эталонных) образцах у коней широкая грудь, четко подчеркнуты подбородочный и лобный выступы на голове, ушки заостренные, торчащие; фигуры всадников выделены невысоким рельефом, четко прослеживается линия ног сидящего человека, характерной особенностью являются длинные заостренные носы всадников.

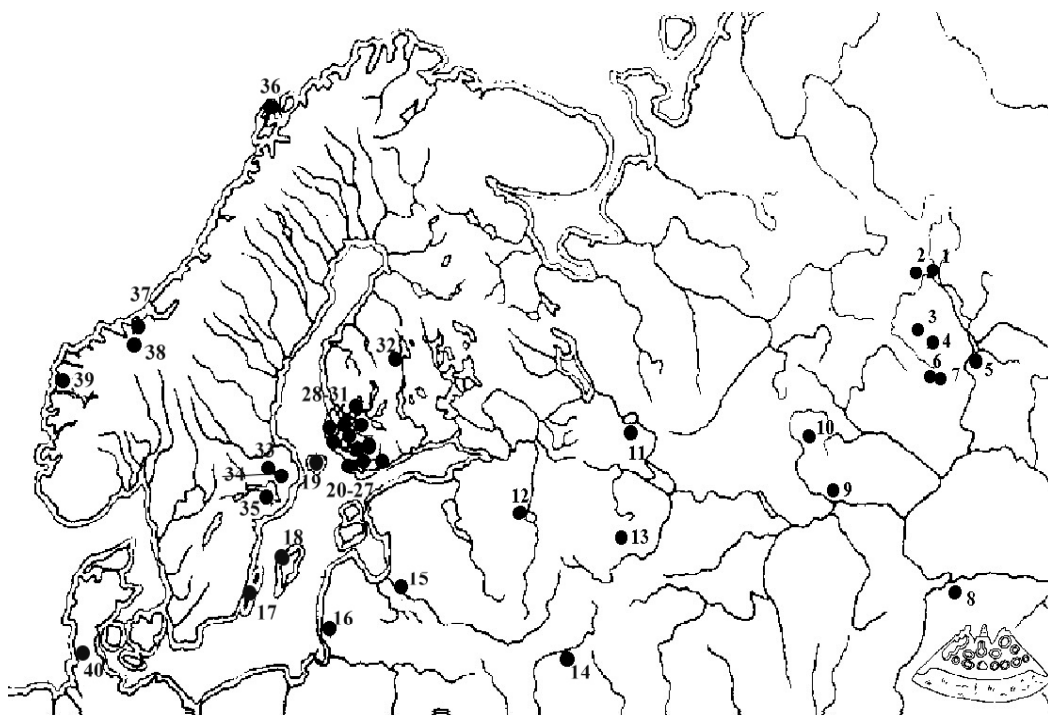

Рис. 77 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал группы VI.4. (по П.-Л.Лехтосало-Хиландер). 1 – Чердынь, 2 – д. Савина, 3 – Кудымкар, 4 – с.Рождественск, 5 – Пермь, 6 – Качкашурский, 7 – Омутницкий, 8 – Танкеевский, 9 – Дубовский, 10 – Веселовский могильники, 11 – Белоозеро, 12 – Новгород, 13 – Ярополч Залесский, 14 – Гнездово, 15 – Даугмале, 16 – Клайпеда, 17 – Эланд, 18 – Готланд, 19 – Салтвик, 20 – Лайтила-Кансакаулямяки, 21 – Рейсио-Папиламяки, 22 – Кокемяки-Киериканиеми, 23 – Иляне-Анивехмамяки, 24 – Лието-Мерола, 25 – Сауво-Кюляняа, 26 – Карья-Этеркилен, 27 – Хуйтинен-Хйуккайнвайнионмяки, 28 – Каланти-Кальмумаки, 29 – Эура-Наоране, 30 – Луистари, 31 –

Эта группа кресал получила наиболее широкое распространение в северо-западной Европе (рис.77). Они найдены в Норвегии (4 экз., Аазе-Двербергс, Филигс, Флемма, Ромсдаль), Швеции (5 экз., Эланд, Готланд, Эке, Туна, Бирка), Латвии (2 экз., Мажотне, Даугмале), Литве (1 экз., Клайпеда), Эстонии (1 экз.), Германии (1 экз., Хэдэбю) [Голубева, Варенов, 1993, с.103-104]. На территории Финляндии (Луистари, Нуоранна, Лейккимяки, Кокемяки) известно уже 19 экземпляров таких кресал [Лехтосало-Хиландер, 1979, с.88]. Т.о., всего в Западной Европе известно 33 экз. подобных кресал. П.-Л.Лехтосале-Хиландер составила карту их распространения в Европе [Лехтосало-Хиландер, 1979, рис.6; Lehtosalo-Hilander 1982, с.73-75], результаты ее исследования исполь-

зовал У.Сало в обобщающей статье по средневековым кресалам Финляндии [Salo, 1990].

В северных районах европейской части России в настоящее время насчитывается 18 кресал со всадниками (рис.77). На территории Пермского края известно 5 экземпляров, найденных в д.Савиной [ДТ, с.643] (ПОКМ, инв.№19187205), в б.Губдорской волости Чердынского уезда Пермской губернии (ЧКМ) [Рисунки древностей..., 1897, табл.V/6], в Кудымкарском районе (КЗ, ПОКМ, инв.№ 11300/73), в Перми [Голубева 1964, рис.2/15], на Рождественском городище [Спицин, 1902, табл.XXXIX/22]. Два экземпляра известны на территории Удмуртии – фрагмент из Омутницкого могильника [Семенов, 1985, рис.10/3] и из Качкашурского I могильника [Иванов, 1991, рис.10/3], два - из п.№ 144, 408 Танкеевского могильника в Татарстане [Казаков, 1992, рис.53/4-5], четыре с территории Марийского Поволжья – из п.№ 3, 16 Веселовского, п.№ 38, 52 Дубовского могильников [Халиков, Безухова, 1960, рис.21/13; Архипов, 1973, рис.70/6-7; Архипов, 1984, рис.23/5; Финно-угры..., 1987, табл.LIV/10,13,16], по одному из Ярополча Залесского [Седова, 1978, табл.2/18], Рюрикова городища [Nosov, 1990, fig.1/5], Белоозера [Голубева, 1962, рис.6/3], Гнездовского могильника [Сизов, 1902, табл.VII/15], Пирова городища близ Владимира [Седов, 1961, рис.37/1].

Лишь немногие образцы (кресала из д.Савиной, из Чердынского района, п.№ 3 Веселовского могильника, Рюрикова городища) могут быть отнесены к стандартным типам, выделяющимся в западной археологии [Лехтосало-Хиландер, 1979, рис.6]. Большинство же предметов этой группы представляют собой искаженные отливки, почти утратившие сходство с оригиналом [Голубева, 1987, с.113]. Так, Г.А.Архипов принял рисунок рукояти огнива из погр.№ 16 Веселовского могильника за изображение двух водоплавающих птиц, расположенных головами в разные стороны» [Архипов, 1973, с.55]. Рукоять из с.Рождественск также, на первый взгляд, содержит схематичные изображения двух водоплавающих птиц, плывущих навстречу друг другу. У одной птицы, которая наполовину обломлена, обозначено крыло с насечками, изображающими перья, и, не случайно, в альбоме А.А.Спицина сломанная фигурка дорисована как утка [Спицин, 1902, табл.XXXIX/22]. Между птицами – арка, оформленная по верхнему краю в виде трилистника. В основании рукояти – четыре отверстия неправильной формы. Но при сравнении с образцами огнив со всадниками можно понять, что это ни что иное, как обломанное или сильно искаженное кресало той же группы.

Группа VI.5 – кресала с рукоятями арочной формы (рис.78, 4 экз.).

Тип VI.5.1 (рис.78/1) – кресало с ажурной рукоятью арочной формы с треугольными отверстиями, обрамленными гладкими валиками. Обнаружено в культурном слое г.Болгара [Полякова, 1996, с.252, рис.78/11].

Тип VI.5.2 - рукоять в виде плоской пластины арочной формы, окантованной рельефным валиком

Подтип VI.5.2.1 (рис.78/2) – пластина не орнаментированная, окантована псевдовитым валиком - из п.№ 72 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой).

Подтип VI.5.2.2 (рис.78/3) – пластина окантована несколькими рядами гладких валиков, в центре три параллельных прямых валика образуют вертикальный столб - из Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [Мурыгин, 1992,

рис.18/8].

Подтип VI.5.2.3 (рис.78/4) – (по Голубевой группа II, тип 7) - пластина окантована валиком, в центре вертикальный столб из трех параллельных валиков, по бокам от которого – две птицы (гуси?) с распушенными крыльями. Кресало происходит из п. № 14 Веселовского могильника, датированном по двум серебряным брактеатам (986/87 и 996/97) первой половиной XI в. [Халиков, Безухова, 1960, рис.45/8]. Л.А.Голубева интерпретировала этот сюжет как «две птицы по сторонам дерева жизни» [Голубева, 1964, с.128]. По аналогии изображение на предыдущем кресале можно рассматривать как «дерево жизни».

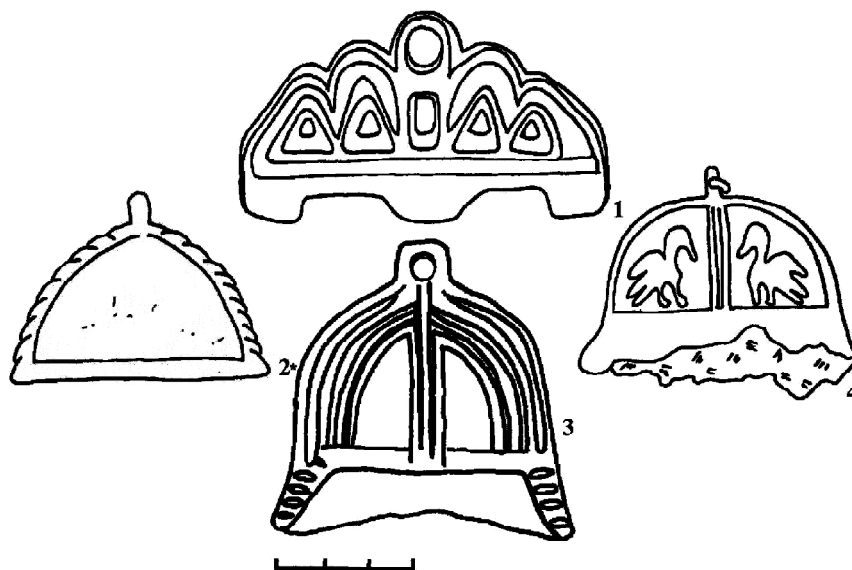

Рис. 78 Биметаллические кресала. Группа VI.5. 1 – г.Болгар, 2 – п.№ 72 Огурдинского могильника, 3 - Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 4 - п.№ 14 Веселовского могильника.

Отдел VII – кресала с бронзовыми рукоятями без зооморфных мотивов.

Группа VII.1 – с рукоятью в виде прямоугольной рамки, в верхней части которой помещена горизонтальная трубка-игольник (рис.79/1-5, 6 экз.).

Тип VII.1.1 - трубка с одной стороны слегка расширяется, и завершается двумя петлями.

Подтип VII.1.1.1 – прямоугольная основа рукояти орнаментирована прямой решеткой

Вариант а – трубка гладкая. Кресала из Загарского могильника (КТ, ПОКМ инв.№ 19187/74) и г.Болгара [Полякова, 1996, рис.78/10].

Вариант б – трубка орнаментирована насечками. Игольник имеет затычку в виде гофрированного стержня. Кресало из п.№ 24 Дубовского могильника [Архипов, 1973, с.53, рис.70/12].

Подтип VII.1.1.2 – прямоугольная основа рукояти оформлена циркульным орнаментом. Кресала из п.63 Дубовского могильника [Архипов, 1984, рис.23/1] и г.Болгара [Полякова, 1996, рис.78/9]. Еще одно кресало данного типа из п. № 160 Крюково-Кужновского могильника упоминают Л.А.Голубева и А.Б.Варенов [Голубева, Варенов, 1993, с.95].

Группа ВП.2 – с бронзовой рукоятью в виде обоймы (рис.79/6, 1 экз.). Кресало представляет собой прямоугольную стальную полосу длиной 7 см, шириной 1,4 см, обернутую бронзовой пластиной шириной 0,9 см, украшенной четырьмя орнаментальными группами, состоящими из 7 вертикальных полос. Данное кресало происходит из верхнего слоя Рождественского городища, и относится, вероятно, к более позднему времени, чем остальные биметаллические кресала.

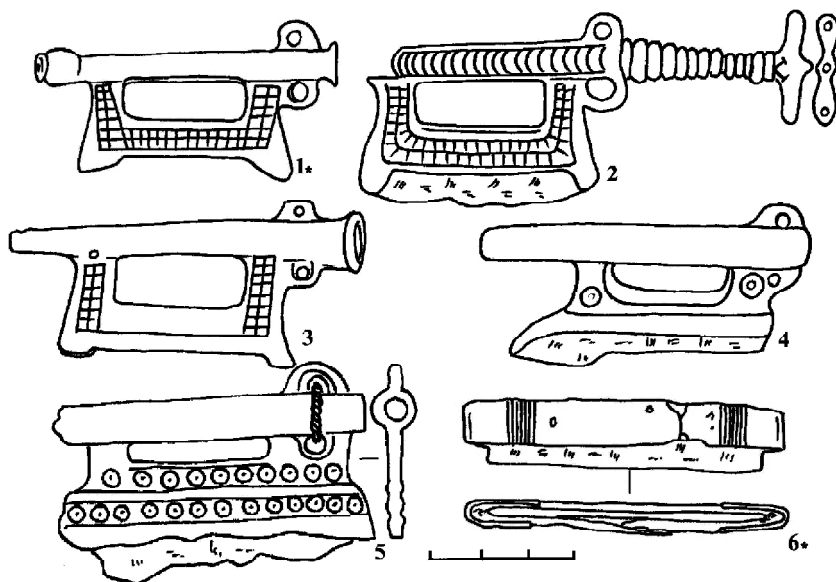

Рис. 79 Биметаллические кресала. Отдел ВП. 1 – Загарский, 2 – п.№ 24 Дубовского могильника, 3-4 – г.Болгар, 5 – п.№ 63 Дубовского могильника, 6 – Рождественское городище.

Отдел ВП.3 – кресала с объемными зооморфными бронзовыми рукоятями (рис.80, 2 экз.).

В основании рукоятей для крепления стальной пластины имеется обойма, пластина крепилась с помощью штифтов. На сегодняшний день известно только два подобных кресала, но, учитывая возможность новых находок, представляется необходимым их деление на группы аналогично кресалам отдела I.

Группа ВП.3.1 - животные повернуты навстречу друг к другу.

Тип ВП.3.1.1 – рукоять кресала изображает двух повернувшихся друг к другу драконов с оскаленными пастьми. Объемная рельефная рукоять выполнена из бронзы в технике литья, на шеях драконов гравировкой обозначены чешуйки, подбородок покрыт маленькими кружками. На месте глаз – вставки из аметистов. Кресало хранится в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике. Относится к золотоордынскому времени (XIV в.).

Группа ВП.3.2 - животные повернуты головами в противоположные стороны.

Тип ВП.3.2.1 – рукоять кресала изображает двух драконов с перевитыми хвостами, смотрящих в противоположные стороны. На шеях драконов гравировкой обозначены чешуйки. Кресало из Муранковского могильника Симбирской губернии. Предположительная дата XIV в. [Спицин, 1915, рис.26].

Кресала данного отдела выделяются впервые. По происхождению они, бе-

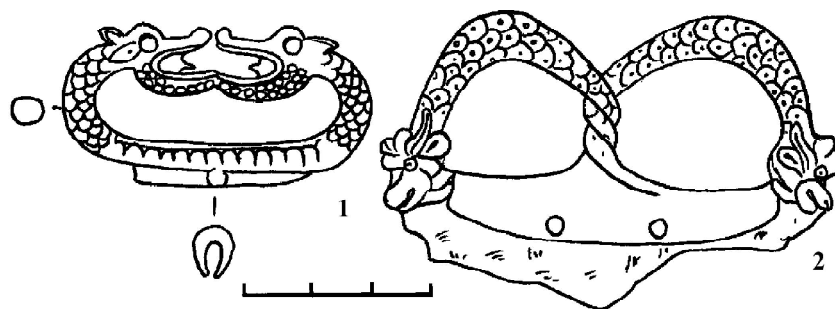

Рис.80 Биметаллические кресала. Отдел VIII. 1 – Астраханская область, 2 - Муранковский могильник Симбирской губернии.

зусловно, не имеют ничего общего с вышеописанными кресалами. Они относятся к гораздо более позднему времени, значительно отличаются по внешнему виду. Стилистика изображения свидетельствует о возможном восточном происхождении данных кресал. Д.Н.Анучин упоминал, что у китайцев, тибетцев, бурят и других восточных народов огнива иногда укреплялись в особой рукоятке, украшенной серебром, имели боковой карман для помещения кремня и трута и снабжались металлической цепочкой для прикрепления к поясу [Анучин, 1923, с.37]. Вполне возможно, что дальнейшие исследования памятников золотоордынского периода принесут новые находки подобных кресал.

Кроме описанных рукоятей кресал В.А. Могильников выделял группу предметов, по его мнению, характерных для Западной Сибири. Это объемные, полые внутри рукояти, изображающие коней или зайцев [Могильников, 1991, с.63]. Однако современные исследования показали, что это рукояти не кресал, а деревянных гребней [Угорское наследие, 1994, №103]. Это совершенно новая, уникальная категория бытовых предметов, характерная исключительно для Западной Сибири.

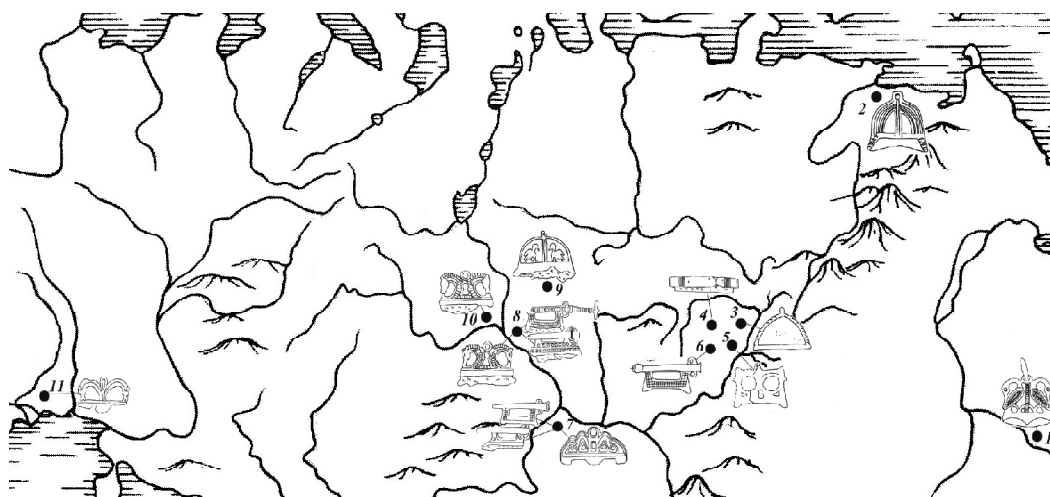

Рис.81 Биметаллические кресала. Схема распространения кресал подгруппы VI.2.2, группы VI.5, отдела VII. 1 – Сайгатинский могильник, 2 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 3 – Огурдинский, 4 – Рождественское городище, 5 – Степаново Плотбище, 6 – Загарский могильники, 7 – г.Болгар, 8 – Дубовский, 9 – Веселовский, 10 – Нижняя Стрелка могильники, 11 – с.Ханска.

Биметаллические кресала появились в конце IX в., и в период конца IX – начала XI вв. распространились на обширных территориях от Западной Сибири и Урала до Скандинавии (рис.65, 68, 70, 72, 75, 77, 81). Вопрос об их происхождении до сих пор не нашел окончательного ответа.

Н.Клеве [Cleve, 1929] и Э.Кивикоски [Kivikoski, 1939] относили эти огнива к характерным изделиям эпохи викингов, и, признавая их восточное («пермское») происхождение, не исключали возможности и других центров производства. В частности, они связывали широкое проникновение этих огнив на Запад с деятельностью загадочных варяжских центров «южнее Ладожского озера», при посредстве которых эти огнива из области Камы доходили до Швеции, Норвегии и Восточной Прибалтики. Голубева опровергает это предположение: «Норманистические увлечения названных археологов и ложный взгляд на исключительно транзитный характер торговли между Балтикой и Волго-Камьем в X в. помешали им правильно оценить значение местной угро-финской среды, бывшей основным производителем и потребителем интересующих нас огнив» [Голубева, 1964, с.115]. Л.А.Голубева полагает, что биметаллические кресала, найденные на севере Восточной Европы, в Финляндии, Швеции и Норвегии, изготовлялись в Прикамье финно-угорскими мастерами, и попадали на далекий запад торговым путем через Сухону, Вычегду, Белоозеро и Ладогу. Навстречу по тому же пути шло западноевропейское серебро [Голубева, 1964, с.115-132].

Для того, чтобы разобраться в вопросах производства и распространения биметаллических кресал, мы картографировали известные находки этих предметов, и получили весьма интересную картину. На картах отчетливо выделяется несколько основных центров распространения биметаллических кресал. Среди них, прежде всего, выделяются территории Пермского и Удмуртского Предуралья, Западной Сибири (Приобье) и Марийского Поволжья, где массово представлены кресала большинства основных типов.

Особое место занимает территория Пермского и Удмуртского Предуралья (Прикамья). Здесь встречены кресала почти всех известных типов. Мнение о том, что первоначальный центр изготовления биметаллических кресал находился именно на этой территории, прочно утвердилось в литературе. До возникновения кресал с бронзовыми рукоятями, здесь появились пробные образцы стальных зооморфных кресал (п.№17 Каневского могильника) [Генинг, Голдина, 1970, табл.28/6]. Вероятно, трудоемкость изготовления кованых изделий с зооморфными изображениями, привела к идее создания бронзовых литых рукоятей, которая возможно, была заимствована у салтовцев. В памятниках салтово-маяцкой культуры известно одно кресало с бронзовой рукоятью, украшенной салтовским растительным орнаментом [Ляпушкин, 1958, рис.21; Станилов, 1984, с.105; Рашев, 2001, с.230]. Учитывая, что большинство основных характерных украшений прикамского типа развивалось именно на основе салтовских прототипов, можно предполагать, что именно от салтовцев переняли и идею снабжения кресал бронзовыми рукоятями. Характерной особенностью кресал, встречающихся на территории Пермского Предуралья, являются частые случаи оформления основания рукояти треугольным выступом. На этой территории, безусловно, выделяется ремесленный центр, где производились

кресала с особыми характерными чертами – Рождественское городище. Рождественский археологический комплекс отличается как большим разнообразием биметаллических кресал, так и наличием бракованных изделий.

На территории Западной Сибири известны, преимущественно, *кресла группы ВІ.1, типа ВІ.2.1, группы ВІ.3, кресала типов ВІ.2.3-4* представлены в единичных экземплярах, полностью отсутствуют кресала *групп ВІ.4, ВІ.5, отделов VII и VIII*, но, вместе с тем, известны отдельные находки совершенно уникальных кресал, не имеющих аналогов. Большинство встреченных на данной территории биметаллических кресал, с одной стороны, укладываются в общую классификацию, с другой стороны, имеют ряд отличительных черт – изображения на них более детализированные, четкие, фигуры животных отличаются реалистичностью. Для них характерно изображение глаз в виде крупных концентрических кружков, обязательное выделение ноздрей, четкая проработка ушей, обозначение рельефом мышц. Таким образом, общая стилистика зауральских кресал свидетельствует о наличии особого центра их производства на данной территории. Несомненно, на территории Прикамья и Приобья в период конца IX – первой половины XI вв. жили родственные племена с общими культурными традициями, которые обусловили широкое распространение металлической пластики. К.Г.Карачаров отмечает, что с конца IX в. по обоим склонам Уральских гор, на Нижней и Средней Оби появляются и получают широкое распространение разнообразные бронзовые изделия с зооморфным декором: пряжки, подвески, рукояти, навершия, браслеты и т.д. На указанных территориях набор этих вещей наиболее разнообразен, и складывается впечатление, что место формирования рассматриваемого стиля зооморфной пластики тяготеет к Северному Уралу [Карачаров, 2002, с.127-128]. Широкое распространение серийных вещей (а также вещей, изготовленных по одной мастер-модели), высокая технологичность отливок свидетельствуют о вероятной немногочисленности производственных центров литья. Сложность выявления этих центров обусловлена тем, что к этому периоду изменилась техника изготовления бронзовых изделий: вместо литья в опоках доминирующим становится литье по выплавляемым (утрачиваемым) моделям [Карачаров, 2002, с.127]. Поэтому формы для отливки подобных изделий отсутствуют. Исключение составляют только рукояти кресал с изображением двух стилизованных конских голов, соприкасающихся мордами, которые, по мнению Л.А.Голубевой, отливались в жестких (каменных ?) односторонних формах [Голубева, 1964, с.128]. Такие формы пока тоже нигде не найдены, но наличие в материалах Рождественского археологического комплекса бракованных отливок рукоятей биметаллических кресал может свидетельствовать о том, что здесь существовал один из центров по изготовлению предметов зооморфной пластики [Голубева, 1964, рис.5].

Находки биметаллических кресал на Крайнем Севере на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, в лесном Припечорье, святилище на острове Войгач, вероятно, маркируют активное посещение этих мест охотниками из Прикамья и Приобья, а возможно, и поселение отдельных их представителей на северных землях. Это подтверждается наличием многих предметов материальной культуры, типичной как для Прикамья, так и для Западной Сибири, и, в частности, керамической посуды, в которой наблюдается большое сходство с посудой Западной Сибири [Мурыгин, 1992, с.170-173].

Третий центр, в котором также представлены все основные типы биметал-

лических кресал – Марийское Поволжье. Вполне вероятно, что значительная часть этих изделий могла поступать сюда по Волжскому торговому пути как из Прикамья, так и с Запада (кресала *группы IV*). Во всяком случае, Т.Б.Никитина не сомневается, что эти изделия доставлялись из Пермского Предуралья, где находился крупнейший центр их производства [Никитина, 2002, с.130]. Но несомненно и то, что часть предметов производилась на месте. Например, великолепные драконы на кресалах из погр. № 12, 51 Дубовского могильника не имеют аналогов за пределами Марийского Поволжья. Но, судя по тому, что иногда в качестве рукоятей кресал здесь приспособлялись основы шумящих коньковых подвесок прикамского производства, можно сделать вывод о престижности (или особой магической силе) изделий именно прикамских бронзолитейщиков.

Следует отметить, что основные места находок биметаллических кресал связаны с Волжским торговым путём. Такие находки известны и в Волжской Болгарии. Е.П.Казаков считает, что, учитывая массовость, стандартность изготовления, наличие незавершенных отливок, можно допустить, что такие кресала изготавливались в самой Волжской Булгарии [Казаков, 1992, с.142]. Однако здесь данные предметы представлены только на двух памятниках – в городе Болгаре, и на Танкеевском могильнике, этническая принадлежность которого связывается Е.П.Казаковым с урало-прикамским компонентом. Таким образом, логичнее предположить, что население, переселившееся из Пермского Предуралья, принесло эти предметы с собой, или изготовило для собственных потребностей уже на болгарской земле.

Довольно широко биметаллические кресала были распространены в Юго-Восточном Приладожье, но надо отметить, что, в отличие от иных центров, здесь использовались преимущественно кресала с рукоятями, отлитыми в жестких формах, которые могли производиться большими сериями. Среди них – кресала *подтипа В.І.2.І.1.2* – борющиеся медведи в рост, характерные исключительно для веси, и массовые изделия ремесленного производства *типа В.І.2.І.4* – плоские «коньковые» рукояти с ромбовидной прорезью между мордами животных.

Совершенно особым центром производства кресал группы В.І.4 – с двумя всадниками – является территория Финляндии, откуда данные предметы распространились как в соседние скандинавские страны, так и на восток по Великому Волжскому пути. Одновременно им чуть раньше здесь появились кресала *типа В.І.2.І.4*, попавшие сюда с восточных земель, и послужившие толчком к созданию собственного оригинального сюжета рукоятей.

Не приходится сомневаться, что кресала с декоративными рукоятями из бронзы возникли у населения Урала. Именно здесь под воздействием иранской мифологии возникает собственная яркая языческая мифология, на основе которой развилось оригинальная духовная, материальная и художественная культура. Здесь любой предмет становился носителем глубокой информации, таинственной магической силы. Вероятно, именно по этим причинам многие изделия прикамских мастеров (зооморфные гребни, копоушки, биконьковые шумящие подвески, биметаллические кресала и т.п.), распространяются далеко на запад вдоль Волжского торгового пути.

Широкой популярности кресал с зооморфными рукоятями способствовал скрытый в них смысл. Расшифровка семантики биметаллических кресал – дело

отдельного исследования. Мы попытались расшифровать один из сюжетов – сюжет рукоятей *подгруппы В.І.4.І* с антропоморфной фигурой и птицами, который прочно закрепился в литературе, как «Один и вороны» [Корзухина, 1977, с.156-162]. Композиция этих рукоятей является иллюстрацией распространенных в Сибири мифов «о разорителях гнезд». Во многих вариантах этих мифов культурный герой спасает птенцов гигантской птицы, и в благодарность она даёт герою оружие для добывания огня [Крыласова, 2004, с.312-320; 2006, с.64-74]. Как видим, этот миф гораздо лучше соотносится с самой сущностью кресал, нежели миф об Одине и его ручных воронах.

Что касается иных сюжетов, то, согласно нашему анализу, в них участвуют:

- кони
- медведи
- звери семейства куньих
- горные козлы
- львы
- водоплавающие птицы
- фантастические драконоподобные существа.

Все указанные существа (в том числе медведь, горностаи, водоплавающие птицы) известны как в урало-сибирской, так и в индоиранской мифологии. Все эти образы имеют сложные и многоплановое значение, однако между ними есть и нечто общее – они в той или иной степени связаны с космогоническими мифами и культами плодородия, в них находят отражения представления о всеобщей взаимосвязи мира, объединении миров. *Конь* во многих мифологических системах связан с водой и солнцем [Даркевич, 1976, с.11]. *Медведь* выполняет функцию посредника между миром богов и людей, он – дух земного плодородия и символ мужского начала, он – хозяин того света, олицетворяющий смертность [Лушникова 2004, с.136]. Зачастую медведь выступает как предок человеческого рода и культурный герой, одной из заслуг которого, в частности, было принесение людям огня [Мифология манси, 2001, с.115]. *Горный козел* – одна из ипостасей авестийского бога-громовержца Веретрагны, козлы и дерево – символ лунного божества [Мифы..., 1980, с.233; Даркевич, 1976, с.21]. Водоплавающие птицы в мировом фольклоре – символ благополучия, олицетворения семейного счастья и домашнего очага. *Птицы*, обитающие на «древе всех семян», рассыпают семена над миром [Даркевич, 1976, с.21]. Образ *утки* восходит к древнейшим индоевропейским представлениям о творении мира из водного Хаоса богом-демиургом в облике водоплавающей птицы. В реконструируемом для прауральского уровня космогоническом мифе также повествуется о возникновении земли путем ныряния за ней в воды мирового океана водоплавающей птицы. Н.Д.Конаков отмечает семантическую близость и взаимозаменяемость образов утки и горностая, воплощающих женскую символику и связанных с обозначением демиурга [Конаков, 1996, с.18-20].

Среди фантастических «драконоподобных» образов выделяются гиппокамп – крылатый конь-змей, связанный с водной стихией, Сенмурв (Симорг) – благожелательное существо, оберегающее от зла, сочетающее в своем облике обитателей всех стихий, - морду собаки, птичьи крылья и рыбий хвост, которое связано с культами плодородия и «мирового древа» [Даркевич, 1976, с.36], из

частей различных животных северной фауны создан образ, сопоставимый с «мамонтом» – фантастическим существом, известным в мифологии народов Сибири как существо, связанное с водой, которая выступает эквивалентом первобытного хаоса. По поверьям, лось, медведь и щука, достигнув старости, уходят под землю, превращаясь в мамонта, относящегося к категории существ, связанных с водой, которая выступает эквивалентом первобытного хаоса [Мифы..., 1982, с.233]. При этом лось теряет свои рога и обретает вместо них бивни, которые появляются и у медведя, превращающегося в мамонта; длинные ноги лося, не удобные для подземной жизни, укорачиваются, становясь похожими на медвежьи лапы, и, таким образом, оба этих зверя становятся одинаковыми по виду [Лушникова, 2004, с.131-132]. Вероятно, собирательный образ зверя на кресалах с Рождественского могильника, в котором сочетаются туловище медведя, уши лося и длинный пушистый хвост, является ничем иным, как изображением мамонта.

Как видим, большинство образов так или иначе связаны со стихией воды. В верованиях финно-угров, в частности, коми-пермяков, водная стихия во многом тождественна огненной. Вода, в частности, весенний дождь, как и небесный огонь – молния, очищает землю, а вместе с ней и людские души от всякой скверны. Вода, как и огонь, используется в качестве очищающего и оберегающего средства в народной медицине, колдовстве и знахарстве. Причем для пущей уверенности в достижении нужной цели огонь и воду используют одновременно. Например, при обрызгивании водой, в которую бросают горящие угольки, по поверьям легче выводится порча и сглаз [Коми-пермяцкий..., 2000, с.182].

Идеи, изложенные в работе лингвиста А.В.Лушниковой, наводят на мысль, что это вполне могли быть символы созвездий (например: *лев*, *козерог*, *близнецы* – парное изображение коньковых голов), или лунных месяцев, сезонов. Например, *Горностай* – символ Лета, маркирующий летнее солнцестояние, как наивысшую точку годового пути Солнца, и подчеркивает господствующее положение верховного небесного божества, имевшего изначально женский облик Великой Богини Прародительницы [Лушникова, 2004, с.163]. *Лев* в авестийской космогонии – символ весеннего равноденствия, Нового года; в Сасанидском Иране – зодиакальный знак июля – имел отношение к культу Митры [Даркевич, 1976, с.19, 59]. В календаре древних коми весеннее равноденствие приходится на месяц *Медведя* [Лушникова, 2004, с.154]. Рогатые животные (лось, олень, коза, лань и др.) в мифологических представлениях разных народов мира являются синонимичными образами, наделенными звездно-космической символикой. Причем, зодиакальный *Козерог*, по мнению А.В.Лушниковой, тоже сопоставим с Великой Богиней-Прародительницей [Лушникова, 2004, с.115, 162]. Любопытно, что для индоевропейского языкового ареала характерно функциональное подобие образов рогатых копытных, водоплавающих птиц и зверей семейства кунных (куда относятся горностай и ласка) [Лушникова, 2004, с.158].

Во всяком случае, совершенно ясно, что на таком важном бытовом предмете, как кресала, не могли помещаться какие-то малозначимые образы. Интересно, что картография находок разных типов биметаллических кресал показывает, что, при безусловном распространении этих вещей исключительно в финно-угорской среде (что отмечалось и ранее), использовались они неодина-

ково. Так, в землях веси известны только кресала с медведями и «коньками», в Скандинавские страны из Прикамья проник только один тип кресал, а на землях мордвы, мери, коми биметаллические кресала совсем не пользовались популярностью. Не исключено, что это связано как раз со знаковой сущностью данных предметов.

3.2.2 ТРУБИЦЫ ДЛЯ ТРУТА

Трубицы для трута представляют собой металлические пластины, согнутые в трубочку. Они делятся на 2 отдела по материалу – железные и бронзовые.

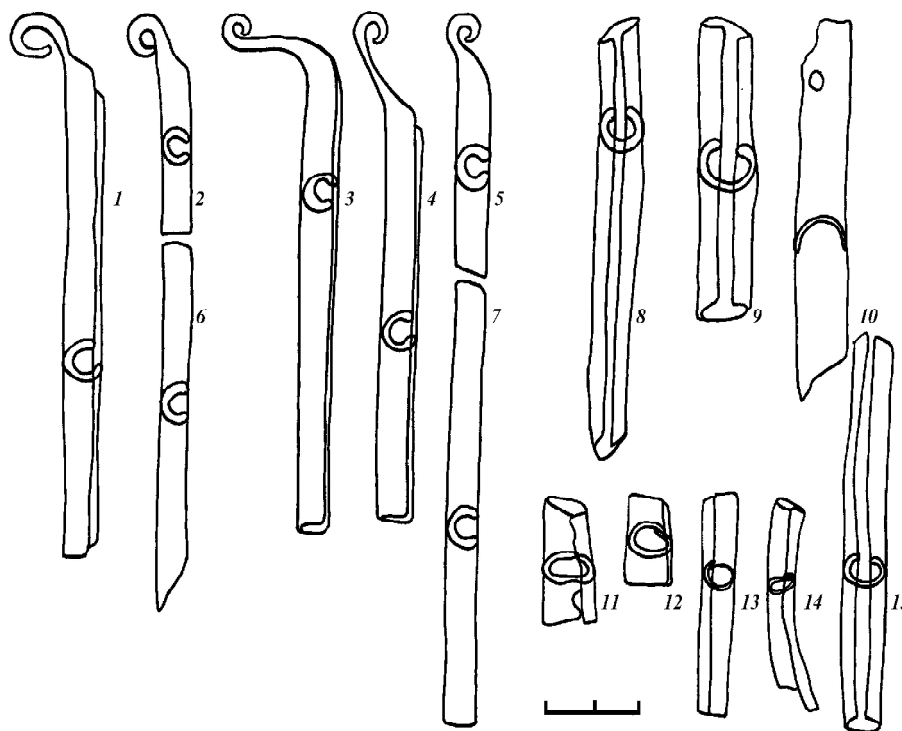

Рис.82 Трубицы для трута. 1-7 – Плесинский могильник, 8 – Аверинский, Русиновский, Щукинский, Васиневский могильники, 9 – селище телячий Брод, 10, 14 – Рождественское городище, 11-13 – Рождественский могильник, 15 – Огурдинский могильник.

вые.

Отдел А – железные.

Группа А.І (рис.82/1-7, 11 экз.) - длинные (до 10-12 см) тонкие (0,5-0,7 см) трубочки с вертикальным пазом и петлей, закрученной в спираль. На территории Пермского Предуралья встречены только на Плесинском могильнике в п. № 10, 26, 29, 30, 38, 43, 46, 54, 88 (КПОКМ, инв. № 642/60, 116, 128, 389, 489, 492, 493, 611, 666, 750, 910). В п. № 26,29,54 Плесинского могильника трубицы с петлей составляют единый комплекс с кресалами типа АІ.2.1, датирующимися VII-IX вв., в п. № 30,43 – с кресалами типа АІ.4.1.

Аналогичные трубочки широко представлены в сочетании с пластинчатыми огнивами в могильниках мери, муромы и мордвы V-VII вв. [Голубева, 1965, с.258]. На соседних территориях такие трубки известны в Удмуртии на могильниках Мыдлань-Шай [Генинг, 1962, табл.VIII/16], Варнинском [Семенов,

1980, табл. XXVII/9-11], Омутницком [Семенов, 1985, рис. 10/14], Тольенском [Семенов, 1988, с. 34, рис. 5/16]. Здесь они датируются VII-IX вв. Однако В.А.-Сунгатов, проанализировав материал Варнинского и Тольенского могильников, пришел к выводу, что данные трубочки встречаются в погребениях вместе с вещами X-XI вв., и, вероятно, могут быть отнесены к этому времени [Сунгатов, 1993, с. 98, рис. 2/43]. В качестве аналогии он приводит трубки для трута, известные в памятниках Ярославского Поволжья, Пскова и Приладожья [Недошивина, 1963, с. 51; Лабутина, Кальдюшевский, Урьева, 1981, с. 75, рис. 3/13; Седов, 1970, табл. XIV/2; Дубов, 1982, рис. 40/5]. На наш взгляд, трубки для трута Плесинского могильника могут датироваться концом IX-X вв.

Группа А.П (рис. 82/8-10) – **трубочки** длиной 7-10 см диаметром до 1 см с **вертикальным пазом**. Встречены в п. № 33, 65, 121, 157, 218, 228, 297, 301, 314, 317, 348 Аверинского II могильника, п. № 32, 46 Щукинского могильника, на Русиновском, Васиневском [Голдина, Кананин 1989, рис. 61/15], селище Телячий Брод, Рождественском городище (раскопки А.М.Белавина). У экземпляра с Рождественского городища имеется отверстие для привешивания.

Судя по датировке памятников, где представлены трубки данной группы, они бытовали на протяжении длительного времени с XI до XIII-XIV вв., что, очевидно, объясняется их простотой и функциональностью.

Отдел В – бронзовые.

Группа В.І (рис. 82/15, 1 экз.) - **относительно длинная** до 8 см **толстостенная трубка** диаметром 0,7 см с **вертикальным пазом**, по внешнему виду аналогичная железным трубкам группы А.П. Из п. № 76 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой). Дата XI в.

Группа В.ІІ (рис. 82/11-14, 4 экз.) - **короткие** 3-6 см **трубки** диаметром 0,05-1 см, **свернутые из тонкой пластины**. Происходят из п. № 98, междумогильного пространства Рождественского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой, с Рождественского городища (раскопки А.М.Белавина). Дата X-XI вв.

3.2.3 КРЕСАЛЬНЫЕ КРЕМНИ

Кремень - это разновидность минерала кварца скрытокристаллического характера с примесью грубых частиц песка и глины. Кресальные кремни (рис. 83), как правило, имеют подтреугольную или нуклиевидную форму, размеры их в длину 2-5,5 см, в ширину – 2,5-1,3 см. Большинство из них изготовлены из серого кремня, за исключением двух из погребения № 122 Рождественского могильника [Крыласова, 2003, с. 90], которые сделаны из сердолика. На рисунке представлены кремни из п. № 22 Аверинского II могильника, п. № 2 Кочергинского могильника, п. № 13 Важгортского могильника, п. № 47, п. № 104, п. № 98, 122 Рождественского могильника, п. № 76 Огурдинского могильника, п. № 37 могильника Телячий Брод, Нижних Чусовских городков. Здесь представлены погребения с IX по XIV вв., а Нижние Чусовские городки существовали с XVI в. На протяжении всего этого периода форма кресальных кремней была относительно стандартной. На Рождественском могильнике кресальные кремни встречены в 4-х погребениях, причем только в одном случае (погр. 98) кремень находился в комплексе с железным кресалом, а также трубочкой для трута и сумочкой. В остальных случаях кремни представлены без кресал, в погребениях № 104 и 122 их было 2-3. Это дает возможность предполагать, что кроме способа высечения искры ударом камня о сталь, мог суще-

ствовать и архаичный способ высечения искры ударом камня о камень [Крыласова, 2003, с.90].

Как ни странно, не смотря на то, что все имеют представление о существовании в древности кресальных кремней, мало кто задавался вопросом, какие конкретно орудия использовались для высечения огня. Одним из немногих исследователей, специально занимавшимся вопросом изучения кресальных кремней, является Ю.Б.Сериков. Среди данных изделий он выделил орудия типа скребков и нуклевидные куски, которые, судя по описанию, аналогичны

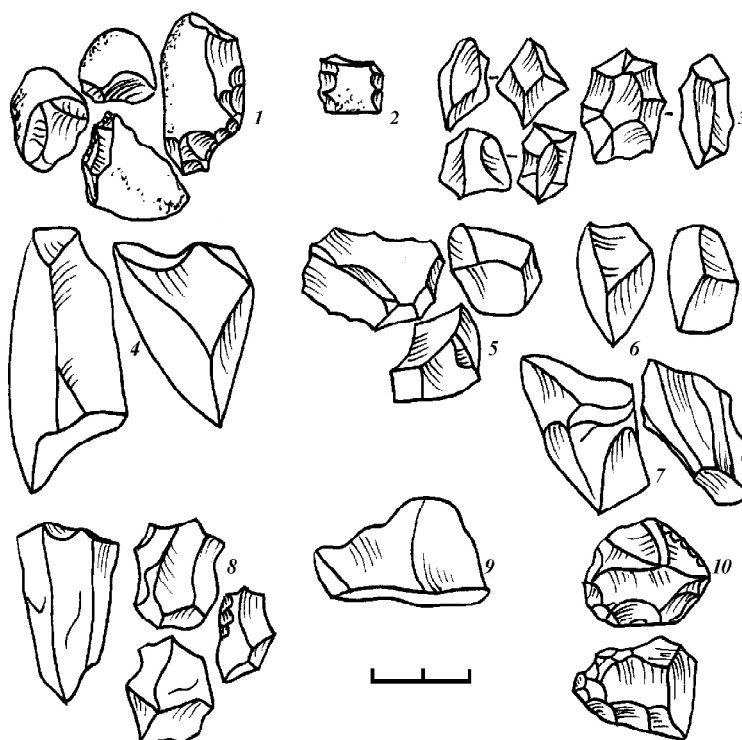

Рис.83 Кресальные кремни. 1 – п.№ 22 Аверинского II могильника, 2 – п.№ 2 Кочергинского могильника, 3 – п. № 13 Важгортского могильника, 4 – п. № 47, 5 – п. № 104, 6 – п.№ 98, 7 – п.№ 122 Рождественского могильника, 8 – п. № 76 Огурдинского могильника, 9 – п. № 37 могильника Телячий Брод, 10 – Нижние Чусовские городки.

встреченным в средневековых погребениях Пермского Предуралья. Изучение «скребков» не выявило следов использования их для скобления. Забитость рабочих кромок показало, что они использовались в каких-то ударных операциях. То же самое можно сказать и о нуклевидных кусках. По мнению Ю.Б.Серикова, кресальные кремни в целом характеризуются специфически сработанным рабочим краем, который имеет прямую или вогнутую форму и сильную забитость кромки с одной или двух сторон. Часто рабочий край выглядит как скребковый, иногда его формирует плоская с заломами ретушь с обеих (иногда с одной) сторон. В определении функционального назначения орудий для высечения огня большое значение имеют условия и место обнаружения артефактов [Сериков, 2002, с.251-252]. В частности, кремни, встречающиеся в могильниках Пермского Предуралья главным образом в области пояса, иногда в со-

провожении металлического кресала, без сомнения являются кресальными кремнями.

3.2.4 ХРОНОЛОГИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ОГНИВА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Как уже отмечалось, кресала принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, выполненных в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства. Вероятно, именно с этим связано относительно позднее распространение кресал на территории Пермского Предуралья. Судя по имеющимся данным, первые их экземпляры появились здесь не ранее конца VII в., хотя, как отмечает С.Н.Коренюк, еще в погребениях раннего железного века нередко встречаются обломки стальных клинков, которые могли использоваться в качестве кресал, - то есть способ извлечения огня с помощью стали и кремня был известен достаточно давно, но намеренное изготовление специализированных предметов для добывания огня стало возможным только с достижением местными кузнецами определенного профессионального уровня.

С этого момента вплоть до середины XIX в. стальные кресала не выходили из употребления. Их форма и декоративное оформление эволюционировали в соответствие с изменением эстетических и идеологических представлений населения или под влиянием со стороны крупных ремесленных центров Волжской Булгарии и Руси. Нужно отметить, тем не менее, что преимущественно, все же, здесь присутствовали собственные формы кресал, которые нельзя напрямую сравнивать с изделиями русских центров.

Самой ранней формой кресал (рис.84) являются калачевидные кресала *типа А1.1.1* из круглого в сечении расплющенного с одной стороны дрота. Они просуществовали довольно недолго, не получили широкого распространения, аналогий не имеют. Более массовыми были пластинчатые кресала с одной рукоятью и в виде плашек (*типы А1.2.1, А1.4.1*), распространенные в VII-IX вв. преимущественно на территории Пермского и Удмуртского Предуралья. В комплексе с ними присутствуют железные трубицы для трута с изящной петлей в виде завитка (*группа А.1*).

В период с конца IX – начала X до первой половины XI вв. кресала становятся наиболее массовыми, встречаются в большинстве мужских и многих женских погребениях. Среди них самыми распространенными были калачевидные кресала овально-подтреугольной формы *типа А1.1.2*. В этот же период бытовали разнообразные типы биметаллических кресал. Два из них (Рождественский могильник) имеют абсолютную дату: кресало из п. № 23 найдено с дирхемом Наср ибн Ахмада (934/935 г.), из п. № 120 – с тремя дирхемами X в. Редкими типами, встречающимися в данный период, являются трапецевидные пластинчатые кресала IX-X вв. (*группа А1.3*) и кресала в виде вытянутой плашки с петлей X – начала XII вв. (*тип А1.2.2*).

Со второй половины-конца XI в. получают распространение калачевидные кресала подтреугольной формы (*тип А1.1.3*) и кресала с дугообразным и прямоугольным язычком, у которых S-образно изогнутые рукояти почти вплотную прижаты к лезвию (*типы А1.1.4, А1.1.5*). Они просуществовали до начала XIII в. Одновременно появились овальные и прямоугольные двулезвийные кресала (*группы А.11.1, А.11.2*), которые находят широкие аналогии в Восточной Европе. По всей видимости, эти кресала можно считать древнерусским импор-

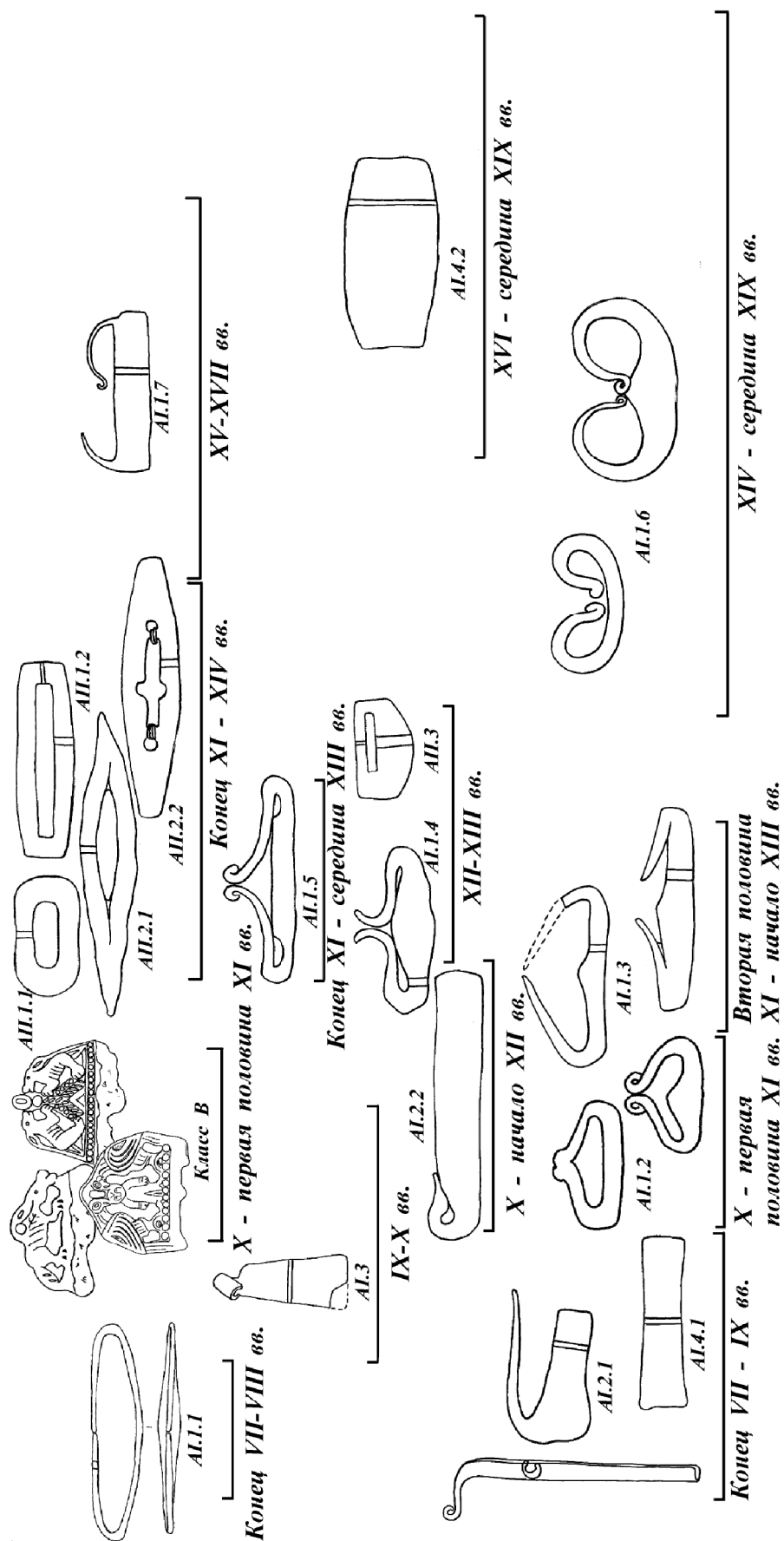

Рис. 84 Хронологическая таблица элементов
огнива.

том или местной продукцией, возникшей под культурным влиянием русских переселенцев, в то время как калачевидные кресала этого времени встречаются преимущественно в Приуралье исключительно в финно-угорской среде.

Недолгое время (XII-XIII вв.) просуществовал оригинальный локальный тип двулезвийных кресал с асимметричными лезвиями, который не имеет аналогий за пределами Верхнего Прикамья (*группа А.И.3*).

С XIV по XIX вв. были распространены изящные В-образные калачевидные кресала как с язычком, так и без него (*тип А.И.1.6*), одновременно с которыми бытовали овальные пластинчатые кресала (*тип А.И.4.2*). Наряду с ними в XV-XVII существовали калачевидные кресала с прямоугольным лезвием и тонкими концами рукоятей (*тип А.И.1.7*). Если первые находят аналогии в основном на Урале и в Сибири, то последние известны по всей территории Восточной Европы.

Т.о., представления большинства исследователей, основанные на новгородских датировках, предложенных Б.А.Колчиным, по которым калачевидные кресала с язычком относятся к X-XI в., в последней четверти XI в. сменяются калачевидными кресалами без язычка, а с XII в. вытесняются овальными, далеко не всегда соответствуют действительности. Как показывают материалы Пермского Предуралья, наличие или отсутствие язычка у калачевидных кресал здесь не является хронологическим признаком, а таковым выступает форма и особенности оформления концов рукояти. Что касается овально-подпрямоугольных кресал, то, на мой взгляд, распространенная точка зрения об их древнерусских корнях вызывает сомнение, так как данные кресала гораздо раньше появляются в салтово-маяцкой культуре, а от нее, как и многие другие предметы материальной культуры, заимствуются финно-угорским населением Пермского Предуралья.

3.2.5 КРЕСАЛА КАК МАГИЧЕСКИЙ АТРИБУТ

Кресала, как в повседневной жизни, так и в погребальной обрядности, наряду с практической функцией наделялись магическими свойствами амулета. Эти представления были широко распространены и у оседлого языческого населения, и у кочевников.

О магической силе этих предметов свидетельствуют многочисленные данные этнографии, фольклора, сказки. В эпоху средневековья у многих народов был широко распространен культ огня, и кресало могло выступать как один из атрибутов этого культа, то есть заменителем огня. Чаще всего кресало считалось сильным универсальным оберегом. Например, по поверьям кумандинцев, неправильно захороненные умершие оставались в мире живых, и поздним вечером преследовали в лесу запоздалых путников; считалось, что их можно отпугнуть искрой из огнива [Сатлаев, 1974, с.151-152]. В хантыйских сказках кресальный камень вместе с гребнем и оселком выступают как магические предметы, обереги. Убегая от погони, герои бросают назад себя эти предметы и возникает преграда для догоняющего; когда бросают камень – возникает огонь [Мифы, предания..., 1990, с.101-102]. Подобные эпизоды можно встретить и в сказках многих европейских народов, у которых стальные огнива наряду с практическими выполняли и магические функции оберега. Более того, в Скандинавии эпохи викингов и на территории Восточной Европы во второй половине IX-X вв. бытовали миниатюрные серебряные (иногда железные) при-

вески-амулеты, которые копировали форму широко распространенных калачевидных кресал. Они найдены в женских погребениях икладах [Новикова, 1988, с.38].

У манси огнива, наряду с топором, ножом, старинной саблей, широко использовались для гадания. Например, при болезни у кондинских манси прорицатель привязывал нож или огниво к одному концу нитки, а второй конец обматывал вокруг кисти руки. Если нож или огниво поворачивались вправо – дело шло к излечению, влево – близилась смерть [Мифология манси, 2001, с.54].

Важное значение огнива, как магического, священного предмета, зафиксировал Л.Штернберг у одного из сибирских народов: «Когда род разделяется, и часть его выселяется в другое место, старший в роде отламывает половину огнива и вручает старейшему из отъезжающих. Этим огнивом переселенцы зажгут на новом очаге огонь на празднике медведя; оно же будет передаваться из рода в род для той же цели. Отсюда выражение «ломать огонь» стало означать расселение рода [Штернберг, 1893, с.6]. Аналогичный обычай отмечен у уличей. Огонь, таким образом, является символом родового единства; с нарушением единства «ломался» огонь [Косарев, 2003, с.163].

Использовались кресала и в погребальной обрядности, причем, это отмечалось еще в недавнем прошлом. К примеру, жители Сибири наряду с другими могильными вещами клали вместе с покойником и «огонь» – обычно в виде огнедобывающего приспособления (огниво, трут и пр.) [Косарев, 2003, с.161]. То есть, в этом случае кресало входит в состав необходимых предметов «дорожного набора», к которому можно отнести основную часть сопроводительного инвентаря в погребениях, равно как и заупокойную пищу, которые помещались в могилу с целью снабдить покойника (душу-тень?) припасами на период очень опасного и весьма длительного путешествия в нижний мир. В дальнейшем эти вещи могли служить погребенному в стране мертвых так же, как они служили при жизни. Некоторым покойникам клали в могилы подарки для ранее умерших родственников. Однако А.В.Евгалевский и Тат.М.Потемкина считают, что в тех случаях, когда кресало в погребение клали не в районе пояса, то, вероятно, этим подчеркивались, прежде всего, его магические свойства [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.203]. К примеру, в прикамских могильниках кресала, кроме обычного расположения в области пояса, встречаются у груди покойных (п.№ 8 Баяновского, п.№ 40 Плесинского могильников) и в центре могильной ямы (п.№5 Каневского могильника) [Голдина, 1970, с.65]. В данном случае кресала, по-видимому, входили в группу инвентаря, предназначенного для того, чтобы оберегать умершего по пути в страну мертвых [Евгалевский, Потемкина, 2000, с.203].

Таким образом, кресала являлись не просто важным бытовым предметом, который находился в обиходе на протяжении почти двенадцати столетий, но и весьма значимым магическим предметом, занимавшим видное место среди ритуальных вещей.

3.3.ОЧАГ

В каждом доме есть такое место, где сосредотачивается вся жизнь семьи – *очаг*. Он является неотъемлемой частью понятия «дом», он придает просто-

му убежищу характер жилища, и служит важнейшим признаком присутствия человека [Материальная культура..., 1989, с.120]. В старых представлениях обских угров жилище, собственно, являлось ничем иным, как костром, огороженным стенами и крышей от дождя и ветра [Мифологическое время, 2003, с.83-87]. Повсеместно очаг служит сакральным центром жилища, обиталищем духов дома и семьи [Материальная культура..., 1989, с.120].

С древности для приготовления пищи и обогрева человека служил примитивный костер, а позднее очаг. Причем использование такого простого отопительного устройства фиксируется на протяжении очень длительного времени. Например, у хантов и манси вплоть до XX в. во временных постройках очагом служил костер [Мифы, предания..., 1990, с.9].

В процессе развития прикамского жилища очажное устройство постепенно совершенствовалось. Главным направлением эволюции отопительного устройства был длительный процесс постепенного преобразования простого кострища в очаг открытого, полузакрытого типа и, в конечном итоге, - в печь [Черных, 1998, с.91].

Исследования жилищ саргатской культуры, проведенные группой археологов с применением методов физических наук, позволили определить КПД открытого очага. Согласно их выводам, сооружение в домах открытых очагов дает возможность максимально использовать теплоту, за счет того, что продукты сгорания смешиваются с воздухом помещения, излучение тепла от костра идет во всех направлениях. Но, с другой стороны, и попадание воздуха в открытый очаг выше, что влечет за собой увеличение количества тепла, уходящего с дымом. Поэтому КПД открытого очага составляет всего около 30 %. Эксперименты польских исследователей показали, что колебания температур при отоплении жилищ со светодымовым отверстием были очень резкими: пока горел очаг, в жилище было довольно тепло, как только он прогорал, температура резко падала. К тому же тепло от очага распределялось неравномерно – самое теплое место было у костра, а у стен, и особенно у входа значительно холоднее. Т.о., не только временной, но и пространственный перепад температур был довольно существенным. Но это только один из неблагоприятных факторов. Его могли усугублять сквозняки, проникавшие сквозь дверной проем, светодымовое отверстие, возможно, окна. Кроме того, при приготовлении пищи неизбежно испарялась часть влаги, что не только приводило к понижению температуры, но и создавало влажность в жилище. Добавляло влажности дыхание обитателей жилища, включая домашнюю скотину, которая в холодный период содержалась в привходовой части. Все это могло отрицательно сказываться на здоровье жителей [Матвеева и др., 2005, с.118-120].

Однако население Пермского Предуралья стремилось использовать различные средства для сохранения тепла в помещениях. Одним из них является усовершенствование открытого очага путем использования в его конструкции большого количества глины и камней.

Еще М.В.Талицкий отмечал, что остается неясным, с какой целью место очага выкладывалось глиной, ведь при отсутствии деревянного пола можно было разводить костер прямо на земле [Талицкий, 1951, с.39]. Р.Д.Голдина объяснила это особой традицией прикамского населения, по ее наблюдениям, глинобитные основания очагов – типичная черта прикамских жилищ на протяжении длительного периода, они известны еще с раннего железного века (ана-

ньинская культура). В жилищах гладеновской культуры существовали очаги на глиняных подушках, заключенных в деревянную раму или обставленных камнями [Голдина, 1985, с.89]. Постепенный рост глиняной основы очагов, по мнению Е.М.Черных, привел к распространению многослойных глинобитных очагов, а также и глиняной обмазки всего пола жилого помещения. По мнению Е.М.Черных, утяжеление массы очага за счет использования глины и прослоек из галечника и каменной кладки повлекла за собой необходимость как можно дольше сохранить тепло в очаге [Черных, 1998, с.91]. Жители Пермского Предуралья таким образом в некоторой степени устраняли один из неблагоприятных факторов использования открытого очага. После его прогорания разогретая глинобитная подушка еще на протяжении определенного времени продолжала обогревать жилище, что исключало резкий перепад температур.

С возрастанием роли пашенного земледелия и скотоводства и, следовательно, с упрочением оседлого образа жизни, увеличивается длительность эксплуатации очагов. Археологические раскопки родановских жилищ наглядно свидетельствуют о неоднократном обновлении очагов, многочисленных подмазках их глиной, в результате чего росла масса глинобитного основания. Как правило, при раскопках очаги представляют собой яркие пятна прокаленной глины. По описанию М.В.Талицкого, прожженная и распавшаяся на комья поверхность глины вместе с покрывающим ее слоем золы и углей перекрывалась свежим слоем глины. Такие подмазки повторялись неоднократно, и иногда они образовывали толщу до 70 см, состоящую из чередующихся прослоек золы и прожженной до кирпичного и даже белого цвета глины. Рост высоты родановских очагов происходил постепенно, начиная с уровня земли [Талицкий, 1951, с.39]. Подобные остатки известны в ломоватовское время на Коновалютском селище и в нижнем слое Лаврятского городища, на городищах родановской культуры такие очаги были распространены практически повсеместно.

В более позднее время, по наблюдениям В.А.Оборина, глинобитный очаг в родановском жилище иногда заключался в деревянную раму – сруб, предохраняющую глину от расползания [Оборин, 1970, с.9]. Такой высоко поднятый над землей очаг, с одной стороны, был удобнее во время приготовления пищи, с другой стороны, поднятый на уровень нар, как в древних мансийских жилищах [Талицкий, 1951, с.38], он лучше выполнял отопительную функцию.

Для лучшей аккумуляции тепла в конструкции очагов помимо глины применялся камень. Глиняные очаги с дополнительной обкладкой камнями встречаются в Пермском Предуралье на протяжении всей эпохи средневековья. Например, очаги Опутятского городища харинского времени имели дополнительные наземные конструкции в виде облицовки из камней песчаника. В.Ф.Генинг отмечал часто встречающиеся обожженные камни в засыпи ям, где последние могли оказаться в результате разрушения верхней части очагов [Генинг, 1980, с.99-107]. Устройство очагов с каменной кладкой известно и позднее. На Родановом городище в одном из жилищ верхнего слоя обнаружен очаг, представляющий собой площадку, вымощенную крупным камнем, - как бы отрезок короткой дороги. Камни лежали на глиняной подушке, затем снова перекрывались глиной [Талицкий, 1951, с.41]. Подобное устройство очагов из глины с использованием крупных камней известно на Саламатовском городище X-XIII вв. [Белавин. Отчет за 1986 г.], на селище Телячий Брод XII-XIV вв. [Крыласова. Отчет за 2003 г.], вплоть до этнографического времени. Так, у ман-

си в конусообразном жилище очаг был выложен из камней в форме овала [Мифология манси, 2001, с.10].

Кроме напольных глинобитных очагов, получивших широкое распространение в жилищах Пермского Предуралья, существовали и очаги, поднятые над землей на помосте. Наличие таких очагов довольно сложно зафиксировать археологическими методами, поскольку провал под помостом не образуется, и свидетельством существования подобного очага может быть только скопление кусков глиняной обмазки. Достоверная информация о существовании такого рода очагов получена при раскопках жилища VIII в. на селище Запоселье I. Здесь в жилой камере жилища находилось две столбовые конструкции, расположенные по центральной оси сооружения. Первая конструкция имела форму прямоугольника размерами 1,8 x 2,35 м, ориентирована по линии С-Ю. Вторая квадратная конструкция с длиной сторон 1,4 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На наш взгляд, эти конструкции являются основанием поднятых над полом на помосте очагов или даже печей типа чувала. Эта точка зрения основана на том, что в данной части жилища в заполнении встречены многочисленные куски обожженной глиняной обмазки, да и слой заполнения насыщен мелкой ярко-оранжевой керамической крошкой, происходящей от разрушенной печной обмазки. Кроме того, в районе данных сооружений встречено множество крупных неорнаментированных прокаленных фрагментов керамики толщиной до 2 см с очень слабым изгибом стенок. С одной стороны, можно предположить, что это обломки очень большого сосуда. Но, с другой стороны, судя по тому, что нигде на других участках селища подобных фрагментов керамики не встречается, можно интерпретировать их как фрагменты отдельно вылепленного и поставленного на основание свода печи. Полученные данные, вероятно, помогут по-новому взглянуть на материалы исследования ряда средневековых селищ, где, с одной стороны, выделяются крупные сооружения, которые вполне могли являться жилищами, но, с другой стороны, отсутствие в них очагов в привычном для археологов виде не позволяет интерпретировать их как жилые постройки. Так, например, на селище Телячий Брод, которое на протяжении ряда лет исследовалось В.А.Обориным, А.М.Белавиным, Н.Б.Крыласовой, не известно ни одного жилища (так как во всех зафиксированных сооружениях, которые можно было бы интерпретировать как жилище, отсутствует очаг), и, в целом, очень мало очагов с провалами, но наличие в культурном слое большого количества кусков обожженной глины свидетельствует о возможном существовании очагов или печей на помосте.

Как было упомянуто, поднятые над полом отопительные сооружения запосельского жилища можно интерпретировать и как открытые очаги типа каминна (*чувала*). Это предположение основано на том, что столбовые конструкции в них с трех сторон располагаются в две линии, т.е. один ряд столбов мог использоваться как опора помоста для очага, а второй – как жердевой каркас каминной трубы, обмазанной глиной. Россыпи кусков обожженной глины и столбовые конструкции встречаются и на других памятниках Пермского Предуралья, но пока специального всех этих остатков не предпринималось, поэтому сложно судить о том, в какой мере здесь могли быть распространены чувалы пока сложно.

Чувалом, сплетенным из прутьев и обмазанным глиной, отапливались и освещались постоянные жилища хантов и манси [Мифология манси, 2001, с.10;

Мифы, предания... 1990, с.9]. Его традиционное устройство таково: из длинных жердей, обмазанных глиной, делали трубу диаметром около 80 см. Спереди половину трубы срезали, образуя камин с отверстием в 70–80 см. Чувал устраивали на земляном или дощатом фундаменте [Мифология манси, 2001, с.10].

Чувал близок открытому очагу, он также отдает теплоэнергию излучением, но только в одну сторону. Исследования, проведенные группой новосибирских ученых, показали, что КПД камина несколько ниже, чем у открытого очага. Это объясняется тем, что в открытый проем камина попадает в 10–20 раз больше воздуха, чем требуется для горения, воздух забирает часть тепла и уносит его в атмосферу через трубу. Если необходим постоянный обогрев помещения, камин нужно непрерывно топить, а это требует большого количества топлива. В целом КПД камина составляет до 20–25 %, т.о., если сравнивать с показателями обычного открытого очага (КПД 30%), то незначительно меньше [Матвеева и др., 2005, с.118–119]. Но, с другой стороны, исследователи не учли такой фактор, как аккумуляция тепла в основании и толсто обмазанных глиной стенках камина-чувала, за счет чего КПД открытого очага и камина могут примерно сравняться.

С.В.Томсинский отмечает, что, к примеру, у населения Волго-Окского междуречья, по мере сдвижения открытого очага к стене, что было обусловлено новыми хозяйственно-производительными потребностями, очаг постепенно превращался в отопительное устройство типа пристенного камина [Томсинский, 1985, с.58]. Вполне вероятно, что аналогичная картина наблюдается и в Пермском Предуралье. Анализ всех особенностей выявленных очагов и сопровождающих их столбовых конструкций требует специального кропотливого исследования.

Дальнейшая эволюция отопительного устройства приводит к появлению *глинобитных печей* [Черных, 1998, с.91]. Остатки такой печи выявлены, например, в позднем слое Анюшкара, в виде развала в одном из углов дома [Оборин, 1956, с.99; Бадер, Оборин, 1958, с.203]. Судя по тому, что в XI в. появляются керамические валики-подставки, предназначенные для установки круглодонных сосудов на плоскую поверхность, среди которых выявлены и предметы, устанавливавшиеся на печи (возможно, как конфорки), можно полагать, что именно в это время появляются первые печи. Как считает Е.М.Черных, прикамские глинобитные печи – это скорее продукт собственного местного развития, нежели заимствованные от пришлого русского населения [Черных, 1992]. С этим, безусловно, следует согласиться, так как в XI в. контакты с русским населением были еще весьма эпизодическими, а переселение русских в Прикамье началось не ранее XII века. Однако полностью отрицать заимствование глинобитных печей от некоего пришлого населения нельзя, так как множество фактов свидетельствует о притоке в Пермское Предуралье со второй половины XI в. населения финского облика с западных территорий. Завершился процесс развития местных глинобитных печей, по мнению Е.М.Черных, уже с приходом сюда русского населения, принесшего более совершенные технические приемы устройства печей, к восприятию которых местное население было вполне подготовлено [Черных, 1992].

Возникновение и развитие печи имело особое значение не только для отопления, но и для целого ряда производственных технологий (хлебопечение,

обжиг керамики и т.д.). Печь представляет собой закрытое место для огня, которое дает людям возможность использовать его в самых различных интересах. Особую роль играло использование печей для приготовления пищи. От печи произошли устройства для обжига керамических изделий, плавки минералов и металлов. Первоначально опорная поверхность печи была единой, и предназначалась для огня, золы, выпекаемых блюд и сосудов для варки пищи. После затухания яркого пламени тепло печи используется для выпекания хлеба или блюда внутри нее.

Отопительные и многоцелевые печи, действующие по принципу теплосборника, со времени средневековья позволяли постоянно или, по крайней мере, временно сохранять тепло без дыма в жилых помещениях. Нагревание помещения без дыма было возможно в том случае, когда печь устанавливалась таким образом, чтобы ее фасад с отверстиями для топки и дыма выходил через стену комнаты в переднюю, куда попадал весь дым и откуда топилась сама печь. Соединение печи с дымоотводом происходило постепенно, сначала дым просто выводился из жилого помещения через двери, щели в кровле, а в период позднего средневековья появился дымоотвод, выводящий дым через крышу [Материальная культура, 1989, с.120-122].

Нужно отметить, что этнографическая экспедиция ПГПУ зафиксировала в ряде районов Пермского края весьма своеобразный тип глинобитной печи. Это прямоугольная печь небольших размеров (1,65 x 1,30 x 1,40 м), установленная на полу или специальном каркасе из столбов или в виде небольшого сруба, установленном на земле, и поднимающем печь до уровня пола. Печь настолько мала, что на ней, в отличие от традиционной русской печи, редко устраивалась лежанка. Шесток, выдвинутый вперед в среднем на 0,45 м, в таких печах остается открытым. Для сбора дыма над ним устраивался железный кожух в виде воронки, соединенный с прямой трубой, выводящей дым на крышу [Крыласова, 1988, с.35-36]. Таким образом, данная печь представляет собой ни что иное, как соединение известной с периода средневековья традиционной прикамской глинобитной печи, которая топилась по-черному, с каминным дымоходом, как у угорского чувала. Такие печи сохранились, в основном, в среде строобрядцев. Не исключено, что переселившись в Предуралье, старообрядцы заимствовали у коренного населения (а они заняли, главным образом, те земли, где по письменным источникам фиксируется присутствие вогуличей-манси) местный тип печи, и в силу консерватизма бытовой культуры сохранили его вплоть до конца XX в.

Таким образом, мы можем утверждать, что население Пермского Предуралья в эпоху средневековья стремилось использовать различные средства для создания и сохранения тепла в жилых помещениях. В эволюции очага отчетливо прослеживается тенденция увеличения толщи его основания с использованием глины и камней, аккумулирующих тепло, тенденция поднятия очага на уровень нар, что способствовало лучшему обогреву жизненно важного пространства, и, наконец, этот процесс завершился появлением черной глинобитной печи. Появление глинобитной печи относится к периоду не ранее рубежа XI-XII вв., и, вполне возможно, было связано не только с эволюцией местного отопительного устройства, но и с новыми бытовыми традициями, привнесенными пришлым населением. Одновременно существовала и проблема вывода дыма из помещения. Свето-дымовая щель в крыше в условиях сурового кли-

мата вызывала излишнюю трату топлива и способствовала быстрому охлаждению помещения. Поэтому уже, возможно, в VII-VIII вв. появились очаги типа камина с прямым дымоходом, а впоследствии, когда появилась глинобитная печь, аналогичный дымоход приспособили и для нее.

3.4 ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ

У многих народов дневной свет проникал в жилище через окна, двери, дымовые отверстия. В местах с холодным климатом световые отверстия затягивали бычьим пузырем, а зимой в окно вставляли пластинку льда [Материальная культура, 1989, с.117]. Так, например, известно, что манси зимой закрывали окна своих срубных жилищ льдиной, а летом затягивали брюшиной оленя [Мифология манси, 2001, с.10]. Тем не менее, большую часть дня внутренность дома оставалась темной. Искусственное освещение жилища с древнейших времен осуществлялось с помощью костра, позднее – очага. В качестве светильников применялись черепки сосудов, в которых поддерживали небольшой огонь.

В эпоху средневековья на территории Восточной Европы известны осветительные приборы, которые делятся на три основные группы: масляные светильники-жирники, подсвечники, светцы-лучинодержатели.

Группа I – масляные светильники.

Масляные светильники (или жирники) известны достаточно давно, на ранних этапах в качестве жирников могли использоваться каменные или деревянные плоски, раковины моллюсков, позднее – черепки керамической посуды. В эпоху раннего железного века уже хорошо известны специальные плоски. В них наливался жир, в котором плавал горящий фитиль из лоскута или мха (например, в саргатской культуре). Такое приспособление сохранялось и в этнографическое время у жителей Сибири. Причем жирник служил не только источником света, но и источником тепла, с его помощью могли обогревать отдельные части жилища – спальные места, комнаты. Судя по этнографическим данным, когда горел жирник, в пологе на спальном месте было настолько тепло, что можно было раздеваться до пояса [Матвеева и др., 2005, с.115].

Подгруппа I.1 – керамические плоски (рис.17). В Пермском Предуралье в качестве масляных светильников вполне могли использоваться маленькие керамические плоски, которые в небольшом процентном соотношении присутствуют в большинстве керамических комплексов средневековых поселений начиная с раннего времени. На многих из них имеются следы нагара, свидетельствующие о том, что эти миниатюрные сосудики были предназначены отнюдь не для питья, как можно было бы предположить. Одна из анюшкарских миниатюрных чашечек с нагаром изнутри и снаружи (раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, № 21/381), имеет на стенках следы маслянистой накипи (рис./17), это может свидетельствовать об использовании и такого рода посуды в качестве светильников-жирников.

Подгруппа I.2 – керамические светильники болгарского типа в виде плоски с носиком и рукоятью (рис.85).

Еще в греко-римскую эпоху получили широкое распространение глиняные светильники-жирники с носиком и ручкой. Подобные светильники известны и на Руси, причем, исследователи отмечают, что основная масса их происходит

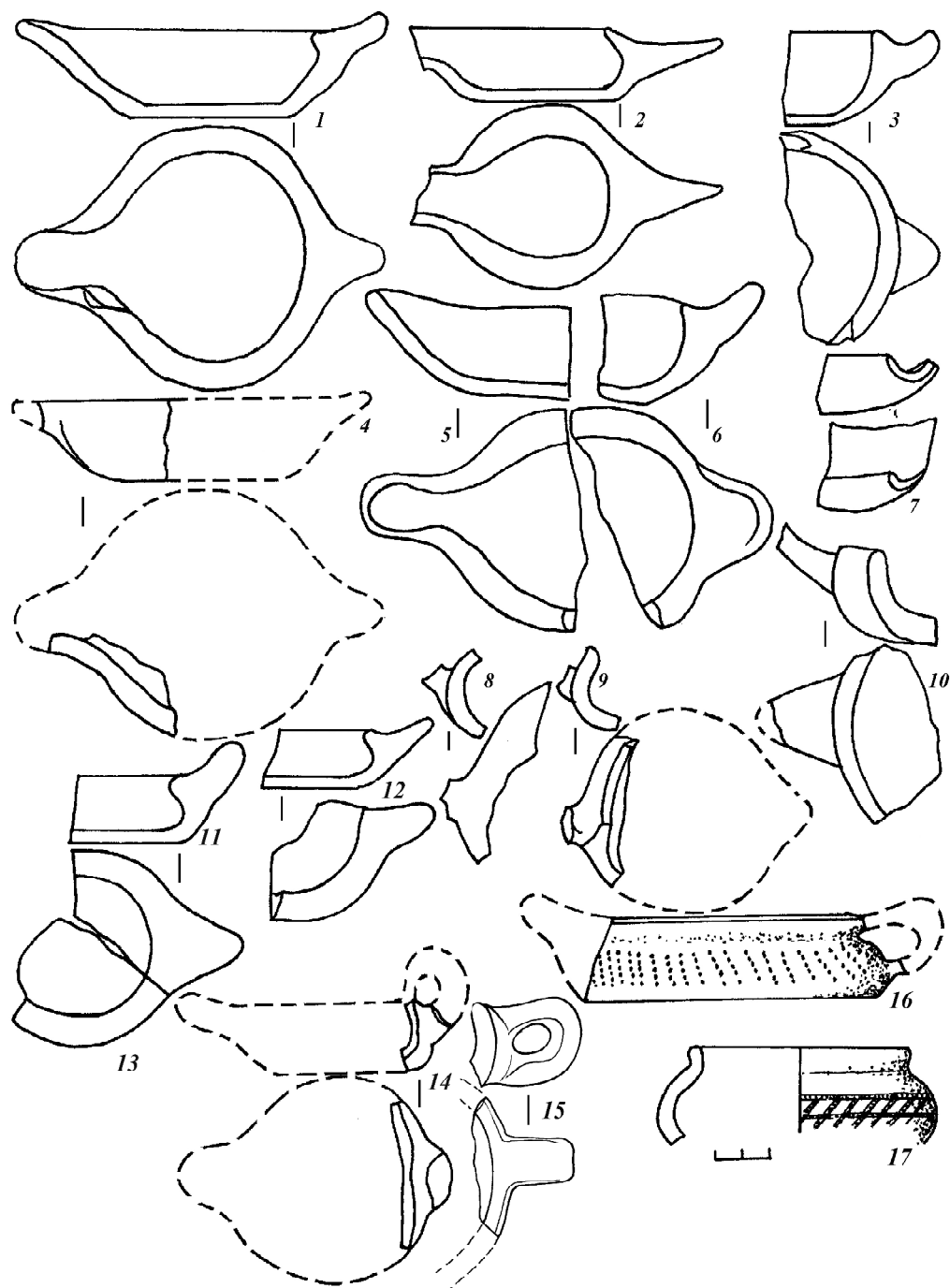

Рис.85 Масляные керамические светильники: 1-9, 11-13, 15-17 – Анюшкар; 10 – Роданово городище; 14 – Рождественское городище.

из южных районов, т.е. связь с традицией, идущей из городов Северного Причерноморья, несомненна. Распространенные на Руси масляные светильники отличались большим разнообразием [Розенфельдт, 1997, с.11]. С X в. масляные светильники в виде невысокой глиняной плошки с носиком-желобком и ручкой получили широкое распространение и в Волжской Болгарии (тип 1 по Н.А.Кокориной). Они характерны, в основном, для домонгольского времени, хотя продолжали использоваться и в золотоордынский период, но были уже не столь массовыми [Кокорина, 2002, с.145]. Традиции изготовления таких светильников, по мнению исследователей, связаны с городскими центрами Сред-

ней Азии [Кокорина, 2002, с.71,145]. Подобные светильники в форме низких мисок с загнутым внутрь краем и ручкой в виде длинных выступов или петли известны и на Руси, преимущественно в Киеве, а также в Смоленске, Полоцке, Новгороде, Любече [Розенфельдт, 1997, с.11].

На территории Пермского Предуралья довольно представительная коллекция подобных светильников собрана на Анюшкар и Родановом городище. Все они довольно стандартной формы, что может свидетельствовать об их производстве на месте одним ремесленником – выходцем из Волжской Булгарии, который распространял свою продукцию на незначительной территории. На расположенном неподалеку Рождественском городище в весьма представительной коллекции болгарской керамики имеется только один фрагмент подобного светильника.

Тип I.2.1 (рис.85/1-13, 13 экз.) – светильники с рукоятью в виде уплощенного подтреугольного выступа. Этот тип светильников является преобладающим. Фрагменты и целые экземпляры встречены на городище Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, № 21/1744, 2722; 39/10, 196, 444; 41/701; 44/74; 374/12334, 1326, 14505, 432/3056) и Родановом городище (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж, № 1050/292, 687). Один экземпляр (рис./2) отличается тем, что он изготовлен из типичного для Пермского Предуралья керамического теста с примесью раковины и имеет темно-серый цвет, в отличие от оранжевых болгарских светильников. М.В.Талицкий также отмечал, что в его раскопках были встречены жировые лампы болгарского типа, но сделанные на месте, в Прикамье, из глины с примесью раковины [Талицкий, 1951, с.56].

Тип I.2.2 (рис.85/14-16) – светильники с рукоятью в виде петельки. Находки таких светильников единичны.

Вариант а – фрагмент серо-глиняного болгарского гончарного светильника (Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина).

Вариант б – фрагмент болгарского светильника с зеленоватой поливой (Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, [Бадер, Оборин, 1958, рис.46/10]).

Вариант в – фрагмент лепного светильника с характерным для Пермского Предуралья гребенчатым орнаментом (Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц).

Группа II – подсвечники.

С античной эпохи пользовались сальными, восковыми и смоляными свечами. Однако в Пермском Предуралье они, по-видимому, не использовались, поскольку ни одного подсвечника пока не обнаружено.

Группа III – светцы-лучинодержатели (рис.86).

Для освещения широко использовались лучины и факелы. Они требовали надежных подставок, держателей, водяных резервуаров для гашения отлетающих искр и угольков и других приспособлений.

Светцы являются самым популярным приспособлением для установки лучин. Простейшие светцы представляли собой развилку с двумя-четырьмя рожками из кованого железа на одном конце и с «пятником» – острием – на противоположном конце. Светец втыкали острием в щели бревенчатой стены, а между рожками развилки укрепляли горящую лучину. Этнографические материалы свидетельствуют, что светцы также устанавливали на невысоких деревянных подставках, их можно было переносить, ставить на лавку или стол, что было гораздо удобнее [Безденежных, Карлюк, 1990, с.13-14]. Лучины, как один из

Рис.86 Светцы: 1 – селище Телячий Брод; 2-3 – Искор; 4, 6 – Редикарское городище; 5 – Эсперово городище; 7-8 – Нижний Чусовской городок.

самых доступных источников света, бытовали в деревнях вплоть до начала XX в., хотя уже существовали новые источники освещения. Как свидетельствуют этнографические материалы, заготовленные для лучины смолистые плашки приносили в избу, клали на ночь в печь для просушки, а утром специальным ножом - лучинником – щипали лучину. Гореть лучину было заставить не просто, нужно было держать ее наклонно, горящим концом вниз – иначе погаснет. Поэтому горящую лучину стали закреплять в специальной подставке – светце [Безденежных, Карлюк, 1990, с.9-10].

Судя по новгородским материалам, светцы появились в жилищах с XIII в.,

хотя Л.А.Голубева полагает, что они бытовали и в XII в., а наиболее ранние - в XI в. [Голубева, 1973, с.126, рис.44/5,7].

В Пермском Предуралье на археологических памятниках найдено небольшое количество железных светцов для установки лучин. Все они – однолучинные.

Тип III.1 (рис.86/1-7) - вилообразные с завитками на концах планок. Обнаружены на селище Телячий Брод (раскопки Н.Б.Крыласовой), Редикарском, Искор (раскопки В.А.Оборина), Эсперовом (раскопки Г.А.Бординских) городищах, в Нижних Чусовских городках [Каталог..., 1994, табл.5/5].

Аналогичные светцы известны на Белоозере в слоях X-XIII вв. [Голубева 1973, с.126, рис.44/5], на Коминтерновском селище XIII-XIV вв. в Татарстане [Казаков, 1993, с.120, рис.4/16], на Пожегском городище XII-XIV вв. в республике Коми [Савельева, Кленов, 1992, рис.7/24]. По материалам Новгорода та-

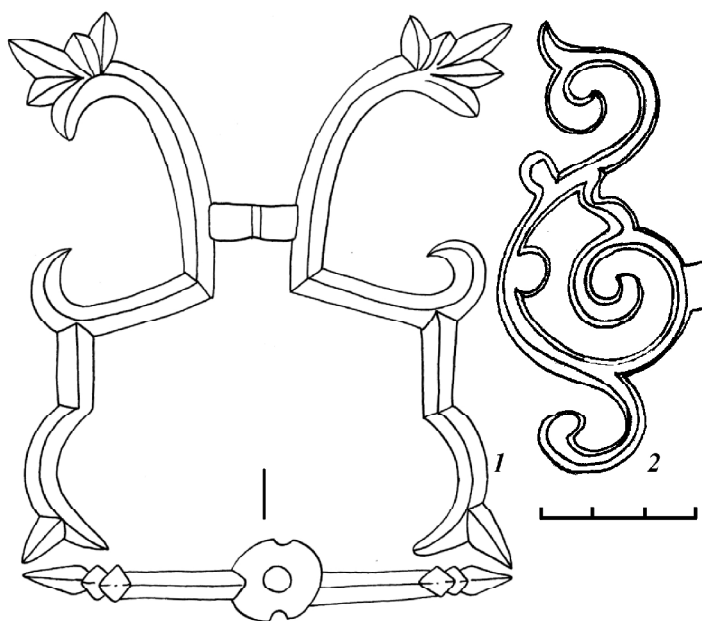

Рис.87 Фрагменты хороса. 1 - Рождественское городище, 2 –коллекция Теплоуховых.

кие светцы классифицировал Б.А.Колчин [Колчин, 1959, с.97-98, рис.83]; их находили и в других городах: в Пскове, Старой Руссе. Р.Л.Розенфельдт считает, что светцы данного типа были распространены в XIII в. [Розенфельдт, 1997, с.12]. Однако в Мангазее они известны и в середине XVI в.

В Пермском Предуралье, судя по датировке памятников, где известны светцы, они датируются XIII-XV вв. В XV в. светцы стали делать с тремя пружинами, сразу для двух лучин, у них держащая часть выковывалась в форме прямого стержня с двумя прижатыми к нему фигурно изогнутыми в виде бутона пластинами. Во всяком случае, в Орле-городке в слое XVI в. обнаружены именно такие светцы [Бадер, Оборин, 1958, рис.58/1].

Тип III.2 (рис.86/8) – держатель лучины оформлен в виде фигурки водоплавающей птицы. Обнаружен в Нижних Чусовских городках. Подобные светцы встречались в Новгороде в слоях XIV-XV вв. [Безденежных, Карлюк, 1990, с.17].

Группа IV – детали хоросов (рис.87). *Хоросы* – подвесные светильники в виде металлических обручей в 1-3 яруса, предназначенные для установки свечей, использовались с X-XII вв. в храмах, реже в парадных палатах знати.

Эта категория вещей в Пермском Предуралье представлена двумя предметами – деталью хороса, найденной на раскопе IV Рождественского городища, и фрагментом, хранящимся в коллекции Теплоуховых (ПОКМ, № 19187/83). Деталь хороса с Рождественского городища представляет собой уплощенный симметричный предмет, верхние концы которого оформлены в виде расцветающего бутона, в центре – сквозное отверстие. Аналогичный предмет, обнаруженный в Увеке [Полубояринова, 1978, с.100-101, рис.31], возможно, отлит с рождественским в одной форме.

Фрагменты хоросов известны также на Камаевском городище на территории Волжской Булгарии [Фахрутдинов, 1984, рис.24] и на Руси. Дата новгородских находок – середина XII-XIII вв. [Полубояринова 1978, с.100], в Старой Рязани детали хоросов представлены в материалах середины XI – начала XIII в. [Даркевич, Борисевич, 1995, табл.82/1, 93/12-13, 146/1-3]. В Волжской Булгарии хоросы с такими деталями использовались как осветительный прибор в мечетях. Наличие его детали на Рождественском городище в сочетании с находками фрагментов муравленой черепицы, применяемой для покрытия крыш мечетей, наличие мусульманского кладбища, явно указывают на возможное нахождение мечети на Рождественском городище. С уверенностью можно говорить о том, что это – самая ранняя мечеть в Пермском Предуралье.

* * *

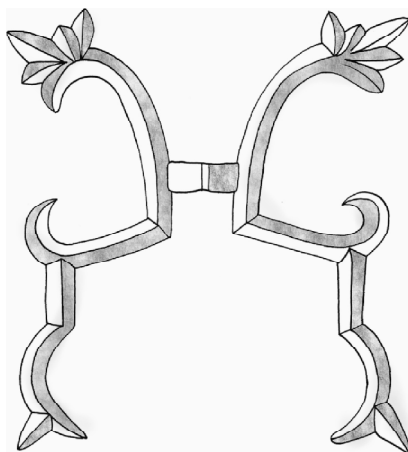
Подводя итог, следует отметить, что у средневекового населения Пермского Предуралья сложилось особое почтительное отношение к огню. Это подтверждается как явным присутствием культа огня (который прослеживается в погребальном обряде, в производственной магии, в быту), так и наличием особых кресал-амулетов с пластическими бронзовыми рукоятями.

В быту огонь использовался, главным образом, для обогрева и освещения жилища, приготовления пищи. Следует отметить, что в Прикамье уже с ранних времен сформировалась весьма прогрессивная форма домашнего очага открытого типа. Для аккумуляции тепла он устраивался на мощной глинобитной подушке, нередко заключенной в деревянную раму. Еще более получаемый эффект усиливался за счет добавления в очаг камней, которые либо выстилали дно, либо располагались по контуру очага. Отопительные функции такого очага увеличивались и за счет его подъема до уровня нар. Кроме очага открытого типа в пермском Предуралье можно предполагать и наличие отопительного устройства типа камина (чувала), которое фиксируется уже с VIII в., но наиболее распространенным, вероятно, становится в тот период, когда очаг переносится в угол или к одной из стен, в этом случае выход дыма через свето-дымовую щель в кровле жилища становился затруднительным, и камин с трубой мог решить проблему вывода дыма из помещения. В поздних родановских жилищах появляются первые глинобитные печи.

Для освещения жилища кроме очага служили масляные светильники-жировики, на ранних этапах в виде маленьких лепных керамических плошек, а в XI-XIII вв. и в виде специализированных керамических светильников булгарского типа. С XIII в. в обиход вошли железные светцы – лучинодержатели.

Следует отметить, что разнообразные новшества (печи, светильники, светцы) появляются, в первую очередь, у населения крупных городищ, имевших

возможность приобщения к инокультурным традициям, наблюдаемым у пестрого состава разного рода пришельцев и переселенцев (торговцев, ремесленников). «Городское» население, вероятно, было менее консервативным в плане строго соблюдения этнических традиций, и, в силу этого, более склонно к новациям.

ГЛАВА 4. КОСТЮМ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ

Костюм средневекового населения Пермского Предуралья исследован достаточно подробно. Результаты исследования отражены в ряде статей [Крыласова, 1992; 1997; 1999; 2000; 2000а; 2000в; 2001а, 2001в, 2001с; 2001е; 2002; Белавин, Крыласова, 2001] и двух монографиях [Крыласова, 2001; Иванов, Крыласова, 2006]. Поэтому, вероятно, имеет смысл в данной работе обобщить результаты полученных исследований, и несколько подробнее остановиться на отдельных предметах быта, которые занимали определенное место в костюме.

Одежда – это один из наиболее важных разделов культуры жизнеобеспечения, она равноценна по значению таким разделам, как пища и жилище. В понятие «одежда» традиционно включаются исключительно утилитарные составляющие: собственно покровы тела, головные уборы и обувь [Материальная культура, 1989, с.103]. Историков же, главным образом, интересует не столько одежда, сколько костюм древних этносов. В широком смысле «костюм» - это все, что надевает на себя человек. Сюда помимо одежды, обуви и головных уборов, входят разнообразные детали и украшения, в том числе, косметика, татуировки и прически. В более узком смысле «костюм» - это устойчивые, типичные, общепринятые формы одежды для данного этноса, социальной группы, эпохи. То есть - это конкретный комплекс, состоящий из одежды, обуви, головного убора, украшений и прически, принадлежащий определенному слою людей. Именно в данном смысле костюм является предметом нашего исследования.

4.1. ОДЕЖДА

Выбор материалов для изготовления одежды обусловлен климатическими условиями и особенностями хозяйственной деятельности жителей Верхнего Прикамья. Климат на Урале классифицируется как резко континентальный, для которого свойственны суровые снежные зимы, достаточно жаркое лето и долгие периоды межсезонья. Соответственно набор одежды был довольно разнообразным, о чем свидетельствуют сохранившиеся в погребениях фрагменты одежды в виде кусочков ткани, меха, кожи. Анализ тканей показал, что преобладающими были холщовые ткани, шерсть встречается реже (хотя значительный процент костей мелкого рогатого скота на поселениях, находки ножниц для стрижки овец свидетельствуют о ее широком использовании), относительно много привозной шелковой ткани (тафты) [Крыласова, 2001, с.29-33]. Ткани из растительных волокон употреблялись, главным образом, для шитья нательной одежды, шерстяные шли на верхнюю демисезонную одежду, а шелк использовался для обшивки женских нагрудников и, возможно для оформления иных декоративных деталей. Меха применялись для изготовления верхней зимней одежды, а кожа использовалась на ремни, многочисленные шнурки и петли, для изготовления обуви и, возможно, головных уборов [Крыласова, 2001, с.28-29].

Находки одежды настолько фрагментарны, что реконструировать ее внешний вид, а тем более покрой – дело чрезвычайно сложное. Тем не менее, анализ сохранившихся изображений в металлической пластике и граффити в

совокупности с привлечением этнографических параллелей позволяет предположить, как в целом выглядела одежда.

Основу женского костюма составляла холщовая рубаха туникообразного покроя длиной до щиколоток. Она могла являться единственным видом одежды, а могла и дополняться легкой верхней одеждой в виде халата, по покрою не отличающегося от рубахи, только с разрезом спереди сверху донизу, иногда с застежками, но чаще либо без них (скреплялся поясом?) либо с завязками. Как показывают изобразительные источники, полы кафтана украшались орнаментом в виде крупных треугольников. В качестве зимней верхней одежды использовались шубы мехом вовнутрь. Наиболее распространенным видом головного убора вероятнее всего являлись покрывала, укреплявшиеся с помощью налобной повязки или венчика, или небольшие круглые шапочки, которые в ряде случаев украшали бусами и металлическими привесками. На ногах носили лыковую обувь, реже кожаные туфли с металлическими деталями застежек [Крыласова, 2001, с.42-48].

Основу мужского костюма составляла туникообразная рубаха длиной чуть ниже колен, которая могла дополняться легкой одеждой типа халата или кафтана, а в зимнее время - шубой мехом вовнутрь. Штаны вероятнее всего были распространены разъемные - в виде чулок, оставляющих пальцы открытыми, которые укреплялись с помощью подвязок. Хотя можно предположить постепенное распространение сшитых штанов под влиянием культуры кочевников. На голове носили конусовидные шапки типа колпака, на ногах - лыковую обувь и кожаную в виде невысоких башмаков и мягких сапожек [Крыласова, 2001, с.36-42].

4.2. ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА

Костюм каждого этноса формируется на протяжении длительного времени. Он отражает как специфику природно-географической среды, экономический уклад общества, так и его социальные отношения, идеологию. В отличие от одежды, которая носит чисто утилитарный характер, костюм является очень многофункциональным. Н.М. Тарабукин указывает на двойственный смысл, свойственный нашему предмету, в котором отражаются две его социальные стороны: одна чисто практическая, другая смысловая: «В одном случае платье-одежда прикрывает тело, в другом случае платье-костюм выделяет отдельного человека из массы и внешне дифференцирует общественные слои, являясь наглядной формой, отражающей классовое или профессиональное расслоение общества. В одном случае платье - вещь, предмет носки; в другом оно знак смысла, имеющего социальную функцию. С одной стороны, одежда есть бытовая и необходимая принадлежность обихода, с другой - костюм - некая традиция, обладающая смысловой значимостью... Выделенные нами две стороны одного и того же понятия взаимообусловлены, сопряжены, существуют неразрывно...» [Тарабукин, 1994, с.9].

Именно знаковая функция костюма, точнее, декоративных элементов его убранства, представляет наибольший интерес. Комплекс элементов убора отражает этнические традиции, обусловленные идеологическими представлениями, маркирует социальные различия, свидетельствует о межэтнических и экономических связях населения.

Таблица 1.

Таблица ассортимента предметов убранства костюма у населения лесного Прикамья VI-XIV вв. (в %%).

Содержание признака	Харинский V-VI	Ломоват. VII-X	Рождеств. X-XI	Позднерод. XII-XIV
поясные наборы целиком	18,5	16,16	4,46	1,25
пряжки, накладки	18,5	17,36	11,17	8,86
поясные накладки	5,55	15,56	34,07	35,44
пряжки, наконечники ремня	18,5	3,29	1,67	-
пряжки	24,07	17,36	5	18,98
привески с накладками	-	6,8	37,9	18,75
привески с пронизками	12,9	53,3	58	28,75
В том числе:				
зооморфные пронизки	3,7	2,7	0,5	1,25
ложка	-	0,8	0,5	0
флаконовидные пронизки	-	0,8	2,2	0
планчатая подвеска	-	3,6	-	0
подвеска-коробочка	1,8	2,9	-	0
нож	72,2	65,26	27,3	43,75
сумочка	-	0,8	7,8	2,5
кресало	-	10	21,7	10
перстни	1,8	20	12,3	25
браслеты	16,6	21,5	11,7	0
серьги, височные подвески	22,2	43,11	35,2	7,5
накосники	22,2	19	37,4	2,5
В том числе:				
коньковые	14,8	6,88	2,23	0
арочные	3,7	7,5	0,5	1,25
трапециевидные	-	7,5	-	-
умбоновидные	-	3,3	-	1,25
колесовидные	-	6,3	-	-
шаровидные	-	-	27,3	-
гребень	-	2,7	-	-
копоушка	-	1,5	-	-
гривна, цепь	12,9	1,19	-	-
ожерелья из стеклянных и каменных бус	48	44	34	47,5
монеты, монетовидные подвески	3,7	12,8	17,3	15
шаровидные привески (ожер.)	-	-	13,9	0
обувь (пряжки, нак. ремня)	18,5	0,3	-	-
гол.убор (пряжки, нак. ремня, пронизки, бусы)	5,5	6,2	-	-
Всего погребений:	54	334	179	79

Наибольшим количеством украшений отличался костюм женщин, что определяется самой женской природой, необходимостью защиты и приумножения детородной функции с помощью всевозможных амулетов. В полном виде средневековый женский костюм Пермского Предуралья включал следующие категории украшений-амулетов: височные подвески, накосники, шейно-нагруд-

ные украшения, пояс с набедренником, украшения рук (браслеты, перстни). В составе мужского костюма наиболее часто присутствуют пояса, височные подвески, иногда мужской костюм дополнялся украшениями рук и шейными украшениями.

Для проведения анализа особенностей декоративного убранства костюма, группы погребений были разделены на четыре условных хронологических периода: IV-VI вв. («харинский»), VII-IX вв. («ломоватовский»), X-XI вв. («рождественский»), XII-XIV вв. («позднеродановский») [Иванов, Крыласова, 2006, с.6-7]. Суммарно ассортимент предметов, составлявших убранство костюма оседлых земледельческо-охотничьих племен лесного Прикамья представлен в таблице 1.

Анализ деталей костюма показал, что для костюмных комплексов *харинского этапа* характерен набор украшений, включающий в себя поясную гарнитуру в различных её сочетаниях (от полных поясных наборов - 18,5% всех рассматриваемых погребений указанного периода - до накладок без пряжек и наконечников ремня - 5,55%); характерные для средневекового костюма Пермского Предуралья поясные привески в виде низок из металлических пронизок и бус (12,9 %), причем в 3,7 % случаев в состав низок входили зооморфные пронизки - коньки и медведи; поясные подвески-коробочки (1,8%); нож на поясе (72,2%); серьги-подвески (22,2%); браслеты (16,6%) и перстни (1,8%), ожерелья из бус (48%, в том числе с монетами и монетовидными подвесками 3,7%); гривны и шейные цепи (12,9%); наконечники (22,2%, в том числе коньковые пронизки 14,8%, арочные подвески 3,7%); детали обуви - пряжки, наконечники ремня (18,5%); детали головных уборов - пряжки, наконечники ремней, пронизки (5,5%).

В *ломоватовское время* этот набор в целом сохраняется, однако значительно возрастает количество использования поясных привесок в виде низок (53,3%, в том числе, с зооморфными пронизками 2,7%); появляются поясные привески в виде узких ремешков с накладками (6,8%); возникает большое количество новых видов поясных подвесок-амулетов - ложки (0,8%), флаконовидные пронизки-игольники (0,8%), планчатые подвески (3,6%) и пр., продолжают использоваться подвески-коробочки (2,9%), которые стали дополняться шумящими привесками; в состав поясного снаряжения кроме ножей (65,26%) вошли кресала (10%) и сумочки (0,8%); значительно возросло использование височных подвесок (43,11%), браслетов (21,5%) и перстней (20%); в составе ожерелий (44%) значительно чаще стали использоваться монеты (12,8%); сократилось использование гривен (1,19%); изменился состав наконечников (19%) - вместо коньковых пронизок получили распространение шумящие биконьковые подвески (6,88%), более широко стали применяться арочные шумящие подвески (7,5%), появились трапециевидные (7,5%), умбоновидные (3,3%), колесовидные (6,3%) подвески, гребни (2,7%), копоушки (1,5%) и разнообразные иные амулеты.

В X-XI вв. на *рождественском этапе* в составе поясных наборов чаще стали использоваться привески-низки (58%) и привески-ремешки (37,9%); сокращается использование поясных подвесок-амулетов, из которых сохраняются только ложки (0,5%) и флаконовидные пронизки-игольники (2,2%); реже на поясе встречаются ножи (27,3%), но возрастает количество кресал (21,7%), среди которых довольно распространены кресала-амулеты с бронзовой зоо-

морфной рукоятью, и поясных сумочек (7,8%); в ожерельях (34%) кроме бус и монетовидных подвесок (17,3%) стали широко использоваться полые шаровидные привески (27,3%); в составе наконечников (37,4%) из традиционных подвесок сохраняются коньковые (2,23%) и арочные (0,5%), характерным становится использование в наконечниках полых шаровидных привесок (27,3%), низок из бронзовых бус, цепочек; исчезают такие детали обуви и головных уборов, как пряжки и наконечники ремней.

Таблица 2.

Таблица показателей тенденции признаков убранства костюма средневекового населения лесного Прикамья

Содержание признака	Тенденция признака			
	Харино	Ломоват.	Рождественск.	Роданово
Поясные наборы целиком	0,54	2,95	0,43	0,05
Пряжки+накладки	0,53	2,36	0,81	0,28
Пряжки+нак.ремня	1,66	1,83	0,5	-
Накладки	0,08	1,44	1,69	0,77
Пряжки	0,55	2,42	0,38	0,63
Поясные привески с накладками	-	1,13	2,34	0,51
Привески-низки	0,05	1,8	1,67	0,47
Зооморфные пронизки на поясе	0,57	2,57	0,57	0,28
Флаконов. пронизка на поясе	-	1,71	2,28	-
Перстни	0,03	2,43	0,8	0,72
Браслеты	0,35	2,82	0,82	-
Серьги, подвески	0,16	2,7	0,93	0,19
Гривна, цепь	2,54	1,45	-	-
Ожерелья, нагрудники	0,33	1,94	1,26	0,45
Монеты в ожерелье	0,1	2,28	1,61	-
Наконечники	0,32	1,64	1,97	0,05
Коньковые подвески	0,91	2,62	0,45	-
Арочные подвески	0,29	3,55	0,14	0,14
Копеушки	-	4,0	-	-
Обувь	3,63	0,36	-	-
Головной убор	0,5	3,5	-	-

На позднегородановском этапе XII-XIV вв. состав поясных наборов в целом остался без изменений, лишь полностью вышли из употребления пояса, включающие только пряжки и наконечники ремня, и поясные подвески-амулеты; прекратилось использование браслетов при общем увеличении количества перстней (25%); полые шаровидные привески, применявшиеся в составе ожерелий и наконечников, вышли из употребления, на смену им пришли многочисленные колокольчики и бубенчики; наконечники встречаются редко (2,5%), сре-

ди них сохраняются арочные (1,25%) и умбоновидные (1,25%) [Иванов, Крыласова, 2006, с.8-11].

Для того, чтобы проследить общие и особенные черты каждой выборки, были проанализированы данные по тенденции того или иного признака (табл. 2). В статистических исследованиях «тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения... При нормальном распределении признака тенденция стремится к единице. Это значит, что количественный показатель признака близок к среднеарифметическому - норме распределения - или, другими словами, распределение признака во всех выборках будет примерно одинаковым... тенденция признака позволяет оценить встречаемость признака в выборке по отношению ко всему массиву: пониженную - при показателях менее 1,0, нормальную - в пределах 1,0, повышенную - более 1,0» [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 85-87].

Всеобщих признаков, характерных в равной степени для всех сравниваемых выборок, в хронологических комплексах погребального инвентаря могильников Пермского Предуралья мы не имеем.

Что касается локальных признаков, то они, будучи «локальными по тенденции», распадаются на две группы. К первой группе относятся пояса с пряжкой и наконечником ремня и шейные гривны, имеющие повышенную тенденцию встречаемости в комплексах харинского и ломоватовского периодов.

Ко второй группе относятся пояса, в наборе которых присутствуют только накладки, поясные привески-ремешки и привески-низки, флаконовидные пронизки-игольники в составе поясных украшений, височные подвески и серьги, ожерелья и нагрудники, в том числе, с монетами в их составе, а также накосники, представленные в комплексах ломоватовского и рождественского периодов.

Частные признаки в сравниваемых выборках выделяются достаточно четко. К «чисто частным» признакам относятся копоушки, характерные только для комплексов ломоватовского периода. Интересно, что у кочевников в аналогичный хронологический период копоушки также являются частным признаком. К «частным по тенденции» признакам относятся обувные пряжки и наконечники, характерные для харинского времени; поясные наборы целиком, пряжки с накладками и отдельные пряжки, зооморфные пронизки на поясе, нож в составе дополнительных элементов поясного снаряжения, браслеты и перстни, коньковые и арочные подвески в составе накосников, детали головных уборов, характерные для ломоватовского периода; для рождественского периода частным по тенденции признаком является наличие кресала в снаряжении пояса.

Таким образом, первая группа, объединенная локальными признаками, демонстрирует, главным образом, хронологические особенности костюма, возможно, влияние общеевропейской моды, вторая же группа явно выявляет наиболее характерные черты местного средневекового костюма, сформировавшиеся в течение ломоватовского периода, во время которого наблюдается большое количество частных по тенденции признаков, что свидетельствует о бытовании именно в этот период наиболее типичного прикамского средневекового костюма. На рождественском этапе многие признаки продолжают сохранять повышенную тенденцию, однако одновременно наблюдается процесс

замены отдельных традиционных местных категорий декоративно-прикладного искусства (в частности, зооморфных украшений) на продукцию массового ремесленного производства (разнообразные бубенчики, колокольчики и подобные привески) [Иванов, Крыласова, 2006, с.11-14].

Статистический анализ позволил проследить особенности распространения основных категорий средневекового костюма на разных хронологических этапах.

Наборные пояса (как целиком, так и в частичных наборах), довольно широко были распространены на харинском этапе (особенно в составе пряжки и наконечника ремня), имели повышенную тенденцию распространения в ломоватовское время, продолжали бытовать на рождественском этапе, но в позднеродановский период значительно сокращается количество полных поясных наборов, отсутствуют наборы из пряжки и наконечника ремня, массово продолжают встречаться пояса либо только с пряжками, либо только с накладками. Поясные привески-низки появились на харинском этапе, но широкое распространение получили, начиная с ломоватовского периода, когда возникли еще и привески-ремешки. Можно утверждать, что наличие большого количества поясных привесок как в женских, так и в мужских поясах, является характерной чертой прикамского костюма с VII по XIV вв. Еще одной характерной особенностью можно считать то, что у населения Пермского Предуралья наборные пояса преимущественно с бронзовой гарнитурой продолжали широко использоваться до XIV в., в то время как на иных территориях распространения подобных поясов в середине XI в. накладки и пряжки из цветных металлов были заменены железными или совсем вышли из употребления. Это можно тем, что для жителей Прикамья пояса именно с бронзовыми накладками имели особую сакральность.

Перстни и браслеты хотя и встречаются на всех хронологических этапах, особой четкой связи их с определенными типами костюмных комплексов не прослеживается. Браслеты наиболее характерны для комплексов ломоватовского и рождественского периодов, на харинском этапе они использовались реже, а на позднеродановском этапе практически не встречаются. Следует отметить, что на рождественском этапе браслеты и перстни зачастую сопровождают наиболее «богатые» мужские комплексы, что наводит на мысль об их социальной значимости в этот период.

Серьги-подвески, хотя и присутствуют во всех рассматриваемых хронологических и этнокультурных группах, но на позднеродановском этапе они имеют пониженную тенденцию распространения.

Совершенно оригинально на общем фоне выглядят гривны, обнаруженные преимущественно в харинских комплексах. Гривны в этот период преобладали бронзовые пластинчатые в виде несколько расширенных в средней части обручей [Голдина, 1985, с.49]. Иногда гривны встречаются и в погребениях ломоватовского периода – бронзовые и железные круглопроволочные, витые и псевдовитые, а также плетеные гривны-цепи, в IX-XII вв. известны также серебряные витые и псевдовитые гривны т.н. «глазовского типа», но в Пермском Предуралье все они происходят исключительно из кладов.

Разного рода *подвески, копоушки и прочие украшения*, которые входили, главным образом, в состав наконечников или элементов пояса, являются отличительной чертой комплекса декоративно-прикладного искусства ломоватовс-

кого периода, позднее они приобретают новое художественное решение, используются более ограниченно, и нередко в новом качестве (например, как нагрудные украшения).

Детали обуви (пряжки и наконечники ремней) характерны для харинского этапа, в начале ломоватовского периода они еще иногда встречались, а позже вышли из употребления.

Детали головных уборов (пряжки, накладки, бусы) в Прикамье встречаются только на харинском и ломоватовском этапах, в ломоватовское время за счет широкого использования для украшения бус и пронизок, головные уборы получили повышенную тенденцию распространения [Иванов, Крыласова, 2006, с.15-17].

В итоге исследования значительной выборки погребений была установлена степень связи между основными категориями костюма внутри культурно-хронологических групп и получено несколько комплексов связанных между собой признаков (КСП), а также создана классификация костюмных комплексов Пермского Предуралья, в основу которой положена взаимовстречаемость различных категорий украшений.

Полученные в ходе работы КСП демонстрируют как характерные этнокультурные особенности костюма Пермского Предуралья в целом, так и позволяют проследить его развитие во времени.

Для каждого из рассматриваемых хронологических периодов довольно четко выделились по два КСП по половой принадлежности. Это не случайно, так как в прикамском костюме половые различия в декоративном убранстве ярко выражены.

Женские комплексы:

«харинский» период – височные подвески + гривна (цепь) + браслет + полный наборный пояс + наконечники + стеклянные бусы + нож;

«ломоватовский» период – височные подвески + стеклянные бусы + перстни + наконечники + привески-низки + нож, объединенные тесной условной связью с полным наборным поясом, поясными привесками-ремешками, браслетами;

«рождественский» период – стеклянные бусы + пояс с накладками + поясные привески-ремешки + поясные привески-низки + наконечники + нож, связанные условной связью с кресалами и наконечниками стрел;

«позднеродановский» период – стеклянные бусы + пояс с накладками + поясные привески-ремешки + поясные привески-низки + перстень + нож.

Таким образом, во всех хронологических выборках наиболее характерными элементами женского костюма являются стеклянные бусы и пояс с привесками и ножом, до XI в. – наконечники, до X в. – височные подвески. Перстни и браслеты определяющей роли в костюме не играли, хотя и выполняли в нем важные декоративные, дифференцирующие и магические функции.

Мужские комплексы:

«харинский» период – пояс с пряжкой и наконечником ремня + обувь, связанные тесной связью с оружием и удилами;

«ломоватовский» период – пояс с пряжкой и накладками + нож, связанные тесной связью с топором, оружием, удилами, стременами;

«рождественский» период – поясные привески-ремешки + стеклянные бусы (1-5 экз.) + кресало, связанные тесной связью с оружием, топором, мотыгой;

«позднеродановский» период – пояс с пряжкой + нож + кресало, связанные тесной связью с наконечниками стрел, топором, ральником, и условной связью с перстнями, поясными накладками.

Таким образом, в мужском костюме основным декоративным элементом, присутствующим во всех КСП, являлся пояс.

Разумеется, костюм не являлся однородным, набор декоративных элементов в составе костюмного комплекса зависел от разных обстоятельств – возраста, социального, возможно, и имущественного положения индивидов. Для создания более полного представления о разновидностях костюмных комплексов была составлена классификация, в результате выделено 15 типов, которые объединены в три группы костюмных комплексов: женские (7 типов), смешанные (4 типа), мужские (4 типа) [Крыласова, 2001, с.105-204] (рис.88). К сожалению, крайне плохая степень сохранности костяков в большинстве могильников Пермского Предуралья не позволяет сопоставить выделенные типы с возрастом погребенных, что, на наш взгляд, дало бы весьма интересные результаты, но, тем не менее, анализ выделенных типов позволяет выявить среди них наиболее характерные для указанной территории.

Группа I – женские костюмные комплексы.

В этой группе особенно выделяются костюмные комплексы **типа 1** (рис.88/1-2), которые представлены на большинстве могильников Пермского Предуралья. Это комплексы с полным набором украшений. В них, как правило, присутствуют наиболее значимые в семантическом плане, этноопределяющие элементы: основные типы накосников, нагрудных украшений, пояса с богатыми набедренниками и пр. Можно предположить, что это наиболее традиционный, возможно, даже обрядовый костюмный комплекс. По мнению этнологов одним из наиболее устойчивых, мало изменяющихся с течением времени является наряд невесты. Вполне возможно, что костюмные комплексы типа 1 относятся именно к этому виду обрядового костюма. К сожалению, это невозможно в достаточной мере подтвердить данными антропологических исследований, однако в отчетах В.А.Оборина, И.А.Лунегова, В.Ф.Генинга отмечено, что погребения № 10 Каневского, № 21,34 Плесинского, № 6 Редикарского, № 5 Урьинского могильников, содержащие комплексы типа 1, принадлежат «девочкам-подросткам», «девочкам лет 13-15». Эти данные подтверждают наше предположение, так как известно, что в древности девушек отдавали замуж сразу по достижении ими половой зрелости - то есть как раз в 13-15 лет.

Костюмные комплексы **2 и 3 типов** отличаются от типа 1 отсутствием одной из основных категорий украшения костюма:

комплексы **типа 2** (рис.88/3) наиболее характерны для Рождественского и Деменковского могильников, встречаются также на Урьинском, Каневском, Редикарском, Баяновском, Аверинском могильниках. Комплексы включают нагрудные украшения, поясные наборы и накосники. Среди особенностей данного типа можно выделить преобладание среди накосников шумящих биконьковых, колесовидных подвесок, характерных для Деменковского могильника, а также накосников в виде низок бронзовых бус, характерных для Рождественского могильника;

комплексы **типа 3** (рис.88/4) характерны для Рождественского и Деменковского могильников, встречены на Важгортском, Баяновском, Плесинском, Агафоновском могильниках. В составе костюмных комплексов - височные,

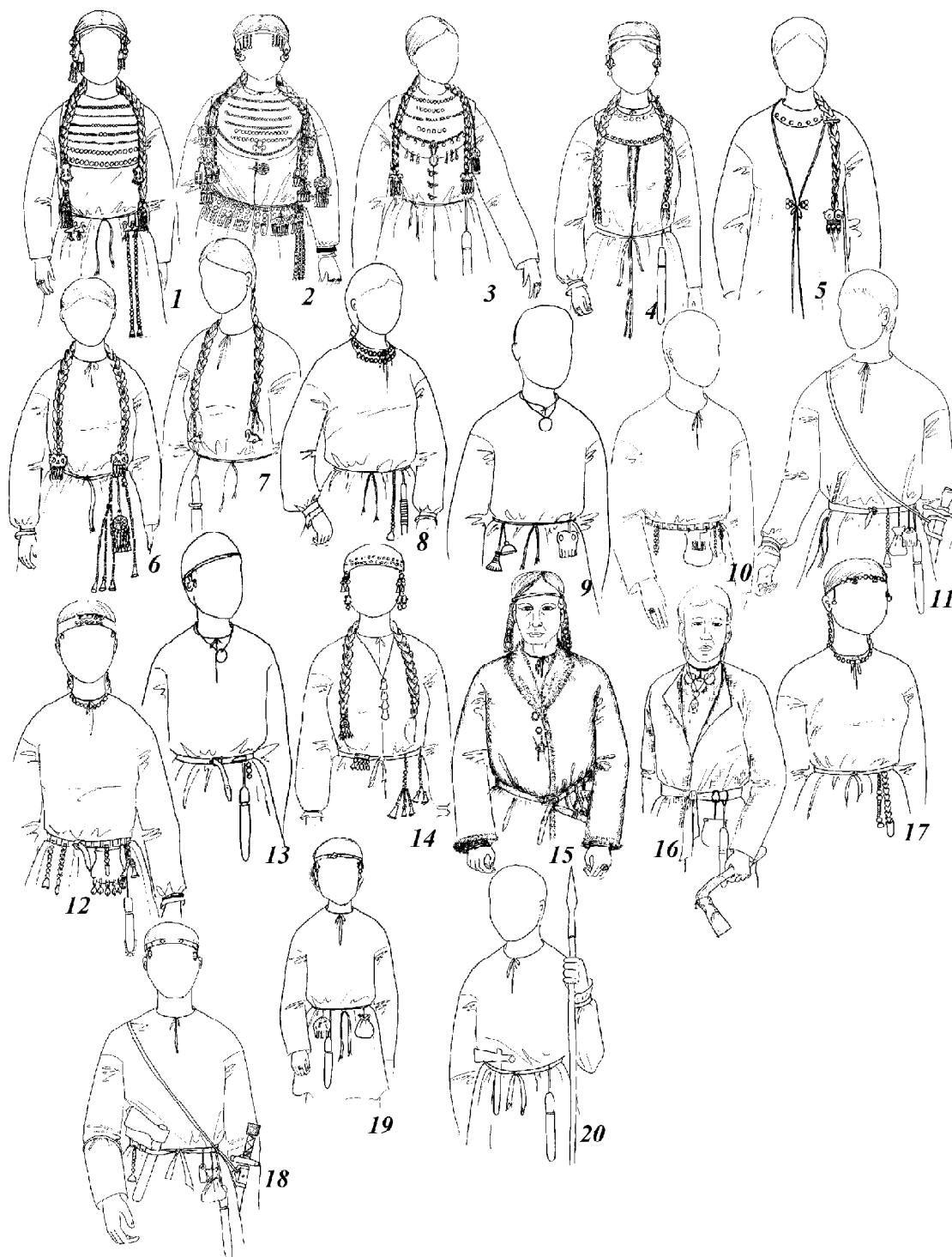

Рис.88 Примеры костюмных комплексов: 1-2 – тип 1, 3 – тип 2, 4 – тип 3, 5 – тип 4, 6 – тип 6, 7 – тип 7, 8-9 – тип 8, 10-11 – тип 9, 12-13 – тип 10, 14-15 – тип 11, 16-17 – тип 12, 18 – тип 13, 19 – тип 14, 20 – тип 15. 1 – п.8 Редикарского, 2 – п.23 Редикарского, 3 – п.21 Редикарского, 4 – п.16 Баяновского, 5 – п.6а Редикарского, 6 – п.52 Редикарского, 7 – п.31 Плесинского, 8 – п.6 Важгортского, 9 – п.25 Плесинского, 10 – п.118 Рождественского, 11 – п.26 Плесинского, 12 – п.39 Рождественского, 13 – п.13 Каневского, 14 – п.7 Плесинского, 15 – п.76 Огурдинского, 16 – п.37 Рождественского, 17 – п.76 Рождественского, 18 – п.5 Плесинского, 19 – п.6 Плесинского, 20 – п.14 Баяновского могильника.

нагрудные украшения и накосники. В данном типе преобладают колесовидные и другие накосники основных типов.

Комплексы **4,5,6 типов** содержат только по две основные категории украшений:

комплексы **типа 4** (рис.88/5) характерны для Рождественского и Редикарского могильников, встречены на Каневском и Щукинском могильниках; содержат нагрудные и накосные украшения, среди которых преобладают накосники второстепенных типов;

комплексы **типа 5** распространены на Важгортском и Деменковском, встречены на Редикарском могильнике, в их составе - височные и нагрудные украшения;

комплексы **типа 6** (рис.88/6) представлены на Плесинском и Редикарском могильниках, в их состав входят поясные наборы и накосники.

Эти типы костюмных комплексов распространены на меньшем круге памятников, чем комплексы 1-3 типов, хотя говорить о том, что они представлены на каких-то локальных территориях не приходится. Это менее типичные для территории Пермского Предуралья женские костюмные комплексы.

Комплексы **типа 7** (рис.88/7), включающие только одну категорию украшений - накосники, весьма малочисленны, поэтому можно рассматривать их, как исключение [Крыласова, 2001, с.105-154].

Группа II – смешанные комплексы. В выделенных типах присутствуют категории украшений, которые одинаково могли быть присущи как мужскому, так и женскому костюму, но, как правило, по характеру самих украшений можно без труда определить половую принадлежность костюма. Наиболее часто в смешанных комплексах женские наборы отличаются от мужских по наличию стеклянных бус, в целом не свойственных мужскому костюму. Но, в то же время, в выделенных типах встречается ряд неопределенных наборов, в которых могут присутствовать типичные женские украшения, но состав сопровождающего инвентаря (оружие, предметы конского снаряжения, орудия труда) – мужской. При преобладающем отсутствии костей в погребениях Пермского Предуралья определение половой принадлежности в данных случаях невозможно.

Тип 8 включает нагрудные украшения и поясные наборы (рис.88/8-9).

Подтипы 8А,Б,Д, определенные как *женские*, наиболее характерны для Рождественского и Важгортского могильников, представлены также на Деменковском, Телячий Брод, Плесинском, Баяновском и Щукинском могильниках. Во всех этих подтипах можно отметить общие черты: здесь присутствуют небольшие ожерелья, включающие от 1 до 50 стеклянных бус (в подтипе 8Д дополнявшиеся монетами и подвесками) и пояса чаще всего с накладками, иногда с пряжками, в большинстве случаев дополненные небольшими низками бронзовых бус и пронизок в сочетании с привесками в виде ремешков с накладками. Отличие от мужских комплексов заключается в наличии стеклянных бус, которые в целом для мужского костюма не характерны, и присутствию на поясе типично женских украшений - пронизок-уточек и коньковых подвесок (в подтипе 8А - единичные случаи). В целом данные подтипы не содержат ярких этноопределяющих элементов.

Подтипы 8Е,Ж,З, определенные, как *мужские*, характерны для Рождественского, Редикарского и Телячий Брод, Плесинского могильников, встречены на Урьинском могильнике. В этих подтипах нагрудные украшения содержа-

ли бронзовые бусы, монеты или подвески, поясные наборы мало чем отличались от поясных наборов мужских костюмных комплексов других типов.

Подтипы 8В,Г неопределенные. Нужно отметить, что для типа 8 в целом характерно отсутствие четких половых признаков как в костюме, так и в сопровождающем погребальном инвентаре.

Тип 10 включает шейно-нагрудные, поясные и височные украшения (рис.88/12-13).

Подтип 10А женский – в составе ожерелий присутствуют стеклянные бусы. Подтип 10Б неопределенный. **Подтип 10В – мужской** – шейные украшения представлены монетами, иногда в сочетании с бронзовыми бусами, сопровождающий инвентарь типично мужской.

Тип 11 включает височные подвески, поясные наборы и наконечники (рис.88/14-15). *Женские комплексы* данного типа отличаются наличием сложных поясных привесок и наконечников основных типов (арочные, коньковые, умбоновидные). *В мужских комплексах* (два погребения Огрудинского могильника) наконечники украшены маленькими шаровидными привесками, монетами, основной элемент украшений пояса – богатая пряжка.

Тип 12 – в составе декоративного комплекса только нагрудные украшения – у *женщин* – ожерелья из стеклянных бус, у *мужчин* – монеты или подвески [Крыласова, 2001, с.155-181] (рис.88/16-17).

Группа III - мужские комплексы.

Комплексы **типа 9** (рис.88/10-11) включают в себя из основных категорий украшений только поясные наборы, которые в большинстве случаев содержат пряжки и накладки, часто с привесками в виде небольшой низки бронзовых бус и пронизок, иногда с дополнением привески в виде ремешка с накладками. Такие комплексы представлены на Рождественском, Плесинском и Деменковском, реже встречаются на Каневском, Редикарском, Щукинском, Баяновском, Урынском и Огрудинском могильниках.

Тип 13 включает височные украшения и поясные наборы (рис.88/18). Данный тип, как и предыдущий, является наиболее типичным для мужского костюма Пермского Предуралья. Он присутствует на Рождественском, Плесинском, Важгортском, Баяновском, Редикарском, Деменковском, Каневском, Телячий Брод, Щукинском могильниках.

Тип 14, который включает только височные украшения, браслеты и кольца, встречается довольно редко (рис.88/19).

И, наконец, исключением является одно погребение с костюмным комплексом **типа 15**, в котором отсутствуют все основные категории украшений, имеется только браслет [Крыласова, 2001, с.183-200] (рис.88/20).

Проследив особенности сочетания в костюмных комплексах различных категорий украшений, разумеется, нельзя не остановиться на их конкретном наполнении. Еще раз отметим, что в целом декоративный комплекс костюма (в особенности, женского) представлял собой набор разнообразных амулетов. Все они по своей сути были полифункциональными: несомненно, первостепенное значение имела их магическая функция, но, наряду с этим, многие украшения-амулеты можно считать этническими маркерами, социальными знаками, значительное количество предметов, входящих в состав костюмных комплексов, имели утилитарное назначение (предметы гигиены, быта, орудия труда), но, заняв свое место в костюме, они становились амулетами.

Украшений в средневековом костюме Пермского Предуралья использовалось множество. К сожалению, полное морфологическое описание с определением хронологических и территориальных особенностей украшений на сегодняшний день отсутствует. Подобная работа в свое время была проделана Р.Д.Голдиной [Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989 и пр.], но предложенная ею классификация украшений страдает излишней обобщенностью, не указана датировка выделенных типов, характер их распространения как на территории Пермского края, так и за его пределами. Самым ценным по сей день остается описание наиболее характерных групп украшений Пермского Предуралья, которое дал В.А.Оборин [Оборин, 1970]. Рамки данной работы также не позволяют проделать подробный анализ всех средневековых украшений – это задача отдельного специального исследования. Тем не менее, необходимо выделить наиболее важные особенности элементов декоративного убранства костюма.

К числу особо важных украшений-амулетов, которые можно расценивать как этно-культурные маркеры, относятся, в первую очередь, височные подвески (серьги?) и детали женских накосников.

Для харинского времени характерными считаются височные подвески лунничного типа (калачиковые), хотя одновременно также довольно широко бытовали простые проволоочные кольца с привесками в виде свитого из проволоки колокольчика, в ломоватовский период получили распространение разные варианты височных колец с привеской в виде полого шарика (с грушевидной привеской) и подвески с гроздьевидной привеской, для рождественского этапа типичны проволоочные круглые, овальные, грушевидные кольца и калачевидные подвески, в позднеродановский период изредка встречаются серьги в виде знака «?».

Начиная с харинского времени до XI в. обязательной принадлежностью женского костюма являлись *накосники*, которые эволюционировали от зооморфных пронизок коньков, уточек и медведей, плоских подвесок-коньков и ранних форм шумящих арочных подвесок на харинском этапе, к разнообразным шумящим подвескам – биконьковым, арочным, с изображением медведя в жертвенной позе, колесовидным и пр. – в ломоватовское время, и простым цепочкам и низкам из бронзовых бус на рождественском этапе. В XII-XIV вв. накосники встречаются относительно редко.

Наиболее типичны для Пермского Предуралья накосники в виде шумящих арочных и биконьковых подвесок, которые подвешивались на концы кос. Среди них самым устойчивым типом оказались арочные подвески – с простой пластинчатой основой в харинское время, литые ажурные с изображением ростка (арочные подвески «прикамского типа») или медведя, характерные для ломоватовского периода, выполненные в технике имитации косооплетки, бытовавшие со второй половины XI в. вплоть до XIII-XIV вв., высокохудожественные ювелирные изделия, украшенные зернью и сканью, с позолоченным фоном и вставками из полудрагоценных камней, известные в XI-XIII вв. Биконьковые подвески появились несколько позднее, они также эволюционировали от простых форм с 3-4 привесками до наиболее сложных, с большим количеством привесок, с дополнением в виде человеческой личины между шеями коньков. В середине XI в. на территории Пермского Предуралья биконьковые шумящие подвески исчезли, но они продолжали эволюционировать в Зауралье вплоть до XIV века.

Вероятно, арочные и биконьковые шумящие подвески-накосники могут расцениваться как угорский этнокультурный маркер – они характерны для памятников, которые связываются исследователями с уграми (раннебулгарские могильники, могильники кушнаренковской, караякуповской, неволинской культуры, Зауралья и Западной Сибири).

Кроме этих основных типов в разные хронологические периоды встречаются и иные виды подвесок-накосников: в VII-IX вв. – трапециевидные и колесовидные подвески; в VIII-XI вв. – треугольные шумящие подвески с основой, украшенной маленькими «умбончиками», а также пронизки-уточки, бронзовые амулеты в виде клыка хищника, бусы из рыбьих позвонков; в составе накосников присутствовали и бытовые предметы: зооморфные гребни, копоушки, игольники.

Важнейшей деталью как женского, так и мужского костюма был *пояс* со всеми его принадлежностями.

В харинское время преобладали пояса с наконечником-обоймой, украшенным полугорошинами, и пряжкой со свободновращающимся кольцом и длинным язычком, полные пояса с прямоугольными накладками характерны для женских погребений. Известны также пряжки и наконечники ремней, украшенные зернью и вставками из цветных камней, по характеру декора схожие с ювелирными изделиями керченских захоронений к. IV – начала V века [Голдина, 1985, с.125-126]. В это же время появляются поясные привески-низки в виде шнурка с нанизанными на него металлическими бусами и пронизками, завершающегося, как правило, пронизкой-колокольчиком; на женских поясах всех периодов привески-низки и привески-ремешки являются почти обязательной принадлежностью. В харинское время в состав поясных привесок входили объемные пронизки-уточки, коньки и медведи.

В ломоватовское время были распространены пояса, которые по форме, орнаменту металлической гарнитуры, конструкции, Р.Д.Голдина условно разделила на 4 группы, отличавшиеся, по ее мнению, временем бытования: пояса агафоновского, неволинского, тюркско-аварского и салтовского типов [Голдина, Водолаго, 1990, с.74-75].

Во второй половине VI в. в Прикамье, как и в евразийских степях, распространились наборные пояса, украшенные гарнитурой геральдического типа, названные Р.Д.Голдиной агафоновскими [Голдина, 1985, с.126], они характерны и для мужских, и для женских комплексов. Это длинный кожаный ремень шириной 2 см, сплошь украшенный накладками. К основному ремню крепились кожаные привески-ремешки шириной 1,5 см, также покрытые накладками, завершающиеся наконечником, обычно мечеобразным. К поясу подвешивались привески-низки и нож в ножнах [Голдина, Водолаго, 1990, с.75]. В составе поясных привесок-низок, сопровождающих эти пояса, кроме трубчатых пронизок наиболее широко встречаются разнообразные зооморфные и антропоморфные пронизки – уточки, медведи, коньки, кричащие птицы, птицы со звериной мордой и пр. [Голдина, 1985, с.127].

В конце VII-VIII вв. получили распространение оригинальные женские пояса неволинского типа, характерные для неволинской и ломоватовской археологических культур. По мнению Р.Д.Голдиной, они развились из местных вариантов геральдических поясов (агафоновских) [Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997, с.9-10]. Благодаря большому количеству металлов, эти пояса имеют хо-

рошую сохранность, и легко реконструируются. Они представляют собой кожаный ремень шириной 2-2,5 см, длиной до 70 см, снабженный на концах пряжкой и наконечником, и украшенный многочисленными накладками различных форм. К основному ремню прикреплены 12-16 прямоугольных кожаных привесок размерами примерно 4 x 10 см. 1-3 привески, расположенные сзади, обычно украшены тремя накладками-тройчатками, остальные – двумя рядами круглых, Ж-образных или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытянутыми – в нижней. Пояс снабжался 1-2 низками из различных бронзовых пронизок и бус, завершавшимися рожковой пронизкой или планчатой подвеской [Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997, с.9-10]. В составе низок довольно часто встречаются зооморфные пронизки, изображающие крылатого пса («крылатая собака-сенмурв»), характерные для данного периода, и ранние формы флаконовидных пронизок.

Одновременно в VIII в. бытовали пояса тюрко-аварского типа, которые в неволинской культуре характерны для мужских захоронений, а в ломоватовской встречаются и в женских комплексах. Это кожаный ремень шириной около 2 см, украшенный прямоугольными, арочными, серпообразными и пр. накладками, снабженный пряжкой и наконечником [Голдина, Водолаго, 1990, с.74-75].

В конце VIII – первой половине X вв. получили распространение пояса салтовского типа с цельнолитыми 8-образными пряжками, щитовидными, сердцевидными, круглыми и пр. накладками, нередко с колечками. В этот период женские пояса нередко дополнялись биконьковыми шумящими подвесками, шумящими туалетными подвесками-коробочками, подвесками-ложками. Вариации зооморфных пронизок заметно уменьшились [Голдина, 1985, с.131], в составе поясных низок встречаются только объемные пронизки-уточка и лебеди. Именно для данного периода наиболее характерно присутствие на поясе в женских комплексах богато украшенных ножен. Широкое распространение получили флаконовидные пронизки, которые служили футлярами для игл.

На рождественском этапе преобладала поясная гарнитура болгарского ремесленного производства – разнообразные варианты квадратных, щитовидных, сердцевидных и пр. накладок, цельнолитые восьмеркообразные пряжки и со щитком, имеющие широкий ареал распространения. Особенно популярными были болгарские мелкие накладки, использовавшиеся в составе поясных привесок, изображавшие стилизованную морду животного (вероятно, медведя). При этом встречаются и отдельные типы накладок, например, квадратные с «Ж»-образным орнаментом, и восьмеркообразные пряжки особой конструкции, распространенные только на памятниках Пермского Предуралья. Привески-низки в этот период состояли, в основном, из бронзовых трубчатых пронизок и бус, среди которых наиболее типичными были флакончатые бусы, завершались разнообразными пронизками-колокольчиками или привесками-бубенчиками. Лишь изредка в составе низок встречаются пронизки-уточка. Среди поясных подвесок продолжали использоваться ложки, игольники. Вместо туалетных коробочек-медальонов с шумящими привесками получили распространение туалетные коробочки в виде «самоварчиков». Для данного периода характерно наибольшее количество поясных сумочек, характерных для женских комплексов, и мужских кошельков для хранения элементов огня. В этот период ношение кресала на поясе широко распространено как у мужчин, так и у

женщин, причем в наиболее богатых мужских комплексах нередко встречаются биметаллические кресала, которые, вероятно, выступали знаком высокого социального положения, и одновременно выполняли роль амулета и дополнительного декоративного элемента костюма. На поясе продолжали носить нож в деревянных ножнах, декоративные ножны, обложенные металлическими пластинами, уже не встречаются, но деревянная рукоять нередко украшается медной или серебряной обоймой, иногда встречаются зооморфные навершия рукояти. Именно в данный период наиболее часто среди разнообразных предметов, носимых на поясе, у мужчин встречаются шилья, причем в некоторых случаях у них сохраняются характерные для Пермского Предуралья костяные «Т»-образные рукояти.

На позднем этапе поясная гарнитура становится очень стандартной. Уже со второй половины XI в. в Пермском Предуралье получили распространение выпуклые щитовидные накладки с растительным орнаментом, напоминающим очертания бабочки, которые оставались основным видом накладок вплоть до XIV века. Для украшения поясных привесок-ремешков использовались сердцевидные и розетковидные накладки, которые также почти не изменялись на протяжении очень длительного промежутка времени. Это, вероятно, связано с тем, что на ранних этапах постоянно возникали новые импульсы в развитии поясной гарнитуры, когда же в XI в. в Восточной Европе распространилась мода на железную поясную гарнитуру, местное население, для которого бронзовые накладки на поясе имели, очевидно, особое сакральное значение, вынуждено было довольствоваться исключительно продукцией местных бронзолитейщиков, которые, выработав определенный набор форм накладок, не изменяли их внешнего вида в силу консервативности традиционной культуры. В составе привесок-низок на позднегородковском этапе присутствовали Ф-видные шумящие пронизки. На поясе продолжали носить ножи и кресала.

Женский костюм отличало наличие *ожерелий или нагрудников*, составленных преимущественно из стеклянных, каменных, металлических бус или бисера. В их составе иногда встречаются раковины каури, разнообразные привески и подвески, среди которых преобладали серебряные восточные монеты или монетовидные подвески.

Браслеты в харинское и ломоватовское время преобладали простые прутковые, с VIII в. наряду с ними распространяются граненые прутковые браслеты с кружковым орнаментом, пластинчатые, витые и псевдовитые. Подобные браслеты сохранились и на рождественском этапе, для которого наиболее характерными могут считаться граненые прутковые и пластинчатые с округлым расширением на концах с кружковой орнаментацией, в этот же период получают распространение литые плоские бронзовые браслеты, имитирующие болгарские ювелирные серебряные браслеты со скано-зерновой орнаментацией и вставками из цветных камней на концах.

Перстни на харинском этапе существовали медные из очень тонкой пластины, из-за плохой сохранности они фиксируются достаточно редко, для ломоватовского периода наиболее характерны цельнолитые бронзовые перстни с разнообразной формой щитков, в IX-X вв. получили распространение т.н. «салтовские» перстни со вставкой. Для рождественского периода наиболее типичны пластинчатые медные и серебряные перстни без орнаментации, но в это же время получили распространение перстни с ювелирным серебряным «колпач-

ком» на месте щитка, к которому припаивались два медных «ушка», образующих кольцо. Последние представлены преимущественно в наиболее богатых мужских, реже женских, погребениях, и имели, вероятно, наиболее престижный характер. На позднегородановском этапе наиболее массовыми являлись проволочные спиральновитые перстни.

4.3. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ НОШЕНИЯ В КОСТЮМЕ ОРУДИЙ ТРУДА ПОВСЕДНЕВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

4.3.1. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ КРЕПЛЕНИЯ СЪЕМНЫХ ДЕТАЛЕЙ

К этой категории предметов относятся подвески в виде «костыльков» и «якорьков», которые имели, главным образом, не декоративное, а утилитарное значение. «Рога» этих подвесок закреплялись в специальных петлях на поясе или в волосах при подвешивании наконечников, ножен и т.п. При этом в составе наконечников отмечаются, как правило, бронзовые «костыльки». Но они также встречаются и на поясе. «Якорьки» преимущественно служили для подвешивания различных предметов на пояс. При этом подвеска могла крепиться на поясе, в данном случае кожаная петля находилась на подвешиваемом предмете. Но чаще, вероятно, на поясе имелось несколько петель или колечек, за которые с помощью «костыльков» или «якорьков» зацеплялись ножны и пр.

Предметы данной категории изготавливались из бронзы или из кости. Бронзовые подвески обычно рассматриваются авторами как украшения костюма [Оборин, 1970, с.18; Голдина, 1985, с.46; Голдина, Кананин, 1989, с.67], костяные костыльки и якорьки специальному анализу пока не подвергались.

Группа I – костыльки - подвески, представляющие собой вытянутый горизонтально стержень или плоскую планку с петлей в центре.

Подгруппа I.1 – в виде прямого прутка.

Тип I.1.1 (рис.89/1-25) – в виде круглого в сечении относительно длинного прутка.

Вариант а – стержень гладкий, утолщения на концах в виде шарика или грозди шариков (Рождественский, Огурдинский могильники, раскопки Н.Б.Крыласовой; могильник Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича; Урьинский, Козьминский могильники [Генинг, Голдина, 1970, табл.19/13; Голдина, 1985, табл.XVI/5, XXI/1]). В двух случаях у основания петли – две полушарные выпуклости (рис.).

Вариант б – поверхность стержня покрыта насечками или валиками, утолщения на концах в виде гладкого шарика, грозди шариков, в одном случае – в виде прорезных ромбов (Рождественское городище и могильник, Огурдинский могильник, селище и могильник Запоселье, раскопки Н.Б.Крыласовой; средневековый комплекс на стоянке Чашкинское озеро VI, раскопки Е.Л.Лычагиной; могильник Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича; Важгортский могильник, раскопки И.В.Бочарова; Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц; Урьинский, Щукинский, Аверинский, Плесинский, Деменковский, Каневский, Агафоновский, Русиновский могильники [Генинг, Голдина, 1970, табл.20/12, 26/6; Голдина, 1985, табл.XXI/2-5;]).

Вариант в - в виде витого стержня (могильник Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича).

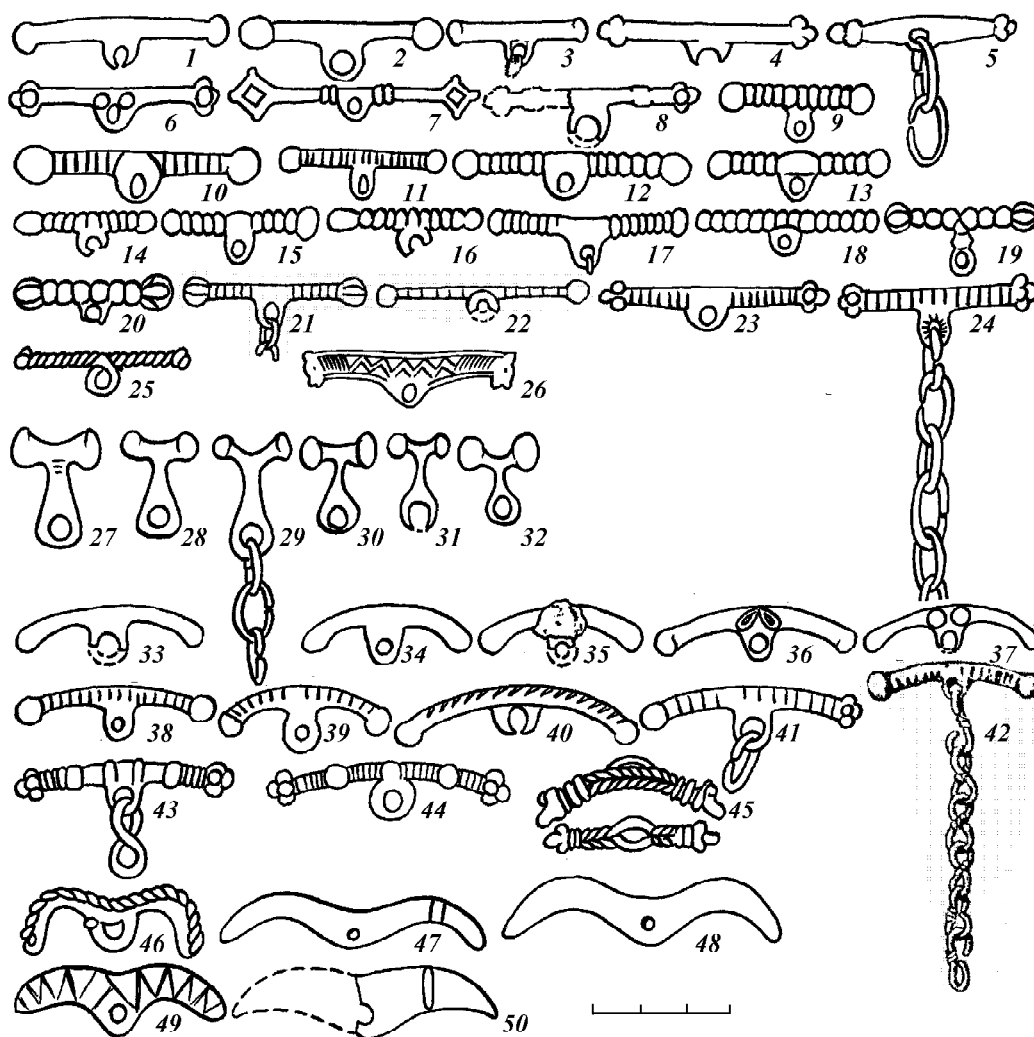

Рис.89 «Костыльки»: 1 – Рождественское городище; 2 – п.41 Рождественского; 3 – п.10 Урынского могильника; 4, 8 – Огурдинский могильник; 5-7, 9, 24-25, 37, 41, 43 – Степаново плотбище; 10 – п.101 Рождественского могильника; 11, 13 – п.5 могильника Степаново плотбище; 12 – п.55 Рождественского; 14 – п.2 Каневского, Баяновский могильник; 15 – п.286, 295 Аверинского могильника; 16 – Аверинский, Русиновский могильники; 17 – п.267, 273, 297 Аверинского, п.68 Щукинского; 18 – п.9 Важгортского; 19, 21 – Плесинский могильник; 20 – п.175 Аверинского; 22 – Антыбарский могильник; 23 – п.25 Рождественского могильника; 26 – Мало-Аниковский могильник; 27 – Рождественский могильник (5 экз.); 28 – п.36 Огурдинского могильника; 29, 31, 38-40 – Рождественский могильник; 30 – п.68 Огурдинского могильника; 32 – д.Козьмино; 33 – п.103 Рождественского могильника; 34 – п.79 Рождественского могильника, Рождественское городище (2 экз.); 35, 36 – Рождественское городище; 42 – Роданово городище; 44 – Терикановский могильник; 45 – д.Данилова; 46-47 – селище Телячий брод; 48 – Анюшкар; 49 – Рождественское городище; 50 – Кудымкарское городище.

Костыльковые подвески *типа I.1.1* появляются в болгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков, 1992, рис.13/52], и с IX в. получают массовое распространение на памятниках Пермского и Удмуртского Предуралья [Голдина, Кананин, 1989, рис.70/25,30; Иванов, 1998, рис.19/16]. Подобные подвески известны на Большетиганском могильнике IX-X вв. [Казаков, 1992, рис.21/50-51], на городище Иднакар [Иванова, 1998, рис.55/29], на Чежтыгском могильнике XI-XII вв. на р.Вычегде [Истомина, 1992, рис.4/4].

Тип I.1.2 (рис.89/26) – в виде плоской планки с зигзагообразным орнаментом, концы оформлены в виде стилизованных звериных головок (Мало-Аниковский могильник, Эрмитаж, инв. № 541/16).

Тип I.1.3 (рис.89/27-32) – в виде короткого прутка с утолщениями на концах, в центре прутка – удлинённая петля с круглым отверстием для подвешивания.

Подтип I.1.2.1 – утолщения на концах плавные, не выделенные, петля подтреугольной формы (Рождественский, Огурдинский могильники, раскопки Н.Б.Крыласовой; [Спицин, 1902, табл. XXXII/6]; Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича).

Подтип I.1.2.2 – утолщения на концах в виде шариков, петля каплевидной формы (Рождественский, Огурдинский могильники, раскопки Н.Б.Крыласовой; д.Козьмина [Спицин, 1902, табл. XXXII/11]).

Подобные подвески известны в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. VI/27].

Наиболее ранние подвески первых двух типов, встреченные на Деменковском, Важгортском, Каневском, Урынском могильниках, могут быть отнесены к рубежу IX-X вв., в целом эти подвески без особых изменений просуществовали до середины XI в. Подвески третьего типа, судя по материалам погребальных комплексов, были распространены с рубежа X-XI вв. до середины XI в.

Подгруппа I.2 – дугообразные. В данной подгруппе выделяются изделия из бронзы и кости.

Тип I.2.1 (рис.89/33-45) – бронзовые в виде круглого в сечении дугообразного стержня.

Вариант а – не орнаментированные, утолщения на концах плавные, не выделенные. В одном случае у основания петли – украшение в виде двух миндалевидных лепестков, в одном случае – две полушарные выпуклости (д.Елева [Спицин, 1902, табл. XIX/9]; Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант б – поверхность покрыта насечками, утолщения на концах в виде гладкого шарика или грозди шариков (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой; могильник Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича; Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц).

Подвески вариантов данного типа встречены исключительно в комплексах первой половины XI в.

Тип I.2.2 (рис.89/45) – выполненная в технике косоплетки, концы оформлены в виде стилизованных звериных головок (д.Данилова, КТ, ПОКМ инв. № 11366/102). Судя по технологии изготовления данная подвеска может быть датирована XII-XIII вв.

Тип I.2.3 (рис.90) – костяные (роговые) подвески в виде плоской дугооб-

разной планки, на внутренней стороне которой в подтреугольном или подтрапцевидном выступе просверлено отверстие для подвешивания. Концы закругленные, приостренные, но преимущественно – срезанные наискосок. У одного экземпляра (п.№ 15 Аверинского могильника) один конец подвески приостренный, на другом – стилизованное изображение звериной головки. Размеры от 3,5 см до 9 см в длину. Большинство подвесок сильно заполировано от частого использования.

Вариант а – не орнаментированные (Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц; Рождественское городище, раскопки Н.Н.Новокрепленных, А.М.Белавина; Кудымкарское городище и селище, КТ, ПОКМ, инв. № 11377/32-23, 25, № 11376/225).

Вариант б – с резным орнаментом в виде разных вариантов зигзага или

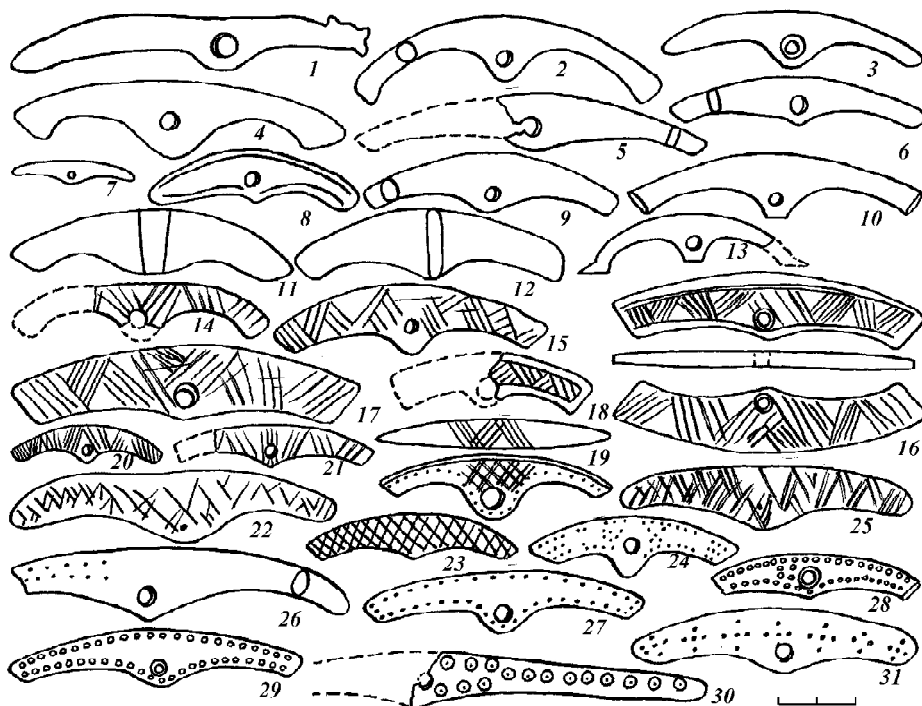

Рис. 90 «Костыльки» роговые: 1 – п. 15 Аверинского могильника; 2 – Кудымкарское селище; 3, 13-14, 16, 20-21, 25, 31 – Рождественское городище; 4-12, 15, 17, 22-23, 27, 29-30 – Анюшкар; 18-19, 28 – Кудымкарское городище; 24 – Юсьвенское городище; 26 – селище Телячий Брод.

решетки (Рождественское городище, раскопки Ю.А.Полякова, А.М.Белавина; Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц; Кудымкарское городище, КТ, ПОКМ, инв. № 11377/32-24).

Вариант в – с различными вариантами орнамента, нанесенного точками (Кудымкарское городище [Спицин, 1902, табл. XXI/3]; Анюшкар, раскопки В.А.Оборина; Рождественское городище, селище Телячий Брод, раскопки А.М.Белавина; Юсьвенское городище, раскопки Г.Т.Ленц).

Вариант г – с кружковым или циркульным орнаментом (Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц).

По аналогии с бронзовыми дугообразными подвесками данной подгруппы, появление костяных костыльков можно датировать рубежом X-XI вв., судя

по отдельным находкам (селище Телячий Брод, Аверинский могильник), они бытовали вплоть до XIII-XIV вв. [Голдина, Кананин, 1989, рис.73/23].

Подобные костяные костыльки известны на территории Удмуртии на городище Иднакар [Иванова, 1995, рис.21/15], в п.№ 3 Кыпкинском могильника середины XI – первой половины XII вв. [Иванова, 1992, рис.45/3]; на территории республики Коми на Пожегском городище [Савельева, Кленов, 1992, рис.8/21]. Аналогичный костяной костылек представлен в Егорьевской коллекции рязанских вещей. По мнению Р.Л.Розенфельдта, этот предмет относился к поясному набору, с помощью него на ремennую петлю подвешивали нож или сумку [Розенфельдт, 1974, с.188, рис.2/29].

Подгруппа I.3 – с плавным «М»-образным изгибом.

Тип I.3.1 (рис.89/46) – бронзовая, выполнена в технике косооплетки (селище телячий Брод, раскопки А.М.Белавина).

Тип I.3.2 (рис.89/47-50) – костяные не орнаментированные (Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, селище Телячий Брод, раскопки А.М.Белавина).

Судя по тому, что подвески данной подгруппы представлены в верхних слоях городища Анюшкар и на позднем селище Телячий Брод, они могут датироваться XII-XIV вв.

Таким образом, форма костылька, вне зависимости от материала изготовления, была хронологически обусловлена.

Группа II – якорьки.

Якорьковые подвески использовались, главным образом, аналогично костыльковым: якорек закреплялся в петле из шнура на поясе или в другом месте костюма. Но, в отличие от костыльковых, якорьковым подвескам присуща большая декоративность, некоторые кроме отверстия для крепления основного предмета дополнялись боковыми петлями для шумящих привесок.

Подгруппа II.1 – без шумящих привесок.

Тип II.1.1 (рис.91/1-10) – с короткой шейкой при переходе к петле.

Подтип II.1.1.1 – бронзовые.

Вариант а – плоская гладкая якорьковая подвеска, петля с подтреугольным завершением (Рождественское городище [Спицин, 1902, табл. XXXIV/33]).

Вариант б – на шейке при переходе к петле кружок или округлое утолщение (Мало-Аниковский, Аверинский, Русиновский, Каневский могильники, Русиновское I, Вакинское селища [Спицин, 1902, табл. XX/8; Генинг, Голдина, 1970, табл. 27/12; Голдина, 1985, табл. XLIV/16; Голдина, Кананин, 1989, рис. 53/7]).

Вариант в – литые подвески, имитирующие согнутый в виде якорька пруток. Некоторые подвески данного варианта украшены по верхнему краю насечками или валиками (Рождественский, Огурдинский могильники, раскопки Н.Б.Крыласовой; Аверинский могильник [Голдина, Кананин, 1989, рис. 53/6, 8, 9]).

Подтип II.1.1.2 – костяная, без орнаментации, завершение петли прямое (д.Харина [Спицин, 1902, табл. XXXV/9]).

Подвески-якорьки данного типа, вероятно, являются наиболее ранними, они появились с конца IX в. и являются наиболее характерными для X в. [Голдина, Кананин, 1902, рис. 71/11].

Тип II.1.2 (рис.91/11-14) – с длинной шейкой при переходе к петле.

Подтип II.1.2.1 – бронзовые.

Вариант а - литая подвеска, имитирующая согнутый в виде якорька пруток, украшенный косыми насечками, образующими «елочку»; концы якорька короткие (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой).

Подобная подвеска, но с дополнительными кольцами для привесок, известна на Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов, 1985, рис.4/23].

Вариант б – шейка в виде круглого в сечении стержня, сплошь покрытого гладкими «поясками», перемежающимися линиями «шашечек» (с. Рождественск, КТ, ПОКМ).

Подтип II.1.2.2 – костяные уплощенные подвески (городища Кудымкарс-

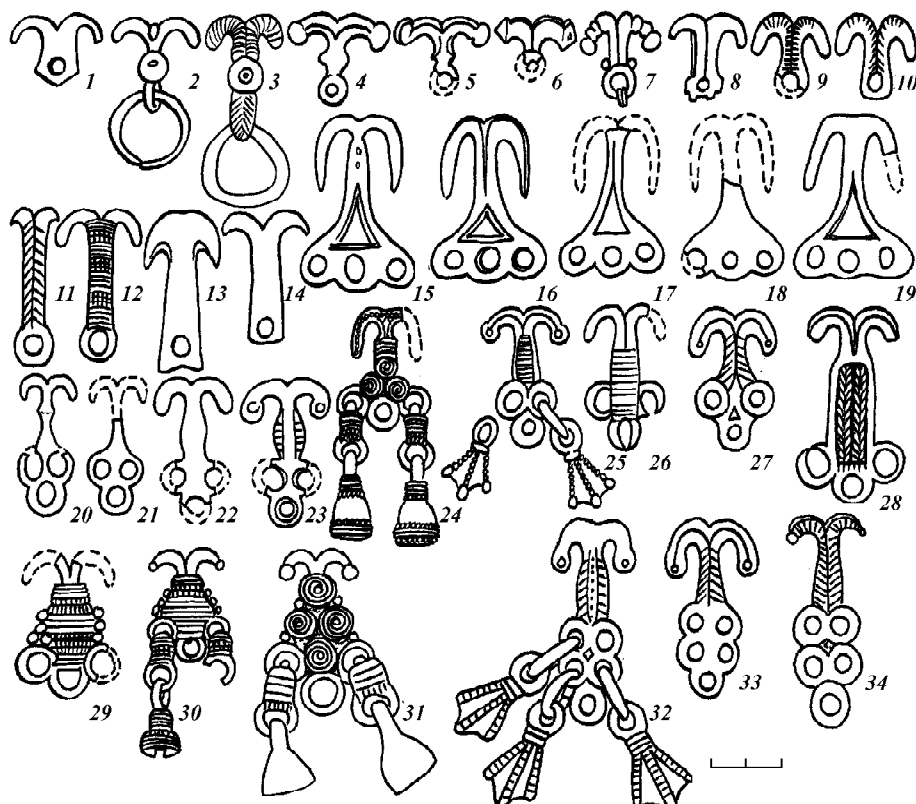

Рис.91 «Якорьки»: 1, 12, 21 – Рождественское городище; 2 – Мало-Аниковский могильник; 3, 24 – Вакинское селище; 4 – п.7 Каневского могильника; 5 – Аверинский, Русиновский могильники; 6 – п.269, 324, 7 – п.71, 8 – п.420 Аверинского могильника; 9 – Оурдинский могильник; 10, 18, 22 (3 экз.), 23 (3 экз.), 25 (3 экз.), 26-27, 29 – Рождественский могильник; 11 – п.74 Рождественского могильника; 13, 19 – Анюшкар; 14 – Кудымкарское городище; 15 – п.108 Огурдинского могильника; 16 – д.Загарье; 17 – п.96 Рождественского могильника; 20 – д.Елева; 28 – с.Архангельское; 30 – д.Харина; 31 – Роданово городище; 32 – д. Михалево; 33 – п.127 Рождественского могильника, 34 – Гайнская волость Чердынского уезда. 13-14 – кость, остальное – бронза.

кое (ПОКМ) и Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц).

Данные подвески датируются рубежом X-XI – серединой XI вв.

Подгруппа II.2 – шумящие.

Тип II.2.1 (рис.91/15-19, 24) – с тремя отверстиями для привесок на рас-

ширенном подтреугольном основании. Концы якорьков тонкие удлиненные.

Вариант а – основание гладкое (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой)

Вариант б – в центральной части подвесок – резной треугольник (д.Загарье [Спицин, 1902, табл. XXXII/9], Рождественский, Огурдинский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант в – основание украшено тремя умбонами со спиральным орнаментом, концы якорька – насечками. Сохранились привески-колокольчики, присоединенные к основе цепочками со щитком, колокольчики и цепочки украшены гладкими поясками и рядами псевдозерни (д.Вакина [Спицин, 1902, табл. XXXII/8]).

Тип II.2.2 (рис.91/20-23, 26-31) – с тремя петлями для привесок, расположенными в форме треугольника вершиной вниз.

Вариант а – гладкие подвески с утонченной шейкой (д.Елева [Спицин, 1902, табл. XXXII/5], Рождественский могильник, КТ, ПОКМ, раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант б – подвески с плоской овальной шейкой, на концах якорьков утолщения. Встречены неорнаментированные экземпляры, но преобладают подвески с горизонтальными насечками на шейке и кружками на концах якорьков. У одного экземпляра сохранились боковые привески-лапки (Рождественский могильник, КТ, раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант в – литая подвеска, имитирующая согнутый в виде якорька прут, украшенный косыми насечками, образующими «елочку»; на концах якорька – маленькие кружки, соединенные линией, проходящей вдоль якорька (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант г – удлиненная шейка представляет собой круглый в сечении стержень, сплошь покрытый горизонтальными «поясками» (с.Рождественск, КТ, ПОКМ).

Подобная подвеска встречена на поселении Атымья I в Зауралье в составе клада бронзовых украшений XII-XIV вв. [Морозов, Сериков, 1999, рис.5/12].

Вариант д – шейка со вздутием в центре сплошь покрыта «поясками» гладкими и с насечками, по бокам украшена шариками псевдозерни. У одного экземпляра сохранились привески-колокольчики на цепочках со щитками, украшенные аналогично подвеске (с.Рождественск, КТ, ПОКМ; д.Харина [Спицин, 1902, табл. XXXIV/31]).

Подобный «якорек» найден в кладе на Ликинском могильнике на Среднем Урале [Могильников, 1991, рис.1/5]. Этот могильник, судя по инвентарю, оставлен выходцами из Пермского Предуралья.

Вариант е – шейка оформлена в виде массивной пластины, украшенной имитацией скани (с. Архангельское [Спицин, 1902, табл. XXXIX/11]; могильник Степаново плотбище (раскопки А.В.Данича), Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц), д.Егва КПАО (коллекция КПОКМ, № 2815/3)).

Тип II.2.3 (рис.91/32-34) – с пятью петлями для привешивания, расположенными в форме грозди. Шейка украшена насечками, на концах якорьков – кружочки. У одной из подвесок сохранились привески-лапки (д.Михалева [Спицин, 1902, табл. XIII/14], Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой, Гайнская волость б.Чердынского уезда [Рисунки древностей..., 1897, табл. XIII/13]).

Одноякорьковые подвески, как шумящие, так и без шумящих привесок, безусловно, являются разновидностью вещей, характерных для Пермского Предуралья. На соседних территориях их находки довольно редки. Такие предметы известны на Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов, 1985, рис.4/22], На вычегодских могильниках XI-XII вв. Шойнаты II и Чежтыгском [Королев, 1997, рис.47/22; Истомина, 1992, рис.1/13], на вымском Кичилькосьском I могильнике [Савельева, 1987, рис.30/22]. При этом К.С.Королев отмечает возможное прикамское происхождение таких вещей [Королев, 1997, с.167, рис.47/22]. В погребении № 37 Чежтыгского могильника пара шумящих одноякорьковых подвесок входила в состав накосника: к каждой из якорьковых подвесок была снизу за петельку привязана арочная шумящая подвеска; арочные подвески, в свою очередь, были соединены кожаным шнуром, пропущенным через предназначенные для этого боковые ушки [Истомина, 1992, с.131-132]. Следует отметить, что весь материал этого женского погребения находит прямые аналогии в Пермском Предуралье, здесь представлен характерный женский костюм типа 1, и, вполне вероятно, это было погребение не «лица, занимающего высокое положение в обществе», как предполагала автор статьи, а привезенной от соседей невесты. Одноякорьковые подвески встречены также в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов, 1981, рис.58/40], единичные предметы обнаружены в курганах дреговичей [Седов, 1982, табл. XXIX/30], на Белоозере [Захаров, 2004, рис.69/7], на поселении Атымья I в Зауралье [Морозов, Сериков, 1999, рис.5/12]. Якорек был использован для крепления типичного прикамского шумящего медальона-коробочки, встреченного в п.4 кург.17 могильника Чулым-2 в Западной Сибири [Могильников, 1991, рис.1/1].

А.П.Смирновым одноякорьковые подвески датировались X-XIII в. на основании комплексов вещей из случайных сборов (Рождественское городище, Вакинское селище и др.) [Смирнов, 1930, с.114]. Однако В.А.Оборин, опираясь на хорошо датированные монетами комплексы из Баяновского, Загарского, Редикарского, Урьинского, Плесинского, Мелехинского могильников, ранних слоев городищ Анюшкар и Лаврятского, пришел к выводу, что в период X-XI вв. они еще не использовались, и вошли в употребление только в XI-XIV вв., о чем свидетельствуют материалы Троицкого, Искорского городищ, верхних слоев городища Анюшкар, Мало-Аниковского могильника и др. [Оборин, 1970, с.14]. Новые материалы позволили уточнить время появления якорьковых подвесок - IX в. [Голдина, 1985, табл. XVII/25, 26, 54]. Раскопки Рождественского могильника показали, что большинство форм одноякорьковых подвесок относится к X-XI вв., а к более позднему периоду могут быть отнесены только подвески, украшенные многочисленными «поясками», но и их дата вряд ли позднее начала XII века.

4.3.2. СУМКИ И КОШЕЛЬКИ

Эта категория элементов средневекового костюма выделена благодаря масштабным раскопкам, проводившимся на Рождественском, Баяновском и Огурдинском могильниках археологической экспедицией ПГПУ. Фрагменты поясных сумочек и кошельков встречены в 13% погребений Рождественского могильника и на городище. На Баяновском могильнике несколько кошельков обнаружено в процессе раскопок в 2006 г. До этого один кошелек был найден на могильнике Пыштайн в Гайнском районе Пермского края, но В.А.Оборин оп-

ределил ее как фрагмент головного убора, так она и располагается на реконструкции погребения в экспозиции Гайнского краеведческого музея. Фрагмент пластины от кошелька с Рождественского городища находится в коллекции Теплоуховых, однако отсутствие аналогий в конце XIX в. не позволило авторам коллекции интерпретировать его.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить два отдела поясных сумочек: кошельки для хранения элементов огня, которые присутствуют в мужских погребениях, и женские сумочки для рукоделия и других мелких предметов, которые необходимо было иметь под рукой. Деление это весьма условно, вполне вероятно, что внешне мужские и женские поясные сумочки различались незначительно, но у них существуют различия в декоративном оформлении.

Сумочки подвешивались на пояс с помощью кожаных ремешков или шнурков. В одном случае на поясе в месте крепления сумочки находилось два бронзовых кольца, в другом – две выпуклые накладки-пуговицы.

Отдел А – кошельки. Эта категория предметов представляет собой небольшие (шириной 8-10, длиной 11-15 см) плоские мешочки из кожи или ткани, иногда с прокладкой из бересты. Обычно они лировидные, суженные посередине, с овальной нижней и расширяющейся в виде раструба верхней частью. Обычно кожа сохраняется крайне фрагментарно только непосредственно между металлическими пластинками, поэтому судить о ее внешнем виде трудно. Но материалы с соседней территории Удмуртии показывают, что кошельки изготавливались из сыромятной кожи, в Качкашурском могильнике на нее тиснением был нанесен орнамент в виде сот [Иванов, 1991, с.149], в п.173 Варнинского могильника кожа кошелька была окрашена в красный цвет [Семенов, 1980, с.51]. Подобный тисненый ячеистый орнамент наблюдается и на сумочках из Марийского Поволжья [Архипов, 1973, с.156-157, рис.44-45; Казаков, 2001, рис.2/6]. По мнению Е.П.Казакова, такая кожа («булгари») изготавливалась в мастерских болгар [Казаков, 2001, с.173].

Группа АI – кожаные кошельки с краями, скрепленными металлическими обоймами (11 экз.).

Тип АI.1 (рис.92/4-10) – (тип 1 по Е.П.Казакову [Казаков, 2001, с.173]) с мелкими обоймочками по краю, заходящими друг на друга наподобие чешуи. В отдельных случаях под обоймочками сохранилась кожа в два слоя. Такие кошельки встречены в п. № 24, 83, 98 Рождественского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой) и в п.59, 67, 68, 69 Баяновского могильника (раскопки А.В.-Данича 2006 г.).

Мелкие обоймочки скрепляли края основной емкости кошелька, а края горловины закреплялись относительно длинными узкими пластинками. Исключение составляет кошелек из п.№ 83 Рождественского могильника, у которого и бока и края горловины покрыты мелкими обоймочками.

Тип АI.2 (рис.92/1-3) – (тип 2 по Е.П.Казакову) кожаные кошельки с краями, скрепленными парой цельных медных пластин. Фрагменты таких кошельков встречены на Рождественском городище, причем один фрагмент пластинки находится в коллекции Теплоуховых (ПОКМ), а второй, абсолютно идентичный, обнаружен в процессе раскопок в 1991 г. (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ, № РГ91-2/797), подобные кошельки происходят из п.15 могильника Пыштайн (раскопки В.А.Оборина, Гайнский музей) и п.73 Баяновского мо-

гильника (раскопки А.В.Данича 2006 г.).

Как показали материалы раскопок Баяновского могильника (раскопки А.В.Данича, 2006 г.), кошельки закрывались крышкой-задвижкой в виде полукруглой трубочки. Аналогичное устройство кошельков зафиксировано в Качкашурском I могильнике IX-XIII вв. в Удмуртии [Иванов, 1991, с.149, рис.10/13-14].

Все описанные кошельки происходят из мужских погребений, отличающихся относительным богатством инвентаря. В большинстве кошельков или возле них найдены кресала и кремни, что свидетельствует о том, что они предназначались, главным образом, для ношения предметов огнива.

Поясные кошельки (сумочки), обрамленные по краям бронзовыми обой-

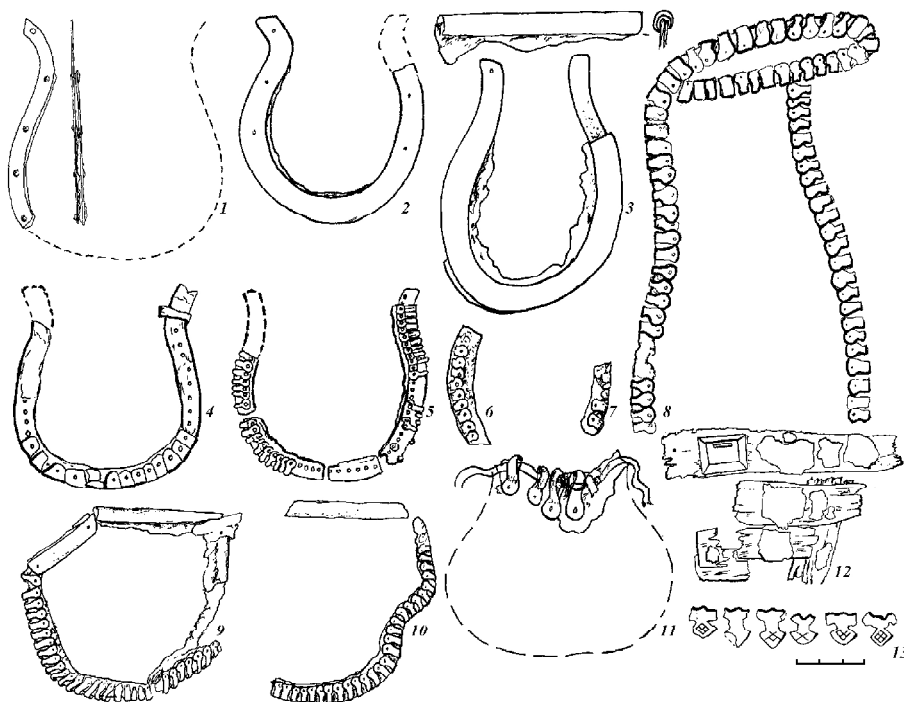

Рис.92 Кошельки: 1 – Рождественское городище, 2 – п.15 Пыштайинского могильника, 3 – п.73 Баяновского, 4 – п.98, 5 – п.24 Рождественского; 6 – 7 – п.59 Баяновского; 8 – п.83 Рождественского; 9 – п.67, 10 – п.68, 11 – п.48 Баяновского могильника; 12 – п.21, 13 – п.96 Рождественского могильника.

мочками, являются довольно характерным элементом волго-уральского раннесредневекового мужского костюма [Казаков, 1971, с.135, табл.VIII/12; Halikova, Kazakov, 1977, Vlc., 8; Архипов, 1973, с.156-159, рис.46,49; Иванов, 1952, с.196, табл.XII/1-2; Измайлов, 2000, с.78, рис.1/1]. Кошельки типа 1 известны в материалах Танкеевского, Балымерского могильников, Лебяжского погребения [Казаков 1992, рис.53/19-20; 74/2; 78/A2], Варнинского [Семенов 1980, табл.IX/6], Качкашурского могильников [Иванов, 1991, рис.10/13-14], могильников Марийского Поволжья [Архипов, 1973, с.156-159, рис.46,49]. Особенно много подобных кошельков в Венгрии периода мадьярского завоевания, где они являются массовой находкой [The Ancient... 1996, Fig.94,155,186,207,444]. Кошельки типа 2 известны в п. № 146, 1086 Танкеевского могильника в Татарстане [Казаков, 1992, с.144, рис.53/20], п. № 55а Крюково-Кузновского мо-

гильника в Мордовии [Иванов, 1952, табл. XII/2], в Бирке [Arne, 1914. Taf.128; Arbman, 1940, Taf.128].

Как считает Е.П.Казаков, по своему функциональному назначению, технике исполнения и общему виду кошельки (сумочки) всех указанных памятников обнаруживают большое сходство. На основании этого исследователь предполагает общие истоки их происхождения, и считает, что, вероятнее всего, первоначальным районом, где в конце IX в. появилась «мода» на них, был регион между Волгой и Уралом. Мадыры принесли такие сумочки в Паннонию, а через торговлю волжских булгар в X-XI вв. по волжскому пути они в несколько измененной форме распространились среди поволжских финнов, а отдельные экземпляры дошли и до Скандинавии [Казаков, 1992, с.144].

Группа АII – поясные кошельки (сумочки) из ткани (1 экз.).

Такие кошельки, предназначенные для элементов огнива, вероятно, имели широкое распространение, о чем свидетельствуют остатки кусочков ткани на кресалах, встречаемых в погребениях. Однако зафиксировать остатки такой сумочки удалось только один раз.

Тип АII.1 (рис.92/11) – кошелек в виде мешочка из ткани, обшитого по горловине полоской кожи, к которой крепились обоймочки, наподобие тех, какими скреплялись края кожаных кошелев. Но эти обоймочки были несколько крупнее, они образовывали по верхнему краю петли, через которые был продернут кожаный шнур, стягивающий горловину. Кошелек происходит из п. № 48 Баяновского могильника (раскопки А.В.Данича 2006 г.).

Группа АIII – кошельки (сумочки) из бересты и лыка (3 экз.).

Тип АIII.1 (рис.92/13) – берестяной кошелек из п.96 Рождественского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой) был сплошь покрыт накладками из тонкой серебряной фольги, преимущественно в виде тлена, за счет чего и удалось зафиксировать ее остатки. Сохранилось только несколько таких накладок, которые, вероятно, были наклеены на поверхность сумочки.

Тип АIII.2 (рис.92/12) – кошелек, плетеный из полос лыка, по верхнему краю был украшена квадратными не орнаментированными накладками с прорезью и подпрямоугольными медными пластинками. Такие же пластинки покрывали лицевую поверхность сумочки, что способствовало ее частичной сохранности. Происходит из п. № 21 Рождественского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой).

Фрагменты еще одной берестяной сумочки зафиксированы при разборке погребения № 79 Рождественского могильника. Внутри нее находилась низка бронзовых бус.

Отдел В – женские сумочки.

Группа VI – сумочки, украшенные по нижнему краю или по горловине «бахромой».

Тип VI.1 (рис.93/4,6) – сумочки украшены по горловине «бахромой» из узких кожаных ремешков с мелкими гладкими сердцевидными накладками и наконечниками ремней. Интересно, что такие накладки и наконечники на Рождественском могильнике встречены, главным образом, именно в составе украшений поясных сумочек. Присутствие подобного рода накладок и наконечников ремней в материалах Огурдинского могильника позволяет предполагать, что и там существовали аналогичные сумочки.

Подтип VI.1.1 – горловина сумочки из п. № 48 Рождественского могиль-

ника, от которой сохранились крупные фрагменты кожи, украшена квадратными прорезными накладками, преимущественно гладкими, а на лицевой стороне справа и слева группами по 3 орнаментированные накладки. В прорезях накладок были закреплены узкие кожаные ремешки, каждый из которых имел вверх маленький гладкий наконечник ремня, а внизу – две миниатюрные сердцевидные накладки. В центре сумочки на ее лицевой стороне сохранились два перекрещенных ремешка с накладками и наконечником, как на ремешках бахромы – это, вероятно, остатки застежки сумки.

Подтип VI.1.2 – «бахрома» из трех ремешков находилась только на лицевой

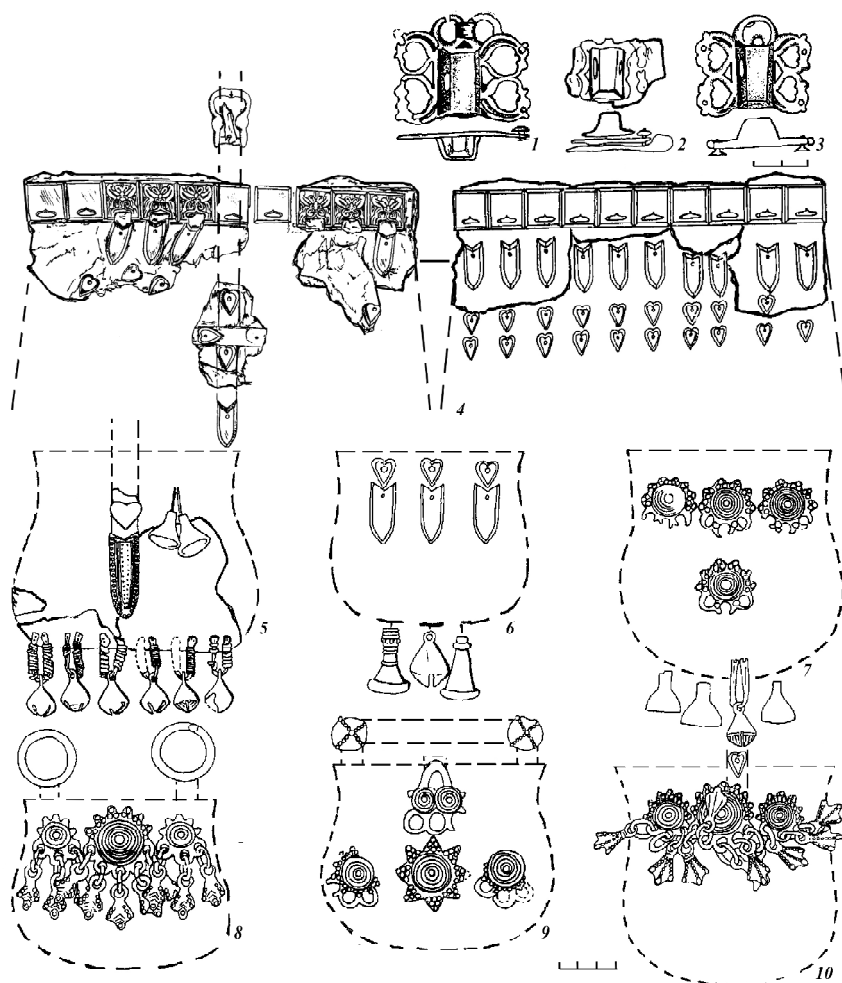

Рис.93 Сумочки: 1 – Рождественский могильник, 2 – п.118 Рождественского могильника, 3 – Огурдинский могильник, 4 – п.48, 5 – жертвенный комплекс, 6 – п.90, 7 – жертвенный комплекс, 8 – п.92, 9 – п.77, 10 – п.111 Рождественского могильника.

вой стороне сумочки. Вероятно, к нижнему краю сумочки крепились ремешки с пронизками-колокольчиками и бубенчиком, как у сумочки следующего типа. Происходит из п. № 90 Рождественского могильника.

Тип VI.2 (рис.93/5) – к нижнему краю сумочки из жертвенного комплекса с Рождественского могильника, от которой сохранились крупные фрагменты кожи, было прикреплено 6 петелек из кожаного шнура, на которые нанизаны спиралевидные пронизки и грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. На лицевой стороне сумочки поверх кожи сохранился фрагмент узкого

ремешка с сердцевидной накладкой и наконечником, возможно, от застежки сумочки, а также две пронизки-колокольчика на шнурках, которые могли являться украшением как самой сумочки, так и пояса, на котором она была подвешена.

Группа ВП (рис.93/7-10) – лицевая сторона сумочек украшена шумящими умбоновидными подвесками.

Вариант а – в центре крупная умбоновидная подвеска с пятью привесками, по бокам от нее – две меньшие по размеру с тремя привесками. Подвески были нанизаны с помощью петель на обороте на кожаный шнурок, который крепился на поверхность сумочки. Сумочки из п. № 92 и № 111 Рождественского могильника.

Вариант б – в центре умбоновидная подвеска без шумящих привесок, по бокам – две небольшие с тремя петлями для привесок. Выше – очковидная подвеска с тремя петлями для привесок и большой петлей вверх, через которую, вероятно, продевался ремешок, закрывающий сумочку. Происходит из п. № 77 Рождественского могильника.

Вариант в – на лицевой стороне сумочки – четыре однотипных шумящих умбоновидных подвески. Нижний край украшали петелька с бубенчиком и три колоколовидные пронизки на ремешках. Происходит из жертвенного комплекса на Рождественском могильнике.

Группа ВП (рис.93/1-3) – сумочки с фигурными застежками. В погр.118 и межмогильном пространстве Рождественского могильника, а также на Огрудинском могильнике были найдены застежки в виде коробочки трапециевидного сечения с отверстиями сверху и по бокам. Коробочка помещена на ажурной пластине с изображением пары смотрящих друг на друга конских головок с обеих сторон. На месте глаз коньков помещены штифты, с помощью которых застежка крепилась на поверхность сумочки. Застежка из погр.118 очень плохой сохранности, но под ней сохранился фрагмент кожи, расположенный между пластиной застежки и железной пластиной, предназначенной, очевидно, для более жесткого крепления на поверхности сумочки. Аналогий подобным застежкам пока не обнаружено.

Таким образом, материалы из раскопок Рождественского могильника дали возможность реконструировать внешний вид женских поясных сумочек, которые пока никем не выделялись. Отдельные разрозненные украшения, которые представлены в оформлении этих сумочек, широко известны, но не всегда имеется возможность сопоставить их с определенной деталью костюма.

Известно, что, к примеру, у обских угров сумка для хранения швейных принадлежностей (*тучан*) была наиболее значимым женским предметом. В ней рядом с иглами и нитями женщина хранила амулеты, предметы для очистительного окуривания, пуповины своих детей. В описываемых легендами свадьбах невеста рисовалась непременно «одетой в хорошую одежду» и «державшей меховую сумку». При переезде в дом мужа невесту укладывали на отдельную нарту, ее приданое – на другую. Лишь один предмет кроме одежды, принято было иметь при себе – тучан. Иногда, по преданиям, зловредную женщину лишали всего ее имущества и гнали прочь. Единственное, что неизменно оставалось с ней, была ее швейная сумка. Женщина была неразлучна со своей сумкой, даже когда ей приходилось отправляться в иной мир.

Швейная сумка «переживала» вместе с женщиной все настроения и состо-

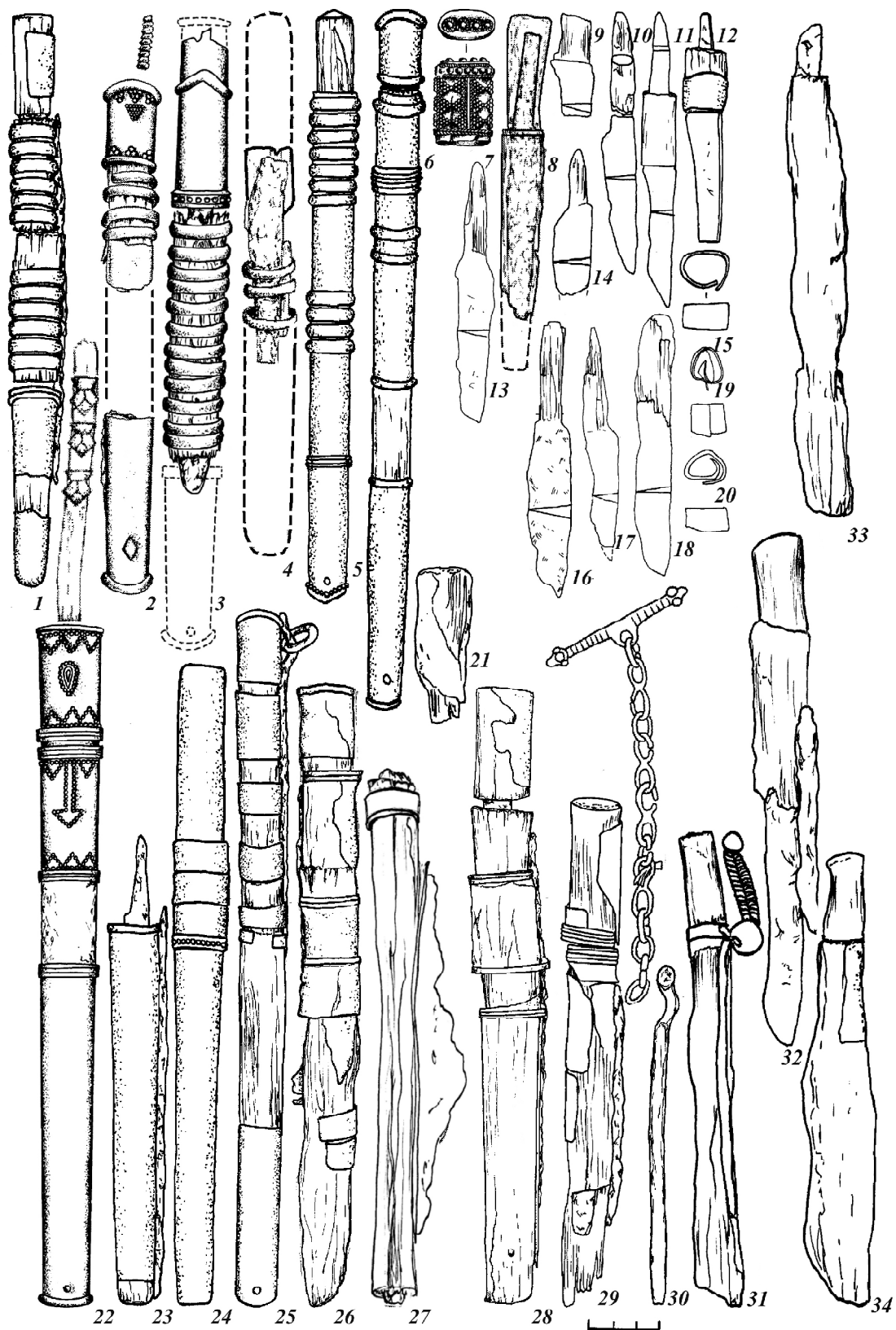
яния. Если хозяйку одолевали слезы, она прятала глаза, прильнув к тучан. Если женщина не могла пережить смерть мужа, и желала поскорее уйти вслед за ним в потусторонний мир, она оставляла в его могиле свою швейную сумку, «чтоб быстрее найти друг друга в стране мертвых, ведь у мужа и жены одна сумка на двоих» [Мифологическое время, 2003, с.47]. Возможно, именно с таким обычаем связано наличие женских сумочек в двух жертвенных комплексах на Рождественском могильнике.

4.3.3. НОЖНЫ

Необходимой принадлежностью пояса являлся нож. Ножи представлены в большинстве погребений всех поло-возрастных категорий. Такая их популярность объяснима двумя обстоятельствами: во-первых, нож – это основное универсальное орудие, которое могло использоваться и для различных хозяйственно-производственных нужд, и как столовый прибор, во-вторых, как показывают данные этнографии, нож являлся важным оберегом от нечисти и колдунов, и, вероятно, именно это было определяющим для средневековых жителей Пермского Предуралья, помещавших нож в состав костюма наряду с другими амулетами. Ножи, находимые в погребениях, обычно имеют небольшие размеры, в среднем 10-15 см в длину, и относятся к категории универсальных. Как правило, нож располагается в области левого бедра, что может свидетельствовать о его нахождении в ножнах на поясе. Судя по следам древесины, нередко сохраняющейся на железных ножах, ножны и рукояти изготавливались преимущественно из дерева.

В период IX – начала XI вв. в Пермском Предуралье получили относительно широкое распространение деревянные ножны, обложенные металлическими пластинами (медными, бронзовыми или серебряными). Не смотря на то, что находки таких ножен достаточно массовые, эта категория предметов никогда подробно не анализировалась исследователями (исключение – классификация ножен по материалам Варнинского могильника в Удмуртии [Семенов, 1980, с.50]). В.А.Оборин, В.Ф.Генинг и Р.Д.Голдина считали их футлярами декоративных кинжалов. В реальности же только одни ножны из п.5 Плессинского могильника являются декоративными, рукоять и футляр у них были наглухо скреплены медным стержнем с кольцом для крепления к поясу [Оборин, 1962, с.99, рис.11]. Эти ножны единственные, происходящие из богатого мужского захоронения, в котором присутствовало большое количество оружия, в том числе, сабля в деревянных ножнах с серебряными обкладками и обоймами, очень похожих на ножны для ножей. Обычно в мужских погребениях ножны не сохраняются. Вероятно, они были из простого дерева или из кожи. Деревянная рукоять у перехода к лезвию иногда перетягивалась бронзовой или серебряной обоймой (селище Запоселье VIII в., п.102 Огурдинского могильника XI в., Рождественское городище X-XIII вв.). Ножны с металлическими обкладками в целом характерны исключительно для «богатых» женских захоронений с костюмными комплексами 1-2 типов. Р.Д.Голдина в статье 1970 г. указывала, что подобные «нарядные футляры» обнаружены в 13 погребениях женщин и девочек-подростков (Каневский, Урынский, Важгортский, Деменковский могильники) [Голдина, 1970, с.64]. На сегодняшний день они известны также на Редикарском, Рождественском, Баяновском, Агафоновском, Аверинском могильниках. Фрагмент таких ножен встречен на Огурдинском могильнике. К со-

жалению, ножны очень хрупкие, и в незначительном количестве сохранились в музейных коллекциях. Это существенно затрудняет обобщение материала. Тем не менее, собранные данные позволяют как выявить основные характерные черты этой категории вещей, так и провести типологию.

Сохранившиеся ножны имеют в большинстве случаев длину 20-25 см, ширина их составляет около 2 см. Помещавшийся внутри нож имел узкое лезвие, что побудило ранних исследователей отнести их к кинжалам. Однако, как показывают материалы поселений, это основной вид бытовых универсальных ножей IX-XI вв. Обращает на себя внимание то, что рукоять ножей чаще всего очень короткая (3-5 см). Ножны и рукояти обкладывались металлическими пластинами или многочисленными кольцевидными обоймами. В большинстве случаев рукоять и наконечник ножен завершались выпуклым дугообразным валиком. Наконечник ножен закреплялся внизу маленькой заклепкой. Серебряная обкладка наконечника ножен из п.51 Редикарского могильника закреплялась декоративной бронзовой заклепкой в виде выпуклого ромба. Зачастую вдоль ножен сохраняются остатки железного стержня. В одном из разрушенных погребений Баяновского могильника в 2005 г. был обнаружен подобный стержень, сохранившийся целиком. В верхней части на нем имеется петля, за которую ножны с помощью узкого ремешка, кожаного шнура, бронзовых или железных цепочек [Голдина, 1985, с.59], крепились к поясу.

Имеющиеся ножны можно разделить на два основных типа:

Тип 1 (рис.94/1-5) – основная характерная особенность заключается в том, что верхняя часть ножен покрывалась многочисленными выпуклыми бронзовыми кольцами-обоймами. Наконечник ножен и рукоять обложены цельными бронзовыми или серебряными пластинами, иногда с украшением из зерни (тип 6 по В.А.Семенову [Семенов, 1980, с.50]). На рукоять ножен из п.51 Редикарского могильника, обтянутую серебром, припаяны треугольники крупной серебряной и мелкой золотой зерни (раскопки А.М.Белавина). Такие ножны происходят из погребений, которые датируются IX – первой половиной X вв. (п.40 Каневского, п.51 Редикарского могильников (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ); п.2, 6 Важгортского могильника (КПОКМ, [Генинг, Голдина, 1970, табл.19/9]); п.10 Урьинского могильника [Голдина, 1985, табл.ХХІХ/21]), п.336 Агафоновского I могильника [Голдина, Королева, Макаров, 1980, табл.ХІ/16].

Тип 2 (рис.94/6, 21-34) – в верхней части ножны обтянуты 2-3 металлическими пластинами шириной 1,5-5 см, нередко украшенными по краям рядами горизонтальных узких валиков, рукоять и наконечник покрыты цельной пласти-

Рис.94 Ножны: 1 – п.40 Каневского; 2 – п.51 Редикарского; 3 – п.6, 4 – п.2 Важгортского; 5 – п.10, 6 – п.19 Урьинского; 7 – Огурдинский могильник; 8 – п.10 Каневского; 9 – п.61, 10-11 – п.102 Огурдинского могильника; 12 – Роданово городище; 13 – п.77, 14 – п.80 Рождественского могильника; 15 – селище Запоселье; 16 – п.43, 17 – п.34 Рождественского могильника; 18 – Рождественский могильник; 19-20 – Рождественское городище; 21 – п.38 Огурдинского; 22 – п.6 Каневского; 23 – п.287 Агафоновского; 24 – п.45 Аверинского; 25 – п.5 Плесинского; 26 – п.20, 27 – п.40, 28 – п.51 Баяновского; 29 – п.26 Рождественского могильника; 30 – Баяновский могильник, 31 – п.65, 32 – п.70, 33 – п.58, 34 – п.62 Баяновского могильника.

ной (типы 7-8 по В.А.Семенову [Семенов, 1980, с.50]) (п.19 Урьинского [Голдина, 1985, табл. XXIX/20]; п.6 Каневского [Голдина, 1985, табл. XXIX/22]; п. 13, 81 Агафоновского I [Голдина, Королева, Макаров, 1980, табл. IV/17, XVI/27], п.287 Агафоновского II [Голдина, 1985, табл. XXIX/24], п.45 Аверинского [Голдина, 1985, табл. XXIX/19], п.5 Плесинского [Оборин, 1962, рис.41/11], п.20, 40, 51 Баяновского (раскопки А.В.Данича 2005-2006 гг.), п.26 Рождественского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой).

Ножны и рукоять из п.6 Каневского могильника богато орнаментированы зернью и вставкой из цветного стекла. В междумогильном пространстве Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой) найдена литая серебряная обкладка деревянной рукояти, пышно орнаментированная имитацией зерни.

Только на Агафоновском I могильнике ножны подобного типа встречены в погребениях VII в., нужно отметить, что не смотря на то, что в целом они, несомненно, могут быть отнесены к типу 2, эти ножны отличаются некоторой массивностью, к поясу они крепились с помощью железных цепочек [Голдина, Королева, Макаров, 1980, с.39]. В целом же данный тип ножен более поздний, и относиться, судя по сопровождающему материалу погребений, ко второй половине X – рубежу X-XI вв.

Подобные деревянные ножны с металлическими обкладками известны в Удмуртском Прикамье. В частности, богатые ножны с серебряной обкладкой, украшенные зернью и позолотой, по конструкции соответствующие типу 1, обнаружены во многих погребениях Мыдлань-Шай VIII-IX вв. [Генинг, 1962, табл. VII/1-3] и Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XXV/10,12, XXVI]. Использование ножен здесь было аналогичным – они характерны для женских погребений с относительно богатым набором украшений, к поясу крепились при помощи кожаного шнура с бронзовыми пронизками [Шутова, 1999, с.214-215]. Подобные ножны встречены в п. № 8 ванвиздинского могильника Шойнаты I, который датируется к. VII-VIII вв., по мнению К.С.Королева, он находит аналогии на позднеломоватовских памятниках Прикамья [Королев, 1980а, с.98, рис.3/10]. Ножны, которые по предложенной типологии могут быть отнесены к типу 2, встречены в п. № 953 Танкеевского могильника в Татарстане. В этом женском погребении присутствовали биконьковые шумящие подвески-накосники прикамского типа, прутковый граненый браслет и височная подвеска с шаровидными привесками, также находящие аналогии в Пермском Предуралье. Отличает данное погребение только сосуд [Казаков, 1992, с.102, рис.31/10]. Такие ножны присутствовали и в п. № 30 Танкеевского могильника. Как отмечает Е.П.Казаков, они находят аналогии в материалах IX-X вв. Прикамья и Марийского Поволжья [Казаков, 1992, с.137].

Декоративные деревянные ножны с металлическими обоями известны также в Карелии и у населения юго-восточного Приладожья в материалах XII-XIII вв., здесь они также являлись принадлежностью женского костюма. Эти ножны во многих деталях схожи с прикамскими: размеры и пропорции, использование широких металлических пластин-обойм. Но их существенно отличает приспособление для привешивания, которое представляет собой не стержень с петлей, как в Пермском Предуралье, а довольно широкую пластину с отверстием сверху, сплошь покрытую пышным узором в виде плетенки [Кочуркина, 1989, с.271, рис.85/10, 12-14; Сакса, Тюленев, 1990, рис.2/11, 3/6].

Позднее, как показывают материалы, к примеру, Рождественского и Огур-

динского могильников, изменились как сами ножи (они стали несколько крупнее и шире, зачастую с закругленным концом), так и рукояти, которые, судя по сохранившимся остаткам древесины, значительно удлинились. Ножны с металлическими обкладками в период с середины XI в. и позже уже не встречаются. Кроме деревянных в конце XI-XII вв. получили распространение костяные цельные и наборные рукояти ножей. К примеру, на городище Анюшкар найдено 52 цельных и наборных рукояти, 80% которых происходит из слоев XII-XIV вв. [Ленц, 2002, с.227].

4.3.4. ФУТЛЯРЫ ДЛЯ ШИЛЬЕВ

Шило, как универсальное орудие труда, пользовалось большой популярностью. Об этом свидетельствует большое количество шильев в материалах средневековых поселений Пермского Предуралья, а также частое присутствие их среди сопровождающего инвентаря мужских погребений. При этом шильям, входившим в состав снаряжения мужского пояса, придавался характер амулетов, о чем может свидетельствовать богатая декоративная отделка их рукоятей. Например, у коми, как и в других традиционных культурах, было широко распространено поверье об охранительной роли ножа, иглы, шила, топора, стрелы и других острых и просто заостренных предметов [Савельева, Истомина, 1986, с. 83; Сидоров, 1928, с. 27, 123-124].

Зачастую шилья, носившиеся на поясе, помещались в специальные футляры. Роговые футляры (рис.95/27-28) с конусовидной емкостью внутри для помещения шила найден на Вакинском селище [Спицин, 1902, табл.XXI/16] и городище Анюшкар (раскопки В.А.Оборина). По бокам футляра в его верхней части имеются два выступа со сквозными отверстиями. Такие же отверстия просверливались в рукоятях шильев. При помощи кожаных шнурков, продеваемых в отверстия, футляр и рукоять скреплялись вместе и подвешивались к поясу (рис.95/29). Рабочую часть шила извлекали, сдвигая рукоять вверх по шнурам. Подобная конструкция может считаться характерной для Пермского Предуралья. Она применялась в туалетных коробочках – «самоварчиках», в бронзовых игольниках с крышками.

Сами футляры для шильев, вероятно, чаще всего изготавливались из дерева, поскольку роговой футляр встречен пока только один. Однако о широком распространении футляров подобной конструкции свидетельствует массовость находок роговых рукоятей с отверстиями для продергивания шнурков. Кроме роговых, встречено два экземпляра бронзовых рукоятей подобной формы, и, судя по сохранившимся следам древесины на отдельных экземплярах шильев, существовали и деревянные рукояти.

Все рукояти шильев имеют «Т»-образную форму. Отверстия просверливались в выступах по краям рукояти. Наличие значительного количества рукоятей и их заготовок позволяет провести классификацию данной группы изделий.

Тип 1 (рис.95/1-14) – форма рукояти близка к треугольнику, лишь отдельные экземпляры имеют «Т»-образные очертания, спинка прямая, длина спинки почти равна высоте рукояти (6-7 см).

Подтип 1.1 – роговые. Встречены в п.№ 5, 19 Плесинского могильника (раскопки В.А.Оборина, КПОКМ), городищах Родановом (раскопки М.В.Талицкого [Талицкий, 1951, рис.28]), Лаврятском (раскопки А.М.Белавина, МАЭ

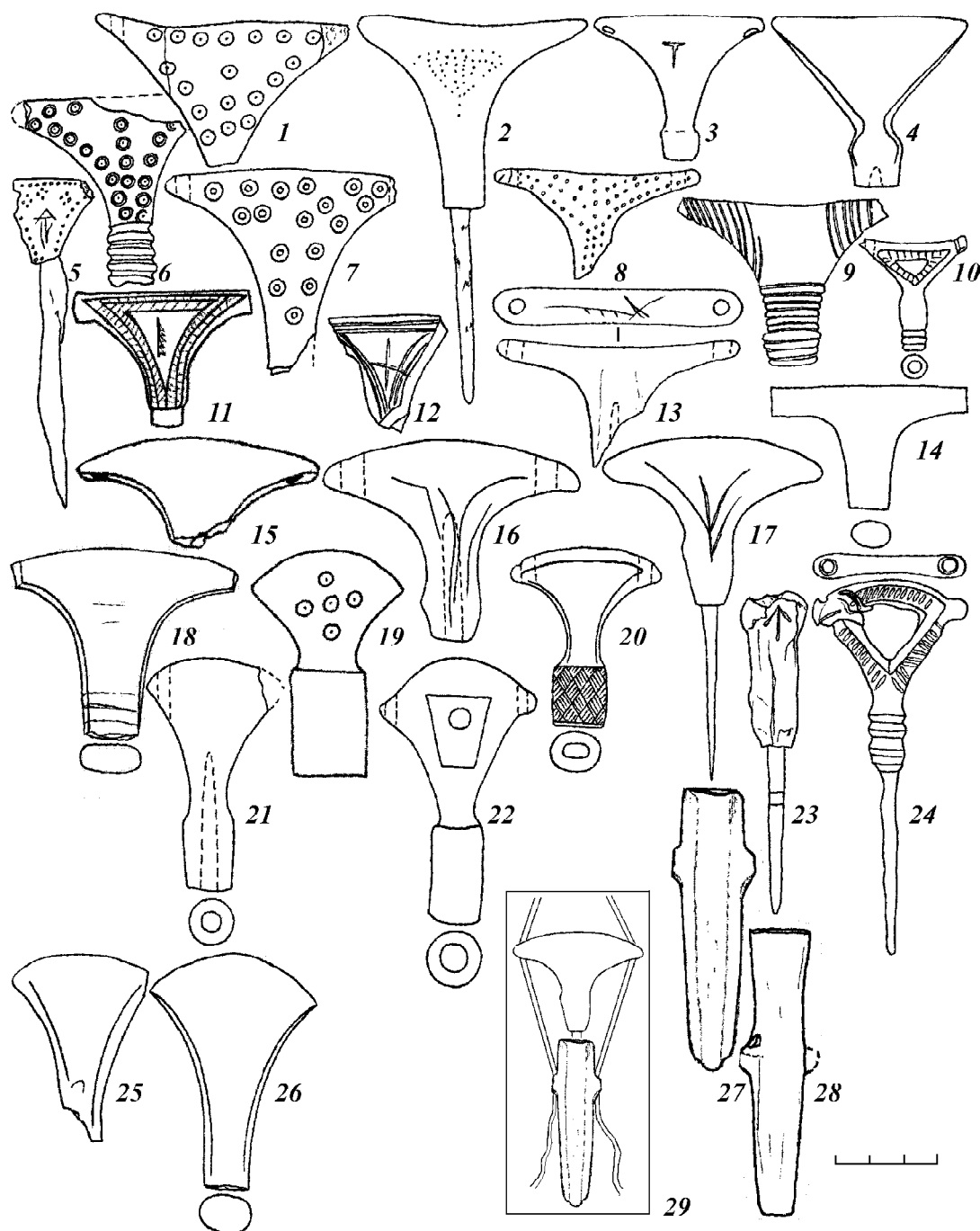

Рис.95 Рукояти и футляры шильев; 1 – п.19, 2 – п.5 Плесинского могильника; 3-4, 9, 14, 16-17, 19, 21-22, 25, 28 – Анюшкар; 5, 23 – Шудьякар; 6 – Лаврятское городище; 7-8, 12-13, 18, 26 – Рождественское городище; 10 – д.Загарье; 15 – Роданово городище; 20 – Кудымкарское селище; 24 – Пермская губерния; 27 – Вакинское селище; 29 – схема соединения рукояти и футляра шила.

ПГПУ), Рождественском (А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ 6/1116; РГ91-2/135; РГ93/396), Анюшкар (раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, № 21/1026, 21/1119, В.А.Оборина, ПОКМ), Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.77/2,10].

Подтип 1.2 – бронзовая с треугольным отверстием в центре. Найдена в д.Загарье (КТ, ПОКМ, инв. № 19187/383 [Спицин, 1902, тал.ХХ/14]).

Характерной особенностью изделий данного типа можно считать наличие на большинстве предметов орнаментации. Преобладает точечный и циркульный орнамент, у одного экземпляра выступы рукояти покрыты резными линиями, у одной роговой рукояти и у бронзовой по контуру располагается орнаментальная полоса, покрытая насечками, на ряде изделий имеется тамга. К особенностям данного типа можно также отнести частое оформление втулки горизонтальными рельефными поясками.

Судя по тому, что две рукояти происходят из погребений Плесинского могильника, датированных X в., большинство остальных встречены в нижних слоях городищ, этот тип можно считать наиболее ранним.

Тип 2 (рис.95/15-18) – по пропорциям рукояти данного типа близки к рукоятям типа 1, но их отличает дугообразная спинка и более выраженная «Т»-образная форма. Орнаментация отсутствует, лишь на отдельных экземплярах прочерчена тамга. Встречены на Рождественском городище (заготовка, раскопки Ю.А.Полякова, МАЭ ПГПУ, № 1308/860), городище Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, ПОКМ, инв. № 19499/10, [Финно-угры и балты..., 1989. Табл.LXV/24], Родановом городище (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж).

Данный тип является переходным, его вероятная датировка – XI-XII вв.

Тип 3 (рис.95/19-26) – рукояти вытянутой подтреугольной формы с дугообразной спинкой, длина спинки в 1,5 - 2 раза короче высоты рукояти.

Подтип 3.1 – роговые. Происходят с Рождественского городища (раскопки Ю.А.Полякова, МАЭ ПГПУ, инв. № 1308/790), Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, ПОКМ, инв. № 19499/111, 519), Кудымкарского селища (КТ, ПОКМ, инв. № 11376/223). Рукояти преимущественно не орнаментированы. Лишь на одном экземпляре нанесен циркульный орнамент, у рукояти с Кудымкарского селища втулка покрыта тщательно выполненным решетчатым орнаментом.

Подтип 3.2 – бронзовая. Пермская губерния (Эрмитаж). В центре – треугольное отверстие. Рукоять обрамлена бордюром с насечками, на втулке – горизонтальные пояски, на одном конце рукояти – стилизованное изображение птичьей головы.

Рукояти данного типа, судя по тому, что они встречены в верхних слоях городищ, могут быть датированы XII-XIV вв. К примеру, Г.Т.Ленц отмечает, что из 15 рукоятей шильев, встреченных на городище Анюшкар, 80% происходят из слоев XII-XIV вв. [Ленц, 2002, с.227].

Подобные рукояти были распространены преимущественно у финно-угров [Смирнов, 1952, табл.XVI/10; Халиков, Безухова, 1960, рис.36/4; Архипов 1973, рис.63/3,5; Савельева, Королев, 1990, рис.10/4; Семенов, 1982, рис.8/12; Семенов, 1995, рис.8/13; Иванова, 1982, рис.7/7; Иванова, 1998, с.162, рис.66/1-4, 6-7, 14], известны также в Биляре [Культура Биляра, 1985, табл.XXXII/1-3], Белоозере, Новгороде, в слоях славянского периода в Саркеле-Белой Веже [Голубева, 1973, с.126-128, рис.45/1,3,5; Сорокин, 1959, с.162, рис.14/11; Флерова, 1996, с.199, рис. 329/1], в Норвегии и Дании [Голубева, 1973, с.128]. Не смотря на такое широкое распространение данного вида изделий, исследователи связывают истоки роговых рукоятей шильев «Т»-образной формы с территорией Прикамья. Возможно, причиной их популярности было удобство использования в условиях охоты и военного похода [Седых, Макарова, 2001, с.98]. Эта точка зрения является вполне обоснованной, учитывая, что в Пермском Предуралье имеются свидетельства наиболее раннего использования подоб-

ных рукоятей шильев.

4.3.5 ИГОЛЬНИКИ

Первая работа, в которой выделяется и классифицируется такая категория предметов материальной культуры, как игольники, принадлежит Л.А.Голубевой [Голубева, 1978]. Исследовательница отмечает, что игольник – это один из древнейших элементов материальной культуры. Поскольку в странах умеренного и холодного климата первостепенной необходимостью являлась теплая одежда, иглы и футляры для них – игольники – известны еще с эпохи палеолита [Голубева, 1978, с.199]. Как известно по этнографическим материалам, игольники обычно входили в состав женских принадлежностей для шитья, однако ими могли пользоваться и мужчины, надолго покидая дом в сезон охоты [Шутова, 1992, с.41].

Л.А.Голубева проанализировала игольники X-XIV вв., распространенные на территории севера Восточной Европы, и пришла к выводу, что среди них выделяется две основные группы - вертикальные игольники, характерные для всего Севера Европы, и горизонтальные, которые присущи, прежде всего, населению Приладжья, Белозерья, Костромского Поволжья. Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет в некоторой степени уточнить выводы Л.А.Голубевой. К примеру, в отношении территории распространения вертикальных и горизонтальных игольников сейчас можно с уверенностью утверждать, что горизонтальные игольники можно считать «западными», а вертикальные – «восточными», характерными, в основном, для населения Урала и Сибири, где они сохранялись вплоть до недавнего времени. Исключение составляют, пожалуй, только вертикальные игольники шестого типа в виде конусовидной трубочки со своеобразным щитком сбоку (игольники в виде ножен), которые имеют прибалтийско-финское происхождение [Голубева, 1978, с.200; Голубева 1997, с.156].

Вертикальные игольники, по мнению Л.А.Голубевой, являются наиболее древними, почти повсеместно с глубокой древности известны игольники из трубчатых костей или остья пера птиц [Голубева, 1978, с.199]. Д.Анучин зафиксировал особенность использования вертикальных игольников. Он приводит описание чукотских игольников из обрезков трубчатых костей животных, а в более совершенной форме - в виде медных цилиндров. Через такую трубочку пропускался мягкий ремешок с узлом внизу, который не позволял ей соскочить с ремешка; в узел втыкались иголки, и когда иголка понадобится - чукчанка берет за трубочку, вытягивает узел и достает иголку, после чего снова вдергивает ремешок в трубочку, которая и прикрывает таким образом иголки [Анучин, 1899, с.249-250]. Вертикальные игольники, изготовленные из трубчатой кости животных, реже из бронзы, были широко распространены и у удмуртов в XVI-XIX веках [Шутова, 1992, с.40]. Использование их было таким же, как и у сибирских народов (энцев, нганасан, обских угров, ненцев и т.д.): удмуртки подвешивали вертикальный игольник к поясу, сквозь него продергивали кожаный шнурок или тесьму, в которую втыкали иголки. Трубочка могла свободно скользить по ремешку вверх и вниз. Для того, чтобы игольник удерживался на ремешке, к его нижнему концу иногда прикрепляли кольцо или ажурную бляху. В иных случаях нижний конец ремешка завязывали толстым узлом или по аналогии с игольниками сибирских народов затыкали пробкой из кусочков де-

рева или комочков березовых стружек [Шутова, 1992, с.40].

В целом игольники, по мнению Л.А.Голубевой, являются элементом финно-угорской культуры, для славян, например, они не свойственны [Голубева, 1978, с.204].

У финно-угров игольник, как и многие другие утилитарные бытовые предметы (кресала, копоушки, гребни и пр.), со временем приобрел характер важного магического предмета. В составе элементов убранства женского костюма, игольники играли роль амулетов заклинательной магии [Голубева, 1997, с.155].

Представление об особых свойствах игольников сохранились в какой-то степени вплоть до этнографического времени. Возможно, особое значение игольника определялось тем, что у большинства финно-угорских народов одним из самых распространенных универсальных оберегов являлись швейные иглы. Коми, например, использовали иглы-обереги, чтобы гарантировать себя от случайностей [Сидоров, 1928, с.126]. У обских угров в игольнице был запечатлен женский «дух». У тромъеганских хантов приношением на святилище игольницы отмечалось рождение каждой девочки. В угорских мифах с ее помощью героини нередко приобретали сверхъестественные способности. Игольница, принесенная в жертву, связывала хантыйских женщин с богиней Эвытими [Головнев, 1995, с.282-283].

Вероятно, именно особое сверхъестественное значение футляров для игл обусловило распространение у финно-угров игольников из цветных металлов, которые занимали определенное место в женском костюме, и наряду с утилитарной, выполняли магическую и эстетическую функции.

Вертикальные игольники, довольно широко представленные в средневековых древностях Пермского Предуралья, можно разделить на два отдела: в виде сквозной полой емкости, через которую протягивался шнур с узлом или пробкой на конце, и в виде замкнутой конусовидной емкости.

Отдел А – игольники в виде сквозной полой емкости.

Группа АI (рис.96/1) – игольники в виде полого железного бруска. Такой игольник встречен в единственном экземпляре в погребении № 2 Важгорского могильника [Генинг, Голдина, 1970, табл.28/8]. По классификации Л.А.-Голубевой, эти игольники отнесены к четвертому типу. Они наиболее характерны для могильников Удмуртского Предуралья. В Варнинском могильнике в женском погребении VIII-IX вв. внутри такого игольника находились железные иглы [Голубева, 1978, с.199-200].

Группа АII (рис.96/2-3) – игольники в виде простой трубочки из кости, иногда покрытые орнаментом. Таких игольников встречено очень мало (напр., Кудымкарское городище [Спицин, 1902, табл. XXI], городище Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ), поэтому их внутренняя классификация пока преждевременна. Такие игольники известны на территории Удмуртии на городище Гурья-Кар IX-XIII вв. [Иванова, 1982, с.18, рис.8/6], и у удмуртов встречаются вплоть до XIX в. [Шутова, 1992, с.41]. Довольно много подобных игольников обнаружено на городище Саркел – Белая Вежа [Флерова, 1996, с.297-298, рис.16].

Вероятно, ошибочным было выделение Л.А.Голубевой третьего типа вертикальных игольников, к которому она отнесла широко распространенные в Среднем Предуралье бронзовые пронизки. Особенности их использования хорошо прослеживаются в материалах могильников. Нанизанные на кожаный

шнурок, пронизки входили в состав поясных привесок и украшений наконечников. Внутренний канал у них, как правило, настолько узкий, что сомнительно, чтобы в нем помимо шнура помещались еще и иглы. Возможно, к западу от

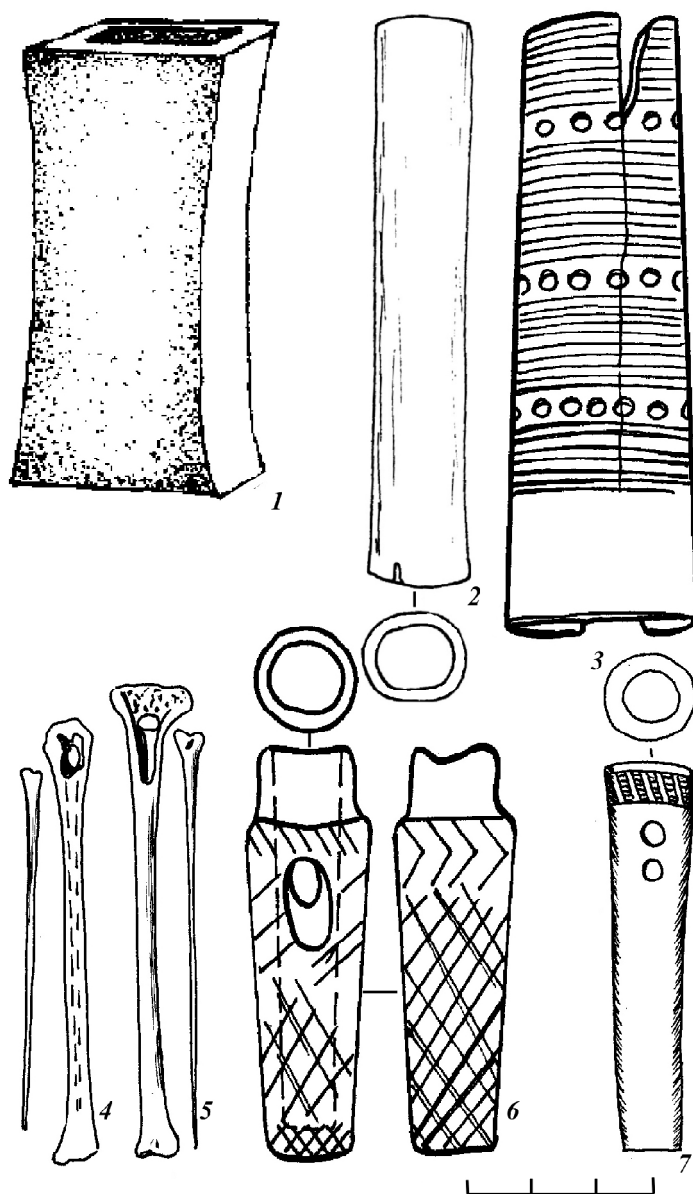

Рис. 96 Игольники: 1 – п.2 Вазгортского могильника, 2, 4, 6 – Анюшкар, 3 – Кудымкарское городище, 5 – Рождественское городище, 7 – Саломатовское городище.

Предуралья, где такие пронизки встречаются у пояса по одному экземпляру [Голубева, 1978, с.199], они выполняли функцию амулетов, поскольку известно, что многие предметы прикамского происхождения (зооморфные гребни, биконьковые подвески, амулеты-ложечки, наборные пояса, биметаллические кресала и многое другое), наделялись особым магическим значением.

Группа АIII – флаконовидные пронизки-игольники. Эта группа вертикальных игольников, получившая наиболее широкое распространение в Пермском Предуралье, не попала во внимание Л.А.Голубевой. Впервые мысль о том,

что флаконовидные пронизки являлись не просто украшением, а использовались в качестве футляров для игл, высказал Д.Н.Анучин [Анучин, 1899, с.249-250]. И действительно, наличие внутри многих из этих пронизок спекшегося железа (напр., Рождественский могильник), свидетельствует о том, что внутри могли находиться стальные иглы. Иногда нижний край заполнен окислившимся кусочком древесины (пробка ?).

Флаконовидные пронизки распространены повсеместно на ломоватовско-родановских памятниках с конца VII по XIV вв. Они имеют форму пустотелого приплюснутого флакона в виде прямоугольника или вытянутой трапеции. Эти пронизки использовались преимущественно в женском костюме. Как показал анализ погребений, они подвешивались к поясу или на правую косу [Крыласова, 2001, с.74, 99].

По способу изготовления флаконовидные пронизки делятся на две подгруппы.

Подгруппа АIII.1 (рис.97) – **литые из бронзы**. Изготавливались из двух половинок, отлитых в двусторонней форме.

Тип АIII.1.1 (рис.97/1-4) – флаконовидные пронизки прямоугольной формы размерами 2-3 x 5,5-7,5 см. Отлитые отдельно половинки пронизок соединены штифтами. Сохранившиеся кожаные шнуры на некоторых экземплярах показывают, что для их подвешивания использовались сомкнутые или несомкнутые кольца в верхней части изделия, а шнур, проходивший внутри пронизки, вероятно, служил для крепления игл.

Подтип АIII.1.1.1 – верхняя часть пронизки выполнена в виде двух несомкнутых колец (якорька). Представлены в коллекции Теплоуховых (рис.1/1).

Подтип АIII.1.1.2 – верхняя часть пронизки выполнена в виде двух сомкнутых колец. Представлены в погр.№ 13а и 55 Деменковского (рис.1/2-3) [Голдина, 1985, табл.ХХII/31-32], п.23 Редикарского могильника (рис.1/4, раскопки И.А.Лунегова, ЧКМ).

Флаконовидные пронизки данного типа наиболее широко были распространены в неволинской культуре в к.VII-VIII вв., где их встречено около трех десятков. В их орнаментальных композициях используются круги, косой крест, плетенка, продольные и поперечные линии, насечки [Голдина, Водолаго, 1990, с.84, табл.XLI/19-34, табл.LXVIII/42-43].

Тип АIII.1.2 – флаконовидные пронизки подтрапецевидной формы размерами 2-2,5 x 6-6,5 см. Устье выполнено в виде короткой трубочки, чаще всего покрытой гладкими горизонтальными поясками.

Подтип АIII.1.2.1 (рис.97/5-26) – не шумящие.

Вариант а – тулово пронизки покрыто вертикальными полосками, относительно длинная трубочка имеет два вздутия, как у хорошо известных в прикамских древностях трубчатых пронизок. Происходит из погр. № 18 Урьинского могильника [Генинг, Голдина, табл.50/8].

Вариант б – тулово пронизки оформлено прорезным орнаментом в виде решетки, образованной ромбами и треугольниками. В этом варианте преобладают пронизки без дополнительной орнаментации. Они бытовали с VIII до середины XI вв., известны на Деменковском, Урьинском, Мало-Аниковском, Баяновском, Загарском [Голдина, 1985, табл.ХХII/34-35], Степаново Плотбище (раскопки А.В.Данича, ПОКМ), Рождественском, Огурдинском (раскопки Н.Б.Крыласовой, БХИМ), Телячий Брод (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ)

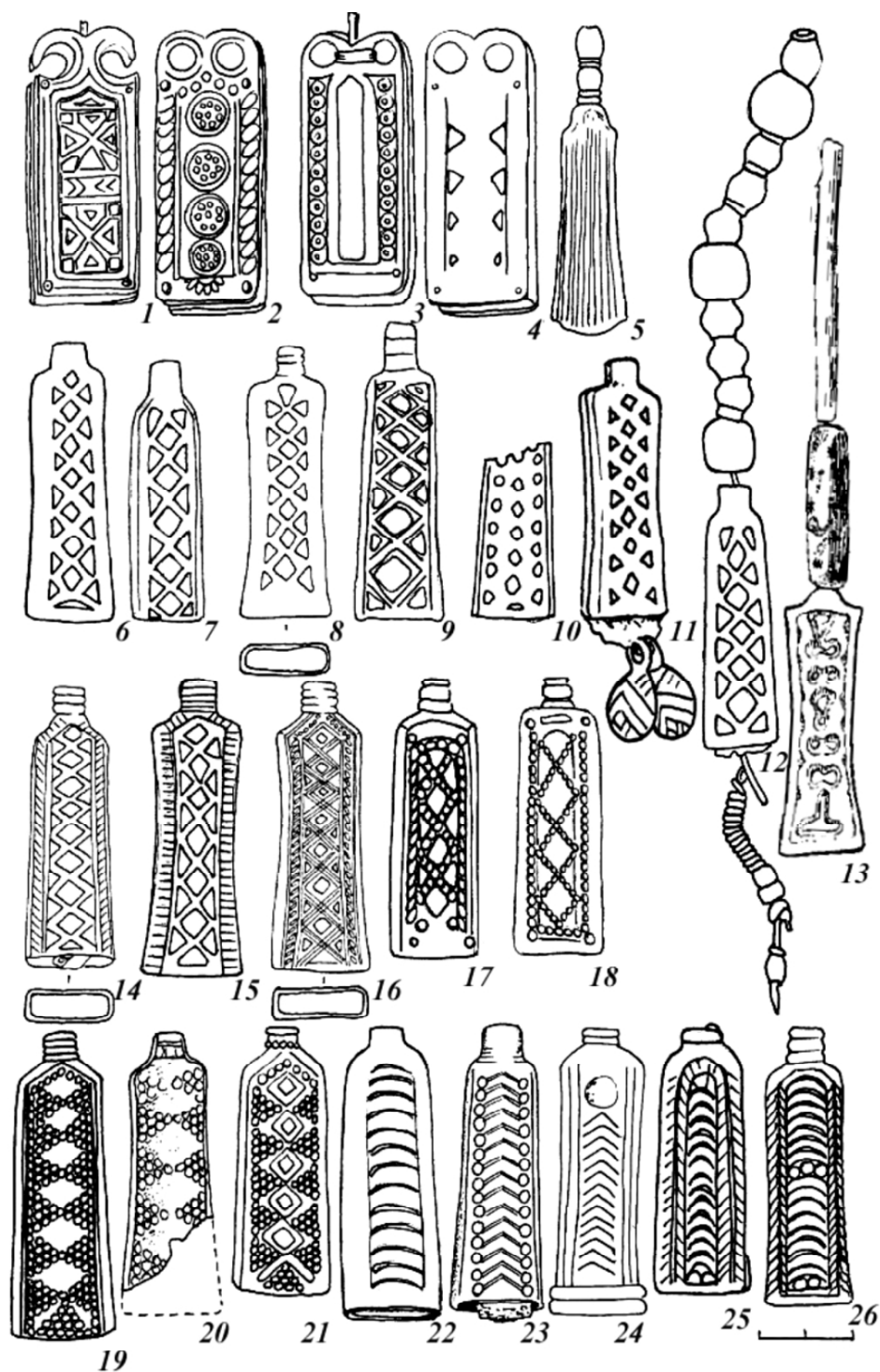

Рис.97 Флаконовидные пронизки-игольники: 1 – коллекция Теплоуховых, 2 – п.55, 3 – п.13а Деменковского, 4 – п.23 Редикарского, 5 – п.18 Урьинского, 6 – п.123 Огурдинского могильников, 7 – д.Харино, 8 – Рождественский могильник (10 экз.), п.69 Баяновского могильника, 9 – Майкорское, 10, 18-19, 24 – Анюшкар городища, 11 – п.70 Баяновского могильника, 12 – д.Загарье, 13 – п.19 Урьинского могильника, 14 – Рождественский могильник (2 экз.), 15 – Вакинское селище (3 экз.), 16 – Рождественский могильник, 17 – д.Мальцево, 20, 22 – Рождественское городище, 21 – Антыбарский могильник, 23 – Рождественский могильник, 25 – Вакинское селище, 26 – могильник Степаново Плотбище

могильниках, Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ), Рождественском (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Майкорском городищах (музей с.Майкор), Ершатском селище (разведка Н.Б.Крыласовой, МАЭ ПГПУ), у д.Харино (коллекция Теплоуховых, ПОКМ) и других памятниках.

Реже встречаются ажурные флаконовидные пронизки, у которых центральная часть обрамлена декоративной полосой с насечками. Они происходят с Вакинского селища (коллекция Теплоуховых, ПОКМ) и Рождественского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой, ПОКМ).

В единичном экземпляре представлена флаконовидная пронизка, у которой ажурная решетка дополнена прочерченным решетчатым орнаментом, по контуру решетки – полоса, заполненная выпуклыми наклонными овалами (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой, ПОКМ).

Редкими являются также изделия, у которых перемины решетки и рамка вокруг нее покрыты имитацией зерни (д.Мальцево и с.Кылово, коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Вариант в – непрорезное тулово пронизок украшено решетчатым орнаментом, образованным из гладких ромбов и треугольников с имитацией зерни. Известны на Анюшкар, Антыбарском могильнике (Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ), Саломатовском городище [Белавин и др., 1988, рис.8/18], Рождественском городище (подъемный материал, музей школы с.Рождественск), д.М.Серва (КПОКМ, № 67).

Вариант г – непрорезное тулово пронизок орнаментировано в центральной части композицией из скобковидных линий, образующих «елочку». Среди них известны экземпляры без дополнительной орнаментации (Рождественское городище, коллекция Теплоуховых, ПОКМ); экземпляры, у которых центральная композиция обрамлена по бокам линиями из имитации зерни (Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласовой, ПОКМ); или центральная композиция обрамлена двойным валиком, гладким или с косыми насечками (Анюшкар (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж), Вакинское селище (коллекция Теплоуховых, ПОКМ), могильник Степаново Плотбище (раскопки А.В.-Данича, ПОКМ).

Подтип АИ.1.2.2 (рис.98/1-2) – флаконовидные пронизки с шумящими привесками.

Вариант а – по размерам аналогична пронизкам предыдущего подтипа, орнаментация подобна варианту г. На боковых сторонах пронизки имеется по две петли, в двух из них сохранились привески в виде простых колокольчиков (Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ).

Вариант б – пронизка отличается более крупными размерами 3 x 8 см. Тулово ее покрыто горизонтальными поясками – гладкими, с насечками, с имитацией зерни. По бокам тулова расположено по две петли для привесок, три петли – внизу. В качестве привесок присутствуют цилиндрические колокольчики, также сплошь покрытые горизонтальными поясками. Такая орнаментация типична для прикамских украшений второй половины XI-XIV вв. (коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Подгруппа АИ.2 – выполненные в ювелирной технике. Тулово пронизок изготовлено из гладкой пластины и оформлено в технике филигрании.

Тип АИ.2.1 (рис.98/4-7) – не шумящие бронзовые и серебряные прорезные пронизки, орнаментированные сканью. В некоторых случаях фон тулова

позолочен. По размерам пронизки данного типа аналогичны пронизкам предыдущей подгруппы, однако, они менее приплюснутые, иногда почти квадратные в сечении. Орнаментация всех изделий индивидуальна, но выполнена в едином стиле: ряды скани обрамляют обе стороны пронизки, вверху и внизу – в несколько рядов, в центре размещены орнаментальные композиции.

Вариант а – орнаментальная композиция состоит из маленьких отверстий, размещенных в форме крестов: вверху – прямого, внизу – косого. Обратная сторона – гладкая (городище у д.Трошата, коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Вариант б – в основе орнаментальной композиции – прорези в виде крес-

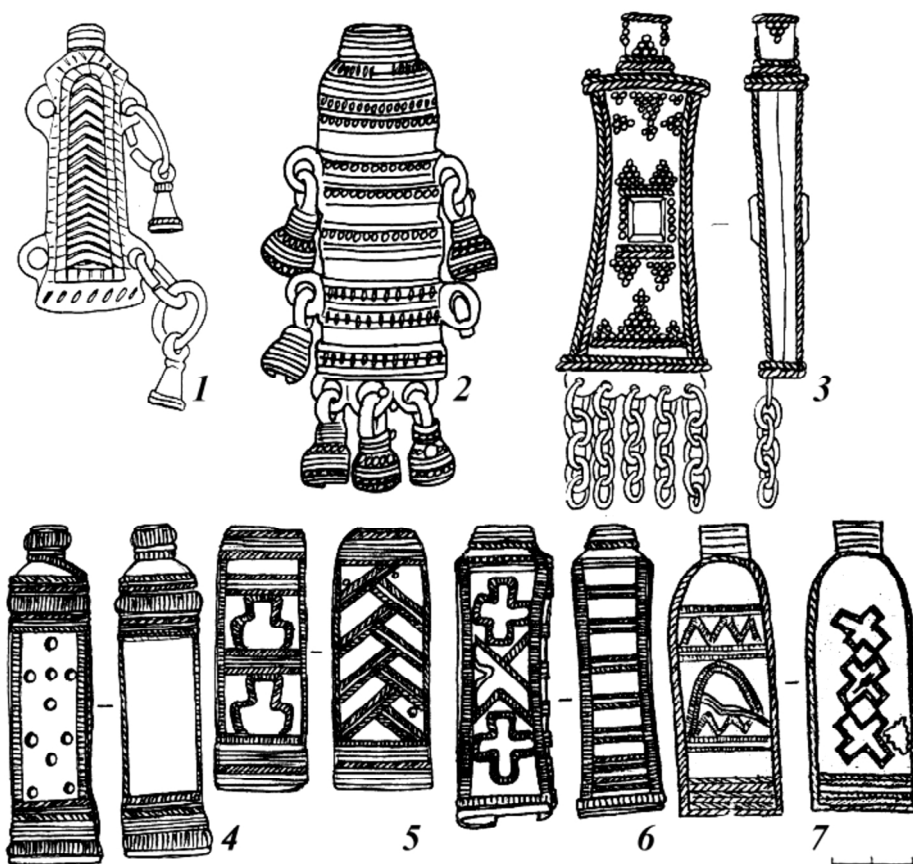

Рис. 98 Флаконовидные пронизки-игольники: 1 – Рождественское городище, 2 – с.Калино, 3 – Лекмартовский клад, 4 – д.Трошата, 5 – д.Трапезникова, 6 – Аннинская волость на р.Весляне, 7 – Антыбарский могильник

тов (прямых, косых, или в сочетании тех и других), обрамленные сканью. Оформление обратной стороны во всех случаях индивидуально. Из д.Трапезниковой, Аннинской волости на р.Весляне (коллекция Теплоуховых, ПОКМ), Антыбарского могильника XII-XIII вв. (раскопки Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ).

Тип АП.2.2 (рис.98/3) – серебряная ювелирная шумящая пронизка с привесками (Лекмаровский клад, БХИМ). Тулово с обеих сторон украшено янтарными вставками в квадратном шатоне, обрамленном зернью и сканью. Тулово и трубочка орнаментированы треугольниками зерни и обрамлены парными рядами скани, фон позолочен. С лицевой стороны пронизки внизу помещена пластина с пятью отверстиями, в которых крепятся цепочки. По характеру декоративного оформления пронизка датируется XII-XIII вв.

Таким образом, флаконовидные пронизки-игольники появились в Пермском Предуралье на рубеже VII-VIII вв. Наиболее ранняя подгруппа этих изделий была заимствована у соседей - населения бассейна р.Сылва (неволинская культура), но уже вскоре появилась собственная форма флаконовидных пронизок, которые имели довольно стандартную орнаментацию, и без существенных изменений просуществовали на протяжении почти пяти веков.

Эти пронизки-игольники можно считать характерными исключительно для Пермского Предуралья. На других территориях аналогичные предметы встречаются в единичных экземплярах, и, вероятнее всего, их присутствие может расцениваться как маркер брачных связей. Например, на территории Удмуртского Предуралья, материальная культура которого в период средневековья в очень многих чертах была схожа с культурой Пермского Предуралья, встречено всего два экземпляра флаконовидных пронизок на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, с.35, табл.VII/36-37]. Флаконовидная пронизка найдена на Лоемском могильнике вымской культуры [Савельева, 1995, с.106, рис.8/5]. Две такие пронизки обнаружены в Стерлитамакском могильнике на территории Башкирии [Мажитов, 1981, рис.50/17-18]. Более широко флаконовидные пронизки прикамского типа представлены в Волжской Булгарии, хотя и здесь, собственно, их находки единичны: в погр. № 470 Танкеевского могильника [Казаков, 1992, рис.65/37] и в Биляре [Губайдуллин, Каримов, 2003, с.30, фото]. Редкие экземпляры встречены в Зауралье и Западной Сибири [Финно-угры..., 1987, табл. LXXXII/38; Могильников, 1991, с.67; Семенова, 2001, с.72, табл.48, тип 22; с.76; Кутаков, Старков, 1997, с.137, рис.15/1].

Отдел В – игольники в виде замкнутой конусовидной емкости.

Группа VI (рис.96/4-5) – игольники из полых необработанных костей мелких животных или птиц. Например, на Рождественском, Родановом, Анюшкар городищах обнаружены полые косточки птиц и пушных зверьков с отверстием для привешивания, внутри некоторых из них находились костяные иглы.

Группа VII - игольники в виде конусовидного футляра с крышкой, которые скреплялись друг с другом посредством ремешков, прoderнутых в отверстия футляра и крышки. Л.А.Голубева отнесла их к пятому типу. Такие игольники были распространены в кочевнических древностях юго-востока Европы с IX в., в Прикамье в IX - XII вв., в Волжской Булгарии в XI-XIV вв., в угорских древностях [Голубева, 1978, с.200; Иванова, 1998, рис.81/1-8, 82/2,3,6; Руденко, 2005, с.71-72].

Подгруппа VII.1 (рис.96/6-7) – костяные. Шнурки у них прoderгивались сквозь отверстия в стенках конуса. Футляры орнаментированы (городище Анюшкар, раскопки В.А.Оборина, ПОКМ; Саломатовское городище, раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ).

Подгруппа VII.2 (рис.99) – бронзовые. Согласно классификации Л.А.Голубевой, они также отнесены к пятому типу [Голубева Л.А., 1978, с.200]. Эти игольники в верхней части футляра имеют петли-ушки, аналогичные петли расположены и на крышечках. Сквозь петли продевались шнурки, с помощью которых игольник подвешивался на пояс или косу. Открыть его можно было, сдвигая крышку вверх по шнурам. Такой же способ крепления характерен и для других футляров, распространенных в Пермском Предуралье (коробочек-«самоварчиков», футляров шильев).

Тип ВП.2.1 (рис.99/1,2,9) – одинарные.

Подтип ВП.2.1.1 – конус завершается гроздью шариков (р.Ломоватовка, КТ, ПОКМ, № 11335/6; Рождественское городище, [ДТ, с.76]).

Подтип ВП.2.1.2 – конус внизу уплощен и оформлен в виде трилистника, по бокам – отверстия для шумящих привесок (Пермская губерния, КЗ, ПОКМ, № 19497/95).

Тип ВП.2.2 (рис.99/3-8, 11-29) – двойные. Этот тип наиболее массовый. Футляры представляют собой два вытянутых конуса, соединенных между собой. Футляры цельнолитые.

Подтип ВП.2.2.1 (рис.99/3,10) – конец футляра закруглен (Кудымкарское селище, КТ, ПОКМ, № 11376/18; Рождественское городище [ДТ, с.76]).

Подтип ВП.2.2.2 (рис.99/4-8) – футляр завершается округлой «шишечкой», иногда с желобком по центру (д.Вакина, КТ, ПОКМ, № 11365/53-2; д.Михалева, КТ, ПОКМ, № 11352/22; д.Топина [ДТ, с.76]; д.Зелва, СКМ, № 12334; Мало-Аниковский могильник, Эрмитаж).

Подтип ВП.2.2.3 (рис.99/11) – футляр завершается гроздью шариков (д.Колыч, КТ, ПОКМ, № 11378/3).

Подтип ВП.2.2.4 (рис.99/12-18) – футляр внизу уплощен, и оформлен в виде трилистника, по бокам – отверстия для шумящих привесок.

Вариант а – простые (Мало-Аниковский могильник, ЧКМ; д.Вакина (2 экз.), КТ ПОКМ, № 11365/53-1,3; Кудымкарское селище, КТ, ПОКМ, № 11376/18; Пермская губерния, КТ, ПОКМ, № 19184/75; Пермская губерния, КЗ, ПОКМ, № 3963/96; Рождественское городище [ДТ, с.76]).

Вариант б – на тулове футляров дополнительные петли для шумящих привесок (д.Горбунова на р.Сылве, СКМ; М.Аниковский могильник, ПОКМ).

Подтип ВП.2.2.5 (рис.99/23) – футляр внизу уплощен, снабжен тремя петлями для шумящих привесок, выстроенных в ряд; по бокам тулова футляра – дополнительные петли для привесок (Кудымкарское селище, КТ, ПОКМ, № 11376/18).

Подтип ВП.2.2.6 (рис.99/24-29) – футляр внизу уплощен, относительно крупная подтреугольная площадка с волнистыми краями снабжена 5-7 отверстиями для привесок.

Вариант а – простые (д.Вакина, КТ, ПОКМ, № 11365/53-4; Рождественское городище [ДТ, с.76]; Пермская губерния, КЗ, ПОКМ, № 19497/75; д.Петухова [ДТ, с.714]; д.Рукавицина [ДТ, с.608]; д.Слобода Челвинского уезда, КТ, ПОКМ, № 113547).

Вариант б – с дополнительными петлями для привесок на тулове футляра (Пермская губерния, ПОКМ).

Крышечки игольников представляют собой либо короткий приплюснутый цилиндр, либо соединение двух цилиндров. По оформлению навершия крышек выделяются варианты:

Вариант а – навершие в виде утонченного конуса с маленькой “шишечкой” (Кудымкарское селище, КТ, ПОКМ, № 113276/18; Пермская губерния, КЗ, ПОКМ, № 3963/96).

Вариант б – навершие в виде уплощенного прямоугольника (Пермская губерния, КЗ, ПОКМ, № 19497/95; ПОКМ, № ?; М.Аниковский могильник, ЧКМ).

Вариант в – навершие в виде уплощенного трезубца (д.Зелва Чердынского уезда, СКМ, № 12334; с.Майкор [ДТ, с.626]; д.Останина [ДТ, с.76]; д.Вакина,

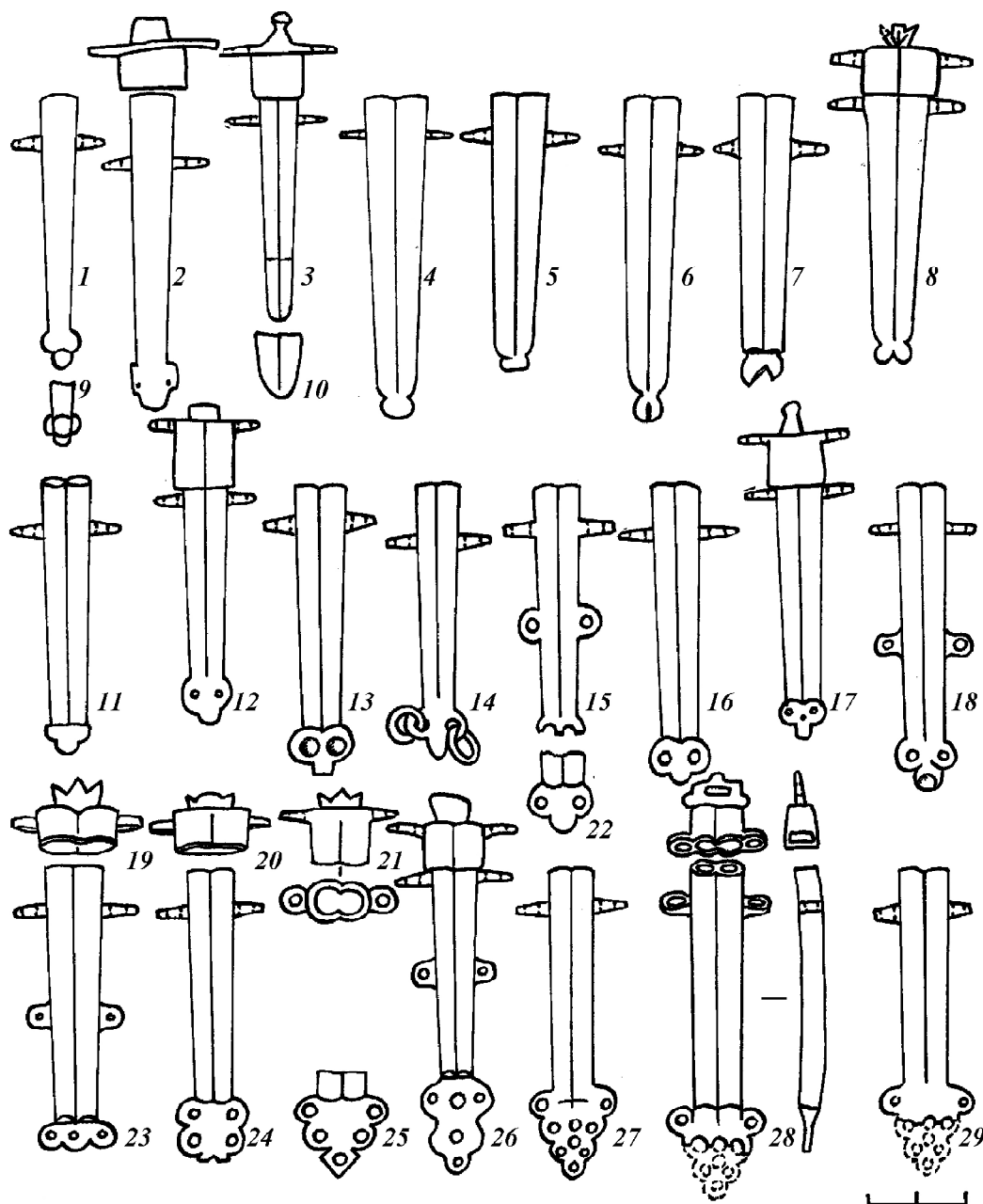

Рис. 99 Бронзовые игольники: 1 – р. Ломоватовка; 2, 17, 27 – Пермская губерния, коллекция Зеликмана; 3, 14, 23 – Кудымкарское селище; 4, 13, 19, 24 – д. Вакина; 5 – д. Михалева; 6 – д. Топина; 7, 16, 26 – Пермская губерния; 8 – д. Зелва; 9-10, 22, 25 – Рождественское городище; 11 – д. Колыч; 12, 18 – д. М. Аникова; 15 – д. Горбунова; 20 – с. Майкор; 21 – д. Останина; 28 – д. Петухова; 29 – д. Рукавицина, д. Слобода.

КТ, ПОКМ, № 11365/59; д. Петухова [ДТ, с. 714]).

Эти игольники, в большом количестве представленные в музеях Пермского края (имеются также в Екатеринбурге, Эрмитаже), к сожалению, все происходят из дореволюционных сборов, до сих пор ни один из них не обнаружен в датированном культурном слое, поэтому дату их установить невозможно. А.А. Спирин, на основании того, что они изготовлены «из светлой меди», действительно резко отличающей их от остальных средневековых изделий, предпо-

жил, что они относятся к позднему периоду XIII-XIV вв. [Спицин, 1902, с.46]. Сложно предполагать более позднее время распространения этих вещей, так как, с одной стороны, они происходят из пунктов, где расположены известные средневековые памятники (Рождественское городище, Вакинское селище, Кудымкарское селище, Мало-Аниковский могильник и др., с другой стороны, при раскопках поздних памятников XVI-XIX вв. эти вещи также не встречались, как и при раскопках средневековых памятников. Поскольку период XIII-XIV вв. в Пермском Предуралье изучен крайне недостаточно, вполне можно согласиться с точкой зрения А.А.Спицина о датировке данного вида игольников.

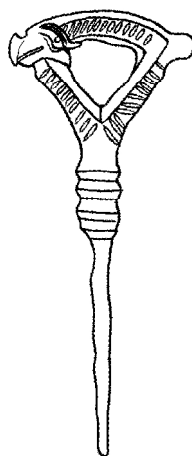
* * *

Таким образом, в целом костюм средневековых жителей Пермского Предуралья имел богатое декоративное убранство, что объясняется их своеобразным стремлением придавать даже самым обыденным вещам особые сверхъестественные свойства. Костюм является наиболее ярким свидетельством этого, он по своей сути является набором разного рода амулетов, которые должны были предохранять от воображаемых опасностей и приумножать природные способности человека. Например, семантический анализ ряда украшений показал, что в женском костюме были сконцентрированы украшения-амулеты, призванные усиливать детородные функции, охранять саму женщину и ее будущих детей от сглаза и порчи. С другой стороны, известно, что женщина, связанная в представлениях древних с нечистой силой, могла сама нанести вред, особенно чужой для нее семье мужа, поэтому украшения являлись и своеобразной преградой, защищающей окружающих от вредного воздействия со стороны женщины.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что наиболее значительно по составу украшений выделяется харинский этап, на котором еще не начался процесс формирования характерных типов прикамских украшений, возникают лишь отдельные идеи – использование в наконечниках коньков, медведей, уточек, редких арочных подвесок. Наиболее показательным является период с VII до середины XI вв., когда формируется наиболее характерный для Пермского Предуралья комплекс украшений и разного рода амулетов. Наивысшей точки развития украшения-амулеты достигают на рубеже X-XI вв., когда даже предметы быта и орудия труда, входившие в состав костюма (гребни, копоушки, туалетные коробочки, ложки, игольники), почти полностью лишаются своей практической роли, дополняясь шумящими привесками, что существенно затрудняет их использование по прямому назначению. В это же время получают распространение бронзовые подвески-амулеты, имитирующие гребни. Кресала с бронзовыми рукоятками, как показали исследования специалистов, также не годились для практического использования, и были в первую очередь амулетами.

Со второй половины XI в. ситуация коренным образом меняется. Вместо типичных украшений, которые вошли в историографию как украшения «прикамского типа», с присутствием большого количества достаточно реалистичных зооморфных и орнитоморфных образов, получают распространение украшения, выполненные в технике имитации косоплетки. В этот период сохраняются только отдельные орнитоморфные пронизки, которые отличаются значи-

тельной стилизацией, биконьковые подвески, многочисленные привески в виде лапок водоплавающих птиц, которыми прежде дополнялись почти все типы шумящих подвесок, выходят из употребления. В женском костюме используется значительно меньше бус, но взамен распространяется совершенно новый вид нагрудных украшений, которые подвешивались на шею на шнуре или цепочке – биякорьковые, подковообразные и иные типы шумящих подвесок. Вполне вероятно, что это связано если не с полной сменой населения, то со значительным влиянием со стороны финских культур с запада.

ГЛАВА 5. ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ

Гигиенические приемы – важная часть ухода за телом, под которым понимаются социально предписанные, ритуально оформленные или побуждаемые представлением о самом себе формы обращения со своим собственным телом. В древности уход за телом охватывал гораздо более широкую область, чем комплекс современных понятий о гигиене. В традиционно-бытовых культурах телесная внешность и физическая полноценность имели особое ритуальное значение. Гигиенические правила у всех этносов отличались большой устойчивостью, и играли особую роль в этническом самосознании [Материальная культура, 1989, с.205-206]. И, в соответствии с этим, гигиенические принадлежности, в том числе копоушки и гребни, широко распространенные в Пермском Предуралье, воспринимались не просто как банальные утилитарные предметы, а как магические участники важного ритуального действия.

5.1 ГРЕБНИ

В толковом словаре Ожегова «гребень, гребенка» определяются как продолговатая пластинка с рядом зубцов для расчесывания волос, для скрепления прически; синонимом слову «гребенка» является слово «расческа». В археологическом словаре гребни определяются как зубчатые деревянные, костяные или металлические предметы многоцелевого назначения, которые могли употребляться для расчесывания волос, обработки шерсти и растительных волокон, уплотнения материала при ткачестве, украшения керамики [Брей, Трамп, 1990, с.66].

Таким образом, гребни относятся к предметам утилитарного назначения, и выступают, в первую очередь, в качестве предмета гигиены.

Гребни впервые появились еще в неолитическое время, были широко распространены в древних цивилизациях. Известно, что расчесывание волос являлось одной из древнейших культурных потребностей славян, однако, как отмечает Л.Нидерле, в землях, заселенных славянами, лишь начиная с I в. н.э. известны односторонние гребни, импортированные из Рима. Позже, с IX в., распространились односторонние и двусторонние гребни собственного изготовления, но производные по образцу римской продукции [Нидерле, 1956., с.194-196].

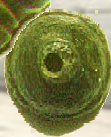
Но на территории Прикамья наиболее ранние из известных гребней относятся к ананьинскому времени (VIII-V вв. до н.э.).

Наиболее широкое распространение различные изделия из кости и рога, в том числе и гребни, получили здесь с конца VIII в. н.э. Появление предметов из кости и рога, и в целом косторезного дела, на поломско-чепецких и ломоватовско-родановских памятниках, как правило, связывается с проникновением сюда во второй половине VIII – начале IX в. угро-самодийских групп [Генинг, 1967, с.275-276; Семенов, 1989, с.27-51]. Так, В.А.Семенов, анализируя появление костяных изделий на территории поломской культуры, утверждает, что характерное стилистическое оформление этих предметов находит наиболее близкие аналогии в среде угро-самодийских племен Зауралья, а массовое появление этих изделий в местной среде без прихода населения из-за Урала мало вероят-

ГАРНИТУРА КОСТЮМА

- 1 КЕРЧЕВО, ПОКМ
- 2 МАЛАЯ АНИКОВО, СОКМ
- 3 ЛАВРЯТА, ППТУ
- 4,5 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ППТУ
- 6 КУДЫМКАР, ППТУ
- 7 ЛЕКМАРТОВО, БКМ
- 8 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ППТУ
- 9 РЕДИКАР, ППТУ
- 10,11 БАЯНОВО, ППТУ

ДЕТАЛИ КОСТЮМА
МОГИЛЬНИК ТЕЛЯЧИЙ БРОД
VIII—XIII ВВ.

1

2

3

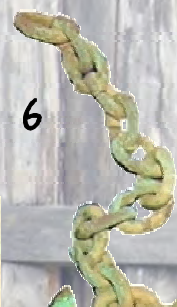
4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ

1,2,4 АНЮШКАР, ПГТУ

3 ЛАВРЯТА, ПГТУ

5 МАЛАЯ АНИКОВО, СОКМ

6,6,9 БАЯНОВ, ПГТУ

8,10,11,12 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ПГТУ

13 РЕДИКАР, ПГТУ

14 БАЯНОВО, ПГТУ

14

15

ИГРУШКИ

1-3, 5-9, 11, 13-15, 17-20 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ПГТУ
4, 10, 12 АНЮШКАР, ПГТУ
16 ЗАПОСЕЛЬЕ, ПГТУ

но, поскольку мы не располагаем находками подобного или близкого типа в предшествующее время [Семенов, 1989, с.30]. Однако А.Г.Иванов считает, что косторезное производство отнюдь не являлось для прикамского населения новым занятием. Высокого уровня и широкого распространения оно достигло еще в ананьинскую эпоху, причем среди ананьинских костяных изделий можно найти прямые прототипы средневековым прикамским изделиям из кости и рога, на основании чего А.Г.Иванов утверждает, что изготовление предметов из кости и рога имеет местные истоки, и в период VIII-XIII вв., после некоторого затишья после ананьинской археологической культуры, переживает своеобразный «ренессанс» [Иванов, 1998, с.87].

В целом на памятниках Пермского Предуралья эпохи средневековья нами зафиксировано 155 гребней.

По общепринятой в археологии классификации они делятся на 4 отдела: цельные односторонние, составные односторонние, цельные двусторонние, составные двусторонние.

Отдел А – цельные односторонние гребни.

5.1.1 ЗООМОРФНЫЕ ГРЕБНИ

Группа АІ – с зооморфным изображением на спинке гребня.

Впервые классификация данной группы гребней была разработана Л.А.Голубевой [Голубева, 1979, с.58-61]. Согласно данной ею характеристики, гребни с зооморфными изображениями всегда цельные, односторонние, изготовлены из плоской роговой пластины. Верхний конец пластины (ручка гребня) орнаментирован, имеет отверстие для подвешивания. Форма гребня вытянута по вертикали: прямоугольная или трапецевидная. Размеры варьируют от 6,5 x 4 до 4,5 x 2,5 см [Голубева, 1979, с.58].

Подгруппа АІ.1 – (тип 1 и группа гребней с изображением медведей по Голубевой) *спинка гребня оформлена парой прорезных фигурок животных в рост, обращенных навстречу друг к другу (сходящихся)* (5 экз.).

Тип АІ.1.1 (рис.100/3-6) – с помощью прорезей отчетливо оформлены ноги и хвост животных (4 экз., п.№ 6, 8, 26 Плесинского могильника (раскопки В.А.Оборина, КПОКМ), Саломатовское городище (раскопки А.М.Белавина).

Тип АІ.1.2 (рис.100/12) – фигуры животных стилизованы, ноги не обозначены (1 экз., п.6 Редикарского могильника (раскопки В.А.Оборина, ЧКМ).

Аналогичные гребни (рис.100/1-2, 7-11) встречены в культурном слое X в. поселения Крутик у д.Городище Кирилловского района Волгоградской области [Голубева, 1979, табл.25/7-8; Финно-угры..., 1987, табл.XIX/5], во Владимирских курганах [Голубева, 1979, табл.25/15], на Тимеревском поселении [Седых, Макарова, 2001, рис.1/5], в Старой Ладогге [Кондратьева, 1981, рис.1/8], в Новогрудке [Голубева, 1979, с.58,60], в Удмуртии на городище Иднакар [Иванова, 1998, рис.69/10], в Марийском Поволжье [Лазарева, 2003, рис.1].

Все гребни данной подгруппы индивидуальны, имеют свои особенности как по характеру изображенных животных, так и по дополнительной орнаментации. Что касается животных, то в ряде случаев, несомненно, изображены кони, на гребне из п.26 Плесинского могильника на фигурке коня даже обозначено седло и подпружные ремни, в других случаях фигуры животных настолько стилизованы, что трудно определить их вид. Например, в животных с саломатовского гребня в равной степени можно усматривать как коней, так и иных

животных, например, соболей. В более массивных фигурах с выгнутой горбом спиной (гребень из Владимирских курганов) Л.А.Голубева определила медведей. Звери на старолadoжском гребне также вошли в литературу под названием «борющиеся медведи» [Давидан, 1962, с.101]. О.А.Кондратьева считает, что высокие ноги, горб на спине – черты, характерные для лося, и только отсутствие рогов не позволяет утверждать, что изображены именно эти животные. Большинство гребней данной подгруппы имеет дополнительную орнаментацию, размещенную в центральной части пластины между фигурной рукоятью и зубьями с одной или обеих сторон гребня. Причем, не смотря на наличие индивидуальных различий, гребни подгруппы *AI.1* имеют характерную отно-

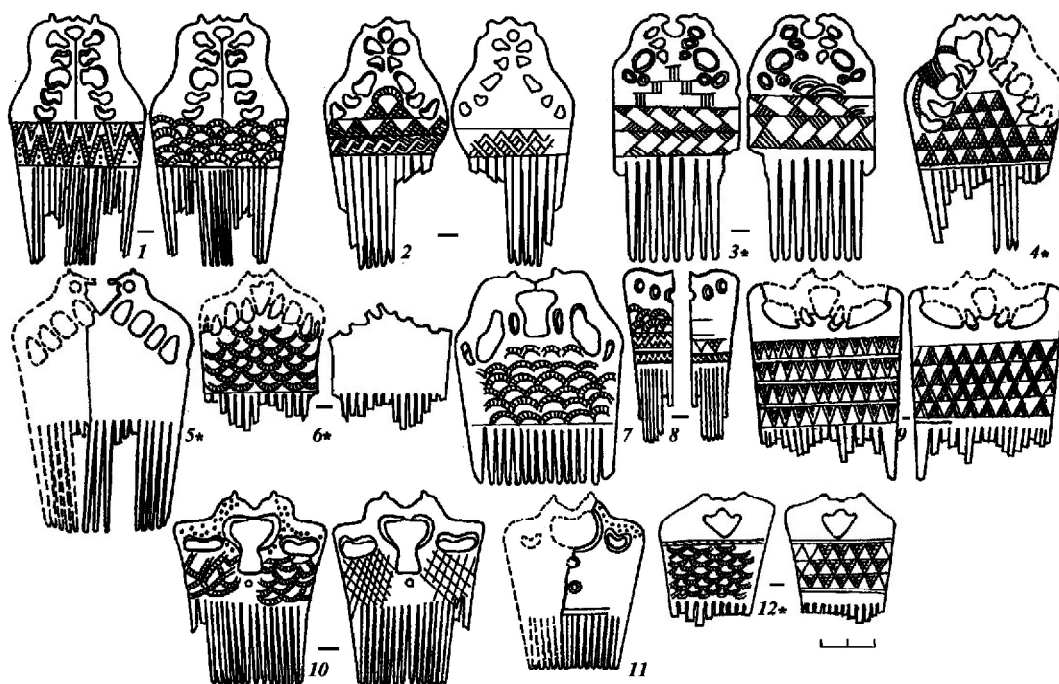

Рис.100 Зооморфные гребни подгруппы *AI.1*: 1 – Иднакар, 2 – Старая Ладога, 3 – Саломатовское городище, 4 – п. № 26, 5 – п. № 6, 6 – п. № 8 Плесинского могильника, 7 – Владимирские курганы, 8 – Марийское Поволжье, 9 – Тимеревское поселение, 10-11 – поселение Крутик, 12 – п. № 6 Редикарского могильника.

сительно стандартную орнаментацию: орнаментальное поле сплошь покрыто «чешуйчатым» орнаментом или косой решеткой – простой, образованной из чередующихся заштрихованных и не заштрихованных треугольников, или из элементов «флажков». Причем в некоторых случаях на одной стороне гребня помещен чешуйчатый орнамент, на другой – решетка. На одной из сторон саломатовского гребня над орнаментальной зоной решетки прочерчено несколько дуг чешуйчатого орнамента. Аналогично на гребне из Старой Ладого над «решеткой», образованной зоной плетенки и зоной из чередующихся заштрихованных и гладких треугольников, изображена дуга. Интересен знак в виде тамги, помещенный на одной из сторон саломатовского гребня также над орнаментальной зоной решетки – в виде трехступенчатой пирамиды.

Вероятно, в древности придавалось какое-то значение взаиморасположению фигур в парных изображениях. Этот вопрос пока не находит точного ответа, но тем не менее, можно предположить, что направление фигур по отноше-

нию друг к другу являлось знаком половой дифференциации. Например, в шумящих биконьковых подвесках, являвшихся, несомненно, исключительно женским украшением, головы животных всегда развернуты в противоположные стороны, а в биметаллических кресалах, которые являлись преимущественно мужским предметом, животные обращены друг к другу.

Гребни в составе средневековых мужских погребальных комплексов Пермского Предуралья встречены только 3 раза, и именно на Плесинском могильнике [Крыласова, 2001, с.93], причем два них относятся к зооморфным гребням первого подтипа. Первый происходит из довольно богатого погребения мальчика-подростка (п.6), в котором «по обеим сторонам черепа у висков лежали два серебряных височных кольца с гроздевидными выступами...; на лобной части черепа – маленькая медная пряжка и рядом с ней – серебряная пластинка; на лицевой части черепа – большая серебряная... маска...; в области живота (выше таза) – большой костяной гребень с овальной спинкой, на котором вырезаны фигуры двух лошадей, обращенных головами друг к другу...; справа у берцовой кости – «биво» и два кремешка для высекания огня..., слева – железный нож...; у ступней – 3 наконечника стрел и топорик» [Оборин, 1961, с.21-22; Крыласова, 2001, с.200, рис.130]. Вторым гребнем обнаружен в богатом мужском погребении воина-дружинника (п.26), где содержалось большое количество оружия: меч в деревянных ножнах с серебряными накладками и скобами для крепления, кинжал с костяной цилиндрической рукоятью, 3 наконечника копий, 5 наконечников стрел, боевой топор; снаряжение коня: удила, стремя, железная подпружная пряжка и костяная рукоять плетки с геометрическим орнаментом и навершием в виде резной головы коня; железное кресало; погребальная серебряная маска; детали поясного набора: бронзовая пряжка и наконечник ремня, медные бусы и крупная пронизка-колокольчик от поясной привески, два бронзовых браслета; у пояса «рядом с мечом был найден костяной гребень, украшенный фигурами лошадей, соединенных между собой» [Оборин, 1962, с.27; Крыласова, 2001, с.187-188, рис.113]. Два гребня данной подгруппы происходят из погребений девушек (п.8 Плесинского могильника и п.6 Редикарского могильника) [Оборин, 1961, с.24-25; Лунегов, 1959; Крыласова, 2001, с.151, рис.74]. Интересно, что, по мнению О.А.Кондратьевой, гребни для людей эпохи средневековья являлись престижным предметом. В частности, она это относит к тем гребням, которые наряду с оружием и украшениями входили в состав инвентаря богатых дружинных захоронений, а в захоронениях средневековых воинов-литовцев встречаются янтарные гребнеобразные подвески-амулеты [Кондратьева, 1999, с.86]. Т.о., использование гребней мужчинами-воинами фиксируется не только в Пермском Предуралье, но и в западных культурах.

Для гребней данной подгруппы обычно не характерно оформление специального отверстия для привешивания. Вероятно, шнур закреплялся на месте перемычки между мордами животных, о чем свидетельствует перетертость этой перемычки на некоторых экземплярах. Исключение оставляет гребень из п.26 Плесинского могильника, у которого между мордами коней и основой гребня расположен ромбовидный столбик.

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство гребней данной подгруппы происходят с одного памятника. Надо отметить, что Плесинский могильник по многим признакам выделяется среди других одно-

временных могильников Пермского Предуралья, и, возможно, оставлен какой-то пришлой группой людей. Интересно, что бронзовые подвески-амулеты в виде гребней с аналогичной композицией распространены исключительно на западных финских территориях – в Финляндии [Kivikoski, 1973. Fig.789], Прибалтике [Шноре, 1961, рис.52; Голубева, 1979, с.59; Финно-угры..., 1987, табл.VIII/8], у д.Залахтовы Псковской области [Успенская, 1967, с.95, рис.14/15].

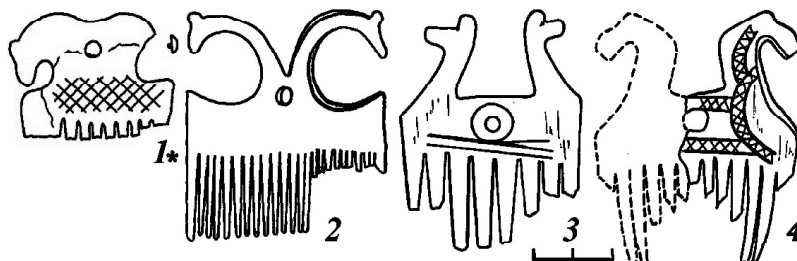

Рис.101 Зооморфные гребни, тип AI.2.1: 1 - п. № 17 Важгортского м-ка, 2 - Вщижское городище, 3 – Дураковское III поселение, 4 - селище Кустерь.

Подгруппа AI.2 – (тип 2 по Голубевой) – *рукоять выполнена в виде двух обращенных в противоположные стороны (расходящихся) головок коней*, шеи коней срослены, в центре – отверстие для привешивания.

Тип AI.2.1 (рис.101/1) – относительно реалистичные головы коней не соединены с основой (1 экз., п.17 Важгортского могильника (раскопки И.В.Бочарова, МАЭ ПГПУ). Оформление головок коней сходно с биконьковыми шумящими подвесками Прикамья, характерными для VIII-IX вв. По материалам погребения гребень может быть датирован IX в.

Центральная часть пластины с лицевой стороны орнаментирована небрежно выполненной кривой решеткой.

Подобные экземпляры (рис.101/2-4) известны на Вщижском городище [Кондратьева, 1981, с.104, рис.1/4], мерянском селище Кустерь IX-X вв. [Финно-угры и..., 1987, табл.XXX/11], Дураковском III поселении [Судаков, Буланкин, 2005, рис. 5/1].

Тип AI.2.2 (рис.102/2-3) – (вариант 1 по Голубевой) – головы коней довольно реалистичные, соединены с основанием гребня, две большие овальные или бобовидные прорезы подчеркивают характерные черты морды лошади (2 экз., п.6 Каневского, п.20 Урьянского могильника, раскопки В.Ф.Генинга, КПОКМ). По рисунку конских голов и форме прорезей, как отмечает Л.А.Голубева, эти гребни имеют сходство с прикамскими биконьковыми шумящими подвесками типа 6 [Голубева, 1979, с.59]. По аналогии с этими подвесками и по материалам погребений гребни данного типа датируются IX-X вв.

В центральной части пластины гребень из Каневского могильника оформлен с лицевой стороны орнаментальной полосой из косых насечек, а гребень из Урьянского могильника с обеих сторон – одинарной зигзагообразной линией из косых насечек, сгруппированных по четыре.

Гребни происходят из женских погребений, где они находились в составе наконечников справа [Генинг, Голдина, 1970, с.46,52; Крыласова, 2001, рис.33,36].

Аналогии (рис.102/1,4-8) известны на территории Удмуртии на городищах Иднакар, Весьякар, Гурьякар [Первухин, 1896, табл.V/21; Иванова, 1974, табл.11/8; Иванова, 1998, рис.69/7; Иванова, 1982, рис.8/12], на Сарском горо-

дище, на поселении Луковец Череповецкого района Вологодской области, [Голубева, 1979, о.58, табл.24/7, 25/11], на Подболотьевском могильнике [Кондратьева, 1981, с.104/5].

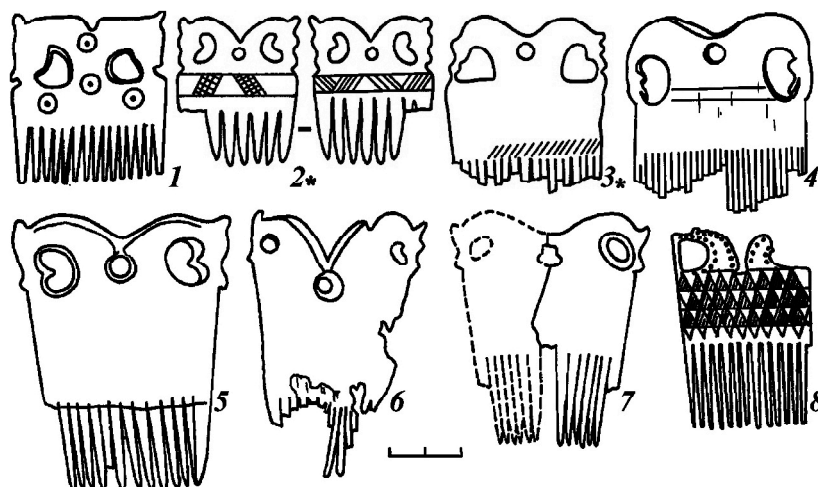

Рис.102 Зооморфные гребни, тип AI.2.2: 1 – Луковцы, 2 - п. № 20 Урьинского, 3 - п. № 6 Каневского могильника, 4 – Гурьякар, 5 – Иднакар, 6 – Подболотьевский м-к, 7 – б.Глазовский уезд, 8 - Сарское городище.

Тип AI.2.3 (рис.103/1, 8-10) – относительно реалистичные головы коней опущены на щиток гребня, под изогнутой дугой шеей расположено круглое отверстие.

Вариант а - промежутки между шеями коньков и основой гребня оформлены в виде круглых отверстий относительно большого диаметра, между головками коней расположен арочный выступ с отверстием для привешивания (1 экз., Рождественское городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ). Изящные длинные шеи коней с круглыми отверстиями под ними стилистически сближают гребень с бронзовыми коньковыми рукоятками кресал, которые по материалам Рождественского археологического комплекса датируются второй по-

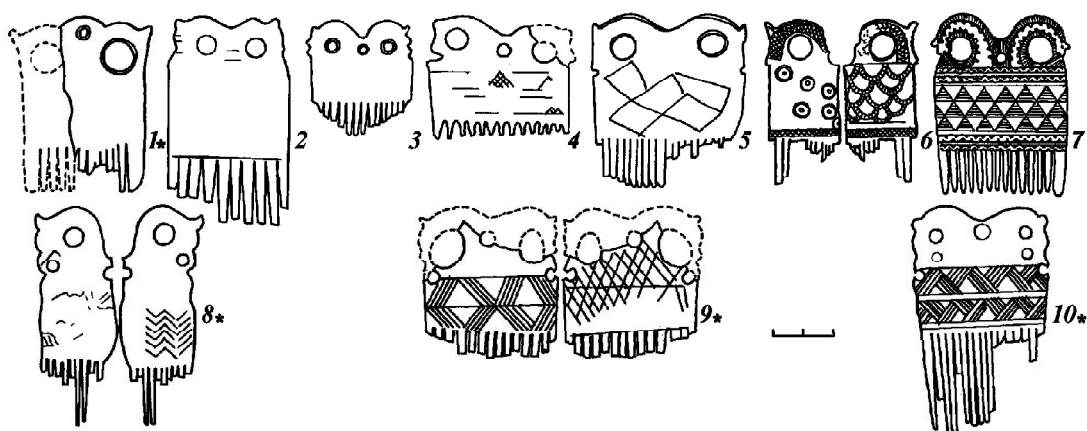

Рис.103 Зооморфные гребни, тип AI.2.3: 1 – Рождественское городище, 2 – Тарту, 3 – Поломский II, 4 – Варнинский м-к, 5-6 – Иднакар, 7 – Владимирские курганы, 8 – п.№ 25 Плесинского м-ка, 9 – Кудымкарское селище, 10 – п. № 20 Каневского м-ка

ловиной X – началом XI в. [Крыласова, 2003, с.92]. Таким образом, зооморфный гребень с Рождественского городища, очевидно, относится к завершающему периоду их бытования в Прикамье.

Подобные гребни (рис.103/2-7) известны на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл.III/23], Поломском II могильнике [Иванов, 1998, рис.27/4] и городище Иднакар [Иванова, 1998, рис.70/4,11], во Владимирских курганах [Голубева, 1979, табл.25/5] и Тарту [Tvaug, 2001, p.63/14].

Вариант б – кроме отверстия под шеей коньков имеется второе отверстие – под мордой (3 экз., п.25 Плесинского могильника, Кудымкарского селища (раскопки В.А.Оборина, КПОКМ), п.20 Каневского могильника (раскопки В.Ф.Генинга, КПОКМ). Основной вид орнаментации центральной части пластины – парная зигзагообразная линия из косых насечек, сгруппированных по 4-5. На оборотной стороне гребня из Плесинского могильника – орнамент в виде вертикальной елочкой, гребня с Кудымкарского городища – косая решетка. Аналогий данному варианту гребней не встречено.

Гребень из женского погребения Каневского могильника, также как и гребни предыдущего типа, находился в составе наконечников справа [Генинг, Голдина, 1970, с.53; Крыласова, 2001, с.140-141, рис.64]. Гребень из Плесинского могильника находился в составе инвентаря мужского погребения у берцовых костей слева; в комплекс инвентаря входили также серебряная монета-подвеска, 2 бронзовых колокольчика, топор, два железных кресала и шило [Оборин, 1962, с.26; Крыласова, 2001, с.165, рис.88].

Тип А1.2.4 (рис.104/37-40) – (варианты 3-5 по Голубевой) мотив конских головок сильно стилизован, и выражен лишь в плавной линии верхней части гребня, выделенных ушах, и небольших выступах в нижней части морды или просто в насечках на боковых гранях, у некоторых экземпляров головы коней совсем не проработаны. Данный тип является наиболее распространенным, преимущественно за счет находок на городище Иднакар, поэтому прежде чем приступить к описанию находок из Пермского Предуралья, приведем характеристику подтипов и вариантов, основанием для выделения которых послужили особенности орнаментации.

Подтип А1.2.4.1 (рис.104/1) – в верхней части рукояти гребня в стилизованном виде представлены фигурки двух зверьков (медведей?), идущих в противоположные стороны. На лицевой части гребня контурной линией обозначены спина и лапы зверьков, глаза с обеих сторон гребня показаны точками. На лицевой стороне гребня в центральной его части помещен рисунок, изображающий ель и плывущую ладью с парусом и веслами [Кондратьева, 1981, с.107] (1 экз., Псковское городище [Белецкий, 1980, рис.6/13]). Этот гребень входит в комплекс «Псков В», датирующийся VIII-IX вв. [Белецкий, 1980, с.11].

Подтип А1.2.4.2 – не орнаментированные.

Вариант а (рис.104/2-7) – контуры морд коньков обведены резной линией, зачастую завершающейся кружком или небольшим округлым отверстием. Гребни не орнаментированные, только в отдельных случаях наблюдается горизонтальная черта вдоль основания зубцов, которая вполне могла служить меткой при их пропиливании. На трех гребнях имеется тамга (10 экз., Старая Ладога [Старая Ладога..., 2003. № 214], Иднакар [Иванова, 1998, рис.69/1, 5; 70/6; 71/3], Тольёнский могильник [Семенов, 1988, рис.6/6], п.43 и 145 Подболотьевского могильника, п.31, 32 могильника «Красная горка» близ д.Полом [Голубева, 1979, с.59]).

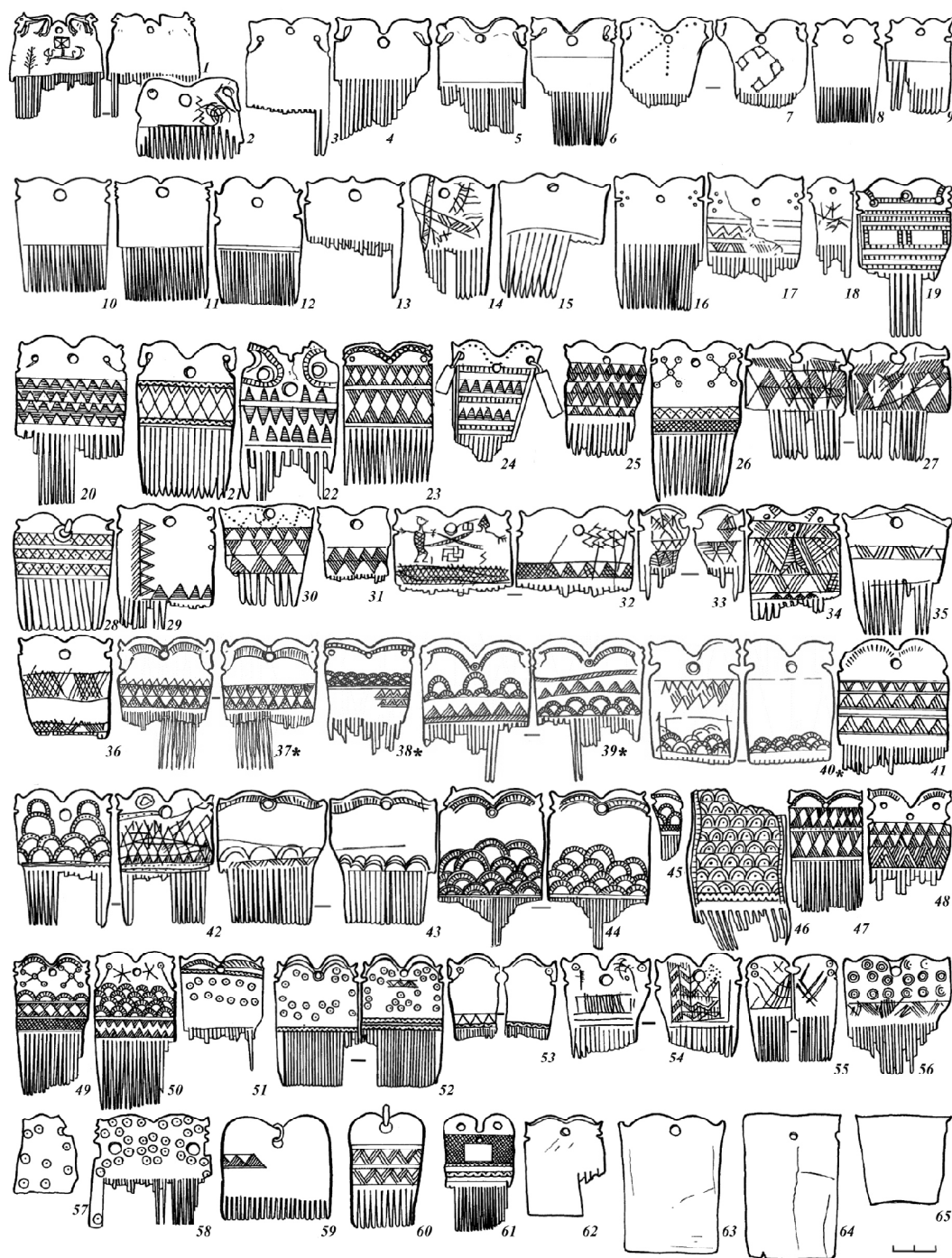

Рис.104 Зооморфные гребни, тип АІ.2.4: 1 - Псков, 2, 19 - Старая Ладога, 3 - Тольёнский м-к, 4-7, 9-14, 18, 27, 29-30, 32-33, 35-36, 42-45, 51-56, 62-63, 65 - Иднакар, 8 - Дондыкар, 15, 54 - Весьякар, 16, 23, 25-26, 31, 34, 47-50 - Поломские могильники, 17, 21 - Мыдланьшай, 20, 41, 59-60 - Варнинский м-к, 22, 24 - Подболотьевский м-к, 28 - б.Глазовский уезд, 37 - п.51 Баяновского м-ка, 38 - п.428 Аверинского м-ка, 39-40 - Лаврятское городище, 46 - Дубовский м-к, 57 - Тарту, 58 - Старая Ладога, 61 - Черемисское кладбище, 64 - Лобач

Вариант б (рис.104/8-16) – морды коней переданы в условно-стилизованном виде, гребни не орнаментированы, только, как и в предыдущем варианте, вдоль основания зубцов большинства из них прослеживаются горизонтальные прочерченные линии. На одном из иднакарских гребней данной группы имеется тамга, на полемском гребне у основания морд коней нанесено по три точки (9 экз., Иднакар [Иванова, 1998, рис.69/2,3,8; 70/7; 72/6,7], Дондыкар, Полемские могильники [Голубева, 1979, табл.25/2,13; Иванов, 1998, рис.27/1,13]).

Подтип А.1.2.4.3 – основу орнаментальных композиций составляют горизонтальные пояски (гладкие, с насечками, с резной волной), треугольники (гладкие и заштрихованные), ромбы, зигзаг. В целом композиции представляют собой решетку.

Вариант а (рис.104/19-21, 34, 48, 50) – для данного варианта характерно наличие небольших круглых отверстий в основании морд коньков. У гребня, представляющего собой случайную находку из Подболотья, и одного из иднакарских гребней вдоль шей коньков наблюдается плавная линия – в первом случае из точек, во втором – из маленьких кружков. У гребня из Подболотья в боковые отверстия продеты бронзовые привески [Голубева, 1979, с.59], что объясняет функциональное назначение отверстий (10 экз., Иднакар [Иванова, 1998, рис.72/10], Варнинский могильник [Семенов, 1980, табл.III/25], Старая Ладога [Кирпичников, Сарабьянов, 2003, с.59; Петренко, 1984, рис.2/1], могильник «Красная горка», Подболотьевский могильник [Голубева, 1979, с.59, табл.25/9; Кондратьева, 1981, рис.1/3]).

Вариант б (рис.104/17, 25-36) – гребни не содержат боковых отверстий, орнаментация, хотя и схожа в целом с предыдущим типом, имеет отличительные особенности. Орнаментальные композиции в большинстве случаев состоят только из 1-3 ярусов, и образованы преимущественно заштрихованными треугольниками, зигзагом из групп наклонных линий, косой решеткой. Орнамент нанесен небрежно, нередко сочетается с тамгами (12 экз., рис.8/25-36), Иднакар [Иванова, 1998, рис.70/1, 5, 71/2, 4, 6-7, 72/5, 8], Полемские могильники [Голубева, 1979, табл.25/3; Иванов, 1998, рис.27/3, 7, 10]).

Подтип А1.2.4.4 (рис.104/37-50) – основной орнамент данного варианта – чешуйчатый, который сочетается с горизонтальными рядами заштрихованных треугольников, косых насечек. Характерной особенностью данного варианта является наличие орнаментальной полосы с насечками вдоль шей коньков, которая, вероятно, стилизованно изображает гриву (13 экз., Аверинский могильник [Голдина, Кананин, 1989, рис.61/17], Лаврятское городище (раскопки В.А.Оборина, А.М.Белавина), п.51 Баяновского могильника (раскопки А.В.Данича 2006 г.), Иднакар [Иванова, 1998, рис.69/4, 70/3,12], Варнинский могильник [Семенов, 1980, табл.III/24], Полемские могильники [Иванов, 1998, рис.27/2,5,8,9], Черемисское кладбище [Архпов, 1984, рис.14/5]).

Подтип А1.2.4.5 (рис.104/58) – основной орнамент циркульный, который сочетается с горизонтальным зигзагом, линиями с «волной», в двух случаях также как в предыдущем варианте вдоль шей коньков прослеживается линия с насечками, в одном случае циркульный орнамент дополнен тамгой (8 экз., Иднакар [Иванова, 1998, рис.69/9, 71/1,5,8], Весьякар [Иванов, 1998, рис.27/6], Старая Ладога [Кирпичников, Сарабьянов, 2003, р.59], Тарту [Tvaugri, 2001, р.63/13]).

Подтип А1.2.4.6 (рис.104/59-61) – плавной дугой подчеркнут изгиб шей

коней, головы не обозначены (3 экз., Варнинский могильник [Семенов, 1980, табл. III/21-22], Черемисское кладбище [Архипов, 1973, рис. 71/13]).

Вариант а – на гребнях Варнинского могильника орнамент составляют горизонтальные ярусы из треугольников.

Вариант б – на гребне из Черемисского кладбища круглыми отверстиями подчеркнуты шеи, орнамент представляет собой рамку, покрытую косой решеткой, в нижнем ярусе – горизонтальные полосы (гладкие и с резной волной).

О местном предуральском производстве гребней данного типа свидетельствуют находки заготовок (рис. 104/62-65) на Иднакаре [Иванова, 1998, рис. 72/12-14] и городище Лобач (ККМ).

Гребни данного типа из Пермского Предуралья относятся к *подтипу А1.2.4.4* (4 экз., п. 427 Аверинского, п. 51 Баяновского могильника, Лаврятское городище), хотя у аверинского гребня имеются и боковые отверстия как в *варианте А1.2.4.3а*.

Орнаментация этих гребней достаточно стандартная. Головы и шеи выделены плавной заштрихованной линией. Орнаментальная композиция на центральной части пластины состоит из двух ярусов: 2-3 рядов чешуйчатого орнамента, и сочетания горизонтальных линий и треугольников. Причем, если на гребнях первой подгруппы «чешуйки» повернуты дугами вниз, то здесь – вверх. Взаиморасположение ярусов различно: на гребне из Аверинского могильника треугольники помещены внизу, а «чешуйки» вверх, на одном из гребней с Лаврятского городища треугольники вверх, «чешуйки» внизу, а на другом лаврятском гребне на одной стороне представлена композиция первого варианта, а на другой стороне – второго.

По материалам могильников территории Удмуртии данный тип гребней датируется VIII-IX вв., аверинский гребень представлен в погребальном комплексе X в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 71/26]. В материалах городища Иднакар (к. IX-XIII вв.) данный тип является наиболее поздним, и происходит из верхних слоев [Иванова, 1998, с. 169]. Гребни Старой Ладogi, которые также относятся к типу 4, найдены в слое Д, который датируется концом IX – концом X в. [Кондратьева, 1981, с. 106], но В.П. Петренко уточняет, что экземпляр из раскопа близ Варяжской улицы (вариант 4.4) относится к более раннему времени – IX в. [Петренко, 1984, с. 85].

5.1.2 ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗООМОРФНЫХ ГРЕБНЕЙ

По мнению большинства исследователей, фигурные односторонние гребни с зооморфными спинками следует рассматривать как яркое проявление финно-угорской средневековой художественной культуры в целом [Кондратьева, 1981, с. 108]. Картографирование находок зооморфных гребней первой группы (рис. 105) показало их концентрацию на территориях Северо-Запада восточной Европы (Старая Ладога, Псков, Вологодская область), в Волго-Окском междуречье (Ярославское Поволжье, Суздальское Ополье), но наиболее широко они представлены в Удмуртском и Пермском Предуралье. Их наличие в Старой Ладоге расценивается исследователями как результат присутствия здесь финно-угров, приезжавших на ладожское торжище со своим товаром [Кирпичников, Сарабьянов, 2003, с. 58]. Кроме финно-угорских гребней здесь присутствуют западноевропейские, скандинавские, балтские и другие по этническому про-

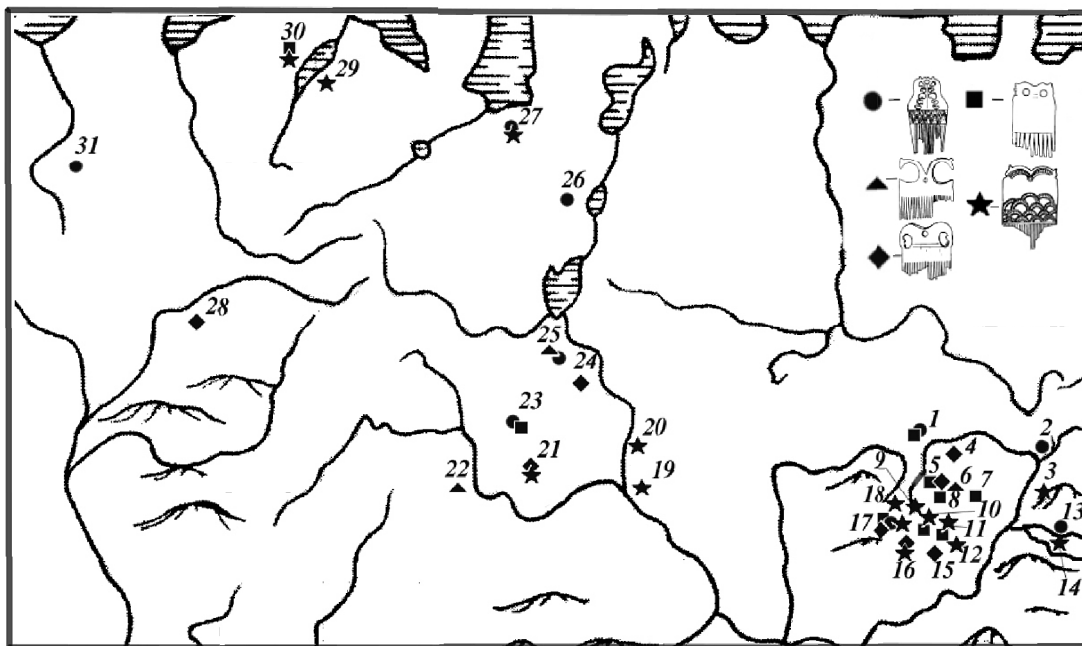

Рис. 105 Схема распространения зооморфных гребней: 1 – Плесинский, 2 – Редикарский могильники, 3 – городище Лаврята, Баяновский могильник, 4 – Каневский, 5 – Урьинский, 6 – Важгортский могильники, 7 – Рождественское городище, 8 – Кудымкар, 9 – Аверинский, 10 – Поломский, 11 – Варнинский, 12 – Тольёнский могильники, 13 – Саломатовское городище, 14 – Лобач, 15 – Гурьякар, 16 – Весьякар, 17 – Иднакар, Мыдланьшай, 18 – Дондыкар, 19 – Дубовский, 20 – Черемисское кладбище, 21 – Подболотьевский могильники, 22 – Дураковское поселение, 23 – Владимирские курганы, 24 – Сарское городище, 25 – Кустерь, 26 – Крутик, 27 – Старая Ладога, 28 – Луковцы, 29 – Псков, 30 – Тарту, 31 – Новогрудок.

исхождению формы костяных изделий [Дубов, 1989, с.72]. О.И.Давидан объясняет это тем, что Ладога с момента своего возникновения и до XI в. являлась важным пунктом на главной торговой магистрали Восточной Европы – Балтийско-Волжском пути, связывающем страны Запада с арабским Востоком, и при этом была не просто перевалочным пунктом в транзитной торговле: здесь производилась торговля (обмен) товарами [Давидан, 1974, с.14-15]. А.А.Спицин отмечал, что сравнительное обилие предметов пермской чуди в Приладожье заставляет предполагать, что где-нибудь не очень далеко от последнего должно оказаться промежуточное историческое звено между Пермью и Ладожским озером [Спицин, 1895, с.154]. По мнению И.В.Дубова, таковым «историческим звеном» было Волго-Окское междуречье, которое имело прямые и тесные связи с Прикамьем, что подтверждают археологические исследования [Дубов, 1989, с.80-81]. По мнению М.В.Фехнер, одним из факторов, способствовавших проникновению в Ярославское Поволжье иноземных изделий, является то, что здесь проходил отрезок Волжского пути – главной для того времени торговой магистрали, связывающей Запад и Восток [Фехнер, 1963, с.75]. Важным опорным пунктом, играющим существенную роль в системе Волжского пути было и Сарское городище, где также найден зооморфный гребень [Дубов, 1989, с.129, рис.38]. Не удивительным является присутствие таких гребней и еще на одном отрезке Волжского пути – в Марийском Поволжье.

Есть и иная точка зрения на причину распространения прикамских гребней на запад. В.Н.Седых и В.В.Макарова, анализируя материалы Тимеревского археологического комплекса в Ярославском Поволжье, пришли к выводу, что в эпоху раннего средневековья происходили миграции групп населения Прикамья, и появление прикамского населения в родственной финской среде фиксируется не только в Ярославском Поволжье, но и в других районах Северной Руси [Седых, Макарова, 2001, с.99].

5.1.3 СЕМАНТИКА ЗООМОРФНЫХ ГРЕБНЕЙ, МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ГРЕБЕШКИ-АМУЛЕТЫ

Большинство исследователей отмечают, что наиболее распространенным образом в декоре зооморфных гребней является конь. Среди иных образов отмечают медведи и птицы [Голубева, 1979; Кондратьева, 1981]. На мой взгляд, на всех описанных выше гребнях изображались кони, но одни мастера с успехом передали их характерные черты, а другим это удалось в меньшей степени.

Культ коня был развит у многих народов. Сюжет парных коней является общим славянско-финно-угорским сюжетом, который сохранялся в народном декоративном искусстве в оформлении металлических зооморфных гребней, резьбе по дереву, вышивках вплоть до XIX – начала XX вв. [Кондратьева, 1981, с.107].

В основе этого образа, судя по всему, лежат идеи индоевропейской мифологии, которая, как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, оказала значительное влияние на формирование мифологической системы уральского населения.

Истоки биконьковых изображений, на мой взгляд, следует искать в индоевропейском близнецном мифе о братьях Ашвинах. Главным символом близнецов были кони, и эта символика сохранилась в парных изображениях коней в германской, балтийской, славянской, финно-угорской и др. традициях [Мифы..., 1980, с.528-529]. К подобному выводу пришли М.Г.Иванова и К.И.Куликов, считающие, что истоки появления столь распространенных биконьковых подвесок кроются в ведийской мифологии об Ашвинах [Иванова, Куликов, 2001, с.140]. Ашвины считались «детьми кобылы» и сами представлялись в виде двух коней. Они связаны с конями, со сменой дня и ночи, а следовательно, с солнцем, с функцией спасения [Мифы..., 1982, с.144-145]. В мифе прослеживается связь близнецов с плодородием, что выражается через связь со священным мировым деревом [Мифы..., 1982, с.175-176].

Появление в Прикамье зооморфных биконьковых украшений вполне могло иметь в своей основе индоевропейскую мифологию, поскольку его население имело давние прочные связи с югом Восточной Европы, откуда вместе с потоком импортных изделий могли проникать и отдельные религиозные идеи. М.Ф.Косарев выделяет по крайней мере шесть волн мощного культурного воздействия, двигавшихся с юга на север, и существенно повлиявших на мировоззрение и исторические судьбы древнего урало-сибирского населения [Косарев, 2003, с.303-304]. Пятая из этих волн совпала с периодом раннего железного века, она связана с интенсивным влиянием со стороны савромато-сарматосакского степного мира, что выражается в «скифоидности» ряда черт материальной культуры таежного ананьинского, кулайского и усть-полуйского населения, в широком проникновении на Урал и в Западную Сибирь парфянс-

ких и бактрийских вещей. Именно в этот период в материальной культуре уральского и западносибирского населения впервые появился сюжет противостоящих конских головок. В частности, роговые гребни с таким сюжетом известны в материалах ананьинской культуры [Наговицин, Иванова, 1995, с.28, рис.11/12].

Идея близкочуждости пронизывает индоевропейскую мифологию, начиная с исходной неразделенности неба и земли [Мифы..., 1980, с.528]. Именно идея этой неразделенности, вероятно, отражена в орнаментации зооморфных гребней. У большинства из них основу орнаментальной композиции составляет косая решетка, образованная различными элементами (простыми линиями, чередованием простых и заштрихованных треугольников, ромбами, «флажковыми» элементами), и «чешуйчатый» орнамент. Причем во многих случаях наблюдается сочетание этих двух композиций. Косая решетка, возможно, обозначала землю [Кондратьева, 1999, с.82], чешуйчатый орнамент у удмуртов трактуется как изображение водной глади, волны [Арматынская, 1995, с.91; Иванова, Куликов, 2001, с.139-140]. В аналогичных по смысловому значению прикамских бронзовых биконьковых подвесках, по мнению ряда исследователей, привески в виде лапок водоплавающих птиц в представлении древнего населения были связаны с водной стихией и ее животворными свойствами [Успенская, 1967, с.88], и со стихией небесной воды - дождя, от которого зависит плодородие полей [Голубева, 1978а, с.74]. То есть, в итоге чешуйчатый орнамент можно в какой-то степени расценивать и как изображение неба и, таким образом, сочетание решетки и чешуек на биконьковых гребнях расценивать как воплощение идеи неразделенности неба и земли. К.И.Куликов и М.Г.Иванова полагают, что в древности гребень представлялся как священный предмет, означающий небо и дождь [Куликов, Иванова, 2001, с.30].

Мотив с двумя конями, идущими навстречу друг другу, М.Г.Иванова и К.И.-Куликов считают иллюстрацией мифа о Мировом Древе – два вздыбленных коня мощными копытами поддерживают Древо жизни, Ось Земли. В мифах о Мировом Древе, распространенным почти во всех культурах, повествуется о том, что было время, когда мировое пространство представляло собой хаос и беспорядок. Но великие боги направили силы на установление миропорядка, и теперь в Мироздании есть атланты и кариатиды, поддерживающие его постоянно. Иногда мировое древо поддерживается двумя противопоставленными кентаврами, символизирующими, так же, как и само древо, соединение неба и земли [Куликов, Иванова, 2001, с.34-35]. По мнению А.В.Успенской, данная композиция восходит к древнейшим языческим изображениям богини со всадниками по сторонам [Успенская, 1967, с.95].

Циркульный орнамент, использовавшийся в оформлении ряда зооморфных гребней типа 4 подгруппы 2, бесспорно расценивается исследователями как солярный знак [Успенская, 1967, с.89], а культ близнецов, как известно, был связан и с солнечным культом.

Позднее с развитием общества и религии символика коня могла переосмысливаться, он мог расцениваться как воплощение богини Матери-Земли, то есть связывался с возрождением природы: деревьев, цветов, одним словом, всего живого. Одновременно конь оставался символом добра и счастья, и связывался с культом солнца. Как писала Л.А.Голубева, «образ коня был повсеместно связан с солнцем и богиней природы - матерью всего сущего. Отсюда охраня-

тельное значение изображений коня, часто совпадавших у многих народов. Конь был также символом благоденствия, счастья и плодородия» [Голубева, 1966, с.80]. В Прикамье связь с богиней-матерью стала проявляться в том, что, к примеру, шумящие биконьковые подвески приобрели привески в виде лапок водоплавающей птицы, что может быть сопоставлено с гусем – одной из ипостасей угорской богини Калтащ.

Значимость гребня как магического предмета подтверждает и распространение **металлических амулетов**, изображающих коньковые гребни.

Все известные в Европе предметы данной категории можно условно разделить на две группы:

Группа I - гребни-амулеты с зубьями. Сомнительно, что предметы этой группы обладали утилитарным значением, так как, хотя они и имеют реальные зубья с промежутками между ними, длина зубьев, как правило, весьма незначительная.

Тип I.1 (рис.106/18-20) – на гребнях – стилизованное изображение двух фигурок коней в полный рост, навстречу друг другу, между ними ромб или условное изображение ромба. Обязательный элемент орнамента на всех изделиях – зигзаг вдоль основания (Асотское городище; Залахтовье, кург.17; Финляндия, Луакскола [Kivikoski, 1873. Taf.89, 789; Успенская, 1967, с.96, рис.14/15; Шноре, 1961, с.123, рис.52]). Этот тип амулетов повторяет один из известных типов зооморфных гребней с фигурками коней в рост (тип 1 по Л.А.Голубевой [Голубева, 1979, с.58]). Характерно, что все известные предметы данного типа встречены на довольно ограниченной территории западно-финского мира.

Тип I.2 (рис.106/10) – на гребне – изображение двух конских голов, соприкасающихся мордами, на длинных изящно изогнутых шеях с изображением гривы; предмет имеет 9 коротких некачественно отлитых зубьев (1 экз., Пермская губерния, коллекция Зеликмана, ПОКМ).

Тип I.3 (рис.106/12-17) – миниатюрные гребешки с изображением двух стилизованных противонаправленных конских головок. Не взирая на некоторые индивидуальные различия (наличие треугольных прорезей в основании, орнамента из кружков) предметы достаточно стандартны: головы коней переданы очень условно, все амулеты обязательно имеют по 7 зубьев (магическое число); по данным А.В.Успенской, их известно 18 экземпляров в 11 пунктах [Успенская, 1967, с.95]. Данный тип гребней-амулетов представлен исключительно на древнерусских территориях Поднепровья и Поволжья [Голубева, 1979, с.61].

Группа II – гребни-амулеты с имитацией зубьев - нижняя часть основы представляет собой сплошную пластину, на которой с помощью желобков изображены зубья гребня. Количество «зубьев» в большинстве случаев – 9. На всех амулетах группы изображены противопоставленные головы коней.

Тип II.1 (рис.106/1-6) – морды коней относительно реалистичные, соединены с основанием, у большинства экземпляров показаны глаза, грива. Вдоль основания у большинства предметов – зигзагообразная линия. В целом по стилю изображения данные подвески близки шумящим биконьковым подвескам, распространенным в Пермском Предуралье в конце IX – начале XI вв., их сближает наличие бобовидных прорезей под шеями коньков и двух треугольных прорезей, соединенных вершинами, в центре основы (6 экз., Мало-Аниковс-

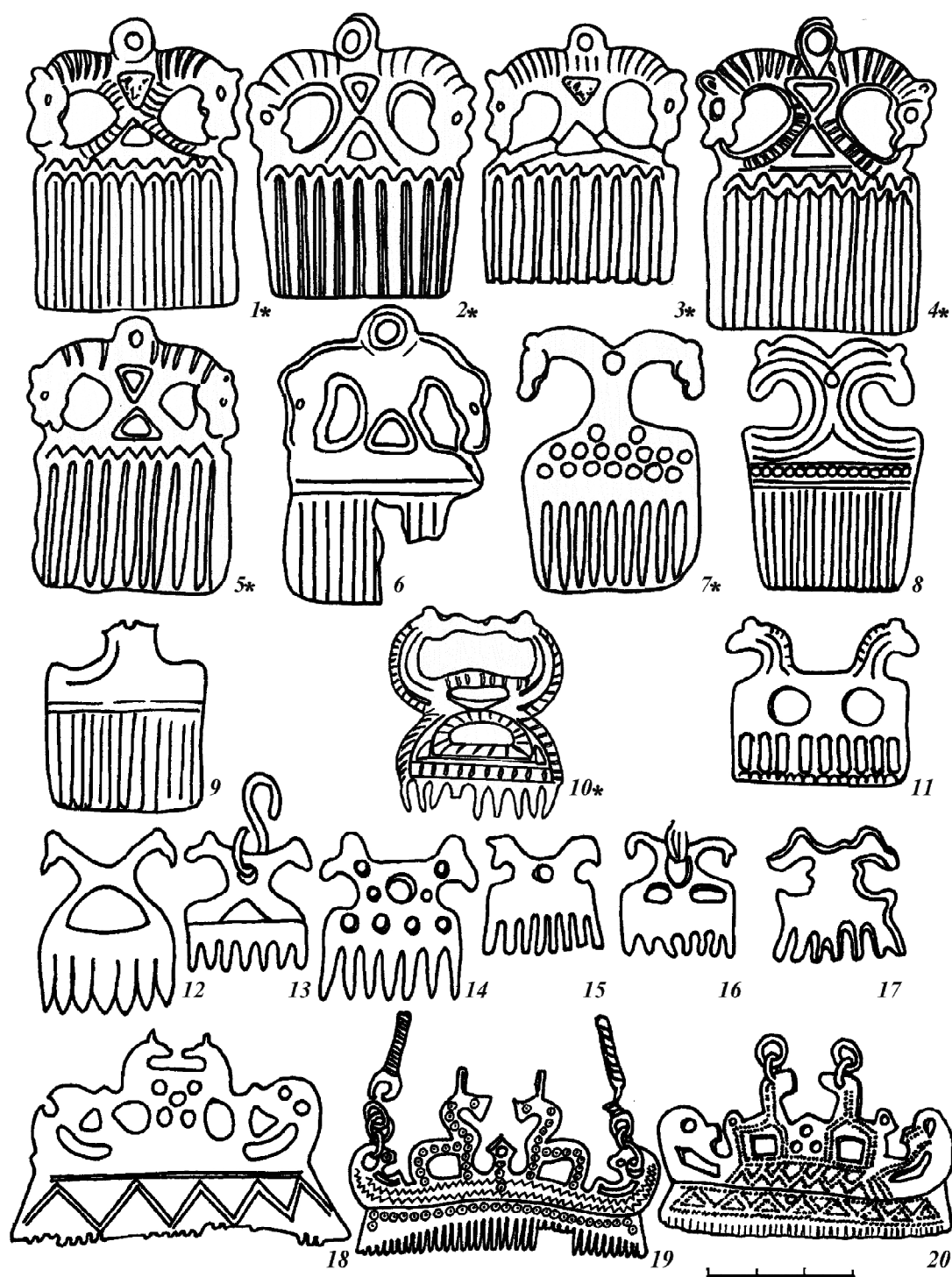

Рис.106 Зооморфные бронзовые гребни-амулеты: 1 – Мало-Аниковский могильник, 2 – Рождественское городище, 3 – могильник Степаново плотбище, 4 – Пермская губерния, 5 – п.6 Мелехинского могильника, 6 – Биляр, 7 – Мало-Аниковский могильник, 8 – п.701 Танкеевского могильника, 9 – Биляр, 10 – Пермская губерния, 11 – Золотаревское поселение, 12 – Лядинский могильник, 13 – Харлапово, кург. № 30, 14 – Харлапово, кург. № 70, 15 – Бисерово, 16 – Кветунь, кург. № 4, 17 – Бочарово, 18 – Финляндия, 19 – Залахтовье, кург. № 17, 20 – Луакскола.

кий могильник ([ДТ, с.641], ПОКМ, инв. № 11405), Рождественское городище [ДТ, с.707], могильник Степаново плотбище (раскопки А.В.Данича), Пермская губерния [Спицин, рисунки к неопубликованному тому 2 «Древности Оки и Камы»], п. № 6 Мелехинского могильника (раскопки Ю.А.Полякова); Биляр (нац. Музей Татарстана)).

Тип II.2 (рис.106/7-9) – морды коней более стилизованные, не соединены с основанием. На основании отсутствуют прорези. Основной элемент орнаментации – выпуклые кружки вдоль основания (3 экз., Мало-Аниковский могильник (Свердловский краеведческий музей), п.№ 701 Танкеевского могильника, Биляр (нац. Музей Татарстана)).

Тип II.3 (рис.106/11) – морды коней стилизованные, не соединены с основанием, насечками показана грива, на основании – две округлые прорези. Подвески от остальных предметов группы 2 отличаются миниатюрные размеры (2 экз., Кармалейка [Голубева, 1979, табл.19/2], Золотаревское поселение [Белорыбкин, 2001, с.23, рис.11/10]).

Таким образом, распространение далеко на запад зооморфных роговых гребней из Предуралья, вероятно, наделявших их значительными магическими свойствами, послужило толчком для возникновения металлических гребешков-амулетов, которые, в отличие от реальных гребней, лишь отчасти выполнявших функцию амулета, были полностью лишены практического назначения. В отличие от роговых гребней, которые либо импортировались из Среднего Предуралья, либо изготавливались в подражание им, амулеты гребни производились на месте, и имеют свои локальные особенности. Для западно-финских территорий характерны широкие гребни с большим количеством мелких зубьев с изображением коней в рост. Их носили на груди на цепочке или шнурке, который крепился за боковые петли подвески. На древнерусских землях распространились амулеты в виде миниатюрных гребешков с семью зубьями, которые обычно использовались в составе наборов амулетов на цепочках. Такие цепочки носили на шее, но чаще – на груди в виде кисти, крепившейся на бляхе-цепедержателе. По мнению В.В.Седова, амулеты-гребни служили оберегами от болезней, так как они уничтожали паразитов – распространителей заразы [Седов, 1982, с.267, табл.LXXIII/2]. Не случайно и то, что славяне-язычники снабжали эти гребешки магическим количеством зубьев – 7. В Пермском Предуралье сложился свой собственный тип гребней-амулетов, со сплошной платиной, на которой зубья гребня только проимитированы, и верхней частью, напоминающей основу шумящих биконьковых подвесок. Здесь количество зубьев – 9, другое магическое число. Три подобных амулета, встреченные на территории Волжской Булгарии, безусловно, попали туда с прикамским населением. К сожалению, ни одна подвеска не найдена в не разрушенном погребении, поэтому сложно восстановить способ их ношения. Но, по аналогии с роговыми зооморфными гребнями, можно предположить, что они использовались в составе украшений нагосников. Амулеты, встреченные на территории Пензенской области, с одной стороны, по наличию девяти имитированных зубцов имеют сходство с прикамскими гребнями-амулетами, с другой стороны, их миниатюрные размеры напоминают славянские, а способ крепления за две петли – западнофинский.

Можно с уверенностью утверждать, что Предуралье в эпоху средневековья являлось своеобразным идеологическим центром, откуда на западные терри-

тории расселения финно-угров и в Северную Русь проникали идеи использования разнообразных зооморфных украшений и амулетов. К подобному выводу уже неоднократно приходили исследователи, занимающиеся изучением древнерусских украшений. К примеру, Е.А.Рябинин отмечал, что большинство рассматриваемых им зооморфных украшений с территории Северной Руси может быть сближено с пермскими древностями [Рябинин, 1981, с.59].

5.1.4 ЦЕЛЬНЫЕ ОДНОСТОРОННИЕ ГРЕБНИ С АРОЧНОЙ СПИНКОЙ

Группа АП - является переходной от зооморфных гребней к арочным. На территории Пермского Предуралья зооморфная форма гребней довольно быстро сменилась более простой и удобной в изготовлении арочной формой. Г.Т.Ленц считает, что это произошло, главным образом, по причине смены материала – вместо роговых пластин стали использоваться костяные

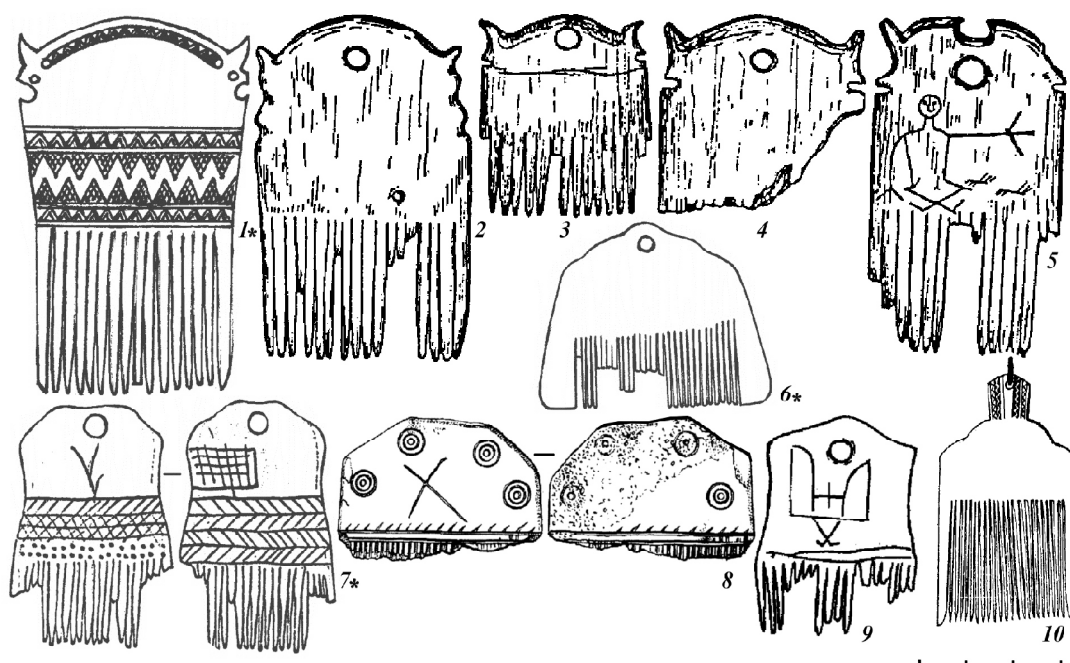

Рис.107 Гребни группы АП: 1 – Плесинский м-к, 2-5 – Иднакар, 6-7 – Анюшкар, 8 – Белоозеро, 9 – Иднакар, 10 – п.6 Веселовского могильника.

трубки. Ремесленники-косторезы упростили зооморфное оформление спинки гребня, придав ей сначала арочную, а затем подпрямоугольную со скругленными углами форму, более удобную для массового ремесленного производства [Ленц, 2004, с.64]. Как происходил процесс перехода от зооморфной формы спинки к арочной, можно наблюдать по отдельным экземплярам гребней, в которых еще сохранился намек на прежнюю зооморфную форму.

Тип АП.1 (рис.107/1) – гребень удлиненных пропорций с дугообразной арочной спинкой, по бокам которой обозначены ушки, и с помощью подтреугольных вырезов выделены очертания морд животных, что сближает данный образец с гребнями типа АП.2.4 (1 экз., п.14 Плесинского могильника). Гребень имеет тщательно выполненную богатую орнаментацию, аналогичную с обеих сторон: вдоль спинки отмечается дугообразная заполненная треугольниками орнаментальная полоса, подчеркивающая контуры гребня по аналогии с греб-

нями *типа* АІ.2.4; в центральной части пластины располагается сложная трехъярусная композиция, составленная из парных горизонтальных линий, между которыми в центре помещаются крупные решетчатые треугольники, а сверху и снизу – ряды маленьких треугольников. Гребень не имеет отверстия для подвешивания, он найден в погребении справа от черепа, и, вероятно, был заколот в прическу [Оборин, 1962, с.11; Крыласова, 2001, с.120, рис.43].

Подобные гребни имеются в коллекции городища Иднакар (рис.107/2-5) [Иванова, 1998, рис.69/6, 70/8-9].

Тип АІІ.2 (рис.107/6) – широкий укороченных пропорций гребень со скошенными боками и с высокой горбатой почти сходящейся на угол спинкой, в плавных фигурных очертаниях которой сохранился намек на изображение сходящихся мордами конских головок. Гребень не орнаментирован, имеет отверстие для подвешивания (1 экз., городище Анюшкар); найден в нижнем слое городища и, по мнению Г.Т.Ленц, может датироваться не позднее XI в. [Ленц, 2004, с.63, рис.2/1].

Подобный по форме гребень (рис.107/8), но без отверстия для привешивания, обнаружен в Белоозере [Захаров, 2004, рис.226/1], гребень со сходным изгибом спинки, но с массивной декоративной петлей для привешивания (рис.107/10) встречен в п.6 Веселовского могильника в Марийском Поволжье [Архипов, 1973, рис.71/12].

Тип АІІ.3 (рис.107/7) – высокий с вогнутыми боками и фигурной спинкой гребень (1 экз., городище Анюшкар). По мнению Г.Т.Ленц, его форма является стилизацией более ранних зооморфных гребней. Гребень обнаружен на границе верхнего и нижнего слоев, и может датироваться началом XII в. [Ленц, 2004, с.63]. Гребень с обеих сторон орнаментирован в центральной части. На его выпуклой лицевой стороне помещена трехъярусная композиция: нижний ярус – два ряда точек, средний – косая решетка, верхний – косые насечки с наклоном вправо; ярусы разделены горизонтальными линиями. На оборотной стороне орнаментальная композиция составлена из четырех горизонтальных рядов косых насечек, чередующихся по наклону, что создает впечатление горизонтальных колосьев. Кроме орнамента на гребне присутствует два тамгообразных знака: на лицевой стороне в виде ветки, на оборотной – в виде расчерченного на квадраты прямоугольника, который трактовался В.А.Обориным как изображение распаханного поля [Оборин, 1956, с.75], который, по мнению Г.Т.Ленц, согласуется по смыслу с орнаментом в виде колосьев. Как она считает, данный гребень, вероятно, мог использоваться только в культовой практике, о чем свидетельствуют слишком тонкие и частые зубья [Ленц, 2004, с.63].

Очень близкий по форме гребень обнаружен на городище Иднакар [Амелькин, 1987, рис.1/1]. Он содержит тамгу в виде знака Рюриковичей (рис.107/9).

Группа АІІІ (рис.108-110) – **гребни с арочной спинкой** (47 экз., с Рождественского, Анюшкар городищ, Кудымкарского городища и селища, из Чердыни, Корнинского, Семинского городища). Большинство гребней этой группы имеют стандартную форму – простой полуовал с небольшим расширением к концам зубцов, с отверстием для подвешивания. Размеры: ширина от 3 до 5,2 см, высота от 4,5 до 6,8 см. Изготовлены из равномерно плоских ровных пластин толщиной 2-4 мм или из слегка изогнутых, сужающихся кверху и книзу пластин с максимальной толщиной в центральной части 3-5 мм. Длина зубьев

разная в зависимости от общей высоты гребня, и составляет примерно S высоты. Зубья, как правило, частые, шириной 1-2 мм. Количество зубьев – от 13 до 23, определенного стандарта не наблюдается.

Анализируя эту многочисленную группу гребней, мы пытались выделить среди них типы по особенностям формы. Первым основанием для выделения типов могли послужить пропорции гребней, при таком подходе выделяются короткие гребни с шириной, превышающей S длины и высокие, с шириной менее S длины. Второй подход предложила Г.Т.Ленц, которая выделила под-

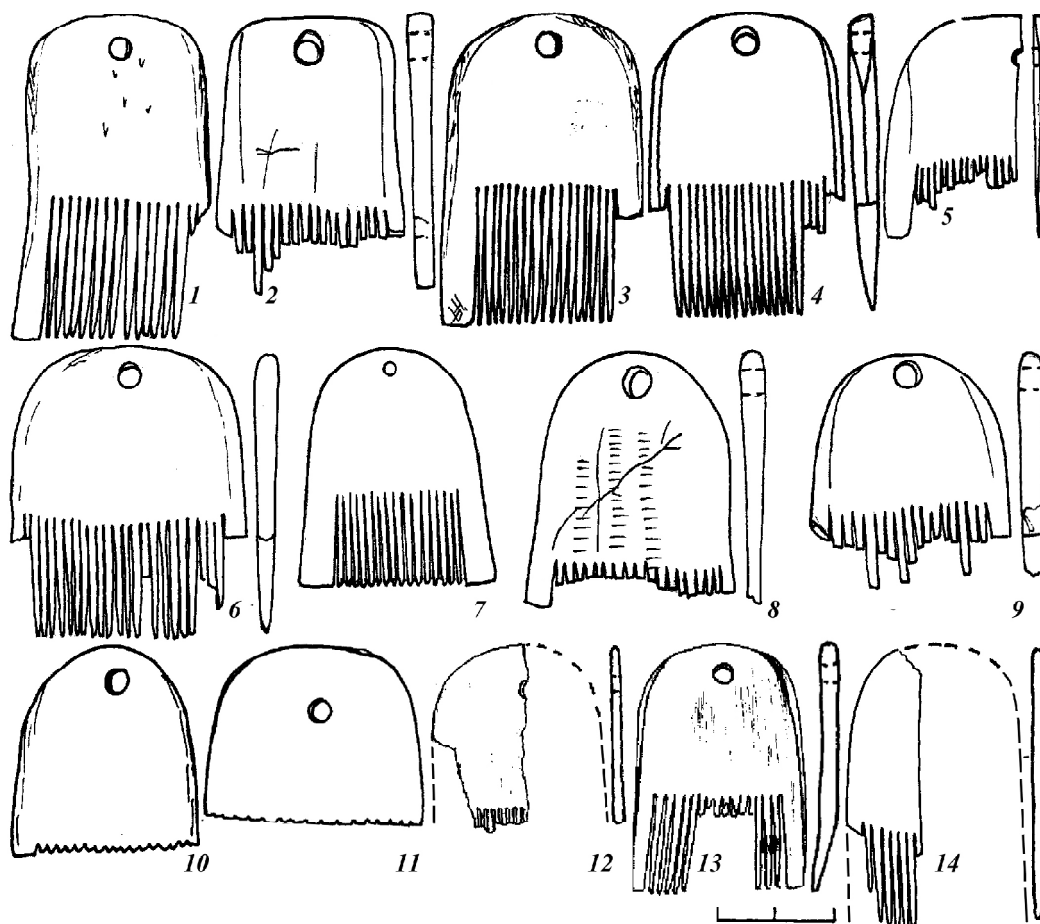

Рис.108 Гребни группы АIII, вариант а: 1-10 – Анюшкар, 11 - Семинское городище, 12-14 – Рождественское городище.

прямоугольные и трапецевидные гребни [Ленц, 2004, с.63-65]. Однако в дальнейшем мы пришли к выводу, что форма гребня не является ни хронологическим, ни этническим признаком, вряд ли отражала особенности стилистики, присущей отдельным мастерам-ремесленникам, а определялась исключительно выбранным участком костной трубки, из которой изготавливался гребень, поэтому выделение типов по форме не является целесообразным. Форма подпрямоугольных гребней, по определению Г.Т.Ленц, обусловлена заготовкой из срединного ровного по ширине участка кости, а заготовки для трапецевидных гребней выпиливались из нижнего или верхнего расширяющегося к эпифизу участка костной трубки [Ленц, 2004, с.63-64]. Таким образом, изготавливая партию гребней, ремесленник из одной кости получал изделия разной формы.

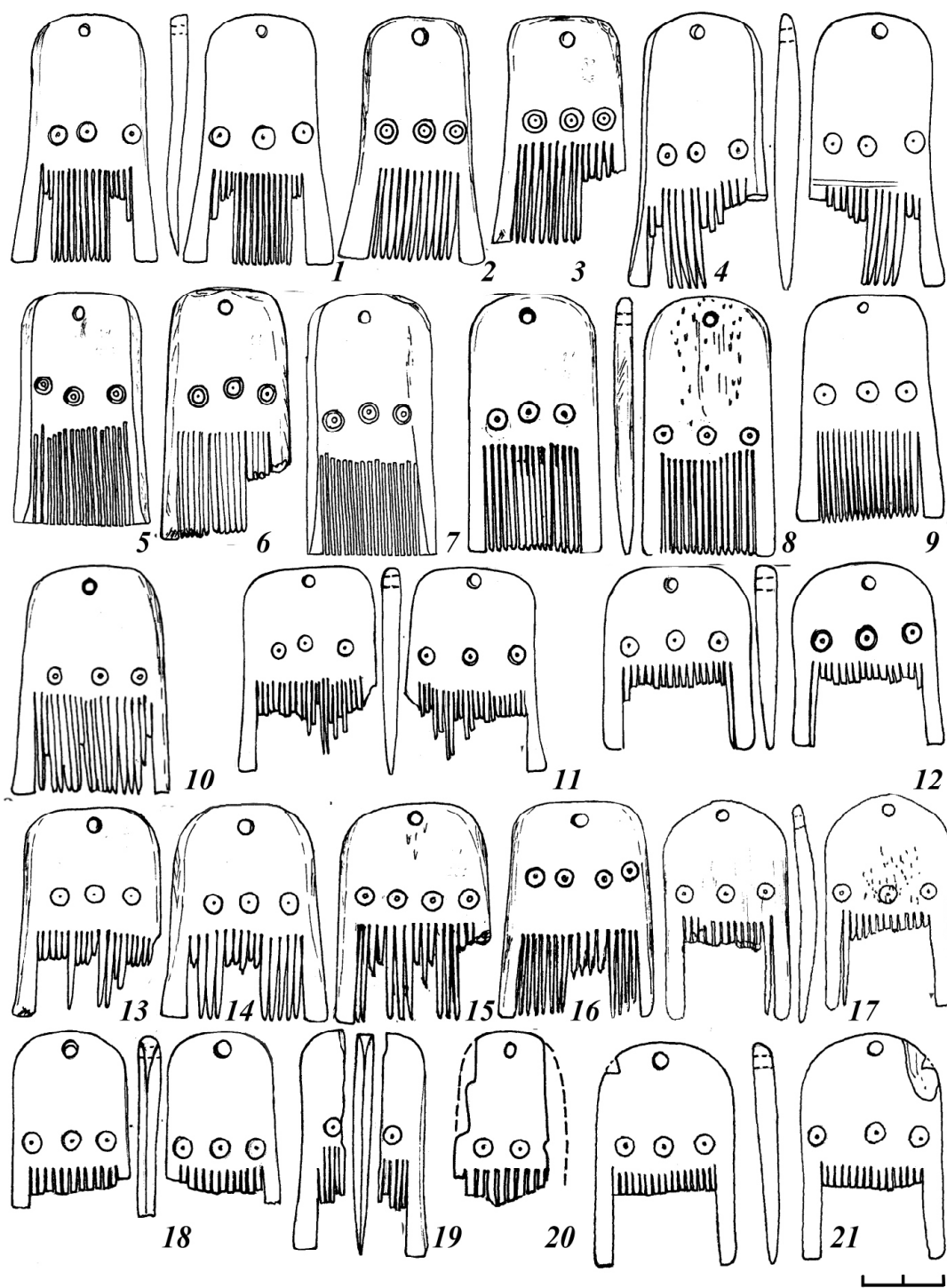

Рис.109 Гребни группы АIII, вариант б: 1-16 – Анюшкар, 17 – Рождественское городище, 18-19 – Кудымкарское селище, 20 – Чердынь, 21 – коллекция Теплоуховых

Поэтому внутри группы выделяются только варианты по орнаментации. Для большинства гребней характерен циркульный орнамент из кружков с точкой в центре, который наносился особым резцом. Такие резцы известны на территории Пермского Предуралья, например, резец-циркуль был обнаружен в заполнении жилища на селище Запоселье в 2005 г. (раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант а (рис.108) – не орнаментированные (14 экз., Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, ПОКМ, МАЭ ПГПУ), Рождественское городище

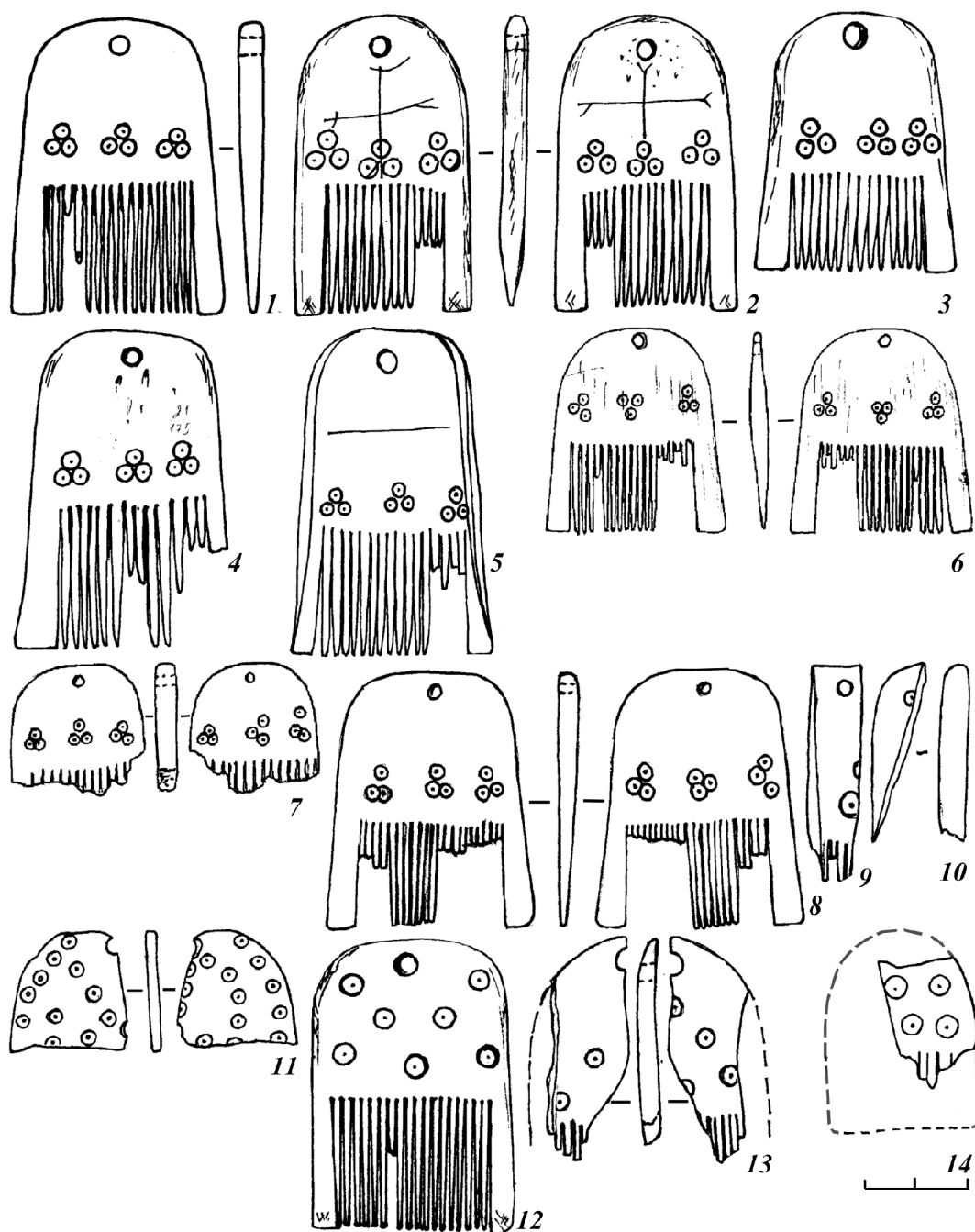

Рис.110 Гребни группы АIII, варианты в-г: 1-5, 10-12 – Анюшкар, 6-7 – Рождественское городище, 8 – коллекция Теплоуховых, 9, 13 – Кудымкарское селище, 14 – Черноевское городище.

(раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ); Семинское городище (раскопки А.Ф.-Мельничука).

Вариант б (рис.109) – три, реже четыре циркульных кружка диаметром около 5 мм выстроены в одну горизонтальную линию (21 экз., Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, ПОКМ, МАЭ ПГПУ), Рождественское городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Кудымкарское селище (раскопки В.А.Оборина, ПОКМ), Чердынь (ЧКМ), коллекция Теплоуховых).

Вариант в (рис.110/1-8) – три группы из трех циркульных кружков диаметром около 2 мм, образующих пирамидки, выстроены в одну горизонтальную линию (8 экз., Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, ПОКМ, МАЭ ПГПУ),

Рождественское городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), коллекция Теплоуховых).

Вариант 2 (рис.110/9-14) – циркульными кружками заполнена вся спинка гребня (5 экз., Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, ПОКМ, МАЭ ПГПУ), Кудымкарское селище (раскопки В.А.Оборина, ПОКМ), Черноевское городище (раскопки В.А.Оборина)).

В циркульном орнаменте, по мнению О.А.Кондратьевой, не заложено каких-либо характерных этноопределяющих особенностей. Эта орнаментация нейтральна к искусству не только отдельных регионов, но и целых стран, поэтому, не вызывая неприятия со стороны местных художественных стилей, она достаточно легко воспроизводится косторезами как на востоке Европы, так и в странах Балтийского бассейна. Популярности гребней с кружковым орнаментом способствовала не представляющая каких-либо технических или художественных трудностей ремесленная отделка. Кроме того, циркульный орнамент имеет «открытую» семантику: кружок – древний солярный символ, символ неба и солнца. Кроме того, О.А.Кондратьева считает, что некий сакральный смысл имело и количество кружков (на рассмотренных ею древнерусских гребнях количество кружков кратно трем – от 3-6 до 21-24) [Кондратьева, 1995, с.83-84]. На арочных прикамских гребнях мы также чаще всего наблюдаем 3-9 кружков.

Арочные гребни можно считать характерными для Пермского Предуралья, так как здесь они представлены наиболее массово (рис.111). Единичные гребни подобной формы встречались на этой территории еще в ананьинскую эпоху, и могут считаться традиционными для местного населения. Встречаются они и на соседних территориях, но значительно реже. Так, на территории Удмуртии в многочисленной коллекции гребней с городища Иднакар имеется только два подобных гребня [Иванова, 1998, с.170], один гребень найден на Кузьминском могильнике [Иванова, 1992, рис.45/7]. Один гребень найден в Саркеле в слое второй половины XII в. [Флерова, 2001, с.41, рис.6]. Чаще арочные гребни встречаются на территории Волжской Болгарии – в Биляре [Валиуллина, Руденко, 1991, с.73, рис.1/6; Хузин, 1995, рис.18/16, 25/15, 34/18, 38/18; Хузин, 2000, рис.36/21], Болгаре [Закирова, 1988, с.230, рис.102/1], Джукетау [Хлебникова, 1975, рис.4/1], Муромском городке [Васильев, Матвеева, 1986, с.197], на VII Кирменском городище [Нигамаев, 2005, рис.37/1], Семеновском I селище [Казаков, 1991, с.142, рис.46/11]. По мнению И.А.Закировой, арочные гребни являлись продукцией болгарских ремесленников-косторезов, а в Приуралье они попадали как предмет болгарского экспорта [Закирова, 1988, с.230]. В их болгарском происхождении убежден и К.А.Руденко на основании находки заготовки такого гребня [Руденко, 2005, с.71]. Однако значительное количественное преобладание таких гребней на городищах Пермского Предуралья (раскопанная площадь на которых значительно меньше, чем, например, в Болгаре и Биляре), свидетельствует об их прикамском происхождении. Сравнительно частая встречаемость данных предметов на памятниках Волжской Болгарии еще раз подтверждает наличие тесных контактов между прикамским и болгарским населением.

В прикамских материалах не фиксируется одновременного бытования арочных и зооморфных гребней. Зооморфные гребни хорошо известны по материалам могильников, где они занимали определенное место среди деталей кос-

тюма. Но арочные гребни, также предназначенные для ношения в костюме, о чем свидетельствует наличие специального отверстия, в могильниках не встречены ни разу. Причина, вероятно, заключается в том, что во второй половине X-XI вв. на территории Пермского Предуралья преобладающим становится обряд погребения на помостах, при котором органика, в том числе и кости, сохраняется очень плохо. Однако можно предположить и то, что со временем гребни попросту перестали входить в состав погребального инвентаря, хотя в обычном повседневном костюме продолжали использоваться. Таким образом, можно утверждать, что арочные гребни появились не ранее середины X века.

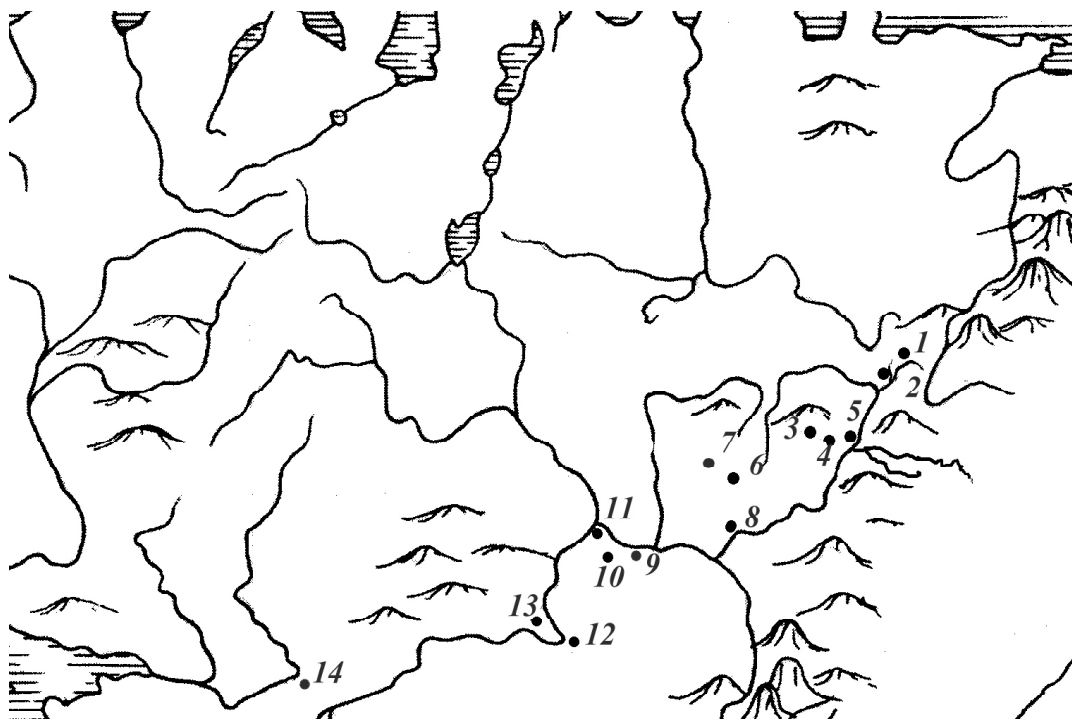

Рис. III Схема распространения арочных гребней группы АIII: 1 – Чердынь, 2 – Корнинское городище, 3 – Кудымкар, 4 – Рождественское городище, 5 – Анюшкар, 6 – Иднакар, 7 – Кузьминский м-к, 8 – VII Кирменское г-ще, 9 – Болгар, 10 – Биляр, 11 – Семеновское I селище, 12 – Муромский городок, 13 – Саркел.

Судя по тому, что они встречаются как в нижних, так и в верхних культурных слоях городищ, они бытовали до XII в. Отсутствие таких гребней на поздних памятниках (например, селище и могильнике Телячий Брод XII-XIV вв.), свидетельствует, что они вышли из употребления.

Такую датировку подтверждают и данные других памятников, где встречены арочные гребни. Например, на Билярском городище такие гребни происходят из нижнего горизонта культурного слоя, который датируется началом X – первой половиной XI вв. [Хузин, 2000, с.102]. В Болгаре и Джукетау арочные гребни обнаружены в домонгольских слоях [Закирова, 1988, с.230]. К.А.Руденко считает, что на памятниках Волжской Булгарии эти гребни появились со второй половины XI в. и бытовали до XIII в. [Руденко, 2005, с.71]. На Кузьминском могильнике в Удмуртии арочный гребень с циркульным орнаментом был обнаружен в мужском погребении 34, которое, судя по сопровождающему ин-

вентарю, датируется XII в. [Иванова, 1992, рис.45/7, табл.15].

Довольно интересным представляется тот факт, что если зооморфные гребни в течение конца IX-X вв. распространялись вдоль по Великому Волжскому пути далеко на Запад, то арочные гребни присутствуют, главным образом, в Пермском Предуралье и Волжской Болгарии (рис.111). Само распространение этих гребней на болгарской территории не вызывает удивления, поскольку можно считать абсолютно доказанным факт, что в XI в. практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки) становится частью Волжской Болгарии, ее своеобразной финно-угорской периферией. Здесь возникают болгарские торгово-ремесленные фактории, Кама становится оживленной транспортной магистралью, связывающей центральные районы Волжской Болгарии с ее северными областями [Белавин, 2000, с.7]. Логично предположить, что в такой ситуации не только болгары посещали Пермское Предуралье и поселялись на его территории, но и местные жители часто ездили со своими товарами в Булгарские центры, а некоторые переезжали туда на постоянное жительство. Вероятно, именно переселенцам из Пермского Предуралья, а точнее, их женам, принадлежали встречающиеся на болгарских памятниках арочные гребни. Тот факт, что арочные гребни не распространялись, как зооморфные, на Запад по Волжскому пути, может объясняться ужесточением правил торговли, монополизацией обеспечения торговых операций между Востоком и Западом ограниченным кругом купцов, которые не допускали в свои ряды выходцев с Камы («купцов чулыманских»), которым была отведена роль торгового посредничества во взаимоотношениях Болгарии с Севером.

5.1.5 СОСТАВНЫЕ ОДНОСТОРОННИЕ ГРЕБНИ

Отдел В – составные односторонние гребни.

Группа VI – наборные расчески с футлярами (рис.112).

Основу всех встреченных в Пермском Предуралье расчесок составляет плоская роговая пластина, на которой пропилены довольно частые тонкие зубья. Поскольку длина расчесок обычно не превышает 7-9 см, все пластины с зубьями цельные, тогда как на древнерусских памятниках наибольшее распространение имели расчески, собранные из нескольких, двух-трех, иногда четырех пластин, скрепленных орнаментированной накладкой [Рыбина, Розенфельдт, 1997, с.20]. Расчески с помощью металлических (медных) штифтов соединены с парой выпуклых дугообразных накладок [Ленц, 2004, с.59]. У всех наиболее хорошо сохранившихся экземпляров (в 9 случаях) на пластине с зубьями сбоку имеется отверстие для шарнира. Всего на территории Пермского Предуралья собрано 17 экз. расчесок и отдельных накладок от них (все фрагментированные).

Футляров и их фрагментов - 21 экземпляр. Все футляры являются откидными, на более полно сохранившихся экземплярах наблюдаются отверстия на нижней срединной пластине-вставке, которые служили для скрепления футляра с расческой.

Тип VI.1 – расчески относительно небольших размеров, с узкими дугообразными накладками полукруглого сечения, длина зубьев больше ширины накладок. Согласно классификации, разработанной О.Н.Давидан по материалам Старой Ладogi, они могут быть отнесены ко второй группе [Давидан, 1962, с.100] (11 экз. с Кылосова (Анюшкар) городища (раскопки М.В.Талицкого,

Эрмитаж, инв.№ 1641/27; В.А.Оборина, ПОКМ; Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ, инв.№ 41/246), 3 экз. с Роданова городища (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж), по 1 экз. с городищ Острая Грива (раскопки В.А.Оборина, СКМ) и Рождественского (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ)).

Данному типу расчесок соответствуют футляры, состоящие из шести пластин, скрепленных металлическими штифтами. Основой для скрепления срединных пластин служили две боковые плоские полуовальные пластины-вставки с округлым или фигурным оформлением спинки. К ним крепились четыре длинные выпуклые пластины – по паре с каждой стороны. У крайних пластин внешняя сторона дугообразная, внутренние пластины – прямоугольные. На боковых пластинах-вставках с одной стороны имеется отверстие для привешивания. В трех случаях на противоположной пластине наблюдается три отверстия, выстроенных в одну линию, которые, по мнению Г.Т.Ленц, не имеют явного функционального назначения [Ленц, 2004, с.61] (16 экз. с городища Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц) [Ленц, 2004, с.59], 1 экз. с Рождественского (раскопки А.М.Белавина), 3 экз. с Роданова городища (раскопки М.В.Талицкого, сборы местных жителей)).

По характеру орнаментации накладок гребней и футляров выделяются следующие варианты:

Вариант а – не орнаментированные (2 экз.).

Вариант б – орнамент в виде решетки из пересекающихся двойных или одинарных линий. Орнаментальные зоны решетки выделены группами вертикальных линий. У расчесок, как правило, решетка располагается по центру накладок, у футляров, зачастую, кроме центральной орнаментальной зоны имеются более узкие боковые. Вероятно, в собранном виде центральная орнаментальная зона на расческах и футлярах совпадала (19 экз.).

Вариант в – орнамент в виде зигзага из парных линий. Во всех случаях более широкая орнаментальная зона, ограниченная вертикальными линиями, располагается по центру накладки, две более узкие – по бокам (4 экз.).

Вариант г – орнамент из треугольников, покрытых плотной косой решеткой (1 экз.).

Вариант д – в центральной части пластины – две орнаментальные зоны, ограниченные вертикальными линиями, которые заполнены косыми насечками (1 экз.).

Вариант е – в центральной части пластины – две орнаментальные зоны, ограниченные вертикальными линиями, которые заполнены циркульными кружками (1 экз.).

Вариант ж – в центральной части пластины орнамент из зигзагов и циркульных кружков (1 экз.).

Расчески с футлярами подобной конструкции в славянских землях встречаются достаточно редко. К примеру, аналогичные расчески найдены в Никольском III курганном могильнике, Р.Л.Розенфельдт отнес ее к IX – первой половине X вв. [Рыбина, Розенфельдт, 1997, табл.13/7], курганном могильнике Залющик 4 X-XI вв. в юго-восточном Приладожье [Кочуркина, 1989, с.268, рис.84/9]. Абсолютно аналогичные прикамским расчески в футляре были обнаружены в Белоозере в жилище резчика по кости и янтарю, датированном концом XI в. Л.А.Голубева отмечает, что односторонние гребни, встреченные в данном объекте, совершенно непохожи на узкие изящные гребенки X-XI вв.

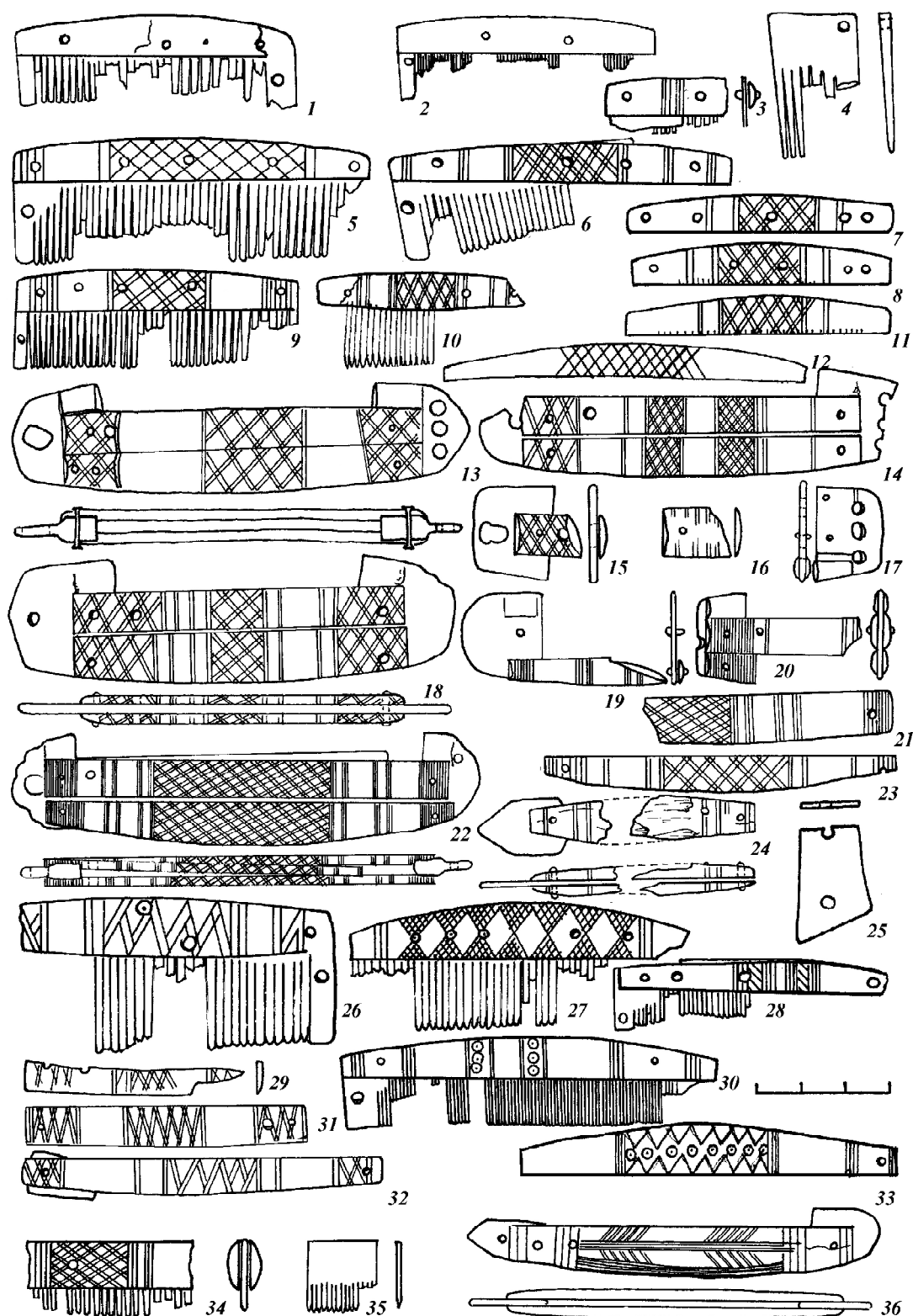

Рис. 112 Односторонние наборные гребни-расчески с футлярами, группа VI: 1, 4-9, 11, 14-24, 26-27, 29-30, 32 – Анюшкар, 2, 10, 12-13, 33 – Роданово городище, 3, 34 – Острая Грива, 25 – Кудымкарское городище, 28, 31, 35-36 – Рождественское городище.

Они широкие и короткие, с грубо пропиленными плоскими зубьями, накладки орнаментированы косой сеткой [Голубева 1973, с.171, рис.62/15-16]. Фрагменты подобных расчесок известны также на Сарском городище [Дубов, 1989, рис.38]. Нужно отметить, что и Белоозеро и Сарское городище являлись важными пунктами на Волжском торговом пути [Дубов, 1989, с.90-96, 129-131], поэтому, на наш взгляд, присутствие на них большого количества вещей, находящихся аналогии среди древностей Пермского Предуралья, не является удивительным, так как выходцы с этой территории, без сомнения, вместе с торговыми караванами булгар заходили далеко на Запад.

Тип VI.2 (рис.112/34-36)– длина зубьев расчесок меньше ширины накладки (2 экз., Острая Грива (раскопки В.А.Оборина, СКМ, инв. № 3693/149), Рождественское городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ)).

Данному типу расчесок соответствуют футляры, состоящие из четырех пластин. Боковые пластины-вставки более узкие, чем в предыдущем типе, срединных пластин пара – по одной с каждой стороны. Футляр с Рождественского городища (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ).

На одной из расчесок данного типа накладка украшена косой решеткой – наиболее типичным видом орнамента для расчесок предыдущего типа. Накладки футляра орнаментированы горизонтальной «елочкой».

Расчески с подобными футлярами находят больше аналогий в древнерусских древностях, чем расчески предыдущего типа [Рыбина, Розенфельдт, 1997, табл.11/1,2; 13/2,5].

Составные гребни-расчески характерны для древнерусских и западноевропейских древностей IX – первой половины XI вв. Наиболее ранние их образцы попадали на территорию Северной Руси в качестве импорта из Дании, Северной Польши, Швеции. Позднее началось их производство в древнерусских центрах, в частности, в Старой Ладогe, по привозным образцам [Рыбина, Розенфельдт, 1997, с.20-21]. Вполне вероятно, что такие расчески проникли в Пермское Предуралье вместе с другими предметами древнерусского импорта, которые начинают появляться с XI в., или в более раннее время опосредовано через болгарских купцов [Иванова, 1998, с.205; Белавин, 2000, с.149-155; Крыласова, 2004а, с.50]. При этом, однако, представляется несколько странной массовость расчесок в составе импорта, поскольку вывоз костяных и роговых предметов вряд ли мог приносить большие прибыли, тем более, что на территории Пермского Предуралья в достаточном количестве представлены свои собственные типы гребней. В связи с этим интересна точка зрения В.Е.Нахапетяна, который считает, что деятельность гребенщиков, судя по крайне незначительным остаткам производства, носила «коробейный» характер, свойственный для стадии перехода этого ремесла от домашнего к специализированному производству, являясь, по сути, частью импорта готовых изделий, а не собственно местным производством [Нахапетян, 1995, с.59]. Действительно, при таком способе распространения составные расчески могли получить ту массовость, которую мы наблюдаем на памятниках Пермского Предуралья. С этим согласуется и тот факт, что составные гребни-расчески на указанной территории встречены исключительно на крупных городищах, которые являлись опорными пунктами торговли и ремесленными центрами.

Г.Т.Ленц, не отрицая в целом возможности импорта составных расчесок с футлярами, отмечает, что в древнерусских центрах нет расчесок с абсолютно

аналогичной формой футляров и орнаментацией. По ее мнению, образцами для верхнекамских расчесок могли быть небольшие расчески из средневековых мастерских Ютландии VIII-X вв. Помимо общей формы об этом свидетельствует оформление некоторых боковых пластинок-вставок футляров и наличие на отдельных экземплярах неясных тройных отверстий, которые, по мнению Г.Т.Ленц, могли являться результатом стилизации фигурных вставок, где отверстия играли роль элементов декора [Ленц, 2004, с.61]. Т.о., исследовательница не исключает возможности местного производства расчесок, о чем, по ее мнению, свидетельствует наличие явно некачественных копий. Кроме того, если в Новгороде и Старой Ладоге для изготовления расчесок использовался только рог лося, то в Пермском Предуралье – еще и рог северного оленя, что характерно для северо-западных косторезных мастерских [Ленц, 2004, с.71-72]. Еще одним доказательством возможного местного производства расчесок Г.Т.Ленц считает их нахождение в верхних слоях городищ, например, на Анюшкаре – в слое XII и более поздних веков [Ленц, 2004, с.61]. Однако, учитывая, что верхний слой всех городищ с находками расчесок перепахан, эта датировка не может быть абсолютно точной.

5.1.6 ЦЕЛЬНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ГРЕБНИ

Отдел С – цельные двусторонние гребни.

Группа СI – прямоугольные.

Тип СI.1 (рис.113/1-5) – прямоугольные узкие. Один гребень с Рождественского городища (рис.113/1), по определению Г.Т.Ленц, никогда не использовался по прямому назначению. Изделие имеет все признаки «учебного» образца, выполненного матером в подражание древнерусским гребням. Предмет выполнен из пористой части рога лося, что не допускалось для подобного рода изделий, поэтому при попытке мастера пропилить зубья, большинство из них сломались сразу [Ленц, 2004, с.75-76]. Поскольку изделие не закончено, орнаментация на нем отсутствует. (5 экз., Рождественское городище (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, ПОКМ, МАЭ ПГПУ). Среди них один не орнаментированный, с отверстием для привешивания, один украшен группами из четырех прочерченных линий вдоль края зубьев, у двух гребней пространство, ограниченное прочерченными линиями, заполнено двумя рядами маленьких циркульных кружков. Подобная орнаментация характерна и для древнерусских гребней данного типа [Рыбина, Розенфельдт, 1997, табл.11/8,10, 13/23].

Такие гребни почти прямоугольной формы являются наиболее ранними из данного отдела. В славянских древностях они известны с конца X до начала XIII вв. [Рыбина, Розенфельдт, 1997, с.20].

Гребень данного типа с городища Анюшкар (рис.113/5), по определению Г.Т.Ленц – единственный среди анюшкарских двусторонних гребней, изготовленный не из рога, а из костяной пластины. Г.Т.Ленц считает, что данный гребень – местного производства, образцом для которого могли послужить привозные гребни из средневековых ремесленных центров Северной Балтики типа Шлезвиг, Хойтебю и др. [Ленц, 2004, с.69; Uibricht, 1984, s.35. Taf.6/4-7].

Тип СI.2 – прямоугольные широкие.

Подтип СI.2.1 (рис.113/6-11) – ширина гребня незначительно превышает его высоту – пропорции: 5 х 4; 5,5 х 5; 4,5 х 6 см. Большинство гребней изго-

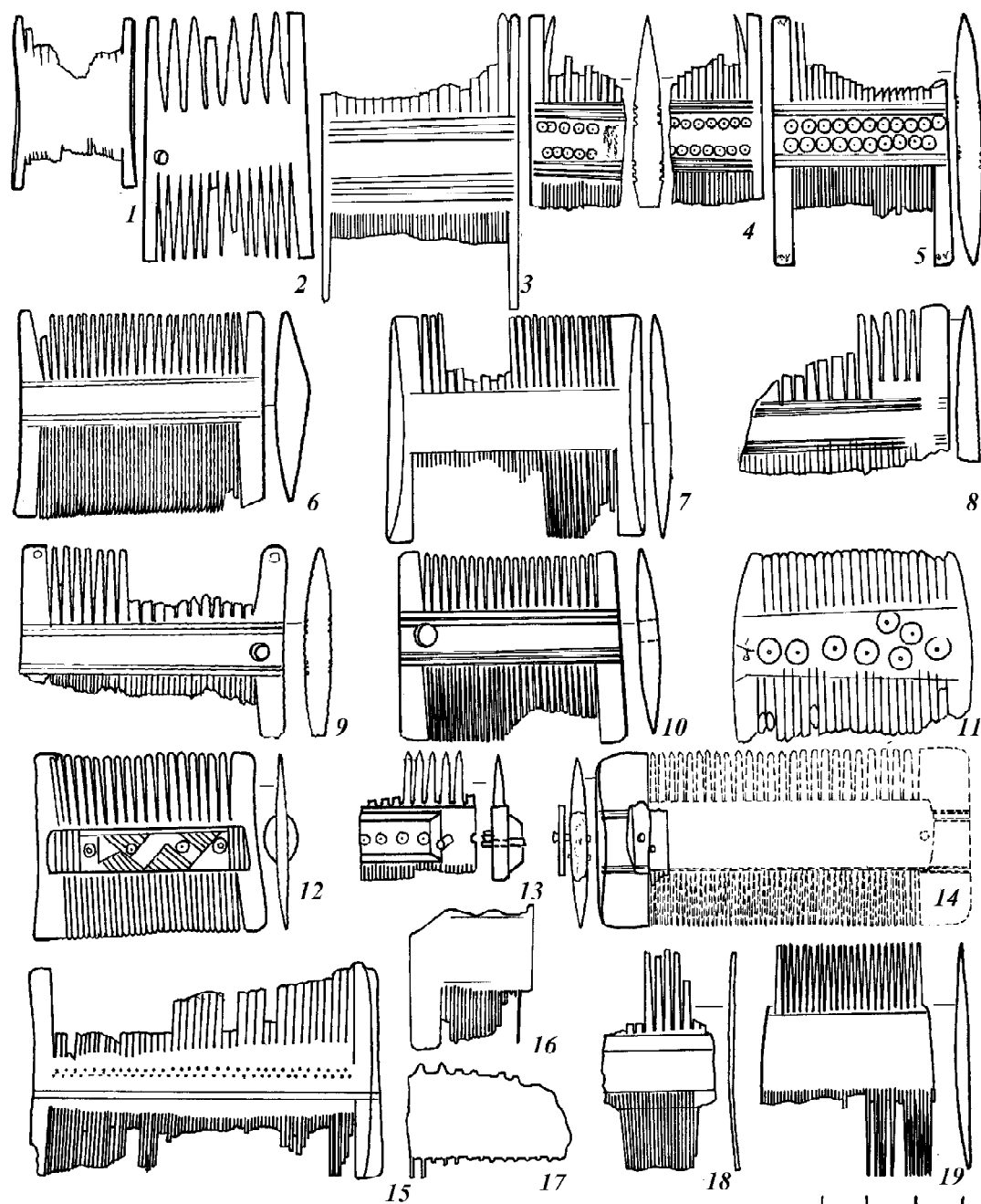

Рис. 113 Двусторонние прямоугольные гребни, группа С1: 1 – Рождественское городище, 2-5 – Анюшкар, 6, 10 – Роданово городище, 7-9, 12 – Анюшкар, 11, 13 – Кудымкарское городище, 14 – Рождественское городище, 15-17 – Нижние Чусовские городки, 18-19 – Орел городок.

товлены из роговых пластин толщиной до 0,4-0,7 см в центральной части (6 экз., Роданово городище (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж), Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, ПОКМ, МАЭ ПГПУ), Кудымкарское городище (раскопки В.П.Бочкаревой [Бочкарева, 1971])). Орнамент в большинстве случаев составляют прочерченные вдоль края зубьев линии. Два гребня имеют отверстия для привешивания. Гребень с Кудымкарского городища украшен небрежно нанесенным циркульным орнаментом (рис.113/11).

По мнению Г.Т.Ленц, подобные гребни могли являться подражанием древнерусским наборным гребням, появившимся в начале XII в. Имитацией наклад-

ки здесь служат три прочерченные линии вдоль краев зубьев [Ленц, 2004, с.70; Колчин, 1958, с.102, рис.5]. Подтверждением этой точки зрения может служить гребень с Кудымкарского городища, боковые стороны которого дугообразно выгнуты, как у новгородских наборных гребней типа О [Колчин, 1958, рис.5/10].

Аналогичные гребни известны и на территории Руси, например, в Белоозере [Голубева, 1973, рис.62/11].

Подтип С1.2.2 (рис.113/15-19) – гребни правильной прямоугольной формы, у которых ширина значительно превышает высоту. Изготовлены из плоской тонкой пластины (7 экз., Нижние Чусовские городки и Орел городок (раскопки В.А.Оборина, ИКМ, СКМ). Памятники датируются XVI-XVIII вв. [Каталог..., 1994, с.20, табл.8/14; Памятники..., 1994, с.30].

В древнерусских центрах подобные гребни получили распространение с конца XIV в. [Колчин, 1982, с.165, рис.5].

Группа СII – трапециевидные.

Тип СII.1 (рис.114, 115/1-7) – трапециевидные гребни со слабо скошенными боками, иногда слегка вогнутыми. Гребни несколько различаются по размерам и пропорциям, но, как правило, у них с более узкой стороны расположены крупные зубья, с широкой – тонкие, размеры гребней, в целом, небольшие.

По особенностям оформления среди гребней данного типа можно выделить несколько вариантов.

Вариант а (рис.114/1-5, 21) – не орнаментированные. Характерная особенность большинства гребней данного варианта – наличие отверстия для привешивания (6 экз., Рождественское (раскопки А.М.Белавина, МАЭ ПГПУ), Роданово (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж), Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т.Ленц, МАЭ ПГПУ) городища, святилище на камне Бычок).

Вариант б (рис.114/6-20, 22-28) – с прочерченными вдоль зубьев горизонтальными линиями. На некоторых экземплярах в центральной части пластины прочерчена тамга. Особенно интересен рисунок с анюшкарского гребня (рис.114/26), на котором схематично изображены лошадка с плугом и пахарь, а на обороте – распаханное поле (23 экз., Анюшкар (6 экз.), Роданово городище (4 экз.), Кудымкарское городище и селище, Городищенское городище (по 3 экз.), Рождественское городище (1 экз.)).

Вариант в (рис.115/1-2) – гребни украшены горизонтальными врезанными линиями, по внутренним краям которых в шахматном порядке сделаны глубокие насечки, образующие резную волну (3 экз., Анюшкар [Ленц, 2004, с.69], Городищенское городище (раскопки А.М.Белавина, СКМ)). По мнению Г.Т.Ленц, подобный орнамент характерен только для родановской и чепецкой культур, где встречается и на других изделиях из кости. Однако такой же орнаментальный прием известен на ряде зооморфных гребней из Поволжья, на трапециевидном гребне из Белоозера [Голубева, 1973, с.171, рис.62/5]. Хотя нельзя исключать того, что данные гребни были продукцией прикамских косторезов.

Вариант г (рис.115/3-7) – гребни украшены горизонтальными прочерченными линиями в сочетании с циркульными кружками. Кружки располагались либо по краям прочерченных линий, либо в ряд между линиями, на одном гребне соединено и то и другое (5 экз., Анюшкар, Кудымкарское городище).

Подобные гребни в Древней Руси получили распространение со второй половины XI в. и бытовали вплоть до конца XIII в. [Рыбина, Розенфельдт, 1997,

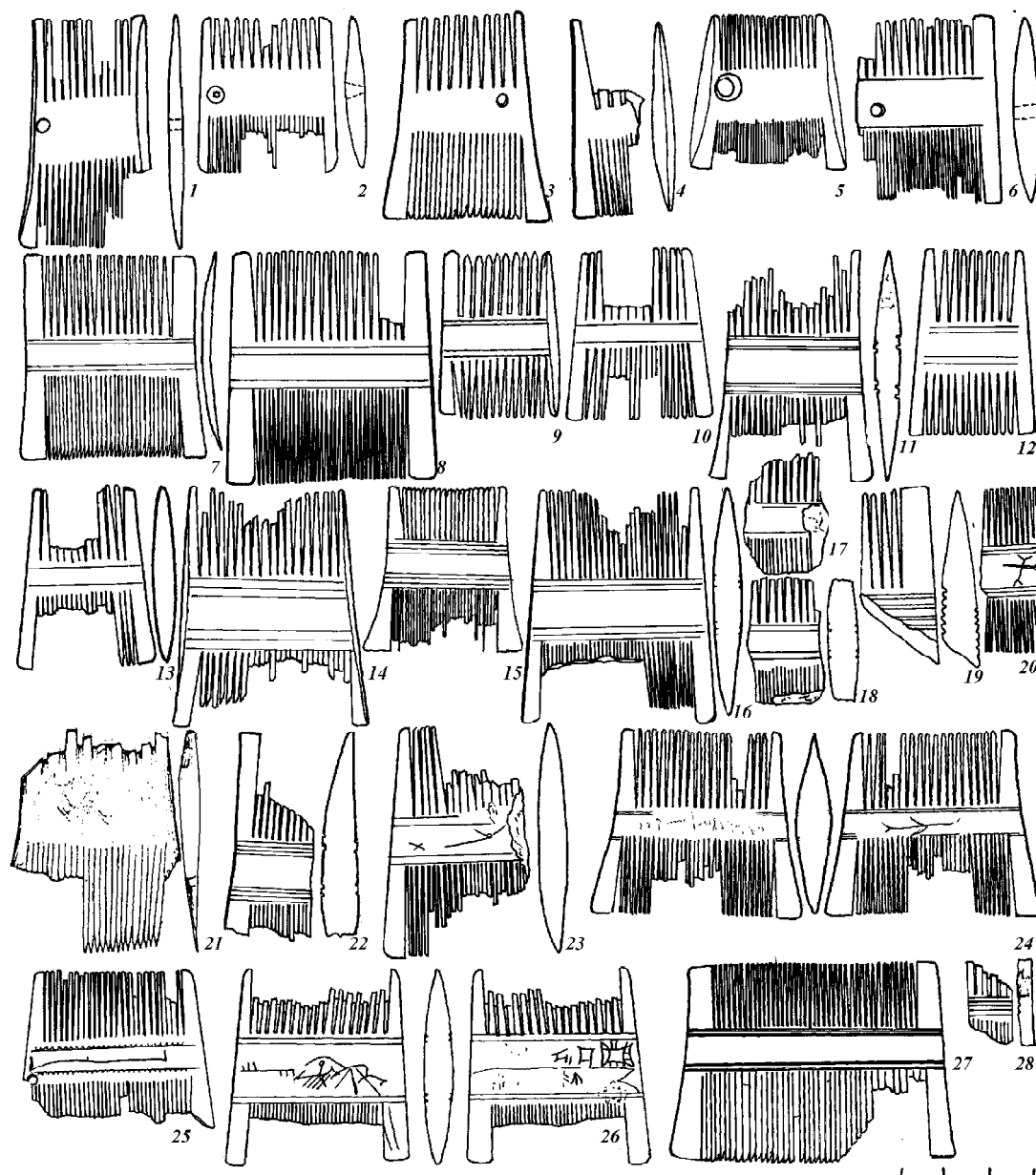

Рис.114 Двусторонние трапецевидные гребни, тип СП.1: 1, 24 – Рождественское городище, 2–4, 6, 12, 14, 16–17, 20, 23, 26 – Анюшкар, 5, 7–8, 15, 21, 27 – Роданово городище, 9–10, 13, 19 – Кудымкарское селище, 21 святилище на камне Бычок, 11, 22, 28 – Кудымкарское городище, 14, 18, 25 – Городищенское городище.

с.20]. По мнению Г.Т.Ленц, этот тип гребней, имея образцом древнерусский прототип, носит явные признаки местного производства [Ленц, 2004, с.69].

Тип СП.2 (рис.115/8–10) – высокие относительно крупные гребни с резко наклоненными вогнутыми сторонами, их форма напоминает треугольник со срезанной вершиной (3 экз., Анюшкар, подъемный материал с Городищенского городища (разведка А.М.Белавина).

В Древней Руси такие гребни появились в начале XII в. и просуществовали вплоть до конца XIV в. [Рыбина, Розенфельдт, 1997, с.20]. Два гребня, представленные в Пермском Предуралье, несомненно древнерусского производ-

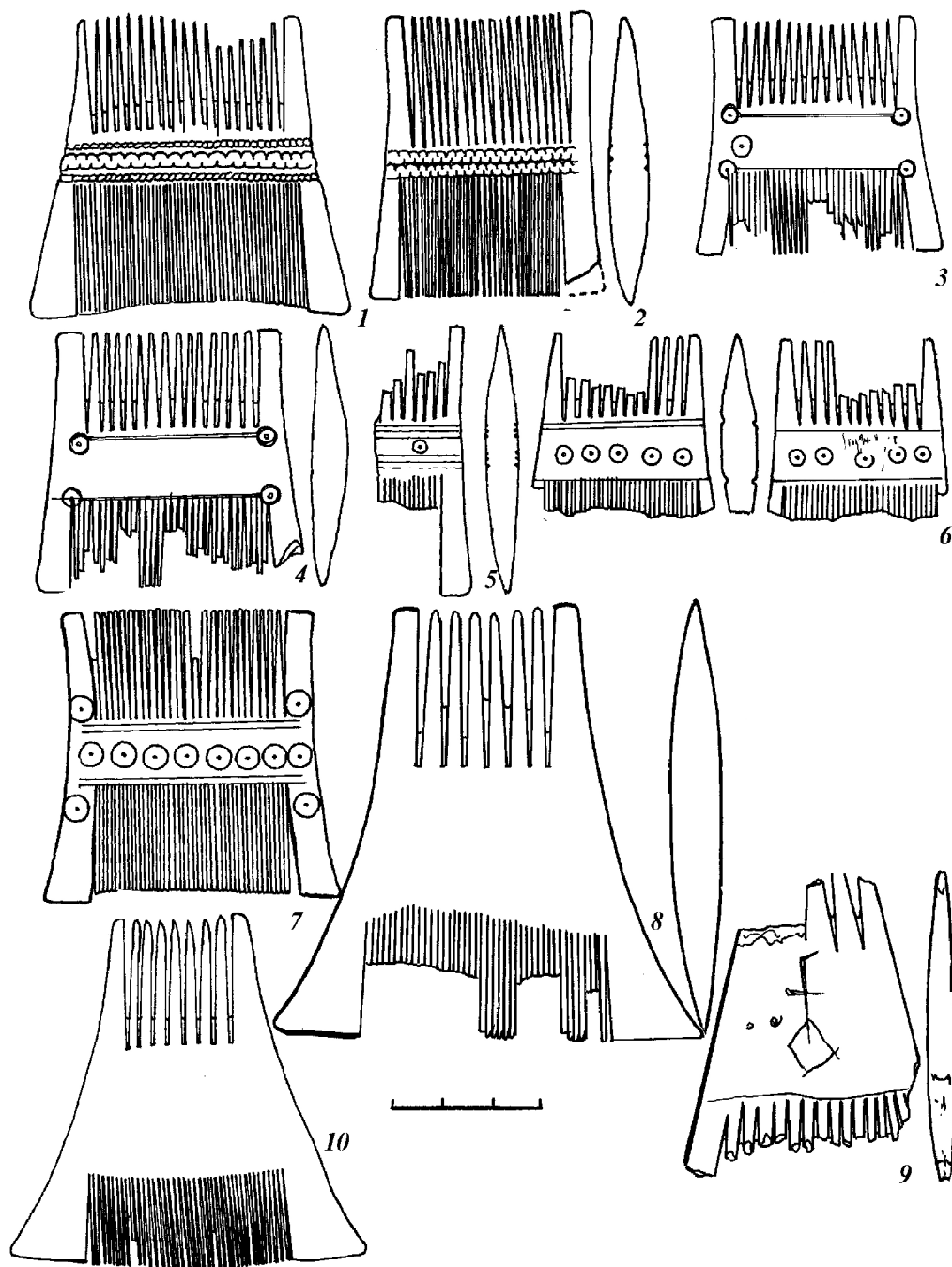

Рис. 115 Двусторонние трапецевидные гребни, 1-7 – тип СП.1, орнаментированные; 8-10 – тип СП.2: 1, 10 – Городищенское городище, 2-4, 6-7, 8-9 – Анюшкар, 5 – Кудымкарское городище.

ства. Фрагмент гребня с городища Анюшкар изготовлен в подражание древнерусским, но выполнен довольно небрежно [Ленц, 2004, с.69].

5.1.7 СОСТАВНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ГРЕБНИ

Отдел D – составные двусторонние гребни.

Тип D.I (рис.113/12) – небольшой трапецевидный гребень со слабо скошенными боками, ширина гребня почти равна его высоте. В центральной части с обеих сторон украшен орнаментированными выпуклыми накладками полукруглого сечения, прикрепленными с помощью медных штифтов. В основе

орнамента – заштрихованные треугольники (1 экз., Анюшкар (раскопки М.В.Талицкого, Эрмитаж [Талицкий, 1951, рис.10/10]).

Тип D.2 (рис.113/13-14) – фрагменты прямоугольных гребней с плоскими накладками (2 экз.). Накладка гребня с Кудымкарского городища (раскопки В.А.Оборина, КПОКМ) имеет трапецевидное сечение, поверхность украшена горизонтальным рядом маленьких циркульных кружков. Накладка гребня с Рождественского городища (раскопки Ю.А.Полякова, МАЭ ПГПУ) – плоская.

Гребни можно отнести к типу К по классификации Б.А.Колчина, который был распространен с начала XII до начала XIV вв. [Колчин, 1982, рис.5].

5.1.8 ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРЕБНЕЙ

Гребни являются предметом массового обихода. Сфера их практического применения была довольно обширной – от использования в качестве вспомогательного инструмента при прядении и ткачестве, и орнамента при гончарном производстве, до повседневного употребления в гигиенических целях.

Как предмет гигиены гребень имел особо важное значение, поскольку с его помощью приводили в порядок волосы, а также вычесывали паразитов, что носило характер оздоровительного мероприятия. Учитывая, насколько трепетно финно-угры относились к волосам, можно понять, как важен был для них гребень.

Гребни составляли необходимую индивидуальную принадлежность людей эпохи средневековья. Но костяные и роговые гребни нельзя отнести к категории массового инвентаря. Вероятно, в обыденной жизни для расчесывания волос использовались, главным образом, деревянные гребни, не дошедшие до нас. Об их безусловном существовании свидетельствуют находки на территории Западной Сибири деревянных гребней VIII-IX вв. с бронзовым зооморфным навершием [Угорское наследие, 1994. № 103], на основании чего можно догадываться и о наличии простых повседневных деревянных гребней.

Распространившиеся в эпоху средневековья гребни из рога и кости были, по мнению исследователей, показателями уровня состоятельности и, одновременно, уровня развития косторезного ремесла [Седых, Макарова, 2001, с.96]. Ряд признаков, фиксируемых по археологическим материалам, позволяет судить о том, что костяные гребни являлись для жителей Пермского Предуралья весьма ценным предметом личного обихода. Когда гребень ломался, его обычно не выбрасывали, а продолжали использовать. Например, известны примеры, когда после поломки зубья гребней были аккуратно срезаны, и предмет продолжал использоваться в качестве орнамента (зооморфный гребень с Лаврятского городища, арочные не орнаментированные гребни с Семинского городища и Анюшкара). Иногда сломанные гребни подвергались починке, например, у одного из цельных двусторонних гребней с городища Анюшкар после выкрашивания частых зубьев нижний край был срезан и подшлифован, у второго, сломанного вдоль, край слома был выпрямлен и подшлифован [Ленц, 2004, с.71].

Как отмечает О.А.Кондратьева, гребень, как и многие бытовые вещи: полотенце, пояс, прялка, отдельные образцы утвари, мебели, наделен амбивалентностью. В нем ярко проявляется единство символического и практического [Кондратьева, 1999, с.80]. За редким исключением зооморфные гребни имеют ушко для подвешивания. Являясь в средневековье элементом костюма, гре-

бень выступал в качестве амулета-оберега, и зооморфные изображения усиливали данную функцию гребня [Кондратьева, 1981, с.108]. С этим мнением нельзя не согласиться, поскольку имеющиеся факты (материалы погребений) действительно свидетельствуют об использовании и зооморфных и арочных гребней (напр., Кузьминский могильник) в качестве амулетов, а дополнение зооморфных гребней шумящими привесками являлось безусловной помехой при практическом использовании гребня, но магические свойства амулета от этого должны были усиливаться. А вот об утилитарном использовании таких гребней можно только догадываться на основании того, что у многих экземпляров сломаны зубья. Значимость гребня как магического предмета подтверждает и распространение металлических амулетов, изображающих как коньковые, так и арочные гребни. Причем, если в Поволжье и у западных финнов эти предметы имели настоящие зубья, что предполагает хоть какое-то практическое назначение, то у распространенных в Пермском Предуралье и Волжской Булгарии амулетов-гребней имеется только изображение зубьев на сплошной пластине. Возможно, именно особые магические свойства, приписываемые зооморфным гребням, способствовали их распространению на столь обширных территориях. Прикамье, будучи центром меховой торговли, в древности далеко не являлось тем «медвежьим углом», каким его представляли позднее русские. Активные международные связи, основанные на экономических интересах, способствовали и «культурному импорту», что, вероятно, привело к формированию на Урале своеобразного центра языческой культуры, развивающейся под значительным воздействием индо-иранской мифологии. Очевидно, не случайно мы наблюдаем здесь в материальной культуре такое обилие всевозможных амулетов. Многие из них, вероятно, в силу богатого смыслового значения, пользовались большой популярностью в финно-угорском мире (биметаллические кресала, костяные и металлические копоушки, биконьковые шумящие подвески и пр.), и среди этих предметов особое место занимали костяные гребни.

5.2 КОПОУШКИ

К распространенным категориям предметов туалета у средневекового населения Пермского Предуралья можно отнести также копоушки, которые по своей прямой (утилитарной) функции предназначались для чистки ушных раковин от естественного загрязнения серой. Утилитарное назначение определяло форму этих вещей: чаще всего это бронзовый или костяной стерженек с подобием крошечной ложечки на конце. Наделение этих предметов дополнительными функциями амулета-украшения способствовало снабжению их обязательным приспособлением для привешивания в costume, декоративному оформлению а иногда и дополнению шумящими привесками. Известна также одна ногтечистка, завершающаяся острием, которая по своему облику аналогична копоушкам, характерным для Пермского Предуралья, поэтому при классификации она рассматривается в одном ряду с копоушками.

Предметы схожей конструкции с аналогичным назначением известны по этнографическим материалам хантов, манси, коми, туркмен, бурят и китайцев [Литвинский, 1978; Гаврилина, 1985, с.214-226]. Во всех имеющихся этнолингвистических названиях предмета отражена его санитарно-гигиеническая утилитарная функция (например: «копоушка» или «уховертка» русских, «пель су-

зяньлс» удмуртов, «пельгодьян» коми) [Салангина, 2004, с.171].

Копоушки были хорошо известны у народов Евразии с давних времен. Самые ранние предметы этой категории происходят с сирийского поселения Марик конца II – начала I тыс. до н.э. [Литвинский, 1978, с.137]. В I тыс. до н.э. они были распространены уже достаточно широко в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири [Салангина, 2004, с.4]. Однако наиболее массовое использование копоушек начинается в I тыс. н.э.

В Пермском Предуралье этот вид предметов гигиены получил распространение не ранее рубежа IX-X вв.

Специальных исследований, посвященных копоушкам, довольно мало [Гаврилина, 1985, с.214-226; Станкевич, 1993, с.27-28]. Наибольший интерес представляет кандидатская диссертация С.В.Салангиной [Салангина, 2004], в которой рассматриваются копоушки всей территории Восточной Европы и впервые дается комплексная типология копоушек. В этой работе рассмотрена и часть копоушек из ломоватовских и родановских памятников Пермского Предуралья [Салангина, 2004, с.20].

5.2.1 ТИПОЛОГИЯ КОПОУШЕК ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Всего в коллекциях с данной территории представлено 57 экземпляров копоушек из меди (бронзы) и кости (рога). Все копоушки (за исключением фрагментарных) имеют завершение в виде миниатюрной ложечки, ногтечистка завершается острием, большинство снабжено отверстием или фигурно оформленной петлей для привешивания. По оформлению центральной части предмета (рукоятки) выделяется два отдела: пластинчатые и стержнеобразные.

Отдел А – пластинчатые.

Все копоушки, относящиеся к этому отделу, по классификации С.В.Салангиной отнесены к «прикамскому» этнокультурному типу, распространенному на обширных территориях, но наиболее характерному для полоумско-чепецких и ломоватово-родановских памятников [Салангина, 2004, с.187-193]. Исследовательницей отмечена близость металлических копоушек прикамского типа аланским парадным изделиям, на основании чего делается вывод о возникновении копоушек в Прикамье при «салтовском» участии [Салангина, 2004, с.199].

Группа АI (рис.116/1-12) – пластина в форме вытянутого овала. В данной подгруппе представлены предметы как из меди (бронзы), так и из кости.

Тип АI.1 (рис.116/1-10) – медные (бронзовые) копоушки, представляющие собой стержень округлого сечения, верхняя часть которого раскована в продолговатую овальную пластину.

Подтип АI.1.1 – без приспособления для привешивания (1 экз., могильник Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича). Вероятно, данное изделие не завершено, так как кроме отверстия для привешивания на конце стержня не оформлена ложечка. В верхней части пластины наблюдается орнамент из маленьких прочерченных кружков.

Подтип АI.1.2 – с небольшим округлым отверстием для привешивания (2 экз., Чашкинское II селище, БКМ; могильник Степаново плотбище, раскопки А.В.Данича). Копоушки орнаментированы маленькими прочерченными кружками, расположенными по контуру пластины и в центральной части в форме треугольников.

Подтип АI.1.3 – с петлей для привешивания, оформленной в виде завитка

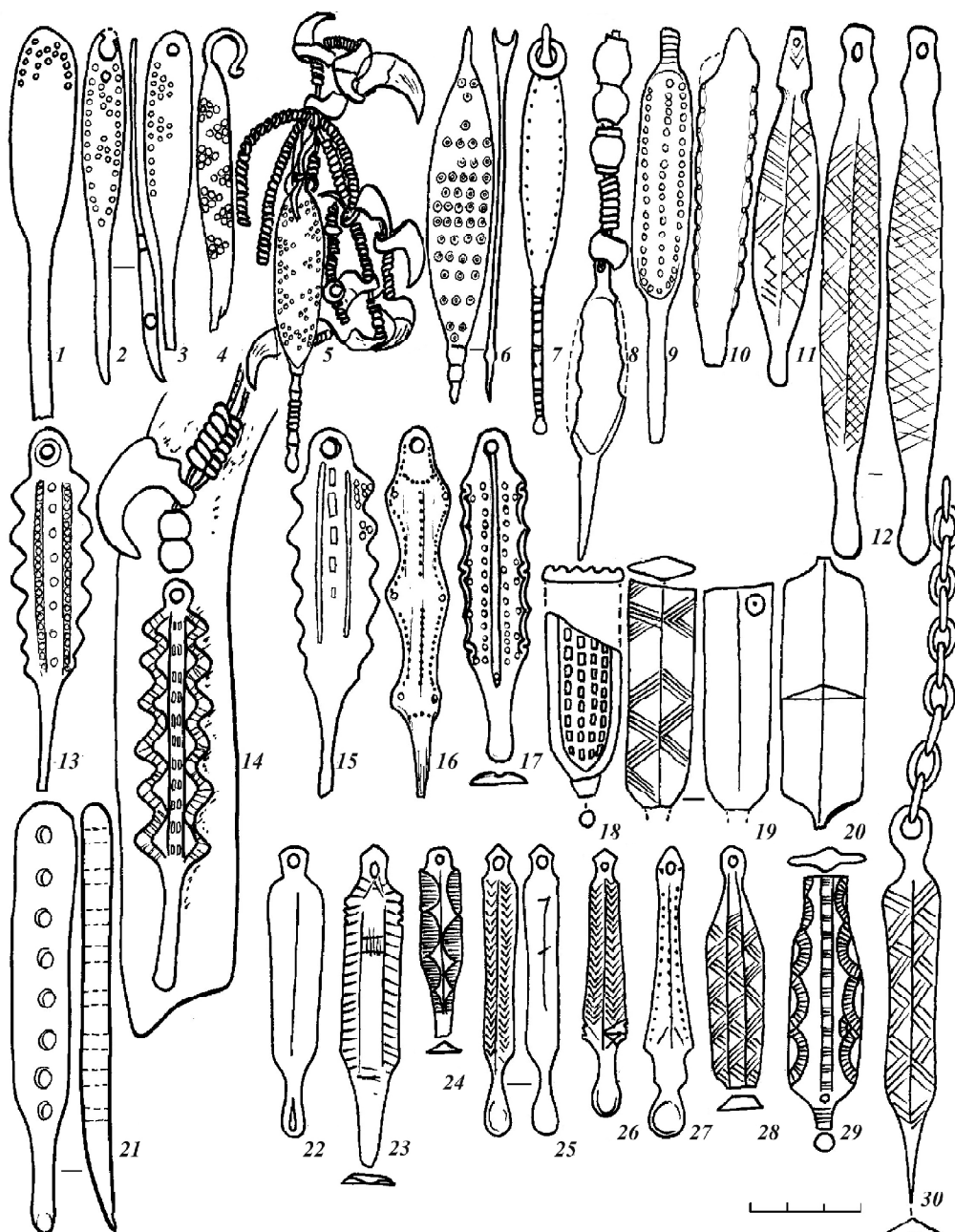

Рис.116 Копеушки: 1, 3, 6 – могильник Степаново плотбище; 2, 4, 22 – Чашкинское II селище; 5 – п. 3 Кочергинского могильника; 7 – Редикарский клад; 8-10 – Баяновский могильник; 11 – п.25 Редикарского могильника; 12 – Чердынский район; 13 – Пермская губерния; 14 – п. 6 Баяновского могильника; 15 – д.Козьмино; 16, 23, 25, 28 - Анюшкар; 17 – Искор, 18, 20-21 – Кудымкарское селище; 19 – п.42 Плесинского могильника; 24 – Рождественское городище; 26-27, 29 – Кудымкарское городище; 30 – п.51 Баяновского могильника. 1-10, 13-15, 22, 30 – бронза, остальное – кость.

(1 экз., Чашкинское II селище [Археологические памятники..., 1989, рис.3/1]). Пластина орнаментирована маленькими кружками, сгруппированными в форме треугольников вдоль краев.

Аналогичная копеушка представлена в п.252 Варнинского могильника [Са-

лангина, 2004, рис.22/40].

Подтип АІ.1.4 – с петлей для привешивания, перпендикулярной основанию (4 экз., п.3 Кочергинского могильника [Талицкий, 1940, табл. II/43]; могильник Степаново плотбище, Баяновский могильник (раскопки А.В.Данича, Редикарский клад, Эрмитаж).

Вариант а – не орнаментированная.

Вариант б – с орнаментом из маленьких кружков. Копоушка из Кочергинского могильника орнаментирована композицией из треугольников, расположенных вдоль краев пластины, у копоушки из могильника Степаново плотбище вся поверхность пластины покрыта горизонтальными рядами циркульных кружков. Стержень украшен выпуклыми кольцевыми валиками.

Аналогичные копоушки встречены в Удмуртском Предуралье в п.6, 254, 431 Варнинского могильника [Салангина, 2004, рис.22/19; рис.23/8,14], на могильнике Мыдланьшай [Салангина, 2004, рис.24/7], в Марийском Поволжье на Юмском могильнике [Салангина, 2004, рис.31/16]

Тип АІ.2 (рис.116/11-12) – костяные копоушки, пластина треугольная в сечении. Петля для крепления в виде вытянутой трапеции (2 экз., Редикарский могильник, п.25, раскопки В.А.Оборина; ЧКМ, инв.№ 3455). Поверхность пластины украшена прочерченным орнаментом, состоящим из сочетания косой решетки и зигзага.

Группа АІІ (рис.116/13-17) – копоушки имеют продолговатую пластинчатую основу с зубчатыми краями, петля для привешивания округлая.

Тип АІІ.1 (рис.116/13-15) – литые бронзовые. Орнаментированы довольно стандартно – в центре двумя желобками выделена вертикальная полоса, внутри которой расположены прямоугольные или округлые выпуклины. Оформление края зубцов по краям пластины у каждой копоушки индивидуально (3 экз., ПОКМ, инв. № 19759/3; п. 6 Баяновского могильника [Оборин, 1956, с.148, табл.II/3]; Козьмино [Голдина, 1985, табл.XXXII/3]).

Тип АІІ.2 (рис.116/16-17) – костяные, украшены точечным орнаментом (2 экз., Анюшкар, раскопки В.А.Оборина; Искар – раскопки П.А.Корчагина 2006 г.).

Аналогичная копоушка встречена в п.13 Солдырского (Чемшай) могильника [Салангина, 2004, рис.23/28].

Группа АІІІ – копоушки имеют подпрямоугольную пластинчатую основу.

Подгруппа АІІІ.1 – без шумящих привесок.

Тип АІІІ.1.1 (рис.116/21) – пластина толстая (0,5 см) с небольшими круглыми отверстиями по центральной оси. Верхняя часть пластины закругленная (1 экз., Кудымкар [ДТ, с.384]).

Тип АІІІ.1.2 (рис.116/18-20, 22-30) – пластина без насечек по краю. У всех экземпляров с сохранившимся приспособлением для крепления – относительно небольшая подтрапециевидная, пятиугольная или округлая петля. Ложечка в большинстве случаев округлая, относительно крупная. Большинство копоушек данного типа имеют миниатюрные размеры (4,5-7 см в длину).

К этому же типу по особенностям оформления петли и пластинчатой рукояти может быть отнесена единственная известная на настоящий момент бронзовая литая ногтечистка из п. № 51 Баяновского могильника, которая вместо ложечки завершается острием (рис.116/30).

Подтип АП.1.2.1 – прямоугольного сечения, с резным рельефным орнаментом в виде прямоугольных выпуклостей, выстроенных в четыре вертикальные линии (Кудымкарское селище, ПОКМ).

Подтип АП.1.2.2 – треугольного, реже трапецевидного сечения.

Вариант а – не орнаментированные (2 экз., Кудымкарское селище, кость, КТ, ПОКМ № 1137/90-3; Чашкинское II селище, бронза, раскопки А.М.Белавина).

Вариант б – с прочерченным орнаментом, в котором преобладают вертикальные «елочки», зигзаги, заштрихованные полукружия по краю (8 экз., п.42 Плесинского могильника, раскопки В.А.Оборина, КПОКМ, № 642/623; п.51 Баяновского могильника, раскопки А.В.Данича; Анюшкар (3 экз., раск. В.А.Оборина, Г.Т.Ленц); Рождественское городище (раск. А.М.Белавина); Кудымкарское городище (3 экз., раск. В.А.Оборина).

Копоушки данного типа известны в Удмуртском Предуралье на городище Иднакар [Салангина, 2004, рис.20/41], Поломском I могильнике [Салангина, 2004, рис.24/38]; в Приладожье в Аলেখовщине и Видлице [Салангина, 2004, рис.35/4,5].

Тип АП.1.3 (рис.117/1-3) – относительно крупные копоушки (8,5-9 см в длину), в верхней и нижней части пластины по краям – треугольные вырезы. Петля для привешивания крупная округлая.

Вариант а – прямоугольного сечения, литая бронзовая, с орнаментом в виде вертикальных «елочек» (р.Иньва, КТ, ПОКМ № 19308/8).

Вариант б – костяная, прямоугольного сечения, вероятно, изготовлена из другой сломанной вещи. Орнамент не симметричный в виде вертикального ряда циркульных кружков (1 экз., Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина).

Вариант в – костяная, треугольного сечения, не орнаментированная (1 экз., Горт-Кушет [Голдина, 1985, табл.XXXII/1]).

Подобная копоушка встречена п.433 Варнинского могильника [Салангина, 2004, рис.23/15]

Тип АП.1.4 (рис.117/4-9) – верхняя часть оформлена в виде стилизованной звериной головы с «ушками», с небольшим округлым отверстием для привешивания. У большинства экземпляров в верхней и нижней части пластины по краям треугольные вырезы. Сечение пластин треугольное, полукруглое, прямоугольное.

Вариант а – не орнаментированные (3 экз., Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина; Шудьякар – 2 экз. [Голдина, Кананин, 1989, рис.77/4,6]).

Вариант б – с прочерченным орнаментом из заштрихованных треугольников, «флажков», заштрихованных дуг (3 экз., Каневский могильник, КПОКМ № КМ-1/98; Рождественское городище – 2 экз., раскопки А.М.Белавина).

Копоушки схожие по форме с аналогичным завершением, но, как правило, без вырезов по краям пластины, широко представлены в поломско-чепецких древностях в Удмуртском Предуралье: на Иднакаре [Салангина, 2004, рис. 20/2, 5, 11, 15-18, 20-21, 24-25, 28-30, 37-38, 42-43, 49-50; рис. 21/2-4, 6, 11, 15-16], Дондыкаре [Салангина, 2004, рис. 21/26-27], Гурьякаре [Салангина, 2004, рис. 21/29-30], Учкаякаре [Салангина, 2004, рис. 43, 45], Лудошурском I городище [Салангина, 2004, рис. 21/28], могильниках Мыдланьшай [Салангина, 2004, рис.24/9], Качкашурском [Салангина, 2004, рис. 24/20], Поломском I [Салан-

гина, 2004, рис. 24/35,39]. Известны такие копоушки и в Марийском Поволжье в п.3 Веселовского могильника [Салангина, 2004, рис. 28/4], п.52, 58 Дубовского могильника [Салангина, 2004, рис. 30/20, 34], Юмском могильнике [Салангина, 2004, рис.31/9-10, 15], на Никульчинском городище [Салангина, 2004, рис.31/7]; в Волжской Булгарии на Танкеевском могильнике [Казаков, 1992, рис.70/10], на территории Древней Руси в Старой Рязани [Салангина, 2004, рис.32/3], Старой Ладогге [Салангина, 2004, рис.32/4], на Тимиревском поселении [Салангина, 2004, рис.34/17, 21].

Тип АIII.1.5 (рис.117/10-13) – верхняя часть пластины треугольная с небольшим округлым отверстием для привешивания. В верхней и нижней части пластины по краям треугольные вырезы.

Вариант а – не орнаментированная (1 экз., Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина).

Вариант б – с прочерченным орнаментом из заштрихованных треугольников, «флажков» (3 экз., Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина).

Подобные копоушки, но также обычно без вырезов по краям пластины встречаются на полемско-чепецких памятниках: Иднакаре [Салангина, 2004, рис.20/35, 38; рис.21/19, 24]; могильнике Мыдланьшай [Салангина, 2004, рис.24/10]; в Марийском Поволжье в п.26, 27 Веселовского [Салангина, 2004, рис.27/25, 26], в п.47, 56 Дубовского могильника [Салангина, 2004, рис.30/7, 50], на Черемисском кладбище [Салангина, 2004, рис.31/8, 12], могильниках Нижняя стрелка [Салангина, 2004, рис.31/18], Выжумском III [Салангина, 2004, рис.31/20, 31, 34, 47]; на территории Древней Руси во Введенском [Салангина, 2004, рис.32/13], Ростове [Салангина, 2004, рис.34/8], Тимиревском поселении [Салангина, 2004, рис.34/23].

Подгруппа АIII.2 – шумящие.

Тип АIII.2.1 (рис.117/14-18) – костяные. У экземпляров наиболее полной сохранности завершение пластины подтреугольное, с небольшим округлым отверстием для привешивания. По бокам имеются два дополнительных отверстия, которые, судя по позеленевшим краям на некоторых экземплярах, служили для крепления шумящих привесок из бронзы, по аналогии с привесками на роговых зооморфных гребнях.

Подтип АIII.2.1.1 – в верхней и нижней части пластины по краям треугольные вырезы. Орнамент в виде «елочки» (1 экз., Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина).

Подтип АIII.2.1.2 – без вырезов по краям пластины (4 экз., Рождественское городище, раскопки А.М.Белавина; Кудымкарское селище, КТ, ПОКМ № 11377/122; Кудымкарское городище, КПОКМ; Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.77/8]). Орнамент прочерченный в виде «елочки», из «флажков», зигзагов, циркульных кружков.

Тип АIII.2.2 (рис.117/19-21) – бронзовые литые.

Подтип АIII.2.2.1 – выполненные в традиционной для Пермского Предуралья технике, в верхней части округлая петля для привешивания и две петли для крепления привесок-лапок, которые присоединены с помощью одного звена простой цепочки.

Вариант а – не орнаментированная (1 экз., Анюшкар, раскопки Г.Т.Ленц).

Вариант б – с орнаментом в виде «елочки» (3 экз., Рождественское городище (2 экз., КТ, ПОКМ); Рождественский могильник, раскопки Н.Б.Крыласо-

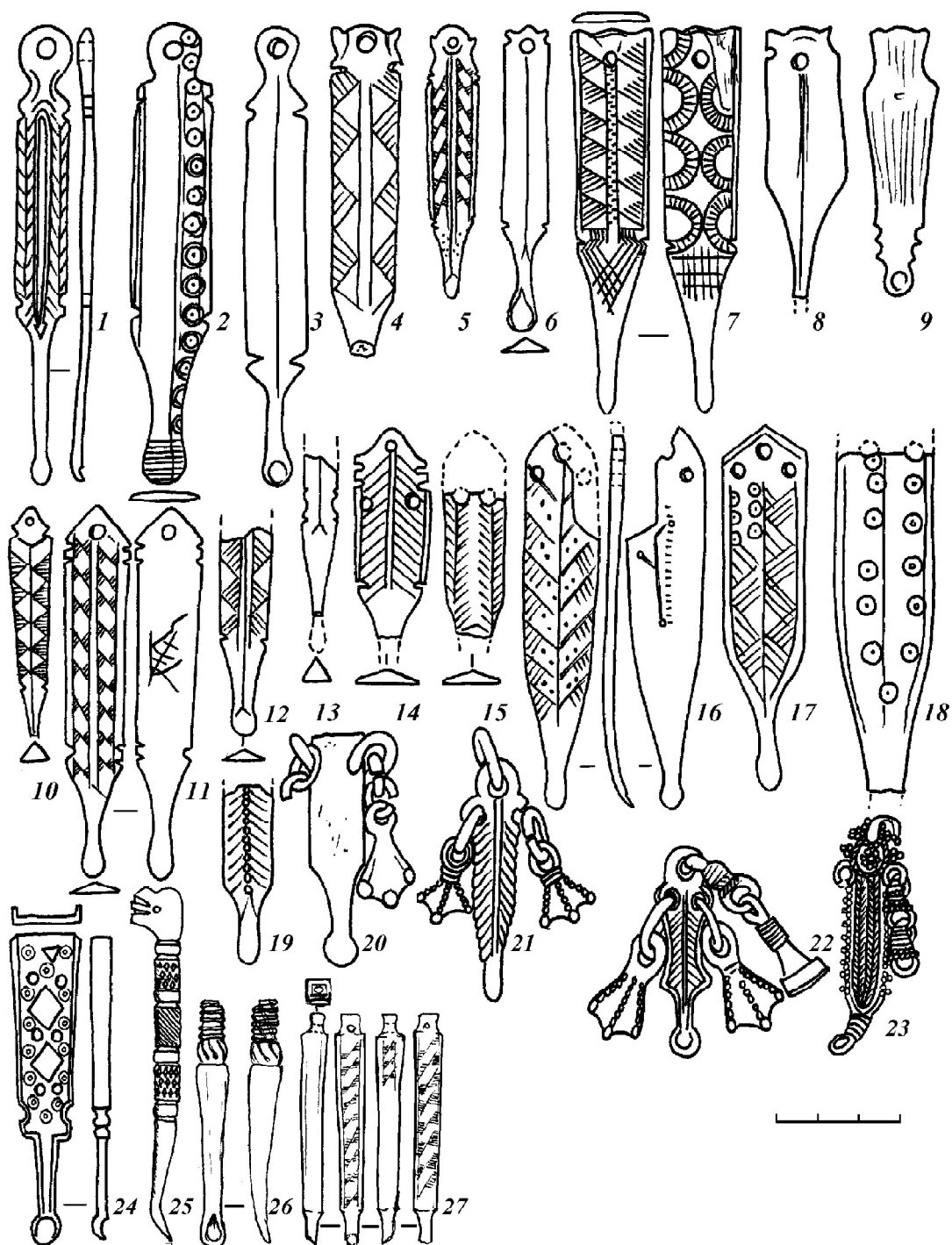

Рис. 117 Копушки: 1 – р.Иньва; 2, 4-6, 10-15, 19, 27 – Рождественское городище; 3 – Горт-Кушет; 7 – Каневский могильник; 8-9, 18 – Шудьякар; 16 – Кудымкарское селище; 17 – Кудымкарское городище; 20, 25-26 – Анюшкар; 21-23 – Рождественский могильник; 24 – Чердынский район. 1, 19-24 – бронза, остальное – кость.

вой).

Подтип АIII.2.2.2 – выполненная в технике «косоплетки». Привески крепились на цепочках со щитками (Рождественское городище, КТ, ПОКМ).

Копоушки из кости и бронзы с шумящими привесками или с наличием отверстий для привесок встречаются на поломско-чепецких памятниках: Иднакаре [Салангина, 2004, рис.21/13], Гурьякаре [Салангина, 2004, рис.21/32], в п.66,89 Кузьминского могильника [Салангина, 2004, рис.24/2,4]; литая бронзовая шумящая копоушка, выполненная в технике косоплетки встречена в приладожье в Шахнове [Салангина, 2004, рис.35/3].

Группа AIV (рис.117/24) – **бронзовая копоушка тонкой работы с подтрапециевидным щитком «П»-образным в сечении**. В нижней части щитка по краям полукруглые выемки. Орнамент ажурный из ромбов и небольших круглых отверстий, сочетающийся с маленькими выпуклыми кружками (ЧКМ, № 2850).

Как показали исследования С.В.Салангиной, копоушки «прикамского» этнокультурного типа распространены в основном на поломско-чепецких и ломоватово-родановских памятниках. Кроме того, аналогичные копоушки характерны для поволжско-ветлужско-вятского междуречья (11 памятников), достаточно широко представлены на территории Волжской Болгарии (4 памятника), к западу от Прикамья распространены вплоть до районов Приладожья [Салангина, 2004, с.189], в основном на тех же памятниках, где представлены зооморфные роговые гребни прикамского происхождения. По мнению С.В.Салангиной, распространение в IX-XIII вв. копоушек на столь обширную территорию связано с двумя историческими процессами. Во-первых, это могла быть инфильтрация прикамского населения в прилегающие и отчасти родственные культуры. Во-вторых, это события X-XI вв., связанные с формированием и ранней историей Древней Руси – походами древнерусских князей на Волжскую Булгарию, вероятно, затронувшие Прикамье. «В результате последних, возможно, часть прикамских финнов была выведена на древнерусскую территорию, где они были расселены в северо-западных районах Приладожья и восточной Руси – Ростовской и Суздальской землях» [Салангина, 2004, с.204].

Отдел В – стержнеобразные. Копоушки данного отдела по классификации С.В.Салангиной относятся к древнерусскому этнокультурному типу [Салангина, 2004, с.193-194].

Группа VI (рис.117/27) – **стержень квадратный в сечении**, для крепления имеется небольшая прямоугольная петля. Орнамент из «флажков» (1 экз., Рождественское городище, раск. А.М.Белавина).

Группа VII (рис.117/25-26) – **стержень круглый в сечении**, покрыт орнаментированными поясками. На сохранившемся полностью экземпляре – навершие в виде стилизованной птичьей головы («петушок») с небольшим круглым отверстием (2 экз., Анюшкар, раск. В.А.Оборина, Г.Т.Ленц).

Такие копоушки хорошо известны на древнерусских памятниках, например, в Новгороде-Северском [Салангина, 2004, рис.32/9]; Старой Ладогe [Салангина, 2004, рис.32/12]; Минске, Новгороде [Салангина, 2004, рис.32/16,17]

5.2.2 ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОПОУШЕК

Как отмечает С.В.Салангина, копоушки можно рассматривать как источник по изучению быта, культуры и верований древнего населения [Салангина, 2004,

с.9].

Сравнение этих предметов с этнографическими не оставляет сомнений в том, что средневековые копоушки в первую очередь являлись утилитарным предметом, выполняющим санитарно-гигиеническую функцию. Однако, как совершенно справедливо отмечает С.В.Салангина, большинство копоушек имеют избыточность внутренней и внешней структуры для выполнения своей прямой функции (относительно дорогой материал – кость, цветные металлы; наличие декора) [Салангина, 2004, с.174-176]. Значительное количество копоушек из Пермского Предуралья имеет абсолютно излишнюю с практической точки зрения деталь – шумящие привески, которые усиливают значение предмета как амулета. Таким образом, как это было и с другими бытовыми вещами, копоушки представляли собой полифункциональный предмет, который наряду с практическим назначением был наделен магической и эстетической функциями.

Копоушки, как и многие другие бытовые предметы, являлись украшением-амулетом. Как свидетельствуют материалы средневековых могильников Пермского Предуралья, копоушки, как правило, располагались в женском костюмном комплексе в составе накосников. Еще В.А.Оборин отмечал, что в косы вместе с другими украшениями вплетались костяные или медные копоушки [Оборин, 1957, с.234; Бадер, Оборин, 1958, с.197]. Анализ показал, что копоушки присутствуют в 3,6% женских костюмных комплексов. Они использовались всегда по одной, либо вплетаясь в правую косу, либо свисая поверх нее [Крыласова, 2001, с.75]. Новые раскопки, проводившиеся в 2005-2006 гг. на Баяновском могильнике (Данич А.В.), полностью подтверждают сделанные выводы. Месторасположение копоушек в средневековом женском костюме Пермского Предуралья было стандартным.

Исследования С.В.Салангиной также показали, что копоушки были женской принадлежностью, их наличие в мужских погребениях является редким исключением [Салангина, 2004, с.151]. Предположительно в составе накосных украшений могли находиться копоушки, встреченные в погребениях в области груди, на правом плече, у правого предплечья. Такое расположение самое распространенное, оно наиболее характерно для Древней Руси, Волжской Болгарии, Приладожья, салтово-маяцких, поломско-чепецких, поволжско-ветлужско-вятских могильников. В древнерусских погребениях, реже у скифов и сармат, огузо-печенегов, в поломско-чепецких, поволжско-ветлужско-вятских и приладожских погребениях, копоушки встречены у пояса. Довольно редко копоушки носили в составе ожерелья или украшений головы [Салангина, 2004, с.153-156]. Таким образом, можно считать, что использование прикамскими женщинами копоушек в составе украшений накосников является наиболее типичным.

5.3 КОСМЕТИЧЕСКИЕ ЩИПЧИКИ (ПИНЦЕТЫ)

Еще одной категорией, относящейся к предметам гигиены, являются косметические щипчики или пинцеты. Эта категория средневековых вещей еще ни разу специально не рассматривалась исследователями, поэтому не существует даже понятия того, как различаются между собой косметические и ювелирные щипчики, обычно авторы определяют их в соответствии с решением

задач собственного исследования.

В настоящее время трудно однозначно определить и функциональное назначение косметических щипчиков. Несомненно, что они могли использоваться с целью извлечения заноз или удаления заусенец, или для подобных процедур медицинского характера. Например, Г.Давлетшин считает, что пинцеты, встречаемые на памятниках Волжской Булгарии, могли предназначаться для врачевания [Давлетшин, 2004, с.325]. По предположению К.А.Руденко, их могли использовать для стрижки ногтей, что также вполне вероятно, в случае, когда края «губ» щипчиков заострены.

Самое логичное с современной точки зрения объяснение использования щипчиков для удаления излишних волос с лица, возможно только при наличии у древнего населения определенного стандарта красоты, при котором, к примеру, красивыми считались тонкие брови.

Судя по материалам ранних погребений, косметические щипчики обладали двумя характерными особенностями – расширением рабочей части и, как правило, изогнутыми навстречу друг другу, смыкающимися «губами». В отличие от них ювелирные щипчики, встреченные в безусловных металлургических комплексах, имеют вид простой упругой бронзовой пластины равномерной ширины, согнутой пополам (напр., щипчики с селища Володин Камень, Рождественского городища – раскопки А.М.Белавина (рис.118/18-20)). Подобные щипчики известны среди инструментария медников и ювелиров Волжской Булгарии [Полякова, 1996, с.167, рис.59/19].

По способу изготовления выделяется две группы, по форме «губ» – типы косметических щипчиков:

Группа I – изготовлены из упругой металлической пластины (чаще бронзовые, 1 экз. – железо). На месте сгиба пластины, как правило, оформлена округлая петля. Некоторые экземпляры имеют перехват из проволоки или медной пластины.

Тип I.1 (рис.118/1-3) – «губы» в виде прямоугольника, перпендикулярного рукояти (3 экз., селище Пеньки [Мельничук, Соболева, 1986, рис.2/28], Зобаческие находки [Генинг, Голдина, 1973, табл.3/13], п.2 кург.6 Бродовского могильника [Голдина, 1986, табл. 11/5; Голдина, Водолаго, 1990, табл.ЛI/14]).

Тип I.2 (рис.118/4-5) – «губы» в виде треугольника (2 экз., Лисья Курья [Голдина, 1985, табл.XLIV/18], п.1 кург.9 Курманаевского могильника [Пастушенко, Волков, 1999, рис.4]).

Щипчики подобной формы известны в п. № 32 Ангасякского могильника III-VI вв. [Васюткин, 1980, табл. I/7], в п.175 Ижевского могильника III-V вв. [Останина, 1984, с.41, табл.19/17], в кург.№ 1 могильника Варшавский Шлюз I культуры длинных курганов на севере лесной зоны Восточной Европы (по мнению автора раскопок, близкие пинцеты в прибалтийских и камских древностях датируются V – первой половиной VI вв.) [Башенькин, 1995, с.25, рис.8/17]. Но также подобные щипчики представлены в п. № 404 Варнинского могильника, которое можно датировать концом IX-X вв. [Шутова, 1999, рис.5], в п. № 568 Танкеевского, п. № 82 Тетюшского могильников X в. в Татарстане [Казаков, 1992, рис.70/7; 73/61].

Тип I.3 (рис.118/6-8) – «губы» овально-подтреугольной формы (3 экз., п.55, 60 Мокинского могильника, раскопки Н.В.Кулябиной; Опутятское городище [Генинг, 1980, рис.15/2]).

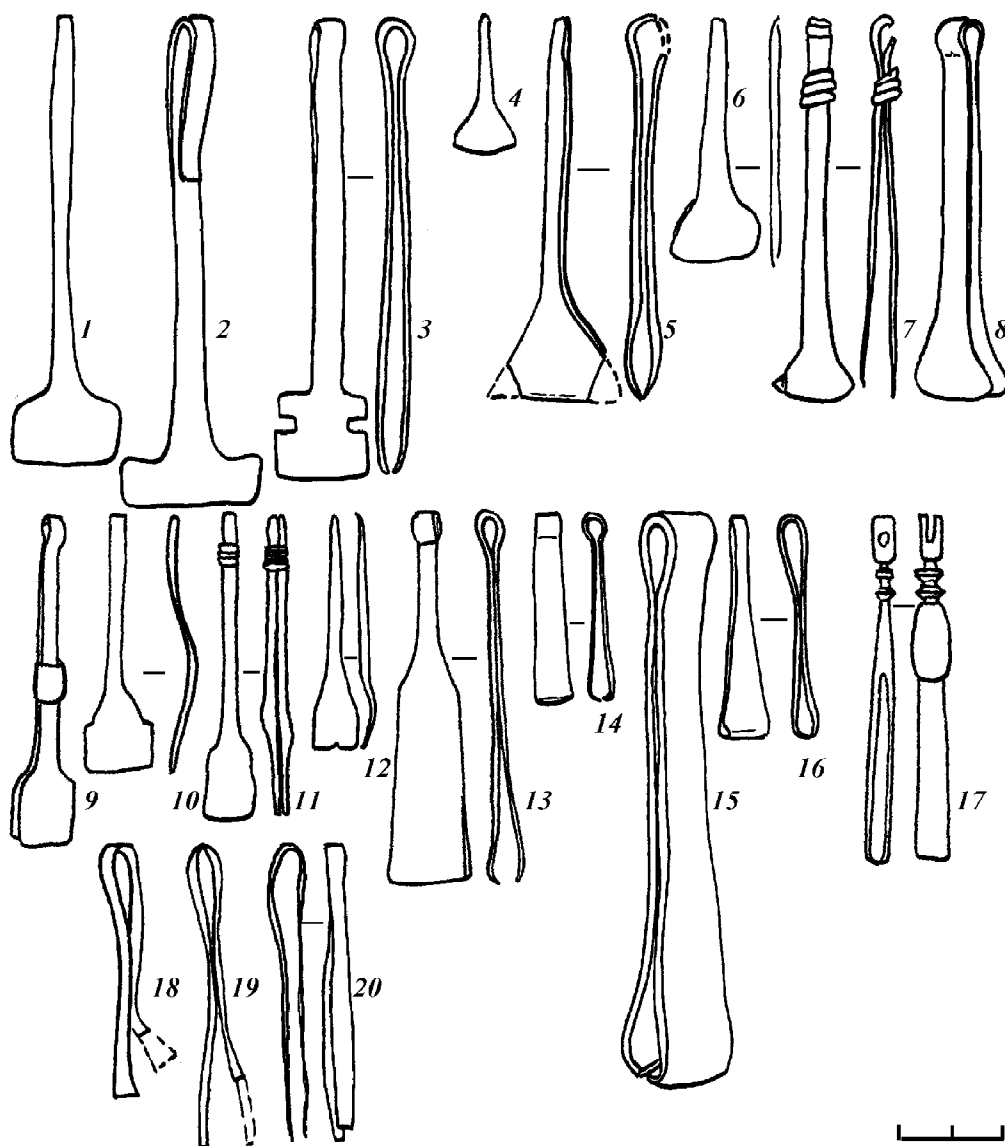

Рис.118 Щипчики: 1 – д.Зобачево; 2 – селище Пеньки; 3 – Бродовский могильник; 4 – Лисья Курья; 5 – Курманаевский могильник; 6 – п.55; 7 – п.60 Мокинского могильника; 8 – Опутятское городище; 9 – Харинский могильник; 10 – Коновалытское селище; 11 – п.62 Аверинского могильника; 12 – Шудьякар; 13 – Горткушетское селище; 14 – п.28 Пыштайнского могильника; 15 – Б.Висимский могильник; 16 – селище Запоселье; 17 – Усть-Бубинское городище; 18-19 – селище Володин Камень; 20 – Рождественское городище.

Аналогичные щипчики известны в материалах могильника Мыдлань-Шай VIII-IX вв. в Удмуртии [Генинг, 1962, табл.VIII/10].

Тип I.4 (рис.118/9-12) – «губы» в виде прямоугольника, вытянутого по одной оси с рукоятью, переход от рукояти – треугольный (4 экз., п.1 кург.47 Харинского могильника [Генинг, Голдина, 1973, табл.3/13], Коновалытское селище [Голдина 1985, табл.XLIV/34], п.62 Аверинского могильника [Голдина, 1985, табл.XXXIII/26], Шудьякар [Голдина, Кананин, 1989, рис.83/28]).

Подобные щипчики известны в Танкевском, I Большетарханском, Тетюш-

ском могильниках на территории Татарстана [Казаков, 1992, с.197, рис.70/5], могильнике Мыдлань-Шай VIII-IX вв. в Удмуртии [Генинг, 1962, табл.VIII/11].

Тип I.5 (рис.118/13) - «губы» в виде трапеции, вытянутой по одной оси с рукоятью (1 экз., Горткушетское селище [Голдина, 1985, табл.XLIV/35]).

Щипчики подобной формы имеются в материалах Омутницкого могильника IX-XII вв. в Удмуртии [Семенов, 1985, рис.10/9].

Тип I.6 (рис.118/14-16) – щипчики подтреугольной формы равномерно расширяются к рабочей части (3 экз., п.28 Пыштайнского могильника (раскопки В.А.Оборина), Больше Висимский могильник [Генинг, Голдина, 1973, табл.3/12], селище Запоселье (раскопки Н.Б.Крыласовой)).

По материалам указанных могильников этот тип щипчиков может датироваться VII-VIII вв.

Аналогичные щипчики (пинцетики) иногда с подвижным хомутиком являлись туалетной принадлежностью женщин в салтово-маяцкой культуре [Плетнева, 1989, с.106, рис.55/кат.81, 95, 98 Дмитриевского могильника]. Щипчики такой же формы встречены в Барсовском I могильнике в Сургутском Приобье среди вещей, датирующихся последней четвертью VII – третьей четвертью VIII вв. [Карачаров, 1993, с.113, рис.1/38]. Позднее они известны на территории Удмуртии в Варнинском могильнике [Семенов, 1980, с.51, табл.XIX/9], на Верхне-Утчанском городище V-IX вв. [Ютина, 1984, рис.5/20], у болгар [Казаков, 1991, с.91, рис.33/4-5], где сохранялись вплоть до золотоордынского времени [Полякова, 1996, с.223, рис.69/13]. Подобные щипчики встречены в кург.3 кыпчакского могильника Лебедевка VIII, датированном второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. [Кригер, 1984, с.111, рис.4/3].

Группа II - щипчики литые, рукоять с фигурными перехватами, отверстием для привешивания.

Тип II.1 (рис.118/17) – рабочие концы пластин равномерно расширяются книзу (1 экз., городище Усть-Буб (раскопки А.В.Старкова)).

Подобные щипчики встречены в Биляре [Культура Биляра, 1985, табл. XXVII/3].

Таким образом, наиболее ранние щипчики появились в Пермском Предуралье на харинском этапе ломоватовской культуры в V-VI вв. н.э. Они присутствуют в погребальных комплексах курганных могильников. В более позднее время обычай снабжать погребенных косметическими щипчиками был утрачен, но наличие их в ранних слоях селищ и городищ (вероятно, до X-XI вв.) свидетельствует об их использовании в повседневном быту. Вероятно, в отличие от иных видов предметов гигиены, щипчики в Пермском Предуралье не приобрели статуса магического предмета в дополнении к своей основной практической функции, чем и объясняется их отсутствие в погребальном инвентаре. А по соседству, на территории Удмуртского Предуралья, косметические щипчики нередко встречаются в женских погребениях (напр., Варнинский могильник), где они находились в составе убранства костюма, как амулеты, которые были элементами составных поясных украшений [Шутова, 1999, с.215]. В могильнике Мыдлань-Шай, напротив, все щипчики встречены в мужских погребениях, в п.№ 70 они располагались у пояса [Генинг, 1962, с.52].

5.4 ТУАЛЕТНЫЕ КОРОБОЧКИ

Среди разнообразных украшений, встреченных на средневековых памятниках Пермского Предуралья, выделяется два вида предметов, которые представляют собой небольшие закрытые емкости, безусловно, предназначенные для помещения чего-либо вовнутрь них.

В настоящее время мы не обладаем специальными анализами, позволяющими судить о том, что могло находиться в данных емкостях. Некоторые исследователи расценивают их как амулетницы. Однако, как показывает анализ убранства костюма, весь набор украшений представлял собой комплекс разнообразных амулетов, которые носили напоказ, традиции иметь какие-то скрытые от посторонних глаз амулеты не прослеживается. Створки коробочек, как правило, спекшиеся, и без помощи специалиста-реставратора открыть их невозможно. Одна коробочка из Редикарского могильника (раскопки А.М.Белавина) была случайно расколота, в результате чего удалось рассмотреть, что внутри нее никаких предметов не находилось, однако отмечаются следы пенистого железного окисла, который мог образоваться от какого-то органического вещества. Можно предположить, что в коробочках содержалось что-то, пропитанное ароматическими маслами, в таком случае их можно рассматривать как туалетные коробочки-ароматницы.

5.4.1 КРУГЛЫЕ КОРОБОЧКИ

Отдел А (рис.119/1) – «бубенчикообразная» коробочка из двух створок (п.148 Неволинского могильника [Голдина, Водолаго, 1990, табл.XL/31]. Датируется VII-VIII вв.

Аналогичные коробочки для благовоний известны в материалах салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1989, с.106, рис.55, кат.11,150 Дмитриевского могильника].

Отдел В – медальоны-коробочки.

Своеобразие этой категории родановских украшений отмечал еще В.А.Оборин [Оборин, 1970, с.22]. Это цилиндрические коробочки, стенки которых изготовлены из согнутых в кольцо медных пластин, которые припаяны к крышечкам в виде литого бронзового медальона.

Группа VI – коробочки без шумящих привесок.

Тип VI.1 (рис.119/2-3) – коробочки овальной формы, крышка с невысоким бортиком, на пластине донца – петля для привешивания. Не орнаментированные (4 экз., п.1 кург.17 Верх-Саинского могильника; п.138, 226, 236 Неволинского могильника [Голдина, Водолаго, 1990, табл.XL/29,30]).

Такие коробочки датируются VI в. [Голдина, Водолаго, 1990, табл.LXVI/51].

Аналогичные коробочки для благовоний известны в салтово-маяцкой культуре [Плетнева, 1989, с.106, рис.55, кат. 54 Дмитриевского могильника].

Тип VI.2 – коробочки овальной и округлой формы. Высота цилиндрических стенок крышки и донца одинаковая, для крышки и донца использованы идентичные литые медальоны.

Подтип VI.2.1 (рис.119/4-5) - не орнаментированные (4 экз., п. 51, 68, 81 Неволинского могильника [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XL/32], п.63 Деменковского могильника [Голдина, 1970, табл.50/23]).

Датировка этих коробочек – конец VII-VIII вв. [Голдина, 1970, табл.б/64; Голдина, Водолаго, 1990, табл.LXVIII/71]. Аналогичная коробочка встречена в п.16 Варнинского могильника в Удмуртии [Семенов, 1980, с.35, табл.VI/18].

Подтип ВІ.2.2 (рис.119/16) – орнаментированная: в центре кружок с геометрическим орнаментом из зигзагов, обрамленный рядом выпуклых кружков и бордюром с насечками (1 экз., п.10 Урьинского могильника [Генинг, Голдина, 1970, табл.19/12]).

По мнению В.А.Оборина, данную подвеску-коробочку можно датировать VIII – началом IX вв. [Оборин, 1970, с.22].

Группа ВІІ – коробочки с шумящими привесками.

Тип ВІІ.1 (рис.119/6) – не орнаментированные. Количество привесок – 5. Привески – в одном случае простые колокольчики, прикрепленные на простых цепочках, в другом – привески-лапки на цепочках с восьмеркообразными звеньями (2 экз., п.1 Редикарского могильника (раск. И.А.Лунегова), Деменковский могильник (раск. В.Ф.Генинга)).

В.А.Оборин датировал эти подвески-коробочки VIII – началом IX вв. [Оборин, 1970, с.22].

Тип ВІІ.2 – с геометрическим орнаментом. Привески – простые колокольчики на простых цепочках. Орнаментация медальонов достаточно стандартная. Поскольку прослеживаются территориальные особенности в орнаментации, этот признак взят за основу для выделения подтипов.

Подтип ВІІ.2.1 (рис.119/7-8) – основа медальонов ажурная с орнаментом в виде двухъярусной розетки. Количество привесок – 6 (п. № 8, 18 Плесинского могильника, раск. В.А.Оборина).

Подтип ВІІ.2.2 (рис.119/9-15) – центральная часть с крестообразно расположенными выпуклыми кружками или крестом, обрамлена выпуклыми овалами. Количество привесок – 5 (7 экз., п. 21, 23, 26, 52 Редикарского могильника (раскопки И.А.Лунегова, В.А.Оборина); п.20 Каневского могильника [Генинг, Голдина, 1970, табл.26/10]; д.Козьмино [Спицин, 1902, табл. XXXII/4]).

Подтип ВІІ.2.3 (рис.119/17-22) – центральная часть в виде гладкого круга или круга с геометрическим орнаментом из расположенных крестообразно зигзагов, обрамлена рядом выпуклых колечек и валиком с насечками.

Вариант а – количество привесок – 3 (3 экз., могильник Степаново плотбище, п. 4,5 Редикарского могильника (раскопки И.А.Лунегова)).

Вариант б – количество привесок – 4 (3 экз., с.Макаровское [Голдина, 1985, табл.XLIV/14], Степаново плотбище, п.351 Аверинского могильника [Голдина, Кананин, 1989, рис.52/18]).

Вариант в – количество привесок – 5 (4 экз., с.Ильинское [Спицин, 1902, табл.XIV/11], Баяновский могильник – 2 экз., Чердынский район [Голдина, 1970, табл.43/2]).

Подтип ВІІ.2.4 (рис.119/23) – центральная часть, заполненная выпуклыми кружками, обрамлена двумя валиками с насечками (2 экз., д.Харино [Голдина, 1970, табл.43/7], М.-Аниковский могильник (ЧКМ)).

Тип ВІІ.3 – с зооморфным орнаментом.

Подтип ВІІ.3.1 (рис.119/24-26) – на медальоне – многофигурная композиция, в центре которой – лось с хищной птицей на спине, под ногами лося – фигурки пушных животных, над ним – водоплавающие птицы. Количество привесок – 6. Привески-лапки крепятся на простых цепочках (3 экз., Редикар-

Рис. 119 Медальоны-коробочки: 1 – п. 148, 2 – п. 138, 226, 236 Неволинского могильника; 3 – к. 17/1 могильника Верх-Сая; 4 – п. 51, 68, 81 Неволинского могильника; 5 – п. 63 Деменковского могильника; 6 – п. 1 Редикарского, Деменковский могильник; 7 – п. 8, 8 – п. 18 Плесинского могильника; 9 – д. Козьмино; 10 – п. 23 Редикарского могильника; 11 – п. 10 Каневского, Редикарский могильник; 12 – п. 21, 13 – п. 52 Редикарского могильника; 14 – Мало-Аниковский могильник, 15 – п. 26 Редикарского могильника; 16 – п. 10 Урьинского могильника; 17 – Степаново плотбище; 18 – п. 5 Редикарского могильника; 19 – п. 4 Редикарского могильника; 20 – с. Ильинское, Баяновский могильник, 21 – п. 351 Аверинского могильника, Степаново плотбище; 22 – п. 65 Баяновского могильника; 23 – д. Харино, Мало-Аниковский могильник; 24-25 – с. Редикар; 26 – Рождественское городище; 27 – д. Сартаково.

ский могильник (раск. И.А.Лунегова, 2 экз.), Рождественское городище [Спицин, 1902, табл. XIV/1]).

Подтип ВП.3.2 (рис. 119/27) – на медальоне – две птички, обращенные навстречу друг другу. Количество привесок – 6. Привески – миниатюрные гладкие колокольчики с раздутым туловом крепятся на простых цепочках (1 экз., д. Сартаково, КТ, ПОКМ)).

Орнаментированные шумящие подвески-коробочки, по мнению В.А.Оборина, могут датироваться IX-XI вв. [Оборин, 1970, с. 22]. Современные данные свидетельствуют о том, что период их бытования ограничивается началом XI в. В.А.Оборин насчитал 21 пункт, где встречены подобные предметы [Оборин, 1970, табл. 7], к настоящему времени к ним добавился только Аверинский могильник. За пределами Пермского Предуралья пока известно только две находки подобных коробочек в Западной Сибири в Сайгатинском I могильнике [Карачаров, 1993, рис. 2/12] и в п. 4 кург. 17 могильника Чулым-2 [Могильников, 1991, с. 67, рис. 1/1].

Использование медальона из последнего памятника аналогично: он встречен в области плеча, где чаще всего располагаются такие подвески и в родоновских памятниках. Иногда они встречаются у пояса, в этом случае их расположение в костюме не вызывает сомнения [Крыласова, 2001, с. 97]. Но расположение снаружи от плечевой кости сложно сопоставить с какой-то определенной декоративной зоной костюма.

По нашему предположению, медальоны коробочки могли подвешиваться сзади к зимней шапке [Крыласова, 2001, с. 47], по аналогии с тем, как хантыйские женщины подвешивали на свои лисьи шапки круглые медные литые бляхи (которые были не только оберегами и украшениями, но выполняли и совершенно определенную практическую функцию – служили противовесом, чтобы тяжелая шапка не съезжала на глаза) [Руденко, 1914, с. 52].

5.4.2 «САМОВАРЧИКИ»

Отдел С – «самоварчики».

«Самоварчики» – подвески-коробочки из двух половинок, стянутых тонким ремешком – использовались в качестве туалетных коробочек для благовоний в салтово-маяцкой культуре [Плетнева, 1989, с. 106]. Позднее такие изделия присутствовали в раннебулгарских древностях VIII-IX вв. и более поздних материалах Волжской Булгарии [Казаков 1992, рис. 13/38]. От булгар, вероятно, эта категория предметов была заимствована жителями Пермского Предуралья.

Самоварчики использовались достаточно широко, но бытовали на протяжении ограниченного периода – конец X – начало XI вв. Характерно, что этот вид туалетных коробочек никогда не встречается вместе с медальонами-коробочками. Это позволяет сделать вывод о том, что «самоварчики» пришли на смену вышедшим из обихода шумящим медальонамогильникоробочкам.

Группа С1 – литые из бронзы.

Тип С1.1 (рис. 120/1-7) – каждая половинка «самоварчика» состоит из тех частей, отлитых отдельно и припаянных друг к другу: полушария тулова с двумя ушками по бокам, конусовидной шейки и плоской круглой площадки с двумя отверстиями для продевания ремешка.

Вариант а – не орнаментированные (2 экз., Загарье [Спицин, 1902, табл. XX/

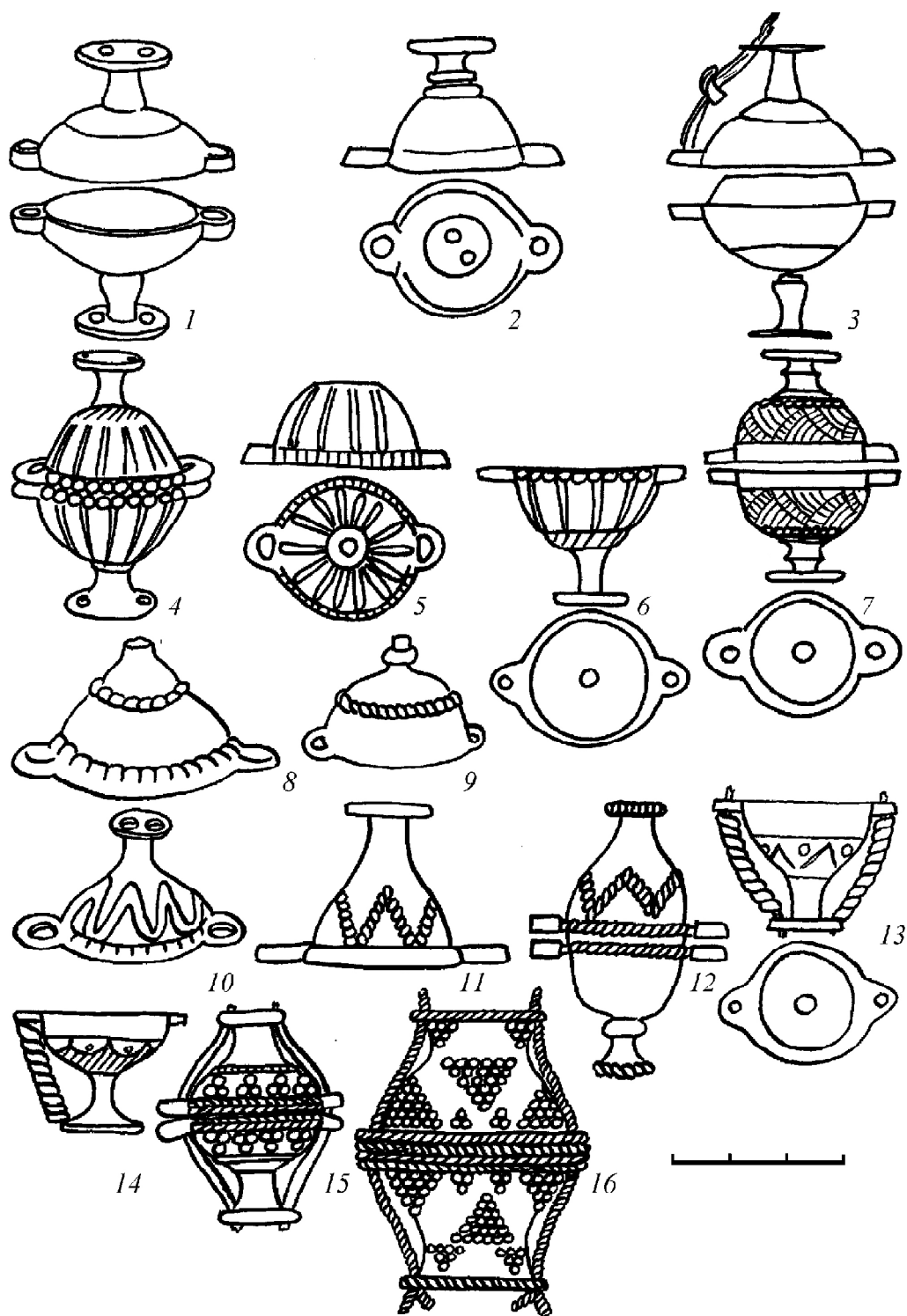

Рис.120 Самоварчики: 1 – д.Загарье, 2 – п.102 Огурдинского могильника, 3 – п.69 Баяновского могильника, 4 – Рождественский могильник, 5 – п.139 Огурдинского могильника, 6-7, 13-14 – могильник Степаново плотбище, 8 – с. Майкор, 9-12 – Мало-Аниковский могильник, 15 – п.62 Баяновского могильника, 16 – Анюшкар.

26], п.102 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой).

Вариант б – тулово гофрированное, по нижнему и верхнему краю половинок тулова – бордюр с насечками или полушарными выпуклостями (5 экз., Рождественский могильник – 3 экз., п.139 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой), могильник Степаново плотбище (подъемный материал).

Вариант в – тулово украшено сложным орнаментом из дуг (1 экз., могильник Степаново плотбище (подъемный материал).

Тип СІ.2 (рис.120/8-15) – тулово и ножка составляют единое целое, круглая площадка отлита отдельно.

Вариант а – в центральной части половинки тулова – пояс с полушарными выпуклостями (2 экз., с.Майкор [ДТ, с.646], Мало-Аниковский могильник (ЧКМ)).

Вариант б – тулово украшено выпуклой зигзагообразной линией гладкой или с в виде имитации скани (4 экз., могильник Степаново плотбище (подъемный материал), Мало-Аниковский могильник – 3 экз. [ДТ, с.669], ЧКМ, Свердловский музей).

Группа СІІ (рис.120/16) – **серебряный «самоварчик», изготовленный в ювелирной технике.** На половинках цельного тулова по бокам ушки, сквозь которые продета крученая серебряная проволока. Края половинок «самоварчика» обрамлены сканью, тулово украшено треугольниками зерни, фон между которыми позолочен (1 экз., Анюшкар, раскопки В.А.Оборина).

Таким образом, на настоящее время «самоварчики» известны на шести могильниках и двух городищах Пермского Предуралья. Кроме своей основной территории бытования в Волжской Булгарии и в Верхнем Прикамье, они встречаются и на территории Удмуртии в материалах VIII-XII вв. [Иванов 1998, рис.47/25]. Вероятно, самая западная находка таких предметов самоварчик из курганного могильника Челмужи в Карелии, который датируется по монетам X-XI вв. [Равдина, 1988, табл.12/25].

5.5 ЗЕРКАЛА

На территории Пермского Предуралья встречено всего 6 зеркал. В целом можно с уверенностью утверждать, то эта категория предметов туалета была не характерна для местного населения.

Тип 1 (рис.121/2) – гладкое зеркало с невысоким бортиком (2 экз., Кудымкар [Спицин, 1902, табл. XXXI/20], Мало-Аниковский могильник, ЧКМ, инв.№ 954/741).

Тип 2 (рис.121/1) – тыльная сторона зеркала покрыта гладкими концентрическими валиками, зеркало снабжено небольшой боковой рукоятью с отверстием (1 экз., жертвенное место у д.Подбобыка, раскопки С.И.Сергеева, РА ИИМК, ф.1д.64, 1895 г.).

Тип 3 (рис.121/4,6) – центральная часть украшена растительным орнаментом, по краю – орнаментальная полоса, имитирующая арабскую надпись (2 экз., Чердынь [Белавин, 2000, рис.60/2], раскопки М.В.Талицкого (ФА ИИМК)).

Тип 4 (рис.121/3,5) – центральная часть с растительным орнаментом обрамлена рядом полушарных выпуклостей (2 экз., д.Харино [Спицин, 1902, табл. XXXI/18], д.Болгары, КТ, ПОКМ, инв. № 11318/536).

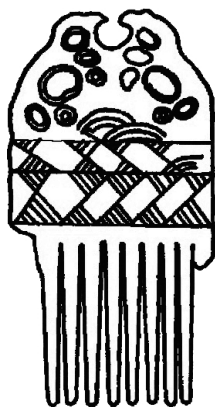
Рис.121 Зеркала: 1 – жертвенное место у д.Подбобыка; 2 – Мало-Аниковский могильник; 3 – Чердынь; 4 – Пермская губерния; 5 – Кудымкар.

Зеркала 3-4 типов получили распространение в золотоордынский период, датируются XIII-XIV вв. [Семыкин, 1996, с.223-239].

Таким образом, на основании проведенного анализа предметов гигиены, распространенных в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья, можно сделать вывод о том, что уходу за телом уделялось особое внимание. В комплекс предметов для ухода за внешностью входили гребни, копоуш-

ки (реже – ногтечистки), пинцеты-щипчики, туалетные коробочки. Традиция использования гребней имела местные корни, а остальные предметы гигиены, очевидно, были заимствованы у носителей салтово-маяцкой культуры (как и многие виды украшений, утвари и пр.). Однако зеркала, которые были обязательной принадлежностью степняков-кочевников, населением Пермского Предуралья не использовались.

Процесс ухода за телом, вероятно, не просто составлял обыденную ежедневную процедуру, а был возведен в ранг особого ритуального действия. Подтверждением этому может служить тот факт, что предметы гигиены, в большинстве своем, были наделены дополнительной функцией амулетов, что выражается в их особом художественном оформлении, не рациональном, с точки зрения практического назначения рассматриваемых предметов. А дополнение многих вещей (зооморфных гребней, копоушек, туалетных коробочек) шумящими привесками и вовсе затрудняло бытовое использование предметов гигиены. Однако именно тот глубокий внутренний смысл, который был заложен в, казалось бы, обыденные вещи, был, вероятно определяющим фактором для распространения многих предуральских изделий (как в готовом виде, так и в качестве идеи), на значительные территории, главным образом, на запад, в лесную зону Восточной Европы.

ГЛАВА 6. ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Человек, вступая в жизнь, начинает ее на пустом месте. Ему необходимо усвоить условия, правила, привычки и знания, сложившиеся у предшествующих поколений. Огромное значение имела передача этих знаний от одного поколения к другому. В древности эта задача была возложена на миф и обычай, которые определяли все поведение человека [Происхождение вещей, 1995, с.228]. Получаемые в процессе обучения знания ребенок апробировал в игре.

Очень поэтично и точно определил понятие игры А.В.Головнев: *Игра* – жизненное пространство, полное символов мужского и женского, где через лабиринт знаков и загадок идет путь от детской игры к взрослому ритуалу. С игры начинается осмысление мира. Прежде чем стать взрослыми, дети играют во взрослых. Впрочем, и став взрослыми, люди продолжают играть. Прежде чем создать семью, играют свадьбу. Прежде чем отправиться на войну, разыгрывают боевые турниры. Ранние годы полны беззаботных игр, зрелые – строгих ритуалов. Они сродни друг другу, поскольку происходят из одних и тех же глубин человеческой природы [Мифологическое время, 2003, с.11, 33].

В первые годы жизни ребенок буквально неотделим от матери. Она заботится не только о его теле, но и своими заговорами, заклинаниями, молитвами и амулетами пытается предохранить свое дитя от враждебного влияния внешних сил [Происхождение вещей, 1995, с.228]. Например, по свидетельству П.Третьякова, у енисейских остяков (кетов), «если дитя не спит и плачет, то кладут на него лук и верят, что это успокаивает малютку» [Третьяков, 1869, с.388]. В этом случае лук играл охранительную роль – отпугивал злых духов, угрожающих жизни и здоровью ребенка. У манси для того, чтобы охранить ребенка от злых духов, когда он остается один, мать подкладывала под колыбель нож. Для этого же служили амулеты в виде камней необычной формы [Федорова, 1988, с.84]. Той же цели служили и всякого рода погремушки, подвешиваемые к дужке детской люльки. То, что они одновременно забавляли ребенка, не должно затемнять их основного назначения – защищать ребенка от козней враждебных духов [Косарев, 1984, с.192]. После рождения ребенка у обских угров мать надевала ему на руку бисерный браслет, который служил оберегом, и носился до тех пор, пока ребенок не выросал [Федорова, 1988, с.85].

Как показывают этнографические наблюдения, с ранних лет начиналось трудовое воспитание детей, которое осуществлялось преимущественно посредством наблюдения над действиями взрослых, объяснений, которые они давали детям, а так же при помощи игр и игрушек [Федорова, 1988, с.87].

Мальчики, когда подходило к концу раннее детство, выходили из-под влияния матерей, и старались подражать отцам, чтобы научиться у них искусству охоты, устройства ловушек, рыболовства и ведения войны. Они получали игрушечные оружие и орудия, подобные тем, которыми пользуются отцы, ловили кузнечиков и мышей в западни, представляющие собой точные копии больших западней отцов [Происхождение вещей, 1995, с.231-232]. Согласно наиболее ранним этнографическим данным, игры остяцких и вогульских детей копировали производственный процесс, осуществляемый взрослыми, и их игрушки были ни чем иным, как орудиями труда, но малых размеров. Игрушка-

ми мальчиков у обских угров являлись маленькие арканы, луки со стрелами, нарточки, лыжи. С их помощью дети впервые покоряли доступное им пространство стойбища: мишенями их арканов и стрел становились любые торчащие предметы – воткнутое в снег шесты-хореи, носы нарт, зазевавшиеся собаки. Нередко «игрушками» детей становились и взрослые, на которых «охотились», от которых прятались, у которых искали защиты [Мифологическое время, 2003, с.33]. В.Ф.Зуев, посетивший низовья Оби в 70-х гг. XVIII в., так описывает занятия маленьких мальчиков у местных остяков: «Когда ходить начнет, уж отец лук ему готовит. Я, в проезд мой через остяцкие юрты, мало видел таких ребят, которые бы простое вечернее время между собой без лука шатались, но обыкновенно или по деревьям или во что-нибудь по земле стреляют. Там городят езы около своей юрты, там запоры, и кажется, будто их игрушки уже будущую жизнь предвещали» [Зуев, 1947, с.33]. «Самые малолетние, - писал в конце XVIII в. П.Любарских о чердынских вогулах, - других забав не имеют, как только стрелять из луков и бегать на лыжах, а возрастные всегда почти находятся в трудах на звериных или рыбных промыслах» [Любарских, 1792, с.75]. В 10-12 лет мальчики уже вполне самостоятельно охотились на мелких пушных зверей и птиц [Федорова, 1988, с.87]. У обских угров мальчик, что «дорос для охоты на белок», «дорос до охоты на лесного зверя», считался взрослым [Мифологическое время, 2003, с.33]. Отец гордился сыном – «мужем-богатырем, держащим лук в руке, привычной к луку». В угорских сказаниях сила богатыря, его мужская зрелость определялась по умению смастерить богатырский лук и натянуть на него тетиву, которая «звучит, как отдаленные раскаты грома» [Мифологическое время, 2003, с.33].

В сказаниях хантов и манси описываются сражения богатырей, умевших не только поражать врага, но и защищаться от его стрел. В старые времена проводились особые военные детские игрища: юного воина ставили на открытое место, и пускали в него стрелы. Уворачиваясь, приседая и подпрыгивая, отбивая летящие стрелы палкой или веслом, дети учились быть неуязвимыми. В борцовских турнирах они становились выносливыми и упорными, в состязаниях по прыжкам через нарты и гонкам на оленьих упряжках – легкими и быстрыми [Мифологическое время, 2003, с.33].

В играх девочек преобладали мотивы благополучия и порядка, домашних дел и забот. Девочки, сначала играя, а затем всерьез учились у матерей шить одежду, собирать ягоды, прясть, ткать и т.п. Смысл женского воспитания в корне отличался от мужского. В основе его лежала необходимость подготовить девочек к будущему браку, рождению и воспитанию детей. Их роли, в отличие от мальчишеских, больше походили на взрослые. Их обучали ведению домашнего хозяйства и приемам собирательства, земледелия и ремесел, правилам магии и сексуального поведения [Происхождение вещей, 1995, с.231-232, 236].

Часто дети в своих играх копировали священные церемонии взрослых. Детские игры вообще сильно напоминают магические ритуалы взрослых. Ведь в основе и тех и других лежит воображение и склонность к символическому осмыслению действительности.

В процессе игр детьми во все времена использовались игрушки сделанные взрослыми или изготовленные самостоятельно.

Игрушки – это объекты, изготовленные из различных материалов, которые ребенок использует в качестве элементов действия в своей игре. По мнению

специалистов, под игрушками следует понимать исключительно изготовленный человеческим трудом предмет (индивидуального, ремесленного или промышленного производства). Предметы, которые в неизменном виде изымаются из природной среды или которые были первоначально созданы для других целей под эту категорию не попадают, хотя при исследовании игровой деятельности на такие предметы также необходимо обращать внимание. Исключаются также игровые средства, которые предназначены для игровых действий взрослых.

Этнографы предлагают следующую *классификацию игрушек*:

- 1) звуковые (сенсорные) игрушки – трещотки, погремушки, жужжалки, бубенцы и т.д.;
- 2) двигательные (моторные) игрушки – мяч, волчок, бильбоке и т.д.;
- 3) оружие;
- 4) образные игрушки – куклы и игрушки, изображающие животных [Аркин, 1935, с.22].

Игрушки специфическим образом отражают естественную и искусственную окружающую среду; они отвечают соответствующему уровню технического развития и научного познания мира. В процессе исторического развития человечества проявляется тесная связь игрушек с целями воспитания и образования [Материальная культура, 1989, с.57]. Как подчеркивает В.Харузина: «Изучение игр и игрушек представляет серьезнейший интерес. Быт, верования, воззрения народа в пленительной миниатюрной форме, но ярко и наглядно проходят и в играх детей» [Харузина, 1912, с.91]. А.Н.Рейсон-Правдин, автор одной из наиболее значимых работ по истории игрушек народов Обского Севера, пишет: «Игра является основным фактором подготовки ребенка к труду, к освоению результатов производственной деятельности прошлых поколений. Игра стимулирует развитие у ребенка суммы качеств и навыков, необходимых в жизни каждого человеческого общества» [Рейсон-Правдин, 1949, с.131]. Исходя из этого понимания игровой деятельности детей, он формулирует и свое определение игрушки: «Игрушка, создаваемая взрослыми с их педагогическими стремлениями, - это предмет, который должен, организуя и сопровождая игру, служить физическому и интеллектуальному развитию детей; предмет, который с раннего детства постепенно вводит его во владение материальной и духовной культурой человеческого общества» [Рейсон-Правдин, 1949, с.131].

Хотя значение игрушек для игры и развития личности было осознано уже давно – в греко-римской античности и в конце средних веков, тем не менее, игрушки как составная часть материальной культуры стали объектом исследования сравнительно недавно - в конце XIX – начале XX в. Исследования искусствоведов и этнографов были направлены на изучение отдельных видов игрушек, важнейших центров их производства. Немалое внимание уделялось социологическим, педагогическим, психологическим и медицинским аспектам производства и использования игрушек [Материальная культура, 1989, с.57-58]. С 20-30-е гг. XX в. изучение этой темы шло по двум направлениям. Первое – история происхождения и развития отдельных видов игрушки, которое занимает основное место и в современной науке. Второе – роль игры и игрушки в социализации ребенка. Последнее направление позднее перешло, в основном, в сферу интересов психологов.

С древнейших времен известны игрушки, копирующие предметы взрослых – лук, стрелы, нарты, лодочки. В средние века для их изготовления использовались, главным образом, недолговечные материалы, их удается зафиксировать в ряде городов северо-западной Руси, где хорошо сохраняется органика. В основном же игрушки, представленные в археологическом материале, выполнены из долговечного материала – обожженной глины, металла и кости. В археологических материалах, как правило, бывает сложно вычленить детские игрушки, так как они, во-первых, повторяют предметы взрослых, а во-вторых, их легко спутать с предметами культового характера. Так, М.Ф.Косарев выражает сомнение по поводу выделения В.И.Мошанской особой категории древних звериных скульптур, являвшихся, по ее мнению, игрушками для детей [Мошанская, 1973]. Как считает М.Ф.Косарев, в период расцвета тотемических и анимистических верований любая фигурка животного или человека должна была вызывать ассоциацию с живым существом, по отношению к которому действовал сложный комплекс ритуалов, запретов, поверий и примет. Помнить и исполнять их, во избежание несчастий, могли лишь взрослые люди [Косарев, 1984, с.192]. Якуты запрещали маленьким ребятам играть берестяными изображениями коров, так как от этого будут пропадать телята, а так же берестяными фигурками людей – дети станут хворыми [Попов, 1949, с.291]. Любопытно, что покупаемые остяками и вогулами у русских и зырян игрушки в виде зверей, птиц и людей воспринимались как культовые предметы, и использовались в ритуальных действиях, а также в качестве талисманов и оберегов [Косарев, 1984, с.192]. Игрушек зверей, как таковых, на территории Сибири, видимо, вообще не было, так как любое скульптурное изображение зверя неизбежно приобретало у первобытного человека магический, нередко тотемический характер [Косарев, 1984, с.194]. По мнению М.Ф.Косарева, в первобытном обществе, где человек верил в свое кровное родство с окружающим животным миром, было более логичным не изготавливать для игры звериные изображения, а перевоплощаться в зверей в процессе игры [Косарев, 2003, с.82]. Этому существует множество примеров в этнографии. Так, чукотские дети складывают из камней воображаемые стада или, взявши в обе руки по ветке тальника с многочисленными развилками, обрезанными в виде оленьих рогов, воображают себя едущими на паре оленей и устраивают бег взапуски [Богораз, 1901, с.48]. Гиляцкие дети играют в медведя, стараясь подражать тому, что проделывают взрослые на медвежьих праздниках. Один из мальчуганов представляет зверя со всеми его ухватками, а другие дразнят его, укрощают, водят – все как в действительности [Харузина, 1912, с.110].

Тем не менее, Л.Р.Павлинская выделяет у народов Сибири целый ряд игрушек в виде животных (олень, птица, медведь, конь, собака и крупный рогатый скот) [Павлинская, 1988, с.229-233]. Однако, эти игрушки, как правило, представляют собой простые деревянные щепки или деревянные бруски. Например, Е.А.Алексеев сообщает о кетах, что мальчики у них играли деревянными брусочками, изображающими оленей [Алексеев, 1967, с.168]. Среди детских игрушек большое место занимали бабки оленя, лошади, коровы, которые в игре, благодаря фантазии ребенка, воплощались в образы оленя, коня и других животных. У ненцев и нганасан оленями в игре служили зубы этого животного. Такие игрушки, по мнению Л.Р.Павлинской, отражают наиболее раннюю стадию игрушки, показывая, что изображение животного пришло в нее не сра-

зу, что вполне согласуется с выводами В.Ф.Косарева. Более того, появившись в игрушке, изображение животного продолжало сохранять очень условный характер, и только с конца XIX в. пластическая трактовка животных приобретает более конкретный характер, в чем проявляется становление нового мировоззрения, новой художественно-образной системы, развивающейся под влиянием русской культуры [Павлинская, 1988, с.238]. Таким образом, предметы, которые могли служить в древности игрушками, чаще всего невозможно вычленили среди археологического материала.

Тем не менее, средневековые материалы Пермского Предуралья (в основном, поселенческие) позволяют выделить ряд категорий предметов, которые с большой долей уверенности можно отнести к категории игрушек. Следуя классификации, предложенной этнографами, мы выделяем в этой категории три группы:

Группа I - звуковые (сенсорные) игрушки.

Подгруппа I.1 (рис.122/1-7) - **бубенчики**, которые можно отнести к детским принадлежностям. Разумеется, никто не отрицает, что бубенчики, главным образом, использовались в качестве оберегов, но, тем не менее, они в какой-то степени могли и забавлять маленького ребенка, поэтому их можно с полным правом отнести к разряду многофункциональных предметов.

К данной подгруппе мы отнесли крупные бубенчики диаметром около 3 см, которых, в отличие от обычных бубенчиков, применявшихся в качестве элементов костюма, встречено в Пермском Предуралье сравнительно немного. Все эти бубенчики шаровидные с одной щелевидной прорезью, украшенные довольно стандартно орнаментом из резных или выпуклых линий. Один такой бубенчик встречен слева от бедер в детском погребении № 24 Каневского могильника [Генинг, Голдина, 1970, с.53, табл.27/5]. Еще один бубенчик находился в таком же месте в девичьем погребении № 9 Важгортского могильника (раскопки И.П.В.Бочарова). Все остальные находки – случайные: Загарский могильник (КТ, ПОКМ, № 11339/548), д. Морозова б.Гайнской волости (КТ, ПОКМ, № 11338), р.Ломоватовка (КТ, ПОКМ, № 11335/8), Чердынский район (ЧКМ), могильник Степаново Плотбище (раскопки А.В.Данича).

Подгруппа I.2 (рис.122/8) - **т.н. «брунчалки»**. Представлена предметом в виде просверленной фаланги животного (?) с Рождественского городища.

Аналогичные предметы хорошо известны в древнерусских древностях. Например, в Новгороде в слоях XI-XV вв. их собрано более трех десятков. Согласно этнографическим данным Западной и Восточной Европы – это детские музыкальные игрушки, которые являются аэрофонами, т.е. духовыми инструментами, издающими фырчащий звук при вращении на туго натянутых нитках [Поветкин, 1990, с.187]. По Далю В.И.: «Бурчала, брунчалка, какой-либо снаряд, производящий гул, бурчащий; казанок или папоротковая птичья косточка с просверленными двумя дырочками, на нитке, которую дети играют, закручивая и растягивая нитку [Даль, 1880, с.143]. По мнению В.И.Поветкина, в качестве брунчалки могли использоваться и деревянная палочка, и фруктовая косточка, и рыбий позвонок, и иные по форме мелкие кости животных, а не только тот их тип, который известен как наиболее характерный [Поветкин, 1990, с.188], и к которому относится брунчалка с Рождественского городища.

Можно только строить предположения, была ли брунчалка изначально детской игрушкой, или она первоначально находилась в ведении жрецов. Как лю-

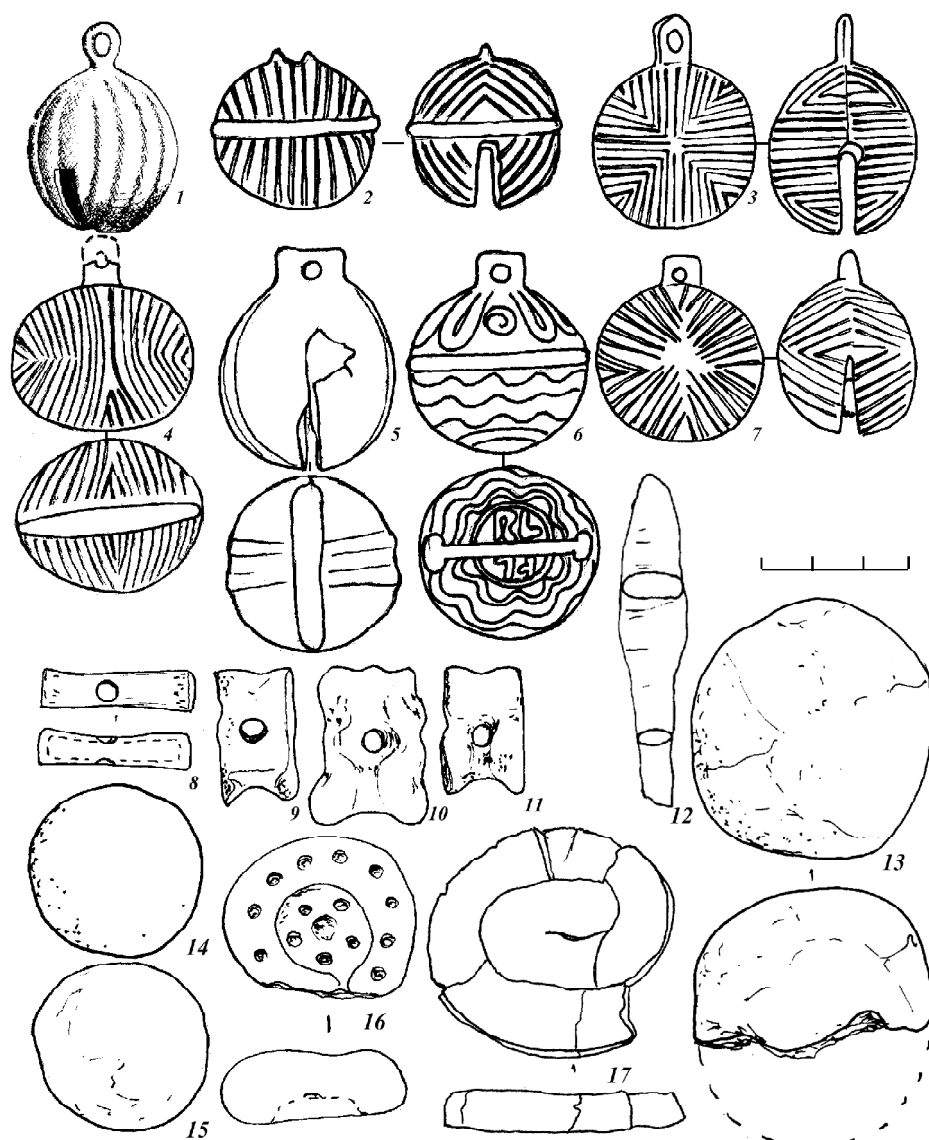

Рис.122 Игрушки: 1 – п.24 Каневского могильника, 2 – Загарский, 3 – Степаново Плотбище могильники, 4 – д.Морозова, 5 – р.Ломоватовка, 6 –б.Чердынский уезд, 7 - п.9 Вазгортского могильника, 8-14 – Рождественское городище, 15, 17 – Анюшкар, 16 – городище Острая грива.

бое иное звукообразующее приспособление, она вполне вероятно в народной традиции имела значение оберега, призванного отпугивать злых духов [Поветкин 1990, с.188-189].

Подгруппа I.3 - керамическое яйцо-погремушка – единственная в Прикамье поливная игрушка, являющаяся изделием древнерусских ремесленников-гончаров. Найдена в окрестностях городища Анюшкар [Белавин, 2000, с.153, рис.83/24].

Группа II - двигательные (моторные) игрушки.

Подгруппа II.1 (рис.122/9-11) – **альчики (кости)** для детской игры в «бабки» (по современной терминологии). Для игры употреблялись астрагалы домашнего скота. По участию в игре альчики делятся на два типа – простые и утяжеленные (биты).

Тип II.1.1 – альчики без груза. И.А.Закирова выделяет среди них плоские,

сточенные с обеих сторон, и не сточенные [Город Болгар, 1988, с.233]. Не сточенных астрагалов в остеологических коллекциях поселенческих памятников Пермского Предуралья представлено довольно много, но по ним сложно сказать, использовались они для игры, или нет.

Тип II.1.2 – утяжеленные альчики (биты), также бывают сточенные и цельные, с грузом из металлических штырей или просверленными отверстиями для заливки свинцом. Такие кости встречены на Рождественском, Анюшкар, Родановом городищах и ряде других памятников.

Аналогичные кости хорошо известны в материалах болгарских селищ и городищ [Казаков, 1991, с.157, рис.50/11,14-15,17], причем один, отлитый по оттиску образец в виде астрагала барана, целиком свинцовый [Казаков, 1991, рис.50/9], на Белоозере [Захаров, 2004, рис.245]. Большое количество таких «бабок» имеется в погребениях X в. Киевского некрополя [Каргер, 1958, табл.XVIII]. Среди них есть и «биты» - астрагалы, залитые свинцом.

Подгруппа II.2 (рис.122/13-15) – *керамические шары*. Подобного рода изделия известны на большинстве крупных городищ Пермского Предуралья. Например, на Рождественском городище обнаружено 9 глиняных обожженных шарика диаметром 11-50 мм.

Шарики небольшого диаметра могли использоваться как ядра для пращи. Подобные шарики в большом количестве встречены, например, на Лаврятском городище (раскопки А.М.Белавина), известны и на других памятниках Пермского Предуралья.

Но крупные шары, вероятно, представляют собой инвентарь для игр. Игры, в которых используются тяжелые шары, известны и в наше время (например, бильярд, гольф и пр.), логично допустить существование игр, при которых необходимо было загонять шар в лунку, и в древности.

Группа III – оружие. Эта группа не может быть выявлена археологически, поскольку в Пермском Предуралье органика сохраняется в культурном слое крайне плохо, а игрушечное оружие изготавливалось, главным образом, из дерева. Но, тем не менее, в материалах Рождественского городища представлен один костяной наконечник стрелы (рис.122/12), для которого не удастся отыскать аналогий. Он отличается от остальных, прежде всего, тем, что в нем чувствуется неумелая рука мастера, изготовившего его. Кроме того, этот наконечник явно нефункциональный, поскольку острие и боковые грани его закруглены, сама лопасть наконечника толстая, овального сечения. По предположению Г.Т.Ленц, это учебное изделие, но с той же долей вероятности можно предположить, что это был наконечник для игрушечной стрелы.

Группа IV - образные игрушки – куклы и дополнительные принадлежности для игры в «дочки-матери».

Подгруппа IV.1 – керамические куклы (статуэтки).

В материалах ряда средневековых памятников Пермского Предуралья (Рождественское, Анюшкар, Роданово городища, Чашкинское II, Запосельское I селища) встречены керамические изделия в виде вытянутой пирамиды или конуса, которые авторами раскопок интерпретируются как «статуэтки».

Всего выявлено 31 экз. предметов, которые представляют собой вытянутую пирамиду или конус. Изготовлены они из глиняной массы, характерной для лепных керамических изделий Пермского Предуралья: плохо промешанная глина с примесями песка, дресвы, шамота. Цвет изделий от светло-корич-

невого до серого, что также сближает их с массовой лепной посудой. Отличие составляет только отсутствие в глиняном тесте толченой раковины. Отдельные предметы выполнены очень качественно, поверхности их ровные, тщательно заглаженные, но ряду предметов необходимая форма была придана наспех, небрежно.

Среди этих керамических изделий выделяется два основных типа [Крыласова, 2004с]:

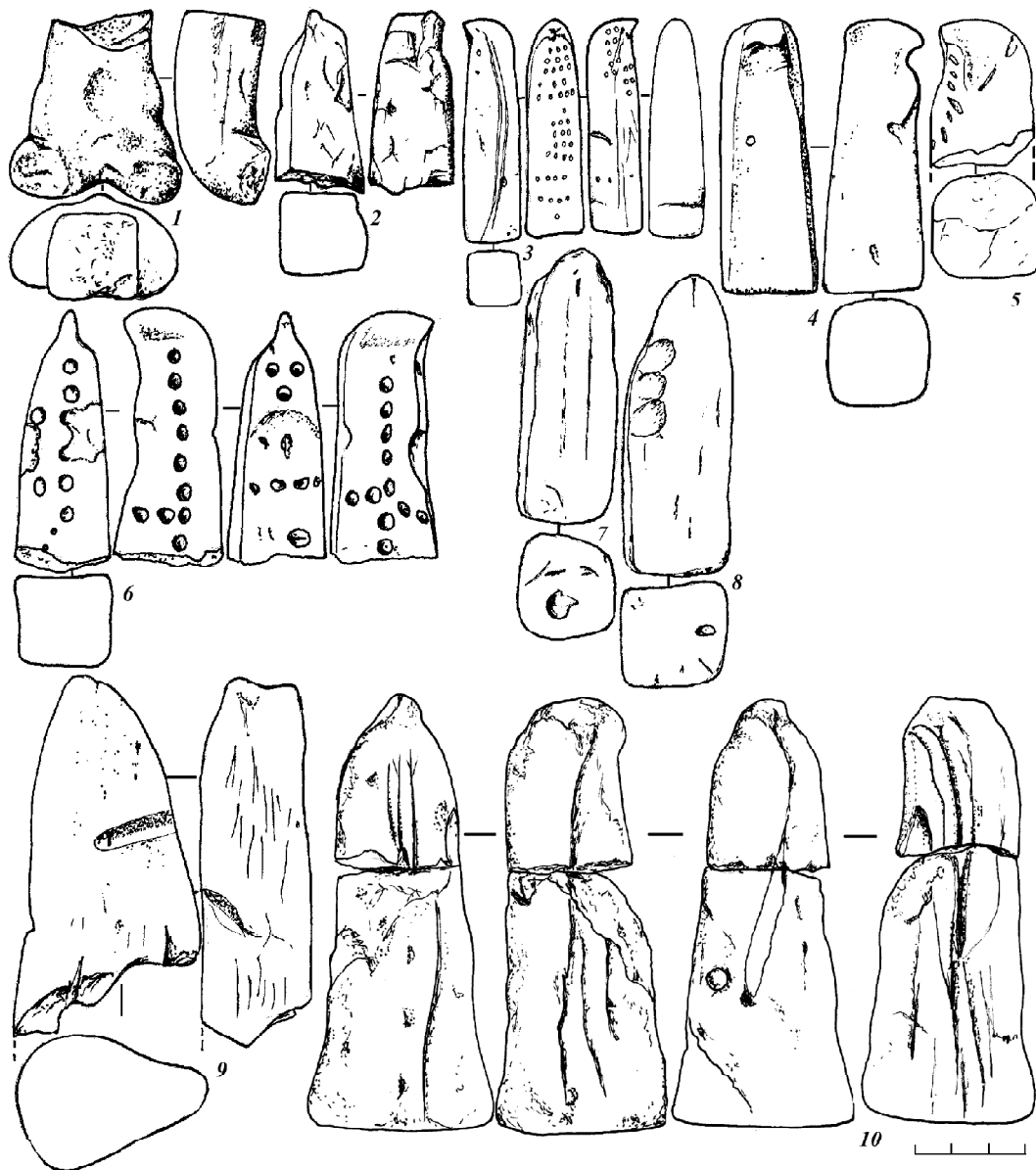

Рис.123 Статуэтки, подтипы I.1.1.1-3: 1-5, 9-10 – Рождественское городище, 6-8 – Анюшкар.

Тип I.1.1 (рис.123-126) - предметы пирамидальной формы. В этом типе выделяется несколько подтипов, различающиеся особенностями оформления верхней или нижней части предмета.

Подтип I.1.1.1 (рис.123/1) - фрагмент вытянутой пирамиды со стилизованным изображением ног (1 экз.).

Подтип I.1.1.2 (рис.123/2-6) - усеченные пирамиды, завершающиеся в верхней части клювовидным выступом (5 экз.).

Подтип I.1.1.3 (рис.123/7-10) - усеченные пирамиды с приостренной верхней частью (4 экз.). Вершина у них, как правило, слегка наклонена в одну сторону, поэтому общий облик данных предметов имеет определенное сходство с предыдущим подтипом.

Подтип I.1.1.4 (рис.124) - усеченные пирамиды, завершающиеся сверху округлой площадкой с небольшим вдавлением (4 экз.).

Подтип I.1.1.5 (рис.125) - вытянутые пирамиды, слегка уплощенные сверху (5 экз.).

Тип I.1.2 (рис.127) - предметы конусовидной формы (6 экз.). Все предметы данного типа представлены во фрагментах, поэтому судить об их полном обличке невозможно. Находки 2005-2006 гг. на селище Запоселье I показывают,

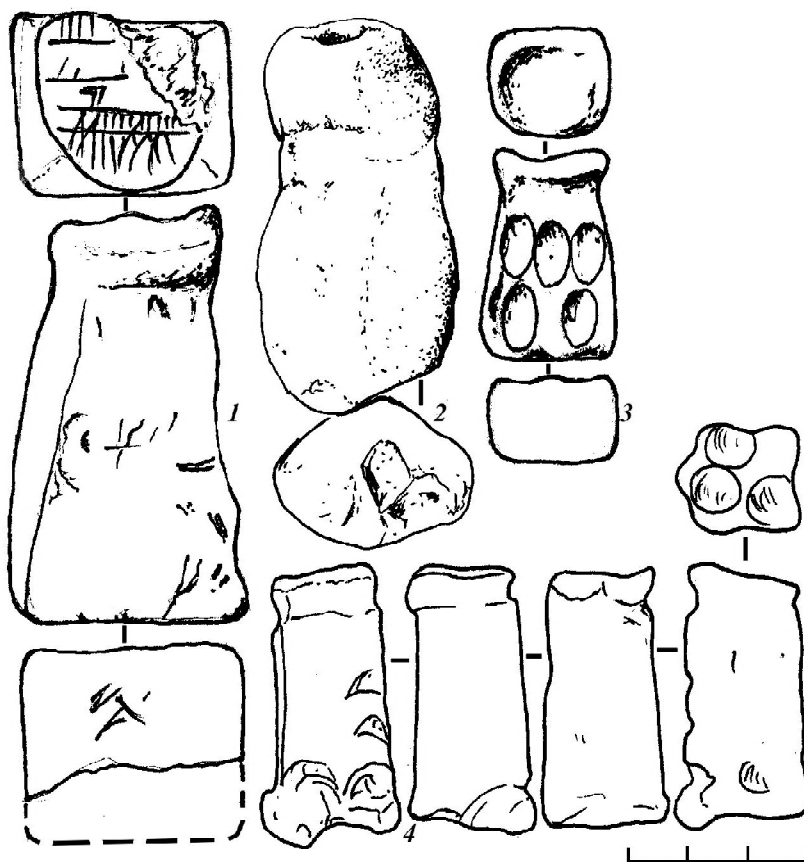

Рис.124 Статуэтки, подтип I.1.1.4: 1, 3-4 - *Анюшкар*, 2 – *Рождественское городище*.

что в верхней части конус усечен, однако переносить это наблюдение на все предметы преждевременно, так как они имеют разную датировку. Запосельские «статуэтки» датируются предварительно VII-VIII вв. Они в большей степени, чем статуэтки с городищ, имеют антропоморфный облик. Во-первых, у них явно наблюдается лицо, хотя черты его лишь едва намечены, во вторых, на них четко просматриваются детали костюма: на обеих фигурках – головные уборы, на фигурке из раскопа 2005 г. – пояс, завязанный узлом. Это единственные средневековые статуэтки, относящиеся к столь раннему периоду. Все остальные предметы рассматриваемой категории происходят из слоев X-XII вв.

Антропоморфный облик ряда предметов подчеркивается неглубоким пальцевым вдавлением, обозначающим «лицо». 50 % предметов имеют различную

орнаментацию, которая в большинстве случаев представляет собой точечные (рис.123/3,4,6; 125/5; 126/2; 127/2) или ямочные вдавления (рис.123/1,8; 124/2,3,4), нанесенные палочкой или пальцем, ногтевидные вдавления (рис.123/5; 124/1; 125/1,4; 126/4; 127/6), прочерченные линии (рис.123/3,7,10; 124/1; 125/1; 126/1,3). Особой системы в орнаментации не наблюдается, за исключением того, что на четырех предметах горизонтальная орнаментальная полоса распо-

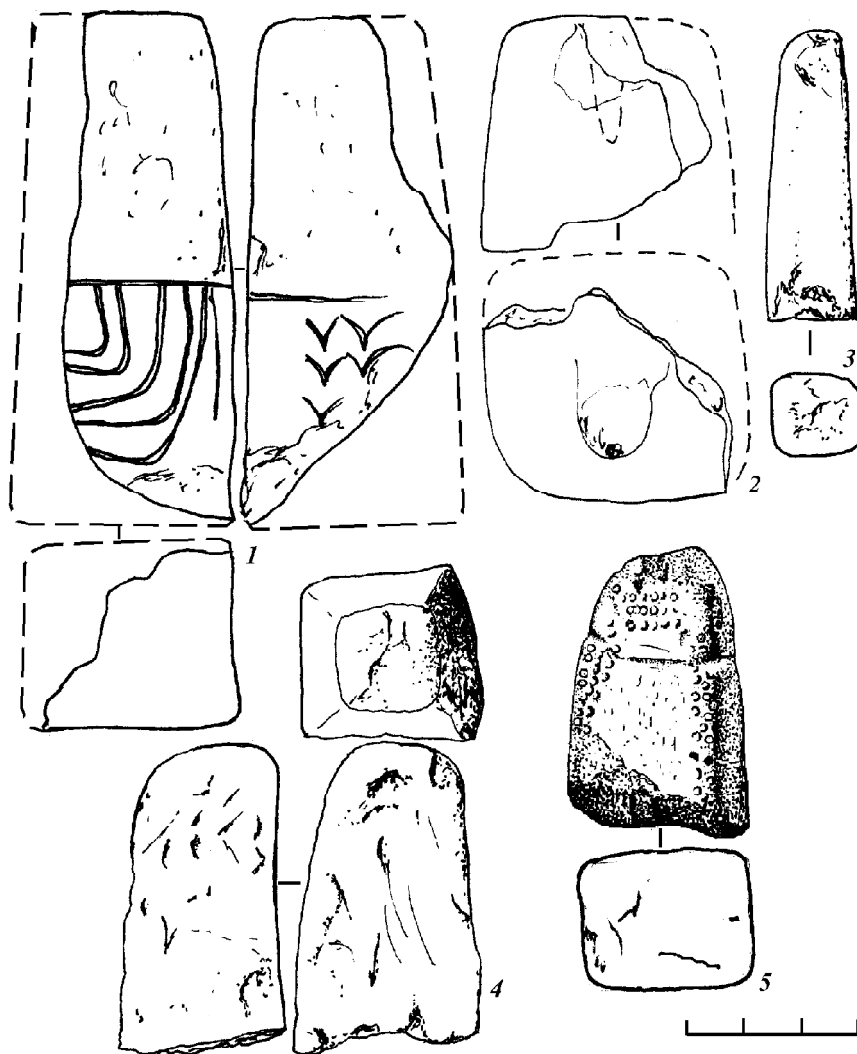

Рис.125 Статуэтки, подтип I.1.1.5: 1, 3-4 - Рождественское городище, 2 – Чашкинское II селище, 5 – Роданово городище.

ложена по центру, и вызывает ассоциации с поясом (рис.123/3,6; 125/1; 127/2), а нижняя часть ряда предметов условно может быть принята за изображение подола одежды со складками (рис.123/10; 125/1; 126/3,4; 127/6). В двух случаях на «лицевой» стороне предметов нанесены вертикальные ряды ямок, которые воспринимаются как изображение застежки (рис.123/3,6,10; 126/2). На одном целом предмете, не смотря на грубость его исполнения, можно проследить условное изображение лица, желобки по боковым граням пирамидки воспринимаются как длинные косы (рис.123/10), такие же «косы» при внимательном рассмотрении наблюдаются еще на одном предмете (рис.123/3). Кроме этого

на основании и боковых поверхностях изделий можно отметить наличие ямок и прочерченных линий, которые с одной стороны, могли возникнуть случайно, учитывая общую небрежность в изготовлении этих предметов, но, в то же время, нельзя отвергать и версию о том, что это какие-то знаки. Во всяком случае, «орнамент» на поверхности углубленной площадки в верхней части одного из предметов *подтупа* 1.1.1.3 воспринимается именно как знак (рис.124/1).

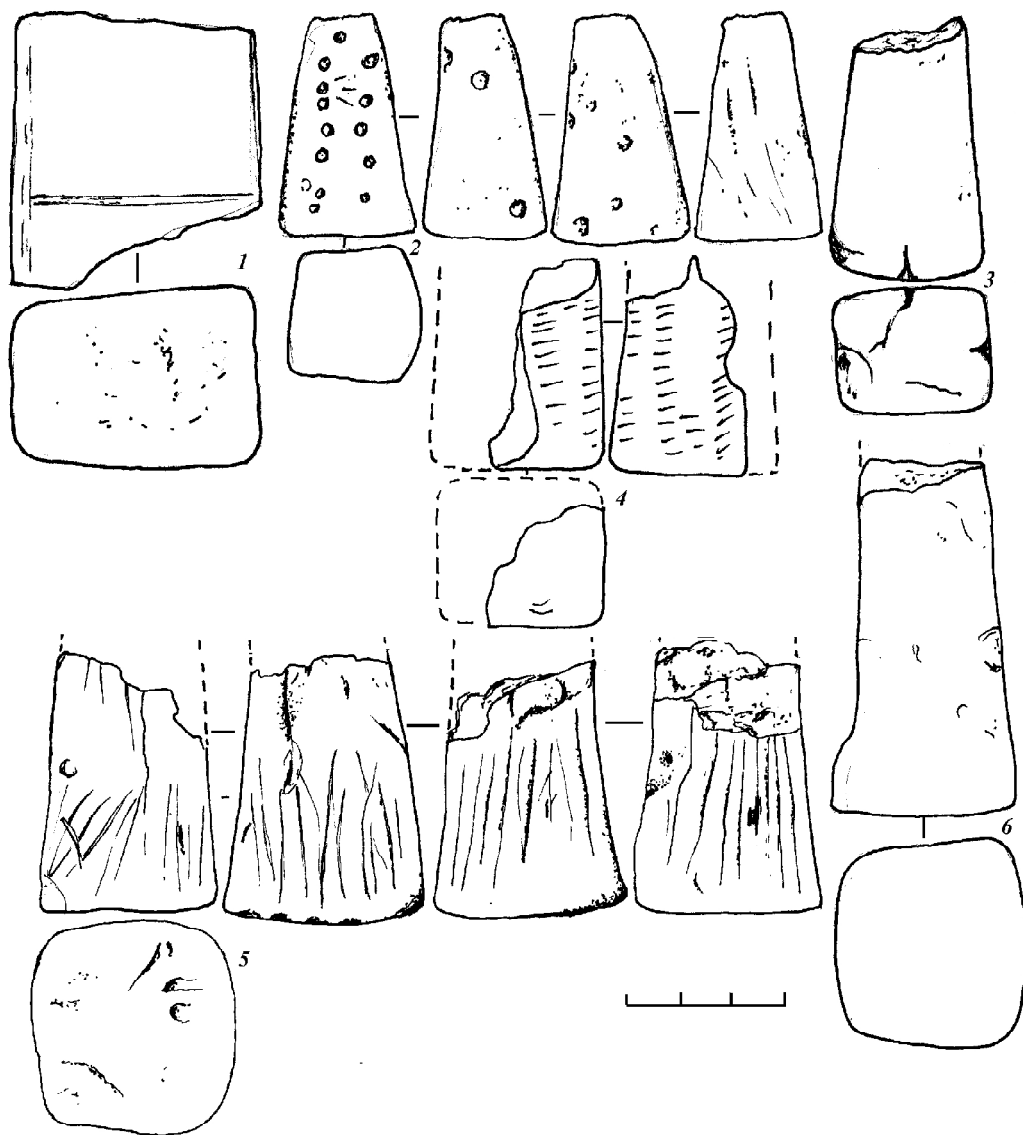

Рис.126 Фрагменты статуэток, тип 1.1.1: 1, 3-*Анюшкар*, 2, 4-7-*Рождественское городище*.

Аналогий данным «статуэткам» в публикациях пока не найдено. Археологи, к которым мы обращались за консультацией по поводу этих предметов, с первого взгляда с уверенностью определяли их как ананьинские статуэтки, а, узнав, что они происходят из слоя поселений X-XIII вв., без сомнения относили их к культовым предметам. Возникла, правда, и такая версия, что эти предметы могли использоваться как подставки под сосуды при обжиге в гончарных горнах. Последняя версия казалась бы правдоподобной, учитывая, что наибольшая часть этих поделок происходит с раскопов, где были зафиксированы бул-

гарские гончарные горны. Но несколько моментов заставляют опровергнуть эту версию: 1) все поделки выполнены лепным способом из глиняного теста с примесями, характерными для местной лепной керамики, и имеют костровой или печной обжиг, если бы они использовались в гончарном ремесленном производстве, то логичным было бы использование керамического теста, характерного для болгарской гончарной посуды, и обжиг в горне; 2) предметы, ис-

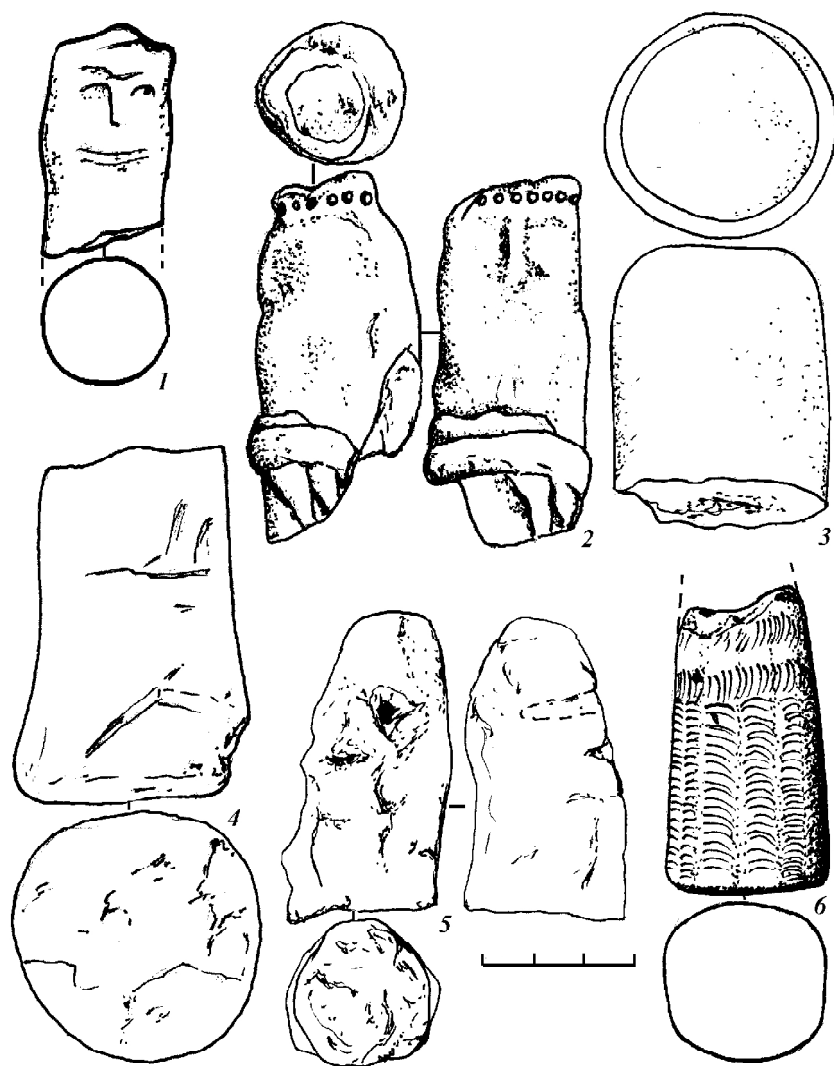

Рис.127 Статуэтки, тип I.1.2: 1,2 – селище Запоселье I, 3 – Роданово городище, 4 – Чашкинское II селище, 5-6 – Рождественское городище.

пользуемые в ремесленном производстве, на наш взгляд, должны иметь более стандартные формы; 3) ряд предметов имеет орнаментацию, которая воспринимается, как обозначение одежды.

Версия о культовом назначении этих предметов также заслуживает внимания. Хорошо известно, что характерной чертой культуры народов Северной Европы с глубокой древности являются изображения женщин из кости, камня, глины, дерева или ткани. Исследователи считают, что часть из них была связана с обрядами обретения и реализации женщиной функции воспроизводства и материнства. На это указывает отчетливая линия развития иконографического

образа женщины в искусстве и верованиях этих народов [Кернер, 2002, с.122]. Проследивая эту линию, и классифицируя женские антропоморфные статуэтки, В.Ф.Кернер выделила тип скульптурных изображений женской фигуры, построенных по принципу «голова-туловище». Общим для них является отсутствие ног, в ряде случаев голова изображена приостренной (Финляндия, Латвия, Южная Сибирь, Прикамье), лица женских изображений с территории Южной Сибири и Прикамья могут быть не проработаны, иногда встречаются знаки одежды (пояса, фартуки, нагрудники, украшения ушей и шеи), признаки пола зачастую отсутствуют (имеются ввиду ананьинские статуэтки, авт.) [Кернер, 2002, с.124-130]. Мы специально выделили те характерные признаки, которые наблюдаются на глиняных фигурках со средневековых памятников Прикамья. Подобные «женские куклы», чаще всего создаваемые по древнему принципу «голова-туловище» (руки и ноги изображались редко), известны у многих народов в этнографическое время (обские угры, хакасы, ненцы, южные алтайцы, чукчи, коряки и др.; по фольклорным данным такие изображения фиксируются у славян, саамов и др.). Обычно за основу куклы брался деревянный стержень, кость, жгут из ровдуги или тряпок, пучок соломы, антропоморфный облик придавался с помощью одежды [Кернер, 2002, с.130]. В старой этнографической литературе применительно к антропоморфным фигуркам, встреченным дореволюционными этнографами и путешественниками в детском инвентаре самоедов, вогулов, чукчей и др., употреблялось слово «кукла», в которое, вероятно, вкладывался смысл игрушки. В.Ф.Косарев предлагает критически отнестись к этому [Косарев, 1984, с.193], поскольку т.н. «куклы» являлись не игрушками, а покровителями женского плодородия. Выходя замуж, женщина уносила с собой свои «куклы» и прятала их в специальный мешок, хранившийся у изголовья постели, что считалось необходимым условием скорейшего и благополучного появления детей. По мнению чукчей, передача «куклы» постороннему лицу грозила нарушить плодородие семьи. Когда рождались дочери, мать давала им свои «куклы». Если «кукла» была одна, ее отдавали старшей дочери, а для остальных делали новые [Слюнин, 1895; Богораз, 1901, с.48]. Эти «куклы» имели культовый характер, и для игры не использовались. Кроме того, в культовой практике манси известны духи-покровители – пупыги, одна из категорий которых – антропоморфные изображения из дерева, ткани, металла или других материалов, одетые в одежду. Пупыги имелись у каждой семьи, они находились в особых зонах жилища или в определенных местах тайги. К пупыгам обращались за защитой и помощью, принося им жертвоприношения [Мифология манси, 2001/, с.117-120]. Вполне вероятно, что в древности таких пупыгов могли делать и из глины. Кроме того, в материалах селища Телячий Брод, которое датируется XII-XIV вв., встречены каменные изделия, по форме напоминающие глиняные «статуэтки», которые с большей долей вероятности можно отнести к культовым предметам [Крыласова, 2003а, с.164]. Таким образом, этнографические материалы позволяют предполагать культовый характер глиняных «статуэток» со средневековых поселений Прикамья.

Однако, у большинства археологов уже вошло в традицию, встретив артефакт, интерпретация которого вызывает затруднение, рассматривать его исключительно как культовый предмет. Попробуем поискать иное объяснение. В этом отношении интерес представляет сообщение Д.Т.Янович о куклах детей ниж-

необских аборигенов. «Обские остяки и ямальские самоеды, - писала она в письме В.Харузиной, - делают своим детям... особые 2-3-вершковые куклы (окань), которые представляют из себя в одежде некоторое подобие женщин, но без человеческих голов, туловища и конечностей, чтобы избежать сходства со священными изображениями, вырезанными в память усопших родственников со всеми деталями человеческого корпуса, хотя иногда и без рук, но всегда с отчетливой скульптурой лица. Лицо человеческое, даже грубо и едва-едва намеченное на бревне или палке, уже само по себе заслуживает уважения и почтения, так как ему, безусловно, есть в мире духов свой гомолог, и приделать его к кукле, играть же и забавляться – тяжким грехом. Чтобы избежать этого и все же дать выход удовлетворению естественного желания всякой девочки поиграть в материнство, употребляется вместо подобия человеческой головы верхняя челюсть утиного или тарпаньего клюва, которая пришивается к прямоугольному кусочку сукна, образующему «тело» куклы. Каждую куклу, не имеющую, таким образом, ни рук, ни ног, одевают в меховой халатик женского покроя (сах), сшитый из обрезков шкур, причем к утиному клюву иногда привешивается пара веревочных женских кос, за пазуху халата всовывается игрушечная детская люлька, но без ребенка» [Харузина, 1912, с.129-130]. Аналогичные куклы с тем же названием известны у народов коми.

Комментируя письмо Д.Т.Янович, В.Харузина высказала предположение, что «лишение главного признака человеческого изображения – лица (припомним, что в примитивном изображении бывают именно подчеркнуты характерные черты) лишает его в сущности жизни» [Харузина, 1912, с.130]. Ханты и манси считали, что кукла может ожить, если на ее лице изображены глаза. Если игрушка с глазами останется без присмотра или потеряется в лесу, в нее вселится злой дух, и она превратится во вредоносное существо пэчак [Мифологическое время, 2003, с.33]. У народов коми также черты лица кукол не детализировались, поскольку считалось, что изображение черт лица может оживить куклу и, тем самым, сделать её опасной для человека. Коми-пермяки считали, что если дети будут играть акань с глазами, «стоячими» как у колдунов, то могут сами ослепнуть или принесут в дом несчастье [Шарапов, 2002].

Со временем голову куклы стали делать из туго свернутых кусочков ткани. А.Н.Рейнсон-Правдин, анализируя материалы по куклам хантов, манси и ненцев, также пришел к выводу, что первоначально головы кукол изготавливались из птичьих клювов, а куклы с головами из ткани появились под влиянием русской культуры [Рейнсон-Правдин, 1949, с.116]. У народов коми куклы акань также изготавливались из тряпок. Лицо у кукол обозначалось белым либо светлым фоном, или разноцветными полосками ткани. Первоначальное значение коми-зырянского слова акань – «маленькая игрушечная сестренка, женщина». Ряд фразеологизмов, а также комплекс поверий и запретов, связанных с акань, свидетельствуют о традиционном соотношении образа антропоморфной игрушки с представлениями о душе-тени или двойнике человека. В восприятии взрослых некоторые детские игры с акань считались пророческими. Например, у обских угров в том, как сложится жизнь акань, угадывалась судьба хозяйки [Мифологическое время, 2003, с.33]. По поверьям коми, игры девочек с тряпичными куклами влияли на их будущее семейное счастье и плодovitость. У коми-зырян говорят, что у девочки, которая в ходе игры раздает своих акань подругам, не будет семейного счастья и благополучия. Считалось, что по ха-

рактеру детских игр с акань можно предсказать предстоящие изменения не только в жизни ребенка, но и всей семьи: «если дети играют в похороны, и закапывают с причитаниями кукол на углу дома – значит, в этой семье скоро кто-то умрет». У каждой девочки количество тряпичных акань в игрушечной семье, как правило, соответствовало количеству членов реальной семьи ребенка. Но при этом, акань никогда не давали собственные имена членов семьи, что было обусловлено стремлением обезопасить живых людей от установления возможной связи с судьбой игрушечного двойника и, тем самым, исключить возможность сглаза и порчи. Родители, наблюдая за изготовлением девочками тряпичной одежды для кукол, а, нередко, участвуя в этом процессе и в самой игре, строго следили за тем, чтобы акань шилась только из обрывков новой ткани, ни в коем случае нельзя было использовать лоскутки от одежды, которая кем-либо носилась. По поверьям коми-зырян одежда, «пропитанная запахом живого человека», является его вуджир (тенью). Считается, что, закопав в землю куклу, одетую в такую одежду, можно наслать неминуемую болезнь или даже гибель на её реального «двойника». Примечательно, что после проведения традиционной игры «похороны акань» дети впоследствии никогда не извлекали её из земли, мотивируя это тем, что, играя с такой акань можно навлечь на себя беду [Шарапов, 2002]. Куклы акань изготавливались и обряжались в специально сшитые одежды со всей серьезностью, поскольку им предстояло играть серьезные роли родителей и детей, жениха и невесты, хозяев и гостей. Детские куклы жили взрослой жизнью, а сами «водящие» незаметно переключались с игры в люльку на заботы о младших братьях и сестрах, с шитья маленьких сахов на обработку больших шкур. Акань - еще игра, но уже обряд [Мифологическое время, 2003, с.33].

Таким образом, мы видим, что у народов Урала существовали игрушечные куклы, почти лишенные антропоморфных черт, что характерно и для наших «статуэток». Правда, в нашем случае «куклы» изготовлены из глины, а известные по этнографическим материалам окань преимущественно были из ткани. Однако в древности вполне могли использоваться и иные материалы для изготовления игрушек, о чем свидетельствуют данные этнографов. К примеру, Л.Р.Павлинская, рассматривая образную игрушку сибирских народов, пришла к выводу, что наиболее архаичными являются куклы, основу которых составляют косточки животных, птиц и птичьих клювы. Разнообразных костей, которые могли бы использоваться для игры, в материалах средневековых поселений встречается очень много, но, естественно, их невозможно атрибутировать как игрушки. Использование для создания основы куклы, которая обозначала тело и голову человека, косточек животных, птиц и птичьих клювов, по мнению Л.Р.Павловской, выражает идею единства происхождения всего живого на земле, отражая тесную связь человека и зверя с матерями прародительницами, которые представлялись в образах животных и птиц [Павловская, 1988, с.241-242]. Косточка или птичий клюв становились куклой и приобретали значение человека, если на них появлялся кусочек ткани или одежда. Так, Г.М.Василевич писала, что голые бабки в игре могли изображать оленей, коней или собак, но бабки с повязанными лоскутками ткани представляли только человека [Василевич, 1927, с.30]. Следовательно, первое, что отделяло в игрушках «человека» от «животного», являлось не создание антропоморфного образа, а введение материала, созданного человеком. А.Н.Рейнсон-Правдин, анализируя

материалы по куклам хантов, манси и ненцев, так же, как и Д.Т.Янович, пришел к выводу, что первоначально головы кукол изготавливались из птичьих клювов, а куклы с головами из ткани появились под влиянием русской культуры [Рейнсон-Правдин, 1949, с.116]. На наш взгляд, использование птичьего клюва вместо лица куклы может быть соотнесено с клювовидными выступами на предметах *подгруппы I.1.1* из рассматриваемой категории средневекового инвентаря (рис.1/2-6).

Л.Р.Павловская также обращает внимание на сообщение исследователей, что у некоторых народов Сибири дети лепили игрушки из глины и теста (хлебного мякиша). Этот материал не являлся традиционным ни для культуры данных народов в целом, ни для производства остальных игрушек. Изготовление изображений животных из глины и теста известно у многих земледельческих народов [Динцес, 1936, с.14], а также у ряда неземледельческих народов, где эта практика являлась частью обрядовых комплексов, связанных с представлениями о первоначальном созидании жизни, плодородии и воспроизводстве всего живого [Фрезер, 1985, с.17-28]. Воспоминания о бытовании некогда глиняных кукол акань сохранились в коми-зырянском фольклоре. Примечательно, что в сказках процесс изготовления глиняной акань выступает метафорой зачатия ребенка. Свидетельством тому может служить коми-зырянское детское название глиняных игрушек сёй папу «глиняная вульва, глиняный пирожок». При этом в фольклорных текстах акцентируется внимание на кратковременности существования соломенных, берестяных и глиняных акань. В коми-зырянском языке метафорическим сравнением с глиняной акань подчеркивается нерешительность и бесхарактерность человека (напр., сёй монь «глиняная сноха», сёй морт «глиняный человек») [Шарапов, 2002].

Таким образом, глиняные изделия, обнаруженные на средневековых памятниках Пермского Предуралья, вполне могли быть куклами, поскольку мы наблюдаем в них все характерные черты: предельную стилизацию человеческой фигуры, отсутствие изображения головы и лица; клювовидный выступ на части предметов можно сопоставить с использованием клюва птиц для воспроизведения лица куклы. То, что для изготовления этих предметов использована глина, объяснимо широким употреблением этого материала, который в Сибири со временем перестал использоваться. По свидетельству этнографов, куклы окань делились по одежде и размерам на детей, женщин и мужчин. Возможно, именно с этим связаны различия в оформлении верхней части и разные размеры глиняных предметов из Пермского Предуралья.

Подгруппа IV.2 – кукольная «посудка» (рис.128).

По этнографическим материалам известно, что к игре в куклы относился целый комплекс других предметов: маленькие сумочки и мешочки для хранения кукольного имущества, подушки и одеяльца, разнообразная утварь, кукольные платки. В быту взрослых все эти предметы делали женщины, которые с раннего детства прививали своим дочерям навыки изготовления одежды и утвари [Федорова, 1988. С.88]. А.Н.Рейнсон-Правдин пишет, что «по игрушкам девочки, по качеству ее ранних работ жених судил об умении невесты. Считалось, что девочка, умеющая хорошо делать игрушки, будет в будущем хорошей хозяйкой и мастерицей» [Рейнсон-Правдин, 1949, с.123]. Характерно, что на тех же участках раскопов, где были встречены глиняные «статуэттки», обнаружено и довольно много экземпляров игрушечной посуды, изготовленной деть-

ми, которая могла использоваться вместе с куклами во время игры в «дочки-матери».

Анализ этой категории керамических изделий уже проводился [Крыласова, 2001d, с.33-38], поэтому мы не будем останавливаться на рассмотрении каждого отдельного предмета, а постараемся дать их обобщающую характеристику, тем более, что с момента выхода статьи круг источников значительно расширился.

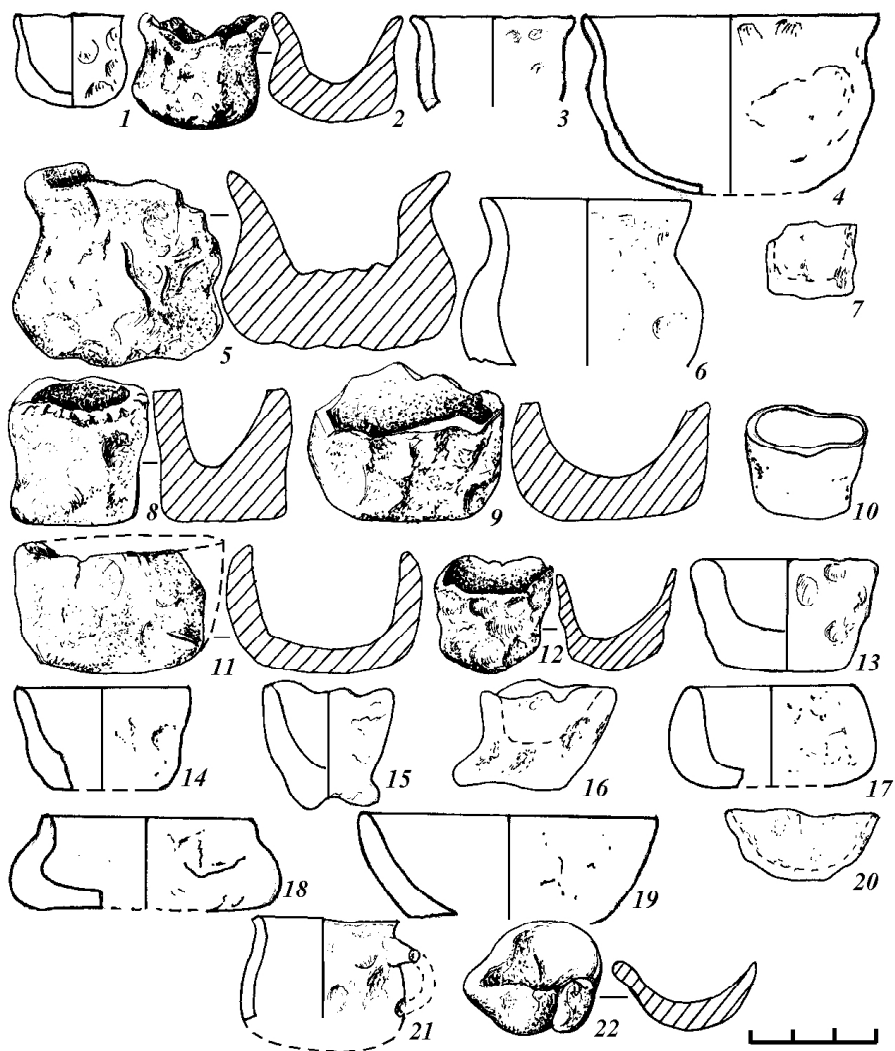

Рис. 128 Игрушечная «посудка»: 1-2, 5-6, 8, 11, 17, 21, 22 – Рождественское городище, 3-4, 7, 9, 12, 14-16, 18-20 – Анюшкар, 10 – Кудымкарское селище, 13 – коллекция Теплоуховых.

Причиной отнесения рассматриваемых изделий к категории игрушек является несколько обстоятельств. Во-первых, они настолько маленькие (с диаметром по венчику от 2 до 7 см, высотой 2-5 см), что сложно представить их практическое использование в быту древнего населения. Не могли они использоваться и в каких-то культовых целях, так как в местах их обнаружения не наблюдалось никаких следов жертвоприношения, да и известные культовые сосудики значительно превышают по размерам рассматриваемую «посудку». Во-вторых, все выделенные предметы явно изготовлены неопытной рукой –

они неровные, несимметричные, глина из заготовки вытянута неравномерно по изделию: большая ее часть осталась в области дна, за счет чего днище обычно несоразмерно толстое, а стенки слишком тонкие; внутренняя емкость сосудов в большинстве случаев почти не проработана и представляет собой лишь небольшое коническое углубление, выдавленное пальцем. Опытному человеку, которому не раз приходилось лепить сосуды, понадобилось бы сделать всего несколько точных движений, и в результате, несомненно, получилось бы симметричное изделие правильной формы. В третьих, на всех сосудах имеются более или менее четкие отпечатки пальцев, причем иногда хорошо просматриваются даже папиллярные линии. Было установлено, что эти отпечатки соответствуют ребенку в возрасте 5-6 лет. То же можно сказать и о внутренних углублениях в ряде предметов – диаметр их в нижней части настолько мал, что палец взрослого человека туда не поместится. Все эти факты свидетельствуют о том, что выделенные сосудики были изготовлены детьми, и могли использоваться в качестве кукольной утвари.

Важно, что эти предметы не только демонстрируют, в какие игры могли играть дети в прошлом, но и отражают процесс их обучения и воспитания. При изготовлении игрушечной «посудки» девочки получали все те полезные знания и навыки, которые использовали позднее на протяжении всей жизни, возобновляя запасы необходимой в хозяйстве домашней утвари. Вряд ли для детей проводились какие-то специальные занятия. Скорее всего, они приобретали знания, наблюдая за работой взрослых, и, по мере сил, помогая им. Не ограничиваясь простым наблюдением, они пытались подражать взрослым, делая свои поделки. Подобное наблюдают и в наше время большинство матерей, когда их маленькие дочки пытаются стряпать вместе с ними пирожки, а затем сажают свои неказистые произведения в печь, и с нетерпением ждут результата. То, что обжиг игрушечных сосудиков ничем не отличается от обычной бытовой посуды, показывает, что и в старину все происходило примерно также. Примечательно, что кроме игрушечных сосудиков изготавливались и иные поделки, которые сохранились за счет того, что были подвергнуты обжигу (рис.122/16-17).

Наличие нагара на внешней, а иногда и на внутренней стороне игрушечных сосудиков, позволяет предположить, что в процессе игры девочки пытались готовить пищу не «понарошку», а в настоящем очаге, ставя в него свое кукольное варево рядом с горшками, где готовилась пища для семьи.

Таким образом, наличие в коллекциях средневековых памятников детских игрушек позволяет нам представить, каким образом в прошлом мог происходить процесс обучения детей и передачи накопленной в обществе информации. Но для решения задач исследования бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья наиболее ценным является то обстоятельство, что игрушечные сосудики являются копией реальных бытовых сосудов, причем дети, в основном, воспроизводили наиболее значимые формы сосудов, которые, к примеру, встречаются в погребальном инвентаре, что свидетельствует об их особом статусе.

Тип IV.2.1 - горшковидные. Эти сосудики подражают по форме типичным круглодонным горшкам Пермского Предуралья, которые бытовали на протяжении всей эпохи средневековья, и в силу консервативности традиционной культуры, не подвергались изменениям даже тогда, когда стали распростра-

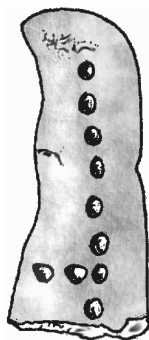
няться новые формы посуды и в обиходе появились столы, полки и другие плоские поверхности, на которые трудно было устанавливать сосуда с округлым дном.

Тип IV.2.2 – котлообразные. Эти сосудики воспроизводят форму нового типа кухонной посуды, распространившейся с XI-XII вв., и обладавшей особой значимостью, что подтверждается наличием такой посуды в богатых мужских погребениях XII-XIV вв.

Тип IV.2.3 – мискообразные. Еще один вид традиционной прикамской посуды, который, хотя и не имел такого массового распространения, как горшки, но представлен в керамических комплексах на протяжении всей эпохи средневековья.

Тип IV.2.4 – подражающие сосудам для питья. В данном типе представлены миниатюрная кружечка с обломком петлевидной ручки, и ковшичек со сливом, также с обломком рукояти. Эти сосудики могут подражать статусной деревянной посуде с металлическими обкладками, которая представлена в богатых мужских захоронениях к.Х – первой половины XI вв., или появившимся несколько позднее керамическим сосудам подобной формы и назначения.

В.Ф.Косарев в свое время отмечал, что найти игрушку-человека (куклу), даже если она существовала в древности, археологически почти невозможно, так как лицо ее было лишено человеческих черт, равно как и тело, а сама она изготовлялась из быстро разрушающихся мягких органических материалов [Косарев, 1984, с.194]. Нам же, вполне вероятно, удалось зафиксировать эту категорию игрушек, что имеет важное значение не только для археологии, но и для этнопедагогики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования была сделана попытка на базе археологических источников представить систему бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья.

Определяющее значение в этой системе имеют основные составляющие бытовой материальной культуры (культуры жизнеобеспечения): пища, жилище, одежда. Характер всех этих элементов определяется, в первую очередь, природно-климатическими условиями, особенностями хозяйства и традиционным этническим стереотипом.

Состав компонентов питания обусловлен особенностями хозяйственного уклада. В этот состав входили продукты земледелия и скотоводства, значительную долю в рационе питания составляли рыба, вероятно, дикорастущие растения (орехи, ягоды, травы, корень, возможно, грибы), доля охоты в обеспечении продуктами питания была относительно невелика. Традиционным способом приготовления пищи являлась варка, причем, среди основных видов блюд, вероятно, преобладали густые похлебки и каши, о чем свидетельствует характер кухонной посуды и столовых приборов.

Изменения в питании начали происходить с X-XI веков. Несомненно, значительную роль в этом процессе сыграло культурное влияние со стороны мощного соседа – Волжской Булгарии. Во-первых, произошел переход к пашенному земледелию, за счет чего значительно возросло количество выращиваемого зерна, что позволило использовать его не только в качестве компонента для похлебок, но и для выпечки хлеба (получают распространение жернова для помола зерна на муку, встречаются обугленные кусочки хлеба). Кроме того, из Волжской Булгарии были заимствованы новые виды зерновых и огородных культур, что расширило ассортимент продуктов питания. С этого же времени отмечаются изменения и в кулинарных традициях. Свидетельством тому является появление множества новых специализированных форм кухонной и столовой посуды. Вероятно, к этому же периоду можно отнести начало употребления в пищу молока и молочных продуктов, что подтверждают такие факты, как увеличение возраста забиваемых животных, и распространение специализированной посуды для отстаивания сливок, приготовления сыра и творога, употребления сырого молока.

Что касается жилища, то, нужно отметить, что средневековое население унаследовало проверенную временем форму наземного прямоугольного бревенчатого дома, который появился в Пермском Предуралье еще с периода раннего железного века. Для возведения таких домов на протяжении всей эпохи средневековья использовались два основных строительных приема: сооружение сруба и закрепление горизонтально уложенных бревен между вертикальными столбами, врытыми в землю. Длительное сохранение последнего конструктивного приема, который определяется специалистами, как более простой и примитивный, объясняется несовершенством срубной техники, что подтверждается многочисленными фактами укрепления бревенчатых стен подпорками из кольев. Лишь для наиболее поздних жилищ можно предполагать наличие настоящих крепких срубов. Крыша была односкатной или двускатной (пос-

леднее преобладало). Поскольку стены были недостаточно прочными, чтобы выдержать серьезную нагрузку, в качестве распространенного конструктивного элемента присутствовали опорные столбы, которые располагались двумя рядами вдоль осевой линии жилища. Исчезновение подобных столбов в жилищах верхних слоев городищ может являться косвенным свидетельством распространения на позднем этапе самцовой крыши. Основным видом покрытия кровли, вероятно, являлась кора или береста, хотя имеются и свидетельства использования теса.

Довольно суровые климатические условия Пермского Предуралья способствовали использованию дополнительных средств для утепления жилищ. Среди них наибольшее распространение получили обустройство закрытого тамбура у входа и сооружение завалинки (засыпки стен снаружи землей), для утепления кровли, возможно, использовался дерн.

Интерьер жилища был довольно прост и стандартен на протяжении длительного времени. Основными его элементами были очаг и хозяйственная яма, расположенные в центральной части жилища. Вдоль стен располагались нары. Свободное пространство между нарами (пол) чаще всего покрывалось глиной, нередко для утепления пола использовалось покрытие из тонких бревен или теса. Можно предположить, что для достижения тепла и уюта широко использовались плетеные из соломы и прутьев маты, шкуры и ткань, которыми могли застилать пол и нары. На нарах, вероятно, существовали перегородки или пологи для выделения отсеков для семейных пар.

Изменения в интерьере фиксируются с XI в. Они выражаются в переносе отопительного устройства из центра к одной из стен или в угол, что объясняется необходимостью выделения свободного пространства в доме в связи с распространением ремесленной деятельности, а также и из-за уменьшения площади жилищ; в возникновении предметов мебели (столов, полок), о чем косвенно свидетельствует появление специальных подставок, предназначенных для установки круглодонных сосудов на плоскую поверхность, а позднее – переход к посуде с уплощенным или плоским дном.

Особую роль в культуре жизнеобеспечения играл очаг, который имел отношение как к пище, поскольку являлся средством для ее приготовления, так и к жилищу, так как служил основным источником тепла и света. Следует отметить, что открытый очаг у жителей Пермского Предуралья имел относительно прогрессивную конструкцию, которая зародилась задолго до начала эпохи средневековья. Для лучшей аккумуляции тепла его основание выкладывали толстым слоем глины, нередко с добавлением камней. Со временем наблюдается тенденция к увеличению толщины глиняной «подушки», фиксируется наличие деревянного короба, препятствовавшего ее разрушению. Такой очаг, поднятый над землей до уровня нар, способствовал лучшему обогреву помещения. Наряду с простым очагом, очевидно, существовали и отопительные устройства типа камина (чувала). К позднему этапу родановской культуры исследователи относят появление в Пермском Предуралье глинобитных печей, хотя, вероятно, это произошло опять же в XI в., когда среди керамического материала появляются валики-подставки для круглодонных сосудов, служившие не только на столе, но и на печи, о чем говорят следы длительного пребывания в огне на многих предметах этой категории. Возможно, эти валики выполняли на печи функцию конфорок. Именно печи наилучшим образом отвечают и но-

вому кулинарному обычаю выпечки хлеба. Тот факт, что подобные печи не фиксировались исследователями во время раскопок, объясняется отсутствием существенных различий между развалом очага на толстой многослойной глинобитной подушке, и развалом глинобитной печи.

И, вероятно, именно появление глинобитных печей, которые, в отличие от открытого очага, давали меньше света, способствовало распространению в быту масляных светильников болгарского типа, а с XIII в. – железных светцов-лучинодержателей. Светильники-жирники, вероятно, существовали и раньше, в качестве таковых могли использоваться маленькие керамические плошки, известные в керамических комплексах поселений на протяжении всей эпохи средневековья. Они служили не только для освещения, но и для обогрева небольших помещений, например, пространства, ограниченного на нарах пологом. Однако специализированные светильники, как ремесленного производства, так и подражания им, появились только в XI веке.

Одежда жителей Пермского Предуралья также определялась как климатическими условиями, так и спецификой хозяйственной деятельности. Суровый климат требовал теплой одежды. Материалами для ее изготовления служили как шкуры, так и ткани из шерсти овец и коз, а также из растительных волокон. Основным видом одежды была рубаха, которая дополнялась в период межсезонья халатом (кафтаном), а зимой – меховой шубой. Особенность жизни в лесу, хозяйственные занятия не способствовали использованию слишком длинной одежды, и она, судя по изобразительным источникам, была примерно до щиколоток. Своеобразие костюма достигалось за счет использования разнообразных декоративных элементов, которые одновременно выполняли различные функции (дифференцирующую, магическую, эстетическую, а нередко, и утилитарную).

Кроме основных составных элементов материальной бытовой культуры в работе дан анализ разнообразных бытовых предметов, использовавшихся средневековым населением Пермского Предуралья. По функциональному назначению их можно объединить в такие группы, как посуда и столовые приборы, предметы для добывания огня, фугляры и емкости, предметы гигиены. Отдельно рассмотрены детские игрушки, поскольку дети зачастую играли во взрослую жизнь, и игрушки, соответственно, являются миниатюрной копией реальных бытовых предметов. Поскольку исследователи, как правило, мало внимания уделяют характеристике бытовых предметов, и нередко ограничиваются в публикациях их простым перечислением, потребовалось проведение подробного морфологического анализа этих вещей, определение времени их бытования, территории распространения, функционального назначения. Отдельные категории предметов выделены и введены в научный оборот впервые.

В целом необходимо отметить, что некоторые бытовые предметы, представленные на территории Пермского Предуралья, имели широкое распространение либо по всей Европе, либо среди финно-угорских племен, но имеются и вещи, свойственные исключительно местному населению. Среди них флаконовидные пронизки-игольники, шумящие медальоны-коробочки, «якорьки» для крепления к костюму съемных вещей и прочее.

Важнейшей отличительной особенностью населения Пермского Предуралья было стремление придавать бытовым вещам дополнительные функции магических помощников-амулетов. Костюм, по своей сути, являлся комплек-

сом украшений-амулетов, которые дополнялись роговыми зооморфными гребнями или бронзовыми амулетами, изображающими гребни; кресалами с бронзовой фигурной рукоятью; декоративными сумочками (у мужчин и женщин); костяными или бронзовыми копоушками, игольниками, подвесками-ложечками, туалетными коробочками, богато украшенными ножнами (у женщин), шильями в костяных футлярах (у мужчин). Все перечисленные бытовые предметы, которые носили в составе костюма, имеют декоративное оформление, изготовлены из относительно дорогого материала с использованием трудоемкой технологии, что является нецелесообразным с точки зрения практического назначения данных предметов (к примеру, для шила вполне достаточными были бы рукоять и футляр из дерева, роговая рукоять, да еще и с орнаментацией, является избыточной). Но и этого показалось недостаточно, и на рубеже X-XI вв. большинство амулетов-бытовых вещей (ложки, копоушки, туалетные коробочки, игольники, даже роговые гребни) было снабжено дополнительными шумящими привесками (преимущественно в виде утиных лапок), что совсем не согласуется с их практическим использованием, а напротив, является серьезной помехой. Вероятно, создавая свои амулеты-украшения, амулеты-бытовые вещи, жители Пермского Предуралья вкладывали в них настолько глубокий и многоранный смысл, что данные предметы становились значимыми и ценными далеко за пределом Пермского края. К примеру, мы проследили территорию распространения зооморфных гребней и биметаллических кресал. Полученные результаты не оставляют сомнения в том, что родиной этих категорий бытовых вещей было Среднее Предуралье (Пермское и Удмуртское), откуда гребни распространялись на Запад по основным пунктам Великого Волжского пути, а биметаллические кресала, помимо этого, еще и на Восток – в Приобье. При этом вещи прикамского происхождения, вероятно, пользовались основным спросом среди финно-угорского населения.

Подобная привлекательность вещей «магического» характера из Пермского Предуралья может объясняться особым имиджем Урала, как некой таинственной волшебной страны, и отсюда, особой значимостью и силой всех распространенных там вещей. Подобное отношение к этой территории зафиксировано, к примеру, у индоиранцев, у которых в памятниках религиозной литературы и эпических сказаниях говорится о том, что на далеком севере простираются величественные горы, достигающие небес. Вокруг вершины Северных гор движутся планеты, их обходит со всех сторон Солнце, над ними высоко стоит созвездие Большой Медведицы. С великих Северных гор в море ниспадают воды священной реки Ардви, с них текут земные реки, среди которых *др.иран. Ramha*, отождествляемая с Волгой. Там располагается чудесная страна счастливого, «блаженного» народа. Там теплый климат, лишенный морозов и зноя. В Авесте говорится, что когда страной правил царь Йима, то не было ни болезней, ни голода, ни холода, и люди ходили молодыми, как пятнадцатилетние. Описанные горы исследователи отождествляют с Уральскими горами, священную реку Ардви – с Северной Двиной, где берет начало р. Кама, если принимать ее за исток Волги, как считали древние [Лушникова, 2004, с. 174], т.е. описание вполне соотносится если не с территорией Пермского Предуралья, то с более северными территориями, где у побережья Ледовитого океана располагались крупные святилища, активно посещавшиеся носителями родановской культуры (Хэйбидя-Пэдар, святилища на о-ве Войгач).

Большинство из перечисленных амулетов-бытовых вещей вышло из употребления или было заменено более прагматичными формами со второй половины XI в.

И вообще, если говорить в целом о системе быта, то можно констатировать, что наиболее значимые перемены во всех сферах приходятся именно на XI век. Этому есть ряд объяснений. С одной стороны, именно в этот период жители Пермского Предуралья вступают в активное взаимоотношение с Волжской Булгарией. Есть многочисленные свидетельства не просто массового употребления в быту продукции болгарских ремесленников, но и их непосредственного проживания на городищах Пермского Предуралья (например, Рождественское, Анюшкар), где они производили продукцию, ориентированную на конкретного местного потребителя. Наряду с болгарскими ремесленниками активно развивать собственное дело начали и ремесленники-профессионалы из местной среды (ювелиры, кузнецы, бондари, гончары и пр.). Совместно с болгарскими купцами начали вести свою деятельность и местные торговцы. У этих представителей местного населения, которые проживали, в основном, на городищах, все более ослабевали связи с семейной общиной, а рост индивидуальной собственности, для сохранности которой получили широкое распространение сундуки с железными навесными замками, и нежелание делиться ею, и вовсе привел к отрыву от общины. У таких «индивидуалов» происходил не просто разрыв с коллективом, а и отрыв от традиционных культурных ценностей и правил, определяющих предпочтения и запреты во всех сферах жизни, в том числе, и в быту. В результате они получили определенную свободу в выборе предпочтений, и начали вносить новые элементы комфорта в жилище, пробовать непривычные продукты и блюда, отказываться от использования традиционных этнических украшений, заменяя их продукцией массового ремесленного производства и дорогими ювелирными украшениями престижного характера. Поскольку в жилище теперь обитала парная семья, площадь его стала меньше. Еще одной вероятной причиной сокращения площади жилищ было то, что территория городища, ограниченная с одной стороны обрывом, с другой – валом и стеной, не позволяла строиться вширь, а желающих поселиться здесь было немало. Поэтому и приходилось коренным образом менять как конструкцию жилища, так и его внутреннюю планировку.

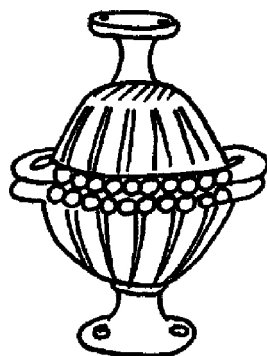
Другой причиной, дающей картину резких изменений в быту, мог стать активный приток на городища разного рода переселенцев как с территории Волжской Булгарии, так и с запада (представители финских этносов, ранние славянские переселенцы), либо даже частичная смена населения.

К сожалению, по позднему этапу родановской культуры мы почти не имеем информации о жизни сельской округи. Вполне вероятно, что изменения, которые четко фиксируются в быту средневекового населения Пермского Предуралья, относятся исключительно к городищам (к примеру, только на городищах найдены костяные гребни ремесленного производства, валики-подставки для круглодонной посуды, масляные светильники, развалы глинобитных печей и пр.). О жилищах позднего времени, существовавших на селищах, не известно ничего. Мы вполне имеем основания предполагать, что у сельчан традиционная семейная община сохранялась еще на протяжении длительного времени, что фиксируется даже по этнографическим материалам.

Особенность бытовой культуры населения городищ, его более высокий

уровень жизни, может использоваться как дополнительный довод в пользу правомерности точки зрения о наличии в Пермском Предуралье в период позднего средневековья населенных пунктов протогородского типа. В настоящее время вопрос о существовании протогородов является основным предметом дискуссии среди пермских археологов.

В задачи работы не входило определение этнической принадлежности средневекового населения Пермского Предуралья. Пока этот вопрос продолжает быть предметом жестких дискуссий, мы дипломатично назовем местных жителей «финно-угры». Хотя привлечение этнографических параллелей дало значительно больше прямых параллелей с материальной культурой обских угров, нежели с культурой пермских финнов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Appelgren-Kivalo H., 1915. Kansallisuusmaarayksista muinaistieteessä. Finskt museum, XXII.
2. Arbman H., 1940. MCXL.Birka I. Die Grabe. T.I. Uppsala.
3. Arne T.J., 1914. Suïde et IrOrient. Uppsala.
4. Arne T.J., 1935. Barsoff gorodok. Stockholm: Wahlstrom & Widstrand. 130 с.
5. Aspelin J.R., 1877. Antiguitis du Nord Finno-Ougrien. V. II/Ed. G.W. Edlund. Helsingfors.
6. Aspelin J.R., 1878. Antiguitis du Nord Finno-Ougrien. V. III/Ed. G.W. Edlund. Helsingfors.
7. Aspelin J.R., 1880. Antiguitis du Nord Finno-Ougrien. V. IV/Ed. G.W. Edlund. Helsingfors.
8. Carpelan C., 2004. Short review of prehistoric and early medieval connections between the Kama region and Finland in the light of archeological evidence // Пути-ми средневековых торговцев. Пермь. С.17-32
9. Cleve N., 1929. Finlandska fornsaker. 2. Eldstal med bronsfaste. Finskt Museum. XXXVI. K. F. Puomies Boktrykeri. A.-B. C.51-60.
10. Halikova E.A., Kazakov E.P., 1977. Le cimetre de Tanceevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a Irest. Budapest.
11. Kivikoski E., 1939. Die Eisenzeit im Auralflussgebiet. SMA, XLIII. K. F. Puomies Boktrykeri. A.-B.
12. Kivikoski E., 1973. Pohjoismaiden ja viron arkeologeilta. Helsinki.
13. Kokovski A., 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Pszeworskakultur // Memoires Archeologiques. Lublin.
14. Ksks P., 1969. Ett rittareldstel. Nordsvensk forntid. Skytteanska samfundets handlingar 6. Umee.
15. Lehtosalo-Hilander P.L., 1982. Luistari. II. The Artefacts // Suomen Muinaistoyhdistyksen Aikakauskairia. Helsinki/ V. 82:2.
16. Nosov E.N. Traces of Finno-Ugrian culture in Novgorod // Iskos. 9. Helsinki, p.81-91.
17. Salo U., 1990. Fire-striking implements of iron and Finnish myths relating to the birth of fire // Suomen muinaismuistoyhdistys finska fornminnesforeningen. Iskos. 9. Helsinki.
18. The Ancient Hungarians, 1996. Budapest: Hungarian National Musrum. 481 с.
19. Tvauri A., 2001. Muinas-Tartu. Tartu-Tallinn
20. Ulbricht I., 1984. Die Verarbeitung von Knochen, Gewein und Horn im mittelalterlichen Sxhleswig Neumunster.
21. Алексашенко Н.А., 2002. Трасология в археологии и этнографии Севера Западной Сибири: итоги и перспективы // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Академкнига. С.6-18
22. Алексеенко Е.А., 1967. Кеты: Историко-этнографические очерки. М.-Л.
23. Алисов Б.П., 1936. Географические типы климатов // Метеорология и гидрология. № 6.

24. Амелькин А.О., 1987. Знак на гребне с городища Иднакар (к вопросу о начальном этапе русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: НИИ при Сов.Мин. УдАССР. С.107-114.
25. Анучин Д.Н., 1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР, т.III. М. С.237-259
26. Анучин Д.Н., 1923. Открытие огня и способы его добывания. М.-Пг.: Государственное изд-во. 40 с.
27. Аркин Е.А., 1935. Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры. М.
28. Арматынская О.В., 1995. Орнамент резной кости чепецких городищ // Материалы исследования городища Идна-Кар IX-XIII вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.84-97
29. Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л. 523 с.
30. Арутюнов С.А., 1989. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука. 248 с.
31. Археология Западной Сибири в свете новейших открытий, 2002. Буклет выставки. Ханты-Мансийск. 16 илл.
32. Археология Республики Коми, 1997. М.: «ДиК». 758 с.
33. Архипов Б.А., 1973. Марийцы IX-X вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 200 с.
34. Архипов Б.А., 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края, в.8. Йошкар-Ола: МарНИИ. С.113-159.
35. Багин А.Л., 1998. Граффити из святилищ Европейского Северо-востока // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Материалы по археологии Европейского Северо-востока. В.15. Сыктывкар. С.73-91
36. Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья. Молотов: МОЛОТОВГИЗ. 118 с.
37. Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское кн. изд-во. 244 с.
38. Бауло А.В., Истомин М.Л., Федорова Н.В., 2005. Новые находки средневековых бронзовых изделий на севере Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии, № 4. С.126-135.
39. Башенкин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.: С.-Петербургский университет. С.3-29.
40. Безденежных Т.В., Карлюк Т.Н., 1990. Светильники. Коллекция осветительных приборов Пермского областного краеведческого музея. Пермь: Пермское кн. изд-во. 239 с.
41. Белавин А.М. и др., 1988. Археологические памятники бассейна р.Чусовой. Чусовой: Музей ист. р.Чусовой. 48 с.
42. Белавин А.М. Отчет о раскопках Рождественского городища на р.Обва в 1991 г. Рукопись. Хранится в МАЭ ПГПУ.
43. Белавин А.М. Отчет о раскопках Рождественского и Филиповского городища в 1993 г. Рукопись. Хранится в МАЭ ПГПУ.
44. Белавин А.М. Отчет об археологических исследованиях в Карагайском районе Пермской области в 1985 г. Рукопись. Хранится в МАЭ ПГПУ.

45. Белавин А.М. Отчет об археологических исследованиях в Чусовском районе Пермской области летом 1986 г. Рукопись. Хранится в МАЭ ПГПУ.
46. Белавин А.М., 1986. Городищенское городище на р.Усолке // Приуралье в древности и средние века. Устинов: УдГУ. С.130-142
47. Белавин А.М., 1987. Производственные поселки у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхне-го Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола: МарГУ. С.117-130.
48. Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Пермь: ПГПУ. 200 с.
49. Белавин А.М., Бординских Г.А., Мельничук А.Ф., 1989. Археологические памятники Соликамского района. Каталог. Соликамск: Соликамский краеведческий музей. 36 с.
50. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2001. Неволинские пояса в системе международных связей // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб.: СтИАиАМЗ. С.88-94
51. Белецкий С.В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные о проблеме происхождения города) // КСИА № 160: Средневековые древности Восточной Европы. М.: Наука. С.3-18
52. Белицер В.Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми // Труды ИЭ. Новая серия. Т.45. М.: Наука. 394 с.
53. Белорыбкин Г.Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН. 197 с.
54. Берх В.Н., 1921. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб.
55. Богаткина О.Г., 2002. Рачевское городище: анализ остеологических остатков животных // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы вторых халиковских чтений. Казань: Нац. центр археологических исследований АН РТ. С.203-206.
56. Богданова Е.В., Белавин А.М., 2006. Булгарская керамика Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. В.1. Пермь: ПГПУ. С.37-73
57. Богораз В.Г., 1901. Очерк материального быта оленных чукчей. Сб. МАЭ. Т.II.
58. Бояршинова З.Я., 1948. Погребальный ритуал в Басандайских курганах // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / Труды Томского государственного университета и пединститута. Томск.
59. Брей У., Трамп Д., 1990. Археологический словарь. М.: Прогресс. 368 с.
60. Брыкина Г.А., 1974. Карабулак. М.
61. Валиуллина С.И., Руденко К.А., 1991. Археологические исследования Билярского городища экспедицией КГУ в 1989 г. // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: КГУ. С.58-78.
62. Василевич Г.М., 1927. Игры тунгусов // Этнограф-исследователь. Л., № 1.
63. Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во. 232 с.
64. Васюткин С.М., 1980. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье.

Ижевск: УдГУ. С.72-91.

65. Верещагин Г., 1886. Вотяки Сосновского края // Зап. ИРГО по отд. Этнографии. Т.14, вып.2.
66. Вешевлиев В., 1981. За разнородната същина на първобългарите // Плиска-Преслав, 2
67. Викторова В.Д., 1968. Памятники лесного Зауралья в X – XIII вв. н.э. / УЗ ПГУ. № 191. Труды камской археологической экспедиции. Пермь. С.240-256
68. Воронина Р.Д., 1971. О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника // КСИА, вып.128. М.С.117-120
69. Гаврилина Л.М., 1985. Кочевнические украшения X в. // СА. № 3. С.214-226
70. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука. 190 с.
71. Генинг В.Ф., 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ, вып. 3. Свердловск: УрГУ. С.7-111.
72. Генинг В.Ф., 1967. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск. С.271-278.
73. Генинг В.Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: УдГУ. С.92-135.
74. Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализовано-статистические методы в археологии. Киев.
75. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1970. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ, в.9. Памятники ломоватовской культуры. Свердловск: УрГУ. С.30-56.
76. Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ, в.9. Памятники ломоватовской культуры. Свердловск: УрГУ. С.57-112.
77. Голдина Р.Д., 1972. Отчет об исследованиях Агафоновского могильника в 1971 году. Рукопись. РА ИА РАН, д.4395.
78. Голдина Р.Д., 1985 Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет. 280 с.
79. Голдина Р.Д., 1986. Исследование курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов: УдГУ. С.47-98.
80. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский университет. 174 с.
81. Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север. Киров: Департамент культ. и иск. администр. Кировской о-ти. С.5-23
82. Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Уральский университет. 215 с.
83. Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д., 1980. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области// Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: УдГУ. С.3-66.
84. Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.39-61.

85. Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН. 606 с.
86. Голубева Л.А. 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3. С.80-99.
87. Голубева Л.А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА, № 3, с.53-77
88. Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА, № 3, с.115-132.
89. Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. МИА, № 130. М.: Наука. С.257-260.
90. Голубева Л.А., 1973. Веси и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М.: Наука. 212 с.
91. Голубева Л.А., 1978. Игольники восточно-европейского Севера X-XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С.199-204.
92. Голубева Л.А., 1978а. Символы солнца в украшениях финно-угров// Древняя Русь и славяне. М. С.68-75
93. Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. В. Е1-59. 112 с.
94. Голубева Л.А., 1987. Марийцы// Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука. С.107-115.
95. Голубева Л.А., 1997. Амулеты// Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С.153-166.
96. Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // РА. № 4. С.94-109.
97. Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск. 198 с.
98. Гопак В.Д., 1986. Железообрабатывающее ремесло // Археология Украинской ССР. Т.3. Киев: Наукова Думка. С.417-428.
99. Город Болгар, 1988. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. 280 с.
100. Городцов В.А., 1937. Подчеремский клад // СА, № 2. М.-Л. С.113-148
101. Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 9. М., 267 с.
102. Губайдуллин А.М., Каримов И.Р., 2003. Города Волжской Булгарии. Казань: Каз. кн. изд-во. 48 с.
103. Давидан О.И., 1962. Гребни Старой Лядоги // АСГЭ, № 4. Л. С.95-108
104. Давидан О.И., 1974. Изделия из рога и кости Старой Лядоги как исторический источник. Автореферат канд. дис. Л., 26 с.
105. Давлетшин Г.М., 2004. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. Казань: Тат. кн. изд-во. 430 с.
106. Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного металла в Восточной Европе в X-XIII вв. М.: Искусство. 350 с.
107. Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука. 200 с.
108. Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской зем-

ли. М.: Кругъ. 448 с.

109. Джумабекова Г.С., 1996. «Клады» металлических изделий в Семиречье как исторический источник // XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апреля 1996 г). Тезисы. Часть II. Уфа: БНЦ РАН. С.27-29.
110. Динцес Л.А., 1936. Русская глиняная игрушка. М.-Л.
111. Дневник Теплоуховых. Архив ИИМК, фонд № 48.
112. Долдина А.Г., 1999. Коми-пермяцкая кухня. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во. 510 с.
113. Дубов И.В., 1982. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
114. Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.: ЛГУ. 257 с.
115. Дьяконова В.П., 1988. Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука. С.50-70
116. Евгалевский А.В., Потемкина Тат.М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т.1. Донецк: ДГУ. С.181-209.
117. Ешевский С., 1859. Заметка о пермских древностях // Пермский сборник, кн.1. М. С.135-142
118. Жеребцов Л.Н., 1971. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар.
119. Завьялов В.И., 1988. Черная металлообработка у древних коми-пермяков // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Межвузовский сборник. Ижевск: УдГУ. с.129-161.
120. Завьялов В.И., 2005. История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. 244 с.
121. Завьялов В.И., 2006. История кузнечного ремесла пермских народов (эпоха средневековья). Автореферат докторской диссертации. М. 54 с.
122. Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С.220-244.
123. Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
124. Зуев В.Ф., 1947. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов. ТИЭ. Нов. сер. Т.5. 96 с.
125. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург: Департамент культ. и иск. ХМАО. 320 с.
126. Зыков А.П., Пархимович С.Г., 1988. Изделия из железа и стали городища Погребенное I // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. С.152-160
127. Иванов А.Г., 1991. Качкашурский могильник IX-XIII вв. в бассейне р.Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. С.140-180.
128. Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. 308 с.
129. Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН. 163 с.
130. Иванов П.П., 1952. Материалы по истории мордвы VIII-IX вв. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск. 232 с.

131. Иванова М.Г., 1974. Хозяйство северных удмуртов во второй половине IX – начале XIII в. Канд. дис. ИА, д.5864.
132. Иванова М.Г., 1976. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.93-106
133. Иванова М.Г., 1979. Хозяйство северных удмуртов в конце IX – начале XIII в. н.э. // Северные удмурты в начале II тыс. н.э. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.6-69.
134. Иванова М.Г., 1982. Городище Гурья-Кар // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.3-26
135. Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. 184 с.
136. Иванова М.Г., 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия. 192 с.
137. Иванова М.Г., 1995. Городище Иднакар IX-XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989-1992) // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.4-55
138. Иванова М.Г., 1998. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. Ижевск. 294 с.
139. Иванова М.Г., Куликов К.И., 2000. Древнее искусство Удмуртии. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. 216 с.
140. Иванова М.Г., Куликов К.И., 2001. Древнеудмуртская мифология и Ригведа // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола. С.136-149
141. Иванова М.Г., Руденко К.А., 1998. Медная посуда из древнеудмуртского могильника у д.Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Проблемы средневековой археологии волжских финнов/ АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола: МарНИИ. С.107-120
142. Измайлов И.Л., 2000. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб.: ИПК «ВЕСТИ». С.79-86.
143. Истомина Т.В., 1992. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. С.127-136.
144. Истомина Т.В., 1999. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, с.76-102.
145. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века, 1951. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути.
146. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней, 2000. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука. 423 с.
147. Йовков С.М., 1978. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С.219-223.
148. Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Северного Поволжья. Казань. С.94-155.
149. Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во. 176 с.

150. Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука. 335 с.
151. Казаков Е.П., 1993. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ АНТ. С.117-129.
152. Казаков Е.П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX-XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С.170-179.
153. Казаков Е.П., 2004. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург.
154. Казаманова Л.Н., 1969. Введение в античную нумизматику. М.
155. Калевала 1956. Петрозаводск. 338 с.
156. Кананин В.А., 1985. Средневековые поселения верховьев р.Камы // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов: УдГУ. С.30-45.
157. Карачаров К.Г., 1993. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН. С.110-118.
158. Карачаров К.Г., 2002. Некоторые аспекты бытования бронзовой зооморфной пластики на севере Западной Сибири в IX – XIV вв. // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: УрО ИИиА РАН. С.127-129
159. Карачаров К.Г., 2004. Исследования на Сайгатинском VI могильнике в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО [39] // АО 2003 г. М.: Наука. С.411-414
160. Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т.I, М.-Л.: Изд-во АН СССР.
161. Каталог археологической коллекции, 1994. Нижний Чусовской городок. Ильинский. 15 с.
162. Кернер В.Ф., 2002. «Укрощение строптивой»: образ женщины в пластике Северной Евразии // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН. С.122-138.
163. Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д., 2003. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.: Славия. 184 с.
164. Козловская М.В., 2002. Пищевые новации производящего хозяйства // OPUS. М.: ИА РАН. № 2. С.26-42
165. Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань: ИА РАН, ИИ АНТ. 383 с.
166. Кокорина Н.А., 2004. Керамические котлы Волжской Булгарии X-XIII веков // КСИА, № 217. М.: Наука. С.34-45.
167. Колчин Б.А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА, № 2.
168. Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА, № 65. С.7-120
169. Колчин Б.А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево // САИ, Е1-55. М.: Наука.
170. Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С.156-177
171. Коми-пермяцкий автономный округ на рубеже веков, 2000. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство. 392 с.
172. Конаков Н.Д., 1983. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX –

начале XX в. М.

173. Конаков Н.Д., 1996. Традиционное мировоззрение народов коми: пространство и время. Сыктывкар.
174. Конаков Н.Д., 2002. Ви // Мифология коми. www.komi.com
175. Конаков Н.Д., 2002. Жатва // Мифология коми. www.komi.com
176. Кондратьева О.А., 1981. Зооморфные гребни IX-X вв. // КСИА № 166: Средневековые древности. М.: Наука. С.103-109
177. Кондратьева О.А., 1995. Гребни с кружковым орнаментом из древнерусских находок // Славяно-русские древности. В.3: Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.: С.-Петербургский ГУ. С.72-84.
178. Кондратьева О.А., 1999. «Язык» гребня. К вопросу о семиотическом статусе вещи // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С.80-88
179. Корзухина Г.Ф., 1977. Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука.
180. Королев К.С., 1980. Пезмогский могильник // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар: ИЯЛИ КФ АН СССР. С.116-124
181. Королев К.С., 1980а. Раннесредневековый могильник Шойнаты I // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар: ИЯЛИ КФ АН СССР. С.92-99.
182. Королев К.С., 1997. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: КНЦ УрО РАН. 196 с.
183. Корона О.М., Косинцев П.А., Терехова Л.М., 2002. Растительные продукты в погребальном обряде средневекового населения Сургутского Приобья // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Академкнига. С.170-172
184. Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.: Наука. 246 с.
185. Косарев М.Ф., 2003. Основы языческого миропонимания. М.: Ладога. 350 с.
186. Косменко А.П., 1984. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука. 200 С.
187. Косменко М.Г., 1978. Двухслойное поселение в устье р.Суны // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, с.136-175
188. Кочуркина С.И., 1973. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Л. 150 с.
189. Кочуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия. 344 с.
190. Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
191. Крейнович Е.А., 1973. Нивгху: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.
192. Кригер В.А., 1984. Погребения купчакского времени в могильниках у п. Лебедевка уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа: БФ ИИЯЛ АН СССР. С.102-116.
193. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника телячий Брод в Чусовском районе Пермской области в июле 2003 г. Рукопись. Хранится в МАЭ ПГПУ.
194. Крыласова Н.Б., 1988. Особенности печей Лысьвенского района Пермс-

кой области // Областная отчетная студенческая научная конференция. Тезисы докладов (секция исторических наук). Пермь: ПГУ. С.34-36.

195. Крыласова Н.Б., 1992. Костюм средневекового населения Верхнего Прикамья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Материалы 11 Уральского археологического совещания. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. С.136-142

196. Крыласова Н.Б., 1997. Материалы по истории костюма коми, как источник по истории этнических процессов в Верхнем Прикамье // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 26-27 мая 1995. Кудымкар. С.359-364

197. Крыласова Н.Б., 1999. Характерные накосники Прикамских женщин VIII-XI вв. // 14 Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск: ЧНЦ УрО РАН. С. 166-169

198. Крыласова Н.Б., 2000. Поясные наборы средневекового Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск: УдГУ. С. 309-312

199. Крыласова Н.Б., 2000а. Реконструкция поясных сумочек прикамских племен (по материалам могильников X-XI вв.) // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Пермь: ПОКМ. С.26-29.

200. Крыласова Н.Б., 2000в. Средневековые височные украшения Верхнего Прикамья // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Пермь: ПОКМ. С.29-31

201. Крыласова Н.Б., 2001. История прикамского костюма. Пермь: ПГПУ. 260 с.

202. Крыласова Н.Б., 2001d. Элементы воспитания и обучения у средневекового населения Пермского Предуралья на примере детских игрушек // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып.1-2. Сборник научных работ. Пермь: ПГПУ.С.33-38

203. Крыласова Н.Б., 2001а. Ткани и их использование в Пермском Предуралье в VIII-XI вв. // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск: УрО РАН. С. 387-398

204. Крыласова Н.Б., 2001в. Реконструкция костюма по материалам Рождественского и Огурдинского могильников X-XI вв. // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып.1. Березники. С.122-137

205. Крыласова Н.Б., 2001е. Женский костюм по материалам Каневского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара: СОИМК им. Алабина. С.226-241

206. Крыласова Н.Б., 2001с. Средневековый костюм Верхнего Прикамья как индикатор этнокультурных связей по Камскому торговому пути // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань: АНТ РАН. С.146-152

207. Крыласова Н.Б., 2002. Основные элементы «общеполгарского» костюма X-XI вв. по материалам Рождественского могильника в Пермском Предуралье // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань. С.89-105.

208. Крыласова Н.Б., 2003. Элементы огнива Рождественского археологического комплекса // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. В.III. Пермь, с.79-103.

209. Крыласова Н.Б., 2004. Семантика биметаллических кресал с антропомор-

- фной фигурой и птицами // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.312-320.
210. Крыласова Н.Б., 2004а. Гребни из материалов Рождественского городища на р.Обва как показатель этнокультурных связей // Путями средневековых торговцев. Пермь: ПГПУ. С.47-57
211. Крыласова Н.Б., 2004с. Керамические статуэтки из средневековых поселений Пермского Предуралья // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УДИИЯЛ. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.261-269
212. Крыласова Н.Б., 2005. Керамические валики (новая категория вещей, выделенная на средневековых городищах Пермского Предуралья) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы Международной научно-практической конференции. Кудымкар: КПООН ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. С.77-78
213. Крыласова Н.Б., 2005а. Родановские амулеты-ложечки // Современный музей как важнейший ресурс развития города и региона. Казань: НМРТ. С.178-181
214. Крыласова Н.Б., 2006. Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как «Один и вороны» // РА, № 4. С.64-74
215. Крыласова, Н.Б., 2003а. Каменные предметы из раскопок селища Телячий Брод на р.Усьва // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции, 6-10 октября 2003 г. Пермь: ПГУ. С.163-164.
216. Кулемзин В.М., 1984. Человек и природа в воззрениях хантов. Томск: ТГУ. 192 с.
217. Куликов К.И., Иванова М.Г., 2001. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. 64 с.
218. Культовые памятники Горно-лесного Урала, 2003. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН. 430 с.
219. Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М.: Наука. 216 с.
220. Куприянова З.Н., 1965. Эпические песни ненцев. М.
221. Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. В.1. Екатеринбург: Мин.культ. Свердлов.о-ти. С.130-146.
222. Лабутина И.К., Кальдюшевский В.И., Урьева А.Ф., 1981. Древнерусский некрополь Пскова // КСИА. № 166.
223. Лазарева С.В., 2003. Истоки производства предметов из кости, кожи и дерева у финно-угров Поволжья // Древности. М.-Казань. С.177-181
224. Ленц Г.Т., 2002. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. С.217-243.
225. Ленц Г.Т., 2004. Гребни городища Анюшкар // Путями средневековых торговцев. Пермь: ПГПУ. С.58-77.
226. Лесман Ю.М., 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА, № 166. С.98-103
227. Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М. С.29-136
228. Лехтосало-Хиландер П.Л., 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху Викингов // Финно-угры и славяне. Л. С.88-90.
229. Липина Л.И., 2006. Семантика бронзовых зооморфных украшений костю-

- ма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск. 24 с.
230. Литвинский Б.А., 1973. Керамика из могильников Западной Ферганы (I н.э.) // Могильники Западной Ферганы. Т.П. М.
231. Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.
232. Лобанов Н.А., 1989. Некоторые бытовые находки из Пскова // КСИА. Вып.195.
233. Лунегов И.А., 1959. Отчет о раскопках Редикарского могильника в 1958 г. Рукопись. Архив ИА РАН, Р1 3034.
234. Лушникова А.В., 2004. Модель универсума древних календарей. М.: ИЯ РАН. 260 с.
235. Любарских П., 1792. Краткое известие о Пермских Чердынских Вогуличах, собранное Свияжского монастыря Архимандритом Платоном фамилии Любарских. Российский Магазин. СПб., кн.1.
236. Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры // МИА 62.
237. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука. 164 с.
238. Мажитов Н.А., 1993. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.119-140
239. Макаров Н.А., 1982. Средневековый могильник Попово в Каргаполье / / КСИА. Вып.195.
240. Макаров Н.А., 1989. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.51-64.
241. Малоземова О.В., Морозов В.М., 1997. Разведочные раскопки 1991 г. и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Государственный университет систем управления и радиоэлектроники. С.190-203
242. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: СО РАН. 227 с.
243. Материалы по фольклору хантов, 1978. Томск.
244. Материальная культура, 1989. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука 224 с.
245. Матюков А.К., Лозямова З.Н., 2004. Ремесла обских угров. Ханты-Мансийск. 36 с.
246. Мельничук А.Ф., Соболева Н.В., 1986. Селище Пеньки – памятник Харинского времени на р.Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Устинов: УдГУ. С.99-109.
247. Мифологическое время, 2003. М.: «Эпифания». 216 с.
248. Мифология манси, 2001. Энциклопедия уральских мифологий. Т.П. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. 196 с.
249. Мифы народов мира, 1980. Т.1. М.: Советская энциклопедия. 672 с.
250. Мифы народов мира, 1982. Т.2. М.: Советская энциклопедия. 720 с.

251. Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990. М.: Главная редакция восточной литературы. 568 с.
252. Могильников В.А., 1991. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс.н.э. // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука. С.57-105.
253. Могильников В.А., 1997. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер.Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН. В.1. С.51-64
254. Морозов В.М., 1993. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.102-109
255. Морозов В.М., Сериков Ю.Б., 1999. Средневековый комплекс поселения Атымья I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. В.3. Екатеринбург: Мин.культ.Свердловской о-ти. С.175-182.
256. Моця А.П., 1993. Населения південно-руських земель X-XIII ст. Киев.
257. Мошанская И.В., 1973. Об одной категории западносибирской мелкой пластики. КСИА. Вып.136.
258. Мошинская В.И., 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА № 35. М. С.72-106
259. Мукминова Р.Г., 1976. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент. 234 с.
260. Мурыгин А.М., 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука. 182 с.
261. Наговицин Л.А., Иванова М.Г., 1995. Первобытнообщинный строй на территории Удмуртии // Материалы по истории Удмуртии. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.4-48.
262. Народы Европейской части СССР, 1964. // Народы мира. Этнографические очерки. М.
263. Нахапетян В.Е., 1995. Беловежские лучники // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: «Гилем». С.161-180
264. Недошивина Н.Н., 1963. Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.
265. Нечаев О.А., 1992. Изменения в керамическом производстве Верхнего Прикамья в XI-XIV вв. Дипломная работа. Рукопись. Пермь: ПГПУ. 110 с.
266. Нигамаев А.З., 2005. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань: КГУ. 226 с.
267. Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М: Иностранная литература.
268. Нижнетерский археологический микрорайон, 2001. Новосибирск: Наука. 256 с.
269. Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИ. 430 с.
270. Новикова Г.Л., 1988. Языческая символика кресаловидных привесок / Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докл. науч. конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков.
271. Оболенская С.В., 1990. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. М.182-198
272. Оборин В.А., 1951. Плеховский могильник на Каме // КСИИМК. Вып.XXXVI. М.-Л. С.200-205

273. Оборин В.А., 1956. Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИ-ИМК. Вып 56.
274. Оборин В.А., 1957а. Коми-пермяки в IX-XV вв.: (Родановская культура). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 26 с.
275. Оборин В.А., 1961. Отчет о работах археологической экспедиции коми-пермяцкого окружного краеведческого музея им.Субботина-Пермяка в сентябре и октябре 1960 г. Рукопись. Архив ИА РАН, Р1/2091
276. Оборин В.А., 1962. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье // ВАУ, № 2. Свердловск: УрГУ. С.95-99
277. Оборин В.А., 1962а. Отчет о работе археологической экспедиции ПГУ и коми-окружного краеведческого музея в июле 1961 г. Рукопись. Архив ИА РАН, Р1/2280
278. Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Памятники ломоватовской культуры. ВАУ, в.9. Свердловск: УрГУ. С.3-29
279. Оборин В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство. 190 с.
280. Оборин В.А., 1977. К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI-XVII вв. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука. С.162-168.
281. Оборин В.А., 1997. Взаимодействие природы и общества у древних коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар. С.155-157
282. Оборин В.А., 1999. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ. С.255-298
283. Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ ПГУ. № 191: Труды камской археологической экспедиции. Пермь: ПГУ. С.28-48
284. Овчинникова Б.Б., 2000. Культурные трансляции в центрально-азиатском регионе расселения древних тюрков в I тыс. н.э. // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань: НМРТ. С.7-29.
285. Ожегова М.Н., 1971. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Перебогатыре. Пермь: ПГПИ. 132 с.
286. Орбели И., 1938. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII-XIII вв. / Памятники эпохи Руставели. Л. С.301-326.
287. Останина Т.И., 1984. Два памятника Мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия. С.26-92.
288. Очерки истории Коды, 1995. Екатеринбург: «ВОЛОТ». 192 с.
289. Павлинская Л.Р., 1988. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука. С.222-252.
290. Памятники истории и культуры Пермской области, 1996. Т.1, Археология. Пермь: «Арабеск». 300 с.
291. Пархимович С.Г., 1992 Отчет о раскопках на севере Свердловской и Тюменской областей летом 1991 г. Свердловск. Рукопись.
292. Пастушенко, Волков, 1999. Курманаевский курганный могильник на средней Сылве: (итоги предварительного изучения) // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.53-65

293. Первухин Н.Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. В.П. М. С.13-127.
294. Перевозчиков С.Т., 1928. Порядок семейного моления в куале // Труды научного общества по изучению Вотского края, вып.5. Ижевск.
295. Петренко В.П., 1984. Финно-угорские элементы в культуре Средневековой Ладogi // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука. С.83-90
296. Петрухин В.Я., 1974. Миф о воскресающем звере и происхождении одного жертвенного ритуала // Проблемы истории СССР. Т.IV. М.: МГУ. С.33-55.
297. Плетнева С.А., 1958. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // МИА, № 62.
298. Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука. 288 с.
299. Плетнева С.А., 1990. Половцы. М.: Наука. 208 с.
300. Поветкин В.И., 1990. Об одной из детских забав на Руси // Материалы по археологии Новгорода, 1988. М.: Новгородский музей-заповедник. С.187-191.
301. Полидович Ю.Б., 2002. Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк. С.149-206.
302. Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука. 134 с.
303. Поляков Ю.А., 1960. Коноваловское селище // Учен. зап. ПГУ. Т.12. Пермь: ПГУ. С.207-218
304. Поляков Ю.А., 1963. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Пермской области в 1962 г. Рукопись. РА ИА РАН. Р-1, д.2477.
305. Поляков Ю.А., 1968. Раскопки Горюхалихинского городища // АО-1967. М.
306. Поляков Ю.А., 1978. Отчет о раскопках Назаровского городища в Ильинском районе Пермской области в июле 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7074.
307. Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ АНТ. С.154-268
308. Попов А.А., 1949. Материалы по истории религии якутов б.Вилуйского округа. Сб.МАЭ. Т.XI.
309. Происхождение вещей, 1995. Очерки первобытной культуры. М.: ННН, 272 с.
310. Прошлое Урала в фотографиях, 1993. Екатеринбург: Виролл ЛТД. 197с.
311. Путешествие Абу Хаида ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153), 1971. / Публикация Большакова О.Г., Монгайта А.Л. М. 136 с.
312. Равдина Т.В., 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука. 150 с.
313. Ражев Д.И., 2002. Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей. Дисс.... канд. ист. наук. Екатеринбург. Рукопись.
314. Рашев Р., 2001. Водные пути Дунайской Болгарии в эпоху средневековья и проблемы связей с Волжской Булгарией // Великий Волжский путь. Материа-

- лы круглого стола и международного научного семинара. Казань. С.224-234
315. Рейнсон-Правдин А.Н., 1949. Игра и игрушка народов Обского Севера // СЭ. № 3.
316. Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащие Пермскому музею, 1897. Пермь. Табл. I-XVI
317. Розенфельдт Р.Л., 1974. Егорьевская коллекция рязанских вещей // Археология Рязанской земли. М.: Наука. С.184-188.
318. Розенфельдт Р.Л., 1997. Керамика // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.: Наука. С.22-28
319. Розенфельдт Р.Л., 1997а. Ложки // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.: Наука. С.41-42
320. Руденко К.А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. Казань: НМРТ. 155 с.
321. Руденко К.А., 2004. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X-XIV вв. по археологическим данным. Казань. Рукопись. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. 648 с.
322. Руденко К.А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: «Школа». С.67-98.
323. Руденко С.И., 1914. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб. С.35-56.
324. Рыбина Е.А., Розенфельдт Р.Л., 1997. Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.: Наука. С.19-22.
325. Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X – XIV вв. // Археология СССР, САИ. В. Е 1-60. Л.: Наука. 123 с.
326. Рябинин Е.А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладогe (к истории общевосточных связей в предкингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН. С.5-59
327. Савельева Э.А., 1968. Средневековый могильник в верховьях Выми (Коми АССР) // УЗ ПГУ. № 191. Труды камской археологической экспедиции. Пермь. С.257-268
328. Савельева Э.А., 1971. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука. 224 с.
329. Савельева Э.А., 1973. Кичильковский могильник // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар: КФ ИЯЛИ АН СССР. С.63-98.
330. Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.
331. Савельева Э.А., 1995. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар: КНИЦ УрО РАН. С.92-138.
332. Савельева Э.А., Зеленский В.С., 1986. Хронология погребальных комплексов Ыджидьельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар. С.99-118
333. Савельева Э.А., Истомина Т.В., 1980. Веслянский II могильник // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар. С.100-115
334. Савельева Э.А., Истомина Т.В., 1986. Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-угры и славяне. Сыктывкар: ПГУ, СГУ. С.80-93

335. Савельева Э.А., Кленов М.В., 1992. Пожегское городище. Серия препринтов «Научные доклады». Вып.278. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. 33 с.
336. Сакса А.И., Тюленев В.А., 1990. Корела // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. 2. Русь, финны, саамы, верования. М.: ИА АН СССР. С.68-82.
337. Салангина С.В., 2004. Копоушки как исторический источник. Ижевск. Кандидатская диссертация. Рукопись. 430 с.
338. Сатлаев Ф.А., 1974. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). Горно-Алтайск.
339. Седов В.В., 1961. Древнерусское поселение близ д.Вязники // КСИА АН СССР, 85.
340. Седов В.В., 1970. Новгородские сопки. САИ. В.Е1-8. М. 58 с.
341. Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука. 327 с.
342. Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.: Наука. 158 с.
343. Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука. 196 с.
344. Седых В.Н., Макарова В.В., 2001. Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н.э. по материалам из кости (предварительное сообщение) // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс. христианской эры. СПб.: Староладожский ист.-архит. и археол. музей-заповедник. С.95-99
345. Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при СовМин УдАССР. С.5-135
346. Семенов В.А., 1982. Маловенижское городище Пор-Кар // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.27-51.
347. Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при Сов.Мин УАССР. С.92-118
348. Семенов В.А., 1988. Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.25-58
349. Семенов В.А., 1989. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. С.20-33.
350. Семенова В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука. 296 с.
351. Сериков Ю.Б., 2002. Каменные орудия для добывания огня // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: УрО ИИиА РАН. С.251-252.
352. Сидоров А.С., 1928. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л.
353. Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. В.1 // МАР, № 28.
354. Слюнин Н.В., 1895. Среди чукчей. Землеведение. Кн.IV.
355. Смирнов А.П., 1928. Донды-Карское городище. Тр. Научн. о-ва по изучению Вотского края. В.IV. М. С.26-61
356. Смирнов А.П., 1930. К вопросу о пермских шумящих подвесках // Труды РАНИОН. В.5. М.
357. Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.: АН СССР. 276 с.
358. Соколова З.П., 1963. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Труды ИЭ. Т.84. М.

359. Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела-Балой Вежи. МИА, № 75.
360. Спицин А.А., 1895. Приложения // Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18
361. Спицин А.А., 1902. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР, № 26. СПб.: Имп.Археологическая комиссия. 110 с.
362. Спицин А.А., 1915. Археологический альбом // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т.ХII. Пг.
363. Станилов Ст., 1984. Бронзовое огниво от с.Якимово, Михайловградски окръг // Археология, № 2-3, с.105.
364. Станкевич Я.В., 1993. О средневековых копоушках // Минувшее, сливаясь с настоящим... (Тихомировские чтения). Ярославль. С.27-28.
365. Старая Ладога. Древняя столица Руси, 2003. Каталог выставки. СПб.: Гос.Эрмитаж. 190 с.
366. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981 // Археология СССР. М.: Наука. 304 с.
367. Судаков В.В., Буланкин В.М., 2005. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX-XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С.269-280.
368. Сунгатов Ф.А., 1993. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН. С.93-101.
369. Талицкий М.В., 1936. Отчет о работах Верхнекамского отряда Камской археологической экспедиции в 1936 г. Архив ИИМК РАН
370. Талицкий М.В., 1937. Дневник работ Верхнекамского отряда Камской археологической экспедиции в 1937 г. Архив ИИМК РАН. Ф.43. № 13.
371. Талицкий М.В., 1940. Кочергинский могильник // МИА, № 1. М., с.159-168.
372. Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. № 22. М.: АН СССР. 192 с.
373. Тарабукин Н.М., 1994. Очерки по истории костюма. М.: ГИТИС. 158 с.
374. Томсинский С.В., 1985. Жилище населения Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: ПГУ. С.50-65.
375. Традиционное жилище..., 1997 - Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в., М.: Наука.
376. Третьяков П.Н., 1869. Туруханский край. Зап. ИРГО, т.2.
377. Угорское наследие, 1994. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгидат. 160 с.
378. Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески //Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. В.43. М.: Советская Россия. С.80-99
379. Усть-Полуй, 2003. I век до н.э. Каталог выставки. Салехард-СПб.: ИИиА УрО РАН. 76 с.
380. Фахрутдинов Р.Г., 1984. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука. 216 с.
381. Федорова Е.Г., 1988. Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука. С.80-96.
382. Федорова Е.Г., 1996. Система питания манси: взаимодействие различных культурных традиций // Историческое познание: традиции и новации. Ч.1. Ижевск:

УдГУ. С.106-113.

383. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 274 с.
384. Фехнер М.В., 1963. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.С.75-85.
385. Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 // Археология СССР. М.: Наука. 512 с.
386. Флерова В.Е., 1996. Домашние промыслы в Серкеле-Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийский степей второй половины I тыс. н.э. Самара: Областной историко-краеведческий музей. С.277-332.
387. Флерова В.Е., 2001. Резная кость Юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб: Г.Эрмитаж. 352 с.
388. Фрезер Д., 1985. Фольклор в Ветхом завете. М.
389. Халиков А.Х., Безухова Е.А., 1960. Материалы к древней истории Поволжья (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 г.). Горький: Горьковский государственный историко-культурный музей-заповедник. 60 с.
390. Харузина В., 1912. Игрушка у малокультурных народов // Игрушка, ее история и значение. М.
391. Хлебникова Т.А., 1975. К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА, № 1. С.234-251.
392. Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука. 240 с.
393. Хлобыстин Л.П., 1992. Святилища острова Войгач // Древности славян и финно-угров. СПб. С.164-169.
394. Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В., 1990. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток.
395. Хорошев А.С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.: Наука. 14-17.
396. Хузин Ф.Ш., 1995. Великий город на Черемшане. Казань: ИЯЛИ АНТ. 224 с.
397. Хузин Ф.Ш., 2001. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: ИИ АНТ. 480 с.
398. Чернецов В.Н., 1935. Вогульские сказки: Сб. фольклора народа манси (воулов). Л.: Худлитиздат. 143 с.
399. Чернов Г.А., 1955. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА, т. XXIII. М.: Изд-во АН СССР.
400. Черных Е.М., 1990. Средневековые жилища верхнего Прикамья // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Межвузовский сб. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет. С.101-114
401. Черных Е.М., 1992. Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э. М. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Рукопись.
402. Черных Е.М., 1992а. Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. – первой

половины II тыс. н.э. М. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 24 с.

403. Черных Е.М., 1994. Информационно-морфологические аспекты изучения древних вещей // История и эволюция древних вещей. М.: МГУ. С.50-54.

404. Черных Е.М., 1998. Домостроительство древних коми-пермяков (по материалам родановской культуры Верхнего Прикамья) // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь: ПГУ. С.83-95.

405. Черных Е.М., 2002. Древнепермское жилище: итоги археологического изучения // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: УдГУ. С.103-131.

406. Чеснокова Н.Н., Игушев А.Р., Багин А.Л., 1998. «Устьвым, владычный городок» XV-XVII вв. (первые результаты археологических исследований 1995 г.) // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып.15. Сыктывкар. С.164-184

407. Чижикова Л.Н., 1987. Жилище // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука. С.223-259

408. Шапран И.Г., 1984. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на Средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ. С.88-109.

409. Шарапов В.Э., 2002. Акань // Мифология коми. www.komi.com

410. Швецов М.Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников / / СА. №2. С.192-202.

411. Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г., 1979. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. М.

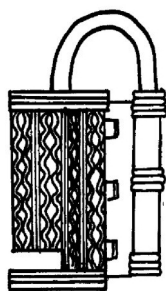
412. Шноре Э.Д., 1961. Асотское городище. Рига.

413. Штернберг Л.Я., 1893. Сахалинские гиляки // Этнографическое обозрение. № 4.

414. Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. 264 с.

415. Шутова Н.И., 1999. Женская одежда средневекового населения бассейна Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990-1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. С.210-231.

416. Ютина Т.К., 1984. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ. С.53-66.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук
АНТ – Академия наук Татарстана
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИХМ – Березниковский историко-художественный музей им.Коновалова
БНЦ – Башкирский научный центр
БФ – Башкирский филиал
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИТИС – Государственный институт театра и сцены
ДГУ – Донецкий государственный университет
ДТ – Дневник Теплоуховых
ИА – Институт археологии
ИИ – Институт истории
ИИиА – Институт истории и Археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
ИПК – издательско-полиграфический комплекс
ИЭ – Институт этнографии
ИЯ – Институт языкознания
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГУ – Казанский государственный университет
КНЦ – Коми научный центр
КПОКМ – Коми-пермяцкий окружной краеведческий музей им. Субботина-Перм-
яка
КПООН – коми-пермяцкий отдел общественных наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КТ – коллекция Теплоуховых
КФ – Коми филиал
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
МарГУ – Мерийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ ПГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья Пермского
государственного педагогического университета
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет
МИА – материалы и исследования по археологии СССР
НИИ при Сов.Мин.УдАССР – Научно-исследовательский институт при Совете
Министров Удмуртской автономной советской социалистической республики
НМРТ – Национальный музей республики Татарстан
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

ПГУ – Пермский государственный университет
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПФ – Пермский филиал
РА – Рукописный архив
РАН – Российская академия наук
РТ – Республика Татарстан
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СО – Сибирское отделение
СССР – Союз советских социалистических республик
СТИАиАМЗ – Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды института этнографии
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УДИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
УЗ – Ученые записки
УНЦ – Уфимский научный центр
УрО – Уральское отделение
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЧКМ – Чердынский краеведческий музей
ЧНЦ – Челябинский научный центр

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СИСТЕМА ПИТАНИЯ И УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ.....	13
1.1.СИСТЕМА ПИТАНИЯ	13
1.2. УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ.....	26
1.2.1. ПОСУДА ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ	28
1.2.2. УТВАРЬ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКИ	45
1.2.3. СТОЛОВАЯ ПОСУДА.....	49
1.2.4. СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ.....	57
1.2.5. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УТВАРИ.....	81
ГЛАВА 2. ЖИЛИЩЕ	85
2.1. КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	85
2.1.1 ЖИЛИЩА СРУБНОЙ КОНСТРУКЦИИ.....	88
2.1.2 ЖИЛИЩА СТОЛБОВОЙ КОНСТРУКЦИИ	100
2.3. ДЕТАЛИ ИНТЕРЬЕРА ЖИЛИЩ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	106
2.3.1 РАСПОЛОЖЕНИЕ ОЧАГА И ВНУТРИЖИЛИЩНЫХ ЯМ	106
2.3.2 НАРЫ.....	109
2.3.3 ПОЛ	110
2.3.4 МЕБЕЛЬ	110
2.4. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.....	111
2.4.1. ФРАГМЕНТЫ ШКАТУЛОК И СУНДУКОВ.....	111
2.4.2. ЗАМКИ И КЛЮЧИ	112
ГЛАВА 3. ОГОНЬ В БЫТУ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	123
3.1.КУЛЬТОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОГНЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ	123
3.2.ОРУДИЯ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ.....	125
3.2.1 КРЕСАЛА.....	127
3.2.2 ТРУБИЦЫ ДЛЯ ТРУТА.....	181
3.2.3 КРЕСАЛЬНЫЕ КРЕМНИ	182
3.2.4 ХРОНОЛОГИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ОГНИВА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	184
3.2.5 КРЕСАЛА КАК МАГИЧЕСКИЙ АТТРИБУТ.....	186
3.3.ОЧАГ	187
3.4 ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ	193
ГЛАВА 4. КОСТЮМ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ	200
4.1. ОДЕЖДА.....	200
4.2. ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА	201
4.3. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ НОШЕНИЯ В КОСТЮМЕ ОРУДИЙ ТРУДА ПОВСЕДНЕВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.....	216

4.3.1. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ КРЕПЛЕНИЯ СЪЕМНЫХ ДЕТАЛЕЙ...	216
4.3.2. СУМКИ И КОШЕЛЬКИ	223
4.3.3. НОЖНЫ	229
4.3.4. ФУТЛЯРЫ ДЛЯ ШИЛЬЕВ.....	233
4.3.5 ИГОЛЬНИКИ	236
ГЛАВА 5. ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ.....	248
5.1 ГРЕБНИ	248
5.1.1 ЗООМОРФНЫЕ ГРЕБНИ	249
5.1.2 ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗООМОРФНЫХ ГРЕБНЕЙ ...	257
5.1.3 СЕМАНТИКА ЗООМОРФНЫХ ГРЕБНЕЙ, МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ГРЕБЕШКИ-АМУЛЕТЫ	259
5.1.4 ЦЕЛЬНЫЕ ОДНОСТОРОННИЕ ГРЕБНИ С АРОЧНОЙ СПИНКОЙ.	264
5.1.5 СОСТАВНЫЕ ОДНОСТОРОННИЕ ГРЕБНИ.....	271
5.1.6 ЦЕЛЬНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ГРЕБНИ	275
5.1.7 СОСТАВНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ГРЕБНИ.....	279
5.1.8 ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРЕБНЕЙ	280
5.2 КОПОУШКИ	281
5.2.1 ТИПОЛОГИЯ КОПОУШЕК ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	282
5.2.2 ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОПОУШЕК	288
5.3 КОСМЕТИЧЕСКИЕ ЩИПЧИКИ (ПИНЦЕТЫ)	289
5.4 ТУАЛЕТНЫЕ КОРОБОЧКИ	293
5.4.1 КРУГЛЫЕ КОРОБОЧКИ.....	293
5.4.2 «САМОВАРЧИКИ».....	296
5.5 ЗЕРКАЛА	298
ГЛАВА 6. ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ	301
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	320
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	326
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	346

Научное издание

Крыласова Наталья Борисовна

**АРХЕОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
материальная культура средневекового Предуралья**

Монография

**КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА, ОРИГИНАЛ-МАКЕТ
И ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ ВЫПОЛНЕНЫ
НПЕ «АФКУЛА»**

ИБ № 231

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001.

Свидетельство о государственной аккредитации вуза

№ 1426 от 23.04.2004 г.

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,

тел. (342) 2-386-312

Заказы можно направлять по адресу:

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, научный отдел ПГПУ

тел./факс(342)212-70-19

Подписано в печать 15.12.2006. Формат 60х90/8

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс»

Усл. печ. л. 44,0. Уч.-изд. л. 30, 83. Тираж 500 экз.

Заказ № / 2006

Отпечатано в отделе Электронных издательских систем ОЦНИТ

Пермского государственного технического университета

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29а, оф. 113, тел. (342) 2-198-033

